

802-11
279

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга восьмая.

—
АВГУСТЪ.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, выходящій ежемѣсячно 1 го числа, книгами, съ особыми приложеніями, принимается: 1) въ Конторѣ Сына Отечества, въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Василія Петровича Полкова, на Невскомъ Проспектѣ, по линіи Гостиного Двора, подъ № 17. 2) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Цѣна за годовое изданіе **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**. За пересылку къ иногороднымъ прилагается 1 руб. 50 коп. серебромъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

212-11
233

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И КУДОУЩЕСТВЪ.

Книга восьмая.

АВГУСТЪ.

—♦—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Е. ЖЕРНАКОВА

1848.

802-11
279

СЫНЪ
ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга восьмая.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА
1848.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЬМОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

- Полковникъ Палии и его участіе въ Полтавскомъ сраженіи. Соч. *А. Савельева-Ростиславича*. 1—20
Подвигъ Фрегата Венуса, у береговъ Сициліи, въ 1807 году. Соч. *В. Войта*. 21—56

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

- Внутреннія извѣстія. — Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. — Высочайшій рескриптъ, данный на имя главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генераль-адъютанта князя Воронцова. — О вступленіи Россійскихъ войскъ въ Молдавію и Валахію. — Циркуляръ Россійскимъ миссіямъ въ Германію, Государственнаго Канцлера, графа Нессельрода. — Высочайшій Манифестъ. — Указы Правительствующему Сенату. — Указъ Господину Военному Министру. — Иностранныя извѣстія. Обзоръ современныхъ, замѣчательныхъ событій за границую. (Англія. — Ирландія. — Франція. — Германія. — Венгрія. — Богемія. — Дакія. — Италия. — Испанія. — Португалія. — Греція. — Египеть.) 1—68

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Люблю тебя! Соч. *Θ. М.* 1—2
Добро и зло. Романъ. Соч. *П. Фурманна*. Часть первая. 3—72

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Землемѣръ. Романъ *Купера*. (Продолженіе). 1—40

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- Свеклосахарное производство въ Россіи. *А. С—каго*. 1—32

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 31-го іюля 1848 года.

Цензоръ *А. Фрейшамъ*.

Цензоръ *И. Срезневскій*.

Редакторъ *К. Масальскій*.
Издатель *К. Жеряковъ*.

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Опытъ о народномъ богатствѣ, или о началахъ политической экономіи. Соч. Бутовскаго. (Отвѣтъ на нѣкоторыя изъ критикъ).—Систематическое описаніе Помпей. Соч. В. Классовскаго. (Окончаніе). — Письма о Магометанствѣ. — О свиданіи за гробомъ. Соч. Иоанна, сочинителя Духовно-врачебнаго ученія. — Сумскій, или нѣчто въ родѣ быль. Соч. Александры Плохово. — Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ. Соч. И. Срезневскаго. 1—64

VII. СМѢСЬ.

Письма путешественника къ друзьямъ. Соч. П. Фурманна.—Дѣтство Шекспира. (Разсказъ Тивка).—Наполеонъ въ булонскомъ лагерѣ. (Изъ воспоманій Германца).—Манилья и ея жители.—Необыкновенно-легкая, но вмѣстѣ съ тѣмъ самая невыносимая работа.—Необыкновенное доказательство богатства русскаго языка.—Дешевая покунка. — Нѣсколько словъ о Шатобрианѣ.—Петербургскія моды. — Новыя русскія книги.—Новыя французскія книги. 1—80

Къ этой книгѣ *Сына Отчества* приложена парижская картинка модъ.

Всего 26 печ. листовъ.

Русская Исторія.

ПОЛКОВНИКЪ ПАМІЙ И ЕГО УЧАСТІЕ ВЪ ПОЛТАВСКОМЪ СРАЖЕНІИ.

Ужасно было положеніе Украины въ XVII-мъ столѣтіи, ворабощенной, униженной и разграбленной свирѣпыми врагами. Храмы были на откупѣ у жидовъ, духовенство поругано; гетманы гибли отъ рукъ варшавскихъ палачей; ни одинъ Малороссіянинъ не могъ поручиться за жизнь и собственность. Въ половинѣ XVII-го вѣка, герой Малороссіи, знаменитый гетманъ Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій (1647 г.) освободилъ свою родину отъ ига и слилъ ее съ Великою Россією *Переяславскимъ договоромъ* 8-го января 1654 года. Вскорѣ освобождена Бѣлоруссія; Вильно, столица великаго княжества литовскаго, пала предъ соединенными войсками царя Алексія Михайловича, провозглашеннаго вскорѣ послѣ того наслѣдникомъ польскаго престола. Но 15-го августа 1657-го года, въ день Успенія Божіей Матери, Богдана Хмѣльницкаго не стало, а съ нимъ не стало мира и тишины въ Украинѣ.

Еще 6-го августа, благодарный народъ избралъ преемникомъ Богдану—юнаго сына его, Юрія Хмѣльницкаго. Гетманъ сперва было на это не соглашался; наконецъ упрошенный казачами, согласился, но придалъ Юрію советниковъ: храбраго и вѣрнаго полтавскаго полковника Пушкаря и генеральнаго писаря Виговскаго; избирая ихъ, онъ сказалъ, что вручаетъ сына покровительству Божію и передаетъ анаемъ того, кто совратитъ юношу съ пути истинны, передаетъ анаемъ и само-го Юрія, если онъ пойдетъ путемъ строптивымъ и удалится отъ правоты, чести и христіанской добродѣтели. Предчувствіе Богдана сбылось. Не того, чѣмъ ознаменовалъ себя Юрій, ожидали казаки, избирая его на гетманство! Иванъ Виговскій, хитрый Полякъ, взятый въ плѣнъ въ началѣ Богданова гетманства, приобрѣлъ неограниченную довѣренность Богдана и, въ благодарность къ памяти своего благодѣтеля, похитилъ у сына его гетманскую булаву. Но проклятіе стараго Хмѣльницкаго разразилось надъ главами Виговскаго и Юрія. Достигнувъ гетманства, Виговскій былъ самопроизвольно разстрѣлянъ буйнымъ паномъ Маховскимъ въ 1664-мъ году. Другой измѣнникъ Тетеря, въ томъ же году, избранный королемъ въ гетманы, вскорѣ сложилъ съ себя это достоинство, надѣясь спокойно умереть въ Польшѣ, но дожидень былъ бѣжать въ Турцію и умереть въ Адрианополь, ибо сеймъ уже забылъ его заслуги и въ угодность Запорожцамъ, ненавидѣвшимъ гетмана, опредѣлилъ въ 1665-мъ году казнить его смертью. Тогда явился третій предатель, бывшій слуга Богдана Хмѣльницкаго: Иванъ Брюховецкій, достигшій гетманства, обласканный царемъ и послѣ измѣны погибшій въ 1668-мъ году, въ Опашнѣ, подъ дубьемъ раздраженныхъ казаковъ. А прежній господинъ его, Юрій Богдановичъ Хмѣльницкій, два раза избранный казачами, два раза былъ лишентъ гетманскаго достоинства, отрекся отъ міра, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1663-го года, вступилъ въ монахи въ лубенскій монастырь, и послѣ разныхъ приключеній, увлеканный честолюбивымъ желаніемъ возвратитъ гетманскую булаву, принявъ въ Стамбулѣ магометанство, забылъ страхъ Божій, заглушилъ голосъ совѣсти и чести, подъ турецкими

бунчуками пришелъ въ Малороссію, и въ Украинѣ попался въ руки Полякамъ, которые лишили его зрѣнія, повѣсили за ребро на суку и залили ему расплавленнымъ оловомъ горло. Юрій Хмѣльницкій, заслужившій проклятіе отца, умеръ въ ужасныхъ мученіяхъ въ 1680-мъ году.

Андрусовскій договоръ, заключенный 3-го января 1667-го года, раздробилъ Малороссію, отдѣливъ отъ нея часть Польши, отъ которой въ свою очередь отдѣлена часть Портою. Народъ негодовалъ. Такимъ положеніемъ дѣлъ воспользовался властолюбивый Дорошенко, возведенный Юріемъ изъ чигиринскихъ казаковъ въ полковники; онъ жертвовалъ родиною и честью для собственныхъ выгодъ, для пріобрѣтенія владычества надъ Україною; былъ любимъ Украинцами, какъ храбрый полководецъ, и возбудилъ противъ себя общую ненависть, когда сдѣлался вожатымъ турецкаго султана, и потомъ печально кончилъ остатки дней своихъ въ московской губерніи, волоколамскаго уѣзда, въ Ярополческой волости.

Не стало Хмѣльницкаго, не стало Дорошенки и Сирки; Малороссія изнемогала, когда на сцѣнѣ явились три главные дѣятеля, располагавшіе судьбою всей Украинѣ, то были: полковникъ хвостовскій Палій, полковникъ виницкій Самусь и гетманъ Мазепа.

Семень Палій или Палый, полковникъ хвостовскій, родился въ Борзнахъ (въ 156 верстахъ отъ Чернигова). Отецъ его былъ простымъ казакомъ. Онъ внушалъ юному сыну страхъ Божій и любовь къ родинѣ, поэтому за родину и честь Семель Палій не жалѣлъ ни крови, ни жизни. И вотъ, въ восемнадцатъ лѣтъ, обстрѣленный татарскими и польскими пулями, объѣздивъ изъ края въ край безграничныя степи Малороссіи, Палій сталъ въ душѣ казакомъ.

Дорошенко, владея всею заднѣпровскою Україною (1670 г.), имѣлъ немного такихъ витязей-казаконъ, каковы были Палій; за то онъ и любилъ его и чаще всѣхъ надблалъ какъ ласковымъ словомъ и добычей, такъ и казацкой посылкой—перевѣдаться съ непріателемъ. Но Палію не по праву былъ

Дорошенко; онъ оставилъ его и пошелъ искать удачи въ другомъ мѣстѣ.

Палій былъ тогда уже круглымъ сиротою: отца убили Поляки, мать умерла, и не стало у него ни роду, ни племени. Между тѣмъ онъ узналъ, что какая-то вольная казацкая шайка кочуетъ по Днѣпру, между Кіевомъ и Трубежомъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, заходитъ за Бугъ и Десну, не признаетъ ничьей власти, воюетъ съ Поляками и Татарами, а иногда и съ самымъ гетманомъ правой и лѣвой стороны. Палій вздумалъ попытать счастья съ этими молодцами. Новые товарищи приняли его радушно и вскорѣ за казацкую отвагу и доброе товариство (товарищество), выбрали въ старшины. Какъ удалой казакъ и петинный сынъ Украйны, онъ не могъ простить Полякамъ смерти отца, угнетенія Украйны, и теперь, любимый своими товарищами, онъ отмщаль имъ по-казацки. Весною, Палій обыкновенно созывалъ товарищей на раду; на сей они рѣшали, куда идти, на Татаръ или на Польшу, и потомъ шеслись за добычею за Горынь, Случь и далѣе.

Хотя на широкихъ и пустыхъ степяхъ не было ни тропинки, ни слѣда, какъ на морѣ; но Палій и Самусь, какъ говоритъ малороссійская летопись, съ своими ватагами, хорошо знали ихъ и ѣздили по нимъ, какъ по большимъ дорогамъ. Опасаясь преслѣдованія Татаръ, они по мѣсяцу не разводили огня, питались разъ въ день толокномъ и толчеными сухарями, не давали ржать конямъ, крылись по камышамъ и тростникамъ; чтобы уничтожить слѣдъ свой, съѣзжались и разъѣзжались; днемъ узнавали путь по грунту земли, по могиламъ и по солнцу, ночью по звѣздамъ, вѣтру и ручьямъ (а отсталые по терновымъ веткамъ и кускамъ одежды), «и тако Татаръ высмотрѣвши, нечаянно нападали и малымъ людямъ великія ихъ куды разбивали.»—Лишь Палій выберется изъ степи, да завидитъ замокъ, соколомъ налетитъ на него съ своими молодцами, принудитъ къ сдачѣ, овладѣетъ добычей и пойдетъ далѣе потышаться надъ шляхтичами и жидами. Удача радовала удалцовъ, неудача не печалила. Не случилось поживиться добычей въ одномъ мѣстѣ, они шесутся

въ другое; пошастливилось—и забыто горе, и пошли у казаконъ пиры да веселья. Палій орломъ леталъ на своемъ сѣромъ конѣ впереди братьевъ-товарищей и не рѣдко изъ Польши устремлялся на Татаръ, а натѣшась тамъ вдоволь, съ отбитыми табунами коней и стадами овецъ возвращался въ свое ставовище.

«Семень Палій»—говоритъ Георгій Кошкскій—«женился въ Хвастовѣ и былъ сперва полковникомъ охочекомоннымъ, потомъ произведенъ гетманомъ Мазепою въ полковники регистровыхъ казаковъ хвастовскихъ; но, сверхъ того, держалъ онъ при себѣ и охочекомонныхъ казаковъ на своемъ жалованьи или выделяя имъ часть изъ добычи, всегда воевалъ за всякаго, кто бы его ни пригласилъ. Такимъ образомъ воевалъ онъ вмѣстѣ съ королемъ польскимъ Собѣскимъ, за цезаря нѣмецкаго противъ Турковъ, воевалъ и за Турковъ противъ партіи Собѣскаго. Между тѣмъ велъ безпрестанныя войны со всеми Татарами за отгонъ ими пленниковъ изъ державъ христіанскихъ, которыхъ отбивалъ и возвращалъ въ прежнія жилища, и за то обсылаемъ былъ отъ государей и владѣтелей тѣхъ народовъ подарками и почестями. Да и отъ самыхъ Татаръ взымалъ нѣсколько разъ различныя контрибуціи; а паче когда взялъ было въ плѣнъ самаго хана Османъ-Гирея и нѣсколько ханскихъ калгивѣ. Тутъ они не щадили и самыхъ остатковъ сокровищъ предка ихъ Чингисъ—Хана, ибо Батыевы сокровища, награбленные въ Россіи, истощилъ уже у нихъ запорожскій кошевой Сѣрко, которому Палій во многомъ подобылся. И онъ жилъ себѣ, какъ владѣтельный князь, въ полной славы и изобиліи, признавая, впрочемъ, верховнымъ начальникомъ надъ собою малороссійскаго гетмана и исполняя все его предписанія, касающіяся до службы и устройства войсковаго.»

Полковникъ хвастовскій жилъ, какъ независимый удѣльный князь, владѣя землями до Днѣстра и Случи; былъ богатъ, имѣлъ свой станъ какъ у гетмана. Имя его славилось во всей Украйнѣ. Народъ любилъ Палія, всегда побдителя надъ врагами, почему и говорили, что у него въ самопалѣ серебряныя пули, что саблю его ковали не-люди, что и самъ

онъ чародѣй. Такъ жилъ полковникъ хвастовскій и счастьемъ своимъ возбудилъ зависть въ черной душѣ гетмана.

Достигнувъ высшей степени могущества въ Украинѣ, Мазепа однакожъ сознавалъ, что не любовь народная вручила ему управленіе страной, которую онъ никогда не любилъ и которую хотѣлъ обладать только изъ одного честолюбія и корысти; онъ понималъ, что народъ видитъ въ немъ не избавителя родной Украинѣ, а только усыновленнаго питомца іезуитовъ, * и потому въ каждомъ лицѣ, приобретающемъ любовь или уваженіе народа, видѣлъ своего заклятаго врага и соперника. Лазутчики рыскали по всей гетманщинѣ, за каждое легкомысленное слово противъ Мазепы можно было поплатиться свободой, и даже жизнью. Вырвавъ булаву изъ рукъ доверчиваго старика Самойловича, онъ заглушилъ голосъ совѣсти, и съ того времени грабительства, насилуваніе женщинъ, побой, мучительства и убійства превзошли мѣру самыхъ ожесточенныхъ злодѣевъ: не даромъ въ 43 года Мазепа казалась уже свѣдѣмъ, дряхлымъ старикомъ!

Слава Палія гремѣла по Малороссіи: Мазепа рѣшился, во что бы то ни стало, погубить хвастовскаго полковника.

Въ Польнѣ, въ это время, стали поговаривать, что казаки, подстрекаемые Турками, начали возмущаться подъ предводительствомъ полковника хвастовскаго: но сами же польскіе историки свидѣтельствуютъ, что Украинцы, угнетаемые польскими панами и войсками, жаловались Яблоновскому, который напрасно доносилъ объ этихъ злоупотребленіяхъ королю. Рѣчь посполитая не хотѣла удовлетворить справедливымъ требованіямъ, и вѣщанья не прекращались, такъ что Яблоновскій долженъ былъ двинуться въ западную Украину. Казаки отступили отъ Ставищъ къ Хвастову и тамъ заперлись; городъ взяли приступомъ; осажденные отступили въ замокъ и ночью скрылись. Яблоновскій хотѣлъ-

* Иванъ Степановичъ Мазепа, по увѣренію Феофана Прокоповича и Гордона, лично знавшихъ гетмана, былъ Малороссійанинъ; послѣдній и Шафонскій говорятъ, что онъ родился въ сѣлѣ Мазеницахъ, кіевской губерніи, близъ Бѣлой-Церкви; а Вольтеръ, Леклеркъ, Голковъ, Симоновскій и Лесюръ утверждаютъ, что онъ былъ польскій шляхтичъ—изъ Подолія.

было ихъ преслѣдовать, но вдругъ разнеслись слухи, что Турки опустошаютъ Волинью, Червонную Русь, грабятъ и разоряютъ имѣнія королевскія, равно какъ и принадлежащія самому Яблоновскому, что даже самъ король въ Злочовѣ едва не попался въ плѣнъ Туркамъ: Поляки рѣшились оставить Палія въ покоѣ и пошли къ границамъ республики. Обрадованный Палій повѣхалъ на поклоненіе святымъ въ Кіевъ; на дорогѣ, его схватили Поляки и отправили на вѣчное заключеніе въ Магдебургъ. Никто такъ не обрадовался заточенію Палія, какъ Мазепа. Онъ подкупилъ казачку Палія, надѣясь черезъ нее доискаться полковничьихъ кладовъ, но все поиски были безуспѣшны и бѣдная казачка погибла отъ руки раздраженнаго гетмана.

Палій уже около года томился въ неволѣ у Ляховъ. Казаки, искренно любя своего «батька», захватили множество знатныхъ Поляковъ и грозили закабалить ихъ въ Крымъ, если польское правительство не захочетъ обмѣняться съ ними на Палія. Но угроза не подѣйствовала на Поляковъ; они очень хорошо знали, что Мазепа ненавидитъ Палія и самъ, безъ всякаго выкупа, постарается освободить плѣнныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, по представленіямъ польскаго правительства, Мазепа просилъ объ нихъ Царя; Государь позволилъ, и плѣнники были освобождены; о бѣдномъ же хвастовскомъ полковникѣ, — рѣчи посполитой—не сказано было ни полу-слова.

Однакожъ казаки не унывали: не удалось выручить «батька» честно, такъ можно добыть хитростью. Изъ Малороссіи вскорѣ пошелъ въ Германію купеческій обозъ съ пшеномъ, кожами, казачкою сбруею и шерстью. Въ фурахъ, подъ шерстью залегли триста казаковъ. Торговцы, проѣзжая мимо Магдебурга, просили позволенія ночевать въ городѣ; ихъ выпустили. Воловики, по обыкновенію, откупили часть травы подъ городомъ и угнали туда скотъ пасться на ночь. А казаки ночью выльзали изъ фуръ, подкрались тихо къ крепости, обезоружили и связали стражу, отыскали мѣсто, гдѣ сохранился полковникъ, потомъ вывели его изъ темницы, въ придачу взяли еще четыре легкихъ пушки съ ихъ снарядами и

удалились, оставя въ замѣнь Палія порожнія фуры съ чучелами, «*якобы спящихъ подъ напредками.*» Такъ прошла вся ночь и часть дня, пока городское начальство успѣло осмотрѣться и послать за ними погоню; но всѣ старанія догнать ихъ остались тщетными. Впрочемъ, чтобъ не даромъ пропадало казачье добро и желая вознаградить себя за убытки, казаки, возвращаясь домой, разграбили и разорили имѣнія польскихъ пановъ, которые участвовали въ заключеніи Палія, и такимъ образомъ съ процентами вознаградилъ свои убытки.

Не успѣвъ хвастовскій полковникъ хорошенько отпировать возвращеніе свое на родину, какъ пришли въ Украину, безъ всякаго королевскаго приказанія, но съ согласія польскаго короннаго гетмана, полки гусарь, подкрѣпляемые нѣмецкою и польскою пѣхотою и артиллеріею, съ большою суммою денегъ и запасомъ универсаловъ къ народу противъ Палія. Получивъ извѣстіе объ ихъ приближеніи къ Хвастову, онъ далъ честное слово своимъ молодцамъ отмстить Ляхамъ по-казацки: «*пусть не ходятъ они въ Украину, не разорютъ народа безвиннаго и безъ того бѣднаго.*» Часть казаковъ, подъ начальствомъ Палія, укрѣпилась въ Хвастовѣ, а другая заняла сады и рощи хвастовскіе. Поляки подступили къ городу; Палій далъ сигналъ—казаки бросились на нихъ съ фронта и фланговъ, разстроили, смяли и обратили ихъ въ бѣгство; множество пѣвинныхъ, обозъ и вся артиллерія достались побѣдителямъ. Однакожъ Поляки еще не хотѣли оставить Палія въ покоѣ: они собрали отрядъ, подкрѣпили его «*волонтирами изъ знатной шляхты и своихъ папичей*» и, ввѣривъ начальство надъ нимъ одному Венгерцу, полковнику Рустичу, отправили въ Украину. Палій же, слыша объ ихъ приготовленіи, уговорилъ соединиться съ нимъ заднѣпровскихъ полковниковъ Абазу и Искру, безъ вѣдома наказнаго гетмана Самуся.—Самуиль Иваненко, извѣстный въ просторѣчій подь именемъ Самуся, былъ избранъ польскимъ королемъ, по смерти Могилы, въ достоинство гетмана западной Украины; онъ былъ вѣрнымъ слугою не столько Польшѣ, сколько своей родной Малороссіи и за то пользо-

вался полнымъ уваженіемъ Палія. Живя въ городѣ Винницѣ (подольской губерніи), полковникъ винницкій, съ своими Запорожцами, наводилъ страхъ на Татаръ и, разбивъ ихъ подь Аккерманомъ и Килією, разорилъ ихъ жилища, угналъ скотъ и взялъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ, освободилъ множество плѣнныхъ христіанъ, которыхъ и препроводилъ въ Венгрію, Польшу и Россію, за что Мазепа и называлъ его своимъ наказнымъ или полевымъ гетманомъ. Не смотря на эти отношенія Самуся къ Мазепѣ, Абаза съ Искрою усилили своими казаками отрядъ Паліевъ, который послѣ того смѣло двинулся къ Бердичеву противъ Рустича. На разсвѣтъ началась битва; Палій опять одержалъ побѣду; только небольшою непріятельскіей отрядъ спасся въ замокъ Май-желевскій. Казаки обложили замокъ и нѣсколько дней держали его въ осадѣ; наконецъ, самъ Рустичъ, видя, что Полякамъ не устоять, и заботясь только о своей жизни, спустился съ каменной стѣны замка по веревкѣ и бѣжалъ, оставивъ отрядъ свой и обозы, на жертву раздраженнымъ казакамъ. Палій вошелъ въ замокъ, истребилъ всѣхъ непріятелей и овладѣлъ богатою добычею.

Послѣ этого Поляки помирились съ Паліемъ, и въ томъ же 1691-мъ году полкъ Хвастовскій получилъ въ награду отъ короля двѣ тысячи золотыхъ.

Обезопасивъ себя со стороны Польши, Палій принялся опять за Татаръ, которые три раза врывались въ его владѣнія, во время магдебургскаго плѣна: въ 1692-мъ году, онъ побывалъ подь Очаковомъ и возвратился оттуда съ богатой добычей и татарскими стадами; въ 1693-мъ году, взявъ съ собою Лубенскій казачій полкъ и соединясь съ другими удалцами, разбилъ сильный татарскій отрядъ, подь Кизикерменемъ (нынѣ Бериславъ, херсонской губерніи въ 71 верстѣ отъ Херсона), сжегъ предместье города и умертвилъ многихъ жителей; въ этомъ же году, онъ сражался двое сутокъ при урочищахъ Кодымъ (между рѣками Днѣстромъ и Бугомъ) у Васютюва Яра, съ Татарами бѣлгородскими и ногайскими, шедшими на Кіевъ и, обративъ ихъ въ бѣгство, жестоко опустошилъ часть Бессарабіи.

Двѣствуя съ успѣхомъ противъ Поляковъ и Татаръ, Палій рѣшился вступить въ службу Государя московскаго. Онъ обратился съ просьбою объ этомъ къ Мазепѣ; общалъ служить Его Царскому Величеству верно и честно, и только просилъ позволенія жить съ товарищами въ городахъ подвластныхъ Царю. Палій желалъ поступить въ подданство Россіи, безъ всякаго сомнѣнія, съ прямымъ намѣреніемъ быть вѣрноподаннымъ Царя православнаго, оставаясь по-прежнему вѣрнымъ сыномъ своей родной Украйны; но Мазепа смотрѣлъ другими глазами на эту просьбу. Онъ предполагалъ, что Палій навѣрно знаетъ, кто подослалъ-было къ нему трехъ убійцъ изъ Татаръ, полатившихся впрочемъ собственною живію: подозрѣвая въ просьбѣ только скрытый обманъ, Мазепа согласился на мирные договоры, заключенные между Россіею и Польшею, и запретилъ своимъ полковникамъ принимать Палиевцевъ къ себѣ въ службу; въ то же время онъ извѣстилъ польскаго короля Августа II о желаніи хвастовскаго полковника вступить въ подданство Россійскаго Государя, прибавя къ тому, что Палій хочетъ всю западную Украйну сдѣлать владѣніемъ царскимъ, а въ Москву писалъ, что Палій, бунтуя за Днѣпромъ, предпринимаетъ злой умыселъ и противъ Россіи, желая возмутить народъ по сю сторону Днѣпра. Польскій дворъ, опасавшійся хвастовскаго полковника, немедленно послалъ противъ него войско; а Мазепа подкупилъ жидовъ схватить Палія и доставить къ нему живаго. Однакожъ польское войско было разбито, подкупленные жида пойманы и повѣшены, а напавшіе въ то же время Татары едва спаслись бѣгствомъ. Неудача бѣсила Мазепу: гетманъ теперь уже началъ опасаться, чтобы Палій не вздумалъ съ нимъ начать открытой вражды.

Между тѣмъ Палій, получивъ отказъ отъ двоюдушнаго гетмана, добровольно пошелъ противъ грабителей. Желая наказать Крымцевъ, онъ въ 1694-мъ году, переправясь черезъ Днѣпръ, соединился, въ запустѣломъ мѣстечкѣ Лисянкѣ, съ полковниками охочекомонными: Пашковскимъ и Кузменкою, и кievскимъ полковникомъ Мокіевскимъ, преемникомъ Коровки. Казаки пошли степью, мимо Умани, къ мѣстечку Ба-

банкъ и въ пять дней, не отдыхая даже ночью, пришли къ рѣкѣ Бугу, оттуда съ такою же быстротою достигли они Очакова. На дорогѣ имъ встрѣтился татарскій отрядъ; казаки окружили его и принудили положить оружіе. Въ верстѣ отъ Очакова отрядъ раздѣлился на двѣ части: одна часть, состоящая изъ 800 казаковъ, подъ начальствомъ Мокіевскаго и Кузменки, двинулась къ городу, а Палій и Пашковскій остались съ такимъ же отрядомъ на мѣстѣ. Нивы запылали. Огонь показалъ Татарамъ, что опасность близка; тогда изъ города вышли человекъ пятьдесятъ, Мокіевскій и Кузменко, раздробивъ свои силы, стали отступать, заманивая Татаръ все ближе и ближе къ Палію. Видя изъ города, что казаки отступаютъ, очаковскій бей вывелъ въ поле еще четыреста человекъ пѣхоты, полтораста конныхъ и устремился съ ними на казаковъ. Татары за густымъ дымомъ не могли разглядѣть, что къ отступающимъ казакамъ спѣшить на помощь съѣзжій отрядъ Палія. Палій, 3-го августа, напалъ на Турокъ, преслѣдовалъ ихъ до городскихъ воротъ, положилъ на мѣстѣ 200 человекъ и взялъ въ плѣвъ 90; сверхъ того угналъ съ собою 15,000 овецъ и 240 воловъ. Въ томъ же году Палій соединился съ черниговскимъ полковникомъ Яковомъ Лизогубомъ и другими, составилъ отрядъ въ 20,000 казаковъ съ 25-тью пушками и пошелъ на Татаръ буджакскихъ; разорилъ ихъ селенія и съ богатой добычей возвратился домой.

Палій былъ грозною Татаръ; одинъ слухъ о его приближеніи наводилъ на нихъ панической страхъ, и они спѣшили укрыться въ стѣняхъ и горахъ, лишь бы не попасться на глаза казакамъ. Еще болѣе Татары стали его бояться съ тѣхъ поръ, какъ онъ врѣзался съ своими охотниками въ толпу Янычаръ, которые защищали одни изъ очаковскихъ воротъ, и на плечахъ ихъ прорвался въ крѣпость, да и въ самой крѣпости умертвилъ нѣсколько мурзъ. Турки засыпали эти ворота, прорубили новыя въ другой башнѣ, а засыпанные эти назвали Палиевою могилою. Засыпанные ворота недавно еще сохраняли названіе Палиевой могилы.

Между тѣмъ гоненія за православную вѣру въ западной

Украинъ и княжествъ литовскомъ не прекращались. Князь Радзивиль отдавалъ униатамъ православные монастыри; не позволялъ хоронить покойниковъ по греко-россійскому обряду и волею или неволею принуждалъ православныхъ присоединяться къ римской церкви. Угнетенный народъ просилъ заступиться за нихъ «Царя христіанскаго восточнаго православнаго.» Государь писалъ и требовалъ удовлетворенія у короля; но король ничего не могъ сдѣлать противъ воли сейма и магнатовъ. Раздраженные Поляками казаки взволновались: полковникъ Самусь занялъ Богуславъ, Корсунъ, Немировъ, Бердичевъ; Палій взялъ Бѣлую-Церковь въ 1702 году. Оба они умертвили польскихъ шляхтичей и жидовъ, жившихъ въ этихъ городахъ и окружающихъ мѣстечкахъ, и вооружили крестьянъ противъ Поляковъ. Палій укрѣпилъ Бѣлую-Церковь рвами и валами. Спустя нѣсколько времени и Немировъ съ другими городами охотно сдались Палію. Поляки высылали противъ него отрядъ за отрядомъ: иногда удавалось имъ захватить нѣсколько городовъ; но побѣдить и уничтожить Палія было не легко: Бѣлая-Церковь и Немировъ были укрѣплены отлично, снабжены военнымъ запасомъ, войско было всегда въ готовности, и храбрый хвостовскій полковникъ за одно удачное поражение отплачивалъ Ляхамъ двумя или тремя побѣдами, которыя возвращали Палію отнятые у него города, съ богатыми обозами польскихъ войскъ. Августъ II просилъ Царя принять участіе въ усмиреніи Паліевцевъ и возвращеніи отнятыхъ у Польши городовъ и крѣпостей. Свято сохраняя договоръ съ Польшею, Петръ Алексѣевичъ послалъ къ Палію грамоту отъ 25 февраля 1703 года. Изложивъ по донесеніямъ Михаила Бѣлозера, каноника вилenskaго, резидента великаго княжества литовскаго, пребывавшаго при нашемъ дворѣ, и посла нашего при польскомъ дворѣ, какъ онъ Палію соединялъ съ Самусемъ и другими казаками, — «вечали на сторону брата Нашего, Великаго Государя, Его Королевскаго Величества Польскаго нѣкоторые противные дѣла и городъ Бѣлую Церковь приступами взяли, и шляхту и жидовъ въ томъ городѣ и по мѣстечкамъ вырубали и до сего времени

тотъ огонь еще не укротился, отъ чего не только Корунные Сенаторіи, но и все Великое Княжество Литовское во всякомъ сомнѣніи пребываетъ и о успокоеніи тою Нашъ, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, все Княжество Литовское просить,» — Царь упоминаетъ о мирныхъ договорахъ Россіи съ Польшею, о взаимныхъ дѣйствіяхъ противъ Шведовъ, и наконецъ обращается къ Палію и Самусю: «Еслибъ и до сажденіе какое со стороны Его Королевскаго Величества отъ кого было, и о томъ довелось было бить челомъ Его Королевскому Величеству, и тѣ бѣ все противности успокоены были добрымъ охраненіемъ и успокоеніемъ всенароднымъ. И мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, имѣя къ вамъ Нашу, Царскаго Величества, милость, повелѣли послать сію Нашу, Великаго Государя, грамоту, дабы могли вы имѣть общее согласіе съ коннымъ же охотничкимъ полковникомъ съ Самусемъ Ивановымъ, и отъ начатаго своего противнаго на сторону Королевскаго Величества намѣренія престоли бѣ, а имѣть воинскіе промыслы всякими мѣрами надъ общими неприятелями нашими Шведы, гдѣ того воинской случай употребляти будетъ, и о томъ къ Намъ, Великому Государю, къ Нашему Царскому Величеству, писать; а Наша, Царскаго Величества, милость за такіе промыслы впредь и нынѣ никогда отъемма отъ васъ не будетъ.» Но видя, что Палій не возвращаетъ городовъ и по-прежнему расправляется съ Поляками и жидами, Государь послалъ къ нему вторую грамоту 20 февраля 1704 года; напомнивъ ему о первой грамотѣ, о жалобѣ польскаго короля, которому Палій до-сихъ-поръ не отдаетъ Бѣлой-Церкви, Царь пишетъ Палію: «Ни въ чемъ достойнаго послушанія не чините и говорите, будто вы чините сіе съ воли Нашъ Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, что Нашей, Великихъ Государей, брацкой дружбѣ и любви не малая противность, а вѣчнымъ мирнымъ договорамъ нарушеніе.» Потомъ онъ приказывалъ нехотѣнно возвратить Бѣлую-Церковь, въ противномъ случаѣ грозилъ, что: «Если вы той взятой Фортеціи Королевскаго Величества въ Державу не отдадите, а Королевское Величество о томъ, за такими вашими бездѣльными словами, еще черезъ

вѣрные письма просить насъ будетъ, то повелимъ Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, въ ту взятую Фортицію наступить Нашими, Царскаго Величества, войскамъ Великороссійскимъ и Малороссійскимъ и оную отобрать, а отобрать отдать въ Державу Королевскому Величеству.» Ожесточенные поступками Ляховъ, Самусь и Палій, пользуясь военнымъ временемъ, продолжали владѣть занятыми городами, и, озабоченный войною съ Шведами, Царь не могъ обратить особаго вниманія на ихъ дѣйствія. Тогда Августъ II обратился къ Мазепѣ съ просьбою унять казаковъ, называлъ себя въ письмѣ къ гетману «вѣрнымъ его другомъ», и послалъ ему въ подарокъ орденъ Бѣлаго Орла.

Мазепа спрашивалъ у Царя разрѣшенія: что дѣлать ему съ Самусемъ и Палиемъ? ласкать ли ихъ? имѣть ли съ ними переписку или прекратить все связи, какъ съ врагами польскаго короля? Но ни просьбы, ни угрозы не имѣли успѣха. Палію желалъ свергнуть съ себя иго Польши: не принятый въ подданство Россіи, онъ уже считалъ себя вполне независимымъ и признавалъ только волю свою, да удалецевъ-товарищей. Битвы съ Татарами повторялись довольно часто и оканчивались такъ же счастливо, какъ и схватки съ Поляками.

Привольно было жить Палію въ Бѣлой-Церкви, охраняемой его вѣрными казаками. Хотя издавна носились слухи на Украинѣ о Палиевомъ богатствѣ и его славѣ, но онъ ничѣмъ не хотѣлъ отличиться отъ своихъ товарищей: жилъ въ такой же хатѣ, какъ и прочіе казаки, спалъ на соломенной постели; носилъ синий жупанъ, длинныя усы и чуприну на бритой головѣ, какъ и всякой казакъ изъ его полка. Правда, хвастовскаго полковника можно было отличить съ разу, но не по богатству одежды, а по грозному взгляду, да по черному шраму подъ лѣвымъ вискомъ, который получилъ онъ въ одной изъ схватокъ съ Поляками. Палію былъ уже въ лѣтахъ, но казался еще свѣжимъ и бодрымъ. Ни одно веселье, ни одна охота—не обходились безъ стараго полковника. За то какъ же любили и уважали его казаки!

Слава Палія и его богатство не давали покоя гетману. Палію владѣлъ Бѣлою-Церковью, Немировымъ и Тролянов-

кою, въ вольинской губерніи. Потоцкій и Яблоновскій писали къ Мазепѣ: «Палію свилъ себя разбойническою рукою покойное гнѣздо въ Бѣлой-Церкви и Немировѣ, и въ Польшѣ вѣтъ хлѣбъ не ему принадлежащій.» Мазепа не зналъ, что дѣлать ему съ Палиемъ; вдругъ мелькнула мысль въ головѣ сѣдаго честолюбца—помириться съ Палиемъ: «не помогли помощники, думалъ онъ, авось помогу я самъ себя»—и тотчасъ же написалъ ласковое письмо къ Палію, называлъ его бѣлоцерковскимъ гетманомъ, владѣтелемъ Заднѣпровья, убѣждалъ покориться Государю Россійскому; послалъ къ нему милостивую Царскую грамоту, обещая награду, отъ имени Царя, за участіе въ войнѣ съ Шведами, а въ заключеніе просилъ Палія къ себѣ въ Бердичевъ попить и вмѣстѣ поговорить о дѣлахъ. Не всему вѣрилъ Палію въ письмѣ Мазепы и написалъ довольно грубой отвѣтъ, а все-таки отправился: простодушный и доверчивый, онъ не предчувствовалъ, что ожидаетъ его послѣ пріа! Гетманъ принялъ его ласково, угощалъ, какъ дорогаго гостя; клялся, что не спѣшилъ съ нимъ сблизиться отъ того, что не зналъ великой души его; на выскія жъ рѣчи вѣрнаго сына Украйны, отвѣчалъ двусмысленно, полусловами, осторожно. Подгулявъ, Палію заснулъ; тогда Мазепа велѣлъ сердюкамъ заковать несчастнаго полковника и бросить въ тюрьму, а потомъ совершенно истомленного голодомъ и жаждой, отправилъ въ Москву. Черезъ два мѣсяца, судъ обвинилъ Палія въ сношеніяхъ съ королемъ шведскимъ, Карломъ XII, въ посягательствѣ на гетманство и другихъ преступленіяхъ, а больше всего—за неповиновеніе Государю, въ отдачѣ городовъ Польшѣ. Онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ и, окруженный стражею, отправленъ изъ Москвы въ Енисейскъ, въ 1705-мъ году.

Оттуда уже не вырвется какъ изъ Магдебурга, думалъ Мазепа, обрадованный такимъ успѣшнымъ окончаніемъ дѣла, и спѣшилъ скорѣе овладѣть богатствомъ хвастовскаго полковника. Онъ подступилъ къ Бѣлой-Церкви и требовалъ сдачи. Казаки, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, рѣшились умереть, а не сдаваться: *умремъ тутъ всѣ*, говорили они, *а не подда-*

думал, «*колы нема нашего батька.*» Но мѣщане бѣлоцерковскіе, лестью, угрозами и силою, склонились на сторону осаждавшихъ и принудили казаковъ положить оружіе. Тогда двѣнадцать удалыхъ товарищей погибшаго полковника не захотѣли признавать власти гетмана и требовали выдачи ихъ батьки; впрочемъ съ ними Мазепѣ было уже легко справиться: одни ѣ и, казалъ утопить, другихъ—задушить, и богатство Палія досталось въ его руки.

Мазепа избавившись Палія, сталъ обвинять наказнаго гетмана Самуя въ потворствѣ полковнику хвастовскому. Правившій къ отвѣту, онъ оправдывался; наконецъ, сложилъ съ себя гетманство, отдалъ клейноды и, съ разрѣшенія Мазепы, назвался только богуславскимъ полковникомъ.

Будучи издавна врагомъ Россіи и Петра, Мазепа поссорился съ Паліемъ за то, что онъ не согласился измѣнить цѣсти и возстать противъ Царя православнаго. Народная молва того времени говоритъ намъ, что Мазепа позвалъ Палія и сталъ его спрашивать: «Палій, Палій не измѣнишь ли ты мнѣ?»—«За что же я тебя, гетманъ Мазепа, стану измѣнять, когда ты будешь благое творить?»—«Я думаю, Палій, Москву уничтожить и самъ хочу въ столицѣ Царемъ царствовать.»—«Скорѣе ты будешь, гетманъ Мазепа, у столба стоять, нежели царствовать.» Такъ передаетъ намъ народное преданіе главнѣйшую причину вражды Палія съ гетманомъ. И въ самомъ дѣлѣ, прямодушный, славный воинъ, любимецъ всей Украйны, полковникъ хвастовскій, отказавшись отъ сообщества съ хитрымъ гетманомъ, который открылъ ему замыселъ свой, былъ весьма опасенъ для предателя Малороссіи. Не терпя обличителей, Мазепа употреблялъ все ухищренія, чтобы скорѣе избавиться отъ человека, которому слишкомъ неосторожно открылъ свою задушевую тайну.

Уже третій годъ, какъ Палій жилъ вдали отъ своей родной Украйны; но мысленно, онъ ни на минуту не разставался съ нею. А какъ все измѣнилось въ Малороссіи въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ!

Еще въ то время, когда Палій независимо владѣлъ Бѣлоуцерковью (1704), уже и тогда поговаривали, что онъ писалъ

къ Царю о намѣреніи гетмана измѣнить Россію; увѣрили, что это ускорило его ссылку. Избавившись отъ своего непримиримаго врага, Мазепа могъ дѣйствовать свободно. Онъ продолжалъ поддерживать сношенія съ Карломъ XII, чрезъ изгнаннаго изъ отечества болгарскаго архіепископа, который подъ видомъ нишаго ходилъ къ Мазепѣ и передавалъ ему письма отъ короля; а съ Станиславомъ Лещинскимъ (котораго король шведскій хотѣлъ возвести на польскій престолъ, вмѣсто Августа II) посредствомъ іезуита Зеленскаго, приглашалъ къ себѣ старшинъ казацкихъ, угощалъ ихъ; дѣйствовалъ въ пользу Петра чрезвычайно медленно и притворялся больнымъ, чтобы ничего не дѣлать. Но видя, что на преданность малороссійскаго народа и войска надежда плоха, онъ старался привлечь на свою сторону Запорожцевъ; увѣрялъ, что Царь намѣренъ истребить ихъ Сѣчь, послѣ войны со Шведами; а въ то же время распускалъ слухи по Малороссіи, что великороссійскіе воеводы хотятъ уничтожить все преимущества, дарованныя Украйнѣ и обратить казаковъ въ войско регулярное. Однако жъ никакія хитрости не принесли ожидаемаго успѣха. Доносъ за доносомъ былъ присылалъ къ Петру на гетмана. Но Царь, расположенный къ Мазепѣ, не всегда вѣрилъ имъ: несчастные доносчики попадались въ руки безжалостнаго гетмана, который умѣлъ мстить врагамъ своимъ. Страшнымъ истязаніямъ подвергались все враги Мазепы: бунчуковый товарищъ Забѣла *, въ 1699-мъ году, вытерпѣвъ ужасныя мученія, пытки и потомъ 26-ти лѣтнее заключеніе; стародубскій полковникъ Михаилъ Михайловичъ и родственникъ Мазепы переяславскій полковникъ Мировичъ, посланы Мазепой съ малыми силами противъ превосходнѣйшаго непріятеля, гдѣ и погибли въ 1706-мъ году; наконецъ, когда Мазепа обезчестилъ жену полтавскаго полковника Искры и собственную свою крестницу, дочь генеральнаго судьи, Матрону Кочубей, тогда жестоко обижен-

* Онъ донесъ Государю, что Мазепа сносится тайно съ крымскимъ ханомъ.

ный отецъ ея, вмѣстѣ съ другомъ своимъ полковникомъ Искрою, сотникомъ Кованкою и священникомъ Святайлою отправились въ Москву, въ намѣреніи изобличить коварнаго развратителя и измѣнника, предъ Государемъ въ 1708-мъ году, но не достигли своей цѣли.

Многіе знали въ Малороссіи, что Мазепа велъ переговоры съ королемъ шведскимъ и новымъ королемъ польскимъ; но никому, кромѣ обоихъ королей, Мазепы, графа Пипера, одного польскаго сенатора и изгнаннаго болгарскаго архіепископа, неизвѣстно было, въ чемъ они состояли. Наконецъ въ 1708 году, появились на Украинѣ списки съ договорныхъ статей: Мазепа обѣщался Карлу XII впустить его въ Малороссію, присоединить къ нему казацкое войско и вмѣстѣ съ нимъ идти на Москву; взаменъ же этого, Мазепа получалъ титулъ владѣтельнаго князя витебскаго и полоцкаго, на правахъ герцога курляндскаго. Не довольный титуломъ князя священной римской имперіи, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Андрея Первозваннаго, гетманъ Малороссіи, 29 октября 1708 года, присягнувъ на вѣрность Карлу XII въ Горкахъ (мѣстечко моголевской губерніи, оршанскаго уѣзда, на рѣкѣ Прони). Онъ произнесъ тамъ краткую рѣчь на латинскомъ языкѣ, въ которой просилъ его величество принять казаковъ подъ свою защиту, отдалъ ему свой бунчукъ, — и за измѣну Царю и отечеству проклятъ въ Глуховѣ (черниговской губерніи). Удостоверившись въ измѣнѣ новаго Ю-«ды», Государь тотчасъ же приказалъ избрать новаго гетмана, и вспомнивъ о несчастномъ Паліѣ, велѣлъ немедленно возвратитъ его изъ ссылки*. Получивъ свободу, Палій получилъ и старшій полковничій чинъ и имѣніе.

Возвратившись изъ Сибири, Палій явился 27 іюня 1709 года подъ Полтавою. Знаменитый историкъ Малороссіи, Кони-скій, такъ рассказываетъ объ участи престарѣлаго героя въ этой роковой для Карла и Мазепы битвѣ: «Сраженіе сіе

* Конискій говоритъ, что Палій былъ въ заточеніи 13 лѣтъ; но у Бятыша-Камеискаго, Маркенича, Срезневскаго и др. мы видимъ, что онъ состоялъ въ 1705 году, а возвращенъ въ 1709.

начали Шведы на самомъ разсвѣтѣ и конницею своею напали на регулярную конницу руссійскую и прогнали ее за ея шанцы. Но начальникъ казацкій, Палій, съ казаками своими, напавъ тогда на Шведовъ въ тылъ и на фланги ихъ фронтавъ и прорвавшись въ интервалы, сдѣлалъ великое имъ пораженіе копьями и изъ ружьевъ, отъ чего они, смѣшавшись, побѣжали къ своимъ шанцамъ и потеряли генерала своего, Шлиппенбаха, взятаго въ плѣнъ. Казаки, преслѣдуя Шведовъ до ихъ шанцевъ, провели позади себя сильную колонну пѣхоты руссійской, подъ командою генерала Меньшикова, и она, напавъ на шанцы шведскіе и сдѣлавъ сильный залпъ изъ пушекъ и ружьевъ, увалилась въ нихъ штыками и погнала Шведовъ во все стороны. Такимъ образомъ овладѣли шанцами и взяли въ плѣнъ командовавшаго ими генерала Розена, со многими офицерами и рядовыми. Шведы послѣ сего собрались и построились вновь между шанцами и обозами своими на открытомъ полѣ и ожидали нападенія Россіянъ. Государь выстроилъ и свои войска противъ шведскихъ, поставивъ въ срединѣ пѣхоту съ артиллеріею, а по флангамъ конницу. Сраженіе возобновилось: пальба продолжалась съ обѣихъ сторонъ болѣе трехъ часовъ; наконецъ, Шведы, не имѣвъ артиллеріи и претерпѣвъ отъ Россіянъ великой уронъ, показали во фронтъ своемъ многіе интервалы или пустоту, а Палій, сіе примѣтя, тотчасъ ворвался въ нихъ съ казаками и произвелъ всеобщее замѣшательство въ непріятель. Случившійся во весь тотъ день великій туманъ способствовалъ казакамъ обхватить ихъ съ тылу и во фланги, а Шведамъ помогать онъ скрыть свое отступленіе съ мѣста баталіи. Сіе началось порядкомъ ретиреды, но послѣ смѣшанные казаками, обратились Шведы въ бѣгъ. Россіяне, гонясь за ними въ туманѣ, побрали въ плѣнъ: фельдмаршала ихъ Реншильда, и двоюроднаго брата королевскаго, принца Виртембергскаго, а министра и любимца королевскаго, Пипера, нашли въ обозѣ шведскомъ съ канцеляріею его и съ казною; обозъ его со всемъ лагеремъ достался побѣдителямъ». О смерти Палія писатели разногласятъ: Конискій говоритъ, что онъ, во время Полтавской битвы, «оказавъ чудеса храбрости

и отваги, убить, наконецъ, пушечнымъ ядромъ;» а г. Срезневскій увѣряетъ, что онъ послѣ Полтавской битвы ходилъ еще противъ Татаръ, но, вскорѣ возвратившись изъ похода, отправился прямо въ Межигорскій монастырь и тамъ скончался 18 января 1710 года.

А. САВЕЛЬЕВЪ-РОСТИСЛАВИЧЪ.

ПОДВИГЪ ФРЕГАТА ВЕНУСА, У БЕРЕГОВЪ СИЦИЛИИ,

ВЪ 1807 ГОДУ.

Городъ Палермо, обвитый розовымъ туманомъ, встрѣчалъ одинъ изъ своихъ январскихъ дней, полныхъ силы пробуждавшейся природы, послѣ кратковременной осени.

Все было тихо и безмятежно между небомъ и землею, слитыми полупрозрачною пеленою. Еще ни одинъ звукъ далекимъ эхомъ не повторился въ воздухѣ, словно это общее спокойствіе навсегда воцарилось надъ землею.

Но, вотъ... первые лучи восходящаго солнца мелькнули, прокрались изъ-за вершинъ высокихъ горъ, окружающихъ палермскую долину, отразились въ обширномъ заливѣ; тысячи звуковъ съ ихъ безконечными, разнообразными отголосками, отозвались повсюду, возвѣщая приближеніе дня.

Новая жизнь протекла по воздуху!...

Съ правой стороны, отъ входа въ заливъ, въ его углубленіи, началъ выясняться городъ, и, вслѣдъ за отлетающимъ туманомъ, вознесъ къ розовому небу причудливые очерки куполовъ семидесяти церквей и монастырей, обрисовался четырехъ-угольною, зубчатою стѣною, съ ея живописными башнями, готическими

См. Моск. Набл. за 1838 годъ.

воротами. Всѣ дома Палермо, построенные изъ мрамора, почернѣвшаго отъ времени, чрезвычайно высоки и узки, и, слитые въ массу, поражаютъ смѣсю архитектуръ мавританской, испанской, италіанской, съ ихъ тонкими колонадами, рѣзбою, впадинами, портиками, рѣшетчатыми балконами, то вислыми одинъ надъ другимъ, то столкнувшимися какъ бы для бесѣды. Плоскія крыши домовъ украшены статуями и поросли зеленью. Трудно передать эту причудливую смѣсь строеній города, такъ живо обозначающую прихотливый, впечатлительный характеръ южныхъ жителей, любящій разнобразіе. И въ заключеніе, отъ излучистыхъ закраинъ залива, вплоть до разнообразныхъ служебныхъ синеватыхъ горъ, все пространство долины, окружающей Палермо, покрыто цѣлыми рощами миндаляныхъ, лавровыхъ, апельсиновыхъ деревъ, съ ихъ романическими селеніями, хижинами, мельницами, дворцами, водопроводами, обелисками, развалившимися башнями и необыкновеннымъ смѣшеніемъ тѣни и красокъ южной зелени, производящей долговременное и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда новое впечатлѣніе отъ каждой легкой струи прокрадывающагося изъ-за горъ вѣтра.

Между городомъ и моремъ, у ряда великолѣпныхъ домовъ, тянется набережная—Марина, мѣсто вечернихъ прогулокъ. Далѣе, вправо, если смотрѣть на городъ со стороны моря, берегъ закругляется, и въ разстояніи отъ Марины съ полторы версты, устроена *моло* съ маякомъ, для защиты кораблей, въ ней стоящихъ, отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Еще далѣе, почти при входѣ въ заливъ, возвышается огромная гора Пелигрино. Груды павленныхъ скалъ фантастическаго вида, придаютъ ей что-то чудесное, сверхъ-естественное, посреди улыбающейся природы. Въ этой колоссальной горѣ, покоятся мощи св. Розаліи, покровительницы Палермо, спасшей ее, по преданію жителей, своею чудотворною силою отъ чумы, въ 1624 году.

На заднемъ планѣ, въ углубленіи всей картины, видѣется Монреаль—старый городъ, отличающійся своимъ монастыремъ, богатѣйшимъ во всей Сициліи, съ его знаменитою колонадою, поддерживающею главный портикъ.

Не даромъ сицилійскіе поэты называли палермскую долину золотою раковиною (*conca d'oro*)—золотою долиною (*aucea valle*)—садомъ Сициліи, и наконецъ счастливою (*felice*). Невольно безокойный, жадный взоръ ищетъ новыхъ предметовъ, съ трудомъ разставаясь съ тѣми, которые уже поразили его. Кто не

слыхалъ объ Оливуцѣ и прелестныхъ ея садахъ, о древнемъ мавританскомъ замкѣ Ла-Циза, сохранившемся въ томъ самомъ видѣ, какъ былъ построенъ за тысячу лѣтъ, Богаріи, Орипеллѣ, Лафаворитѣ, въ которыхъ роскошь природы соперничаетъ съ богатствомъ изваяній, архитектуръ, мозаики и живописи!

Въ самомъ городѣ, вѣсь поражаетъ то старинный королевскій замокъ, окруженный укрѣпленіями, то каѳедральная церковь, то чудесныя улицы Толедо и Макведа, пересѣкающія накрестъ городъ и представляющія рядъ непрерывныхъ дворцовъ, съ ихъ живописными, геральдическими и архитектурными украшеніями, и все это носитъ типъ древности, каждый камень—историческій, свидѣтель вѣковыхъ событій.

При входѣ въ палермскій заливъ, два англійскіе фрегата крейсируютъ, пять линейныхъ кораблей подъ начальствомъ вице-адмирала Торнброу стоятъ на якорѣ передъ молою, изъ-за которой видѣется мачтовый лѣсъ купеческихъ кораблей и корабль Архимедъ съ двумя фрегатами, принадлежащій сицилійскому правительству.

Въ дѣятельности Англичанъ замѣтны военныя приготовленія. Чего хотятъ они? Вѣдь сицилійскій король Фердинандъ IV ихъ другъ, союзникъ, и во время нами описываемаго происшествія въ 1807 году, въ третій разъ былъ принужденъ удалиться изъ Неаполя, сосредоточить остатки своей прежней власти въ Палермо и ждать благоприятныхъ обстоятельствъ: снова вступить на неаполитанскій престолъ, занимаемый родственниками Наполеона. Англичане не только платятъ королю субсидіи (денежное вспомошествованіе,) но войска ихъ расположены по всѣмъ крѣпостямъ острова, чтобы уничтожать покушенія Французовъ завладѣть Сициліею и присоединить ее къ Неаполитанскому королевству. Что же заставляетъ Англичанъ держать Палермо въ блокадномъ состояніи, когда они убѣждены въ своемъ вліяніи на короля и пользуются своею властію неограниченно, чрезъ его перваго министра, маркиза Черчелли?

Видите, передъ выходомъ изъ моло, стоитъ русскій, сороок-пушечный фрегатъ Венусъ. Овъ-то и составляетъ все домогательство Англичанъ.

За нѣсколько дней, передъ началомъ разсказываемаго нами происшествія, русскій посланникъ при сицилійскомъ дворѣ, тайный совѣтникъ Татищевъ, обратился съ формальнымъ вопросомъ: какое участіе приметъ Его сицилійское Величество въ

предстоящей войнѣ между Россією и Англією, и какіе виды имѣеть Его Королевское Величество въ отношенія русскихъ судовъ и нашихъ союзниковъ, находящихся въ Палермо?

Маркизь Черчелли отвѣчалъ нотою 17 декабря 1807 года, что король, его государь, не можетъ отдѣлить выгодъ Англии отъ своихъ собственныхъ; что порты Его Величества будутъ впредь заперты для російскаго флага; и что присутствіе фрегата Венуса въ Палермо несомнѣнно съ настоящими обстоятельствами.

Чтобы имѣть возможность слѣдить за ходомъ происшествія, приведемъ отрывокъ изъ рапорта командира фрегата Венуса Его Императорскому Величеству.

«По повелѣнію г-на вице-адмирала и кавалера Сенявина, съ данными мнѣ отъ него депешами, слѣдующими къ доставленію «пребывающему въ Палермо господину тайному совѣтнику, полномочному министру и кавалеру Татищеву, и въ Корфу господину министру Маценигъ, и къ находящемуся въ отрядѣ съ кораблями господину флота капитану 1-го ранга Баратынскому, отправился я, съ порученнымъ мнѣ фрегатомъ, изъ Лиссабона прошлаго ноября 9-го числа 1807 года.

«2-го числа того же мѣсяца, противу Сардиніи усмотрѣно нами въ 2 часа по полудни, поврежденіе въ руль—рудоръ между стиллеромъ и верхнимъ крюкомъ раскололся, почему и положили найтолы. 22-го числа прибылъ въ Палерму, и принадлежащія депеши господину министру Татищеву доставлены, а съ Корфу, къ господину министру Маценигъ, оный же господинъ министръ Татищевъ взялъ доставить. Имѣющіяся во фрегатѣ поврежденія въ руль, у гротъ-мачты, лонгъ-саленгъ, и заднія краспицы отъ гнилости надломилась, у гротъ-мачтоваго стопа оказалась гнилость. Объ этомъ донесено господину министру Татищеву, и для исправленія оныхъ худостей втянулся «23-го ноября въ молу, свежа порохъ въ Палермскія пороховныя погреба.

«По исправленіи же худостей и по принятіи морскаго провіанта на два мѣсяца 20 декабря (1-го генваря новаго стила) фрегатъ былъ готовъ идти въ портъ Ферраро къ находящемуся тамъ съ кораблями: Свѣтлый, Петръ и Москва, господину флота капитану 1-го ранга Баратынскому, о чемъ донесъ господину министру Татищеву, который и объявилъ мнѣ, что

«не могу идти въ море, по причинѣ несогласія между Россійскою Имперією и Великобританією.»

Далѣе Андрейновъ въ своемъ рапортѣ пишетъ:

«28 декабря (т. е. 9 генваря новаго стила,) г-нъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Карювъ приѣзжалъ на фрегатъ «и объявилъ отъ имени нашего министра, чтобы мы были готовы въ сію ночь къ оборонѣ, если Англичане вздумаютъ напасть на фрегатъ Вашего Императорскаго Величества.»

И въ тоже время капитанъ узналъ, что начальникъ англійской эскадры, въ прошедшую ночь, перехватилъ канонерскую лодку съ фрегатскимъ порохомъ, который сицилійское портовое начальство, послѣ упорнаго сопротивленія, наконецъ само рѣшилось доставить на Венусъ.

Находясь въ столь затруднительномъ положеніи, капитанъ Андрейновъ рѣшился собрать военный совѣтъ.

Тихо вошли офицеры, одѣтые въ парадные мундиры, въ каюту своего капитана, по старшинству размѣстившись кругомъ стола, покрытаго чернымъ сукномъ, на которомъ лежали законы Петра Великаго. На лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ отражалась важность засѣданія и твердая, спокойная рѣшимость восторжествовать надъ неблагоприятными обстоятельствами.

Господа! началъ капитанъ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, нашъ флотъ, предводительствуемый Дмитриемъ Николаевичемъ (Сенявинымъ) торжествовалъ и давалъ защиту и покровительство какъ на водахъ Средиземнаго моря, такъ и въ Архипелагѣ. Примѣры знаменитаго адмирала, его мужество и храбрость должны насъ руководить во всѣхъ случаяхъ нашей службы. Вы знаете, что я пришелъ сюда въ дружескій нашъ портъ, до разрыва между Россією и Англією, и узнавъ, что не могу совершенно полагаться на покровительство сицилійскаго короля, потребовалъ порохъ, чтобы въ собственныхъ своихъ силахъ искать защиты противу непріятели, превышающаго насъ своимъ числомъ. Но англійскій адмиралъ Торнбрау тайно перехватилъ лодку съ нашимъ порохомъ и—мало этого—грозилъ намъ ночнымъ нападениемъ цѣлой эскадры.

Последнія слова произвели всю силу впечатлѣнія: многіе, не смотря на важность засѣданія, вскочили со своихъ мѣстъ и закричали: «Драгься!»

— Защищаться до послѣдней крайности! подхватили остальные.

— И ежели добудемъ порохъ... взлетѣтъ на воздухъ! заклю- чилъ капитанъ.

— Взорваться! Взлетѣтъ на воздухъ! закричали въ одинъ голосъ офицеры.

Когда утихло общее волненіе между офицерами, послышался глухой шумъ на верхней палубѣ и въ батареѣ: тамъ, матросы другъ другу повторяли магическія слова: взлетѣтъ! взор- ваться!

— Англичане должны убѣдиться изъ первой встрѣчи съ Рус- скими, продолжалъ капитанъ: что если мы не имѣемъ воз- можности побѣждать, то умѣемъ умирать съ достоинствомъ храбрыхъ, которые боятся не смерти, а безчестія и невы- полненія присяги!

— Мы доставимъ порохъ! въ-полголоса проговорили мич- маны. И со свойственною живостию всѣмъ, настоящимъ мич- манамъ, даже приподнялись, готовые по привычкѣ исполнять даваемые имъ порученія.

— Хорошо замѣтилъ капитанъ, дѣлая имъ знакъ оставаться на мѣстахъ.

— Мы бы желали купить порохъ на общія деньги, сказалъ старшій лейтенантъ, отъ имени всѣхъ офицеровъ, которые кивнули ему головами въ знакъ одобренія.

— Это была и моя мысль! отвѣчалъ капитанъ. Въ торже- ственный день нашей службы, въ который мы готовимся от- дать отчетъ Богу и Государю, у насъ должно быть все об- щее.

Потомъ капитанъ объяснилъ свое мнѣніе на счетъ сред- ствъ и мѣръ, предполагаемыхъ къ оборонѣ фрегата, отдалъ приказаніе старшему лейтенанту подтянуть корму ближе къ мюлю и упереться носомъ въ сицилійскій корабль Архимель, чтобы онъ и два фрегата, составлявшіе всю эскадру короля Фердинанда, раздѣлили бы участь Венуса; сказалъ кому и куда отправиться доставать порохъ, и въ заключеніе предло- жилъ, обсудивъ его мнѣніе на счетъ предполагаемой обороны, записать его и общее рѣшеніе скрѣпить подписью.

Давно уже посматривали мичманы на исписанный листъ бумаги, лежавшій на столѣ, объ изготовленіяхъ къ предстоящей экспедиціи на тотъ свѣтъ, и когда капитанъ предложилъ на обсужденіе свои предложенія, младшій изъ мичмановъ, под-

писью котораго начиналось скрѣпленіе, не читая, протянулъ руку за исписанною бумагою.

— Прочтите! сказалъ капитанъ, обращаясь къ старшему лей- тенанту.

«Мы согласно положили, началъ послѣдній: и за общимъ под- писаніемъ рѣшеніе совѣта утвердили: 1) Остаться въ молчѣ. 2) На собственныя деньги купить въ городѣ такое количество по- роха, котораго было бы достаточно для мелкаго ружья и верх- няго дека пушекъ. 3) Если Англичане нападуть на фрегатъ линейнымъ кораблемъ, а не на плоскохъ и не абордажемъ, тогда, разстрѣлявъ весь снарядъ, фрегатъ сжечь.»

Всѣ безпрекословно подписались.

При рапортѣ, на Высочайшее Имя, капитана Андреянова при- ложенъ слѣдующій списокъ офицеровъ:

Лейтенанты.

Алексѣй Мѣльниковъ. Александръ Витовтовъ. Матвѣй Насе- кинъ.

Мичманы.

Илья Вердеревскій ревизоромъ. Николай Семькинъ. Влади- мѣръ Броневскій (извѣстный *Записками морскаго офицера*). Па- вель Чистяковъ. Тимофей Лялинъ. Александръ Левшинъ.

Штурманъ 12 класса Петръ Соколовъ. Штурманскій помощ- никъ 14 класса Павелъ Крутиковъ. Младшій лекаръ 1-го клас- са Карлъ Гарнакъ. 2-го класса Семень Рожественскій.

Морской артиллеріи капитанъ лейтенантъ Семень Ивдовъ. Констанель Алексѣй Гайдукъ. 1-го Морскаго полка поручикъ Захаръ Вечесловъ. Коммисаръ 14-го класса Осипъ Быковскій.

Команда на фрегатѣ состояла изъ 197 матросовъ, 29 артилле- ристовъ, 51 человѣка солдатъ; въ этомъ числѣ показаны и ун- теръ-офицеры. Нестроевыхъ 45, и того всей команды съ офи- церами 343. Сверхъ того находился іеромонахъ Викентій.

Команду, по приказанію капитана, собрали около шпиза, и хотя это была не новость для нихъ, привыкшихъ каждое Во- скресенье, на этомъ самомъ мѣстѣ слушать читаемые имъ за- коны—морскіе регламенты; но, не смотря на это, матросы съ какими-то судорожнымъ движеніемъ посматривали внизъ на трапъ, по которому долженъ былъ выйти капитанъ.

Вотъ показалась фуражка. Легкою поступью взошелъ капи-

танъ на локъ, около шпеля. Окинувъ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ, кругомъ его, съ открытыми головами стоявшихъ матросовъ, поздоровался съ ними и, увидѣвъ сотни глазъ, глядѣвшихъ на него со свѣтлою любовью, со всею безирекословною преданностію подчиненныхъ, невольно содрогнулся, готовясь объявить имъ о необходимости — умереть, взорваться на воздухъ, вмѣстѣ съ фрегатомъ. Эту необходимость умереть капитанъ долженъ вызвать у людей, привыкшихъ его любить, какъ отца, и исполнять, какъ законъ, каждое его требованіе, даже каждую его прихоть, угадывая и стараясь понимать всякое движеніе, всякое выраженіе въ его лицѣ. Ему стояло только сказать нѣсколько словъ, и сотни людей, кипѣвшихъ жизнью, одушевленныхъ надеждами, связанныхъ родствомъ и сердцемъ, разорвутъ всѣ связи съ прочимъ человѣчествомъ, откажутся отъ жизни, пренебрегутъ всѣмъ, что дала намъ природа дорогаго, завѣтнаго для нашего существованія. Даже самое это море, тихое и спокойное въ эту минуту, некорное опытнымъ расчетамъ моряка, разбросаетъ обгорѣлые, обезображенные трупы лихой команды, растерзаетъ ихъ о подводные камни и безъ молитвы за упокой отдастъ въ пину прожорливымъ рыбамъ.

Капитанъ отвелъ свои глаза на палермскую долину, къ горѣ Пелигрино. Природа была роскошна, взоры разбѣгались отъ одного ландшафта на другой, скользили по безконечнымъ, разнообразнымъ оттѣнкамъ фруктовыхъ рощей, мѣнявшихъ свой видъ отъ различныхъ паденій солнечныхъ лучей. И въ небѣ, и на землѣ, было столько жизни и радости, что человекъ, казалось, только и былъ созданъ, чтобы наслаждаться, и наслаждался сохранять свою жизнь, удаляя идею смерти, какъ идею разрушенія и тлѣнія.

Но капитанъ прежде всего былъ — капитанъ! и онъ, указавъ рукою на пять линейныхъ англійскихъ кораблей 1-го ранга, стоявшихъ отъ него на картечный выстрѣлъ, и на два фрегата, крейсировавшие передъ входомъ залива, сказалъ:

— Ребята! Англичане хотятъ овладѣть нами! Но, неужели мы сдадимъ фрегатъ, на которомъ столько лѣтъ служили, сражались и всегда были побѣдителями?

— Не сдадимъ! не сдадимъ! въ одинъ голосъ отвѣчала команда.

— Намъ не одолѣтъ Англичанъ, снова началъ капитанъ: но

мы должны защищаться до послѣднихъ силъ, и когда они одолѣютъ — тогда... взорваться.

— Взорваться! громко, единодушно повторила команда.

— Сегодня ночью, продолжалъ капитанъ: мы должны ждать нападенія непріятеля и приготовиться къ смерти. Но, между вами есть женатые; кто хочетъ остаться въ живыхъ, выходите отошлю на берегъ.

Въ это время старый боцманъ, протолкавшись впередъ, насупилъ брови и молвилъ:

— На что это (тутъ онъ назвалъ капитана по имени) распускать команду! Не матросское дѣло отставать отъ начальства; сказано умирать, такъ и умремъ всѣ до одного!

— Всѣ умремъ! закричали со всѣхъ сторонъ.

— То-то! отвѣчалъ боцманъ, угрюмо поглядывая на окружающихъ.

— Спасибо ребята! Сначала мы помолимся, а потомъ и за работу. Нужно, какъ можно скорѣе, все изготовить.

— Рады стараться! отозвалась команда на слова капитана, и по обычному свистку разсыпалась по фрегату.

— Эки проклятые, подумаешь, эти Англичане, сказалъ боцманъ, остановясь на бакѣ, и, указывая собравшимся около него матросамъ на непріятельскую эскадру, прибавилъ: — Сдай фрегатъ! Экъ, что выдумали! такъ тебѣ сейчасъ и сдадимъ.

Тутъ, онъ показалъ кулакъ, особеннымъ образомъ сложенный.

— Неча сказать, трудненько будетъ имъ сердечнымъ! подхватилъ по прозванію Губайка, заломивъ на бекренъ сальную шанку и заложивъ въ карманы руки подъ приподнятую голанку: такъ называется на матросахъ верхняя рубашка изъ парусины.

— Мы васъ попотчимъ не-прошенныхъ! проговорилъ Ивановъ, грозя мощнымъ своимъ кулакомъ на непріятельскую эскадру.

Иванковъ и Губайка считались друзьями, вмѣстѣ служили на бакѣ, вмѣстѣ ухаживали за якоремъ при его подъемѣ, были въ одной артели, вмѣстѣ напивались на берегу и, возвращаясь на фрегатъ навеселѣ, водили другъ друга подъ руку. Однимъ словомъ они были неразлучны повсюду, хотя совершенно противныхъ характеровъ. Губайка, сухощавый, обрусѣлый Татаринъ, отличался ловкостію, хитростію, смѣтливостію и матросскимъ

остроуміемъ. Иванковъ—толетотою, неповоротливостію и необыкновеннымъ сходствомъ съ медвѣдемъ.

— А что Губай! проревѣлъ Иванковъ. Вотъ каталажики, каталажики, а теперь, и пойдетъ все къ чорту.*

— Только не отставай, чтобы знаешь записали бы въ одну артель.

— Ахъ ты чухна проклятая! Вишь что выдумалъ—не отставай.

И Иванковъ занесъ свою мощную длапъ, чтобы не пропустить безъ отвѣта причиненной ему Губайкою обиды, но тотъ, шмыгнувъ между матросовъ, проговорилъ:

— Ужъ тебя и разобрало! Подожди до вечера, будетъ съ кѣмъ подрасться.

— То своимъ чередомъ! отвѣчалъ Иванковъ и, видя удалившагося Губайку, спокойно опустилъ руки, почесываясь.

— Эхъ разтужились о каталажномъ! замѣтилъ старый матросъ. Да капитану, ужъ не подь стать намъ, жаль фрегата, а самъ говорить — взорвемся.

— Правда! отвѣчалъ боцманъ. А баловать не нужно, да выспрашивать. Не захочешь, такъ линокъ есть.

— Пожалуй, по спицамъ-то насъ и не признаютъ за матросовъ, проговорилъ съ ужимками Ванька, сорви-голова, фрегатскій балагуръ, сказочникъ, зацѣвало и плясунъ.

— А не хочешь ли подь признаніе! замѣтилъ боцманъ, вынимая линокъ изъ фуражки.

— Нѣтъ! нѣтъ! вскричалъ Ванька, дѣлая прыжокъ, отъ котораго единодушно расхохоталась вся честная компанія, псклочая Иванкова и боцмана.

— Нужно взорваться! сказалъ послѣдній съ глубокомысленнымъ видомъ, покачавъ головою и осматривая вооруженіе Венуса. Надо, чтобы Англичане не успѣли бы ничего перенять съ нашего фрегата. А то, какъ попадется онъ имъ въ руки, выучится — выучатся, да пожалуй еще начнутъ важничать да передергивать**.

— Какой дуракъ вздумаетъ тутъ передергивать. За это можно и въ рожу хватить! флегматически отвѣчалъ Иванковъ, по обыкновенію подымая кулакъ, въ сердечномъ измѣненіи.

— Хорошо бы хватить, да кого? замѣтилъ боцманъ.

* Каталажить на матросскомъ языкѣ значить: обдѣлывать спасты.

** Измѣнять мѣсто и направленіе спастей.

— Вѣстимо не кого! проговорилъ Ванька, сорви-голова. Вѣдь чай, оттуда, (онъ поднялъ руку къверху,) присылали за виннымъ спискомъ къ Мироновичу* и переписали его со всѣми отмѣтками, чтобы не было лишнихъ претензій да нѣтчиковъ.

— Нѣтчиковъ-то не будетъ, проревѣлъ Иванковъ. Не выдѣлятся же изъ артели передъ смертію, вѣдь это только чухна проклятая...

И увидѣвъ Губайку, онъ хватилъ Татарина кулакомъ.

— За что это? Ахъ ты эдакой! завизжалъ Губай.

— Молчи лучше! замѣтилъ Иванковъ, снова подымая на него кулакъ.

— А что боцманъ, нужно ли надѣвать чистыя рубашки? спросилъ кто-то изъ толпы.

У моряковъ велось обыкновеніе: ежели являлась необходимость умирать, то они, приготовляясь къ смерти, надѣвали чистое бѣлье.

— Вѣдь все равно: загрязнишься въ схваткѣ, поразсудилъ Иванковъ.

— Да развѣ ты самъ собою умирать станешь, довершилъ боцманъ. Вѣдь, не сложа руки, будемъ ждаты смерти, а подемся, да всѣ разомъ и хватимъ на воздухъ.

— И была такова! подхватилъ Ванька, сорви-голова, съ разными жестами выступая и раскланиваясь на всѣ стороны: пришла не спрошенная, а ушла не поподчиванная.

Въ это время на шканцахъ забыли на молитву, въ батарее второй барабанъ вторилъ первому. Матросы, снявъ фуражки, начали набожно креститься и отправляться на Богослуженіе.

Не богата церковь моряковъ, не отличается она великолѣпіемъ храма. Одинъ образъ въ батарее съ палоемъ, да кругомъ съ теплыми молитвами офицеры и команда. Нѣтъ особенно выученныхъ пѣвчихъ, увлекающихъ своими голосами, за то цѣлыя сотни молящихся подтягиваютъ церковному пѣнію. Это Богослуженіе не поражаетъ великолѣпіемъ обрядовъ; его совершаетъ старій іеромонахъ, читая слабымъ голосомъ молитвы, и благословляя дряхлою рукою; но эти евангельскія поученія, краткія молитвы, благословеніе, отсутствіе роскоши напоминаютъ Богослуженіе первыхъ Христіанъ, собиравшихся гдѣ-

* Батарее, при раздачѣ вина, всю команду перекакиваетъ по списку, отмѣчая тѣхъ кто пьетъ и не пьетъ.

нибудь въ уединеніи, въ пещерѣ, и почерпавшихъ въ поученіяхъ религіи твердость, готовность къ самопожертвованію и на всѣ истязанія, при выходѣ изъ храма, во славу заповѣданныхъ Спасителемъ истинъ.

Послѣ водосвѣтія, іеромонахъ, въ сопровожденіи капитана и офицеровъ, обошелъ и окропилъ фрегатъ святою водою.

Командѣ просвистали на работу.

И весь фрегатъ пришелъ въ дѣятельность.

Капитанъ, спускаясь къ себѣ въ каюту, окинулъ взоромъ мастерское, художественное вооруженіе фрегата, которымъ онъ щеголялъ передъ своими и иностранными судами, пользуясь славою необыкновеннаго ходока. Потомъ задумчиво посмотрѣлъ на открытую, свѣтлую батарею, облѣпленную абордажнымъ оружіемъ, уставленную ружейными пирамидами, и грустно вошелъ въ свою каюту.

Великъ бываетъ человекъ въ минуту сильнаго увлеченія! Но когда прошло оно, это увлеченіе, такъ дивно настроивавшее душу, каждый ощущаетъ нѣкоторое время и болѣзненную слабость, словно Богъ знаетъ сколько парабаталъ, и какую-то въ самомъ себѣ пустоту, — какъ бы въ слѣдствіе утраты переданныхъ мыслей. Трудно передать всѣ ощущенія, волновавшія капитана; основаніемъ ихъ были: любовь въ командѣ, отвѣтственность по службѣ, отвѣтственность передъ Богомъ за жизнь людей, и наконецъ любовь капитана къ фрегату, на подобіе духовнаго соединенія души съ тѣломъ, понятное для всѣхъ моряковъ, которые видятъ въ службѣ цѣль своей жизни и, прослуживъ на какомъ нибудь кораблѣ, сливаются съ нимъ свои привычки, мысли и чувства.

Если судно, еще на стапелѣ, представляется постороннему зрителю огромною массою сколоченныхъ бревенъ, а внутри его чернѣющіяся пропасти погребовъ, то капитанъ, какъ мать въ не-поэтическихъ формъ новорожденнаго, предвидитъ его будущее значеніе, посвящая ему познанія, свой вкусъ и опытность.

Прѣзжайте лѣса Архангельской губерніи, и извощикъ, указывая вамъ на 17-ти саженьныя деревья, скажетъ: это мачтовыя! и прибавитъ: а срубить ихъ, не приведи Господи! Оплошась—разомъ положитъ человекъ десятокъ, а сжели упадетъ такая махина: расколется на части и сосѣднія деревья пообломаютъ.

Съ такимъ страхомъ и уваженіемъ говорятъ объ одномъ деревѣ, когда ихъ шесть въ общемъ составѣ нужно для одной мачты.

И вотъ, эти мачты въ нѣсколько часовъ подняты, поставлены на корабль, но онѣ безъ корней, какъ человекъ безъ цѣли и надежды, наклоняются изъ стороны въ сторону. Но морякъ прививаетъ ихъ къ новой почвѣ, расчитывая, что имъ придется выдержать штормы, бури, подвижныя горы волнъ, и испытать борьбу съ ураганомъ, который, достигнувъ до берега, уже успокоившись, сметаетъ гигантскія созданія человеческихъ трудовъ и ломаетъ дубы.

Сотни человекъ изъ массы полотна сшили паруса, сотни съ трудомъ притащили изъ мастерской на пристань, но этотъ парусъ, поднятый на высоту нѣсколькихъ сажень, привязанный къ реѣ, не поражаетъ уже ни своею тяжестію, ни своею огромностію, а является въ рукахъ моряка красивою площадью, послушною исполнительницею воли, предположеній и расчетовъ.

Велики труды моряка; онъ ни днемъ, ни ночью не имѣетъ покоя: самая малѣйшая вещь этой сложной машины требуетъ его вниманія, его безконечной дѣятельности. Но эта-то безконечная дѣятельность и связываетъ моряковъ съ кораблями, заставляетъ смотреть на нихъ, какъ на одушевленное существо, двигающееся по произволу воли или расчета моряка, приводящее въ движеніе душу и сердце, когда фрегатъ летитъ въ порывистый вѣтеръ, или скользитъ вдоль берега, котораго побережье наполнено подводными камнями, или на близкое разстояніе подрѣзаетъ другое судно, съ которымъ, не выполнивъ маневра, онъ можетъ столкнуться, переломаться и можетъ даже пустить ко дну. Много подобныхъ случаевъ въ памяти у моряковъ, и каждый въ минуту опасности сливается, какъ бы прирастаетъ къ фрегату, чувствуя въ сердцѣ и движеніе фрегата впередъ, и бурныя всплески съ носу, и движеніе руля за кормою, и напоръ вѣтра на паруса, и близость опасности, которую нужно миновать. Эта опасность сжимаетъ сердце, сдавливаетъ дыханіе, но, избѣгнувъ ее, грудь расширяется, выпрямляется станъ, пробуждается радость и улыбка самодовольствія.

Но для капитана Андреянова фрегатъ имѣлъ еще важнѣйшее значеніе, какъ купленный кровью у Шведовъ.

Первоначальная исторія Венуса тѣсно связана съ церовопа-

чальными подвигами Романа Васильевича Кроуна на поприщѣ русской службы.

Россия была особенно счастлива въ британскихъ офицерахъ, время отъ времени поступавшихъ въ нашъ флотъ. Ревность Англичанъ подать примѣръ русскимъ офицерамъ, состоявшимъ подъ ихъ начальствомъ, была такъ велика, что четырнадцать изъ 36 англійскихъ офицеровъ были убиты или ранены въ шведскую войну, менѣе чѣмъ въ два года.

Екатерина Великая, съ начала своего царствованія, приняла за правило образовывать морскія силы по образцу Англичанъ, и потому ввѣрила построение кораблей Джимсу (James), очень ученому строителю, а начальство надъ нимъ препоручила Самуилу Карловичу Грейгу, который со славою оправдалъ покровительство Великой Монархини, знаменитыми побѣдами надъ Турками и Шведами.

Адмиралъ Кроунъ родился въ Шотландіи, но, въ ранней молодости оставивъ свою родину, прежде служилъ на купеческихъ англійскихъ судахъ, а потомъ на военныхъ, сначала въ Ост-Индіи, а послѣ въ Вестъ-Индіи, въ самое дѣятельное время англійскаго флота въ сѣверо-американскую войну. Командоръ Джонстонъ, имѣвшій случай оцѣнить искусство и ревность штурмана Кроуна, поручилъ ему должность лейтенанта на фрегатѣ Діанѣ. Но не смотря ни на какія достоинства, ни на исправленіе даже должности перваго лейтенанта на фрегатѣ, ни на убѣдительнѣйшія просьбы всѣхъ знавшихъ Романа Васильевича, лорды адмиралтейства не только не хотѣли утвердить Кроуна въ его званіи, но даже не соглашались допустить служить ему въ чинѣ мичмана. Всѣ просьбы были отвергнуты тогдашнимъ первымъ лордомъ Гоу. И Кроунъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ единственному способу продолжать любимую службу, предложивъ свои услуги Императрицѣ Екатеринѣ, которая охотно его приняла въ 1778 году 4-го февраля лейтенантомъ, а черезъ десять дней произвела въ капитанъ-лейтенанта.

Здѣсь мы приведемъ отрывокъ изъ письма Кроуна, писаннаго къ его другу, послѣ значительнаго промежутка времени:

«Меня часто называютъ желѣзнымъ человѣкомъ; говорятъ, что никогда не видали человѣка въ сѣдинахъ, который могъ бы выдерживать такіе труды. Да, я много перенесъ жестокихъ

ударовъ судьбы, и имѣю безпредѣльныя причины быть признательнымъ къ Его Императорскому Величеству, когда сравниваю Его благость ко мнѣ съ несправедливостію, оказанною мнѣ заслугамъ въ странѣ, давшей мнѣ бытіе. Я служилъ ей «вѣброю и правдою въ В. и З. Индіяхъ, во время американской войны, въ опаснѣйшихъ и труднѣйшихъ должностяхъ, иногда «безъ обуви на острыхъ скалахъ, иногда почти обнаженный на «жгучихъ пескахъ по берегамъ Чермнаго моря; остатокъ «глубокихъ слѣдовъ, произведенныхъ этими трудами на все мое «существо, есть единственный свидѣтель моихъ неутомимыхъ «стараній служить родной странѣ, которая, не имѣя во мнѣ «болѣе надобности, бросила меня на берегъ въ Портсмутѣ, «на- «гаго и нищаго, и изрекла мнѣ голосомъ Гоу, чтобы я спис- «кивалъ себѣ пропитаніе, какъ могу. Вотъ человѣколюбіе, спра- «ведливость и милосердіе, дарованныя счастливою стравною со- «члену, который въ званіяхъ штурмана и лейтенанта служилъ «ей вѣрно, который любитъ еще ее горячо и охотно прощаетъ ей.»

(Изъ Nautical Magazine).

Въ 1788 году, эскадрѣ подъ начальствомъ адмирала Грейга было назначено отправиться въ Средиземное море, по случаю войны съ Оттоманскою Портою. Въ числѣ судовъ, были три стонущенные корабля—Чесма, Саратовъ и Трехъ-Іерарховъ. Мелководіе въ копенгагенскомъ проливѣ не позволяло имъ пройти въ полномъ грузѣ, съ полною артиллерією и полнымъ числомъ команды, а потому они и были посланы впередъ въ сопровожденіи транспортовъ, чтобы не задерживать эскадру, когда она придетъ въ Копенгагенъ. Командиръ этого отряда, вице-адмиралъ Фонъ-Дезинъ, доносилъ отъ 25-го іюля Самуилу Карловичу Грейгу:

«Отъ находящагося въ Копенгагенѣ двора Ея Императорскаго Величества чрезвычайнаго посланника и полномочнаго «министра, господина статскаго совѣтника Алексѣя Ивановича «Кридера, получены увѣдомленія, что купленные въ Англій, для «идушаго въ Средиземное море флота, два катера, одинъ большой «а другой малый, въ Копенгагенъ прибыли. А какъ на нихъ «находятся служители, нанятые въ Англій, и однимъ изъ нихъ «по договору срокъ сего числа минулъ, а другимъ минеть че- «резъ двое сутокъ, то дабы не навести казнь ущерба, по со-

«держанію данной мнѣ отъ вашего высокопревосходительства «инструкціи, до прибытія сюда всей части флота, опредѣлялъ «капитанъ-лейтенанта Кроуна съ корабля Чесма на катеръ «Меркурій.»

Катеръ Меркурій, поступивъ подъ команду Кроуна, переоруженъ бригаомъ, и хотя считался 18-ти пушечнымъ, но на него поставили двадцать двѣ двадцати-четырехъ-фунтовые короны, взятые изъ копенгагенскаго адмиралтейства, такъ какъ на нашихъ судахъ коронъ нѣ было, а онъ былъ приведенъ безъ артиллеріи.

Густавъ, король шведскій, видя дѣйствія войскъ, направленныхъ на Турцію, почелъ за удобнѣйшее время, вступая за Оттоманскую порту, извлечь свои выгоды присоединеніемъ обратно Финляндіи. Война была объявлена 12 іюля. Изъ Петербурга курьеръ привезъ это извѣстіе, и вице-адмиралъ фонъ-Дезинъ началъ свои дѣйствія опустошеніемъ Скандіи, лежащей на противоположномъ берегу Копенгагену, а катера послалъ крейсировать за Кахъ-маякъ. Объ нихъ доносилъ адмиралъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ Императрицѣ 3 іюля:

«Катера перехватили шестнадцать купеческихъ судовъ, чѣмъ «почти остановили и пресѣкли шведскую коммерцію черезъ Категатъ въ Балтійское море и обратно.»

Этимъ начинается блестящая страница нашего храбраго моряка—адмирала Кроуна.

Вскорѣ отрядъ вице-адмирала Козлянинова увеличился четьрьмя кораблями, пришедшими изъ Кронштадта, да тремя изъ Архангельска; время становилось позднее, тѣсная копенгагенская гавань не могла въ себѣ вмѣстить всю эскадру, а потому часть судовъ должна была оставаться на рейдѣ, подвергаясь величайшей опасности отъ Шведовъ, покушавшихся ее тайно сжечь. Для предупрежденія этого несчастія, Кроунъ былъ отозванъ изъ Категата и вплоть до ноября крейсировалъ у Борнгольма, такъ сказать, выслѣживалъ за неприятелемъ и постоянно овлаđивалъ купеческими судами, которыхъ число, при концѣ кампаніи, простиралось до тридцати. Съ ранней весны 1789 года, катеръ Меркурій снова былъ отправленъ наблюдать за неприятелемъ между Борнгольмомъ и Карлскроною. Вице-адмиралъ Козляниновъ заступилъ мѣсто фонъ-Дезина, и доносилъ вице-президенту адмиралтейской коллегіи графу Чернышеву:

«Командующій кутеромъ Меркурій, капитанъ-лейтенантъ Кроунъ, посланный отсюда 19го апрѣля, для обозрѣнія неприятеля, «плѣвъ на пути почти непреодолимыхъ трудностей отъ сильнаго «льда, дошелъ наконецъ до назначеннаго ему мѣста и между Борнгольмомъ и Карлскроною $\frac{29 \text{ апрѣля}}{10 \text{ мая}}$ сдѣлалъ нападеніе «на встрѣтившійся кутеръ, по короткомъ, но жестокомъ сраженіи онымъ овлаđилъ, урона съ нашей стороны никакого «не было, перебито только нѣсколько такелажа и парусовъ. На «взятомъ кутерѣ было два офицера, 32 человека команды, имя «кутера Снопъ, начальникъ Ландстафъ. Оный довольно хорошъ «и будетъ употребленъ въ здѣшней эскадрѣ.»

Въ то время, вновь строившимся судамъ въ Архангельскѣ не давали названія до ихъ прихода въ Кронштадтъ. Одинъ изъ нихъ № 9, получивъ поврежденія въ Океанѣ, долженъ былъ зимовать въ Норвегіи. Опасаясь его встрѣчи съ неприятелемъ, который изъ Готенбурга могъ по своему произволу высылать крейсеровъ, начальникъ эскадры Козляниновъ, въ обезпеченіе пути корабля № 9, послалъ отрядъ изъ двухъ фрегатъ и двухъ кораблей подъ начальствомъ капитана генералъ-майорскаго чина Лежнева. Вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ и капитанъ Кроунъ получилъ повелѣніе занять постъ между Скагенномъ и шведскимъ берегомъ, для воспрепятствованія всякой коммуніи со Швеціею.

Снявшись съ якоря, на другой же день, Кроунъ овлаđилъ неприятельскимъ купеческимъ судномъ, отъ котораго узналъ, что шведскій сорокопушечный фрегатъ крейсировалъ въ Категатѣ. Во всѣхъ этихъ плаваніяхъ, Меркурій являлся настоящимъ корсаромъ: паружность его была нарочно обезображиваема; полюсы обтягивали парусиною, и бригъ скорѣе походилъ на купеческое судно, чѣмъ на военное. Хитрость эта, постоянно удававшаяся Кроуну, и въ этотъ разъ, при его приближеніи къ шхерамъ, вызвала съ острова Винг-э лоцмановъ; они выѣхали на своемъ ботѣ и не прежде узнали о своемъ обманѣ, какъ подошла на ружейный выстрѣлъ къ бригу. Но не смотря на всѣ ихъ усилія удалиться подъ парусами и подъ веслами, Кроунъ самъ павелъ пушку, и удачно направленное ядро, пробивъ лодку, заставило лоцмановъ искать спасенія на Меркуріи. Лоцманы, подтвердивъ слухи о шведскомъ фрегатѣ, присоединили, что онъ долженъ находиться между островами Лесао (Лесе-э) и Анхольтомъ.

Романъ Васильевичъ бросился назадъ къ этимъ островамъ и, встрѣтясь съ капитаномъ генералъ-маіорскаго ранга Лежневымъ, сигналомъ извѣстилъ его о непріятельскомъ фрегатѣ. Начальникъ отряда, отвѣтивъ на сигналъ, продолжалъ идти тѣмъ же курсомъ; Меркуріи послѣдовала за нимъ, въ увѣренности, что Лежневъ, имѣя болѣе подробную инструкцію и возможность на болѣе положительныя свѣдѣнія, конечно, знаетъ достовѣрнѣе о непріятелѣ. Отрядъ, прійдя къ Скагену, остался въ виду этого маяка, выполняя инструкцію вице-адмирала Козлянинова: «обезпечить путь шедшему изъ Архангельска кораблю № 9, дѣлать поиски надъ тремя фрегатами, крейсирующими около Готенбурга, и тревожить сколь возможно шведское плаваніе.»

Кроунъ, не довольствуясь обыкновенною дѣятельностію крейсера, и имѣя отдѣльную инструкцію отъ капитана Лежнева, подошелъ подъ корму, спросилъ: что онъ прикажетъ ему дѣлать? И получивъ въ отвѣтъ — исполнять повелѣніе вице-адмирала Козлянинова, пустился отыскивать непріятельскій фрегатъ къ Мальстрому, и 30 мая увидѣлъ его неподалеку отъ шхеръ подъ марсеями. Такъ какъ Меркуріи имѣлъ видъ совершенно купеческій, то и не обратилъ особеннаго вниманія шведскаго капитана, тѣмъ болѣе, что кутерь, лавируя при W, показывалъ видъ, что желаетъ обогнуть Скагенъ и не избѣгать сближенія съ фрегатомъ. Эти маневры продолжались до самой ночи, при наступленіи которой Кроунъ пустился искать отрядъ и увидѣлъ его на разсвѣтѣ 31 мая въ бухтѣ у Скагена, но не входя въ нее, послалъ мичмана Дутохина, — вполнѣнствіи вице-адмирала — извѣстить о непріятельскомъ фрегатѣ, и просить содѣйствія къ его овладѣнію. Изъ отряда былъ отдѣленъ фрегатъ. Кроунъ подъ всѣми парусами пошелъ къ Мальстрому. Отряженный фрегатъ слѣдовалъ за нимъ въ довольно-дальнемъ разстояніи, уступая въ ходѣ Меркурію. Но уже у Мальстрома непріятеля не было! Увидѣвъ англійскій купеческій бригъ, лавирующий къ O, Кроунъ поднялъ шведскій флагъ и, подошедъ къ кущу, спросилъ: не выдалъ ли онъ *нашего* фрегата? Обманутый шкиперъ отвѣчалъ, что видѣлъ его, сегодня утромъ по W сторону Скагена. Обрадованный этимъ извѣстіемъ, Романъ Васильевичъ взялъ курсъ по показанному направленію и вскорѣ увидѣлъ непріятеля, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его опредѣлялъ шкиперъ. Подлѣ фрегата была маленькая шхуна, которая,

принявъ Меркурію за купеческое судно, пошла къ нему и только тогда удостовѣрилась въ обманѣ, когда Кроунъ, подпустивъ ее на близкое разстояніе, сдѣлалъ по ней выстрѣлъ ядромъ. Шхуна подлѣ всѣми парусами бросилась въ шхеры и вполнѣнствіи была взята отрядомъ Лежнева. Но, для капитана Кроуна, не шхуна, не мелкій призь готовился, а слава и возможность высоко встать своимъ подвигомъ, потому онъ пошелъ прямо на непріятеля; нашъ фрегатъ слѣдовалъ за нимъ, командиръ Лежневъ съ остальными судами былъ видѣнъ вдаль, какъ бы готовясь засвидѣтельствовать представившуюся сцену: непріятельскій фрегатъ, подлѣ всѣми парусами, намѣревавшійся укрыться въ шхеры, за нимъ гонящійся бригъ, въ довольно близкомъ разстояніи. По захожденіи солнца, когда непріятель вошелъ въ шхеры, нашего отряда уже не было видно; русскій фрегатъ, назначенный поддерживать дѣйствія Кроуна, былъ вдаль; Меркуріи одинъ наблюдалъ свою добычу, и, чтобы обмануть врага, всю ночь дѣлалъ ложные сигналы, какъ бы переговариваясь со своимъ отрядомъ. Юня 1, утромъ, непріятель лежалъ подлѣ гротъ-марселемъ въ дрейфѣ, и Романъ Васильевичъ, не видя ни своего отряда, ни фрегата, поворотившаго на ночь въ море, пустился ихъ отыскивать, и увидѣвъ около 11 часовъ, подошелъ подлѣ корму командорскаго корабля, словесно увѣдомилъ: гдѣ и какъ оставилъ шведскій фрегатъ. Командоръ, въ отвѣтъ, приказалъ идти и атаковать непріятеля, гдѣ его встрѣтитъ.

Вѣтеръ дулъ попутный къ шхерамъ; на Меркуріи поставили всѣ возможные паруса, но при входѣ въ шхеры сначала запитилъ, потомъ вскорѣ теченіемъ и легкимъ вѣтромъ Меркуріи поднесло къ непріятелю на выстрѣлъ, и Романъ Васильевичъ, воспользовавшись почти неподвижностію непріятеля и своимъ выгоднымъ положеніемъ, открывавшемъ ему корму и четверть праваго фрегатскаго борта, открылъ по немъ огонь, прошелъ подлѣ его кормою, поворотилъ на другой галсъ, прежде нежели подвергнули огню всю его лѣвую батарею, и снова началъ дѣйствовать продольными выстрѣлами по лѣвому борту и кормѣ, потомъ опять поворотилъ вѣдѣлой непріятельской батарее праваго борта, и по его приближеніи въ третій разъ, шведскій фрегатъ, отдавъ марсафалы, спустилъ флагъ передъ Меркуріемъ въ виду нашего отряда.

Въ этомъ первомъ сраженіи, Меркуріи былъ значительно убитъ въ рангоутѣ; убитыхъ было четыре человека, раненыхъ

шесть; на славшемся фрегатѣ Венусѣ, подъ командою маіора Хамсона, находилось 340 человекъ: вчетверо болѣе, чѣмъ на бригѣ.

Юня $12\frac{1}{4}$ вице-адмиралъ Козляниновъ доносилъ графу Чернышеву: «Взятый Шведскій фрегатъ, сколько мнѣ извѣстно, вооруженъ былъ въ Готенбургѣ отборными людьми, ходитъ столь «хорошо, что ходомъ своимъ превосходитъ кутерь Меркурий, «почитаемый во флотѣ нашемъ легчайшимъ судномъ. Я употреблю всѣ мои силы, чтобы вооружить оный наилучшимъ образомъ; и команду надъ онымъ отдамъ капитану-лейтенанту Кроуну, который имъ овладѣлъ, и болѣе всѣхъ къ тому права имѣеть.»

На слѣдующій 1789 годъ, Кроунъ произведенный во второй рангъ съ награжденіемъ орденомъ Георгія 4-го класса, участвовалъ на своемъ фрегатѣ въ боевой линіи, состоявшей изъ десяти кораблей, расположенныхъ передъ Ревельскими укрѣпленіями.

2 мая, утромъ, показался шведскій флотъ подъ начальствомъ генералъ-адмирала, герцога Зюйдерманландскаго.

Адмиралъ Шишковъ, описывая это сраженіе, говоритъ:

«Знаменитая по истинѣ побѣда сія одержана десятью кораблями и фрегатомъ надъ флотомъ троскратно ихъ сильнѣшимъ. Слухъ о приближеніи шведскаго флота въ Финскій заливъ потревожилъ дворъ и столицу. Правительство хотя и предвидѣло сей случай, но не могло отвратить оный; ибо не возможно было Ревель оставить безъ защиты, а тѣснота ревельской гавани не позволяла помѣстить въ ней больше десяти кораблей. Приближеніе весны и разныя извѣстія о сильномъ, «носившемъ вооруженіи шведскаго корабельнаго и гребнаго флота возобновили и усилили страхъ и заботу. При отправленіи адмирала Чичагова въ Ревель разсуждали съ нимъ во дворцѣ о сей предстоящей ему опасности, желая узнать его о томъ мнѣніи. Онъ, не отрицая великости опасности и уважая превосходное число шведскаго флота передъ малочисленною ревельской эскадры, по долгомъ о семъ сужденіи напоследокъ «сказалъ: ну да что же? Вѣдь не проглотятъ! Въ послѣдствіи «Императрица, приказавъ изсѣчь мраморный бюстъ сего адмирала для постановленія оного въ эрмитажѣ, написала свои собственные стихи, вырѣзанные подъ бюстомъ:

Съ тройною силою шли Шведы на него;
Узнавъ онъ рекъ: Богъ защитникъ мой,

Не проглотятъ они насъ!

Отразивъ, плѣнилъ и побѣду получилъ!»

За великую побѣду Кроунъ награжденъ золотою шпагою съ надписью за храбрость.

Кронштадтскій флотъ, соединясь въ ревельской эскадрю, заперъ линійный шведскій флотъ въ Выборгскомъ заливѣ, гдѣ находилась и его гребная флотилія, и самъ король на берегу съ сухопутными войсками. Открытымъ моремъ непріятель не могъ имѣть сообщенія со Швецію, и чтобы прекратить всякое сношеніе шхернымъ фарватеромъ, Романъ Васильевичъ, съ Венусомъ, фрегатомъ Прамиславомъ и четырьмя кутерами, былъ отправленъ для поисковъ къ Питкопасу, для устраниенія 16 непріятельскихъ судовъ, которые намѣрены были пройти изъ Фридрихсгама въ Выборгъ. Черезъ два дня Кроунъ донесъ, что изъ восьми непріятельскихъ судовъ, четыре взяты, одно ушло, а три сожжены самимъ непріятелемъ. Оставаясь на этомъ ложномъ постѣ, Романъ Васильевичъ юня 21 былъ атакованъ шведскою флотиліею, состояшею изъ 50 судовъ. Въ продолженіе трехъ-часоваго сраженія, непріятель подъ веслами три раза выстраивался въ линію, напирая со всѣхъ сторонъ на фрегатъ Венусъ, и три раза былъ прогоняемъ, наконецъ сжегъ свои шесть канонерскихъ лодокъ, значительно поврежденныхъ, и скрылся между островами.

При прорывѣ шведскаго флота сквозь насъ, въ Выборгскомъ заливѣ. Кроунъ, на своемъ фрегатѣ, атаковавъ часть непріятельской флотиліи, истребилъ ее, и преслѣдуя бѣгущій флотъ въ 11 часу ночи, догналъ у Гохланда одинъ изъ непріятельскихъ фрегатомъ, принудилъ его спустить флагъ, но не смотря на это выраженіе покорности, непріятель, пользуясь ночью темнотою и попутнымъ вѣтромъ, успѣлъ уйти. Юня 23, продолжая гнать непріятеля, бѣжавшаго въ Свеаборгъ, фрегатъ Венусъ, при пособіи корабля Изяславъ, послѣ сраженія, продолжавшагося часть съ четвертью, овладѣлъ шестидесятипушечнымъ кораблемъ Ретвизонъ.

Жена Романа Васильевича была вѣрною спутницею во всѣхъ его сраженіяхъ и плаваніяхъ; она, одушевленная необыкновенною неустрашимостію и рѣкимъ, въ женщинахъ, присутствіемъ духа, часто въ пылу сраженія исполняла должность фельдшера, и въ послѣдствіи была награждена ежегодною пенсіею въ 1000 руб. серебромъ.

И этотъ фрегатъ, столь знаменитый вполѣдствіи на водахъ Средиземнаго Моря и въ дѣйствіяхъ противу Турокъ, подъ главнымъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина, былъ принуждаемъ въ 1807 году слатся!

Лейтенантъ Насѣкинъ, посланный къ нашему посланнику увѣдомить его о геройскомъ рѣшеніи офицеровъ и команды Венуса, засталъ его въ самомъ тревожномъ расположеніи духа.

Англійскій министръ Друммондъ при Сицилійскомъ дворѣ, требовалъ, чтобы фрегатъ Венусъ и всѣ русскія купеческія суда, находившіяся въ сицилійскихъ портахъ, были бы ему выданы. Въ противномъ случаѣ онъ отказывался отъ продолженія субсидій, и грозилъ, что главнокомандующій англійскими войсками, генералъ Муръ, не будетъ ограждать острова отъ покушеній, дѣлаемыхъ Юсіфомъ Бонапарте, королемъ Неаполитанскимъ, для присоединенія Сициліи къ своему королевству.

Нашъ министръ Татищевъ, основываясь на сказанномъ ему королевою передъ официальнымъ разрывомъ съ Великобританію: «Будьте увѣрены, король никогда не подниметъ оружія «противу Россіи, Императоръ Александръ былъ всегда нашимъ «покровителемъ, и мы этого никогда не забудемъ»,—обратился прямо къ королю и королевѣ, испрашивая аудіенціи. Но, не смотря на это, маркизъ Черчелъ подалъ ему ноту, требуя, чтобы фрегатъ непремѣнно оставилъ Палермо въ теченіе одного дня.

«Фрегатъ не можетъ выйти безъ пороха изъ порта, когда на рейдѣ стоитъ непріятельская эскадра, и послѣдствія сраженія «между силами столь неравными не могутъ быть сомнительны,— «отвѣчалъ нашъ посланникъ.—Притомъ же, фрегатъ пришелъ въ «портъ дружественный, въ немъ и останется до болѣе благо- «спріятныхъ обстоятельствъ, убѣжденный, что Его сицилійское «Величество будетъ отвѣчать Императору Россійскому за всякое «оскорбленіе, причиненное его флагу.»

— Говорите, говорите, на что рѣшился капитанъ? спросилъ посланникъ, отправивъ бумаги къ Черчелю.

— Сжечь фрегатъ!

— Сжечь!

Угрюмое лицо посланника выяснилось; онъ попросилъ лейтенанта разсказать ему всѣ подробности.

— Передайте вашему капитану, говорилъ посланникъ, провожая лейтенанта, что я вижу въ немъ настоящаго Русскаго.

Намѣреніе ваше геройское, но я постараюсь отвратить погибель храбрыхъ, обрѣкшихъ себя на столь славную смерть. Ежели же не успѣю въ моемъ предпріятіи, то, окончивъ дипломатическое мое дѣло, самъ явлюсь на фрегатъ, и почту за счастье раздѣлить съ вами опасность. А между тѣмъ попросите капитана доставить мнѣ немедленно сигнальныя книги и всѣ секретныя бумаги.

При выходѣ лейтенанта изъ дома посланника, его окружила дѣлая толпа любопытныхъ; всѣ старались узнать что намѣрены Русскіе дѣлать противу насилія Англичанъ, которыхъ власть уже тяготила жителей Сициліи и которые хотѣли чѣмъ бы то ни было сбавить снеси у своихъ покровителей.

Улицы Палермо съ ранняго утра обращаются въ базаръ. Подвижные буфеты съ холодною водою и лимонадомъ перемѣняются съ мѣста на мѣсто. Продавцы зелени, макаронъ и разныхъ фруктовъ кочуютъ по произволу. Вотъ дѣльній мясной рядъ. Тутъ же и ремесленники: кто точитъ, кто куетъ. Далѣе, подвижная часовня съ восковыми изображеніями святыхъ. Женщина при всѣхъ, не церемонясь, кормитъ груднаго ребенка. Аббатъ говоритъ рѣчь окружающимъ. Шарлатанъ громкимъ голосомъ проповѣдуетъ о достоинствѣ своихъ элексировъ, распылая и дѣлая разныя движенія тѣломъ и лицомъ, и приглашаетъ покупателей не скупись; для каждаго изъ нихъ хранится у него средство, то приворожить сердце молоденькой дѣвушки, то разбогатѣть, похорошѣть или прожить за сто лѣтъ, сохранивъ молодость и здоровье. Бродящія лазароны слушаютъ и удивляются разсказамъ и подвигамъ своего собрата. Вездѣ шумъ, гамъ въ нестрой и неопрятной толпѣ, мимо которой проходилъ лейтенантъ, направляя свой путь къ фрегату.

— Стой! Стой! Марса-фалы отдай! кричалъ мичманъ, нагоня товарища у Моло.

— А! Ну, какъ ты управился? спросилъ лейтенантъ.

— Какъ нельзя лучше! отвѣчалъ мичманъ, весело смѣясь. Я говорилъ капитану, что доставемъ порохъ у шхиреровъ. Какую я сказалъ имъ рѣчь! да и самихъ тащу на фрегатъ.

— Bravo!

— Рѣчь-то я говорилъ на всѣхъ языкахъ вдругъ, чтобы не оскорбить ни одной націи предпочтеніемъ.

— Чтò ты!

— Право такъ! собралъ да и пачалъ говорить: синьоры! вамъ

будеть плохо! А!.. У!.. О!.. отозвались синьоры—въ этомъ родѣ, на своихъ природныхъ языкахъ; видишь ихъ забрало за живое! Потомъ я имъ сказалъ, что Англичане хотятъ ихъ конфисковать. Тутъ опять поднялись тѣже выраженія, но только болѣе продолжительныя. Намъ тоже плохо, заключилъ я вдругъ, хотимъ взорваться, да нѣтъ пороху, такъ капитанъ приказалъ попросить—не продадите ли? Ну, ужъ тутъ поднялся такой шумъ и крикъ, и такія длинныя рѣчи, что я, не разобравъ, рѣшилъ ихъ всѣхъ притамить на фрегатъ.

— Русскіе—наши старшіе братья, говорили Бокечцы. Они спасли насъ отъ Французовъ.

— Если бы не русская эскадра, кричали Греки: насъ перерѣзали бы Турки, разорили бы въ конецъ.

— Англичане варвары, ворчали Датчане: они выжили Копенгагенъ.

— Одинъ только Бѣлый Царь * могъ выбрать и прислать такого батьку, какъ Сенявинъ.

— На свой страхъ удержалъ Катаро и наши семьи спасъ отъ смерти.

— Слышшиш ли, какъ я подкуражилъ ихъ своею рѣчью, не могутъ угомониться! замѣтилъ мичманъ.

Приблизясь къ фрегату, офицеры оправились, шхиперы замолчали, и всѣ съ невольнымъ почтеніемъ вступили на Венусъ, гдѣ, съ пѣслями, матросы работали.

Команда, на верхней палубѣ по бортамъ, мостила банкеты, въ батареѣ заколачивали нѣкоторые борты, чтобы не разобщать силы, не тратить лишнихъ зарядовъ и не подать неприятелю возможности влѣзть въ открытые порты. На марсы подавали койки и устранивали изъ нихъ бруствера, сносили балласть, привязывали его къ горденямъ, для подъема на ноки (концы) реи, откуда падая, онъ долженъ былъ проламывать неприятельскія шлюпки, пристающія къ фрегату и убивать неприятелей. Оттачивали абордажныя оружія, размѣщали ихъ по палубамъ. Дѣятельность на фрегатѣ была необыкновенная, словно въ разстроенномъ муравейникѣ, но по общей, веселой беззаботности, нельзя было предполагать, что уже смерть жадно смотрѣла на готовящуюся ей обильную жатву.

При выходѣ капитана на шканцы, Бокечцы, прижавъ правую руку къ сердцу и подобравъ полы своихъ длинныхъ казакинновъ,

* Названіе, присвоенное Черногорцами Русскому Императору.

чуть не до земли поклонились, не спуская съ него глазъ. Греки привѣтствовали его быстрыми движеніями рукъ и тѣла, осѣдая въ свои широкіе шаравары и размахивая длинными кистями красныхъ фесокъ. Датчане кивнули красными, круглыми лицами и, по обыкновенію моряковъ, заложивъ руки за спину, съ глупокомысліемъ начали поводить большими пальцами рукъ, однимъ около другаго.

— Капитанъ! тебѣ нуженъ порохъ? Бери его весь, но только безъ платы, сказали Бокечцы.

— Бери всё, что захочешь! подхватили Греки.

— И мы согласны помогать! проговорили Датчане.

— Мы твои! Возьми насъ въ число команды! закричали Бокечцы, желая перецеголять всѣхъ усердіемъ.

— И насъ! и насъ! подхватили въ голосъ остальные шхиперы.

— Благодарю! отвѣчалъ капитанъ. Намъ нуженъ только—порохъ.

— Сейчасъ привеземъ! закричали въ одинъ голосъ шхиперы, бросаясь съ фрегата.

— Стой! Остановитесь! крикнулъ Датчанинъ. Послушайте, капитанъ! Вамъ не нужна наша команда, такъ позвольте намъ, на вашихъ фрегатскихъ шлюпкахъ напасть на Англичанъ, во время ихъ нападенія на фрегатъ.

Капитанъ, вмѣсто отвѣта, низко поклонился.

— И когда, ты взорвешь фрегатъ, проговорилъ Бокечецъ: мы засжемъ наши суда и пустимъ ихъ, прямо, на городъ.

— Засжемъ! засжемъ и пустимъ! повторили остальные.

— Чѣмъ же жители виноваты въ нашемъ несчастіи? возразилъ капитанъ. Правда, вмѣстѣ со мною взлетитъ на воздухъ сицилійская эскадра.

Онъ указалъ на корабль, въ который упирался утлегаремъ. — Но, это за то, продолжалъ капитанъ: что ея правительство не имѣетъ ни силы, ни даже хитрости отговорить Англичанъ, и доказать имъ, что безчестно цѣлою эскадрою нападать на одинъ фрегатъ. Безвинныхъ же жителей нужно щадить.

— Чего намъ ожидать отъ Англичанъ, когда они такъ поступаютъ съ военнымъ фрегатомъ! замѣтилъ одинъ изъ шхиперовъ.

— Мы непременно засжемъ суда и высжемъ городъ! подхватили остальные, оставляя фрегатъ.

Изъ письма князя Александра Куракина, вѣнскаго посланника, въ морскому министру Павлу Васильевичу Чичагову видно слѣдующее:

«Шькто Николай и Тимоѳей Петровичи, родомъ изъ Бо-ско ди — Катаро, во время пребыванія флота нашего въ Адриатическихъ и Ионическихъ моряхъ, были употребляемы отъ командующихъ морскими силами Его Императорскаго Величества на собственныхъ судахъ, ими самими вооруженными и содержанными, въ разныя посылки по службѣ Государя Императора. Находились при взятіи Курцолы и Браццы, по заключеніи мира отвозили войска наши изъ Катаро въ Венецію, и потомъ, состоя въ Палермо съ фрегатомъ Венусомъ, оказали при семъ случаѣ равномѣрно великія услуги, доставивъ фрегату нашему порохъ и другіе воинскіе снаряды.»

Къ захожденію солнца, фрегатъ былъ снабженъ и приготовленъ выдержать упорную битву. Братья Петровичи привезли три бочки порха, а за ними датскіе и греческіе шхиперы доставили его столько на Венусъ, что онъ могъ дѣйствовать верхнимъ декомъ и тремя орудіями нижняго. Каждый стрѣлокъ имѣлъ по три ружья и по два пистолета.

На фрегатѣ, обращенномъ, такъ сказать, въ сухопутную крѣпость, сдѣлали примѣрное ученіе, разставили каждаго на предписанное мѣсто, и сорокъ человѣкъ назначили къ тому, чтобы заряжать и полавать готовыя ружья стрѣлкамъ. Пистолеты, сабли, конья, пики, бердыши, ломы и ганшпуги были положены у каждаго подъ руками.

При концѣ ученія, командѣ прѣзвистали ужинать.

— Ну-ка, попробуемъ! ухмыляясь проговорилъ Губай, прибрасывая на плечо ружье.

— По-нашенски, вотъ такъ лучше! крикнулъ Иванковъ, замахиваясь на него ганшпугомъ.

Ванька, сорин-голова, схватилъ пику, кольнулъ слегка Иванкова сзади, и тѣмъ усмирилъ буйный духъ ражаго молодца, при громкомъ смѣхѣ окружающихъ.

Вечеромъ, вся пристань была покрыта экипажами и зрителями, пѣсни—всегдашнее выраженіе чувствъ и жизни южныхъ жителей—не раздавались. Всѣ, принимая живое участіе въ судьбѣ Русскихъ, хотѣли взглянуть на новое, невиданное зрѣлище: какимъ образомъ фрегатъ и союзныя купеческія суда будутъ горѣть, а Англичане нападать. Тысячи звѣздъ и мѣсяцъ, отражаясь въ си-

невѣ тихо-волнующагося залива, освѣчивались на бѣлыхъ мачтахъ фрегата, на его лоснящемся рангоутѣ, и временами пробѣгали лучами своими по штыкамъ и стволамъ ружей часовыхъ, прохаживавшихся по палубѣ. Почти во всѣхъ домахъ Палермо, обращенныхъ къ пристани, свѣтились огни, и въ окнахъ мелькали тѣни любопытныхъ. На небѣ безмолвіе, на Моло и на набережной глухой ропотъ. Въ толиѣ проклинали Англичанъ; нѣкоторые говорили громко, что будутъ зрителями постыднаго зрѣлища; что огонь зажженныхъ судовъ, освѣтивъ Палермо, освѣтитъ потомству и современникамъ постыдную зависимость отъ корыстолюбивыхъ Англичанъ, и ужасную необходимость русскаго капитана предать своихъ сослуживцевъ неминуемой и жестокой смерти. Всѣ съ уваженіемъ произносили имя капитана, офицеровъ, и съ тайнымъ ужасомъ смотрѣли на фрегатъ, погруженный въ тишину, въ мракъ ночи, который, какъ бы притаясь, готовилъ скрытый отпоръ неприятелю.

Въ близкомъ разстояніи отъ Венуса держалась на веслахъ гичка.

— Что, Ровлей? сказалъ одинъ изъ сидящихъ: вѣдь нашъ министръ справедливо меня увѣдомилъ, что Русскіе приготовились къ отчаянной оборонѣ.

— Да, Адмиралъ! отвѣчалъ корабельный капитанъ: Русскіе не любятъ по-пустому тратить словъ. Они самый невыгодный для насъ неприятель; дерутся до послѣдней капли крови, но и тутъ не сдадутся.

— За это-то Англичане ихъ любятъ и уважаютъ. По-моему, ежели нужно сражаться, такъ это съ достойнымъ, храбрымъ неприятелемъ. Впрочемъ, русскій капитанъ долженъ полагъ, что для него я не измѣню своего рѣшенія овладѣть фрегатомъ.

— Онъ съ твердымъ, непоколебимымъ характеромъ.

— Тѣмъ хуже для него и для всей команды. Вѣдь я отъ имени цѣлой эскадры требую сдачи фрегата.

— И онъ все таки не сдастъ.

— Въ такомъ случаѣ принудимъ.

Въ два часа, когда день началъ чуть брѣжить, десантныя войска Англичанъ начали собираться къ кораблю, ближе всѣхъ стоящему къ Венусу.

На фрегатѣ пробили тревогу, команда вострепнулась, бросилась на свои мѣста, и батарея вдругъ освѣтилась фонарями.

— Съ Богомъ, ребята! Смотри, не плашай! послышался твер-

дый и звучный голос капитана, на который команда единодушно отвѣчала громкимъ ура!

Зрители всѣ вдругъ умолкли, присосли казалось къ своимъ мѣстамъ. Тысячи рукъ въ толпѣ начали креститься, между женщинами послышалась глухая рыданія, всѣ ожидали минуты жестокаго, упорнаго сраженія.

Капитанъ, собравъ на шканцы офицеровъ, сказалъ: Господа! если не успѣю меня убить, то я самъ взорву фрегатъ на воздухъ. Если же меня убьютъ, то зажигайте Венусъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ старшему лейтенанту. Если же и васъ не станетъ, то послѣдній изъ офицеровъ, оставшійся въ живыхъ, въ то время, какъ фрегатъ наполнится Англичанами, взорветъ крюйтъ-камеру. А для выполненія моего приказанія, я кладу заряженный пистолетъ на шпиль.

Всѣ офицеры, почтительно поклонясь, разошлись по своимъ мѣстамъ.

Вскоръ шлюпки съ десантомъ отправились обратно къ своимъ кораблямъ, на фрегатѣ ударили отбой, и все по прежнему погрузилось въ тишину, словно она никогда не прерывалась.

Рано утромъ, англійскій корабельный капитанъ Ровлей приѣхалъ на фрегатъ и былъ встрѣченъ съ полною почестію, по обыкновенію строго исполняемою между моряками.

На фрегатѣ заведенный порядокъ не прерывался, во всемъ видна была чистота, только рѣзко отдѣлялись сдѣланные изъ простыхъ досокъ банкеты отъ выкрашенныхъ шканцевъ, да мѣстами на палубѣ въ кучу были сложены абордажныя оружія, а къ вокамъ рей подняты связки балласту.

Русскій и англійскій капитаны остановились у шпилья, на которомъ лежалъ заряженный пистолетъ.

— Я долженъ вамъ объявить, сказалъ Англичанинъ, подавая письмо: что имѣю предписаніе отъ адмирала, дать вамъ времени на размышленіе только до полудня.

— Я не замедлю отвѣтомъ; но, вотъ вамъ честное слово, что мой фрегатъ никогда не будетъ вашимъ.

И Андреяновъ принялся читать слѣдующее письмо:

«Его Британскаго Величества корабль *Роль-Сверингъ*. Палермо.

Милостивый Государь!

«Объявленіе войны между Великобританіею и Россіею даетъ мнѣ право требовать сдачи фрегата эскадрѣ Его британскаго Величества. Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ вы находитесь, «ни побѣга, ни сопротивленіе ясно невозможно, и слѣдствіемъ «безполезной защиты будетъ вѣрная потеря храбрыхъ людей, «вамъ подчиненныхъ, а потому надѣюсь, что не принудите меня «къ прискорбной необходимости поддержать мое требованіе силою оружія.

Милостивый Государь!

Вашъ покорнѣйшій слуга

Торнброу,

Вице-адмиралъ Его Британскаго Величества.»

Капитанъ, прочитавъ письмо, показалъ его офицерамъ и, обратился къ командѣ, сказалъ:

— Ребята! Вчера мы дали другъ другу слово умереть съ честью, и теперь я требую вашего подтвержденія.

— Умремъ всѣ, но не сдадимся! закричали въ одинъ голосъ его окружавшіе.

— Умремъ всѣ, но не сдадимся! подхватили въ палубѣ, и словно эхо перекатомъ переносило одинъ и тотъ же звукъ въ разныя мѣста.

Удивленный Англичанинъ смотрѣлъ кругомъ и не спросилъ даже о значенія этого крика, раскланялся и поспѣшно уѣхалъ съ фрегата.

Капитанъ отвѣчалъ слѣдующее:

«Ваше превосходительство!

Находясь въ гавани Его Величества Короля Сицилійскаго, союзной и намъ дружественной, зная права нейтралитета и гостеприимства, кои доселѣ отъ всѣхъ просвѣщенныхъ націй

почитаемы были священными и ненарушаемыми, я считаю себя безопаснымъ отъ васъ.

Имѣю честь быть

Вашего превосходительства,
милостиваго государя,
покорный и послушный слуга
Кондратій Андреевъ,

Его Императорскаго Величества, моего
Всемилостивѣйшаго Государя капитанъ-лейтенантъ и командующій фрегата Венуса, въ Палермской гавани, 1807 года
27 декабря ст. стила.»

Съ этимъ письмомъ былъ посланъ мичманъ Броневскій, который въ своей замѣчательно-хорошей книгѣ, подъ заглавіемъ *Записки морскаго офицера*, сохранилъ для потомства знаменитый подвигъ фрегата Венуса. Мы рѣшаемся здѣсь привести сполна весь рассказъ Броневского, какъ дѣйствующаго лица.

«Имѣя на шлюпкѣ бѣлый флагъ, присталъ я къ адмиральскому кораблю Рояль-Соверинъ. Капитанъ корабля, встрѣтивъ меня у лѣстницы и не допустивъ караульнаго офицера завязать мнѣ глаза, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: вотъ какъ обстоятельства перемѣняются, и мы теперь непріатели; но однакожь «никогда конечно не будемъ врагами; Англичанинъ и Русскій «всегда будутъ уважать другъ друга. Между тѣмъ подошли мы «къ двери, шесть часовыхъ съ офицеромъ отдали мнѣ честь, «мы вошли въ каюту. Адмиралъ выступилъ впередъ, поклонился, «разорвалъ пакетъ, развернулъ письмо, наморщилъ брови, «поднесъ письмо ближе къ глазамъ, потомъ подошелъ къ окну, «еще разъ посмотрѣлъ, хладнокровно улыбнулся и, подавая оное «капитану, сказалъ: похоже на греческія литеры. Потомъ, обернувшись ко мнѣ, продолжалъ: я не умѣю читать по русски, вы «говорите по англійски, то чтобы скорѣе кончить наше дѣло, «объясните въ чемъ смыслъ письма вашего заключается?»

— «Мнѣ поручено только вручить его вашему превосходительству.

— «Такъ вы хотите вѣсть дипломатическую переписку?»

«Я молчалъ.

«Адмиралъ взглянулъ на меня и, уразумѣвъ, что я отвѣчать «не хочу, закинулъ руки за спину и началъ ходить по каю-

тѣ. При каждомъ оборотѣ окидывалъ онъ меня съ ногъ до головы суровымъ взоромъ, я смотрѣлъ въ окно или спускалъ «внизъ глаза. Адмиралъ, остановясь и подумавъ нѣсколько, наконецъ отрывисто сказалъ: пожалуйста обождите, я позову васъ. «когда будетъ пужно. Я поклонился, вышелъ, меня проводили «въ каютъ-компанію; знакомые офицеры, обступя меня, спрашивали: чѣмъ вы кончили?—Ничѣмъ! И разговоръ обратился на «посторонніе предметы. Подали чай, завтракъ и газеты. Каждый офицеръ приглашалъ меня въ свою каюту, потомъ водили «меня по всему кораблю, считали сколько ядѣрь попало въ «него въ Трафальгарскомъ сраженіи, и наконецъ показали прекраснѣйшій арсеналъ на кубрикѣ. Ружья, сабли, пистолеты—чистые и свѣтлые какъ стекло; гвозди, рымы, блоки и прочія «принадлежности расположены по стѣнамъ точно такъ, какъ въ «галантерейной лавкѣ. Вышелъ на верхъ, я посмотрѣлъ на часы, и четыре часа уже прошло.

«Какъ Англичане и у министра своего не могли видно сказать, кто бы перевелъ письмо, то меня въ сіе время и позвали къ адмиралу въ каюту.

«— Садитесь! Вы не хотите сдать? такъ началъ Торнброу, «и конечно думаете, что я не имѣю права взять фрегатъ вашъ «силою, или на что-нибудь надѣетесь?»

«— Мы сначала полагали, отвѣчалъ я, что вы для одного «фрегата не нарушите должнаго уваженія къ королю, которому невозможно, какъ казалось, предать насъ въ руки непріателя; надѣялись, что Его Величество не потерпитъ, чтобы въ «его гавани, въ его глазахъ, оскорбленъ былъ флагъ того «Императора, который два раза возвращалъ ему престолъ, но «теперь мы знаемъ ваше намѣреніе и его мысли, не ожидаемъ ни отъ кого никакой помощи и почитаемъ себя обязанными исполнить то, что должи намъ повелѣвать.

«— Оставимъ разсужденія, возразилъ адмиралъ: и заключимъ «тѣмъ, что вы должны сдать, ибо переговоры наши иначе «кончатся не могутъ.

«— Одно средство, которое отъ имени капитана осмѣливаюсь «предложить вашему превосходительству, можетъ васъ и насъ «взбавить отъ нареканія: позвольте фрегату выйти изъ Палермо; позвольте намъ воспользоваться принятымъ морскими державами правомъ, и послѣ 24 часовъ, не нарушая сихъ правъ

«не оскорбляя короля, мы въ морѣ, а не въ гавани, сражались, рѣшимъ: кому предъ кѣмъ спустить флагъ».

«Адмиралъ, никакъ не ожидавшій такого предложенія, взглянувъ въ окно, сказалъ: the bird, which is in a cage, is of more value than in the air (птичка въ клеткѣ, всегда лучше, чѣмъ на свободѣ). Не правда ли, что фрегатъ вашъ весьма легокъ на ходу? Но неужели вы думаете ускользнуть отъ цѣлой эскадры? Я не могу однако жъ, продолжалъ адмиралъ, нѣсколько подумавъ, согласиться на предложеніе ваше, во первыхъ, что «обязался бы отвѣтомъ моему правительству за напрасное пролитіе крови тогда, какъ могу и безъ онаго достигнуть своей цѣли; во-вторыхъ изъ личнаго уваженія къ русскому мужеству, и щадя жизнь храбрыхъ вашихъ людей, въ другихъ случаяхъ, могущихъ съ пользою служить своему отечеству, я «не отнимаю у васъ чести, предлагая сдатьъ цѣлой эскадрѣ, «а не одному кораблю».

«— Вашему превосходительству уже извѣстно, что мнѣ поручено только доставить вамъ письмо и съ отвѣтомъ вашимъ «возвратиться».

«— Очень хорошо, я дамъ отвѣтъ, но послѣдній, послѣ котораго не приму никакихъ возраженій и предложеній».

«Капитанъ, пригласивъ меня въ свою каюту, какъ кажется, «имѣлъ порученіе уговорить меня. Вотъ разговоръ мой съ «нимъ».

«— Неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы хотите защищаться противу пяти кораблей перваго ранга; мужество въ семь случаевъ не «у мѣста! Любящему свое отечество должно беречь жизнь для «лучшихъ обстоятельствъ. Сдаться превосходному въ силахъ «непріятелю отнюдь не безчестно, я вамъ могъ бы привести «многіе на сіе примѣры, но скажу только одинъ: въ прошедшую «войну два нашихъ корабля въ туманѣ сошлись съ испанскими «флотомъ и сдались безъ драки».

«— Русскіе, отвѣчалъ я: безъ сраженія никогда не «сдаются».

«— Но въ вышшемъ положеніи, возразилъ капитанъ: кому «нибудь изъ насъ надобно уступить, и это конечно вамъ. Если «капитанъ и офицеры согласятся, продолжалъ капитанъ, сдать- «ся безъ сраженія, то не будутъ имѣть причины жаловаться «яна влѣвъ. Вы въ Англій будете въ гостяхъ, вездѣ хорошо

«приняты, и я особенно съ моей стороны предлагаю вамъ домъ «мой въ Лондонѣ».

«— Свободнымъ, а не плѣннымъ, я былъ бы обязанъ благо- «дарить за вѣжливость вашу, но теперь повторяю вамъ, что я «не уполномоченъ вести переговоры, и чтобы не тратить на- «прасно словъ, прошу позволить мнѣ возвратиться на фре- «гатъ».

«Въ это время доложили капитану, что ѣдетъ министръ «Друммондъ».

«Я прохаживался по шканцамъ съ офицерами, какъ вдругъ «поднялся сигналъ, и вскорѣ со всѣхъ кораблей барказы съ вер- «нами пошли къ кораблю Иглъ. Это значило, что рѣшились «взять Венусъ силою. Подошедъ къ капитану, я просилъ его до- «ложить адмиралу, не угодно ли ему будетъ дать мнѣ не медля «отвѣтъ».

«— Его превосходительство, отвѣчалъ мнѣ капитанъ: жела- «етъ, чтобы вы остались здѣсь, а плюнку вашу можете отпус- «тить».

«— Остаться здѣсь! Неужели, капитанъ, вы хотите задержать «меня? Напомните его превосходительству, что я парламентѣръ, «и кто повѣритъ, чтобы вы меня задержали? Товарищи мои по- «думать могутъ, что я самъ, по своей волѣ, остался у васъ на «кораблѣ. Надѣюсь, что англійскій адмиралъ, безъ нужды и «причины, такъ безчеститъ меня не пожелаетъ».

«— Успокойтесь, пожавъ мнѣ руку, сказалъ капитанъ: поѣз- «жайте. Очень впрочемъ жалѣю, что вы, будучи уже ранены, «не хотите избавить себя опасности, которой могли бы избѣг- «нуть»».

Число экипажей на набережной Марино, Моло и пристани уве- «личивалось съ каждымъ часомъ. Все пространство берега, всѣ «окны и терасы домовъ, обращенныя къ гавани, были наполне- «ны зрителями и зрительницами, одѣтыми, по обыкновенію юж- «ныхъ жителей, въ яркіе цвѣта. Слово всѣ собрались къ ка- «кому-нибудь торжественному празднеству».

И... вотъ стопушечный корабль Иглъ (Орелъ) снялся съ якоря и на завозахъ потанулся къ Венусу; каждая минута все болѣе и болѣе сближала противниковъ и показывала неровность силъ. Вотъ уже корабль, какъ великанъ, рисуется передъ фрега- томъ, готовясь его сокрушить однимъ вѣрнымъ залпомъ. У зрителей замираютъ сердца, дыханіе захватывается, еще ми-

нута... и можно уже заранѣе судить о послѣдствіи сраженія. Англичане явно издѣваются надъ безсиліемъ своихъ союзниковъ, рѣшаясь безславно овладѣть фрегатомъ, въ глазахъ короля и народа, подъ стѣнами крѣпостей, въ столицѣ, въ средоточіи жителей цѣлаго острова, не уважая ни общественныхъ, ни частныхъ правъ. Но и на всѣхъ крѣпостяхъ вдругъ подняли флаги, чего прежде не дѣлывали, изъ города въ клубкахъ пыли показалась скачущая артиллерія по направленію къ фрегату, за артиллеріею выступала гвардія. Народъ привѣтствовалъ королевское войско изступленными криками радости.

И въ то время, какъ англійскій корабль становился борть-о-борть съ фрегатомъ, готовясь по немъ дѣйствовать своею артиллеріею на самомъ близкомъ разстояніи, на Венусѣ подняли сицилійскій флагъ при неумолкаемыхъ, восторженныхъ крикахъ всего палермскаго пародонаселенія.

Русскій министръ, воспользовавшись замедленіемъ переговоровъ, успѣлъ въ частной аудіенціи уговорить короля, взять лучше нашъ фрегатъ себѣ, нежели отдать его, въ своей собственной гавани, Англичанамъ. И когда корабль уже почти подтянулся къ фрегату, явился уполномоченный отъ сицилійскаго правительства, полиціеімейстеръ палермскій, кавалеръ Кастроппи, и вмѣстѣ съ нимъ отъ нашего министра секретарь посольства Булгаковъ.

Первый, именемъ короля, объявилъ, что фрегатъ со всѣми принадлежностями, какія приняты будутъ, по заключеніи мира возвратится русскому правительству, офицеры и служители, ежели согласятся сдаться безъ сраженія, пагубнаго всему палермску порту, будутъ почитаемы не пѣвными, а гостями, и при первомъ случаѣ, по полученіи отъ Императора Россійскаго приказанія, или останутся въ Палермо, до заключенія мира съ Англіею, или возвратятся въ Россію сухимъ путемъ. Въ заключеніе король бралъ на себя содержаніе команды и офицеровъ по русскому штату.

Секретарь посольства подтвердилъ, что самъ нашъ посланникъ исходатайствовалъ эту капитуляцію, и что фрегатъ можетъ ею воспользоваться. Вотъ эта капитуляція въ переводѣ съ Италіанскаго:

«Кавалеръ Татищевъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Его Величества Императора Всероссийскаго, при Его Величествѣ Королѣ обѣихъ Сицилій, потюю отъ сего числа

объявилъ, что согласно предъидущимъ нотамъ, полученнымъ отъ министерства Его Величества Короля обѣихъ Сицилій, отъ 7 и 9 числа сего мѣсяца, оиъ предполагалъ, что обѣ Державы находятся въ военномъ положеніи, а по сему и снялъ Императорскій гербъ съ своего дома *.

«Въ слѣдствіе такого объявленія, Его Величество Король обѣихъ Сицилій обязанъ пзвѣстить командующаго Россійскимъ фрегатомъ, прося его о сдачѣ Венуса правительству Его Королевскаго Величества, ибо въ противномъ случаѣ подвергнется кровопролитію множество храбраго народа.

«Отъ скорого и рѣшительнаго отвѣта зависѣть будутъ дальнѣйшія мѣры Его Величества

«Палермо, 18 января 1808 года.

Командующій королевскимъ флотомъ

Діего Вазелли.»

Капитанъ, получивъ единодушное согласіе офицеровъ на предложеніе короля, собралъ кругомъ себя команду, объяснилъ ей въ чемъ дѣло и, возвысивъ голосъ, спросилъ: согласны ли вы, ребята, сдать фрегатъ?

— Какъ прикажете! отвѣчала въ одинъ голосъ команда.

Къ поднятымъ сицилійскимъ флагамъ былъ поставленъ караулъ изъ матросовъ, перевезенныхъ съ корабля Архимедъ.

Нашу команду перевезли на Моло, построили во фронтъ, и изъ ружей, которыми готовились омыть безчестіе своего флага, привѣтствовали его пальбою и криками ура при выносѣ съ фрегата.

Нашихъ матросовъ, которые впоследствии сухимъ путемъ достигли Россіи, помѣстили въ Сицилійскій, упраздненный монастырь. Офицерамъ былъ нанятъ особенный домъ. Фрегатъ по описи былъ сданъ сицилійскому правительству, которое впоследствии за него выплатило 128,000 неаполитанскихъ дукатовъ, включая въ эту сумму и удовлетвореніе за два брига черногорскихъ дворянъ Петровичей.

Такимъ образомъ кончилось, къ общему удовлетворенію обѣихъ сторонъ, памятное происшествіе, которое бы, безъ при-

* Въ Италіи принято, чтобы на домахъ, занимаемыхъ посланниками, вывѣшиваемы были гербы ихъ націй. Въ случаѣ разрыва гербъ снимается.

сутствія духа російскаго министра и геройской рѣшительности капитана Андреянова и его офицеровъ, могло бы имѣть дурныя послѣдствія.

Король, благодаря Дмитрія Павловича Татищева, за то, что доставилъ Его Величеству средство доказать Государю Императору преданность, не подвергая себя мщенію Англичанъ, проговорилъ со свойственною ему, добродушною улыбкою:

«Что дѣлать намъ островитянамъ! Гдѣ много воды, тамъ много и Англичанъ!»

ВЛАДИМИРЪ ВОЙТЪ.

Современная Литомисъ и Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЗОРЪ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ НА КАВКАЗѢ.

Крѣпость Воздвиженская, 5-го іюля 1848 года.

Въ исходѣ мая и началѣ іюня войска наши собрались на указанныхъ пунктахъ для производства инженерныхъ и строительныхъ работъ, охраненія края и наступательныхъ дѣйствій.

Дагестанскому отряду назначено овладѣть укрѣпленнымъ ауломъ Гергебилемъ.

Чеченскій отрядъ расположился на правомъ берегу Аргуна, дабы отвлечь часть непріятельскихъ силъ; личное присутствие отряда при главномъ командующаго не могло не возбудить опасеній Шамиля, и заставило его стянуть значительныя скопища въ Большую Чечню.

Однако горцы только изрѣдка завязывали перестрѣлки съ нашими фуражирами. Покушеніе двухъ конныхъ пар-

тій на покорные аулы: Старый Юрть и Брагуны, отражены съ потерей для нихъ.

На Кумыкской плоскости, Генеральнаго Штаба полковникъ Веревкинъ совершилъ удачный поискъ для наказанія аула Ахмать-Тала, главнаго притона абрековъ и хищниковъ. Отрядъ изъ 14-ти ротъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ драгунъ, шести сотенъ казаковъ при 4-хъ орудіяхъ, выступилъ ночью на 24-е іюня изъ Герзель-Аула вверхъ по правому берегу рѣки Акса, по чрезвычайно трудной дорогѣ, и такъ скрытно исполнилъ движеніе, что засталъ аулъ совершенно въ распахъ; все имущество его и стада достались войскамъ; селеніе, запасы сѣна и хлѣба преданы огню. На обратномъ движеніи, уже по лѣвому берегу Акса, полковникъ Веревкинъ отразилъ всѣ нападенія преслѣдовавшаго его непріятеля.

Истребленіе сего аула произвело сильное впечатлѣніе на враждебныхъ намъ горцевъ. Потеря ихъ весьма значительна; въ числѣ убитыхъ много абрековъ, бывшихъ проводниками хищническихъ партій. Съ нашей стороны убито 12 нижнихъ чиновъ, ранены одинъ унтеръ-офицеръ и 114 нижнихъ чиновъ.

Въ Дагестанѣ, войска дѣйствующаго отряда, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Аргутинскаго-Долгорукаго, подступили 13-го іюня къ Гергебилию; 16-го на разсвѣтъ заняли съ бою противоположачія высоты, и приступили къ постройкѣ временныхъ батарей и проведенію между ними траншей. Гергебиль, независимо отъ весьма сильной обороны самаго аула, защищенъ укрѣпленнымъ лагеремъ на лѣвомъ берегу рѣки Кара-Койсу; на сей рѣкъ оставленъ одинъ только мостъ, при селеніи Кикунъ, также весьма сильно укрѣпленный. Собственно аулъ вооруженъ тремя орудіями; въ укрѣпленіи непріятель имѣлъ четыре орудія.

Съ прибытіемъ войскъ нашихъ, со всѣхъ сторонъ начали собираться партіи подъ начальствомъ Хаджи-Мурада, но ихъ предпріятія ограничились ночными тревогами.

Для совершеннаго обложенія аула, оставалось занять высоты къ селенію Кудуку и обширные сады, между связи

высотами и рѣкою Гергебилькою, къ сѣверо-западу простирающіеся.

Эти высоты заняты съ бою 23-го іюня, колонною полковника Евдокимова изъ 4-хъ баталіоновъ и всей кавалеріи отряда, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ. Въ тотъ же день, передовыя войска колонны генераль-Маіора Бриммера, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника князя Барятинскаго, изъ 2-хъ баталіоновъ егерскаго князя Чернышева полка и одного Дагестанскаго пѣхотнаго, двинуты для занятія оврага рѣки Гергебильки. Оставивъ шесть ротъ при самой рѣчкѣ, полковникъ князь Барятинскій, съ остальными ротами, быстро перешелъ оврагъ и, расположившись на противоположномъ его берегу, приступилъ немедленно къ устройству спуска къ рѣчкѣ. Встревоженный непріятель открылъ огонь изъ всѣхъ своихъ орудій, и многочисленныя толпы, вышедшія изъ аула и укрѣпленнаго лагеря, отчаянно атаковали наши войска, бросаясь въ шашки. Храбрые егера, предводимые смѣлымъ своимъ командиромъ, встрѣтили ихъ штыками, и отбросивъ назадъ съ большою потерей, подвинулись впередъ по садамъ и пересѣкающимъ ихъ террасамъ. Въ это время генераль-маіоръ Бриммеръ подкрѣпилъ передовыя войска третьимъ баталіономъ Дагестанскаго полка, подъ командою маіора Соимонова, и этими соединенными силами полковникъ князь Барятинскій обратилъ непріятеля въ совершенное бѣгство; два горные единорога, осыпая бѣгущихъ картечью, довершили ихъ пораженіе. Въ рукахъ нашихъ остались два непріятельскіе значка, взятые третьимъ баталіономъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, до 60-ти тѣлъ и множество разнаго рода оружія. Блистательное, но упорное это дѣло не могло остаться однако безъ потерь съ нашей стороны: кромѣ командира 4-го баталіона егерскаго князя Чернышева полка, храбраго маіора Кириленко и капитана Старосельскаго, убито нижнихъ чиновъ 38; ранено: офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 119.

На другой день полковникъ князь Орбелианъ, съ колонною, назначенною для занятія садовъ, прошелъ ихъ безъ выстрѣла до наружной опушки, и вошелъ въ связь съ пол-

ковником Евдокимовымъ. Вследъ за тѣмъ прорублены въ садахъ просяки и заложены три редута. Такимъ образомъ, къ 27-му іюня остался Гергебилскому гарнизону только одинъ весьма неудобный выходъ въ Аймякинское Ущелье; но и это послѣднее сообщеніе должно быть теперь отрезано занятіемъ селенія Аймяки. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, устраивались уже батареи для разрушенія стѣнъ и бомбардированія аула.

Съ открытія дѣйствій противъ Гергебиля по 29-е число іюня, со включеніемъ дѣла 23-го числа, убито штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 49; ранено: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 11, нижнихъ чиновъ 190.

Въ Кази-Кумыкскомъ Ханствѣ, Даніель-Бекъ Элисуейскій спустился съ значительною партіею къ покорному намъ селенію, по достигнутый управляющимъ ханствомъ, гвардіи ротмистромъ Агаларъ-Беккомъ, понесъ совершенное пораженіе, и оставилъ на мѣсть 7 человекъ пленныхъ и 70 тѣлъ. На прочихъ пунктахъ Кавказа спокойствіе не нарушалось, и предпринятія нами работы продолжуются безпрепятственно и съ успѣхомъ.

22 Іюля прибылъ сюда Генеральнаго Штаба капитанъ Баронъ Николаи со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ о занятіи укрѣпленнаго аула Гергебиля войсками Дагестанскаго отряда, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Аргутинскаго-Долгорукова.

Это важное событіе сопровождалось слѣдующими обстоятельствомъ.

Къ 29-му іюня аулъ былъ обложенъ со всехъ сторонъ, кромѣ Аймякинскаго Ущелья, и приступлено было къ устройству брешъ-батарей.

Послѣ сего инженерныя работы производились быстро и успѣшно. Полковникъ Джафаръ-Кули-Ага съ тремя ротами пѣхоты и кавалеріею занялъ селеніе Аймяки, такъ что къ 5-му іюля сообщеніе гарнизона съ внѣшними толпами было

совершенно прекращено, а брешъ-батареи оконченны и вооружены.

6-го числа съ разсвѣтомъ началось бомбардированіе аула. Дѣйствую неумолкаемо въ продолженіе 18-ти часовъ, наши батареи разрушили часть аула, прилегающую къ Аймякинскому Ущелью, водяную башню и водопроводы.

Гарнизонъ не могъ выдержать сего огня; ему угрожало совершенное лишеніе воды; онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Въ 10 часовъ вечера, горы насыпались изъ аула по всемъ направленіямъ; но на всехъ пунктахъ встрѣчены были штыками нашихъ передовыхъ постовъ и картечью батарей.

Войска вступили въ аулъ на разсвѣтъ 7-го іюля.

Не говоря объ огромной потерѣ непріятеля во время бомбардированія аула и гибельнаго отступленія, онъ оставилъ въ нашихъ рукахъ всю бывшую въ аулѣ артиллерію: двѣ пушки и одну мортиру, паркъ съ снарядами и запасомъ пороха, и значительное количество всякаго рода оружія и имущества. Съ нашей стороны при этомъ случаѣ потери не было.

Шамиль, какъ и въ прошломъ году при Самтахъ, былъ свидѣтелемъ взятія укрѣпленія, объявленнаго имъ недоступнымъ, и истребленія или бѣгства гарнизона, обязавшагося присягою не оставлять Гергебиля Русскимъ.

Государь Императоръ, по полученіи сего донесенія, Всемилостивѣйше соизволилъ назначить генераль-лейтенанта князя Аргутинскаго-Долгорукаго генераль-адъютантомъ, а капитана Барона Николаи Флигель-адъютантомъ Его Величества.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, генераль-адъютанта князя Воронцова.

Князь Михаилъ Семеновичъ! Одобривъ предположенія ваши о военныхъ дѣйствіяхъ въ нынѣшнемъ году, на Кав-

казъ, Я былъ увѣренъ, что дѣйствія эти увѣнчаются полнымъ успѣхомъ. Нынѣ, Я съ особеннымъ удовольствіемъ вижу исполненіе Моихъ ожиданій въ покоренія, съ самою незначительною потерею, укрѣпленнаго аула Гергебиля, занятіе коего столь важно въ видахъ вышшаго утвержденія Нашего владычества въ Дагестанѣ. Относя этотъ подвигъ къ храбрости Кавказскихъ войскъ, Я поставляю Себѣ пріятнымъ долгомъ отдать полную справедливость, что вами главнѣйше приготовлены все средства къ успешному его совершенію. При надлежащемъ обезпеченіи передовыхъ укрѣпленныхъ линій, усиливъ Дагестанскій отрядъ, и снабдивъ его, съ особенною заботливостію, всеми матеріальными способами, вы дали генералъ-Адъютанту князю Аргунинскому-Долгорукову соответственныя наставленія, которыя онъ исполнилъ съ свойственною ему твердостью и благородіемъ. Между тѣмъ, съ вѣрнымъ взглядомъ опытнаго полководца, вы предприняли движеніе въ самыя нѣдра Чечни, и, присутствіемъ въ сей области отряда подл личнымъ вашимъ предводительствомъ, успѣли отвлечь значительныя силы непріятели отъ помощи Гергебилю. За сей новый опытъ полезнаго и достохвальнаго служенія вашего, возобновляю вамъ искреннюю Мою признательность, пребывая навсегда неизмѣнно къ вамъ благосклоннымъ.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Петербургъ, 22-го іюля 1848 года.

О ВСТУПЛЕНИИ РОССИЙСКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ МОЛДАВІЮ И ВАЛАХІЮ.

Въ Journal de St. Pétersbourg напечатано:

«Событія, совершившіяся въ недавнее время въ Дунайскихъ княжествахъ, побудили Государя Императора отправить туда на время отрядъ войскъ, назначенный для того,

чтобы возстановить тамъ порядокъ, въ согласіи и совокупно съ войсками, которыя посылаетъ туда со своей стороны Оттоманская Порта. Побудительныя причины этого распоряженія и касающіяся до нихъ политическія соображенія, изложены Императорскимъ кабинетомъ своимъ представителемъ въ чужихъ краяхъ въ депешѣ отъ 19 іюля, которую они получили приказаніе сообщить правительствамъ и публичкѣ въ Европѣ. Сообщаемъ ее вполнѣ:

«Положеніе Дунайскихъ княжествъ, въ которыхъ безпощадное меньшинство уже нѣсколько мѣсяцевъ угрожало обществу спокойствію, приняло вдругъ столь важный оборотъ, что Государь Императоръ не могъ долѣе не обращать на него вниманія. Вы знаете событія, совершившіяся въ последнее время въ Валахіи, покушеніе на жизнь Господаря, его отреченіе и бѣгство, учрежденіе временнаго правительства, и начала, которыя провозгласила эта новая власть, импровизированная мятежемъ, безъ уваженія къ владычеству, принадлежащему Оттоманской Портѣ, и въ явномъ противорѣчій протекторству Россіи. Какъ скоро планъ революціонеровъ удался съ этой стороны, они немедленно задумали распространить его и на Молдавію. Множество эмиссаровъ, Валахскихъ и иностранныхъ, уже разсылались тамъ. Молдавскіе бояре, удалившіеся въ Буковину, собирали силы, чтобы идти на Яссы, и совокупно со своими приверженцами въ Трансильваніи и даже Бессарабіи, мятежники готовили возстаніе, результатомъ котораго долженствовало быть, какъ и въ Валахіи, умерщвленіе или изгнаніе Господаря, низверженіе существующаго порядка, и соединеніе обоихъ княжествъ въ одно государство безъ всякихъ связей съ Россією или Оттоманскою Портою. При такихъ обстоятельствахъ намъ медлить было невозможно. Порта, со своей стороны, почувствовала, что дѣло идетъ о ея собственномъ существованіи. Въ слѣдствіе этого объ Державы, которымъ одѣтъ, на основаніи существующихъ договоровъ, принадлежитъ право опредѣлять положеніе областей провинцій, согласились между собою, чтобы возстановить учрежденный ими порядокъ, и съ этою цѣлію соеди-

ненныя ихъ войска вступили туда для совокупныхъ дѣйствій.

«Не безъ живаго сожалѣнія и не безъ зрѣлаго размысленія Императоръ рѣшился принять эту важную мѣру. При нынѣшнемъ состояніи Европы и расположеніи умовъ, Его Величеству несравненно пріятнѣе было бы не быть принужденнымъ выйти изъ своего неподвижнаго положенія. Одно уже то, что Русскія войска перешли за границу Имперіи, должно произвести сильное впечатлѣніе. Мы отнюдь не скрываемъ отъ себя, что оно подаетъ поводъ къ злонамѣреннымъ толкованіямъ. Мы всегда отрекались отъ всякаго участія въ чужихъ дѣлахъ, отъ всякой идеи какихъ либо насильственныхъ дѣйствій. Агентамъ нашимъ въ чужихъ краяхъ еще недавно предписано было повторить эти увѣренія въ Германіи. По этому, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія, будутъ стараться противопоставить намъ эти объявленія, чтобы, если можно, уличить насъ въ противорѣчіи самимъ себѣ. Въ глазахъ людей добросовѣстныхъ это противорѣчіе не существуетъ. И дѣйствительно, мы объявили, что не имѣемъ намѣренія вмѣшиваться въ различныя преобразованія, которыя сосѣдственныя съ нами государства захотѣли бы произвести въ своемъ внутреннемъ управленіи. Но очевидно, что подобное обязательство можетъ относиться только къ Европейскимъ государствамъ, которыя сносятъ съ нами, какъ Держава съ Державою, къ государствамъ независимымъ, коихъ общественное устройство не состоитъ ни въ какой связи съ политическими договорами, опредѣлявшими ихъ границы. Въ отношеніи къ этимъ государствамъ, мы не считаемъ себя въ правѣ, равно какъ и не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія, оказывать какое либо покровительство или вліяніе. Вопросъ совершенно измѣняется въ отношеніи къ княжествамъ, которыя не суть государства признанныя, но просто провинціи, составляющія нераздѣльную часть Имперіи, обязанныя данью ея Государю, управляемыя временно князьями, которыхъ избраніе имѣетъ нужду въ утвержденіи, и которыя, въ отношеніи къ Россіи, существуютъ политически только по силѣ договоровъ, заключенныхъ

между Оттоманскою Портою и нами, договоромъ, не имѣющимъ ничего общаго съ соглашеніями, на которыхъ основывается публичное право Европы. Только этимъ договорамъ, и въ особенности Бухарестскому, Аккерманскому и Адрианопольскому, Молдавіи и Валахіи обязаны привилегіями, прибавленными или замѣнившими тѣ, которыми онѣ пользовались первоначально на основаніи своихъ старинныхъ капитуляцій съ Портою—образомъ избранія Господарей, освобожденіемъ отъ тягостныхъ повинностей, замѣненныхъ болѣе умѣренною, ежегодною данью, свободнымъ исповѣданіемъ религіи, свободою ихъ промышленности, судоходства, торговли, даже разпространеніемъ ихъ границъ, посредствомъ присоединенія къ Валахіи сосѣдственныхъ Дунайскихъ острововъ и Турецкихъ городовъ и земель, лежащихъ на лѣвомъ берегу этой рѣки. Наконецъ, этими же договорами обезпеченъ обвѣимъ провинціямъ образъ ихъ управленія, и самый этотъ образъ опредѣленъ органическимъ статутомъ, изданнымъ, съ согласія Порты, съ одной стороны для упоченія Молдаво-Валахамъ предоставленныхъ имъ привилегій, и съ другой стороны, для поддержанія вассальскихъ отношеній, соединяющихъ ихъ съ Оттоманскою Портою.

«Изъ этого положенія, совершенно особеннаго, исключительнаго, воплѣи основаннаго на соглашеніяхъ между Портою и нами, явствуетъ, что Молдавія и Валахія должны исполнять въ отношеніи къ владычествующей Державѣ и къ Державѣ покровительствующей, положительныя обязательства, отъ которыхъ онѣ не могутъ освободиться безъ предварительнаго согласія той и другой. Быть можетъ, что ихъ правительственная система можетъ быть улучшена, что даже она имѣетъ нужду въ измѣненіяхъ по разнымъ статьямъ; но это не можетъ быть сдѣлано безъ соизволенія обонхъ Дворовъ, не можетъ быть достигнуто возмущеніемъ. А предводители торжествующей партіи прибѣгли именно къ возмущенію не для того только, чтобы измѣнить эту систему, но чтобы совершенно низпровергнуть ее. Забывая, что болѣею частію выгоды, дарованныя имъ отечеству, они обя-

заны благосклонному покровительству Россіи, они отвергаютъ это покровительство и ищутъ покровительства другихъ Державъ. Также мало уважаютъ они и свои обязанности въ отношеніи къ Портѣ. Ибо, хотя они теперь и показываютъ виль, что не намѣрены совершенно прервать свои вассальскія отношенія къ ней, но между тѣмъ разрываютъ ихъ на самомъ дѣлѣ, отмѣняя по собственному произволу всѣ правила, всѣ условія, составляющія основу этихъ самыхъ отношеній. Достаточно одного провозглашаемаго ими начала самодержавія народа, чтобы совершенно уничтожить владѣтельныя права Султана. Притомъ будущія намѣренія ихъ ясны. Они явствуютъ изъ ихъ программы и не скрываются въ ихъ прокламаціяхъ. Намѣреніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы на историческомъ основаніи, никогда не существовавшемъ, возстановить свою древнюю національность, то есть перестать быть провинціями и образовать подъ именемъ королевства Дако-Римскаго, новое государство, отдѣльное и независимое, въ составъ котораго они приглашаютъ братьевъ своихъ въ Молдавіи, Буковинѣ, Трансильваніи и Бессарабіи. Осуществленіе подобнаго плана, если бы до этого допустили, повлекло бы за собою важныя послѣдствія. Какъ скоро по силѣ мнимой національности, которой происхожденіе терлется во мракъ времени, Молдаво-Валахи отдѣлились бы отъ Турціи, вскорѣ, на томъ же основаніи и по тѣмъ же побужденіямъ, Булгарія, Ромелія, всѣ племена разныхъ языковъ, входящія въ составъ Оттоманской Имперіи, задумали бы освободиться, чтобы составить изъ каждаго отдѣльное государство. Отъ этого произошло бы разпаденіе или, на всемъ Востоку, цѣлый рядъ неисходныхъ замѣшательствъ. Если бы дѣло шло не объ однихъ только виновникахъ возстанія и если бы они, чего мы не думаемъ, были представителями истиннаго мнѣнія Молдаво-Валахскаго народа; то не смотря на всю неблагодарность ихъ поведенія въ отношеніи къ Россіи, которой отечество ихъ обязано благодарными нынѣшняго своего положенія, мы могли бы смотрѣть равнодушно на забвеніе этихъ благодарній и предоставить мятежниковъ послѣдствіямъ ихъ безумнаго и преступнаго

предпріятія. Но это небольшое число безумцевъ, которыхъ правительственныя идеи заимствованы изъ демократической и социалистской пропаганды, чуждые своему собственному отечеству, не могутъ быть въ нашихъ глазахъ истиннымъ Валахскимъ народомъ. Но даже еслибъ было и иначе, чѣмъ болѣе мы сдѣлали для княжествъ, чѣмъ болѣе исходатайствовали мы для нихъ у Портѣ, тѣмъ болѣе мы честію обязаны препятствовать имъ употреблать эти преимущества во зло противъ Имперіи, которой неприкосновенность, при нынѣшнемъ разстройствѣ Европы, есть болѣе чѣмъ когда-либо необходимое условіе сохраненія всеобщаго мира. Притомъ дѣло касается и собственной нашей безопасности. Ей угрожаютъ въ Бессарабіи производимыя тамъ интригами, существованіемъ близъ самыхъ границъ нашихъ постояннаго возмущенія. Намъ, столь же мало какъ и самой Турціи, пріятно было бы видѣть возникновеніе вмѣсто двухъ княжествъ, новаго государства, которое, преданное анархіи и слишкомъ слабое, чтобы существовать собственными своими силами, рано или поздно неизбежно должно подчиниться вліянію или владычеству другихъ Державъ и тѣмъ подвергнуть опасности всѣ наши международныя отношенія. По сему, въ этомъ дѣлѣ для насъ вопросъ права, вопросъ чести, вопросъ политическихъ выгодъ,—вопросы, о которыхъ Россія не можетъ не заботиться.

«Таковы м. г. причины нашего вмѣшательства. Онѣ просты, онѣ законны. Но какъ, къ несчастію, въ Европѣ привыкли перетолковывать политику Россіи, искать въ ней то, чего въ ней нѣтъ, и какъ притомъ анти-соціальная партія, которая хочетъ только всеобщаго столкновенія, находитъ свои выгоды въ томъ, чтобы тревожить, раздражать общественное мнѣніе, то мы не сомнѣваемся, что движеніе наше за предѣлы Россіи, подастъ, какъ обыкновенно, поводъ къ самымъ ложнымъ предположеніямъ. Скажутъ, и уже говорили, что это движеніе не что иное, какъ первый шагъ нашей завоевательной политики, что мы ожидали только предлога, чтобы двинуть наши войска впередъ, что мы вступаемъ въ княжества съ твердымъ намѣреніемъ уже не выхо-

доть оттуда, и что слѣдуя всегдашнимъ планамъ распространенія нашихъ владѣній на счетъ Турецкой Имперіи, мы, для осуществленія ихъ, пользуемся безсиліемъ и затрудненіями, въ которыхъ нынѣшніе общественные перевороты погрузили западную Европу. Этими предположеніями мы можемъ противопоставить только одинъ, простой фактъ, именно, что мы вступаемъ въ Молдавію съ общаго согласія съ Оттоманскою Портою, и что войска наши будутъ дѣйствовать тамъ, въ случаѣ нужды, вмѣстѣ съ ея войсками. Притомъ прошедшее ручается за настоящее. Не разъ, въ прежнія времена, мы уже занимали княжества, частію или въ цѣлости, и, вѣрные заранѣе данному слову, мы всегда очищали ихъ по исполненіи условій нашего удавленія. Такъ будетъ и нынѣшній разъ, и какъ скоро законный порядокъ возстановится въ Валахіи, или Порта пойдетъ, что она имѣетъ достаточное ручательство за дальнѣйшее спокойствіе обѣихъ провинцій, войска наши будутъ выведены оттуда, и немедленно снова займутъ чисто оборонительное положеніе, которое занимали прежде на границѣ.

«Заключеніе, которое вы имѣете извлечь изъ предшествующихъ разсужденій, состоитъ въ томъ, что отношенія Дунайскихъ княжествъ къ намъ не представляютъ никакого сродства съ тѣми, которыя существуютъ между Россіей и Европейскими Державами; наше настоящее вмѣшательство, по своимъ началамъ и самой сущности, не имѣетъ ничего общаго съ вліяніемъ, которое будто бы мы хотимъ имѣть на дѣла Европы. Права наши на Востокъ основываются на трактатахъ, не существующихъ на Западѣ. Вы должны въ особенности обращать общее вниманіе на это важное различіе. Оно очевидно для всякаго, кто хочетъ его видѣть; посему оно нисколько не ослабляетъ прежнихъ нашихъ объявленій. Въ отношеніи къ другимъ, независимымъ Державамъ, наше правило невмѣшательства остается неизмѣннымъ; и каковы бы ни были измѣненія, которыя каждая изъ нихъ вознамѣрится произвести въ своихъ общественныхъ и политическихъ законахъ, пока онъ не будутъ нарушать нашу безопасность или наши права, мы будемъ, какъ

досель, съ оружіемъ въ рукахъ, смотрѣть на внутренніе ихъ перевороты.»

ЦИРКУЛЯРЪ РОССІЙСКИМЪ МИССИЯМЪ ВЪ ГЕРМАНИИ, ГОСУДАРСТВЕННОГО КАНЦЛЕРА, ГРАФА НЕССЕЛЬРОДА.

«Съ нѣкотораго времени нѣмецкіе журналы, которыхъ непріязненность къ Россіи, какъ казалось, на время притихла, вновь стали заниматься нами, и мѣры, которыя по печенію о нашей безопасности заставило насъ принять на границѣ, подають поводъ къ предположеніямъ и толкованіямъ самымъ неосновательнымъ.

«Въ собраніяхъ и законодательныхъ палатахъ Германіи говорить о томъ не такъ запальчиво и положительно, но и въ нихъ проявляются тѣ же предположенія.

«Прежнія мои сообщенія, касательно политическаго и военнаго положенія, принятаго Государемъ Императоромъ, достаточно познакомили васъ съ дѣйствительными намѣреніями Его Величества, и я не считаю нужнымъ входить нынѣ, въ семь отношеній, въ новыя подробности.

«Вамъ извѣстно, М. Г., что съ самаго начала происшествій, разстроившихъ среднія страны Европы, Государь Императоръ принялъ въ дѣйствіяхъ своихъ правило, отъ котораго донныи не отступалъ ни на одно мгновеніе: не вмѣшиваться никакимъ образомъ во внутреннія дѣла земель, которыя пожелали бы измѣнить свое устройство, предоставить народамъ совершенную свободу пускаться безъ всякаго препятствія съ Его стороны, въ какіе имъ угодно политическіе и соціальные опыты, не нападать ни на какую державу, которая сама на Него не нападала, но въ то же время рѣшительно отражать всякое покушеніе противъ внутренней Его безопасности, и наблюдать, чтобы въ случаѣ нарушенія или измѣненія гдѣ либо равновѣсія въ распрѣдѣленіи границъ, не произошло вреда нашимъ законнымъ пользамъ. Такова система, которой Государь Императоръ слѣдовалъ въ теченіе четырехъ мѣсяцовъ, которой онъ слѣдуетъ и нынѣ.

«Между тѣмъ, ограничиваясь сею нейтральною и выжидательною системою, Его Величество не могъ не обращать вниманія на всѣ случайности, которыми произведены быстрыя перемены въ существовавшемъ доселѣ порядкѣ вещей въ Европѣ, равно и на духъ непріязненности, который, въ одно время съ изступленною страстью къ переменамъ, возникъ противу насъ во всей Германіи.

«Въ самомъ дѣлѣ, лишь только въ сей обширной странѣ занялись рѣшеніемъ задачи о единствѣ ея, первою мыслию ея было распространеніе предѣловъ Союза, и первымъ воплемъ вопль войны.

«Въ прелварительныхъ собраніяхъ для установленія Национальнаго Собранія во Франкфуртѣ, въ клубахъ, въ брошюрахъ, въ журналахъ, провозглашали, что война съ Россіею есть одна изъ необходимостей нынѣшняго времени.

«Для приведенія въ исполненіе сей мысли, явно проповѣдывали о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза Германіи съ Франціею. Доходили даже до того, что угрожали поглотеніемъ нашихъ Остзейскихъ провинцій великою національною нѣмецкою.

«Предполагали возстановить прежнюю Польшу въ ея предѣлахъ 1772 года, чтобъ она служила вѣчнымъ оплотомъ Европѣ противъ того, кого называли общимъ врагомъ.

«Ко всѣмъ этимъ вызовамъ и еще ко многимъ другимъ, которые я прехожу молчаніемъ, присоединились еще болѣе прямыя дѣйствія непріязни. Нужно ли упоминать о приѣмѣ, оказанномъ Польскимъ выходцамъ, о дарованіи безденежнаго провоза по желѣзнымъ дорогамъ, даже на счетъ Правительствъ Германскихъ, этимъ шайкамъ, которыя ринулись изъ Франціи, объявляя намѣреніе свое внести въ наши предѣлы опустошеніе и мятежь?

«И если бы мы дѣйствительно искали предлоговъ къ нападенію, одинъ этотъ случай подалъ бы къ тому самый удобный поводъ.

«Вскорѣ, достойная сожалѣнія война, предпринятая противъ одной сѣверной Монархіи, которой цѣлость обезпе-

чена нами, и сохраненіе которой важно для равновсія Европы, стала угрожать нарушеніемъ общаго мира, вредомъ коммерціи и выгодамъ прибрежныхъ съ Балтійскимъ Моремъ Государствъ, столкновеніями, которыя она легко могла причинить, и помыслами о владычествѣ на морѣ, возникшими, по ея поводу, въ народѣ.

«Въ то же самое время возстаніе въ Великомъ Герцогствѣ Познанскомъ и положеніе Галиціи могли имѣть вредное вліяніе на внутреннее спокойствіе собственныхъ нашихъ провинцій.

«При такихъ случайностяхъ, и особенно при такихъ замыслахъ, самое простое благоразуміе заставляло принять надлежащія мѣры.

«Въ слѣдствіе сего, мы придвинули армію нашу къ границѣ, чтобъ имѣть возможность отразить всякія опасности, какія бы могли представиться извнѣ, и всѣ тѣ, которыхъ можно бы было ожидать къ послѣдствію, при нынѣшнемъ, шаткомъ положеніи Европы.

«Но система наша была, въ семъ случаѣ, чисто оборонительная и предохранительная. Въ нашихъ мысляхъ она никогда не имѣла и теперь не имѣетъ инаго характера.

«Вместо того, чтобъ смотрѣть на нее съ этой точки зрѣнія, и признаваться въ умѣ своемъ, что если мы были принуждены вооружиться, то главный къ тому поводъ заключается въ непрерывныхъ противъ насъ вызовахъ,—демократическая партія предпочитаетъ обвинять насъ въ помыслахъ о нападеніи. Ежедневно, въ Нѣмецкихъ журналахъ, разглашаются на нашъ счетъ самыя нелѣпыя слухи, самыя гнусныя клеветы.

«Неоднократно уже говорили въ журналахъ, что наша войска першли чрезъ границу, а они не двигались съ своихъ квартиръ.

«Нѣтъ такого коварнаго замысла, котораго бы намъ не приписывали, нѣтъ возстанія, нѣтъ мятежа въ странахъ Нѣмецкихъ или Славянскихъ, котораго бы мы не возбуждали подъ рукою нашимъ золотомъ или нашими агентами.

«Непріязненность, которую предполагають въ насъ къ Германіи, равняется той, которую чувствуютъ, или по крайней мѣрѣ, которую хотятъ внушить противъ насъ самой Германіи.

«Если бь, вмѣсто предположенія въ насъ чувствъ ненависти, которыхъ въ насъ вовсе нѣтъ, и вмѣсто составленія ни на чемъ не основанныхъ заключеній о мнимыхъ нашихъ намьреніяхъ, обратились съ безпристрастіемъ къ дѣламъ прошедшимъ, то получили бы болѣе вѣрное и справедливое понятіе о нынѣшнихъ; увидѣли бы, что этотъ воображаемый врагъ, это вымышленное, страшное привидѣніе, противъ котораго народная война необходима, всегда питалъ и теперь питаетъ къ Германіи самыя благопріятныя и безкорыстныя чувства, если только она сама того хочетъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, когда Германія могла на насъ жаловаться? когда замыслили мы противъ ея независимости? когда угрожали ей нашествіемъ? какую часть земли ея мы взяли или желали взять?

«Въ продолженіе тягостнаго владычества завоевателя, Россія пролила свою кровь для вспомоствованія Германіи въ сохраненіи ея цѣлости и независимости.

«Русская земля давно уже была освобождена, а Россія поддерживала своихъ Германскихъ союзниковъ на всѣхъ сраженіяхъ въ Европѣ. И еще недавно, въ 1840 г., когда нѣсколько времени казалось, что война возгорится на берегахъ Рейна, мы отдали въ ея распоряженіе наши правительственныя и военныя силы. Въ продолженіе тридцати-трехлѣтняго мира, благодѣянія котораго такъ легко оспорируются непокойнымъ духомъ нынѣшняго поколѣнія, мы не преставали совѣтовать и вспомоствовать Германіи въ сохраненіи ея согласія и единства;—разумѣется не того вѣщественнаго единства, о которомъ мечтаетъ нынѣ демократія, жаждущая уравненія и распространенія, и которое, если бь оно могло осуществиться по властолюбивымъ теоріямъ, ранѣе или позже вовлекло бы Германію въ войну со всѣми ея сосѣдями,—по единства правственнаго, искрен-

наго единогласія видовъ и намьреній во всѣхъ вопросахъ политическихъ, о которыхъ Союзъ Германскій долженъ былъ переговариваться съ чужими краями.

«Единственно къ поддержанію сего союза, къ укрѣпленію узъ, присоединяющихъ Германскія владѣнія одно къ другому, стремилась наша политика, потому что мы жѣдали сохраненія мира въ Европѣ, и въ нашихъ глазахъ самая сильная порука сего мира заключалась всегда въ искреннемъ согласіи всѣхъ владѣній, составляющихъ Германскій Союзъ.

«Чего мы ждали тогда, того желаемъ и нынѣ.

«Никакіе вызовы и оскорбленія не могутъ измѣнить нашего расположенія. Посреди этихъ буйственныхъ возгласовъ, умѣемъ мы отличать друзей порядка отъ безумцевъ, простодушное легковѣріе отъ коварной злобы. Мы принимаемъ во вниманіе даже минутное упоеніе и изступленіе, причиненныя толчками неожиданными и крутыми происшествіями, никѣмъ неожиданными и непредвидѣнными.

«Нынѣ, какъ и всегда, ни мало не желая смятеній, не помышляя о причиненіи раздоровъ, мы желаемъ Германіи единственно согласія между правительствами и народами, согласія, необходимаго для охраненія ея отъ столкновеній, которыя могутъ произойти извнѣ, и для избѣжанія гибельныхъ опасностей, кроющихся въ собственномъ ея, внутреннемъ положеніи.

»Мы можемъ сомнѣваться и опасаться касательно послѣдствій труднаго опыта, на который она отваживается въ нынѣшнее время, чтобъ придать своей національности болѣе силы и связи, но сіи сомнѣнія и опасенія остаются въ предѣлахъ частныхъ нашихъ мнѣній.

«Искренне желаемъ, чтобъ насъ вскорѣ успокоили. и если Германія въ самомъ дѣлѣ рѣшитъ задачу своего преобразованія, не вредя внутреннему своему спокойствію, не тревожа спокойствія другихъ государствъ новыми формами своей національности, мы чистосердечно тому порадуемся,

по тѣмъ же причинамъ, которыя заставляли насъ желать ей силы и единства при прежнемъ образѣ ея правленія.

«Таковы наши расположенія, мирныя и дружелюбныя: сожалѣемъ, что на нихъ отвѣчаютъ противоположными чувствованіями.

«Если бѣ намъ слѣдовало опровергать только обвиненія демократической партіи, мы не занялись бы тѣмъ, и не стали бы приписывать имъ болѣе важности, нежели сколько они заслуживаютъ. Эта партія твердо поставила опровергать съ самаго начала все наши добрыя намѣренія, и, во что бы то ни стало, сорвать съ нами свое отечество, чтобъ возбудить въ немъ войною смутенія, среди которыхъ она могла бы привести въ исполненіе свои анархическіе замыслы.

«Видя, что она рѣшилась отказывать намъ въ правосудіи, и зная, что напрасно убѣждать того, кто убѣдиться не хочетъ, если бѣ мы не имѣли другихъ противниковъ, то ограничились бы молчаніемъ, предоставивъ времени уничтожить все эти ложные слухи, все клеветы, или распространяемыя.

«Но среди этихъ демагоговъ живутъ люди добросовѣстные, которые, по невѣдѣнію или легковѣрію, принимаютъ, съ доверчивостью и безъ разбора, сообщаемыя имъ живыя показанія, и сами того не зная, участвуютъ въ дѣлахъ революціи.

«Дѣйствуя на нихъ воображеніе, питая ихъ подозрѣнія, увеличивая ихъ опасенія, надѣются подвинуть ихъ къ войнѣ, которая, въ отношеніи къ ихъ пользамъ, была бы, можно сказать, чудовищною, и низвергнуть ихъ, какъ часто случается, въ бездну дѣйствительныхъ золъ для избѣжанія золъ воображаемыхъ.

«Вотъ чего хочетъ крайняя демократическая партія, и вотъ чего должно избѣгать, если это возможно. Посему предлагаемъ Правительствамъ, которыя, по дипломатическимъ сношеніямъ съ нами, могутъ знать, въ чемъ состоятъ дѣйствительныя наши намѣренія, предложить государственнымъ людямъ и просвѣщеннымъ членамъ собраній или

палатъ законодательныхъ, словомъ всѣмъ тѣмъ, которые съ умѣренностью правилъ преобразованія соединяютъ желаніе сохранить своему отечеству блага общественнаго порядка и монархическаго правленія—имъ предложить, пользуясь законнымъ своимъ вліяніемъ, образумить, на счетъ Россіи, заблудшеея общее мнѣніе, и отклонить его отъ направленія, которое ранѣе или позже поведетъ къ неисчислимымъ бѣдствіямъ.

«Государь Императоръ именно поручаетъ вамъ указать имъ сію необходимость, ссылаясь, для убѣжденія ихъ, на вышеизложенныя разсужденія и доводы. Повторяйте имъ, старайтесь внушить всѣмъ благоразумнымъ людямъ, съ которыми по дѣламъ или по отношеніямъ общественнымъ, вы находитесь въ короткихъ связяхъ, что намѣренія Императора въ отношеніи къ Германіи были и суть искренно миролюбивыя; что наши вооруженія дониндѣ имѣли цѣль строго оборонительную, дабы быть готовыми къ встрѣчѣ одного изъ тысячи тѣхъ непредвидѣнныхъ случаевъ, которыхъ никто не можетъ опредѣлить въ шаткомъ положеніи, вдругъ произведенномъ въ мѣрѣ послѣдними происшествіями; что касательно Германіи въ особенности, доколь она не нападетъ на насъ, доколь Союзъ, какую бы новую форму онъ ни принялъ, будетъ уважать соседственныя государства, и не станетъ стараться о насильномъ распространеніи своихъ границъ или законной своей власти внѣ предѣловъ, предписанныхъ трактатами, установившими сей Союзъ, Императоръ равночѣрно будетъ уважать его внутреннюю независимость, и не помыслитъ выходить изъ положенія, въ которомъ пребывалъ до нынѣ.

«Исполняя сіи наставленія, благоволите, сверхъ того, сообщить Кабинету, при которомъ вы акредитованы, копію съ настоящей депеши.

Подписано: *Нессельродъ.*»

С. Петербургъ,
6 Іюля 1848.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

ВОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

Всероссійскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Манифестомъ Нашимъ, въ 14-й день прошедшаго марта, возвѣстивъ всемъ вѣрноподданнымъ Нашимъ о положеніи, въ которомъ находятся Государства на западѣ Европы, призвали Мы на службу нижнихъ чиновъ, которые уволены были, до выслуженія узаконенныхъ сроковъ, въ безсрочный и продолжительные отпуска.

Симъ способомъ значительная часть тѣхъ нижнихъ чиновъ быстро поступила въ дѣйствующія войска, на пополненіе рядовъ, которые, для сбереженія Государственныхъ издержекъ, убавлены были въ мирное время. Другая же часть сихъ отпускныхъ послужила надежнымъ основаніемъ къ составу Резервныхъ и Запасныхъ войскъ.

Учрежденіе сіе, коего все преимущества нынѣ осуществились, представило возможность, при совершеніи столь необычайныхъ событій, привести военныя силы Наши въ состояніе, соответствующее настоящимъ обстоятельствамъ и достоинству Имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетворить, развѣромъ обыкновеннаго очереднаго набора, потребность ежегоднаго укомплектованія Арміи и Флота нашихъ.

Въ слѣдствіе сего повелѣваемъ: въ предстоящей, очередной наборъ, съ губерній восточной полосы, собрать съ тысячи душъ по семи рекрутъ, на основаніи особаго распорядительнаго Указа, вмѣстѣ съ симъ Правительствующему Сенату даннаго. Наборъ сей въ губерніяхъ: Орловской, Тамбовской и Воронежской, начать съ 1-го сентября и кончить къ 1-му октябрю сего 1848 года; во всѣхъ же прочихъ

губерніяхъ восточной полосы, наборъ произвести съ 1-го ноября 1848 по 1-е января 1849 года.

Дати въ Петергофѣ, въ восемнадцатый день июля, въ мѣсяцъ отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ сорокъ восьмой; Царствованія же Нашего въ двадцать третіе.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

УКАЗЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

I.

Манифестомъ, сего числа изданнымъ, предназначивъ произвести седьмой, частный, очередной наборъ, съ губерній восточной полосы Государства, повелѣваемъ:

1) Наборъ сей въ губерніяхъ: Орловской, Тамбовской и Воронежской начать съ 1-го сентября и кончить непременно къ 1-му октябрю сего 1848 года; во всѣхъ же прочихъ губерніяхъ восточной полосы наборъ произвести съ 1-го ноября 1848 по 1-е января 1849 года.

2) На обмундированіе рекрутъ принимать отъ отдатчиковъ деньги по цѣнамъ, во что обмундированіе сіе Коммиссаріатскому вѣдомству обходится, и именно по десяти рублей двадцати копѣекъ серебромъ, и

3) Сборъ рекрутъ съ Государственныхъ крестьянъ губерній, въ прилагаемомъ при семъ спискѣ показанныхъ, произвести на особыхъ правилахъ, предписанныхъ Нами Министрству Государственныхъ Имуществъ.

Распоряженія по военной части предоставили Мы Военному Министру, а успешное производство и окончаніе сего набора, въ положенный срокъ, возлагаемъ на попеченіе Правительствующаго Сената.

Списокъ

губерніямъ восточной полосы, въ которыхъ долженъ производиться рекрутскій наборъ на правилахъ, предписанныхъ Министрству Государственныхъ Имуществъ.

Вологодской, Костромской, Ярославской, Владимірской, Московской, Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Астраханской, Саратовской, Пензенской, Нижегородской, Казанской, Вятской, Пермской.

II.

Указомъ 19-го октября 1831 года Мы установили: при каждомъ въ Государствѣ рекрутскомъ наборѣ призывать къ личной воинской повинности однодворцевъ и гражданъ западныхъ губерній.

Манифестомъ, сего числа изданнымъ, назначивъ произвести седьмой, частный очередной наборъ съ губерній восточной полосы Государства,—повелѣваемъ: собрать по десяти человекъ съ тысячи душъ съ однодворцевъ и гражданъ Витебской, Могилевской, Кіевской, Подольской, Вольнской, Минской, Гродненской, Виленской и Ковенской Губерній, согласно Положенію о распорядкѣ воинской ихъ повинности и распорядительному Указу, вмѣстѣ съ симъ Правительствующему Сенату данному.

Господину Военному Министру.

Манифестомъ, сего числа изданнымъ, назначивъ произвести, въ нынѣшнемъ году, седьмой частный очередной наборъ съ губерній восточной полосы Государства,—повелѣваю вамъ:

1) Рекрутъ, которые по сему набору будутъ собраны, распределить въ войска, сообразно даннымъ вамъ на сей предметъ повелѣніямъ,—и

2) По предмету обмундированія рекрутъ, руководствоваться установленными для сего правилами.

На подлинныхъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Петергофъ, 18-го іюля 1838 года.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія.

Въ Англіи, по воскресеньямъ запрещены всѣ увеселенія, какъ-то танцы, спектакли, музыка. Не только иностранцы, но и сами Англичане сознаются, что воскресный день у нихъ самый скучный изъ всѣхъ дней недѣли. Между тѣмъ, одинъ изъ членовъ парламента, г. *Гиллей* предложилъ билль о строжайшемъ празднованіи воскресныхъ дней. Этимъ биллемъ предлагается запретить еще по воскресеньямъ продажу газетъ, пива и хлѣба. Такая мѣра преувеличенной пуританской строгости встрѣтила сильное сопротивленіе. Въ засѣданіи 12 іюля, г. *Гиллей* объявлялъ, что онъ былъ побужденъ къ внесенію этого билля канторберійскимъ архіепископомъ, потому-что послѣдній требовалъ, чтобы на пиво, которое пьютъ низшій классъ, посѣщающій по воскресеньямъ кабаки, наложена была пошлина. Билль ограничить еще болѣе всякую промышленность, какъ и было уже подобное этому въ существующихъ законахъ и именно, замѣтилъ г. *Берклей*, дѣвочка, которая продала на улицѣ пару вишневыхъ ягодъ, была арестована, тогда какъ богатый пивоваръ сэръ Э. *Букстонъ*, передъ домомъ котораго это случилось, безпрепятственно и усиленно продолжалъ свое дѣло. Г. *Сланей* называлъ билль напраснымъ вмѣшательствомъ въ забавы бѣднѣйшаго класса. Богатый можетъ по воскресень-

лям отправляться на прогулку и давать праздники,—законъ ничего не говоритъ противъ этого; но бѣдный, отправившійся за городъ съ женою и дѣтьми, съ цѣлю подышать свѣжимъ воздухомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ ничего покупать для пащи и питья. Со всѣмъ тѣмъ, предложеніе устранить билль было отвергнуто 75 голосами противъ 47.

Въ засѣданіи 19 іюля, нижняя палата разсматривала билль о совершенномъ сравненіи католиковъ въ правахъ съ протестантами. Послѣ продолжительныхъ преній, этотъ билль отвергнуть большинствомъ 87 голосовъ противъ 40. Такой же участи подверглось и другое предложеніе, которое неоднократно было предметомъ парламентскихъ преній. Билль г. Юма, о которомъ мы говорили въ июльской книгѣ журнала, былъ отвергнутъ большинствомъ 351 голоса противъ 84.

Въ засѣданіи нижней палаты 22 числа предложень лордомъ Джономъ Росселемъ билль объ отъѣзѣ на время въ Ирландію известнаго акта habeas corpus (о личной свободѣ), и принять огромнымъ большинствомъ голосовъ. Первый министръ въ рѣчи своей, которою оправдывалъ внесеніе билля, сказалъ, что для него крайне неприятна эта мѣра, но что онъ считаетъ ее необходимою въ настоящее время для предупрежденія пролитія крови, подавленія мятежа и обезопасенія трона. Самъ О'Коннель говоритъ всегда, что всѣ вольности и привилегіи не могутъ выкупить капли пролитой крови. «Не за долго до смерти «великаго возмутителя», сказалъ лордъ Джонъ Россель, «образовалась, подъ фирмою Юная Ирландія, партія, которая подъ предлогомъ образованія ирландскаго парламента въ Дублинѣ, имѣла цѣлю совершить отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи. Сначала она выказала себя умѣреннымъ, но скоро сбросила личину и открыто объявила, что необходимо совершить отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи и полная независимость первой. Это сдѣлалось уже прямымъ нападеніемъ на твердость и прочность государства, а слова «употребленіе физической силы» означали не болѣе и не менѣе, какъ заговоръ противъ англійской короны. Въ послѣдніе два го-

да картофельная болѣзнь и другія несчастія значительно усилили волненія въ Ирландіи. Злоумышленники умѣли воспользоваться общими несчастіями; въ то время какъ Англія употребляла всѣ мѣры къ облегченію Ирландіи, когда парламентъ утвердилъ билль о ссудѣ 8 милл. ф. ст., Ирландцы съ своей стороны трудились надъ испроверженіемъ трона Англіи. Происшествія на твердой землѣ придали новую дѣятельность усиліямъ Юной Ирландіи; во Францію отправлена была депутація съ просьбою о заступничествѣ, и хотя временное правительство отказало въ немъ, со всѣмъ тѣмъ недовольные не измѣнили своихъ плановъ. Основанъ былъ журналъ The United Irishman, и Митчелъ писалъ въ немъ возмутительныя статьи, а когда этотъ журналъ пересталъ выходить въ свѣтъ, на мѣсто его появился новый, Irish Felon, съ тѣмъ же возмутительнымъ духомъ. Постолная цѣль его уничтоженіе собственности, а чтобы достигнуть этого, приглашаютъ народъ вооружиться овладѣть собственностію. Журналъ Felon оцѣниваетъ ежегодныя произведенія Ирландіи въ 81 милл. ф. ст. и требуетъ, чтобы Юная Ирландія овладѣла имуществомъ и раздѣлила ихъ, по его соображеніямъ, не обращая вниманія на права владѣльцевъ. Всѣ документы и рѣчи, извѣстныя правительству, показываютъ ясно, что ирландскіе злоумышленники стремятся къ раздѣленію государства, испроверженію правительства, которому они обязаны повиноваться и установленію въ Ирландіи республики или другой какой-либо правительственной формы. Мѣры, принятыя къ достиженію этой цѣли, ужасны и заставляютъ правительство потребовать отъ парламента средствъ къ уничтоженію плана возмутителей. Пока еще оставалась хотя малѣйшая надежда, что волненіе прекратится, до тѣхъ поръ правительство не требовало никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ, но надежда исчезла. Во всѣ части государства посланы эмиссары съ порученіемъ взволновать народъ. Планъ заговорщиковъ къ достиженію своей цѣли состоитъ въ томъ, чтобы ради какаго-нибудь политическаго вопроса созвать собраніе, составить изъ него клубъ, образоваться въ тайное

общество и не допустить къ совѣщаніямъ его ни одного правительственнаго агента. Попытка вооруженнаго народа къ освобожденію г. *Миггера* и другіе подобныя поступки требуютъ немедленнаго принятія мѣръ для предупрежденія пролитія крови, и я не нахожу никакого другаго средства, какъ отмѣны акта «*Nabeas corpus*» и дозволенія лорд-намѣстнику арестовать подозрительныхъ лицъ. Въ слѣдствіе сего я и предлагаю палатѣ принять эти мѣры.» (*Громкое одобреніе*). Г. *Феаргусъ О'Конноръ* обвинялъ правительство въ томъ, что оно прибѣгаетъ къ принудительнымъ мѣрамъ, а не старается помочь прежде злу. «Когда правительство предложило билль о подавленіи возстанія, я тогда же говорилъ, сказалъ онъ, что этотъ билль поведетъ къ умноженію тайныхъ обществъ въ Ирландіи, что и случилось. Настоящій же билль, вмѣсто того, чтобы предупредить возстаніе, лишь ускорить его. Только совершенное отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи можетъ прекратить ея несчастія. (*Сильное волненіе*). Только отдѣленіе Ирландіи можетъ обезпечить Англію. (О! О!) Если бы во главѣ правительства былъ сэръ *Робертъ Пиль*, онъ не прибѣгнулъ бы къ подобной мѣрѣ; ирландскій народъ убѣжденъ, что только одинъ человекъ способенъ управлять имъ — это сэръ *Робертъ Пиль*.» — «Я вполне и безусловно согласенъ съ предложенною мѣрою, отвѣчалъ сэръ *Робертъ Пиль*, потому-что желаю оградить правительство отъ попытокъ заговорщиковъ. Я не стану разсуждать о томъ, должно ли было предложить эту мѣру прежде; конечно можно было бы обойтись и безъ нея, но это стоило бы крови. Я предлагаю принять немедленно предложеніе правительства, безъ всякихъ обыкновенныхъ формъ. Что же касается до возраженія г. *О'Коннора*, то я замѣчу только, что буду защищать англійскую корону противъ всехъ министерскихъ королей (*О'Бригъ*). Франція прежде и послѣ февральской революціи убѣждаетъ меня въ превосходствѣ монархической формы правленія. Англійская монархія теперь могущественнѣе, чѣмъ была когда-нибудь прежде, и болѣе, чѣмъ когда-либо, заслуживаетъ бла-

годарность и преданность націи, — вотъ мое убѣжденіе.» (*Шумное одобреніе*).

— Процессъ хартитовъ конченъ. *Фуссель*, *Шертъ*, *Вернонъ* и *Лорней* приговорены къ заключенію въ тюрьму на два года и три мѣсяца; *Джонсъ* къ двухгодичному заключенію и уплатѣ 500 ф. с. пени.

— Изъ списковъ комиссаровъ эмиграціи явствуетъ, что, въ теченіе послѣдняго года, 258,270 человекъ оставили соединенное королевство: а именно 63,000 выѣхало изъ Англіи, 5,600 изъ Шотландіи и 179,400 изъ Ирландіи. Это число многимъ превышаетъ число эмигрантовъ предшествующихъ годовъ.

Ирландія.

Въ слѣдствіе возмутительныхъ движеній въ Ирландіи, лордъ-намѣстникъ Ирландіи объявилъ въ осадномъ положеніи Дублинъ и графство Дублинское, также графство Дрогеда, города Ватерфордъ и Коркъ и нѣкоторыя части графствъ того же имени. Въ газетѣ *Times* 19 іюля, объясняется причина этой строгой мѣры: «До свѣдѣнія правительства дошло, что существуетъ заговоръ, съ цѣлію не только противиться производству возвышенныхъ процессовъ, но и ниспровергнуть силою все существующіе законы и весь общественный порядокъ, употребивъ для этого такія же средства, какъ въ Парижѣ. Тогда уже только правительство рѣшилось объявить нѣкоторыя мѣста состоящими въ осадномъ положеніи и отравило въ Ватерфордъ значительныя силы и множество констеблей.»

— Главная опасность Ирландіи состоитъ въ вооруженныхъ клубахъ, которые образованы Юною Ирландіею во всехъ пунктахъ и въ которыхъ члены обучаются военному искусству. Это явныя приготовленія къ возстанію. Но англійское правительство получило неожиданное подкрѣпленіе. Репинское общество, которое уже было готово соединиться съ заговорщиками, образователями клубовъ, от-

вергло этот опасный союз и объявило себя противъ клубовъ.

Этотъ разрывъ будетъ имѣть важныя послѣдствія; знатнѣйшіе и зажиточнѣйшіе Ирландцы, удаляясь открыто отъ возмущенія, отнимаютъ у него всю силу и лишаютъ его вліянія на массы народы, а энергическія мѣры англійскаго правительства подавить охоту возмутителей къ возстанію, не обѣщающему никакого успѣха.

— Г. Джонъ О'Коннелль рѣшительно разошелся съ ирландскою лигою и объявилъ о своемъ рѣшеніи въ длинномъ письмѣ къ ирландскому народу, обнародованномъ въ Дублинѣ 23 іюня.

— Возмутительный журналъ, *United Irishman*, основанный *Митчеллемъ*, началъ было опять выходить подъ названіемъ: *Felon irlandais* (ирландскій измѣнникъ), наполняясь статьями, самыми неприязненными правительству, о духъ которыхъ можно судить по адресу письма, напечатаннаго въ первомъ номерѣ: «Англичанину, носящему имя графа *Джорджа Кларендона*, главному убійцѣ и вербовщику присяжныхъ въ Ирландіи.» Издателя этого журнала велено взять подъ стражу.

Франція.

Послѣ бурныхъ и страшныхъ событій, возмущавшихъ столицу Франціи съ 22 по 26 іюня, спокойствіе было восстановлено, благодаря дѣятельнымъ распоряженіямъ генерала *Кавеньяка*. Но смерть и разрушеніе, господствовавшія въ продолженіе четырехъ дней, надолго оставили горестное воспоминаніе о безчисленныхъ утратахъ, понесенныхъ жителями Парижа. «Эти утраты ужасны, говоритъ газета *Constitutionnel*. Въ лѣтописяхъ другихъ націй нѣтъ призыва подобной ожесточенной борьбы, дикой и неистовой! Эта борьба не походила на возстаніе, окровавившія прежде Парижъ. Тѣ происходили въ слѣдствіе борьбы двухъ политическихъ системъ. Битвы были сильны, но безъ жесто-

костей, и бесполезное убійство возмущало общественное мнѣніе еще болѣе, чѣмъ самое возстаніе. Въ этотъ разъ было распушено красное знамя; бунтъ обнаружился при крикахъ: *да здравствуетъ республика социальная!* и какъ бы въ объясненіе этого крика на многихъ знаменахъ были слова: *грабительство* и *насиліе*. Потомство не повѣритъ, какимъ истязаніямъ плѣнные подвергались отъ собственныхъ своихъ согражданъ, въ нашъ вѣкъ и въ городъ, который называетъ себя столицею цивилизаціи. Страшно подумать, что было бы, если бъ это возстаніе удалось».

Извѣстія, получаемыя съ разныхъ концовъ Франціи, показываютъ, что планъ возстанія былъ задуманъ давно, и пламя мятежа, вспыхнувшее въ Парижѣ, должно было охватить, если не всю Францію, то большую и лучшую ея часть. Въ то время, какъ мятежъ обнаружился въ Парижѣ, въ Марсели послѣдовало то же самое; возмущеніе продолжалось два дня; пролито много крови; много было раненыхъ и убитыхъ. Журналы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ связи происшествій парижскихъ съ марсельскими. Въ квартирѣ одного марсельскаго бунтовщика, капитана *Рикара* нашли между прочимъ переписку съ *Барбесомъ*, изъ которой видно, что и въ Парижѣ и въ Марсели возстаніе должно было произойти въ одинъ день, 22 іюля, а въ Лионѣ 24. Въ Нимѣ заранее было возвѣщено, что въ десять часовъ утра 23 іюня, тамъ должно обнаружиться возстаніе, и это извѣщеніе сдѣлано было, конечно, потому, что тамъ знали уже объ анархическомъ волненіи, которое должно было произойти въ одинъ день и часъ въ Парижѣ и въ Марсели. Въ Реймсѣ также открытъ заговоръ, состоявшій въ связи съ парижскимъ. Злоумышленники намѣревались поджечь городъ съ разныхъ сторонъ, если изъ Парижа получено будетъ извѣстіе, что инсургенты восторжествовали. Изслѣдованіемъ этихъ несчастныхъ событій неутомимо занимается теперь слѣдственная коммиссія, которая, по окончаніи своихъ дѣлъ, представитъ правительству отчетъ въ исполненіи возложеннаго на нее порученія.

6 июля происходило торжественное погребение жертвъ, павших при июньскомъ возстаніи; на погребеніе было назначено національнымъ собраніемъ 158,000 франковъ. Эта церемонія отличалась простотою и величіемъ, составившими совершенную противоположность съ какимъ-то мнѳологическимъ, символическимъ характеромъ, который временное правительство придавало своимъ республиканскимъ торжествамъ. На площади Согласія воздвигнутъ былъ траурный алтарь съ балдахномъ, котораго крестъ возвышался на шестьдесятъ футовъ отъ земли; окрестныя зданія, палата депутатовъ, церковь св. Маріи Магдалины и другія, были покрыты трауромъ. Въ одиннадцатомъ часу духовенство (до восьми сотъ человекъ), собравшееся въ церкви св. Маріи Магдалины, выступило на площадь, идя попарно; въ заключеніе шли три представителя: епископы лагргскій, орлеанскій и кемперскій, которые совершали духовную службу. Когда духовенство заняло свои мѣста, съ другой стороны явилось національное собраніе, предшествуемое депутациями государственнаго совета, судебныхъ мѣстъ, ученыхъ сословій, и проч. и сопровождаемое множествомъ генераловъ. Впереди собранія шелъ президентъ, г. Мари, подая, по лѣвую руку, генералъ Кавеньякъ. Все были въ траурѣ, и съ непокрытыми головами. По окончаніи миссы, огромный катафалкъ, или кенотафъ, запряженный шестнадцатю лошадыми, отправился къ церкви св. Маріи Магдалины, предшествуемый отрядами національной гвардіи и войскъ. Все эти отряды, дойдя до церкви, расходились; одни только представители и разныя депутации вступили въ церковь и въ ихъ присутствіи гробы были опущены въ погребальныя склепы. Вся церемонія продолжалась не болѣе двухъ часовъ, и цѣлый день прошелъ спокойно; но повсюду замѣтны были печаль и уныніе.

— При всехъ несчастіяхъ, мятежахъ и злодѣяніяхъ во Франціи, привыкли слагать вину въ томъ на Англичанъ и ихъ правительство. Такъ случилось и нынѣ: одинъ членъ національнаго собранія вздумалъ утверждать, что послѣднія кровопролитія въ Парижѣ причинены вліяніемъ англій-

скаго золота. Англійскій посоль обратился официально къ министру иностранныхъ дѣлъ, съ требованіемъ опроверженія такой клеветы. Г. Бастиль отвѣчалъ, что правительство ни мало не раздѣляетъ мнѣнія этого члена, напротивъ утверждено въ совершенномъ благородствѣ и праводушіи правительства королевы Викторіи.

На эту клевету многіе англійскіе журналы отвѣчали тѣмъ, что въ современномъ положеніи Франціи указали зародышъ и причину разрушенія общественаго благоустройства и несчастій, постигшихъ Французовъ въ послѣднее время. Мы приведемъ эти сужденія, которыя тѣмъ болѣе вѣроятны, что со стороны всегда видны недостатки другаго, хотя и сами Французы сознаются въ некоторыхъ промахахъ ихъ новаго правительства.

«Мы давно уже ждали минуты, говоритъ Globe, когда Парижъ сдѣлается лагеремъ, въ которомъ недостаетъ провіанта, и съ тѣмъ вмѣстѣ ждали необходимыхъ послѣдствій подобнаго положенія. Эта минута наступила для многочисленныхъ обывателей новѣйшихъ Аѳинъ, которымъ платили за то, что они ничего не дѣлали. Но Аѳиняне могли грабить Грецію; у Парижанъ Греція нѣтъ, и потому жертвою состоящей на жалованьи, привилегированной черни, должна была сдѣлаться Франція. Парижъ самъ отказался отъ работы и предоставилъ Франціи кормить его. Добавочные 45 процентовъ на прямыя налоги не чтѣ иное, какъ чудовищная пошлина для бѣдныхъ, наложенная въ пользу некоторой части парижской черни. А у этой черни было оружіе.

«Теперь передъ нами страшное зрѣлище провинцій, которыя отправляютъ часть своей національной гвардіи въ Парижъ для усмиренія вооруженныхъ массъ, доведенныхъ революціею до голода. Вотъ настоящее положеніе Франціи. И при такихъ обстоятельствахъ министръ Флоконъ не постыдился сказать въ національномъ собраніи, что междоусобная война, вспыхнувшая въ Парижѣ—дѣло иностранныхъ державъ. Такъ развѣ это не дѣло тѣхъ, которые провозгласили абсолютизмъ невѣжественныхъ массъ? Не дѣло тѣхъ, которые сказали этимъ массамъ, что онѣ имѣютъ пра-

во требовать отъ центрального правительства работы и пропитанія? Не дѣло тѣхъ, которые, какъ г. *Флоколь* въ своемъ журналѣ *La Reforme*, когда еще не сдѣлался министромъ, проповѣдывали народу социалистское, коммунистское, разрушительное ученіе?

«У сосѣдей Франціи и безъ того денегъ не много, а если и найдутся, то они дадутъ чѣмъ употребленіе получше этого.»

«Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, говорятъ другіе журналы, что злой геній революціи 1848 есть *Луи-Бланш*, (каковы бы ни были его истинныя намѣренія). Ему, *Бланш*, *Барбесу*, *Кабэ*, *Распалу*, Франція обязана всеми бѣдствіями, отъ которыхъ она страдаетъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ.

«Міру былъ нуженъ страшный урокъ, который далъ ему Парижъ: теперь ясно, что общество не можетъ держаться на основаніяхъ, положенныхъ временнымъ правительствомъ. Революціонерный фанатизмъ, питающійся несбыточными мечтами, необходимо долженъ былъ повести къ подобному результату. Надобно было бы прежде всего подумать, что дѣло честнаго правительства состоитъ въ томъ, чтобы доставить рабочему классу возможность содержаться собственными трудами. Правительство обязано говорить народу правду, а правда состоитъ въ томъ, что существованіе общества невозможно при такъ называемомъ равенствѣ, и что порядокъ зависитъ отъ подчиненности.»

Въ одномъ номерѣ французскаго журнала, выходящаго въ Лондонѣ, подъ названіемъ *Le Spectateur*, напечатана длинная статья въ видѣ письма изъ Парижа отъ 30 іюня, изъ которой мы заимствуемъ нѣкоторые любопытныя мѣста.

«Кромѣ геройской победы общества надъ духомъ безпорядка, грабежа и пожаровъ, послѣднія событія произвели еще одинъ весьма важный результатъ: паденіе исполнительной комиссіи и страннаго министерства, которое служило ей орудіемъ. Трудно составить себѣ полное понятіе о нелѣпостяхъ, ошибкахъ, преступленіяхъ, которыя дѣлались въ послѣднее время, и главная ответственность за все это па-

даетъ на г. *Ламартина*. Тѣмъ сильнѣе его нравственное паденіе и, къ сожалѣнію, нельзя даже сказать, что это «Паденіе ангела». Нѣтъ, *Ламартинъ* вовлекъ Францію во все эти бури, просто, изъ тщеславія и зависти. Онъ, 24 февраля, когда отреченіе короля отъ престола сдѣлалось извѣстнымъ въ палатѣ, склонилъ всѣхъ провозгласить республику. Крайняя лѣвая сторона собралась въ одномъ изъ отдѣленій: извѣстно, что она была немногочисленна; но всѣ эти депутаты, не исключая и *Ледрю-Роллена*, были расположены въ пользу регентства. Одинъ *Ламартинъ*, котораго дотоле считали приверженцемъ регентства герцогини Орлеанской, который не разъ говорилъ въ этомъ смыслѣ, тутъ провозгласилъ противное мнѣніе и произнесъ знаменитое слово: «Поздно». Остальное извѣстно. Дѣло въ томъ, что *Ламартинъ* мстилъ за свое оскорбленное самолюбіе; передъ нимъ возставалъ призракъ *Тьера*, который, при регентствѣ герцогини Орлеанской, былъ бы самымъ важнымъ лицомъ и похитилъ бы у него первую роль. И что же? Когда Франція предложила ему эту первую роль, онъ не сумѣлъ даже принять ее. Пріятели г. *Ламартина* не разъ слышали, какъ онъ говорилъ, съобыкновенной своей вѣтренностью: «Когда во Франціи водворится безпорядокъ, она призоветъ меня; я водворю въ хаосѣ порядокъ и заплачу за это жизнь.» Онъ самъ назначалъ трехмѣсячный срокъ для совершенія этого великаго дѣла и своей смерти. Пророчество сбылось только на половину: хаосъ наступилъ, или лучше сказать, самъ г. *Ламартинъ* произвелъ его, но онъ не сумѣлъ ни водворить порядокъ въ этомъ хаосѣ, ни умереть за такое прекрасное дѣло. Г. *Ламартинъ* не изъ тѣхъ, кому Провидѣніе судило быть спасителями своего отечества: онъ изъ тѣхъ, которые губятъ свое отечество, безъ чести, безъ истинной славы. Теперь, г. *Ламартинъ*, въ пользу котораго поданы были милліоны голосовъ, томится въ одиночествѣ, всеми покинутый, даже презираемый. Г. *Тьеръ* отошелъ. Что касается до г. *Ледрю-Роллена*, который сдѣлался вѣрнымъ наперсникомъ *Ламартина*, то дѣла и циркуляры его извѣстны. Это человекъ надутой, съ умомъ очень посред-

стваннымъ, который хотѣлъ быть социалистомъ, революционеромъ и не годился даже на это. Два человека, онъ и Луи-Бланъ, всего болѣе виновны въ томъ, что они приводили умы въ заблужденіе и льстили порочнымъ страстямъ. Они устроили національныя мастерскія, чтобы имѣть армію, всегда готовую идти противъ среднихъ классовъ, и эти люди сдѣлались ихъ преторіанцами, ихъ страшилцами. Все собраніе требовало, чтобы они распустили національныя мастерскія, а они думали только о томъ, какъ бы устранить своихъ соперниковъ на выборахъ и разныхъ представителей, которые мѣшали имъ въ національномъ собраніи: говорятъ, что они намѣревались взять подъ стражу нѣкоторыхъ изъ прежнихъ депутатовъ, принадлежавшихъ къ лѣвой сторонѣ. Можетъ быть, впрочемъ, что поводомъ къ этому слуху послужило между прочимъ раздраженіе, въ которое пришелъ г. Ламартинъ, когда онъ узналъ, что бывшій предводитель лѣваго центра, Тьеръ, избранъ въ пяти департаментахъ. «Такъ они хотятъ красной республики, сказалъ онъ; хорошо: будетъ». Какъ бы то ни было, но во все время послѣдней борьбы г. Ледрю-Ролленъ исчезалъ и являлся опять въ національное собраніе тогда уже, когда все было кончено. О трудахъ нѣкоторыхъ изъ членовъ исполнительной коммисіи, въ теченіе ея четырехмѣсячнаго диктаторскаго управленія, рассказываютъ слѣдующее: Г. Ламартинъ ковалъ фразы и обманывалъ дипломатію, покровительствуя иностраннымъ выходяцамъ. Г. Ледрю-Ролленъ составлялъ циркуляры, устраивалъ свои собственныя дѣла и издавалъ бюллетени республики мадамъ Жоржъ-Зандъ. Г. Араго ссаживалъ всѣхъ съ мѣсть и сажалъ на мѣста своихъ родныхъ: брата, человека безъ всякихъ дарованій, сдѣлавъ почтдиректоромъ, сына, котораго все достоинства состоятъ въ громкомъ голосѣ, назначилъ посланникомъ въ Берлинъ! Да, посланникомъ въ Берлинъ, плохого адвоката, котораго прозвали г. Махімишъ, потому что, по его неловкости, подсудимыхъ республиканцевъ, которыхъ онъ защищалъ, всегда приговаривали къ махімишъ, то-есть высшей степени наказанія. Г. Гарнье-Пажесъ, съ наилучшими намѣреніями, но съ самымъ замѣча-

тельнымъ невѣжествомъ, разстраивалъ наши финансы; между тѣмъ г. Гарнье-Пажесъ честный, прекрасный человекъ, любимый всеми, кто его знаетъ. Г. Гарнье-Пажесъ былъ маклеромъ по торговлѣ мыломъ и, конечно, не болѣе другихъ готовъ былъ явиться въ яркомъ свѣтѣ, въ которомъ затмѣлись столь многія уже республиканскія знаменитости.

«Г. Мари первый изъ пяти директоровъ сказалъ нѣсколько дѣльныхъ словъ въ національномъ собраніи, гдѣ онъ пользуется общимъ уваженіемъ. Къ несчастію, г. Мари человекъ безъ большихъ дарованій, и три директора, принадлежавшіе къ большинству собранія, всегда были увлекаемы остальными двумя, которые принадлежали къ меньшей партіи. Это-то недостатокъ единства, это общее незнаніе дѣла, недостатокъ энергіи и гражданскаго мужества, привели Францію на край пропасти, потому-что 25 іюня, въ первомъ часу, еще отчаявались одержать побѣду.

«Новый военный министръ генералъ Ламорисьеръ былъ главнымъ дѣятелемъ въ этой страшной борьбѣ. Онъ являлся повсюду, подвергался всѣмъ возможнымъ опасностямъ, и подъ нимъ убито двѣ лошади. Это одинъ изъ тѣхъ людей, на которыхъ Франція всего болѣе можетъ положиться, и вступленіе его въ министерство успокоиваетъ всѣхъ благонамѣренныхъ людей, равно какъ прибытіе генерала Шаугарисъ изъ Африки и назначеніе его командиромъ національной гвардіи. Франція можетъ быть спасена только арміею, которая, разумется, не выставитъ нибѣ своего диктатора, своего императора, какъ армія въ первую революцію. Генералъ Кавеньякъ, который находился точно въ такомъ же положеніи, какъ Бонапарте 13-го вандемьера, не можетъ быть этимъ диктаторомъ, хотя нѣкоторыя мѣры и заставляли думать, что онъ склоненъ къ этому. Генералъ Кавеньякъ скорѣе можетъ быть Лафайетомъ нынѣшней революціи: онъ также благороденъ, но, кажется, также и нерышительнъ: это скорѣе, говорятъ, прекрасный, чѣмъ великій характеръ. Ничто, однако жъ, покажется, не оправдываетъ этихъ опасеній. Генералъ Кавеньякъ хорошо говоритъ на трибунахъ: въ голосѣ у него много

твердости; онъ всѣмъ нравится: его прокламаціи къ арміи, къ національной гвардіи, къ гражданамъ, заслужили общее одобреніе. Надобно подождать, каковъ онъ будетъ въ дѣлахъ правительственныхъ, теперь какъ военныя дѣла кончены. Онъ и его товарищи по африканской войнѣ могутъ оказать Франціи величійшія услуги.»

Послѣ этой рѣзкой и во многихъ случаяхъ справедливой характеристики прежняго временнаго правительства, приведемъ отзывъ парижскаго корреспондента одной изъ нашихъ литературныхъ и политическихъ газетъ, о новомъ французскомъ министерствѣ, о составѣ котораго мы сказали въ предыдущемъ номерѣ журнала. Но напередъ скажемъ о нѣкоторыхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ правительствѣ, составленномъ 23 іюня. Президентомъ національнаго собранія былъ избранъ г. *Мари*, самый умѣренный изъ всѣхъ членовъ бывшаго временнаго правительства и бывшей исполнительной коммисіи; это мѣсто онъ занималъ до 18 іюля; потомъ онъ назначенъ министромъ юстиціи, на мѣсто г. *Бетмона*, вышедшаго въ отставку, а президентомъ избранъ, въ засѣданіи собранія 19 іюля, г. *Арманъ Маррастъ* (бывшій парижскій мэръ). Адмиралъ *Лебланъ* не принялъ званія морскаго министра; поэтому морское министерство было ввѣрено г. *Бастиду*, министру иностранныхъ дѣлъ, а вмѣсто него былъ назначенъ генералъ *Бедо*; но какъ генералъ *Бедо* за ранами, полученными во время іюньскаго возстанія, не могъ отправлять возложенную на него должность и получилъ отставку, то г. *Бастидъ*, исправлявшій временно эту должность, окончательно былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; а г. *Веринакъ*, корабельный капитанъ, назначенъ морскимъ министромъ. Министръ народнаго просвѣщенія, г. *Карно* вышелъ въ отставку, и его мѣсто занялъ г. *Ашиль Волабелль*. Поводомъ къ последней перемѣнѣ было слѣдующее обстоятельство.

Въ засѣданіи національнаго собранія, 6 іюля, разсуждали о назначеніи милліона экстреннаго кредита для улучшенія положенія начальныхъ учителей. Г. Бонжанъ при-

помнилъ о циркулярѣ, произведемъ большой шумъ въ университетѣ и въ политическомъ кругу. Въ этомъ циркулярѣ министръ говорилъ, что при выборѣ въ члены національнаго собранія не нужно обращать вниманія на образованіе кандидата. Г. Бонжанъ не остановился на этомъ; онъ сообщилъ собранію о книжечкахъ, распускаемыхъ въ деревняхъ подъ покровительствомъ министра просвѣщенія, и съ его дозволенія, и прочелъ нѣсколько мѣстъ изъ руководства челоуѣку и гражданину, составленнаго г-нѣмъ Карломъ Ренувиеромъ и издавнаго книгопродавцемъ Паиеромъ. Въ этомъ сочиненіи важнѣйшіе общественные и политическіе вопросы изложены въ разговорѣ ученика съ наставникомъ, и заключаются самыя опасныя и ложныя ученія гнуснаго коммунизма. Ссылаясь на это руководство, г. Бонжанъ хотѣлъ принудить министра къ рѣшительному объясненію. Не смотря на все участіе къ судьбѣ начальныхъ наставниковъ, г. Бонжанъ не рѣшался оказать имъ пособіе чрезъ министра, покровительствующаго такимъ правиламъ. Г. Карно сталъ оправдываться, но очень неискренно. Уклоняясь отъ отвѣта на главный вопросъ, онъ твердилъ о другихъ мѣрахъ своей администраціи. Собраніе слушало его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ, онъ признался, что руководство хотя не одобрено имъ формально, но было опубликовано съ его дозволенія. При этомъ поднялся въ собраніи такой шумъ, что нельзя было разслушать рѣчей ни одного изъ ораторовъ, взошедшихъ на кафедру. Между тѣмъ доказано было, что въ слѣдствіе согласія министра на введеніе этого руководства, 15,000 экземпляровъ куплены были на счетъ университета, и одинъ ректоръ академіи вышелъ въ отставку, чтобъ не быть принужденнымъ распускать въ публикѣ такія правила. Предложено было, для выраженія министру неудовольствія собранія, вычесть 5,000 фр. изъ требуемаго имъ милліона. Рѣшеніе это было принято 314 голосами противъ 303-хъ. Послѣ этого министръ не могъ оставаться на своемъ мѣстѣ.

О всѣхъ этихъ лицахъ, бывшихъ и явившихся вновь въ

головъ французскаго правительства, парижскій корреспондентъ Сѣверной Пчелы пишетъ:

«Генералъ Кавеньякъ составилъ, вечеромъ 28-го іюня, министерство изъ слѣдующихъ особъ: *Сенаръ*, министръ внутреннихъ дѣлъ; *Бастидъ*, иностранныхъ дѣлъ; *Гудшо*, финансовъ; *Бетмонъ*, юстиціи; *Ламорисьеръ*, военный; *Карно*, народнаго просвѣщенія; *Турре*, земледѣлія и коммерціи; *Рекоръ*, публичныхъ работъ; адмиралъ *Лебланъ*, морской. При прочтеніи этого списка въ національномъ собраніи, имя Карно было встрѣчено съ выраженіемъ неудовольствія; противъ избранія адмирала *Леблана* возразили тѣмъ, что онъ не членъ законодательнаго сословія. Адмиралъ, человекъ честный, правитель умный и свѣдущій, что онъ доказалъ въ отправленіи должности морскаго префекта, воспользовавъ этимъ предлогомъ, чтобы отказаться отъ избранія. *Бастидъ* переведенъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ морское, и на его мѣсто назначили генерала *Бедо*. *Сенаръ* былъ адвокатомъ въ Руанѣ и слылъ самымъ хитрымъ изъ Нормандцевъ, земляковъ своихъ, славныхъ хитростью во всей Франціи. Онъ человекъ ловкій, съ талантомъ, но съ небольшою совѣстью, честолюбивъ, и думаетъ, что стряпческое краснбайство дѣлаетъ его способнымъ ко всему. Къ нему примѣнили начало Лафонтеновой басни:

Certain *Senart* Gascon, d'autres disent, Normand.

Онъ много способствовалъ къ ниспроверженію исполнительнаго комиссіи, и генералъ Кавеньякъ совѣтуется съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ. *Бастидъ* былъ однимъ изъ редакторовъ журнала *le National*: это лицемеръ, представляющійся скромникомъ, но исполненный тщеславія. Минная его застычивость происходитъ отъ внутренняго сознанія своей ничтожности. Онъ не имѣетъ дара слова, главной потребности для успѣха въ дѣлахъ нынѣшняго времени, ограничивающихся болтовнею и безстыдною ложью. Притомъ онъ человекъ безъ всякаго воспитанія, неловкій, грубый, непріятный. Въ кабинетъ его, гдѣ недавно работалъ

Гизо, стоить на письменномъ егѣ столѣ бутылка гривеннаго вина, купленная въ погребу на углу люксабургской улицы, большой пивной стаканъ, и лежитъ кусокъ чернаго хлѣба: вотъ республиканскій завтракъ гражданскаго превосходительства! Забавно было бы иностраннымъ посланникамъ видѣть образъ жизни министра, еслибы они его посѣщали, но они съ нимъ не видятся. Хорошо онъ будетъ въ морскомъ министерствѣ! Онъ не видалъ въ жизни ни одного корабля, кромѣ развѣ бумажныхъ корабликовъ, которые пускаютъ дѣти въ пруду тюльерійскаго сада. *Гудшо*, Еврей, лѣтъ за двадцать предъ симъ содержалъ въ Нанси лавку стараго платья, давалъ деньги за проценты подъ доброе залоги и т. д. Понажившись этимъ ремесломъ, онъ прибылъ въ Парижъ и продолжалъ прежнюю торговлю въ Rue Notre Dame de Nazaret, въ тампльскомъ кварталѣ. Мало-по-малу онъ переселился въ свѣтскую часть Парижа, сдѣлался акціонеромъ и банкиромъ либеральнаго журнала *le National*, и тѣмъ приобрѣлъ право на уваженіе и помощь республиканцевъ. Въ день учрежденія республики онъ назначенъ былъ министромъ финансовъ, но вскоре увидѣлъ, что безсмысленныя и сумасбродныя дѣйствія *Ледрю-Роллена*, *Луи-Блана* и *Флокона* разстроить всѣ дѣла. При первомъ случаѣ онъ удалился отъ дѣлъ и нынѣ взялся за нихъ вновь, по убѣжденію генерала *Кавеньяка*. Во всякомъ случаѣ онъ несравненно выше, по своей части, нежели предѣльщики его, *Гарнѣ-Пажееъ* и *Рекоръ*. Вступивъ въ министерство, онъ прекратилъ свои банкирскія дѣла. *Бетмонъ*, обыкновенный, дюжинный адвокатъ; онъ защищалъ журналъ *le National*, когда его обвиняли въ нарушеніи порядка и нравственности, а теперь преслѣдуетъ другіе журналы за то же самое. *Ламорисьеръ*, человекъ умный, благородный, опытный и храбрый генералъ. О *Карно* можно сказать то же, что было сказано о сынѣ великаго Бюффона: «это не лучшее твореніе его отца». Циркуляръ, въ которомъ онъ пригласилъ чиновниковъ своего вѣдомства способствовать къ избранію въ члены національнаго собранія невеждъ и людей необразованныхъ, возбудилъ общее къ нему недо-

вольствие, и его прозвали «министромъ народного невѣжества.» Вы знаете причину его увольненія отъ службы: онъ издалъ, съ книгопродавцемъ *Пансэромъ*, бывшимъ секретаремъ временнаго правленія, самую опасную и вредную книжку, и разослалъ ее по училищамъ! Преемникъ его, покровительствуемый журналомъ *le National*, гражданинъ *Волабель*, составлялъ извѣстія для журнала, вырзывая ихъ изъ другихъ газетъ (такой редакторъ съ готоваго называется въ редакціяхъ *поваренкомъ*), издалъ «исторію двухъ реставрацій», пристрастную, написанную тяжело, но вообще не безъ достоинствъ. *Волабель* человекъ грубый, неблагоприспособленный, скупой до крайности, врагъ всякихъ приличій. Непонятно, какъ могли назначить его министромъ просвѣщенія! *Турре* человекъ здраваго смысла, безъ требованій, знающій агрономъ, плохой республиканецъ, ума положительнаго. Онъ извѣстенъ разными сочиненіями о земледѣліи и скотоводствѣ, между прочимъ очень полезною книгою: «О выкармливаніи живности.» Строгіе республиканцы обратили на него свое вниманіе вѣроятно потому, что они большіе охотники до жирныхъ пидфеекъ и пулярдокъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ распоряженіе государственною казною дало имъ средства хорошо объѣдать. *Рекюръ* — врачъ безъ больныхъ, человекъ пустой и безтолковый, бывший сотрудникъ въ *National*. Онъ не умѣетъ ни говорить, ни писать съ толкомъ; только мастеръ вѣсть и нить. Онъ былъ жалокъ и ничтоженъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и теперь будетъ не лучше. Вотъ вамъ наше новое министерство! Оно составлено очень плохо, за исключеніемъ военной части.

«Не говорю о причинахъ, побудившихъ генерала *Бедо* отказаться отъ званія министра иностранныхъ дѣлъ; скажу только, что онъ человекъ съ большими достоинствами, и вѣроятно, назначенъ къ важной роли со временемъ. *Бастидъ* собственно не оставялъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Этотъ бывший торговецъ льсомъ, а потомъ редакторъ журнала *le National*, и впредь будетъ достойнымъ образомъ представлять французскую республику во вѣнскихъ сношеніяхъ. Гражданинъ *Мари* — адвокатъ злой, желчный, непріятный, вздорный, не

вселяющій ни дружбы, ни довѣренности. Онъ былъ членомъ послѣдней палаты депутатовъ, считался въ рядахъ оппозиціи, но не желалъ революціи, потому что революціи останавливаютъ теченіе дѣлъ, а при остановкѣ дѣлъ адвокатамъ нѣтъ поживы. *Мари* не славится своимъ безкорыстіемъ, не отказывается отъ благодарности и не жалуетъ казны, какъ бы она ни была разстроена. Но онъ добрый родственникъ: всѣхъ своихъ братьевъ, зятевъ, племянниковъ пристроилъ къ мѣстамъ. Въ продолженіе существованія временнаго правленія не слыхать было о гражданинѣ *Мари*, удаленномъ въ министерство публичныхъ работъ, и такъ какъ онъ не вдался въ крайности, умеренная партія дала ему свой голоса, при избраніи его членомъ исполнительной комисіи. Здѣсь онъ отделился отъ *Ламартина* и *Ледрю-Ромена*, и за это удаленіе отъ партіи анархистовъ, большинство національнаго собранія избрало его въ свои президенты, по вступленіи *Сенара* въ министерство. Онъ предѣлательствовалъ въ теченіе 18 дней и не заслужилъ ни чьего одобренія: безпрестанно вскакивалъ съ своего мѣста, какъ адвокатъ, который хочетъ возражать, сердился, кривлялся; притомъ наружность его непріятная: онъ сухощавъ, неповоротливъ и очень смѣшонъ. Теперь онъ вновь министромъ! Въ четыре мѣсяца съ половиною, онъ былъ дважды членомъ правленія, дважды министромъ двухъ разныхъ департаментовъ, и президентомъ національнаго собранія. Онъ за все беретъ, все принимаетъ. Главное дѣло для него — сопряженные съ должностями оклады. Г. *Вершинакъ де-Сенъ-Моръ* (нынѣ просто гражданинъ *Вершинакъ*), достойный флотскій офицеръ, но онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ отнюдь не своимъ достоинствамъ, а особенному случаю. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ много толковали объ одной изъ *иголь Клеопатры*, подаренной Франціи пашею египетскимъ. Снаряжена была экспедиція, чтобъ подняться вверхъ по Нилу, и взятъ въ пустынь Фаванды луксорскій обелискъ, красующійся теперь на площади Согласія. Въ этой экспедиціи участвовалъ г. *Вершинакъ де-Сенъ-Моръ*, въ чинѣ флота-лейтенанта. Этотъ обелискъ, спустившись по Нилу, проплылъ

по Средиземному морю, чрезъ Гибралтарскій проливъ, по Океану, прибылъ въ Гавръ, подвѣлся вверхъ по Сенъ, и послѣ чрезвычайныхъ трудовъ, усилій и издержекъ, явился въ Парижъ любопытнымъ взорамъ записныхъ нашихъ эвакъ. Г. Верниакъ провожалъ обелискъ во всѣхъ его странствіяхъ, и обратилъ на себя вниманіе всей публики. Въ то же самое время брать его, служившій въ почтамтѣ, преданъ былъ уголовному суду за кражу: онъ распечатывалъ письма, и вынималъ изъ нихъ ассигнаціи. Всѣ толковали о лейтенантѣ, всѣ отдавали справедливость его дѣятельности и усердію; говорили, что его не должно смѣшивать съ преступнымъ братомъ, и это общее участіе до того разжалобило присяжныхъ, что они объявили хищника виноватымъ, но съ облегчительными обстоятельствами. Правительство, желая утѣшить лейтенанта, и въ то же время соответствовать общему желанію, пропзвело его въ слѣдующій чинъ. Теперь онъ капитанъ 1-го ранга (*capitaine de vaisseau de haut bord*); безъ обелиска и безъ процесса его брата онъ былъ бы не болѣе, какъ капитанъ-лейтенантъ (*capitaine de corvette*). Съ балкона дома морскаго министерства новый министръ смотритъ на обелискъ, и говоритъ ему: спасибо, добрый обелискъ!»

— Засѣданія національнаго собранія, послѣ горькихъ уроковъ, данныхъ правительству послѣдними кровавыми событіями, приняли характеръ умеренности и благоразумія, — качества, почти совершенно забытыя представителями націи со времени уничтоженія законной власти. Правда, и теперь еще появляются на ораторской каедрѣ люди съ какими-нибудь странными идеями; но эти идеи могутъ внушить опасеніе скорѣе на счетъ неповрежденнаго состоянія мозга ораторовъ, чѣмъ на счетъ новыхъ тревогъ, новыхъ возмущеній. Такъ напримѣръ, въ одно засѣданіе какой-то ораторъ возобновилъ уже отвергнутый большинствомъ голосовъ, вопросъ о разводѣ; въ то же время, нѣкто г. *Бартъ* зашелъ еще дальше: онъ требовалъ допущенія многоженства. Такія выходки вызывали громкій смѣхъ присутствовавшихъ. Только одно засѣданіе напомнило собою, что во Франціи респуб-

лика, т. е. нѣтъ еще законной и твердой власти; именно въ засѣданіи 17 іюля былъ такой шумъ, какого не запомнить въ литонисяхъ законодательныхъ сословій. Вотъ что, между прочимъ, говорить объ этомъ *Journal des Débats*. «Мы упоминаемъ въ короткихъ словахъ о сегодняшнемъ засѣданіи; хотѣли бы даже ничего говорить о немъ, если бы было возможно: до такой степени мы смущены ужаснѣйшимъ шумомъ, которымъ оно окончилось. Хотѣ бы можно было дать себѣ отчетъ въ причинахъ этихъ несслыханныхъ сценъ, хотѣ бы можно было объяснить ихъ какимъ-нибудь значительнымъ поводомъ, настоящимъ политическимъ интересомъ! Но нѣтъ: простой вопросъ о формѣ, о перенствѣ одного изъ двухъ измѣненій передъ другимъ, породилъ одну изъ самыхъ ужаснѣйшихъ бурь, при какихъ только намъ когда-либо случалось присутствовать; по случаю простаго спора о регламентѣ, собраніе раздѣлилось на два вражескихъ стана, которые грозили другъ другу голосомъ и жестами, брань и вызовы перекрещались во всѣхъ частяхъ залы, президентъ два раза принужденъ былъ накрываться, и засѣданіе было на полчаса прервано. Предметомъ преній былъ декретъ, по которому съ 1 будущаго октября воспитанники должны быть принимаемы въ политехническую и сень-сирскую школы безъ всякой платы.»

Но все-таки подобныя шумныя и буйныя засѣданія, бывшія съ начала революціи правиломъ, теперь составляютъ исключеніе. Правители Франціи не только шумятъ, но и дѣйствуютъ. Вниманіе нынѣшняго правительства устремлено преимущественно на два предмета: на окончательное организованіе конституціи, и на принятіе мѣръ, необходимыхъ для предупрежденія на будущее время безпорядковъ и междоусобицы войны. Проектъ конституціоннаго правленія разсматривается теперь въ отдѣленіяхъ національнаго собранія. Что же касается до обезпеченія общественнаго спокойствія, то главными къ тому средствами признаны: собраніе въ Парижѣ 50,000 войска, обезоруженіе жителей предмѣстій, принимавшихъ участіе въ мятежѣ, закрытіе всѣхъ клубовъ, до изданія на сей предметъ особыхъ законовъ, ограниченіе сво-

боды тисненія запрещеніемъ печатать книги и статьи, возмутительныя и вредныя общественному спокойствію, и закрытіе національныхъ мастерскихъ въ Парижѣ. Бѣлая часть этихъ мѣръ предложена г. *Тьеромъ* или принята по его настояніямъ. Замѣчательно при этомъ, что во-первыхъ національное собраніе теперь, при республиканскомъ правленіи, дѣйствуетъ въ пользу мѣръ, противъ которыхъ съ такой настойчивостію, съ такимъ ожесточеніемъ возставали при правленіи монархическомъ, именно ограниченія свободы тисненія и права составлять общества; и что во-вторыхъ, тотъ самый *Тьеръ*, противъ котораго такъ сильно возставали въ первыя времена республики, который такъ не скоро и съ такимъ трудомъ попалъ въ члены національнаго собранія, теперь дѣлается душою, коноводомъ этого собранія. Это было неизбѣжно: такой человекъ, какъ *Тьеръ*, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, не можетъ оставаться въ тѣни, не можетъ не имѣть сильнаго вліянія на дѣла, если только не удаляется отъ нихъ добровольно. О распущеніи національныхъ мастерскихъ, было объявлено генераломъ *Кавеньякомъ* въ засѣданіи 4 іюля. По этому случаю, *Journal des Débats* замѣчаетъ: «И теперь есть работники безъ работы, работники честные, которые получаютъ пособіе у себя въ домахъ; но пагубное учрежденіе, которое произвело такіе ужасные результаты, уже не существуетъ. Приняты мѣры, чтобы доставить занятія работникамъ, которые ихъ не имѣютъ и чтобы изгладить послѣдніе слѣды зла, которое низринулось на насъ. Такимъ образомъ этотъ великій, страшный вопросъ о національныхъ мастерскихъ, рѣшенъ и, какъ можно думать, рѣшенъ удачно. Это результатъ, который мы отмѣчаемъ съ радостію, это дополненіе победы, одержанной арміею и парижскимъ населеніемъ надъ инсургентами. Мы не можемъ не поздравить генерала *Кавеньяка* съ тѣмъ, что онъ такъ скоро и такъ рѣшительно исполнилъ обязательство, которое на себя принялъ».

«Исторія не представляетъ намъ, говоритъ газета *Union*, примѣровъ такого безумія, чтобы политики отклоняли работниковъ отъ ихъ натурального инстинкта къ работѣ, не

будучи въ состояніи доставить имъ другое занятіе, кромѣ безполезнаго, опаснаго и невозможнаго. Какъ назвать такихъ основателей республики? Въ какія руки попали мы? Число работниковъ, принятыхъ досель въ мастерскія, простирается до 8117; они занимались постройкою желѣзныхъ дорогъ и каналовъ; 7792 работника искали работы, но не получили ее.»

11 іюля, въ собраніи происходили разсужденія касательно другихъ мѣръ обезпеченія спокойствія. Военный комитетъ, представляя разсмотренный имъ проектъ декрета о томъ, что войска, находящіяся въ Парижѣ и окрестностяхъ, должны простирасться, впредь до новаго распоряженія, по-крайней-мѣрѣ до 50,000, присвокупилъ, что въ Парижѣ или его окрестностяхъ можно помѣстить 63 баталіона пѣхоты, составляющіе 47,250 чел. и 53 эскадрона кавалеріи, составляющіе 6,000 ч. всего 53,250, не считая артиллеріи, инженеровъ, жандармовъ, ветерановъ, не считая также и баталіоновъ подвижной гвардіи, занимающихъ часть фортовъ и казармъ, и составляющихъ до 15,000. Теперь все число войскъ, находящихся въ Парижѣ и его окрестностяхъ, простирается до 45,000. Этотъ декретъ принятъ безъ всякихъ преній. Г. *Сенаръ* представилъ отъ имени министра юстиціи г. *Бетмона*, нѣсколько проектовъ законовъ. Первый проектъ о залогахъ, которые должны представлять журналисты. «Общество, сказано въ этомъ проектѣ, не можетъ оставаться безъ обезпеченія отъ власти, которою пользуются многочисленные періодическія изданія. Опытъ доказалъ, что лучшимъ изъ этихъ обезпеченій должно быть почитаемо обезпеченіе денежное, самое дѣйствительное и разумное. Оно совершенно сообразно съ свойствомъ періодическихъ изданій, которые почти всегда соединяютъ прибыльность промышленности съ пользованіемъ правомъ, съ выраженіемъ политической мысли; денежное взысканіе подвергаетъ строгости законовъ не одного только ответственного редактора, но и хозяевъ журнала, которые необходимо имѣютъ вліяніе на его духъ и направленіе». Далѣе объясняется, что, конечно, залогъ можетъ быть орудіемъ угнетенія въ рукахъ правитель-

ства, но что для устранения этого неудобства, количество залога сокращается въ новомъ законѣ слишкомъ на три четверти, такъ чтобы онъ только могъ служить къ покрытію высшей пени, какая можетъ быть наложена на журналъ. Такъ напримѣръ въ Парижѣ залогъ сокращается съ 100,000 фр. до 24,000. Дѣло въ томъ, что когда залогъ будетъ обращенъ въ пеню, то журналъ, не имѣющій средствъ внести новый залогъ, волей-неволей прекращаетъ свое существованіе. Проектъ декрета о наказаніяхъ за злоупотребленія свободы тишенія не что иное, какъ прежній законъ по этому предмету съ нѣкоторыми измѣненіями въ выраженіяхъ: вмѣсто королевской власти поставлены вездѣ національное собраніе и исполнительная власть. За тѣмъ г. Сенаръ, тоже отъ имени министра юстиціи, представилъ проектъ закона о клубахъ. Этотъ законъ совершенно новый: ничего подобнаго не бывало не только во Франціи, но, кажется, и въ другихъ странахъ. Вотъ главныя постановленія этого проекта: Вся граждане имѣютъ право учреждать клубы, но должны по-крайней-мѣрѣ за два дня до открытія клуба предупредить объ этомъ въ Парижѣ префекта полиціи, въ департаментахъ мера, объявивъ о мѣстѣ и времени собранія. Засѣданія клубовъ должны быть публичныя, почему по-крайней-мѣрѣ четвертая часть всѣхъ мѣстъ предоставляется постороннимъ зрителямъ. Въ каждомъ собраніи присутствовать чиновникъ, назначенный отъ правительства, въ шарфъ; для этого чиновника должно быть назначено особое, видное мѣсто. Въ каждомъ засѣданіи долженъ быть составленъ протоколъ, который предьявляется по первому требованію начальства. Члены бюро, то есть президентъ, вице-президенты и секретари, не могутъ позволять разсуждать о предложеніяхъ касательно дѣйствій, которыя по закону считаются преступленіемъ или проступкомъ. Рѣчи, крики или угрозы, произносимыя въ клубѣ, считаются произносимыми въ публичномъ мѣстѣ и влекутъ за собою ту же ответственность. Всякія сношенія между разными клубами запрещаются, равно какъ и депутаціи отъ клубовъ. Запрещается также приходить въ клубы съ оружіемъ. Нарушители этихъ

постановленій и въ особенности члены бюро наказываются денежными пенями отъ 100 до 500 франковъ, заключеніемъ въ тюрьму отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ и лишеніемъ гражданскихъ правъ на известное время. Въ важныхъ случаяхъ клубъ закрывается. Если закрытый клубъ началъ собираться снова, виновные приговариваются къ тюремному заключенію на полгода или на годъ и къ лишенію гражданскихъ правъ на срокъ отъ пяти до десяти лѣтъ. Сверхъ того всякій, участвовавшій въ клубѣ, который собирается безъ разрѣшенія начальства, подвергается штрафу въ 25 и до 500 фр., а президенты, члены бюро и основатели недозволенныхъ собраній, заключенію въ тюрьму отъ пяти дней до шести мѣсяцевъ. Этотъ проектъ переданъ въ отдѣленія, на разсмотрѣніе.

Г. Жюль Фавръ сдѣлалъ предложеніе о причисленіи частнаго имущества Людовика-Филиппа къ государственнымъ имуществамъ. При разсмотрѣніи этого предложенія въ комитетѣ финансовъ, г. Жюль Фавръ между прочимъ сказалъ, что, конечно, дарственные записи, сдѣланныя королемъ своимъ дѣтямъ, признаны закономъ 1832 года; но что этотъ законъ не имѣетъ силы, потому-что Людовикъ-Филиппъ своими *ошибками и преступленіями* лишился короны. Противъ этого сильно возсталъ г. Тьеръ. «Я привыкъ, сказалъ онъ, къ языку торжествующихъ партій, не удивляюсь ему, не оскорбляюсь имъ за себя собственно; но есть вещи, которыхъ не могу слышать безъ противорѣчія. Правда, король Людовикъ-Филиппъ дѣлалъ ошибки, важныя ошибки, содѣйствовавшія его паденію, и я въ теченіе восьми лѣтъ жалѣлъ объ этихъ ошибкахъ, противился имъ, на свой страхъ, но Людовикъ-Филиппъ никогда не совершалъ никакихъ преступленій. Самъ онъ бывалъ цѣлю преступленій, но его нельзя обвинить ни въ одномъ. Ссылаюсь въ этомъ на всѣхъ честныхъ людей, ссылаюсь на исторію. Что касается до требуемой пени конфискаціи частнаго имущества бывшей королевской фамиліи, я буду всѣми силами противиться этой мѣрѣ, какъ самой гнусной несправедливости—какъ бы ни толковали мои дѣйствія здѣсь и въ другихъ мѣстахъ. Я принимаю республи-

ку, желаю, чтобы она установилась мирно и прочно; но не должно безчестить ее, заставляя дѣлать несправедливости. Нынче нельзя ссылаться на законы прежней монархіи. До 1789 года имущества короля и государства были нераздѣльны и потому государь не имѣлъ права дарить ихъ. Съ 1789 года, Наполеонъ постановилъ по этому предмету другія правила и притомъ для пользы государства. Онъ отдѣлялъ отъ государственнаго имущества, до котораго государь не имѣлъ права касаться, имущество царствующаго дома, которымъ государь пользовался по смерти своей, и частное имущество государя, которымъ онъ могъ располагать по произволу. Эти различія были совершенно сообразны съ пользою государства, которое сохраняло то, что ему принадлежитъ, или можетъ принадлежать со временемъ. Въ 1830 году, Людовикъ-Филиппъ, вступая на престолъ, передалъ дѣтямъ своимъ все свои частныя, личныя имущества, предоставивъ государству все, что собственно составляло имущество или удѣлъ Орлеанской фамилии. Это было и позволительно и сообразно съ законами. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, сожалѣли объ этомъ доказательствѣ отеческой попечительности: мы полагали, что лучше было бы предоставить будущую судьбу его дѣтей великодушію націй; но король былъ того мнѣнія, что въ революціонныя времена, каковы наши, необходимо обезпечить участь дѣтей на всякій случай. Надобно сознаться, что событія оправдали его опасенія и что его родительская попечительность была весьма основательна. Во всякомъ случаѣ, чувство, побуждавшее его къ такой мѣрѣ, не заслуживаетъ ни малѣйшаго обвиненія, ни порицанія. За тѣмъ послѣдовалъ законъ, который одобрила сама оппозиція, и которымъ утверждены были его распоряженія. Если мы не станемъ уважать законовъ, утвержденныхъ нашими предшественниками, то поколеблемъ всю нашу законодательную систему въ ея основаніи и впадемъ въ варварство. Законы, касающіеся частной собственности, суть контракты, которыхъ нельзя нарушать. Нынешнее законодательное сословіе имѣетъ власть неограниченную, но оно не имѣетъ права отменять законовъ, которыми рѣшены права

собственности. Надюсь, что оно, изъ уваженія къ самому себѣ, не сдѣлаетъ вопіющей несправедливости.»

Въ засѣданіи 17 іюля, Викторъ Гюго прочиталъ мнѣніе комиссіи, составленной подъ его председательствомъ, о вспоможеніи парижскимъ театрамъ, которые, со времени революціи, пришли въ крайній упадокъ. «Комитетъ внутреннихъ дѣлъ, сказалъ онъ между прочимъ: имѣлъ мужество устранить все представлявшіяся ему высшія соображенія искусства и національной славы, и смотрѣть на этотъ предметъ только съ политической точки. Въ этомъ отношеніи должны мы стараться, чтобы банкротство не заставило прекратитъ существованіе театровъ. Въ Парижѣ живутъ отъ театровъ болѣе десяти тысячъ фамилій, и ими приводится ежегодно въ оборотъ сумма отъ 30 до 40 милліоновъ. (*Движеніе въ собраніи*). И другіе доводы говорятъ въ пользу проэкта. Въ нынѣшнія безпокойныя времена, парижскій народъ, похожій на Аѳинявъ, ищетъ развлеченій и удовольствій, и желательно, чтобы онъ находилъ удовольствія нравственныя. Театръ достигаетъ этой цѣли. Театръ есть лучшее средство къ успокоенію. (*Выраженіе несогласія*). Скопще народа разойдется, если дать ему безденежное представленіе. (*Громкій хохотъ*). И такъ необходимо слѣдуетъ, чтобы театры были вновь открыты и вновь производили упокоительное и увеселяющее свое вліяніе въ этой огромной столицѣ, терзаемой въ теченіе мѣсяца плачевнымъ междоусобіемъ. (*Движеніе*). Принявъ сей законъ, вы принесете большую пользу въ будущемъ. Театры сильно дѣйствуютъ на воображеніе, исправляютъ нравственность народа (*сильное противорѣчіе*), словомъ—составляютъ блистательный центръ цивилизаціи.» За тѣмъ прочиталъ онъ проэктъ, которымъ назначаются 680 тысячъ фр. на уплату долговъ разныхъ театровъ. Г. *Безжаръ* воспротивился этому проэкту, находя страннымъ, чтобы провинціи обременяемы были налогами для забавы столицы. Г. *Феликсъ Платъ* вступился за театры, и собраніе приняло проэктъ закона, въ слѣдствіе котораго все парижскіе театры получили значительное денежное вспоможеніе.

Въ собраніи 20 іюля, розданъ рапортъ г. *де-Людра* отъ имени спеціальной комиссіи, назначенной для разсмотрѣнія проэкта о мобилизованіи 300 баталіоновъ національной гвардіи. Комиссія, также какъ и правительство, вполне надѣется на сохраненіе мира, но она полагаетъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ Франція должна быть сильно вооружена, для сохраненія того вліянія, которымъ она справедливо пользуется въ Европѣ, также какъ и для предупрежденія нашествія иноземныхъ непріятелей и сохраненія внутренняго порядка и безопасности. Комиссія говоритъ между прочимъ: «Когда недавно еще отечеству и семейству угрожали антисоціальныя страсти, національная гвардія со всѣхъ пунктовъ государства поспѣшила на помощь къ парижскимъ защитникамъ порядка. Но это великодушное, достойное уваженія и происшедшее изъ собственнаго побужденія, движеніе ея было, однакожь, не безъ замѣшательства. Сильнѣйшая и храбрѣйшая часть національной гвардіи, такъ какъ она не была организована отдѣльно, нашлась принужденною выйти изъ рядовъ своихъ баталіоновъ и сформироваться маскоро. Теперь эта военная сила должна быть правильнѣе организована, такъ чтобы по первому призыву 300,000 чел. готовы были собраться въ назначенныхъ мѣстахъ подъ предводительствомъ опытныхъ полководцевъ для защиты республики отъ вѣнскихъ нападений и внутреннихъ безпорядковъ. Но, чтобы уменьшить расходы, по счастью теперь еще не нужные, правительство и комиссія хотятъ, чтобы эти 300,000 чел., когда они будутъ сформированы по баталіонамъ и ротамъ, остались бы предварительно въ своихъ мѣстахъ и только по временамъ обучались бы военному искусству. Мы предлагаемъ вамъ проэктъ закона съ нѣкоторыми измѣненіями». Доказывая далее необходимость постоянныхъ армій въ такое время, когда всѣ великія державы имѣютъ ихъ, комиссія заключаетъ докладъ свой слѣдующими словами: «Проникнутые этими мыслями, мы предлагаемъ правительству разсмотрѣть, нѣтъ ли возможности не только организовать 300 баталіоновъ, но и отдѣлить впоследствии всю подвижную гвардію

отъ мѣстной и образовать ее по образцу милиціи прусской и швейцарской. Не приводя здѣсь точныхъ цифръ, мы только замѣтимъ, что республика имѣла бы въ этомъ случаѣ около милліона войска, включая сюда и армію, войска всегда способнаго и готоваго на защиту ея. Конечно, республика не употребить эти силы на несправедливыя приобритенія или на угнетеніе сосѣдей, но, опираясь на свои силы, Франція будетъ въ состояніи исполнить великую задачу, назначенную ей Провидѣніемъ»....

Въ засѣданіи 22 іюля, министръ финансовъ объявилъ, что надежды прежняго управленія, полагавшаго, что государственныя доходы могутъ превзойти расходы, къ сожалѣнію, принадлежать къ числу несбыточныхъ мечтаній. Въ слѣдующія засѣданія обещалъ онъ изложить положеніе финансовъ на 1849 и даже на 1850 годъ, считая правду вѣрнѣйшимъ основаніемъ кредита, упадающаго при всѣхъ невѣрныхъ слухахъ. По бюджету 1848 года ожидаетъ онъ недобора 20 милліоновъ прямыхъ налоговъ и 60 милліоновъ косвеннаго. Если и всѣ прочія части потерпятъ такой же ущербъ, то произойдетъ еще дефицитъ въ 70 милліоновъ. Впрочемъ, онъ надѣется, что всеобщій недостатокъ не будетъ превышать 140 милліоновъ. Къ этому дефициту надобно присоединить тѣ 45 милліоновъ, которые съ 6 іюня по 10 іюля были назначены въ выдачу и еще 6 милліоновъ, опредѣленныхъ для утвержденія облигацій казначейства (*Bons du trésor*), 4 милліона на учетныя конторы и другія издержки, всего до 55 милліоновъ, такъ что общій дефицитъ составитъ круглымъ счетомъ около 250 милліоновъ франковъ. Къ несчастью, цифры эти вѣрны, и въ концѣ 1848 года точно будетъ дефицитъ въ 250 милліоновъ. Къ покрытію его нѣтъ другихъ средствъ кромѣ тѣхъ, на которыя указалъ прежній министръ финансовъ. Въ числѣ ихъ находится заемъ, заключенный съ банкомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, правительство полагаетъ прибѣгнуть къ займу отъ 175 до 200 милліоновъ. Этотъ заемъ оправдывается необходимостью и будетъ служить къ покрытію всѣхъ издержекъ. После этого министръ представилъ рядъ цифръ и заключилъ свое пред-

ставленіе замѣчаніемъ, что прекращеніе акциза съ соли и напитков начнется только съ 1850 года. Затѣмъ представилъ онъ проектъ декрета на испрашиваемый заемъ и настоятельно просилъ, чтобы собраніе въ самоскорѣйшемъ времени приступило къ совѣщаніямъ о немъ и къ принятію его.

— *Эмиль де-Жирарденъ* обнародовалъ протестъ по случаю противозаконнаго содержанія его въ секретной тюрьмѣ въ теченіе одиннадцати дней, и намѣренъ жаловаться національному собранію. Полагаютъ, что причиною арестованія его было личное на него неудовольствіе генерала *Кавеньяка* за статью, напечатанную въ *Presse* наканунѣ мятежа. Акціонеры этого журнала подали просьбу президенту національнаго собранія и министрамъ о возвращеніи имъ собственности ихъ и о вознагражденіи за понесенные ими убытки. Изъ этой просьбы явствуетъ, что журналъ *la Presse* имѣлъ 70 тысячъ подписчиковъ, и что въ штатъ его редакціи состояли: двадцать четыре редактора, двадцать пять конторщиковъ, казначеевъ и т. п.; семьдесятъ наборщиковъ и корректоровъ, двадцать механиковъ, шестьдесятъ разсыльщиковъ, шестьдесятъ четыре складчицы, пятьсотъ разнозчиковъ. Казна получала въ день по 2,200 фр. за штемпель. На бумагу, краску и типографскія надобности выходило въ день по 4000 фр.

— По удаленіи *Людвика-Филиппа* изъ Франціи толковали о томъ, что онъ имѣетъ несметныя капиталы въ иностранныхъ банкахъ и обладаетъ значительными недвижимостями въ Англіи и въ Америкѣ. Теперь пишутъ въ *Quarterly-Review*, не весьма ему благоприятно: «Люди, имѣвшіе въ рукахъ портфели *Людвика-Филиппа*, любопытноствовали узнать, какъ велики суммы, внесенныя имъ въ иностранныя банки. Доказано, что у него есть только 55 т. долларовъ въ Америкѣ, которые въ 1847 г. съ процентами возрасли до 72,000 долл. (т. е. 18,000 ф. ст. или 108,000 руб. сер.) и приносили въ годъ, по 5 проц., 900 ф. ст. (5,400 р. сер.). Въ Англіи у него, сколько намъ извѣстно, 10,000 ф. ст. (60,000 р. сер.); приносящихъ по 300 ф. ст. въ годъ. Королева, какъ

говорятъ, получаетъ ежегодно по 500 ф. ст. изъ австрійской казны: это наследство, завѣщанное ей теткою ея, эрцгерцогинею. Вотъ все достояніе бывшаго короля Французовъ!»

Г Е Р М А Н І Я .

Учредительное германское національное собраніе, въ Франкфуртѣ на Майнѣ, въ своемъ засѣданіи 28 іюня, утвердило законъ о составѣ временной центральной власти въ Германіи. Содержаніе этого закона состоитъ въ слѣдующемъ:

До тѣхъ поръ, пока правленіе не будетъ совершенно устроено въ Германіи, учреждается временная верховная или центральная власть, для рѣшенія всѣхъ дѣлъ касательно Германіи. Она обязана: дѣйствовать исполнительно въ дѣлахъ, касающихся до общаго спокойствія и благоденствія владышій германскаго союза; принять на себя главное начальство надъ всею военною силою и назначить главнокомандующаго; завѣдывать политическимъ и коммерческимъ представительствомъ у другихъ націй, и для того назначать посланниковъ и консуловъ. Центральная власть не можетъ участвовать въ составленіи государственнаго уложенія. Центральная власть рѣшаетъ, вмѣстѣ съ національнымъ собраніемъ, вопросъ о мирѣ и войнѣ, и заключаетъ трактаты съ иностранными державами. Центральная власть будетъ поручена правителю государства (*Reichsverweser*), который избранъ будетъ національнымъ собраніемъ. Правитель государства будетъ дѣйствовать посредствомъ министровъ, которыхъ онъ самъ назначаетъ, и которые ответственны національному собранію. Всѣ его приказанія должны быть контрасигнированы хотя однимъ изъ ответственныхъ министровъ. Правитель государства не подлежитъ ответственности. Национальное собраніе составитъ особый законъ объ ответственности министровъ. Министры имѣютъ право присутствовать въ засѣданіяхъ національнаго собранія, и подавать голосъ. Министры должны являться по требованію національнаго со-

брація, и отвѣчать на предлагаемые имъ вопросы. Министры могутъ подавать голоса въ національномъ собраніи только въ томъ случаѣ, если они его члены. Правитель государства не можетъ быть въ то же время членомъ національнаго собранія. Когда устроится центральная власть, прекратится существованіе германскаго сейма. Центральная власть должна будетъ сколь возможно стараться согласоваться, на счетъ исполнительныхъ мѣръ, съ полномочными разныхъ владѣній. Лишь только германское уложеніе будетъ составлено и войдетъ въ исполненіе, центральная власть прекратитъ свои дѣйствія.

Для приведенія въ дѣйствіе постановленій о центральной власти, національное собраніе избрало правителемъ германскаго государства эрцгерцога Іоанна, дядо нынѣшняго австрійскаго императора. Эрцгерцогъ Іоаннъ родился 20 января 1782 г., слѣдственно ему 67 годъ. Это избраніе, утвержденное въ засѣданіи 29 іюня, было возвѣщено 101 пушечнымъ выстрѣломъ и колокольнымъ звономъ. Въ слѣдствіе этого, отправлена была въ Вьну депутація изъ семи членовъ, чтобы объявить эрцгерцогу объ избраніи и просить его объ исполненіи желанія германской націи.

Депутація германскаго національнаго собранія прибыла въ Вьну 4 іюля. Безчисленные толпы приветствовали депутатовъ радостными криками. Для депутатовъ были приготовлены придворныя кареты, въ которыхъ они, сопровождаемые конною національною гвардіею и толпами народа, прибыли въ отведенный имъ домъ. Депутаты должны были безпрестанно являться въ окнахъ и говорить народу приветствія. Одинъ изъ нихъ, въ длинной рѣчи, объявлялъ цѣль своего пріѣзда и былъ приветствованъ безконечными восклицаніями.

Въ 10 часовъ утра, весь городской комитетъ, комитетъ гражданъ, національная гвардія отправились къ депутатамъ, а отсюда вѣсть съ ними во дворецъ эрцгерцога Іоанна. По прибытіи на мѣсто, депутаты тотчасъ же были приняты эрцгерцогомъ Іоанномъ, при которомъ находились всѣ министры, посланники всѣхъ германскихъ госу-

дарствъ и генералитетъ. Баронъ *Адрианъ* объявилъ о цѣли своего посольства.

Послѣ привѣтственной рѣчи эрцгерцогу, произнесенной г. *Гекшеромъ*, его высочество отвѣчалъ слѣдующее: «Милостивые государи! Вполнѣ чувствую честь, сдѣланную мнѣ избраніемъ меня въ государственные правители и важность этой обязанности. Довѣріе, изъявленное мнѣ, возлагаетъ на меня важныя обязанности; исполнить ихъ есть пламенѣйшее мое желаніе. Да поможетъ мнѣ Богъ въ исполненіи этихъ обязанностей для споспѣшествованія благу Германіи и да содѣйствуютъ мнѣ единодушно въ этомъ дѣлѣ всѣ друзья Германіи. Но я нахожусь въ затрудненіи, проистекающемъ изъ настоящаго положенія моего, которое препятствуетъ мнѣ назначить въ точности время, когда въ состояніи буду принять возложенныя на меня обязанности. Я посоветуюсь съ императоромъ о томъ, какимъ образомъ согласить обязанности новаго моего положенія въ возложеннымъ имъ на меня довѣріемъ».

Послѣ отвѣта г. *Адриана* на эту рѣчь, его высочество сказалъ депутатамъ: «Теперь мы все братья», вышелъ съ ними на балконъ и сказалъ собравшемуся народу нѣсколько словъ. Съ бала раздался 101 пушечный выстрѣлъ. Потомъ пѣли германскую пѣсню и гимны, во время которыхъ его высочество принималъ поздравленія дипломатическаго корпуса, министровъ, національной гвардіи и другихъ.

За тѣмъ депутація отправилась обратно на свою квартиру съ тѣмъ же торжествомъ и привѣтствіями; члены ея должны были часто показываться народу въ окнахъ и говорили привѣтственные слова.

Эрцгерцогъ Іоаннъ объявилъ, прокламаціею 6-го іюля, что Франкфуртскій сеймъ избралъ его въ правители государства, что онъ принимаетъ это избраніе, отправляется съ прибывшею въ Вьну депутаціею сейма во Франкфуртъ. Онъ выѣхалъ изъ Вьны 8 іюля.

По словамъ очевидцевъ, путешествіе эрцгерцога Іоанна было истиннымъ триумфомъ. Въ Вьнѣ національная гвардія и академическій легіонъ образовали ряды, отъ императорска-

го замка до станціи сѣверной желѣзной дороги, между которыхъ эрцгерцогъ съ своею свитою провхалъ при звонѣ колоколовъ, выстрѣлахъ изъ пушекъ и громкихъ восклицаніяхъ народа. На каждой станціи сѣверной желѣзной дороги, городскіе и сельскіе жители воздвигали триумфальныя ворота съ надписями. Съ такимъ же радушіемъ и со всеми почестями, онъ былъ принятъ въ Дрезденъ. Саксонскій король, въ сопровожденіи государственнаго министра доктора *фонъ-деръ-Порута*, въ 5 часовъ утра, отправился на встрѣчу ему до Лобау по саксонско-шлезвигской дорогѣ. Въ 7 часовъ, ударили въ барабаны. Все народное ополченіе вмѣстѣ съ гарнизономъ составили отъ станціи желѣзной дороги до королевскаго дворца родъ шпалеръ. Изъ оконъ гвардейскихъ казармъ развѣвалось германское знамя. Безчисленныя толпы были на улицахъ и въ домы при желѣзной дорогѣ и крыши домовъ были заняты любопытными.

Между тѣмъ на станціи собрались принцы королевскаго дома, министры, дипломатическій корпусъ, корпусъ офицеровъ и государственныя чины. Когда прибылъ наконецъ паровозъ, украшенный вѣнками изъ цвѣтовъ и знаменами, то загремя орудія и раздакъ звонъ колоколовъ. После короткаго пребыванія на станціи, эрцгерцогъ съ королемъ отправился въ открытой каретѣ медленно по городу. Передъ каретою шель эскадронъ кавалеріи, а за нею эскадронъ народнаго ополченія съ знаменами. Оба государя сидѣли съ непокрытыми головами и милостиво благодарили народъ за радостныя привѣтствія. По приѣздѣ въ замокъ, эрцгерцогъ вышелъ съ королемъ на балконъ и былъ привѣтствованъ пѣснями и восклицаніями народа. Эрцгерцогъ пробылъ въ замкѣ около двухъ часовъ. За тѣмъ отправился съ чрезвычайнымъ поѣздомъ въ Лейпцигъ.

Вечеромъ 10 іюля, въ 8 часу былъ торжественный въѣздъ государственнаго правителя въ Франкфуртъ. Уже съ 8 часовъ утра безчисленныя толпы народа наполнили улицы и тянулись по направленію къ Гауау. Различныя общины и цехи были разставлены на пути. Триумфальныя ворота какъ бы волшебствомъ были воздвигнуты съ слѣдующими

надписями: «Вольный городъ Франкфуртъ германскому государственному правителю». При приближеніи поѣзда, загремя орудія. Карета, запряженная шестью лошадьми, при выстрѣлахъ изъ орудій и звонѣ колоколовъ, сопровождаемая музыкою и безчисленными восторженными восклицаніями, привезла эрцгерцога въ отель «*Russichen Hofe*», гдѣ пригнала его депутація отъ національнаго собранія. Президентъ *фонъ-Гагернъ* привѣтствовалъ герцога слѣдующею рѣчью: «Свѣтлѣйшій эрцгерцогъ, государственный правитель! Національное собраніе поручило мнѣ привѣтствовать васъ отъ его имени. Позвольте мнѣ выразить вашему высочеству всеобщую благодарность за скорое принятіе временной центральной власти, въ чемъ вся Германія видитъ залогъ будущаго ея благосостоянія. Мы надеемся, что наше высочество будете въ національномъ собраніи, и тамъ примете по законной формѣ высокое достоинство государственнаго правителя».

Эрцгерцогъ отвѣчалъ: «Благодарю васъ, господа, за пріемъ. При полученіи извѣстія объ избраніи меня, я удивился, что Германія вспоминала еще обо мнѣ, старикѣ; но когда призываетъ отечество, то всякій обязанъ посвящать свои силы на служеніе ему. Я принадлежу вамъ.» — За этимъ эрцгерцогъ вошелъ въ кругъ стоявшей предъ нимъ депутаціи.

Скоро послѣ того эрцгерцогъ явился на балконъ и привѣтствовалъ народъ. «Да здравствуетъ Германія! Да здравствуетъ Франкфуртъ!» сказалъ онъ. Безчисленныя восклицанія послѣдовали за этими словами. Вечеромъ и ночью происходило великолѣпное торжество по случаю приѣзда государственнаго правителя, кончившееся уже тогда-когда погасли и послѣдніе изъ безчисленнаго множества горѣвшихъ факеловъ.

12 іюля, эрцгерцогъ явился въ національное собраніе. По предложенію президента депутація изъ 15 членовъ собранія, въ 10 часовъ, отправилась на встрѣчу правителю. Черезъ полчаса звонъ колоколовъ и неумолкаемая восклицанія народа возвестили о приближеніи его

высочества. Президентъ съ обоими вице-президентами и съ секретарями вступилъ его у дверей. Эрцгерцогъ Іоаннъ вступилъ въ залу при глубокомъ безмолвіи и занялъ приготовленное для него мѣсто. Президентъ *фонъ-Гаггнъ* произнесъ краткую приветственную рѣчь и, приказавъ прочитать принятый собраніемъ законъ о центральной власти, сказалъ: «Именемъ національнаго собранія прошу В. И. В. повторить въ собраніи, что вы намѣрены исполнять и заставлять исполнять этотъ законъ для славы и благоденствія отечества.» Эрцгерцогъ правитель, послѣ нѣсколькихъ благодарственныхъ словъ за оказанную ему довѣренность, сдѣлалъ требуемое отъ него объявленіе, и прибавилъ, что намѣреваясь посвятить всего себя исполненію важныхъ обязанностей высокаго своего званія, онъ, по открытіи въ Вѣнѣ сейма, будетъ просить императора объ увольненіи его отъ званія намѣстника австрійскаго императора. Окончивъ свою рѣчь при громкихъ восклицаніяхъ членовъ собранія, онъ оставилъ залу, въ сопровожденіи депутаціи и множества уполномоченныхъ.

Назначивъ государственными министрами: г. *фонъ-Шмерлинга* — внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ; г. *Гекшера* — юстиціи, и прусскаго генералъ-маіора *фонъ-Пейкера* — военнымъ, эрцгерцогъ Іоаннъ 15 іюля выѣхалъ изъ Франкфурта и прибылъ 17 въ Вѣну, гдѣ, въ званіи намѣстника императора австрійскаго, открылъ, 20 числа, засѣданія австрійскаго государственнаго сейма.

— Затрудненія, которыя необходимо должны были возникнуть въ слѣдствіе учрежденія въ Германіи центральной власти, нѣкоторымъ образомъ господствующей надъ правительствами отдельныхъ германскихъ государствъ, уже начинаютъ проявляться.

Вторая палата ганноверскихъ штатовъ приняла единогласно, за исключеніемъ только двухъ голосовъ, слѣдующее опредѣленіе: «Франкфуртское національное собраніе созвано не для того, чтобы господствовать надъ государями и правительствами, не для того, чтобы собственной своей властію издавать законы и государственныя уложенія, обязатель-

ныя для сихъ послѣднихъ. Оно избрано для того, чтобы, вступивъ въ сношенія съ существующими правительствами, вмѣстѣ съ ними начертать государственное уложеніе имперіи. Король и правительство хорошо сдѣлали, что признали правителя государства; но это не должно нарушать правъ ганноверской короны. Национальное собраніе не можетъ стоять выше германскихъ государей и германскаго сейма и не должно претупать за предѣлы своихъ правъ. Наша конституція подчинена общей конституціи Германіи, а не исключительной волею національнаго собранія. Мы присягали конституціи и не можемъ нарушить своей присяги. Национальное собраніе не можетъ издавать законовъ для всей Германіи; и мы надѣемся, что оно не будетъ прибѣгать къ силѣ, чтобы пріобрѣсти повновѣніе, потому-что иначе это повлекло бы за собою неизчислимыя бѣдствія.»

Кажется, споръ начать ясно и рѣшительно. Впрочемъ, если бѣ Ганноверъ былъ одинъ этого мнѣнія, то его сопротивление легко могло бы быть преодолено силою. Но, національное собраніе, чрезвычайно неблагоразумной мѣрою, оскорбило Пруссію и подало ей справедливый поводъ къ жалобѣ, отказавшись утвердить со своей стороны перемиріе, заключенное прусскимъ уполномоченнымъ съ Данією и уже утвержденное прусскимъ королемъ. Вѣроятно, цѣлю этой мѣры, было показать тѣмъ, которые сомнѣваются въ германской національности, что они имѣютъ дѣло не съ тѣмъ или другимъ частнымъ правительствомъ, но съ цѣлою Германіей. Тѣмъ не менее прусскій король оскорбленъ, и прусскій народъ, вѣроятно, приметъ его сторону. Никто въ Пруссіи, ни король, ни народъ, не расположенъ допустить, чтобы франкфуртское національное собраніе распоряжалось въ Пруссіи такъ же, какъ въ Швейцаріи первенствующій кантонъ распоряжается другими. Пруссія не будетъ даже довольствоваться ролью важнѣйшаго изъ свѣро-американскихъ союзныхъ государствъ.

Journal des Débats обращаетъ вниманіе читателей на слѣдующее письмо, полученное имъ изъ Берлина, отъ 15 іюля: «Франкфуртское собраніе, кажется, не долго будетъ

пользоваться правом общаго вліянія на дѣла Германіи. Чтобы достигнуть цѣли, которую ему предназначили, надобно бы было больше заботиться объ истинно-національных предметахъ. Но вмѣсто того, чтобъ сдѣлать такимъ мудрымъ правламъ и рѣшительно принять политическія мѣры для утвержденія внутренняго согласія, оно, кажется, только старается удовлетворить мелочнымъ и завистливымъ страстямъ малыхъ и большихъ державъ на счетъ Пруссіи. По духу противорѣчія, не хочетъ оно теперь утвердить перемирія, заключеннаго прусскимъ полномочнымъ съ Данією, и отъ этого упорства можетъ произойти большой вредъ. Это временное прекращеніе войны, которой тяжести почти весь падали на Пруссію, должно было необходимо привести къ заключенію мира, который съ выгодою и дружелюбно окончилъ бы дѣла Шлезвига и Голштейна. Но оно этого не хочетъ. Совсе не заботясь о мѣрахъ примиренія и стараясь единственно причинить нравственныя непріятности той державѣ, которой вліянія они боятся, и которая должна будетъ вести войну на свой счетъ, завистники, засѣдающіе въ собраніи, подкрѣпленные *красными* радикалами, хотятъ, чтобъ готовились къ новымъ битвамъ. Какъ поступитъ генералъ Врангель, назначенный главнокомандующимъ союзныхъ войскъ, будучи поставленъ между долгомъ своимъ къ отечеству, т. е. Пруссіи, и тѣми страшными обязанностями, которыя возлагаютъ на него новое его званіе, еслибъ онъ вздумалъ сохранить его? Какъ поступитъ берлинскій кабинетъ, приведенный въ такое затруднительное состояніе? Если онъ будетъ повиноваться приказаніямъ франкфуртскаго сейма, политическому собранію, которое подъ имперскимъ своимъ костюмомъ скрываетъ смѣшныя республиканскіе приемы, то на сѣверъ Германіи могутъ произойти большія несчастія. Торговое мореходство Германіи погнбло съ перваго шага. Пруссія потеряетъ все свое національное достоинство, которымъ гордилась столько вѣковъ: она исключитъ сама себя изъ географической карты Европы. Если же, напротивъ, прусскій кабинетъ заблагоразсудитъ остаться при своихъ дружелюбныхъ условіяхъ съ Данією, всѣ дѣла

примутъ другой видъ; и мысль объ единствѣ Германіи, такъ громко возглашаемая на берегахъ Майна, можетъ навсегда потонуть въ волнахъ этой рѣки. Мы не скрываемъ, что намъ искренне было бы жаль, если бъ планы о подвореніи единства въ Германіи, которые въ нѣкоторомъ отношеніи могутъ быть и не одною утопією, исчезли какъ химеры, по необдуманности своихъ составителей и агентовъ. Но прежде всего нужно, какъ для Пруссіи, такъ и для положительнаго состоянія Германіи, чтобъ министерство Ауэрсвальда доказало свое существованіе сильною и энергическою волею. Невозможно, чтобъ обширная и цвѣтущая держава, имѣющая 16 миліоновъ жителей, и могущая выставить 600—700 тысячъ войска, отвергла все прошедшее, забыла свою исторію, и, въ угрожденіе нѣсколькимъ крикунамъ, согласилась перейти въ совершенное ничтожество, не сказавъ ни слова, не подумавъ ни минуты. Такое дорогое самопожертвованіе не такъ легко возложить на Пруссію, какъ на какія-нибудь небольшія княжества, которыя обязаны своимъ существованіемъ Вѣскому конгрессу. Вѣроятно, Пруссія будетъ противиться. Тогда Германская имперія увидитъ, что ей надобно будетъ выйти изъ тѣсной колен своихъ мелочныхъ предрасудковъ и признать всю свою несправедливость къ той державѣ, которая наиболее принесла ей жертвъ.»

Въ Кельнской газетѣ напечатана интересная статья объ опасностяхъ, которымъ подвергаютъ Германію ложныя понятія о національности: «Трудно понять всѣ политическія несообразности нѣмецкаго народа, который до сихъ поръ отличался чувствомъ правоты и здравомысліемъ. Кажется, что чувство эгоизма и тщеславія заставило Германію забыть прежній свой характеръ. Цѣль ея состоитъ въ распространеніи владычій, но для достиженія этого, она запуталась въ бесполезныхъ несообразностяхъ. Для сохраненія за собою Италіи, она ссылается на исторію; чтобъ взять Познань, Богемію, Шлезвигъ, она ограждаетъ системою національности. Усмотревъ, что въ Шлезвигѣ нѣмецкое населеніе не составляетъ большинства, бросилась къ помощи исторіи. И эта попытка не была удачнѣе. Старинные доводы, на которые

ссылаются члены сейма, свидетельствуют только, что они плохо знают исторію и особенно значеніе трактатовъ. Акты, приводимые ими, невѣрны болѣе или менѣе. Дѣйствительно нельзя привести ни одного достовѣрнаго акта въ подкрѣпленіе союза Шлезвига съ Гольштейномъ. Вся эти несообразности послужатъ только къ потрясенію истинной силы Германіи. Покореніе Чеховъ въ Богеміи, Поляковъ въ Познани и Датчанъ въ Шлезвигъ, не будетъ способствовать къ утвержденію истиннаго единства Германіи.»

ВЕНГРІЯ.

Эрцгерцогъ Стефанъ назначенъ полномочнымъ наместникомъ короля въ Венгріи и въ прилежащихъ къ ней странахъ. 5 іюля онъ открылъ въ Пестѣ венгерскій сеймъ. Произнесенная имъ при этомъ тронная рѣчь, содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Для успокоенія жителей Венгріи, какіе бы ни были ихъ лзыкъ и върноповѣданіе, объявляю здѣсь, именемъ нашего короля, что его величество твердо рѣшился сохранять всею своею королевскою властью единство и неприкосновенность венгерскаго престола противъ всякаго внѣшняго нападенія и внутреннихъ раздоровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ намѣренъ исполнять все законы, имъ утвержденныя.»

— Раздоры между Венгерцами и Кроатами все еще продолжаютъ. Жители Кроаціи, Славоніи и другихъ округовъ, обитаемыхъ не-Венгерцами, желаютъ принадлежать непосредственно австрійскому правительству. Венгры же, ссылаясь на свои старинныя привилегіи, требуютъ, чтобы они оставались подчиненными венгерской коронѣ. Военныя силы Кроатовъ и другихъ жителей южной Венгріи раздѣляются на три части. Первая часть расположена на правомъ берегу Дуная, начиная отъ Карловица, вторая занимаетъ такъ называемые Римскіе Окопы, между Дунаемъ и Тиссою, а третья расположена отъ мѣста впаденія рѣки Беги въ Тиссу при Перласъ, до Гросъ-Беескерета. Противъ этого войска расположились маджарскіе полки и національная гвардія.

Изъ Песта пишутъ отъ 8 іюля, что тамъ получено бы-

ло извѣстіе о сраженіи, происходившемъ между венгерскимъ генераломъ Бехтольдомъ и инсургентами, у такъ называемыхъ Римскихъ Окоповъ, между Темеринномъ и Яркокомъ. Венгерцы одержали побѣду. У инсургентовъ убито 300 чел. и еще гораздо болѣе ранено. У Венгерцевъ убито 17 чел. и нѣсколько ранено. Въ другой же схваткѣ, 15 іюля, Сербы и Кроаты разбили Венгерцевъ, при Шегединѣ.

БОГЕМІЯ.

19 іюня арестовали пятьдесятъ человекъ, изъ которыхъ многіе принадлежатъ къ высшей прагской аристократіи. Графъ Боккуа 75 лѣтъ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Богеміи, сдѣлался слѣпымъ орудіемъ заговорщиковъ, въ надеждѣ быть избрану въ короли. Это дѣло стоить ему бездѣлицы, 500,000 флориновъ. Собственныя дѣти объявили его расточителемъ ихъ имущества. Было до пяти претендентовъ на богемскую корону. Теперь извѣстны все планы заговорщиковъ. Осадное положеніе Праги снято 20 іюля.

ДАНИЯ.

— Во франкфуртскихъ газетахъ 26-го іюля пишутъ: «Генералъ Врангель донесъ эрцгерцогу Іоанну, что онъ не заключилъ еще перемирія съ Датчанами, а имѣлъ только предварительные переговоры. Перемиріе же онъ заключить только сообразно съ честію Германіи, и такое, при которомъ онъ въ полной увѣренности могъ бы надѣяться, что эрцгерцогъ его утвердитъ. Военный министръ потребовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Врангеля предварительнаго донесенія о числѣ войскъ, которое ему нужно будетъ, чтобы скорѣе и со славою окончить войну съ Датчанами, обѣщая ему, что если не будетъ заключено перемирія, то ему немедленно будутъ присланы подкрѣпленія, съ которыми бы онъ могъ продолжать войну быстро и дѣлательно.»

ИТАЛІЯ.

Изъ Рима пишутъ отъ 25 іюня, что мирнолюбивый папа и его воинственное министерство все болѣе и болѣе расходятся между собою. Народъ, спасаясь пожертвованій и лише-

ний, требуемых войною, принимает сторону первого, и когда палата изъявила министерству свое полное одобрение, народ далъ президенту совета министровъ, графу *Маміани*, насмѣшливую серенаду (*chiarivari*).

Во французскомъ журналѣ *L'Union* напечатано слѣдующее письмо изъ Рима отъ 28 іюня: «Римъ находится все въ томъ же смутномъ, анархическомъ состояніи; онъ узнаетъ собственнымъ опытомъ, что значить быть управляему философomъ. Графъ *Маміани* теряется въ облакахъ своихъ теорій и мечтаетъ только о славѣ древнихъ Римлянъ; говорятъ и дѣйствуетъ точно, какъ бы Церковная Область и Римская имперія одно и тоже, точно будто бы онъ располагаетъ всеми сокровищами и безчисленными войсками Цезаря. Но Церковная Область не велика и сверхъ того разорена. Нищета въ ней повсемѣстная и ее не прекратить взиманіемъ военныхъ налоговъ. Работы повсюду остановились; теперь много рукъ безъ занятій; множество людей безъ всякихъ средствъ къ пропитанію себя. У насъ нѣтъ ни оружія, ни военныхъ снарядовъ; нѣтъ ни офицеровъ, ни солдатъ. Словомъ, нѣтъ того, что необходимо для войны. Министерство назначило добровольный наборъ въ 7000; но этотъ наборъ существуетъ покуда только на бумагѣ. Въ Римѣ, было определено набрать 700 человекъ,—набралось только 52, и то большею частью калеки и хилыхъ, не способныхъ къ службѣ. Энтузіазмъ народа существуетъ также только на бумагѣ, и если бы министрамъ вздумалось определять поголовный наборъ, то эта мѣра произвела бы поголовное возстаніе—противъ правительства.»

— Графъ *Радецкий*, въ слѣдствіе извѣстія о приближеніи папскихъ войскъ къ По, отрядилъ генераль-маіора, графа *Франца Лихтенштейна* съ достаточными силами для разсланія ихъ. Этотъ генералъ 14 числа утромъ перешелъ По при Полезелли, Франколино и Понтелагоскуро, отбросилъ папскія войска и приготовился обстрѣливать цитадель Феррары, какъ появилась депутація съ изъявленіемъ совершенной покорности. Цитадель и гарнизонъ подъ командою пол-

ковника графа *Руэна* взяты, нижній По обезопасенъ и Венеція заперта съ юго-запада.

— Великій герцогъ тосканскій открылъ 26 числа парламентъ и въ рѣчи своей говорилъ о необходимости прекращенія войны для того, чтобы можно было заняться внутреннимъ преобразованиемъ Италии. Эта рѣчь была принята съ громкими рукоплесканіями, хотя положеніе вещей представлено въ ней въ самомъ мрачномъ видѣ.

Въ *Journal des Débats* напечатано слѣдующее письмо изъ Флоренціи отъ 23 іюня: «Эмиссары, которые дѣйствуютъ въ пользу соединенія большей части Италии подъ скипетромъ Карла-Альберта, сначала имѣли довольно большой успѣхъ здѣсь и особенно въ Ливорно; но потомъ потеряли все, что прежде приобрѣли. Великій герцогъ вѣдиль въ Ливорно и въ Сиенну, чтобы раздать національной гвардіи знамена. На дняхъ онъ вѣдетъ съ тѣмъ же въ Пистойю и Лукку. Его повсюду принимали съ восторгомъ. Въ Ливорно тѣ, которые еще недавно кричали: Долой Леопольда! Да здравствуетъ Карлъ-Альбертъ! не смѣли показаться. Тосканскій народъ повсюду пользуется всеми случаями доказать великому герцогу Леопольду свою любовь и преданность къ нему. Въ деревняхъ многіе поселяне никакъ не хотѣли избирать въ депутаты кого-либо кромѣ Леопольда II. Надобно полагать, что теперь все противники настоящаго положенія вещей, республиканцы, альбертисты, унитаріи, должны будутъ отказаться, по-крайней-мѣрѣ на время, отъ своихъ замысловъ и ожидать болѣе благопріятной минуты. Если тосканскій народъ не окажетъ расположенія присоединиться къ королевству верхней Италии, они намѣрены требовать, чтобы въ Римѣ собрался общій итальянскій сеймъ, для устройства дѣлъ всей Италии.»

— Герцогъ генуэзскій, второй сынъ сардинскаго короля *Карла-Альберта*, единодушно провозглашенъ королемъ Сициліи.

— Въ Венеціи, въ чрезвычайномъ засѣданіи собранія 4 іюля, въ которомъ объявлено было о соединеніи съ Пьемонтомъ, послѣ долгихъ и живыхъ преній, приступили къ балатировкѣ

формулы присоединенія, которая и была принята 127 голосами против 6. Всеобщій восторгъ оживилъ Венецію. Опрежденіе о присоединеніи состоитъ въ слѣдующемъ: «По причинѣ крайней необходимости освободить Италію отъ чужеземной власти и для усиленія борьбы за независимость, опредѣлили мы, какъ Венеціанцы, отъ имени и согласно съ выгодами Венеціи, и какъ Италианцы, согласно съ выгодами цѣлой націи, присоединить городъ и провинцію Венецію къ Сардинскому королевству вмѣстѣ съ Ломбардіею и подъ одинаки же съ нею условіями и съ твердымъ намѣреніемъ раздѣлять политическую судьбу ея вмѣстѣ съ остальными венеціанскими провинціями.»

Защита лагуны поручена генералу *Миланопуло*, бывшему морскому офицеру австрійскаго флота. Онъ обратилъ главное свое вниманіе на Кюджіо и Брандоло, вооруживъ послѣднее мѣсто 60 орудіями большаго калибра, а какъ сообщеніе съ моремъ для Венеціи свободно, то она легко можетъ получать съѣстные и боевые припасы. 2000 рабочихъ ежедневно работаютъ въ арсеналѣ. Четыре галіота и 12 канонерскихъ лодокъ вскорѣ будутъ спущены. Двадцать небольшихъ судовъ вышли визъ лагуны и отправились въ Римини для перевоза піемонтскихъ войскъ.

— Непомѣрные требованія Италианцевъ заставляютъ Австрію принести жертвы сохраненію своей чести и продолжать войну съ большимъ напряженіемъ, для пріобрѣтенія справедливаго мира. Италианцы требуютъ уступки имъ всѣхъ тѣхъ земель, въ которыхъ говорятъ по-италиански, между прочимъ тирольскихъ округовъ Тріента и Роверето.

Испанія.

Въ Испаніи готовятся важныя событія, какъ надобно заключать изъ слѣдующихъ извѣстій. *Кабрера* въ Испаніи. Прибытіе его было сигналомъ къ возстанію въ пользу графа *Монтемолина*. Шайки гверильясовъ превращаются въ баталіоны и начинается междоусобная война. Генералы *Форкадель* и *Боиска*, предводительствуя тысячею

человѣкъ, ожидали морельскаго героя на границѣ. Они соединились 24 іюня. За *Кабрерою* слѣдовали баталіонъ и блистательный эскадронъ. Эти волонтеры прекрасно одѣты и вооружены. Главный штабъ его состоитъ изъ прежнихъ карлистскихъ офицеровъ, служившихъ большею частію въ королевской гвардіи и въ арміи. Это уже война не гверильяская, а настоящая, регулярная война, предпринимаемая монтемолинистскою партіею. 30 іюня, въ Мадридѣ было получено, извѣстіе, что вооруженные люди провозгласили въ провинціи Гипускоу графа *Монтемолина*, сына Дона-Карлоса, королемъ испанскимъ.

— Съ границъ Каталоніи пишутъ тулузскому журналу-*Constituant*: «Въ Каталоніи карлистская партія дѣлаетъ страшные успѣхи, и войска королевы, не смотря на свою многочисленность, вскорѣ не въ состояніи будутъ показаться въ поле, если между тѣмъ не получатъ подкрѣпленія. А послать туда подкрѣпленіе не легко, потому-что для того только, чтобы отправить четыре тысячи войскъ въ Наварру, правительство принуждено было обратиться къ четыремъ провинціямъ: Новой Кастиліи, Старой Кастиліи, Эстремадурѣ и Галиціи. Вотъ каково состояніе арміи и расположеніе умовъ въ Испаніи. «Газета *Clamor publico* говорить: «Извѣстія изъ Наварры и Каталоніи такъ важны, что обратили на себя полное вниманіе правительства. Возстаніе Карлистовъ не есть одно изъ тѣхъ многочисленныхъ предпріятій, которыя ведутся безразсчетно, безъ необходимыхъ средствъ,—это первый шагъ обширнаго и хорошо составленнаго плана, имѣющаго цѣлію низложить королеву Изабеллу.»

— Въ англійскомъ посольствѣ получено приказаніе, по которому всѣ секретари и чиновники должны выѣхать изъ Мадрида, потому-что дипломатическія сношенія между Англіею и Испаніею прекращаются. Въ Мадридѣ останется только англійскій консулъ, для прописки паспортовъ.

ПОРТУГАЛІЯ.

Въ Лондонѣ получены извѣстія изъ Лиссабона отъ 19 іюля. Тамъ многія лица арестованы, въ слѣдствіе открытія заговора. Большая часть главныхъ заговорщиковъ однакожъ успѣла скрыться; захватили только пятерыхъ и то не самыхъ важныхъ. Цѣлью этого заговора было низверженіе нынѣшняго правленія и установленіе республики.

ГРЕЦІЯ.

Извѣстія изъ Греціи самыя печальныя. Безпрерывныя возмущенія, подавляемыя въ одномъ мѣстѣ, обнаруживаются въ другомъ; полная анархія и совершенный разрывъ всѣхъ общественныхъ связей—вотъ состояніе этой страны.

ЕГИПЕТЪ.

Мегметъ-Али съ нѣкотораго времени такъ ослабѣлъ и духомъ и тѣломъ, что пересталъ заниматься дѣлами правленія. 18 іюня, медики, живущіе въ Александріи, собрались на совѣтъ, на которомъ предложенъ былъ вопросъ: возстановятся ли душевныя силы *Мегмета-Али*? Отвѣтъ врачей былъ отрицательный. Поэтому *Ибрагимъ-Паша* приказалъ не допускать къ вице-королю никого, кромѣ лицъ, самыхъ необходимыхъ для прислуги, чтобы не подавать въ городѣ повода къ толкамъ и насмѣшкамъ надъ рѣчами слабоумнаго старика.

Русская Словесность

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Какъ поэта вдохновенье,
 Какъ о будущемъ мечты,
 Какъ горячее моленье,
 Какъ душистые цвѣты,
 Какъ лулу, ночей царяцу,
 Какъ разливы соловья,
 Какъ румяную денницу, —
 Милый другъ, люблю тебя!

Въ часъ ночной, въ удивенья,
 Въ вихрь свѣта, въ часъ трудовъ,
 Средь вѣдугъ и мученья,
 Въ блескъ, въ пышности паровъ,
 О тебѣ лишь я мечтаю,
 Лишь къ тебѣ стремлюся я
 И тихонько повторяю:
 Милый другъ! люблю тебя!

Лишь начнуть смыкаться вѣжды
И умокнетъ сердца стовъ,
И любимыя надежды
Мнѣ навѣютъ тихій совъ,
По тебѣ во снѣ тоскуя,
Полный страстнаго огня,
Въ вѣгѣ чудной лепечу я:
Милый другъ, люблю тебя!

Быстро время въ вѣчность мчится
На недремлющихъ крылахъ:
Все минетъ, все измѣнится,
Обратится въ пыль и прахъ.
Но, негдѣнная повсюду,
Будетъ жить любовь моя;
Я твердить за гробомъ буду:
Милый другъ, люблю тебя!

О. Мб.

ДОБРО И ЗЛО.

Романъ Н. Фурманна.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

...Пишите романы великіе—историческіе, сатирическіе, правдописательные, а главное, разумные, хорошіе. Бросьте свои личные, *задушевные* порывы къ высокому, мучи, восторга, *своим* поэтическімъ утопіямъ и философскія грезы о безконечно-великихъ и безконечно-отдаленныхъ предметахъ; изучайте жизнь, которая движется около васъ и которой вы не знаете, изучайте вещи въ ихъ естественномъ, свѣтломъ и мутномъ теченіи, прислушайтесь къ глухому стону окружающихъ васъ страданій, наблюдайте извилистые пути стѣпей, расползающихся событіями, олицетворяйте все это въ образахъ простыхъ и непретензивныхъ, въ которыхъ бы можно было, какъ въ зеркалѣ, видѣть и обнять сердцемъ существенные вопросы человѣческаго быта и назначенія,—однимъ словомъ, повторяемъ, пишите романы.

А. Никитенко.

(Библ. для Читанія; июль—1846).

ГЛАВА I.

Д В Ъ М А С К И.

Петербургъ встрѣчалъ Новый годъ.
На дворѣ была страшная мятелица. Крупныя хлопья снѣгу косвенно и съ быстротою стрѣлы пересѣкали воздухъ, гонимыя ровнымъ, постояннымъ вѣтромъ. Снѣгъ лепился къ стѣнамъ, окнамъ, вывѣскамъ, забиваясь въ щели и покрывая густымъ, бѣлымъ слоемъ мостовыя и трот-

туары, какъ бы подготавливая путь для саней, которыя на слѣдующій день должны были бороздить мостовую, развозя визитныя карточки, которыя въ отношеніи къ взаимному расположенію между людьми то же, что ассигнаціи въ отношеніи къ звонкой монетѣ.

Это то же, да не то.

Тускло пробивался свѣтъ сквозь стекла фонарей, заплемнѣнныя снѣгомъ; на перекресткахъ, встрѣчавшіяся струи вѣтра крутили въ воздухъ бѣлую пыль и отталкивая ее съ равною силою, образовывали на точкѣ встрѣчи ихъ гладкія, остроконечныя кучи. Темныя полосы, обозначенныя бѣдой, исчезли подъ ровной, волнистой пеленой, и если по ней изрѣдка и провзжали сани, то вѣтеръ немедленно заметалъ и сглаживалъ слѣды ихъ.

Казалось, Петербургъ черембилъ одежду къ Новому году.

Улицы были пусты. Жизнь столицы сосредоточилась въ домахъ, внутренность которыхъ была болѣе или менѣе ярко освѣщена. По цвѣту сквозившихъ занавѣсовъ, по разноцвѣтному отраженію ярко освѣщенныхъ обоевъ на опущенныя шторы, легко можно было угадать расположеніе покоевъ, и природа, въ отвращеніе послѣдствій, могущихъ произойти отъ неосторожности веселившихся хозяевъ, наслала такую погоду, которая отбывала не только у любопытныхъ, но и у влюбленныхъ охоту изучать это расположеніе покоевъ.

Впрочемъ, такъ какъ Петербургъ не слишкомъ избилуетъ несчастными любовниками, то влюбленные были почти все при своихъ предметахъ.

Кое-гдѣ у воротъ и подъѣздовъ стояли семейныя возки и холостыя сани. Кучера спали, забившись въ кареты или подъ полости. Лошади, по временамъ, вздрагивали, стряхая снѣгъ, таявшій на нихъ.

Извозчиковъ, разумѣется, не было. Они разбрелись кто куда, желая, вѣроятно, мстить пѣшеходамъ за то, что послѣдніе пренебрегали ими въ хорошую погоду. Только изрѣдка, болѣе челолюбивый *ванько* плелся по пу-

стыннымъ уллицамъ, давъ волю клячь, которая, то заворачивала на троттуаръ, то останавливалась, уткнувъ морду въ запертые ворота.

Одинъ изъ такихъ филантроповъ плелся по Гороховой, опустивъ возки, скорчившись на козлахъ и спрятавъ носъ, замораживаемый регулярно каждую зиму, за поднятый воротникъ и отогрѣвая его собственнымъ дыханіемъ, которое, не достигая одинакожь своей цѣли, образовывало только на бородѣ ледяныя сосульки.

— Извозчикъ! крикнулъ кто-то съ праваго троттуара.

Извозчикъ вздрогнулъ; лошадь наострила уши и, зная свое дѣло, остановилась.

— Извозчикъ! раздалось секунду спустя съ лѣвой стороны.

Ванько вынырнулъ изъ поднятаго воротника, выпрямился и осмотрѣлся.

По правой сторонѣ шель сгорбившись мужчина высокаго роста, въ шубѣ безъ воротника, и въ бобровой фуражкѣ.

По лѣвой сторонѣ бѣжалъ мужчина средняго роста въ бархатной шапкѣ съ мѣховымъ околышемъ. Вѣтеръ хлесталъ длиннымъ воротникомъ шубы его, точно сорвавшимся парусомъ.

— Извозчикъ!

— Извозчикъ!

Крикнули еще разъ пѣшеходы, остановившись на троттуарѣ, каждый со своей стороны.

— Куда прикажете? спросилъ ванько, не зная еще къ которой сторонѣ подъѣхать.

— Къ Симеону! раздалось съ правой стороны.

— На Литейную! съ лѣвой.

— Два двугривенныхъ! отвѣчалъ ванько.

— Четвертакъ! возразилъ пѣшеходъ съ праваго троттуара.

— Подавай! крикнулъ другой.

Извозчикъ подобралъ возки, застучалъ кнутомъ о передокъ и сталъ воротить къ лѣвой сторонѣ.

Это обстоятельство огорчило пѣшехода въ бобровой фуражкѣ. Онъ осмотрѣлся съ отчаяніемъ... Ни одного возницы! Только колоды, засыпанныя снѣгомъ, напоминали о томъ, что тутъ могли быть извозчики. Теперь только пѣшеходъ въ бобровой фуражкѣ понялъ, что сдѣлалъ глупость торгуясь, потому-что дурная погода какъ бы создана для извозчиковъ, и они вполнѣ пользуются ею.

— Два двугривенныхъ съ пятачкомъ! крикнулъ онъ и, не обращая вниманія на глубокой снѣгъ, побѣжалъ къ санямъ.

Замѣтивъ это, другой пѣшеходъ тоже сошелъ съ троттуара и, не желая уступать своему противнику, крикнулъ колебавшемуся извозчику:

— Полтинникъ! и, откинувъ волочившійся конецъ истертой полости, вскочилъ въ сани.

— Животное! проворчалъ сквозь зубы пѣшеходъ въ бобровой фуражкѣ, остановившись посреди улицы въ глубокомъ снѣгу.

Понуканье извозчика и постукиванье тронувшихся саней заглушили рѣзкое выраженіе.

Пѣшеходъ, оставшійся *онимъ*, еще разъ осмотрѣлся, вздохнулъ изъ глубины души, вернулся на троттуаръ и сторбившись, какъ бы таща за собою салазки, головою пошелъ противъ вѣтра.

Тамъ, гдѣ Садовая пересѣкаетъ Гороховую, сильный порывъ чуть не сбилъ съ ногъ пѣшехода, который долженъ былъ обернуться спиною къ вѣтру и такимъ образомъ продолжать путь. Едва прошелъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ за собою:

— Баринъ, баринъ!

При тускломъ свѣтѣ фонаря пѣшеходъ увидѣлъ сани, остановившіяся возлѣ самаго троттуара; въ саняхъ сидѣлъ человекъ, съ аукціона нанявшій извозчика.

— Послушайте, сказалъ этотъ человекъ, раздвинувъ нѣсколько поднятый мѣховый воротникъ: садитесь со мною, я довезу васъ до Симеона.

Это неожиданное предложеніе поразило пѣшехода.

— Торопитесь! продолжалъ сидѣвшій въ саняхъ: я долго ждать не намѣренъ; а вы до самаго Невскаго не найдете теперь извозчика.

Последнія слова расшевелили пѣшехода. Однимъ скачкомъ очутился онъ возлѣ саней.

— Чувствительно благодаренъ, ворчалъ онъ голосомъ, заглушаемымъ воротникомъ: чувствительно благодаренъ за услугу...

— Это не услуга, возразилъ такимъ же глухимъ голосомъ мужчина въ бархатной шапкѣ: вы заплатите половину, и дѣло съ концомъ!

Въ слѣдствіе этого распоряженія человекъ въ бобровой фуражкѣ пересталъ благодарить и, не будучи доволенъ узкимъ мѣстомъ, оставленнымъ ему, стараясь сдвинуть товарница, но порядочный толчокъ послѣдняго заставилъ его во-первыхъ крикнуть, а во-вторыхъ отказаться отъ расширенія своего сѣдалища.

Всѣ были довольны новымъ распоряженіемъ, всѣ—исключая бѣдной клячи. Въмѣстѣ съ увеличеніемъ тяжести участились и удары, которыми хозяинъ старался придать ей бодрости. И бѣдная кляча неслась ровной рысью, между тѣмъ какъ хозяинъ ея, пользуясь прямой дорогой, дремалъ на козлахъ.

Переѣзжая черезъ Невскій онъ чуть не подвернулся подъ лошадей, мчавшихъ красивый возокъ; кучеръ мимоходомъ хлеснулъ дремавшаго кнутомъ; обиженный ванько встрепенулся, проворчалъ что-то сквозь зубы, раза два стегнулъ свою клячу, мысленно назначая эти удары дерзкому кучеру, и опять задремалъ.

Сѣдоки хранили глубокое молчаніе. Первый мысленно слѣдилъ за мѣстами, мимо которыхъ проѣзжалъ, и по временамъ выглядывалъ изъ-за воротника, чтобы удостовѣриться, верны ли соображенія его. Второй рассуждалъ о томъ, что если бѣ они сошлись съ перваго разу, то имъ пришлось бы заплатить извозчику по двугривенному, а не по четвертаку.

— Баринъ, сказалъ извозчикъ, мы у Симеона; гдѣ прикажете ссадить васъ?

— Поезжай дальше, я скажу, гдѣ остановиться.

Ванько договорилъ мысль свою на спинѣ клячи.

Не довзжая одной улицы, нѣсколько возковъ и саней стояли у подъезда большаго дома, половина третьяго этажа котораго была освѣщена. Свѣтъ отъ двухъ фонарей, прикреплённыхъ подъ навѣсомъ подъезда, ложился черезъ всю улицу и падалъ на нижній этажъ противоположнаго дома.

— Направо, къ подъезду! крикнулъ мужчина въ бобровой фуражкѣ.

Другой сдѣлалъ невольное движеніе, какъ бы желая увидѣть лицо своего товарища, но тотчасъ же попытлся назадъ, плотнѣе закутался въ шубу и, когда сани остановились у подъезда, поспѣшно выскочилъ.

— Вотъ тебѣ три гривеника! проговорилъ онъ, сунулъ извозчику деньги въ руку и скрылся въ длинномъ корридорѣ, въ концѣ котораго была лѣстница.

— Вотъ-те разъ! проговорилъ мужчина въ бобровой шапкѣ, вылезая изъ саней. Никакъ мы оба къ Федору Ивановичу...

И отдавъ деньги извозчику, онъ тоже пошелъ къ корридору.

Захлопнувъ за собою стеклянныя двери подъезда, онъ остановился, досталъ изъ-подъ шубы маску, посмотрѣлъ не измялась ли она и, опустивъ воротникъ, надѣлъ ее.

Потомъ, любопытствуя узнать кто былъ товарищъ его, не рискуя самъ быть узнаваемымъ, онъ скорыми шагами побѣжалъ за нимъ. На площадкѣ втораго этажа онъ догналъ его и, пользуясь свѣтомъ фонаря, привѣннаго къ стѣнѣ, заглянулъ въ лицо человѣку въ бархатной шапкѣ.

Последній съ неменьшимъ любопытствомъ посмотрѣлъ на отставшаго, и—оба внезапно остановились.

Оба были въ маскахъ.

— Вы къ Федору Ивановичу? спросилъ первый.

— Да-съ... а вы? возразилъ второй нескрывымъ голосомъ.

Эта предосторожность напомнила первому, что и ему не худо бы переменить голосъ.

— Я тоже, хотѣлъ онъ проищать; но голосъ не повиновался ему, а потому, прокашлявшись, онъ отвѣчалъ хриплымъ, натянутымъ басомъ: я тоже...

И не говоря болѣе ни слова, оба дошли до третьяго этажа и позвонили у двери.

Старый слуга отворилъ дверь и, посторопившись, впустилъ гостей.

Мужчина въ бархатной шапкѣ небрежно бросилъ шубу и шапку на столъ и, откинувъ назадъ длинныя, бѣлокурыя волосы, надѣлъ на голову шерстяной, остроконечный колпакъ.

Товарищъ его поставилъ на полъ картонку, передалъ стожу шубу, самъ показалъ, гдѣ повѣсить ее; потомъ вернулся къ картонкѣ, осторожно вынулъ изъ нее шляпу со строусовымъ перомъ и, положивъ на мѣсто ея свою бобровую фуражку, прикрылъ свои рыжеватые, коротко подстриженные волосы шляпой.

Потомъ оба вошли въ сосѣдную комнату; первый робко, нерѣшительно; второй гордо, смѣло.

ГЛАВА II.

Гишпанецъ и Полишинель.

Федоръ Ивановичъ былъ честный человѣкъ, докторъ медицины, жилъ для пользы страждущаго человечества; званіе медика доставляло ему средство спискивать себя пропитаніе.

Федоръ Ивановичъ, сынъ пастора одной изъ церквей, разбросанныхъ по Лифляндіи и къ которымъ въ воскресные

и праздничные дни стекаются мирные богомольцы слушать простую, но часто убедительную проповедь, — Федоръ Ивановичъ, говорю, воспитывался въ рижской гимназии, кончил курсъ наукъ въ Дерптъ, потомъ слушалъ лекціи въ кѣнигсбергскомъ и берлинскомъ университетахъ.

Снабженный местными дипломами, онъ вернулся въ отечество; практиковалъ нѣсколько времени въ Ригѣ и, послѣ смерти отца, женился на дочери раззорившагося курляндскаго дворянина.

Жена Федора Ивановича была женщина честолюбивая, наслѣдовавшая холодную спѣсь своихъ предковъ, участвовавшихъ въ Крестовыхъ походахъ. Скромный кругъ дѣйствій мужа былъ ей тѣсень, и послѣ долгихъ разсужденій, оканчивавшихся иногда ссорой, иногда слезами, она убѣдила Федора Ивановича переселиться въ Петербургъ, обещая ему покровительство нѣкоторыхъ дальнихъ родственниковъ, занимавшихъ въ столицѣ почетныя мѣста.

Но родственники эти были уже снабжены домашними докторами. Надо было интриговать, кланяться; надобно было либо пустить пыль въ глаза, либо хорошенько надоѣсть родственникамъ, чтобы добиться вольнаго или невольнаго покровительства. Кроткій и прямодушный Федоръ Ивановичъ не былъ способенъ ни на то, ни на другое.

Юлія Карловна, жена его, взялась-было ходатайствовать за мужа, но родственники приняли ее не какъ родную, а какъ просительницу, и гордая дворянка перестала ѣздить къ нимъ.

Семейство Федора Ивановича умножилось дочерью, а Петербургъ продолжалъ поглощать финансовыя средства его: расходы были велики—доходы ничтожны. Наконецъ Федоръ Ивановичъ нашелся вынужденнымъ продать небольшое имѣніе, оставленное ему отцомъ.

Крайности соприкасаются. Недостатокъ занятій и сердце внушили Федору Ивановичу мысль, которую нѣкоторые врачи пользовались и пользуются вездѣ для достиженія своихъ видовъ. Онъ сдѣлался докторомъ бѣдняковъ, но безкорыстно, добросовѣстно; облегченіе бѣдныхъ было для

него цѣлю, а не средствомъ. Онъ не публиковалъ о себѣ въ газетахъ, не напрашивался, чтобы ему указывали жалкія убѣжища страждущаго челоѣчества, короче, не прибѣгалъ ни къ одному изъ средствъ, въ сущности благодѣтельныхъ, но превращающихся иногда въ простыя уловки.

Пылкіе порывы угасли въ сердцѣ Федора Ивановича съ тѣхъ поръ, какъ изъ существа мечтательнаго онъ сдѣлался челоѣкомъ положительнымъ. За пламенными порывами челоѣка неопытнаго, послѣдовало кроткое списхожденіе челоѣка, испытывающаго жизнь, точно такъ, какъ у другихъ они превращаются въ холодный эгоизмъ. Федоръ Ивановичъ не гонялся за случаями оказывать добро, но никогда не отказывался отъ нихъ, когда они представлялись.

— Мы квиты, говорилъ онъ съ простодушнымъ убѣжденіемъ, когда знакомые превозносили его: я не беру съ бѣдняковъ денегъ—это правда; но благодаря имъ, я не сижу сложа руки и имѣю средства изучать на практикѣ науку, которой я посвятилъ себя.

Кругъ дѣйствій Федора Ивановича расширился чрезвычайно медленно; благосостояніе его упрочилось только восемнадцать лѣтъ спустя по пріѣздъ его въ столицу; но въ то же время упрочилась и довѣренность къ нему. Плоды постоянныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ онъ простодушнымъ называлъ *счастіемъ*, забывая какою цѣною онъ купилъ это счастье.

Не даромъ досталось Федору Ивановичу и семейное счастье: онъ подчинялся властолюбивой и гордой женщинѣ, которую судьба дала ему въ подруги. Впрочемъ, онъ подчинился добровольно, безъ борьбы, и тѣмъ охотнѣе, что Юлія Карловна, какъ Нѣмка, была отличная хозяйка и много способствовала благосостоянію, которымъ онъ наслаждался. У Федора Ивановича былъ рѣдкій недостатокъ: онъ не питалъ никакого уваженія къ деньгамъ. Часто, прописавъ дорогое лекарство, онъ получалъ въ отвѣтъ отъ своихъ больныхъ, что они не имѣютъ средствъ купить это лекарство. Федоръ Ивановичъ не даромъ говорилъ, что изучалъ надъ бѣдняками свою науку; слѣдовательно писалъ рецепты не на

обумъ, а съ полнымъ убъжденіемъ въ дъйствительность предписываемаго имъ средства. Онъ былъ врагъ суррогатовъ и въ пациентъ видѣлъ не бѣдняка, не богача, а прежде всего—человѣка. Очень натурально, что при такихъ понятіяхъ, Федоръ Ивановичъ часто раскрывалъ собственный бумажникъ и платилъ за лекарство. Жена открыла эти продылки.

— Довольно того, сказала она, послѣ довольно продолжительнаго и рѣзкаго выговора: довольно того, что ты лечишь ихъ даромъ! Очень хорошо быть благодѣтельнымъ, но надобно знать мѣру.... Подъ благодѣніемъ не по силамъ скрывается либо тщеславіе, либо безразсудная расточительность.

— Другъ мой, это не благодѣніе, простодушно возразилъ Федоръ Ивановичъ: я дѣйствую въ пользу науки!

Чтобы эта наука не сдѣлалась слишкомъ опасною соперницею хозяйства, Юлія Карловна настоятельно потребовала отъ мужа, чтобы онъ отдавалъ ей отчетъ въ приходъ и расходъ; для болъшей аккуратности, внучка рыцарей, участвовавшихъ въ Крестовыхъ походахъ, завела шнуровую книгу, въ которую записывала все визиты мужа. Тутъ, съ нѣмецкою, въ полномъ смыслѣ, аккуратностью, были отмѣчены каждая пѣлавка, каждая испанская муха, приставленные Федоромъ Ивановичемъ. Сумма однажды установленной платы должна была равняться съ суммой домашнихъ расходовъ. Излишекъ же, происходившій отъ особеннаго изъясненія благодарности людей достаточныхъ, Юлія Карловна заботливо откладывала въ сторону—на приданое единственной дочери.

Аннѣ Федоровнѣ минуло семнадцать лѣтъ. Она была мила и весела, какъ семнадцатилѣтняя дѣвушка; избалована, какъ единственная дочь; невинна и добра, какъ дитя, взрослее подъ заботливымъ взоромъ матери и воспитанное одною любовію.

Юлія Карловна была женщина умная, а потому не слѣдовала примѣру тѣхъ матерей, которыя, желая предотвратить бѣду, сами вызываютъ ее, предостерегая дочерей отъ опас-

ностей, о которыхъ онѣ не имѣютъ еще ни малѣйшаго понятія. Юлія Карловна была добрая супруга—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; но она была прекрасная мать въ общирнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Безъ сожалѣнія уступила она дочери свое мѣсто въ обществѣ и несмотря на то, что ей было сорокъ два года, несмотря на то, что она сохранила стройный станъ, Юлія Карловна добровольно присоединилась къ маменькамъ-старушкамъ. Это было въ обществѣ; дома же, напротивъ, она какъ бы возвращалась къ лѣтамъ юности, она припоминала свою дѣвическую безпечность, припоминала идеи, слова, которыя могли быть понятны молодой дѣвушкѣ; она, такъ сказать, кокетничала съ дочерью, чтобы пріобрѣсть довѣренность ея, сблизиться съ нею,—и Аннета всею душою привязалась къ матери; она видѣла въ ней не сухую, холодную наставницу, не строгаго судью, но нѣжную подругу, съ благоразумною снисходительностію удовлетворявшую прихоти ея.

Такимъ образомъ Юлія Карловна умѣла скрыть ту невольную недовѣрчивость, которая всегда составляетъ причину и основаніе постоянного, неусыпнаго надзора. Присутствіе матери не только не было въ тягость молодой дѣвушкѣ, но, напротивъ, это присутствіе сдѣлалось ей необходимымъ, какъ общество подруги, съ которою она могла говорить откровенно обо всемъ, что приходило ей на умъ.

Нежная и попечительная материнская любовь ни сколько не мѣшала Юліи Карловнѣ обходиться съ мужемъ довольно жестко, съ знакомыми гордо, со слугами сухо и строго; одни боялись, другіе не любили ее; одинъ Федоръ Ивановичъ угадалъ возвышенную сторону характера своей жены, и потому, со свойственнымъ ему самоотверженіемъ, покорялся ей безпрекословно, исполнялъ волю ея, которой Юлія Карловна придавала иногда видъ прихоти, не желая дѣлать мужа повѣреннымъ своихъ намѣреній, либо испытывая свою надъ нимъ власть.

Кругъ знакомства ихъ былъ не обширенъ. Сначала онъ состоялъ изъ людей пожилыхъ, составлявшихъ партію Федора Ивановича; но Аннета подросла, — надобно было дать

другой характеръ, другую физиономію собраніямъ. У Аннеты были подруги, у подругъ были братья, родные и двоюродные, у братьевъ пріятели,—общество молодыхъ людей составилось само собою, и вскорѣ семейство Федора Ивановича прослыло однимъ изъ тѣхъ, въ которыхъ бываетъ очень весело, гдѣ можно потанцовать и гдѣ бываютъ *хорошенькія*.

Наканунъ новаго, 18.. года, у Федора Ивановича была вечеринка. Гостямъ предоставлено было являться въ маскарадныхъ костюмахъ или, просто, безъ масокъ.

Въ залѣ танцовали, смѣялись, рѣзвились; въ гостиной пожилыя дамы со сверкающими глазами и разгорѣвшимися отъ внутренняго волненія щеками, играли въ преферансъ; въ кабинетѣ мужчины, болѣе или менѣе важные, ставили и спивали ремизы; въ столовой, гдѣ было посвѣжѣе, прохаживались подъ-ручку молодья дѣвицы; въ буфетной готовили чай, пуншъ, лимонадъ, питія и яства.

Въ началѣ десятаго часа, во время одного изъ промежутковъ между двумя кадрилими, раздался звонокъ. Гости присмотрѣлись уже къ прибывшимъ до девяти часовъ маскарамъ; большая часть изъ нихъ была узнана, а потому звуки колокольчика возбудили общее любопытство.

—Маски, маски! разнеслось по группамъ, когда звонившіе были впущены, и всѣ взоры обратились къ полурасстворенной двери въ небольшую комнату, пріемную доктора, слѣдовавшую за прихожей.

Федоръ Ивановичъ, разсматривавшій въ это время игру одной изъ дамъ, желавшей убѣдиться можно ли ей играть семь, отвѣчалъ утвердительно, и поспѣшно направилъ шаги въ пріемную.

Тамъ онъ встрѣтилъ двухъ замаскированныхъ мужчинъ, съ которыми читатель уже нѣсколько познакомился.

На первомъ, высокомъ, былъ странный костюмъ, который могъ бы показаться весьма забавнымъ, если бъ въ походкѣ и во всѣхъ движеніяхъ того, на комъ былъ этотъ костюмъ, не проявлялось притязаніе на щегольство и національность; короче, это былъ костюмъ, съ незапамятныхъ

время известный въ табачныхъ лавочкахъ подъ названіемъ *гишпанскаго*. Онъ состоялъ изъ малиновой, плисовой, нѣсколько истертой эпанчи, обшитой галуномъ и осыпанной блестками; изъ свѣтло-зеленаго, полинялаго, шелковаго полукафтанья; панталоны въ натяжку обрисовывали тощія, въсколькo кривыя ноги, и входили въ желтые сапоги съ отворотами и шпорами; чувство самосохраненія заставило *Гишпанца* защищать шею тугимъ гамсухомъ, пряжка котораго, оставаясь незакрытою на затылкѣ, составляла довольно странный контрастъ съ прочими частями костюма. Наконецъ, маска была приторна до пошлости. Близна, румянецъ, неподвижная улыбка, черные усики, загнутые вверхъ крючками, придавали маскѣ выраженіе, возбуждавшее досаду.

На другомъ былъ костюмъ полишинеля. Горбъ сзади, горбъ спереди; одна половина синяя, другая желтая; красные сапоги; маска съ длиннымъ, горбатымъ носомъ, упирившимся въ загнутый вверхъ острый подбородокъ; саркастическая улыбка.

И въ этомъ костюмѣ не было ничего замысловатаго; но, по-крайней-мѣрѣ, въ немъ не было пошлыхъ притязаній цырюльной вывѣски. Кромѣ того онъ обнаруживалъ нѣкоторымъ образомъ желаніе сохранить какъ можно долѣе свое маскарадное инкогнито.

Хозяинъ встрѣтилъ гостей съ ласковою улыбкой и, пожмая имъ руки, осматривалъ ихъ съ ногъ до головы. При взглядѣ на Гишпанца онъ громко засмѣялся и, поднявшись на цыпочки, шепнулъ ему что-то на ухо.

— Стъ! произнесъ Гишпанецъ и, взявъ хозяина за руку, отвелъ его нѣсколько въ сторону: почему вы меня узнали?

— Потому, что вы сами измѣнили себя, отвѣчалъ Федоръ Ивановичъ.

— Чѣмъ? спросилъ Гишпанецъ, осматриваясь съ ногъ до головы.

— Тѣмъ, что вы тотчасъ отвѣчали на ваше имя.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ!... Смотрите же, Федоръ Ивановичъ, не говорите никому....

— Нѣтъ, нѣтъ, не скажу, отвѣчалъ улыбаясь хозяинъ,

потомъ, искоса посмотрѣвъ на полишинеля, поправившагося передъ зеркаломъ, прибавилъ шопотомъ: а кто это съ вами?

— Не знаю.

— Развѣ вы не вмѣстѣ пришли?

— Не только пришли, но даже вмѣстѣ прѣехали.

— И вы не знаете?

— Не знаю.

— Гм! произнесъ осторожный Немецъ и подошелъ къ полишинелю.

Послѣдній прыгнулъ передъ хозяиномъ и зашпачкалъ, но прыжокъ его былъ натянутъ, голова дрожала.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить? спросилъ Федоръ Ивановичъ вѣжливо, но не фамильярно.

Гишпанецъ подошелъ къ зеркалу, жемая, вѣроятно, подслушать отвѣтъ своего незнакомаго спутника; но полишинель угадалъ намѣреніе его и, отвѣдя хозяина въ сторону, прошепталъ ему что-то на-ухо.

— Какъ, какъ? сказалъ Федоръ Ивановичъ, не разслышавъ и подставляя ухо.

— Ненашевъ, отвѣчалъ четвертымъ голосомъ полишинель.

— Навель Сергѣевичъ? съ изумленіемъ спросилъ хозяинъ.

Полишинель утвердительно кивнулъ головою.

— Ну, васъ никакъ нельзя узнать! сказалъ Федоръ Ивановичъ, дружески пожавъ руку молодому человеку.

Послѣдній засмѣялся пискливымъ, рвѣющимъ смѣхомъ полишинеля.

— Милости просимъ, господа, милости просимъ! сказалъ хозяинъ, приглашая гостей въ залу.

Приглашеніе это внезапно разогнало робость и смущеніе полишинеля. Желая явиться въ залу соответственно своему костюму, онъ двумя прыжками очутился у двери; но съ третью прыжкомъ наткнулся на Гишпанца, съ гордою важною шествовавшаго въ залу.

Толчокъ полишинеля былъ такъ силенъ, что Гишпанецъ не устоялъ на своихъ тощихъ ногахъ; онъ споткнулся о по-

рогъ, запутался въ шпорахъ и, со всего размаху, очутился въ залѣ—въ горизонтальномъ положеніи.

Маска, съ оборвавшимися тесемками, предшествовала ему.

Полишинель, рискованнѣе подвергнувшись той же участи, поспѣшно перескочилъ черезъ Гишпанца и, растопыривъ руки и ноги, остановился посреди залы.

Шумъ паденія и общій крикъ испуга заставили даже карточныхъ игроковъ вскочить со своихъ мѣстъ.

Гишпанецъ поднялъ голову посреди общаго молчанія.

— Захаръ Ивановичъ! произнесъ кто-то, и сначала двѣницы, а за ними и всѣ присутствовавшіе разразились громкимъ смѣхомъ.

Гишпанецъ Захаръ Ивановичъ сталъ подниматься, сконфуженный и раздосадованный.

— Какъ это глупо, сказалъ онъ, потирая колѣно и угрюмо посмотрѣвъ на полишинеля.

Послѣдній молчалъ. Быть-можетъ, непріятное столкновение смутило его самого не менѣе Захара Ивановича; но смущеніе его скрывалось подъ маской, сохранявшей свою неизмѣнную, саркастическую улыбку.

Федоръ Ивановичъ подошелъ между тѣмъ къ размаскированному Гишпанцу и заботливо освѣдомился: не ушибся ли онъ.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ, принужденно улыбаясь и прихрамывая: Только советую вамъ, мусье полишинель, быть впередъ половчье, прибавилъ онъ, обращаясь къ своему незнакому спутнику,—а не то дамы побоятся танцовать съ вами.

— Pardon, mille pardons, сказалъ полишинель, оправившись отъ своего смущенія и слегка поклонившись Захару Ивановичу; онъ не думалъ шутить въ это время, но костюмъ и маска придавали всѣмъ движеніямъ его такой комизмъ, что гости опять засмѣялись.

Гишпанецъ поднялъ маску и, сердито отвернувшись, пошелъ представляться хозяйкѣ.

Нѣсколько минутъ спустя все опять пришло въ порядокъ.

Раздался аккордъ на фортепiano; молодежь засуетилась, пары становились по мѣстамъ....

ГЛАВА III.

Незванный гость.

Освободившись отъ любопытныхъ, окружившихъ его, полишинель осмотрѣлся. Глаза его остановились на группѣ, стоявшей близъ двери въ гостиную. Группу эту составляли Аннета, двѣ дѣвицы и молодой человекъ въ костюмѣ матроса, но безъ маски. Одна изъ дѣвиць, подруга Аннеты, была хорошенькая блондинка; другая, была тоже дѣвица, но очень не хорошенькая, лѣтъ уже за-сорокъ.

По высокому росту и чертамъ лица можно было съ перваго взгляда замѣтить родство между старой дѣвой и Гишпанцемъ Захаромъ Ивановичемъ; и точно, это была родная сестра его, Татьяна Ивановна.

Несмотря на то, что Татьяна Ивановна была шестью годами старше брата, которому минуло тридцать пять лѣтъ, она продолжала играть роль молодой дѣвушки; танцевала до упаду, рѣзвилась какъ дикая, проголодавшаяся козочка, кокетничала; носила платье, открытыя сверху до-нелзя, осторожно прикрывая, однакожъ, костлявую грудь и плечи прозрачнымъ флеромъ. Но, ни бывое платье, ни голубая лента, съ длинными концами обвивавшая талию, ни цветы, приколотые къ рѣдкимъ волосамъ, ни разныя выпуклости и пышности не скрывали устрашительной худобы Татьяны Ивановны; не нужно было большихъ познаній въ анатомію, чтобы замѣтить, что обороты выпуклостей, при каждомъ движеніи хозяйки ихъ, были неестественны, и что она дѣлалась физически на внутреннюю и вѣшную; вѣшная Татьяна Ивановна походила на куклу, къ которой нечаянно приставили чужую голову; внутренняя походила на цвѣтокъ, найденный между двумя листками старой книги, купленной

по случаю. Быть-можетъ, для пружиняго владѣтеля книги этотъ цвѣтокъ былъ драгоцененъ, по воспоминаніямъ, связаннымъ съ нимъ; быть-можетъ еще, что онъ случайно, прихотливо былъ брошенъ въ книгу... Но во всякомъ случаѣ, въ рукахъ настоящаго владѣтеля, онъ былъ не что иное, какъ изсохшій, сплюснутый, безцвѣтный, безароматный цвѣтокъ.

Полишинель подошелъ къ группѣ и, поклонившись Аннетѣ, проговорилъ невнятно нѣсколько словъ.

— Я ангажирована, отвѣчала Аннета, невольно засмѣявшись, при взглядѣ на забавную маску.

Полишинель обратился къ блондинкѣ и получилъ тотъ же отвѣтъ.

Нѣсколько смутившись, онъ обратился къ старой дѣвѣ; она нѣжно улыбнулась и слегка наклонила голову, намреваясь, вѣроятно, утвердительно отвѣчать молодому человеку, но послѣдній невольно отодвинулся назадъ и промолчалъ.

Въ эту минуту саркастическая улыбка маски его была, въ самомъ дѣлѣ, оскорбительна.

Татьяна Ивановна покраснѣла, и глаза ея сверкнули точно у кошки, намревающейся цапнуть.

— На слѣдующій? сказалъ полишинель, обратившись опять къ Аннетѣ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчала она. Татьяна Ивановна, развѣ вы не будете танцевать?

Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ безъ малѣйшаго дурнаго намренія; но старая дѣва приняла его за насмѣшку, тѣмъ болѣе, что блондинка не могла удержаться отъ лукавой улыбки.

— Нѣтъ, я не ангажирована, отвѣчала Татьяна Ивановна, подчинивъ досаду самолюбію и сохранивъ еще надежду, что послѣ этихъ словъ полишинель пригласитъ ее.

Но онъ не трогался съ мѣста.

— Впрочемъ, продолжала она презрительно, — теперь опасно танцевать... какъ разъ съ ногъ собьютъ.

— Вамъ, сударыня, опасаться нечего, возразилъ поли-

шинель: никто не осмелится забыть должника къ вамъ уваженія.

— Разумѣется, отвѣчала Татьяна Ивановна злобно: если бы теперь не были святки; но маски позволяютъ себѣ нѣкоторыя вольности... подъ маской иногда человекъ самый почитательный становится дерзкимъ, глупецъ—остроумнымъ, трусъ—храбрецомъ.

— Тощій—дороднымъ, прибавилъ полишинель.

Татьяна Ивановна такъ крѣпко стиснула губы, что ихъ вовсе не стало видно.

Кавалеръ, ангажировавшій Аннету, пришелъ за нею, молодой человекъ, въ матросской курткѣ, увелъ блондинку; Татьяна Ивановна презрительно отвернулась отъ полишинеля и вошла въ гостиную. Тамъ Захаръ Ивановичъ стоялъ за столомъ одной изъ дамъ, игравшихъ въ преферансъ.

Татьяна Ивановна слегка коснулась плеча брата и пошла въ столовую.

— Вы не танцуете, сестрица? спросилъ Захаръ Ивановичъ, догнавъ ее.

— Не танцую и не буду танцевать, сухо отвѣчала сестрица.

— Отчего?

— Оттого, что я хочу ѣхать домой.

— Нѣчто вамъ опять дурно?

Захаръ Ивановичъ сказалъ *опять*, потому-что сестрица часто дѣлалась дурно въ гостяхъ. Татьяна Ивановна не пренебрегала никакими средствами, чтобы сдѣлаться интересною.

— Нѣтъ; но мнѣ *опять* стыдно.

Татьяна Ивановна была настоящая кошка; кто бы ни погладилъ ее противъ шерсти, другъ или недругъ, съ намѣреніемъ или нечаянно, она немедленно выпускала когти. Несмотря на то, что братъ не зналъ тайны ея обмороковъ, она не могла не царапнуть его, намекнувъ объ его неловкости и частыхъ промахахъ, которыми Захаръ Ивановичъ приводилъ ее въ краску.

— Стыдно? повторилъ онъ: Нѣчто съ вами случилось что-нибудь... непріятное?

— Не со мною, а съ вами, братецъ!

— Что я растянулся-то?

— Ахъ, Боже мой! Вы, братецъ, выражаетесь такъ, какъ будто бы цѣлую жизнь водились съ извозчиками!

— Вы не сердитесь за то, сестрица, что я растя... свалился: я не виноватъ—этотъ анафема *паярецъ*...

— Да не кричите! вскричала Татьяна Ивановна, оглянувшись съ безпокойствомъ.

— Этотъ паярецъ...

— Полишинель, братецъ.

— Все равно; онъ пихнулъ меня такъ, что никакой возможности не было удержаться на ногахъ.

— Это еще не бѣда, что вы упали, но надобно было поправиться, надобно было обратитъ насмѣшки на него, надобно было отвѣчать...

— Да я и не промолчалъ. Онъ дурака съѣлъ.

Татьяна Ивановна презрительно пожала плечами.

— Вы не знаете, кто этотъ полишинель? спросила она.

— Кто его знаетъ! Онъ такъ нарядился, что его никто не узнаётъ. Охота человеку уродовать себя!

— Узнайте непременно.

— Вотъ ужъ онъ маску сниметъ, такъ и узнаемъ.

— Узнайте теперь.

— Какъ теперь...

— Ахъ, какіе вы вялые, братецъ! Вѣдь онъ сказалъ свою фамилію Федору Ивановичу?

— Сказалъ.

— Ну, такъ спросите его.

— Да! скажетъ онъ!

— Заставьте его проговориться.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Захаръ Ивановичъ засмѣявшись. Это будетъ славная штука.

Захаръ Ивановичъ хотѣлъ уже итти въ кабинетъ, но вдругъ остановился.

— Тутъ надобно поступить тонко, сказалъ онъ, почесывая лобъ: надобно ухитриться...

— Ступайте только къ Федору Ивановичу, сядьте возлѣ него, посмотрите на игру его...

— Ну-съ?

— Потомъ, какъ бы случайно вспомнивъ, скажите, что полишинель снялъ маску. Посмѣйтесь о вашей встрѣчѣ, хвалите костюмъ полишинеля...

— Есть что хвалить! возразилъ Захаръ Ивановичъ, бросивъ самодовольный взглядъ на свою плисовую эпапчу, въ складкахъ которой безпрестанно путались руки его.

— Не хотите хвалить, такъ хулите...

— Вотъ это лучше.

— Но не переставайте говорить о немъ, пока Федоръ Ивановичъ не назоветъ его по имени.

— А какъ не назоветъ?

— Тогда мы выдумаемъ что-нибудь другое.

Захаръ Ивановичъ отправился, а Татьяна Ивановна вернулась въ залу и села возлѣ Аннеты. Полишинель стоялъ на противоположномъ концѣ залы, и старой дѣвѣ показалось, что онъ не спускалъ съ нея глазъ.

Захаръ Ивановичъ вернулся въ залу только тогда, когда кадрили окончивался.

Не отдавая еще сестрицѣ отчета въ возложенномъ на него дипломатическомъ порученіи, онъ поспѣшно подошелъ къ Аннетѣ.

— Анна Федоровна, сказалъ онъ съ неловкою любезностью: буду ли я имѣть счастье...

— Я ангажирована, отвѣчала Аннета улыбаясь.

— Душевно сожалею, провзнесъ Захаръ Ивановичъ, поднявъ плечи, наклонивъ голову и сложивъ руки на груди. Захаръ Ивановичъ видѣлъ, что такимъ образомъ кланяются гишпанскіе пансерники на Александринской сценѣ. Повторивъ еще разъ это движеніе, онъ хотѣлъ уже отступить шагъ назадъ, но кто-то схватилъ его за руку.

Захаръ Ивановичъ гордо поднялъ голову и увидѣлъ передъ собою полишинеля.

— Берегитесь! пропищалъ послѣдній и, наклонившись, отцѣпилъ отъ шпоры Захара Ивановича платье дѣвицы, стоявшей за нимъ и не подозревавшей бѣды, угрожавшей ей кисейнымъ фалбаламъ.

Гишпанецъ небрежно кивнулъ головою полишинелю и подошелъ къ сестрѣ.

— Узнали? спросила она.

— Узналъ.

— А!

— Ненашевъ, шепнулъ Захаръ Ивановичъ на ухо сестрѣ.

Изумленіе выразилось на лицѣ послѣдней; она хотѣла что-то сказать, но промолчала и устремила пристальный взглядъ на полишинеля.

Захаръ Ивановичъ ангажировалъ другую дѣвицу, и вскоре опять составилъ кадрили.

Рука полишинеля дрожала, когда коснулась руки Аннеты. По окончаніи первой фигуры онъ отвелъ молодую дѣвушку на мѣсто и молча сталъ возлѣ стула ея.

— Какой вы странный выбрали костюмъ, сказала Аннета, видя, что кавалеръ ея не начиналъ разговора.

— Ему я обязанъ тѣмъ, что никто не узнаетъ меня, отвѣчалъ онъ своимъ голосомъ.

— Еще бы! возразила Аннета засмѣявшись: эти уродливые горбы скрадываютъ талью...

— Стало быть, вамъ мой костюмъ не нравится?

— Нѣтъ, откровенно отвѣчала молодая дѣвушка: но все-таки онъ лучше испанскаго костюма нашего визави.

— Захаръ Ивановичъ сердится на меня.

— За что?

— За то, что, по моей неосторожности, онъ... снялъ маску при самомъ входѣ.

— Большая важность! возразила Аннета, пожавъ плечами: я бы узнала его съ перваго взгляду. Однако это странно, прибавила она, окинувъ всѣхъ присутствующихъ быстрымъ взоромъ: я всѣхъ узнала, всѣхъ—кромѣ васъ.

— Вамъ начинать, сказалъ полишинель, подавая руку молодой дѣвушкѣ.

Во все продолженіе второй фигуры Аннета слѣдила за движеніями своего кавалера.

— Скажите мнѣ, спросила она, воротившись на свое мѣсто: вы всегда такъ танцуете?

— Какъ?

— Какъ теперь.

— Всегда.

— Неправда, вы нарочно переменяете вашу манеру, чтобы васъ было труднѣе узнать.

— Можетъ-быть.

— Вы подстрекнули мое любопытство. Скажите мнѣ, какъ васъ зовутъ?

— Угадайте.

— Нѣтъ, скажите, пожалуйста.... Скажите только первую букву вашего имени?

— *И*, отвѣчалъ полишинель.

— Николай?... Да? Ну, теперь скажите первую букву фамилии....

Громкое хлопанье въ ладоши прервало слова молодой дѣвушки. Это Захаръ Ивановичъ подавалъ сигналъ началію третьей фигуры. Онъ только что расхлопался, какъ вдругъ встрѣтилъ гнѣвный взоръ сестрицы, которая нѣсколько разъ уже твердила ему, что это хлопанье чрезвычайно неприлично, особенно когда играетъ дѣвица.

— Скажите же мнѣ первую букву вашей фамилии! сказала Аннета, протанцовавъ третью фигуру.

— *Т*, отвѣчалъ полишинель.

— *Т*?... Нѣтъ, неправда, возразила молодая дѣвушка подумавъ: я не знаю фамилии, которая бы начиналась съ этой буквы.

— Павелъ Сергѣевичъ, произнесъ кто-то сзади тихимъ голосомъ, походившимъ на шипѣніе змѣи.

— Вы не врете? отвѣчалъ кавалеръ Аннеты, не обращая вниманія на произнесенное за нимъ имя. Я могу вамъ доказать справедливость моихъ словъ.

— Докажите.

Полишинель снялъ перчатку и показалъ молодой дѣвушкѣ кольцо съ печатью, на которой были выгравированы буквы *И* и *Т*.

— Врите ли теперь? спросилъ полишинель, пока Аннета разсматривала кольцо.

— Павелъ Сергѣевичъ! произнесла Татьяна Ивановна громкимъ голосомъ.

Полишинель вздрогнулъ и невольно оглянулся.

Аннета и близъ-стояшіе засмѣялись.

— Павелъ Сергѣевичъ, начинайте четвертую фигуру! сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Павелъ Сергѣевичъ, снимайте маску!

— Нечего болѣе скрываться!

— Васъ узнали!

Полишинель старался скрыть свое смущеніе прыжками и протанцовавъ четвертую фигуру каррикатурнымъ образомъ.

— Это не онъ, проворчала Татьяна Ивановна и ушла въ гостиную.

Четвертая фигура кончилась.

— Павелъ Сергѣевичъ, сказала Аннета: снимите маску, вамъ должно быть очень душно....

— Анна Федоровна, вы ошибаетесь, отвѣчалъ полишинель взволнованнымъ голосомъ: меня не узнали и не узнаютъ, потому-что я вошелъ сюда подь чужимъ именемъ....

Молодая дѣвушка невольно отодвинулась отъ своего кавалера.

— Я зналъ, чему подвергался, рѣшаясь на такой смѣлый поступокъ, но надѣялся на покровительство единственнаго челоуѣка въ нашемъ обществѣ, который знаетъ меня.... Теперь я не смѣю даже приблизиться къ этому челоуѣку, въ слѣдствіе неумышленной, нечаянной неприятности, которую я ему нанесъ.... Простите мнѣ мою дерзость, но я не могъ отказаться отъ представившагося случая....

— А почему вы узнали, что у насъ бываетъ такъ весело? наивно спросила Аннета.

— Не одно удовольствіе влекло меня къ вамъ, отвѣчать полишинель: я несчастливъ, я страдаю....

Молодая дѣвушка съ участіемъ посмотрѣла на своего кавалера; она хотѣла спросить о причинѣ его страданій, но вдругъ громко засмѣялась.

Маска полишинеля составляла такой комическій контрастъ со словами и выраженіемъ голоса его, что Аннета не могла воздержаться отъ смѣха.

Пятая фигура прервала разговоръ. Полишинель танцевалъ разсвѣнно, сбивался, путался. Поспѣшно и съ видимымъ нетерпѣніемъ вернулся онъ на мѣсто, по окончаніи фигуры.

Въ то же время у двери гостиной появились Татьяна Ивановна и хозяйка, Юлія Карловна.

— Анна Федоровна, сказалъ полишинель тихимъ, дрожащимъ голосомъ: я прошу, умоляю васъ объ одномъ.... выслушайте меня безъ гнѣва, безъ негодованія.... я давно страдаю....

— Да закройте хоть вашу маску, если не хотите снять ее! сказала Аннета снова засмѣявшись.

Она была очаровательна въ эту минуту. Щеки ея разгорѣлись отъ жара, глаза радостно блеснули, веселый, безпечный смѣхъ открылъ рядъ бѣлыхъ, какъ слоновою костью, зубовъ.

— Я давно страдаю, продолжалъ кавалеръ ея страстнымъ голосомъ: но за эти немногія минуты, проведенныя близъ васъ, съ вами, я готовъ проработать еще цѣлую жизнь....

Аннета вдругъ перестала смѣяться.

— Скажите мнѣ одно слово, продолжалъ полишинель: скажите мнѣ, что сердце ваше свободно, скажите мнѣ, что вы никому не отдадите руки вашей, и, черезъ два года, черезъ годъ, я сдѣлаюсь достойнымъ васъ....

Аннета скоро встала.

— Вы хотите, чтобы меня выгнали отсюда? произнесъ тихимъ, но твердымъ голосомъ кавалеръ ея.

Молодая дѣвушка пристально взглянула на него. Маска уже не возбуждала смѣха ея.... Глаза, сверкавшіе въ вырѣзкахъ маски, звуки фортепіано, шарканье танцующихъ, го-

воръ гостей, произвели на нее странное впечатлѣніе.... Голова ея закружилась, и она опять опустилась на стулъ.

— Я готовъ отдать за васъ жизнь свою, продолжалъ полишинель, ободренный и очастливленный поступкомъ Аннеты: я люблю васъ....

— Грань-ронъ! грань-ронъ! закричалъ Захаръ Ивановичъ.

— Позвольте мнѣ удалиться, произнесла Аннета дрожащимъ голосомъ, у меня голова кружится....

— Оставайтесь, ради Бога, оставайтесь! поспѣшно возразилъ полишинель, встрѣтивъ въ эту минуту взоры Юліи Карловны и Татьяны Ивановны, внимательно слѣдившихъ за нимъ: мнѣ, а не вамъ слѣдуетъ удалиться....

— Да.... уйдите, уйдите.... пожалуйста....

Молодая дѣвушка произнесла эти слова голосомъ, исполненнымъ мольбы и боязни; потомъ поспѣшно удалилась.

— Грань-ронъ, грань-ронъ! продолжалъ кричать расхо-дившійся Захаръ Ивановичъ.

— Что съ тобою, Аннета? заботливо спросила мать, схвативъ руку молодой дѣвушки.

— Ничего, тата, ничего, отвѣчала она, принужденно улыбаясь: здѣсь такъ жарко....

Юлія Карловна пристально посмотрѣла на дочь.

— Ступай, другъ мой, сказала она, ступай; я сейчасъ приду къ тебѣ.

Танцующіе не замѣтили отсутствія Аннеты; они продолжали шаркать, но когда дошло до grand'chaîne, то все сбивалось, перепуталось и разошлось смѣясь. Пока кавалеры раскланивались, полишинель сталъ пробираться къ двери, чтобы ускользнуть непримѣтнымъ образомъ; но осмотрѣвшись, онъ встрѣтилъ холодный, строгій взглядъ Юліи Карловны и злорадственную усмѣшку Татьяны Ивановны.

Смущеніе полишинеля возрастало, но уйти въ эту минуту не было возможности. Замѣтивъ его намѣреніе, хозяйка могла остановить его, а потому онъ рѣшился ожидать, чтобы она удалась къ дочери.

Полишинель оглянулся еще разъ и увидѣлъ, что хозяйка

шла къ нему.... Онъ далъ ей приблизиться, потомъ ловко прыгнулъ въ сторону.

— Полно вамъ дурачиться, Павелъ Сергѣевичъ, угрюмо произнесъ Захаръ Ивановичъ, съ которымъ полишинелю было суждено безпрестанно встрѣчаться въ этотъ вечеръ.

Татьяна Ивановна повела Юлію Карловну въ эту сторону. Полишинель, точно заяцъ, преследуемый охотниками, отскочилъ въ другую сторону.... Маска промокла насквозь отъ горячаго пота, струившагося по лицу бѣдняка; на щекахъ маски образовались впадины....

Съ послѣднимъ прыжкомъ онъ очутился возлѣ фортепіано.... Радостно воспользовался онъ представившимся средствомъ, чтобы избѣгнуть объясненія съ хозяйкой.

Поспѣшно съѣлъ онъ на круглый табуретъ, быстро пробежалъ пальцами по клавишамъ и безсознательно заигралъ адскую мелодію изъ Роберта. Въ замѣшательствѣ онъ наступилъ на педаль и громко, дико, устрашительно разнеслись адскіе звуки по комнатамъ....

Полишинель не оглядывался, не подымалъ головы, но съ одной стороны концы голубаго пояса Татьяны Ивановны, а съ другой край двучичеваго, шолковаго платья Юліи Карловны, заставляли его неутомимо и усердно барабанить по клавишамъ.

Эта странная музыка возбудила общее вниманіе. Наступило глубокое молчаніе, прерываемое только звуками фортепіано, которымъ вторило щелканье фишекъ, отсчитываемыхъ въ соседней комнатѣ, да фальшивый напѣвъ Захара Ивановича, освѣжившагося стаканомъ пушша.

— Павелъ Сергѣевичъ, произнесла рѣзкимъ голосомъ Татьяна Ивановна: давно ли вы научились играть на фортепіано?

Пальцы полишинеля внезапно окаменѣли и точно когти неподвижно остановились на клавишахъ....

Спасенія не было; рѣшительная минута наступила....

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ, повторилъ Захаръ Ивановичъ: давно ли вы, Павелъ Сергѣевичъ, выучились играть на *фортепьянахъ*?

Полишинель всталъ. Онъ встрѣтилъ холодный, гордый, строгій взглядъ Юліи Карловны, и сердце его замерло. Вздохнувъ изъ глубины души, онъ полнесъ руку къ маскѣ....

Въ эту самую минуту поспѣшно вошла горничная.
— Сударыня, сказала она хозяйкѣ: Аннъ Федоровнѣ очень дурно.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Юлія Карловна, и скоро пошла за горничной. Почти весь присутствовавшіе при этой сценѣ послѣдовали за нею.

Полишинель вздохнулъ свободнѣе. Не теряя времени, онъ однимъ скачкомъ очутился у той самой двери, въ которую горизонтально вошелъ Захаръ Ивановичъ.

— Не пускайте его, братецъ! вскричала Татьяна Ивановна. Это можетъ быть воръ.

Гишпанецъ догналъ полишинеля въ пріемной и обими руками вцѣпилъ въ горбъ его.

— Ни съ мѣста! вскричалъ онъ: или я прикажу сторожу связать тебя! Что ты за человекъ, говори!

— Пустьте меня, произнесъ полишинель глухимъ голосомъ.

— Какъ бы не такъ! Ты, можетъ-быть, воръ!

Полишинель быстро обратился къ Захару Ивановичу и такъ близко подошелъ къ нему, что ткнулъ ему носомъ въ подбородокъ.

— Не я воръ, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ: а тотъ, кто не далъ какъ на прошлой недѣлѣ, за двѣсти рублей взять заемное письмо въ четыреста, и вещей подъ залогъ на пятьсотъ рублей!... Ростовщики подлежать суду!...

У Гишпанца опустились руки и подкосились ноги.

Полишинель исчезъ.

— Держите его! произнесла Татьяна Ивановна, просунувъ голову въ полурастворенную дверь.

Захаръ Ивановичъ молча погрозилъ кулакомъ въ переднюю.

— Что тутъ за суматоха? спросилъ Федоръ Ивановичъ, выходя изъ кабинета.

Захаръ Ивановичъ очнулся.

— Гдѣ онъ! вскричалъ онъ: съ нимъ надобно раздвѣлаться! за насильственное вторженіе въ чужой домъ! за нанесеніе толчка, съ ниспроверженіемъ! за оскорбленіе личности! за клевету!... Гдѣ онъ!

— Кого изволите страшивать-съ? спросилъ старый слуга.

— Того... который... да ну! вотъ сейчасъ... говорилъ задыхаясь Захаръ Ивановичъ.

— Что съ горбами-съ?

— Да, да!

— Они ушли-съ.

— Держи его! догони! свяжи!

— Ради Бога, что съ вами, Захаръ Ивановичъ? съ беспокойствомъ спросилъ хозяинъ: вы выглядите точно у васъ бѣлая горячка.... Успокойтесь....

— Надобно задержать его!

Старики оставили карты и вышли въ пріемную, не понимая причины бѣшенства Гишпанца, у котораго на губахъ выступила пѣна.

Вдругъ задрезжалъ колокольчикъ.

Слуга поспѣшно отворилъ дверь, и въ прихожую вошелъ молодой человекъ въ шубѣ, и окутанный шарфомъ.

— Павелъ Сергѣевичъ! съ удивленіемъ вскричалъ Федоръ Ивановичъ, когда вошедшій снялъ шубу.

ГЛАВА IV.

Старый домъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ городскихъ улицъ, между двумя новыми каменными домами, тянулся заборъ, выкрашенный побурѣвшею отъ времени охрою. Ворота въ этомъ заборѣ были постоянно заперты, и со стороны двора приперты доскою, одинъ конецъ которой упирался въ ворота, а другой въ землю.

Саженья въ десяти отъ забора стоялъ старый, двухъ-этажный, деревянный домъ; несмотря на то, что онъ былъ подновленъ и за-ново выкрашенъ, петхость его проявлялась въ покрывшихся линіяхъ карнизовъ и оконныхъ наличниковъ. Въ верхнемъ этажѣ было семь оконъ; въ нижнемъ, по срединѣ ворота, съ правой стороны три окна, а съ лѣвой два и крыльцо, придѣланное, какъ казалось, гораздо позже постройки дома.

Пространство отъ забора до дома было завалено дровами; только въ срединѣ былъ оставленъ проходъ, да съ правой стороны находилось отгороженное мѣсто, усаженное тощими, не высокими кустами, между которыми высилось одно только дерево, съ обрубленнымъ верхомъ. Жильцы деревяннаго дома называли это мѣсто *садомъ*.

Ворота и корридоръ крыльца прорѣзывали домъ во всю ширину его и вели на другой дворъ, на которомъ высился огромный, четырехъ-этажный домъ, принадлежавшій хозяйну же деревяннаго дома и выходившій на сосѣднюю улицу. Судя по неблѣннымъ и какъ бы недодѣланнымъ оконечностямъ боковыхъ флигелей, можно было заключить, что деревянный домъ былъ обязанъ своимъ долгимъ существованіемъ только финансовымъ обстоятельствамъ домохозяина, заставившимъ его отложить, до поры, до времени, окончаніе четырехугольника, составляющаго типъ петербургскихъ домовъ. Со двора не видно было деревяннаго дома, закрытаго длиннымъ сараемъ, въ которомъ находилась мастерская каретника.

Каретникъ же занималъ подворотню деревяннаго дома, на-глухо заколоченную со стороны дровянаго двора. Тамъ хранились кузова старыхъ экипажей, брички, колеса, негодные рессоры и тому подобный хламъ. Изъ-подъ воротъ былъ прежде единственный ходъ въ квартиру съ правой стороны нижняго этажа; но теперь ходъ этотъ былъ заколоченъ досками, такъ что въ эту квартиру вовсе не было хода снаружи.

Сплошная перегородка съ дверью, запиравшеюся на ключъ, раздѣляла проходной корридоръ на двѣ половины.

Съ одной стороны былъ ходъ въ маленькую квартиру нижняго этажа; съ другой находилась лѣстница во второй этажъ.

Половина нижняго этажа, состоявшая изъ кухни и двухъ комнатъ, двѣ трети года оставалась необитаемою. По временамъ появлялась въ ней старуха на два, на три дня и потомъ опять пчезала на недѣлю и болѣе. Служанки у нея не было. Дворникъ называлъ эту жилищу Агафьей Степановной, а мастеровые каретника — салопницей.

Маленькая квартира отдавалась въ наемъ не отъ хозяина, а отъ жильца верхняго этажа, нанмавашаго весь домъ; въ теченіе сорока лѣтъ, домъ переѣхалъ трехъ хозяевъ, а жилецъ оставался одинъ и тотъ же: фактъ, довольно замѣчательный и рѣдкій въ Петербургѣ. Въ 1802 или 1803 году квартиру эту нанялъ отставной экономъ какого-то заведенія, Прохоръ Ивановичъ Опухтинъ; въ 1825 году она поступила во владѣніе Ивана Прохоровича Опухтина; а въ 1840 году на возобновленномъ контрактѣ подписался Захаръ Ивановичъ сынъ Опухтинъ.

Верхній этажъ состоялъ изъ прихожей, кухни, столовой, гостиной, спальни и комнатки, заставленной большими шкапами, скрывававшими узенькую, деревянную лѣстницу, ведшую въ ту половину нижняго этажа, въ которую снаружи не было хода. Комнаты верхняго этажа были оклеены дешевыми обоями; полъ выкрашенъ подъ паркетъ; мебель въ хорошемъ состояніи, но старомодная, неуклюжая, крытая въ гостиной волосяной матеріей, а въ спальнѣ ситцемъ. Ни открыванье форточекъ, ни топленье не могли истребить душнаго, затхлаго воздуха, начала котораго какъ бы заключались въ самыхъ предметахъ, наполнявшихъ комнаты. Воздухъ этотъ становился невыносимымъ, когда къ нему примѣшивались кухонныя испаренія, что случалось аккуратно каждый день отъ полудня до четырехъ часовъ. Впрочемъ жильцы не жаловались на этотъ воздухъ; они называли его своимъ, роднымъ запахомъ; они родились, выросли въ немъ.

Захаръ Ивановичъ, съ которымъ читатели уже нѣсколько

познакомились, говорилъ, что онъ ни за какіе миллионы не променяетъ этой скромной квартиры на великолѣпнѣйшія, барскія палаты. Онъ и сестра его родились въ угловой комнаткѣ, обклеенной рыженскими обоями; они оба родились тутъ, съ тою только разницею, что Захаръ Ивановичъ узрѣлъ впервые свѣтъ по сю, а Татьяна Ивановна по ту сторону лежанки. Другое, столько же, если не болѣе, драгоценное воспоминаніе заключалось въ столовой, выкрашенной въ старое время зеленой краской, а теперь оклеенной полосатыми обоями. Здѣсь Захаръ Ивановичъ впервые узрѣлъ серебряную монету, четвертакъ, подаренный ему покойною матерью въ день его ангела.

— Тогда четвертакъ ходилъ въ рубль ассигнаціями! прибавлялъ Захаръ Ивановичъ со вздохомъ, вспоминая объ этомъ радостномъ событіи.

Кромѣ того Захаръ Ивановичъ помнилъ еще мѣсто, гдѣ онъ пряталъ бабки отъ строгаго отца, запрещавшаго ему знаться въ мальчишками; помнилъ стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, когда его укусила Татьяна Ивановна за то, что мать, заготавливая на зиму шенкованную капусту, дала Захарушкѣ кочерыжку, а Таньку прогнала изъ кухни.

Было еще много другихъ воспоминаній, но Захаръ Ивановичъ, можетъ-быть, пожертвовалъ бы ими, если бы не существовала другая, болѣе важная причина, заставлявшая его дорожить этой квартирой. Причина эта обнаружится сама собою, когда читатель короче познакомится съ Захаромъ Ивановичемъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ вечеринки у доктора, часу въ третьемъ по полудни, старуха, въ черномъ, шолковомъ салопѣ и черномъ же капорѣ, вошла въ ворота каменнаго дома.

Дворникъ, разбивавшій на дворѣ ледъ, приподнял старую, измятую шляпу, подаренную ему однимъ изъ жильцовъ.

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, Агафья Степановна, сказалъ онъ, когда старуха проходила мимо него.

— Спасибо, Тарась, спасибо, отвѣчала старуха. Зайди ко мнѣ ужѣ, подѣ-вечеръ.

Агафья Степановна прошла нанскою через дворъ, къ узкому, грязному проходу, оставленному между сараемъ и высокою, неблѣною стѣною сосѣдняго дома.

— Салопница! закричала протяжно и въ носъ грязный мальчишка, запачканный сажей и вышедший изъ сарая.

Дворникъ погрозилъ ему кулакомъ, а Агафья Степановна, не обращая вниманія на это привѣтствіе, прошла прямо къ крылечку; не входя въ свою квартиру, она отворила дверь въ перегородкѣ, раздѣлявшей корридоръ пополамъ и поднялась во второй этажъ.

На верхней площадкѣ, откуда лѣстница съездившись шла на чердакъ, были двѣ двери: одна обитая черной клеенкой и со звонкомъ, другая довольно грязная и обледенѣлая.

Агафья Степановна отворила послѣднюю и очутилась въ кухню.

— Здравствуйте, Матренушка, сказала она: дома барышня?

— Здравствуйте, матушка Агафья Степановна, отвѣчала кухарка: съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.

— И тебѣ также, Матренушка.... Я тебѣ гостинецъ принесла; косыночку шелковую... возьми, мать моя....

Старуха вручила кухаркѣ косынку и вмѣстѣ съ нею всунула ей полтинникъ. Обрадованная Матрена поцѣловала руку Агафьи Степановны и разсыпалась въ благодаренія, развернувъ косынку и держа ее на свѣтъ, какъ бы для того, чтобы узнать плотна ли ткань ея, вопреки пословицъ, что даровому коню въ зубы не смотреть.

— Дома барышня? спросила Агафья Степановна.

— Дома, дома, матушка; постойте, я сниму съ васъ салопъ, отвѣчала кухарка, отирая жирныя руки о передникъ.

— Гдѣ она, вверху или внизу?

— Внизу, сударыня; она вѣдь тамъ съ утра до ночи сидитъ.

— А что старикъ?

— Что ему дѣлается! Ъсть, пить, спать, да въ шашки играеть. Пора бы ему и честь знать! съ неудовольствіемъ отвѣчала Матрена.

— Полю грѣшить, Матренушка! съ уприскомъ возразила

Агафья Степановна. Кто знаетъ, можетъ-быть и мы съ тобою такія же будемъ....

— Не приведи Господи! сказала кухарка перекрестясь. Пожалуйте, Агафья Степановна, пожалуйте въ гостиную; я кликну барышню.

Съ этими словами Матрена прошла черезъ столовую, вошла въ спальню Татьяны Ивановны, а оттуда въ каморку, заставленную ящиками.

— Барышня! крикнула она, остановившись у лѣстницы. Въ то же время внизу послышались тихіе шаги.

— Что тебѣ? спросила снизу Татьяна Ивановна.

— Пожалуйте на верхъ....

— Стъ, тише! онъ спитъ. Зачѣмъ наверхъ?

— Агафья Степановна пришла, отвѣчала кухарка шопотомъ.

— Ладно, сейчасъ буду.

Минуту спустя Татьяна Ивановна вышла наверхъ.

Это уже не была та Татьяна Ивановна, которую мы видели на вечеринкѣ у доктора. Дома, у себя, старая дѣва была естественнѣе. На ней было простое, полинялое, ситцевое платье, висѣвшее внизъ отъ талии прямыми складками, многочисленность которыхъ свидѣтельствовала, однакожъ, о томъ, что и это платье было некогда доступно расширенію, для умещенія пышностей. Шерстяной платокъ закрывалъ шею и грудь, и висѣлъ на спицѣ острыми концами. Волосы Татьяны Ивановны были нѣсколько растрепаны; цвѣтъ лица сѣровато-желтый, глаза утомлены, заспаны—точно, будто бы Татьяна Ивановна не мылась въ этотъ день, что, впрочемъ, было весьма вѣроятно, судя по рукамъ ея.

— Ахъ, Агафья Степановна, вскричала Татьяна Ивановна, войдя въ гостиную; гдѣ это вы пропадали? Здравствуйте, миленькая, здравствуйте! и съ этими словами она стала цѣловать старуху.

— Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, Татьяна Ивановна; дай Богъ вамъ здравія и всякаго благополучія; желаю вамъ все то, что вы сами себя желаете....

— Вамъ также, Агафья Степановна, вамъ также; садитесь,

душечка...на диванъ, Агафья Степановна; вы знаете, что вамъ принадлежитъ почетное мѣсто....Извините, я не одѣта и немножко растрепана; но мнѣ сегодня нездоровится....

Обыкновенная отговорка неряхъ.

— Э, голубушка! возразила старуха: неужто вы начнете церемониться со мною?...Ну что, матинька, какъ у васъ въ домъ?

— Слава Богу, Агафья Степановна; тятинькѣ нездоровилось, да теперь прошло.

— А вы какъ? Да что, нечего и спрашивать! вы словно маковъ цвѣтъ!

Давно Татьяна Ивановна не была такъ дурна, какъ въ этотъ день; не смотря на то, она отвѣчала пріятною улыбкой на комплиментъ старухи.

— Но скажите, Агафья Степановна, гдѣ это вы пропадали?...Вы никакъ ушли еще передъ Рождествомъ и съ тѣхъ поръ не бывали у насъ....Разлюбили вы насъ совсѣмъ, душечка Агафья Степановна!

— Ахъ, не говорите, Татьяна Ивановна! Я зашла провѣдать о здоровьи къ Натальѣ Петровнѣ Прилугиной; думала пробить у нея денежъ, много два—куды, родимая! И сало-пишко запрятали; не пускаютъ, да и только! Только на пятый день кое-какъ выпросилась. Думала итти прямо къ вамъ, но откуда ни возьмись, подвернулся Спиридонъ Никифоричъ Лукошкинъ.—Агафья Степановна! говорить, я не отпущу васъ; жена прихворнула и соскучилась безъ васъ; мы, говоритъ, раза три посылали къ вамъ; все дома нѣтъ, да дома нѣтъ....благо теперь я поймалъ васъ и ужъ ни за какія деньги не отпущу!—Что ты будешь дѣлать, голубушка! Я пошла съ нимъ, да послѣ и сама не рада была.... Ахъ, Татьяна Ивановна, если бъ ты знала, что тамъ за дѣла дѣлаются! Богъ съ ними, я не сплетница какая....Коли и случится лишнее слово вымолвить, такъ и то только съ чепухомъ надежнымъ, не переметчикомъ....Вы вѣдь знаете Авдотью Григорьевну?....

— Знаю, отвѣчала старая дѣва, сжавъ губы съ двусмыс-

ленной улыбкой. Нѣчто у нихъ въ домъ опять что-нибудь новое случилось?

Старая вдова понюхала табаку, махнула рукой и отвѣчала:

— Да что! Стыдно, право, и рассказывать-то!

И послѣ этого введенія, она пустилась въ одну изъ тѣхъ сплетенъ, которыя часто раскрываютъ самыя сокровенныя, семейныя тайны. Ни одинъ романъ Поль-де-Кока не возбуждалъ такого участія въ парижской гризеткѣ, съ какою старая дѣва слушала рассказы Агафьи Степановны. Последняя не умолкала; одно обстоятельство цѣплялось за другое; она то поднимала руки къ потолку, то пожимала плечами.... Не смотря на то, что кромѣ ея и Татьяны Ивановны никого не было въ гостиной, вдова, какъ бы не смѣя произнести вслухъ нѣкоторыхъ словъ, по временамъ наклонялась къ самому уху своей слушательницы; и тогда глаза послѣдней разгорались, и на щекахъ ея выступала легкая краска, но не стыдливость вызвала этотъ румянецъ....

Наконецъ вдова замолчала и перевела духъ. Татьяна Ивановна тоже молчала, какъ бы припоминая и затвержившая все, рассказанное ей старою сплетницей.

— Спокойно ли вы провели время? спросила Агафья Степановна послѣ краткаго молчанія.

— Довольно спокойно; на праздникахъ мы обѣдали у экзекуторши, а наканунѣ Нового года были на балу у доктора.

— У Федора Ивановича?

— Да.

— Ну что, какъ у него?

— Ничего; все по старому.

— Славная дѣвочка Аннушка.

— Глупа.

— Правда ваша; есть, есть маленько. Но — глупость не порокъ, Татьяна Ивановна; были бы денежки.

— У нея и того не будетъ.

— Не говорите, голубушка; умри теперь старики ея, такъ

у нея будетъ восемьдесятъ тысячъ чистаго капитала, не считая другаго добра.

— Неужели это правда? Я сама слышала объ этомъ, да мнѣ не вѣрилось.

— Вѣрь, Татьяна Ивановна; я знаю заподлинно... А что, прибавила вдова, искоса поглядывая на дѣву, — пора бы намъ женить Захара Ивановича....

Татьяна Ивановна улыбнулась.

— Я сама думаю о томъ... Впрочемъ мы потолкуемъ объ этомъ дѣлѣ пообстоятельнѣе... Вѣдь вы останетесь теперь дома на нѣсколько дней?

— Останусь, миленькая; хочется отдохнуть...

— Обѣдайте сегодня съ нами.

— Изволь, голубушка; я останусь тѣмъ охотнѣе, что по запаху слышу, что у васъ сегодня щи... ая ихъ смерть какъ люблю! Кромѣ того у меня есть дѣлцо до Захара Ивановича... Не знаешь, Татьяна Ивановна, при деньгахъ ли онъ теперь?

— Кажется, что нѣтъ.

— Жаль, дѣлцо-то хорошее, съ большою прибылью; впрочемъ Захаръ Ивановичъ достанетъ....

Въ это самое время внизу послышался глухой, продолжительный кашель.

Татьяна Ивановна поспѣшно встала.

— Посидите, Агафья Степановна, сказала она: я только схожу, посмотрю, не нужно ли чего тятинкѣ... Опять что-то сталъ кашлять чаще обыкновеннаго... Я сейчасъ вернусь.

— А я воспользуюсь этимъ временемъ и схожу къ себѣ внизъ на минуточку... Ключъ у васъ? спросила вдова тихимъ голосомъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Татьяна Ивановна, невольно опустивъ глаза: онъ внизу... за клеёнкой....

Агафья Степановна съ удивленіемъ посмотрѣла на старуху дѣву и спросила:

— Нечто?....

Татьяна Ивановна насупила брови, губы ея слегка задрожали, и она утвердительно кивнула головою.

Старуха вздохнула, покачала головою.

— Когда? спросила она опять.

— Сегодня, часу въ девятомъ, отвѣчала старая дѣва, едва слышнымъ голосомъ.

— Вы получили письмо?

— Получила.

— Ахъ, Татьяна Ивановна, Татьяна Ивановна! жаль мнѣ васъ... Надобно кончить это дѣло....

— О! съ жаромъ произнесла старая дѣва, я вѣчно буду признательна тому, кто поможетъ мнѣ!

— Посмотримъ, подумаемъ... Идите, Татьяна Ивановна, старикъ опять закашлялся; я вернусь черезъ полчаса.

На лестницѣ старуха встрѣтила Захара Ивановича, возвращавшагося домой.

— Ба, ба, ба! закричалъ онъ, грубо захохотавъ: какими судьбами!... Куда же вы? Зачѣмъ бѣжите отъ нашего хлѣба-соли?

— Я только на минутку зайду къ себѣ и сейчасъ вернусь....

— Вотъ это другое дѣло! возразилъ Захаръ Ивановичъ, все еще преграждая путь старухѣ. Да что это вы, въ самомъ дѣлѣ, заспесивились? И съ праздникомъ поздравить не хотите! Видно богаты стали?... Одолжите же мнѣ миллионъ семьдесятъ пять копѣекъ!

И весьма довольный своимъ остроуміемъ, Захаръ Ивановичъ захохоталъ пуше прежняго.

— Гдѣ намъ, Захаръ Ивановичъ! отвѣчала старуха, вторя смѣху шутника: я сама хотѣла бросить у васъ въ долгъ....

— Коли вы просите въ долгъ, такъ будетъ толкъ! Ха, ха, ха!... Ладно, ладно, потолкуемъ послѣ обѣда; на тощій желудокъ какъ разъ обсчитаетесь... Приходите же скорѣе.

Захаръ Ивановичъ пропустилъ старуху, пріятельски кивнувъ ей головою, но, не доходя до втораго этажа, остановился и поспѣшно кликнулъ:

— Агафья Степановна, Агафья Степановна!

— Что, батюшка? спросила старая вдова, остановившись на последней ступени.

— Знаете новость?

— Какую? спросила вдова, наострив уши.

— Неужто не знаете?

— Не знаю, батюшка; что такое?

— Нынче годъ високосный, отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ, снова разразившись громкимъ смѣхомъ.

Захаръ Ивановичъ былъ въ самомъ милomъ, шутиломъ расположеніи духа.

ГЛАВА V.

Занятія Захара Ивановича.

Часть нижняго этажа, составлявшая панданъ квартиры Агафьи Степановны, состояла изъ темнаго корридора и четырехъ комнатъ. Ходъ навѣрхъ былъ изъ корридора.

Одну комнату занималъ дряхлый, впавшій въ ребячество, семидесяти-шести-лѣтній старикъ; въ другой былъ кабинетъ, въ третьей спальня Захара Ивановича. Оставалась еще четвертая, узенькая комната въ одно окно, выходившее къ сараю каретника; эта комната была постоянно заперта, и ключъ отъ нея хранился у Захара Ивановича.

Кабинетъ былъ убранъ очень просто. Темная, грязно-зеленая краска, которую были выкрашены стѣны его, придавала ему мрачный видъ. Два стола, одинъ ломберный, раскрытый, другой, простой, сосновый замѣняли письменный столъ; на послѣднемъ лежали въ порядкѣ кипы бумагъ и нѣсколько книгъ, разставленныхъ рядышкомъ, корешками вверхъ; на первомъ лежало нѣсколько листовъ чистой писчей бумаги, разныхъ форматовъ и доброты; оловянная, забрызганная чернильница, буковая, точеная песочница, мраморный пресспапье въ видѣ яблока; санда-

ракъ въ коробочкѣ съ аптекарской этикеткой и, по срединѣ, разграфленная подкладная бумага.

Передъ ломбернымъ столомъ стояло вольтеровское кресло, крытое зеленымъ сафьяномъ, побурѣвшимъ отъ долговременнаго употребленія.

Старинное, горбатое бюро на точеныхъ ножкахъ, шкафъ, выкрашенный подъ красное дерево и служившій хранилищемъ немноготомной библиотеки, турецкій диванъ, крытый ситцомъ коричневаго цвѣта съ голубыми и желтыми узорами, нѣсколько стульевъ, да два горшка цвѣтовъ вялой ерани дополнили убранство кабинета. Во всемъ проявлялась благоразумная непряхотливость труженика, лишеными и бережливостью достигнушаго скромнаго благосостоянія. Захару Ивановичу стѣило только показать свой кабинетъ, чтобы опровергнуть обвиненія въ какихъ-либо противузаконныхъ дѣйствіяхъ или неправильномъ стяжаніи земныхъ благъ.

Впрочемъ Захаръ Ивановичъ былъ совершенно спокоенъ на этотъ счетъ. Онъ составилъ себѣ репутацію искуснаго, усерднаго дельца и — легче было бы сдвинуть съ мѣста огромный камень, нежели поколебать эту репутацію.

Какъ человекъ и семьянинъ, онъ жилъ скромно, сожалѣлъ престарѣлаго отца и сестру, долговъ не имѣлъ, въ карты игралъ для препровожденія времени и по маленькой; имѣлъ знакомство не большое, но избранное.

На другой день послѣ разсказаннаго въ предшествовавшей главѣ, въ восьмомъ часу утра Захаръ Ивановичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

Это былъ уже не тотъ Захаръ Ивановичъ, съ которымъ вы, читатель, познакомились на вечерѣ у доктора. Справедливость заставила меня сказать, что гишпанскій костюмъ былъ не къ лицу Опухтину, но та же справедливость заставляетъ меня теперь объявить, что фракъ сидѣлъ на немъ такъ, что, право, невольно рождался въ умъ вопросъ: онъ ли былъ созданъ для фрака, или фракъ для него?

Платье сидѣло на Захарѣ Ивановичѣ плавно, спокойно; отъ спины къ фальдамъ не было рѣзкаго перехода, заим-

стованнаго мужчинами у дамъ; рукава были волнисты и не придавали рукамъ вида гладко-обструганныхъ или точёныхъ баласъ; фалды шли съуживаясь въ такой пропорціи, что, если бы ихъ довести до пятокъ, то они образовали бы острые концы; пуговицы сходились съ петлями безъ всякой натяжки и, застегнувшись, Захаръ Ивановичъ могъ бы очень легко просунуть между жилетомъ и фраккомъ двадцати-копёчный ситникъ. Опухтинъ выбранилъ однажды своего портнаго *Вольтеромъ* за то, что тотъ сшилъ ему панталоны со штрипками. Сапоги онъ носилъ плоскодошныя, безъ высокихъ каблучковъ.

Что касается до физиономіи Захара Ивановича, то она походила на паспортныя примѣты; все въ ней было *обыкновенно*, цвѣтъ глазъ неопредѣленный, волосы коротко обстрижены, подбородокъ гладко выбритъ. Не считая бакенбарды непристойными для человека дьяволага, Захаръ Ивановичъ предоставилъ имъ полную волю прозябать на щекахъ его; но они пустили десятковъ длинныхъ, желтоватыхъ волосъ и ограничились этимъ.

По правую сторону Захара Ивановича сидѣлъ на стулѣ человекъ съ рыжей бородкой, въ изношенномъ кафтанѣ, усьяниномъ пухомъ и ополсанномъ грязнымъ кушакомъ, свернувшимся въ канатъ. Возлѣ него на полу лежалъ мѣшокъ, изъ котораго торчали книги.

Казалось, Захаръ Ивановичъ только что пожурилъ этого человека, потому-что онъ, опустивъ глаза, перебиралъ въ рукахъ шапку съ суконымъ, до половины оборваннымъ козырькомъ.

— Ей-ей, говорилъ онъ, я не могу знать-съ...

— И я, братецъ, не могу знать! возразилъ Захаръ Ивановичъ, смотря въ круглое зеркальцо и потирая пальцемъ мѣсто на подбородкѣ, порезанное бритвой.

— Это совершенно такъ-съ, но...

— Да полно отпираться? Ужъ проболтался, такъ лучше повинись.

— Сквозь землю провалиться, не говорилъ никому... Я божиться напрасно не стану.

— Такъ кто же, братецъ, сказалъ?... Вотъ такъ онъ мнѣ и брякнулъ: «далъ двести, взялъ заемное въ четыреста, да залого въ пятьсотъ!...» А гдѣ они пятьсотъ-то? Хламъ, рухлядь! Поди тамъ посмѣ, сбывай какъ знаешь!... А что заемное-то въ четыреста? Богъ съ нимъ и совсѣмъ! Подай только мои денежки, а тамъ ступай себѣ! Ты же выпросилъ у меня; пропадетъ, говоришь, человекъ; выручите, говоришь.... Такъ или не такъ?

— Безъ всякаго сумнѣнія...

— То-то безъ всякаго сумнѣнія! За свою же за доброту я терплю!

— Да позвольте узнать, Захаръ Ивановичъ, кто осмѣлился...

— А поди-вотъ, спроси! Ворвался человекъ въ домъ подъ чужимъ именемъ, да и наговорилъ мнѣ неприятностей.

— Слова цѣтъ, Захаръ Ивановичъ.

— А все по твоей милости! Закаялся-жъ я теперь... никому ни гроша, хоть съ голоду умирай! Своя репутація дороже. Слышь, Кнутовъ, впередъ, братъ, ко мнѣ съ такими штуками не подъезжай!

— Воля ваша, отвѣчалъ Кнутовъ, вставая и отряхивая мѣшокъ.

— Да посуди самъ, братецъ, продолжалъ Опухтинъ, какъ бы спохватившись и смягчивъ голосъ: кому пріятно, если какой-нибудь фанфаронъ станетъ марать честь? Я, братецъ, дѣлецъ известный, человекъ чистый не то, чтобы что-нибудь этакое...

— Правда ваша, равнодушно отвѣчалъ Кнутовъ: за тѣмъ прощайте...

— Нѣтъ, постой; поставь себя на мое мѣсто, продолжалъ Захаръ Ивановичъ, стараясь, по-видимому, удержать Кнутова.

— Счастливо оставаться...

— Куда же ты торопишься? вскричалъ Захаръ Ивановичъ, вставая: выпей хоть чайку стаканъ.

— Некогда, Захаръ Ивановичъ; я было пришелъ къ вамъ за дѣломъ, да коли вамъ неугодно...

— За какимъ дѣломъ?

— Такъ-съ, афериска маленькая... отвѣчалъ Кнутовъ, смотря въ сторону и почесываясь.

— Ахъ ты разбойникъ! возразилъ Захаръ Ивановичъ за-смыввшись: вѣчно у тебя затѣи... Ну, стой; свали-ка мѣшокъ, да садись.... Я скажу, чтобы намъ принесли чаю.

— Благодаримъ покорно-съ...

— Да ну! садись, говорить; ахъ ты рыжая борода! сказалъ Захаръ Ивановичъ, слегка потрепавъ Кнутова за борю.

Нѣсколько минутъ спустя и Опухтинъ, и букинствъ сидѣли опять на прежнихъ мѣстахъ. Передъ первымъ стояла большая, такъ называемая аппетитная чашка, а передъ послѣднимъ стаканъ.

— Сливкокъ хочешь? спросилъ Захаръ Ивановичъ. Ну, рассказывай; какое тамъ у тебя дѣло?

— Вѣстимо денежное, Захаръ Ивановичъ.

— Денежныя разныя бываютъ дѣла.

— Нужно-съ двѣсти рублѣвъ.

— Опять двѣсти!.. Это кое-какъ собрать можно.

— Двѣсти серебряныхъ.

— Экъ ты хватилъ! Шутка, семьсотъ рублей!

— Человѣкъ-то хорошій, я съ нимъ съ Петрова-дня знакомъ; онъ у меня книги беретъ, да не на промѣнъ, а все на наличныя; и книги-то все *ученыя*.

— Сочинитель какой-нибудь?

— Сохрани Господи! Нѣтъ-съ, почище всякаго сочинителя будетъ.

— То-то же!

— Да вы и тягильку ихъ знаете.

— Какъ зовутъ?

— Тучиновымъ.

Захаръ Ивановичъ припрыгнулъ на стулъ.

— Александръ Матвѣвичъ? спросилъ онъ.

— Сынъ ихній-съ, Николай Александрычъ.

Опухтинъ протяжно свиснулъ и почесалъ лобъ.

— Сынокъ-то, видно, въ отца пошелъ.. погуливаетъ? сказалъ онъ, послѣ краткаго молчанія.

— Есть, маленько.

— Гм!... Трудная, братъ, задача.

— Нечто вы не при деньгахъ, Захаръ Ивановичъ?

— Что деньги! Деньги достать не штука... тутъ другая заплата... Александръ Матвѣвичъ мнѣ очень нужный человекъ...

— Что за важность! Вы въ сторонѣ.

— Оно такъ-то такъ... Знаешь что?

— Ну-съ?

— Вотъ мы какъ сдѣлаемся; скажи Николаю Александ-ровичу, что у тебя денегъ нѣтъ. Слышишь?

— Слышу-съ.

— Но, дескать, ты знаешь благодѣтеля, который не откажется помочь тебѣ. Сколько, бишь, ему нужно?

— Двѣсти серебромъ-съ.

— Ну, такъ ты напиши заемное въ...

— Поменьше, батюшка! человекъ надежный; впередъ пригодится.

— Ладно, пиши въ триста; такъ и быть! Не хочу при-тѣснять. Вели маклеру написать, что я, дескать, нижепод-писавшійся, Николай Александровъ сынъ Тучиновъ занялъ у Захара Иванова сына...

— На ваше имя? съ изумленіемъ спросилъ букинствъ.

— Слушай только; занялъ, дескать, столько-то, кои день-ги и обязуюсь выплатить черезъ?...

— Два мѣсяца.

— Ладно. Заставь его подписать это заемное; да, смотри, говори, что ты отъ меня всѣ триста сполна получилъ.

— Знаемъ, знаемъ-съ.

— У меня есть свои причины.... Аюсъ со временемъ пригодится. Смотри же, исполни все такъ, какъ я при-казываю.

— Слушаю, Захаръ Ивановичъ. А когда прикажете *зай-тить*?

— Недѣли черезъ полторы...

— Долгонько.

— Надо подумать, сообразить... Ухъ, какъ я съ тобой

заболтался! Пора идти по дьямъ, вскричалъ Опухтинъ, посмотрѣвъ на серебряные, карманные часы. Залогъ, разумется, есть? прибавилъ онъ небрежно.

— Знатный...

— Хорошо, хорошо, это ужъ мы между собой устроимъ... Приготовь заемное, да зайди въ началъ будущей недѣли.

— Нельзя ли на этой, Захаръ Ивановичъ?

Опухтинъ всталъ и, какъ бы подумавъ, отвѣчалъ:

— Зайди въ субботу; можетъ-быть, я къ тому времени достану... Ахъ, кстати, какъ ты съ фартуплищикомъ раздѣлался?

— Чево, отвѣчалъ Кнутовъ, махнувъ рукой: Вертопрахъ нашъ, сударь, въ самомъ дѣлѣ только на прокатъ взялъ, да и заложилъ. Я къ нему, а онъ и усомъ не ведеть! Нѣту, говорить, денегъ, да и только.

— Какъ же ты кончилъ?

— Какъ тутъ кончить! Вѣстимо, свои заплатилъ, угрюмо отвѣчалъ букиннсть.

— А протестовалъ?

— Какъ же-съ. Придется упрятать его въ тюрьму.

— Повремени еще маленько. А Сидоровъ?

— Общался завтра расчитаться.

— А съ купчихой, что хотѣла купить лисій салопъ, ты не сдѣлался?

— Нѣтъ еще; торгуется больно, да придется спустить, а не то залежится опять. Къ купчихъ подѣхалъ мѣховщикъ съ Толкучаго...

— Гм!.. Поторгуйся еще маленько, авось прибавить. А нѣтъ, такъ отдавай! Убытка не будетъ.

— Слушаю.

— Ну, съ Богомъ; мнѣ пора идти.

Кнутовъ взвалилъ опять мѣшокъ на спину и, поклонившись, хотѣлъ идти.

— Эхъ, забылъ совсѣмъ! сказалъ онъ, спохватившись: нѣтъ ли у васъ, Захаръ Ивановичъ, лампы?

— Какой?

— Столовой; вотъ что съ колпакомъ.

— Есть, отличная. Совсѣмъ новая.

— А какъ цѣна-съ?

— А вотъ зайдешь, такъ потолкуемъ; теперь мнѣ некогда... А лампа богатая! Самъ увидишь. Прощай, Кнутовъ, прощай.

Букиннсть ушелъ.

Захаръ Ивановичъ пригладилъ передъ зеркальцомъ волосы, поправилъ галстухъ, провелъ руками по обоямъ рукавамъ, и поспѣшно вышелъ въ сосѣдную комнату.

ГЛАВА VI.

Отца, сынъ и дочь.

Въ сосѣдней комнатѣ, въ вольтеровскомъ креслѣ, совершенно подобномъ тому, которое стояло въ кабинетъ Захара Ивановича, сидѣлъ старикъ въ ветхомъ, замасленномъ халатѣ на ватѣ и въ голубой, вязанной шапкѣ съ серебряною кисточкою. Неподвижность всего тѣла, голова, свѣсившаяся на грудь, отвислыя щеки, тусклые, безжизненные глаза съ пожелтѣвшими бѣлками, множество горизонтальныхъ морщинъ вокругъ губъ, придавали старiku безсмысленный видъ. По временамъ продолжительный, мокротный кашель потрясалъ все тѣло отжившаго старика, и дрожащею, морщинистою рукою утиралъ онъ слюну съ губъ.

Старикъ сидѣлъ возлѣ топившейся печи, положивъ ноги, обутыя въ туфли на волчьемъ мѣху, на скамеечку; у окна сидѣла Татьяна Ивановна съ рукодѣльемъ.

Захаръ Ивановичъ подошелъ къ старiku и, наклонившись къ нему, спросилъ:

— Чтò, тятенька, каково вамъ?

Старикъ медленно поднималъ тяжелыя вѣки, посмотрѣлъ на сына и спросилъ глухимъ, дребезжащимъ, прерывающимся голосомъ:

— Сколь... сколько градусовъ мо...мо...морозу?

— Десять, отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ на удачу.

— Сколь... сколько?

— Десять, повторилъ Захаръ Ивановичъ громче.

— Все.... дес... десять, возразилъ старикъ сердито, отчего лицо его сморщилось болѣе обыкновеннаго, и голова затряслась.

— Ничего, ничего, тятенька, скоро меньше будетъ, сказалъ Захаръ Ивановичъ снисходительно.

Старикъ опустил глаза и не отвѣчалъ.

Захаръ Ивановичъ почтительно поцѣловалъ руку отца и, кивнувъ головою сестрѣ, ушелъ на цыпочкахъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Татьяна Ивановна была погружена въ размышленія; продолжая прилежно перешивать старое, перекрашенное платье, она то вздыхала, то насмѣшливо, то пріятно улыбалась. Это было отраженіе мыслей ея. По временамъ, — вѣроятно въ минуты перехода отъ одной мысли къ другой, — Татьяна Ивановна обращала глаза на старика съ заботливостью, мало согласовавшеюся съ жесткимъ, злобнымъ выраженіемъ ея лица.

— Захарушка! произнесъ, наконецъ, старикъ.

— Онъ ушелъ, тятенька, сказала Татьяна Ивановна.

— За тобой, Захарушка, два гривеника, продолжалъ старикъ.

— Его нѣтъ, тятенька, онъ ушелъ, повторила Татьяна Ивановна болѣе громкимъ голосомъ и наклонившись нѣсколько къ старику.

— Куда ушелъ?

— По своимъ дѣламъ.

— Въ школу?

— По дѣламъ.

— А зачѣмъ онъ ушелъ безъ спросу?...

— Онъ спрашивался у васъ.

— Опасно.... подъ лошадей подвернется, продолжалъ старикъ ворчливо: посмотри, Таня, не играетъ ли онъ въ бабки на задворкѣ?

— Нѣтъ, тятенька, на задворкѣ никого нѣтъ, отвѣчала Татьяна Ивановна, выглянувъ въ окно.

— Схо... схо... сходи, посмотри! сердито вскричалъ старикъ.

Татьяна Ивановна встала, не выказывая ни малѣйшаго неудовольствія, вышла въ корридоръ, пробывъ тамъ около минуты и вернулась.

— Его нѣтъ тамъ, тятенька, сказала она.

Но старикъ, по-видимому, забылъ уже зачѣмъ высылалъ дочь. Безсмысленно поглядывалъ онъ на нее; нѣчто похожее на улыбку стянуло губы его, и, поднявъ дрожащую руку, онъ произнесъ:

— Танюшка!

Дочь взяла руку его, наклонилась къ нему и поправила шерстяную шапку, сдвинувшуюся на сѣдья брови старика.

— Холодно вамъ? спросила она.

— Нѣтъ.... нѣтъ; только ноги забнутъ.

Татьяна Ивановна достала старый коврикъ и закрыла имъ ноги отца.

— Хорошо такъ?

Старикъ погладилъ рукою волосы дочери, ставшей на колѣни, чтобы укутать ноги отца.

— Не хотите ли въ шашки поиграть, тятенька? спросила Татьяна Ивановна.

— Не хочу.... не хочу.... мнѣ надобно сидѣть.... хочется погулять....

Татьяна Ивановна помогла старику встать; взяла его подъ одну руку, а въ другую дала ему трость, и стала водить его по комнатѣ.

Не дойдя втораго разу отъ окна до двери кабинета, старикъ закашлялся такъ, что ноги его подкосились, и дочь должна была подхватить его подъ обѣ руки, чтобы онъ не упалъ.

— Ухъ!... усталъ, сказалъ онъ задыхаясь, — вижу.... вижу.... старость одолеваетъ.... Спать хочу....

Татьяна Ивановна посадила его въ кресло, прикрыла опять

ноги ковромъ и, видя, что старикъ закрылъ глаза, вернулась къ своему рукодѣлю.

— А что же ты въ шашки-то хотѣла играть? сказалъ старикъ въ то самое время, когда дочь его только-что принялась за работу.

Она опять встала, придвинула столикъ съ шашечной доской и, сѣвъ противъ отца, стала разставляивать шашки.

— Я самъ...! я самъ! вскричалъ старикъ съ раздражительностію ребенка, сбивъ съ мѣста шашки, разставленныя дочерью для него; потомъ онъ самъ сталъ приводить шашки въ порядокъ, ставя ихъ на удачу, куда ни попало.

Татьяна Ивановна терпѣливо слѣдила за медленными движеніями отца.

— Вотъ такъ, сказалъ онъ: кому ходить?

— Вамъ, тятенька.

— Не торопись.... надо подумать.... первый ходъ самый важный....

Долго думалъ старикъ, передвигая то одну, то другую шашку и, наконецъ, рѣшился сходить.

Нѣсколько минутъ продолжалась странная игра, въ которой старикъ обдумывалъ каждый ходъ и, несмотря на то, безпрестанно сбивался и потомъ раскаивался что сходилъ такъ, а не иначе. Едва ли игроку чужно столько умнѣя, чтобы выиграть, сколько хитрости и уловокъ нужно было Татьянѣ Ивановнѣ, чтобы проиграть. Наконецъ ей удалось пропустить отца *въ дамки*; ему оставалось только двинуть шашку въ послѣдній рядъ, но онъ задумался такъ, какъ будто бы дѣло шло о труднѣйшей задачѣ. Чтобы видѣше предметы не развлекали его, старикъ закрылъ глаза, приложивъ палецъ къ носу.

Минуту спустя, рука его тяжело опустилась на колѣни...

Онъ заснулъ.

Татьяна Ивановна осторожно отставила столикъ, посмотрѣла еще нѣсколько секундъ на отца, потомъ принялась опять за свою работу.

Такова была домашняя жизнь старой дѣвы. Съ рѣдкимъ, замѣчательнымъ самоотверженіемъ подчинилась Татьяна

Ивановна прихотямъ и странностямъ дряхлаго старика, отца ея.

Иванъ Прохоровичъ вступилъ въ службу въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II. Въ горестную, холерную годину, въ 1831 году, Иванъ Прохоровичъ лишился жены. Это обстоятельство и свирѣпство язвы, уносившей жертву за жертвой, произвели такое глубокое впечатлѣніе на Опухтина, что онъ впалъ въ бѣлую горячку въ то самое время, когда холера, собравъ свою дань съ Петербурга, обратила въ другую сторону свое зараженное дыханіе.

Ивану Прохоровичу было въ то время шестьдесятъ три года; несмотря на то, крѣпкая натура его, не поколебленная излишними усиліями ума, одолѣла болѣзнь, которая кинулась на слабѣйшую часть его, а именно на умственные способности: онъ не разстроился совершенно, но впали въ ступѣніе. Прошедшее почти совершенно изгладилось изъ памяти Ивана Прохоровича, а все дѣйствія настоящей жизни сдѣлались для него рядомъ трудныхъ задачъ, рѣшеніе которыхъ требовало необыкновеннаго напряженія ума. При отставкѣ Иванъ Прохоровичъ получалъ пожизненную пенсію. Иванъ Прохоровичъ питалъ — страсть къ деньгамъ. Не заманчивыя, обольстительныя идеи богатства были источникомъ этой страсти, но чувство болѣе исключительное, болѣе сжатое и мелочное; старикъ Опухтинъ любилъ деньги не за всемогущую силу, а скорѣе за красоту ихъ. Онъ предпочиталъ серебро и, преимущественно, мелкое: цѣлковый самъ по себѣ представлялъ для него единицу, между тѣмъ какъ будучи размѣненъ на пятакъ, онъ представлялъ двадцать единицъ, и старикъ обходился ласково со своимъ сыномъ только тогда, когда послѣдній приносилъ ему пенсію самой мѣлкой монетой.

Тотчасъ по отставкѣ отъ службы, Иванъ Прохоровичъ объявилъ сыну, что онъ ему не дастъ ни копейки изъ своей пенсіи. Захаръ Ивановичъ не прекословилъ, ибо зналъ, что рано ли, поздно ли деньги эти достанутся ему же; конечно, жаль было, что онъ представляли мертвый капиталъ,

между тѣмъ какъ ихъ можно было пустить въ оборотъ, но— надобно же было *потлишить* старика. Захаръ Ивановичъ наследовалъ отъ отца страсть къ деньгамъ, но въ немъ эта страсть подчинилась вліянію вѣка.... для него деньги были живые дѣтели, которые, по мнѣнію Захара Ивановича, должны были плодиться и множиться....

Иванъ Прохоровичъ копилъ; но ни сынъ, ни даже дочь его не знали, куда онъ пряталъ свое сокровище. Онъ даже не любилъ, чтобы ему говорили объ его деньгахъ, и только, по временамъ, оставаясь наединѣ съ Татьяной Ивановной, твердилъ ей:

— Все тебѣ достанется.... ему ничего!

Привязанность его къ дочери усилилась съ тѣхъ поръ, какъ неприязнь къ сыну обнаружилась. Впрочемъ Татьяна Ивановна вполне заслуживала эту привязанность.

Старая дѣва, въ домашнемъ быту являла идеалъ дочерней привязанности. Вспыльчивая отъ природы, она была съ отцомъ кротка и терпелива, какъ ягненокъ; передъ прихотями старика, умножавшимися съ лѣтами, исчезала собственная воля Татьяны Ивановны; мать, жертвуя собою для дитяти, находить отраду и утѣшеніе въ развитіи ребенка, — будущее сумить ей еще высшую награду; самопожертвованіе Татьяны Ивановны было неограниченнѣе, совершеннѣе: наследство, обобщаемое старикомъ, не прельщало ее; попеченія о дряхломъ старикѣ не были вознаграждаемы; въ нравственномъ отношеніи онъ каждый день становился тупѣе, раздражительнѣе, требовательнѣе; въ физическомъ— разрушеніе жизненныхъ силъ становилось явственнѣе....

Уединеніе, отчужденіе отъ свѣта Ивана Прохоровича были, можетъ-быть, главной причиною того, что Татьяна Ивановна не встрѣтила своего суженаго и сдѣлалась старой дѣвой, существомъ независимымъ, исключительнымъ, которое хладнокровнѣе анализируетъ недостатки общества, точно такъ, какъ человекъ, стоящій внѣ толпы, удобнѣе обозрѣваетъ ее.

Изъ трехъ высокихъ, святыхъ назначеній женщины — назначеній дочери, супруги и матери—на долю Татьяны Ива-

новны досталось только первое.... и, со старикомъ, Иваномъ Прохоровичемъ, она была *дочь*, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова; въ обществѣ она была существо, злобное, исключительное, — а всякая исключительность сильно развивается въ человекѣ одно изъ духовныхъ началъ его: *добро* или *зло*.

Такимъ же образомъ двоилась и жизнь Захара Ивановича. Онъ былъ глубоко убежденъ, что *ссузала* ближнихъ въ критическія минуты, онъ дѣлалъ добро; зло могло заключаться только въ томъ, что одолевая единицу, онъ требовалъ обратно двѣ и болѣе, смотря по обстоятельствамъ; — но Захаръ Ивановичъ называлъ это *обезпеченіемъ*, въ слѣдствіе котораго имущій, то есть честный платательщикъ покрывалъ убытокъ, наносимый неимущимъ. Для совершеннаго успокоенія своей совѣсти Опухтинъ не признавалъ нравственнаго различія между своими должниками.

Если бъ у Захара Ивановича была хоть половина того ума, которымъ природа надѣлила сестру его, то съ такими оригинальными понятіями онъ пошелъ бы далеко; но по счастью для него и для общества, природа, ограничивъ умъ, ограничила и кругъ дѣятельности его.

Человекъ составленъ изъ контрастовъ. Добро мѣшается въ немъ со зломъ и, первое то беретъ верхъ надъ вторымъ, то подчиняется ему. Подробности и виды постоянной борьбы между степенями добра и зла, составляютъ великую, неразгаданную *науку жизни*. Ученость не подвела еще этой науки подъ извѣстныя формулы, потому что объемъ ея обширенъ и раздробленіе безконечно. Исторія есть только выводъ, а философія анализъ ея; но философія въ отношеніи къ наукамъ жизни то же, что геометрія въ отношеніи къ калейдоскопу.

Два элемента, два начала этой науки—*добро* и *зло*; но виды ихъ такъ разнообразны, степени ихъ такъ многочисленны, что часто одно доброе качество сглаживаетъ множество злыхъ и — наоборотъ.

Это несовершенство представляетъ человеку мыслящему обширное поле наблюденій, результаты которыхъ, будучи

изложены въ яркихъ и вѣрныхъ краскахъ, составляютъ драгоценные матеріалы для великой науки жизни, одно внимательное изученіе которой можетъ уничтожить пагубный перевѣсъ зла надъ добромъ....

ГЛАВА VII.

Капризная женщина.

Въ домъ Федора Ивановича все шло прежнимъ порядкомъ.

Странное приключеніе на вечеринкѣ, наканунѣ Нового года, не имѣло важныхъ, по-крайней-мѣрѣ, видимыхъ послѣдствій. Аннета рассказала матери весь разговоръ свой съ полишинелемъ. Юлія Карловна, опасаясь, чтобы это происшествіе не произвело слишкомъ глубокаго впечатлѣнія на молодую дѣвушку, обратила все дѣло въ шутку и, смѣясь, пожурила дочь за излишнюю чувствительность.

Но Аннета инстинктивно угадала, что смѣхъ матери ея не искрененъ; ей даже было немножко досадно, что Юлія Карловна обращала въ шутку происшествіе, которое ей казалось чрезвычайно важнымъ и, въ первый разъ въ жизнь свою, молодая дѣвушка въ собственномъ умѣ и не прибѣгая къ матери, стала искать рѣшенія этой задачи, бросившей первую тѣнь въ существованіе, дотолѣ свѣтлое, ясное.

Весь гнѣвъ Юліи Карловны готовъ былъ обрушиться на Федора Ивановича, но онъ отклонилъ бѣду, взявъ всю вину на себя и давъ слово, что впередъ либо совсѣмъ не будетъ давать маскарардовъ, либо будетъ заставлять гостей снимать маски въ прихожей.

Такимъ образомъ миръ и тишина опять наступили въ домъ доктора.

Двѣ недѣли спустя послѣ Нового года, Федоръ Ивановичъ обѣдалъ съ женою и дочерью, когда слуга доложилъ ему, что его немедленно просятъ къ Александру Матвѣевичу Тучинову.

Федоръ Ивановичъ, порядочный лакомка, слегка насупилъ брови, потому-что жена только что подала ему грудинку и поджаренное крылышко жирной, сочной пулярки. Минутная нерышимость, слѣдствіе борьбы долга съ голодомъ, выразилась на лицѣ его; потомъ, не отвѣчая ни слова слугѣ и не трогаясь съ мѣста, онъ принялся уплетать грудинку.

— Вы забыли вишни, папа, сказала Аннета, подавая отцу салатникъ съ вишнями въ укусу.

— Въ самомъ дѣлѣ, съ неудовольствіемъ возразилъ Федоръ Ивановичъ, — покоя не даютъ....

— Кто боленъ у Тучиновыхъ? спросила Юлія Карловна.

— Никто не боленъ! отвѣчалъ докторъ: опять какой-нибудь новый капризъ....

— Такъ тебѣ не зачѣмъ торопиться....

— Разумѣется! и не буду торопиться, отвѣчалъ Федоръ Ивановичъ, уплетая крылышко съ поспѣшностью, противорѣчившею словамъ его.

Не теряя болѣе словъ, Федоръ Ивановичъ сложилъ косточки на край тарелки, обмакнулъ мякишъ хлѣба въ оставшейся на тарелкѣ соусъ, потомъ налилъ себя лафита, опорожнилъ рюмку, полоща ротъ каждымъ глоткомъ и пощелкивая языкомъ, и всталъ, утираясь салфеткой.

— Какое пирожное? спросилъ онъ, бросивъ печальный взглядъ на жаркое, съ которымъ неохотно расставался.

— Слоёные пирожки съ вареньемъ, отвѣчала хозяйка.

— Оставьте мнѣ два или три пирожка; я съѣмъ ихъ съ кофе, сказалъ Федоръ Ивановичъ; да чтобы кофе не простылъ; я сейчасъ вернусь....

И, выпивъ еще рюмку вина, докторъ поспѣшно удалился.

Перейдя черезъ улицу, онъ поднялся до втораго этажа противоположнаго дома и позвонилъ.

— Кто боленъ? спросилъ онъ слугу, отворившаго дверь.

— Барыня, пожалуйста, я доложу.

Лакей повелъ Федора Ивановича по корридолу, отворилъ въ концѣ его дверь въ дѣвичью и вельѣлъ одной изъ служанокъ доложить барынь, что пришелъ-молъ дохтуръ.

Минуту спустя Федоръ Ивановичъ вошелъ въ спальню Катерины Васильевны Тучиновой.

Несмотря на множество драгоценныхъ бездѣлушекъ, комната эта имѣла мрачный видъ. По странной прихоти хозяйки, обои, занавѣсы, бархатныя подушки мебели и даже коверъ были фиолетоваго цвѣта, различные отътки котораго, смотря по матеріи, разрушали однообразіе и безвкусіе, въ которомъ съ перваго взгляда можно бы обвинить хозяйку. Фарфоровыя вазы, хрусталь, изящныя статуэтки прекрасно отдѣлялись отъ темныхъ обоевъ съ нѣжными, сребристыми украшениями. Въ глубинѣ комнаты находился альковъ; опущенные, между двумя полированными колоннами, занавѣсы скрывали кровать.

Занавѣсы оконъ были также опущены; на красивой лампѣ былъ, кромѣ стекляннаго шара, опущенъ колпакъ, и фиолетовая тѣнь, подобно южнымъ сумеркамъ, покрывала все предметы, что придавало комнатѣ еще болѣе грустный, унылый видъ.

На диванѣ лежала женщина въ бѣломъ пенуарѣ, связанномъ около шеи черной, шелковой ленточкой; на головѣ у нея былъ утренній батистовый чепчикъ, обшитый кружевами.

Ей казалось не болѣе тридцати двухъ лѣтъ; блѣдныя щеки ея были впалы; черныя глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ посреди коричнево-синевадыхъ ободовъ, углублявшихъ ихъ; руки ея были бѣлы, аристократически нѣжны; но по временамъ, при малѣйшемъ волненіи, синевадыхъ жилы, пересѣкавшія ихъ, надувались; пальцы были такъ худощавы, что въ очеркахъ ихъ явственно обрисовывались кости составовъ.

Предъ диваномъ стоялъ столикъ; на немъ, на серебряномъ подносіи, графинъ, стаканъ, хрустальная сахарница и колокольчикъ.

Федоръ Ивановичъ вошелъ на цыпочкахъ, поставилъ шляпу на стулъ и подошелъ къ дивану.

— Стулъ, сказала больная служанкѣ.

Послѣдняя исполнила приказаніе госпожи.

— Стулай, сказала больная.

Горничная ушла, а докторъ сѣлъ возлѣ дивана.

— Что съ вами? спросилъ Федоръ Ивановичъ.

— Мнѣ очень дурно.

Докторъ подулъ въ руки, потеръ ихъ, чтобы согрѣть, и сталъ щупать пульсъ больной, опустивъ глаза и протирая подбородокъ.

— Гм! произнесъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Сердце мое бьется такъ сильно, что я слышу каждый ударъ....

— Гм! гм! повторилъ докторъ.

— Малѣйшій шумъ заставляетъ меня вздрагивать....

— Нервы раздражены.

— По временамъ невыразимая боязнь овладѣваетъ мною; мнѣ становится страшно.... я боюсь пошевелинуться.... не смѣю даже позвать горничную....

— Такъ, такъ!

— Мнѣ скучно... мнѣ грустно!... произнесла больная, зарыдавъ и закрывъ лицо обѣими руками.

Докторъ посмотрѣлъ на нее съ состраданіемъ и, нѣсколько наклонившись къ ней, сказалъ:

— Простите мнѣ нескромный вопросъ.... Но чтобы съ пользой лечить нѣкоторыя болѣзни, признаки которыхъ болѣе проявляются въ моральномъ, нежели въ физическомъ разстройствѣ, врачъ долженъ употреблять все свое стараніе, чтобы дойти до настоящихъ источниковъ этого разстройства....

— А если, несмотря на все свои усилія, онъ не откроетъ ихъ? спросила больная, глаза которой сверкнули.

— Это можетъ произойти только отъ упорства больного; въ такомъ случаѣ честный, добросовѣстный врачъ долженъ объявить ему прямо, что отказывается лечить его.

Катерина Васильевна помолчала минуту, потомъ спросила небрежно:

— О чемъ же вы хотѣли спросить меня?

— Горестъ, печаль, тоска и другія тягостныя ощущенія

души, сосредоточивая, так сказать, силы периферии в центр, поражают опасныя болѣзни, лучшимъ средствомъ противу которыхъ можетъ быть только устраненіе причинъ тягостнаго, душевнаго ощущенія....

— Стало быть, вы думаете, что у меня есть тайное горе? спросила больная, странно улыбувшись.

— Не думаю, а спрашиваю, отвѣчалъ докторъ, пожавъ плечами.

Катерина Васильевна промолчала нѣсколько секундъ, пожала плечами и, улыбувшись, сказала:

— Какъ вы странны, Федоръ Ивановичъ....

Докторъ слегка насупилъ брови. Если она меня позвала только для того, чтобы сказать, что я страненъ, такъ лучше бы оставила меня спокойно докончить пулярку.

— Какъ вы странны, повторила больная, неподвижно устремивъ глаза впередъ,—о чемъ мнѣ грустить? Посудите сами.

— Конечно, но....

— Я богата; мужъ не отказываетъ мнѣ даже въ прихотахъ....

— Да, да!

— Я молода, следовательно свѣтскія удовольствія имѣютъ еще для меня цѣну....

— Справедливо, но, сколько мнѣ извѣстно, вы отказываетесь отъ этихъ удовольствій; вы вѣчно одна, рѣдко выѣзжаете, не имѣете развлеченій и — простите мнѣ, — но вотъ, можетъ быть, причина тоски, которую я, по неволѣ, долженъ назвать неосновательною.

— А почему не хотите вы допустить, что тоска, которую вы называете неосновательною, заставляетъ меня отказываться отъ развлеченій?

— Объясните мнѣ причину этой тоски, и я, можетъ-быть, соглашусь съ вами.

— Помогите мнѣ найти эту причину.

— Извольте: не огорчаютъ ли васъ дѣти?...

— О нѣтъ, нѣтъ! съ судорожнымъ движеніемъ вскричала больная. Я совершенно счастлива въ своемъ семействѣ!...

Дѣти мои здоровы, кротки.... Мужъ мой.... благородный человекъ.... я счастлива съ нимъ, я предана ему всею душою, продолжала Катерина Васильевна съ лихорадочнымъ жаромъ: я готова отдать за него жизнь свою!...

— Прекрасно, съ чувствомъ возразилъ докторъ: супругъ вашъ заслуживаетъ эту любовь, потому-что и онъ живетъ только для васъ и для своихъ дѣтей!...

Улыбка, исполненная неизвѣстной, неумовимой грусти, выступила на страдальческомъ лицѣ больной.

— Впрочемъ, вы знаете это лучше меня, добродушно прибавилъ Федоръ Ивановичъ.

— Да, да, отвѣчала Катерина Васильевна задумчиво: вы не видались съ моимъ мужемъ сегодня?

— Нѣтъ.

— Не встрѣтили его, когда шли сюда?

— Нѣтъ; Александръ Матвѣвичъ, втроятно, обѣдаетъ.... а какъ вашъ аппетитъ?

— Да, да, онъ обѣдаетъ, сказала больная съ волненіемъ: онъ обѣдаетъ! повторила она дрожащимъ голосомъ; докторъ, помогите мнѣ встать.... я пойду къ столу.... у меня пробудился аппетитъ.... я голодна....

Экая капризная! подумалъ Федоръ Ивановичъ.

Катерина Васильевна судорожно позвонила.

— Гдѣ Александръ Матвѣвичъ? спросила она вошедшую горничную.

— Кушаютъ-съ.

Больная скоро поднялась.

— Дѣти съ нимъ? спросила она.

— Съ нимъ-съ.

— А.... а.... больше никого нѣтъ? спросила Катерина Васильевна едва слышнымъ голосомъ.

— Два гостя обѣдаютъ-съ.

— А! произнесла больная, какъ будто бы великая тяжесть спала съ груди ея. Хорошо, сказала она, ласково кивнувъ головою горничной.

— Намъреніе ваше идти въ столовую, сказалъ докторъ, было неблагоразумно....

— Вы видите, я остаюсь.

— Это очень хорошо, но я бы посоветовалъ вамъ скушать тарелку бульона....

Катерина Васильевна отрицательно покачала головой.

— У меня нѣтъ аппетита, отвѣчала она.

— женщины, женщины! подумалъ Федоръ Ивановичъ.

— Докторъ, продолжала молодая женщина: я думаю, что болѣзнь моя происходитъ отъ излишней раздражительности нервовъ, и что не болѣзнь слѣдствіе грусти, а скорѣе послѣдняя проистекаетъ изъ физическаго разслабленія.... Пропишите мнѣ что-нибудь подкрѣпляющее....

— Вы, разсуждаете точно ясновидица, отвѣчалъ докторъ, улыбаясь: именно, вамъ нужно что-нибудь тоническое.... и вмѣстѣ съ тѣмъ моціонъ, моціонъ и моціонъ! Ржавчина садится въ организмъ, остающійся въ бездѣйствіи.... Моціонъ и развлеченіе, ваше превосходительство!

Съ этими словами, Федоръ Ивановичъ сѣлъ къ красивому письменному столу чорнаго дерева съ перламутровыми, вставными украшеніями; отрезавъ ножницами узкую полосу бумаги, уравнилъ ее, поднялъ колпакъ лампы, потомъ обмакнулъ перо въ чернила, подумалъ нѣсколько секундъ и сталъ писать.

— Докторъ, спросила Катерина Васильевна: советуете ли вы мнѣ ѣхать сегодня въ театръ?

О судьба! подумалъ докторъ: благодарю тебя, что ты даровала мнѣ Юлію Карловну!..— Можно, прибавилъ онъ вслухъ и продолжая писать: только надо знать, что сегодня дають; если водевилл, такъ побѣжайте съ Богомъ; но ни въ оперу, ни на трагедію или драму не советую вамъ ѣхать.... Вообще избѣгайте сильныхъ ощущеній.... По столовой ложкѣ черезъ два часа, сказалъ онъ, посылая рецептъ пескомъ.

— Потрудитесь опустить колпакъ на лампѣ, сказала Катерина Васильевна.

Докторъ исполнилъ желаніе ея.

— Благодарю, сказала она: стало быть, вы убѣждены, докторъ, что моя болѣзнь не опасна?

— Нимало, слѣдуйте моимъ наставленіямъ и вы совершенно поправитесь....

— Докторъ, сказала Катерина Васильевна, стыдливо опустивъ глаза: неужели медицина не придумала средства....

Она замолчала.

Кофе мой простынетъ! подумалъ Федоръ Ивановичъ. Какого средства? спросилъ онъ вслухъ.

— Посмотрите, какъ я худощава, отвѣчала Катерина Васильевна тихимъ голосомъ и обнаживъ до локтя блѣую, нѣжную, но чрезвычайно худощавую руку.

— Ага, понимаю! сказалъ докторъ, улыбаясь: примаго средства, нѣтъ, тѣмъ болѣе, ваше превосходительство, что нѣкоторые индивидуумы вовсе не расположены къ коррупціи....

— Но я была полна, а теперь.... остались одни кости, возразила Катерина Васильевна съ неизъяснимою грустью.

— Моціонъ и развлеченіе! отвѣчалъ докторъ, пожавъ плечами.

— Въ мои лѣта грустно.... начала говорить Катерина Васильевна, но вдругъ замолчала.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги.

— Не предавайтесь печальнымъ размышленіямъ; бѣгите уединенія, какъ только замѣтите, что вами начинается овладѣвать необъяснимая тоска, отвѣчалъ докторъ, посмотрѣвъ на часы и вставая: и будьте увѣрены, что вы опять разцветете, пополните....

Шаги приближались. Большая прислушивалась къ нимъ, и лицо ея прояснилось....

— Одѣнитесь, ваше превосходительство, и побѣжайте въ театръ; посмѣйтесь хорошенько и — не забудьте принимать прописанное лекарство по столовой ложкѣ, черезъ два часа....

— Непременно, непременно, отвѣчала больная, съ живостию схвативъ со стола какую-то книгу и спрятавъ ее подъ подушку.

— Прощайте, ваше превосходительство.

— Прощайте, отвечала Катерина Васильевна едва слышным голосомъ, потому-что шумъ шаговъ прекратился....

Въ соседней комнатѣ Федоръ Ивановичъ встрѣтилъ мужчину высокаго роста, лѣтъ сорока восьми, стройнаго, полнаго; черты прекраснаго лица его были благородны, почти величественны, но въ эту минуту выраженіе ихъ было печально.

Онъ, по-видимому, остановился въ нерѣшимости въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери въ спальню, закинувъ руки на спину, подъ полъ сюртука.

Появленіе Федора Ивановича заставило его скоро поднять голову.

— А, Федоръ Ивановичъ! сказалъ онъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ: что жена?

— Ничего, отвечалъ докторъ, улыбаясь: маленькая индиспозиція, раздраженіе нервовъ....

Александръ Матвѣвичъ покачалъ головою.

— Бѣдная Катерина Васильевна, сказалъ онъ: я бы отдалъ нѣсколько лѣтъ своей жизни, чтобы возвратить ей здоровье.... Тяжко, Федоръ Ивановичъ, тяжко! прибавилъ Александръ Матвѣвичъ, приложивъ руку ко лбу.

— Нужно больше развлеченія.

— Да я ей это безпрестанно твержу.... я даю ей полную свободу выѣзжать, выходить, когда и куда ей хочется.... А она ни на шагъ изъ дому!

— Я надѣюсь, что это переменится, отвечалъ докторъ съ добродушно-лукавою улыбкой: я такъ пожурилъ Катерину Васильевну, что она сегодня же хочетъ ѣхать въ театръ....

— Сегодня? въ театръ? повторилъ Александръ Матвѣвичъ съ едва замѣтной, горькой усмѣшкой.

— Да, да, сегодня! съ торжествующимъ видомъ подтвердилъ докторъ.

— Гм!... благодарю, докторъ; прощайте, сказалъ Александръ Матвѣвичъ отрывисто.

— Прощайте.... не обращайтесь вниманія на маленькіе

капризы.... нервы раздражены.... будьте снисходительны....

— Капризы не беспокоятъ меня, Федоръ Ивановичъ; они, напротивъ, служатъ мнѣ средствомъ доказывать Катеринѣ Васильевнѣ мою привязанность.... но я страшусь апатіи, въ которую она иногда впадаетъ, и противъ которой безсильны увѣщанія, ласки....

— Пройдетъ, пройдетъ! отвечалъ докторъ, покачивая головою.

— Отъ души желаю, не столько для себя, сколько для нея, сказалъ Александръ Матвѣвичъ со вздохомъ и, кивнувъ головою доктору, пошелъ въ спальню.

— Благороднѣйшій человекъ! произнесъ про себя Федоръ Ивановичъ и, ускоривъ шаги, прибавилъ: надѣюсь, что Юлія Карловна не напилась безъ меня кофе....

Въ залѣ рѣзвились дѣти: двѣ миленькія дѣвочки, двѣнадцати и десяти лѣтъ и шестилѣтній мальчикъ. Гувернантка-француженка, роскошная двадцати-четырёхлѣтняя красавица, прохаживалась взадъ и впередъ по залѣ, читая какой-то новый, французскій романъ.

Рѣзвившійся мальчикъ чуть не сбилъ съ ногъ Федора Ивановича, дѣвочки присѣли, а гувернантка кивнула головою съ гордостью, которая въ ея званіи равнялась дерзости.

Четверть часа спустя Федоръ Ивановичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ мягкомъ креслѣ на рессорахъ и, сложивъ руки на колѣняхъ, полузакрывъ глаза, медленно и съ наслажденіемъ знатока, курилъ настоящую гаванскую сигару.

ГЛАВА VIII.

Припадокъ ревности.

Сильно забилось сердце Катерины Васильевны, когда драпировка у двери распахнулась и въ спальню вошелъ мужъ ея.... Она чуть не вскрикнула отъ радости, но удержалась.

жалась и, закрыв глаза, не приподняла даже головы съ подушки.

Александръ Матвѣвичъ тихо подошелъ къ дивану, свѣлъ на стулъ, оставленный докторомъ, и взялъ руку жены.

— А, это вы, Александръ Матвѣвичъ, сказала она, полураскрывъ глаза: я думала, что не увижу васъ сегодня....

— Катенька, другъ мой, ты несправедлива, съ кротостию возразилъ мужъ: я освѣдомлялся сегодня утромъ о твоёмъ здоровьи, передъ отъездомъ, потомъ....

— Александръ Матвѣвичъ, я никогда не требовала отъ васъ отчета въ вашихъ поступкахъ.

Наступило минутное молчаніе.

— Тебѣ сегодня хуже, другъ мой? спросилъ Александръ Матвѣвичъ.

— Почему вы это думаете?

— Ты посылала за докторомъ.

— Мнѣ было дурно; но теперь легче.... теперь я совсѣмъ здорова....

— Рука твоя горитъ, Катенька....

Катерина Васильевна насмѣшливо посмотрѣла на мужа.

— Я больна, не правда ли?... Я при смерти?...

— Ты нездорова, другъ мой.

— Конечно, конечно! взволнованнымъ голосомъ и приставъ на диванъ, вскричала Катерина Васильевна; я нездорова, я должна сидѣть дома.... Докторъ, вѣроятно, сказалъ вамъ, что я намѣрена ѣхать сегодня въ театръ?

— Сказалъ, спокойно отвѣчалъ мужъ.

— А вы, какъ заботливый, попечительный мужъ, находите, что мнѣ нельзя выѣзжать....

— Напротивъ; поезжай.

— Поезжай? Развѣ вы раздумали сами ѣхать?

— А кто тебѣ сказалъ, что я хотѣлъ ѣхать? спросилъ мужъ, слегка насупивъ брови.

Катерина Васильевна опустила глаза.

— Надинька, отвѣчала она послѣ краткаго молчанія.

— Катерина Васильевна, сказалъ мужъ строгимъ голосомъ: Надинькѣ двѣнадцать лѣтъ.

— Такъ что же?

— Въ дѣвочкахъ рано развивается смѣтливость.

— Я васъ не понимаю, возразила Катерина Васильевна, не смотря на мужа.

— Я просилъ васъ и опять прошу не допрашивать дѣтей....

— Развѣ я допрашивала? тихимъ голосомъ сказала молодая женщина: вы обрадовали дѣтей, общавъ имъ свѣзти ихъ сегодня на балетъ, въ которомъ играютъ воспитанники театральнаго школы....

— Вы знаете всѣ подробности, съ горечью произнесъ мужъ.

— Дѣти болтливы.

— Особенно, когда ихъ допрашиваютъ.

— Повторяю вамъ, что я ихъ не допрашивала! съ досадою вскричала Катерина Васильевна: кому дѣтямъ сообщать свои радости, какъ не матери?... А я мать, Александръ Матвѣвичъ! я никому не уступлю обязанностей и преимуществъ этого священнаго званія....

— Вы, кажется, съ утра не видали дѣтей... иронически сказалъ мужъ.

— Нѣтъ, не видала, отвѣчала жена сухо, отрывисто.

Опять наступило молчаніе.

— Изъ залы до спальни доходили отрывистые звуки рояля.

— Вы поѣдете въ театръ? спросила Катерина Васильевна.

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Въ каретѣ мѣста не будетъ.

— Вы, я, да дѣти.

— А мадамъзель Фаваржѣ?

— Она можетъ остаться дома.

— Это невѣжливо, другъ мой.

— Какія церемоніи съ дочерью раззорившагося лавочника! презрительно возразила Катерина Васильевна.

— Мадмоазель Фаваржэ у насъ въ домѣ не дочь раззорившагося лавочника, какъ вы говорите, а воспитательница нашихъ дѣтей.

— Къ сожалѣнію!...

Александръ Матвѣевичъ всталъ.

— О, останься, Александръ, останься! вскричала Катерина Васильевна умоляющимъ голосомъ и схвативъ руку мужа. Прости мнѣ... я сама не знаю, что говорю... я больна, я страдаю, я несчастна!...

Последнія слова подобно воплю отчаянія вырвались изъ груди молодой женщины, и она зарыдала.

— Другъ мой, ты забываешь... сказалъ Александръ Матвѣевичъ тихимъ голосомъ и указавъ рукою на дверь въ дѣвичью.

— Ничего, ничего... возразила Катерина Васильевна, заглашая платкомъ рыданія: я не буду... не буду плакать... я спокойна... Прости мнѣ, Александръ; дай мнѣ руку... Ты не сердись... не правда ли, ты не сердись на меня? сказала она, лаская костлявою рукою связую, полную щеку мужа.

Александръ Матвѣевичъ поцѣловалъ руку жены.

— Прости мнѣ, Александръ, продолжала она: но я страдаю, невыразимо страдаю... Не говори, не прерывай меня, прибавила она поспѣшно, зажавъ мужу ротъ рукою: я напередъ знаю, что ты отвѣтишь мнѣ, и боюсь, чтобы слова твои не разсѣяли счастья, которое я теперь ощущаю!... Ты добръ, Александръ, ты благороденъ, послушай же меня... позволь душѣ моей выплакаться передъ тобою и ты, можетъ-быть, сжалятся надо мной!...

— Успокойся, другъ мой; малѣйшее волненіе можетъ повредить тебѣ... Изволь, Катенька, я поѣду съ тобою въ театръ; я велю заложить сани!...

— Я не могу ѣхать въ театръ; я больна! отвѣчала Катерина Васильевна.

Мужъ пожалъ плечами, вздохнувъ изъ глубины души.

— Я больна, Александръ, я умираю съ горя!... О, поверь мнѣ, это не пустая фраза: я умираю съ горя, потому-

что одни нравственные страданія разстроили мое здоровье. Слова доктора убѣдили меня въ томъ. Больше года я провожу ночи безъ сна, въ слезахъ, въ отчаяніи. . Сколько разъ прижимала я подушку ко рту, чтобы заглушить рыданія!... Эти безсонныя ночи раздражали мои нервы, произвели воспаменіе въ груди... Никакія физическія попеченія и средства не останавливаютъ дѣйствія болѣзни... она сведетъ меня въ гробъ, если нравственные причины ея не будутъ уничтожены!...

— Упорство, безразсудство, раздражительность... вотъ причины зла! сказалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Да, да, печально возразила молодая женщина: я знаю, что я одна виновата... Но скажи, Александръ, что мнѣ дѣлать?...

— Будь весела, доверчива!...

— Весела? О, Александръ, ты имѣлъ бы полное право презирать меня, если бъ съ такими невыносимыми страданіями, я могла притворяться веселою, любезною... За спокойствіе, которое я иногда показываю передъ свѣтомъ, и дорого расплачиваюсь въ уединеніи, потому-что это спокойствіе стоить мнѣ невозможныхъ усилій!... Сколько разъ покидала я общество, внезапно, неожиданно, потому только, что не могла долѣе удерживать рыданій, раздиравшихъ грудь мою!... Доверчива?... Другъ мой, не болѣе полугода тому, я думала, что ты любишь меня и что холодность твоя ко мнѣ была вынуждена моею вспыльчивостью, моими подозрѣніями; я думала, что ты самъ страдалъ, наказывая меня... О, какъ эта мысль была успокоительна!...

— Зачѣмъ же ты не сохранила этой мысли? Зачѣмъ не послѣдовала совѣту, который она, вѣроятно, внушила твоему сердцу?...

— Зачѣмъ? повторила Катерина Васильевна дрожащимъ голосомъ: Александръ, въ теченіе полугода я постепенно разочаровалась; я поняла, что тотъ не любитъ, кто съ такимъ упорствомъ противится мольбамъ жены, съ такою жестокостью пренебрегаетъ страданіями ея... я поняла, что тотъ не любитъ, кто удаляется отъ своей жены!...

— Не ты ли сама, другъ мой, отталкивала меня отъ себя своею... мнительностію, своими безразсудными обвиненіями?

— Я и не виню тебя, Александръ; ты часто повторялъ мнѣ, что у меня дурной, заносчивый характеръ; теперь я и сама убѣдилась въ томъ... Притомъ же, я вижу, что теряю всѣ качества, которыя ты нѣкогда любилъ во мнѣ... Силы мои слабѣютъ, характеръ мой становится невъисосимымъ, умъ тупѣетъ, энергія исчезаетъ... Скоро и слѣдовъ не останется того, что ты нѣкогда называлъ моею красотою... Щеки мои поблѣднѣли, впали... Я не смѣю болѣе открывать шеи, — и съ этими словами Катерина Васильевна съ грустнымъ кокетствомъ опустила пеньюаръ съ плечъ, близна и нѣжныя, хотя и не полныя формы которыхъ противурѣчили словамъ ея.

Мгновеніе крѣпилась бѣдная женщина... потомъ болѣзненно, судорожно зарыдала.

Александръ Матвѣевичъ всталъ и грозно указавъ на дверь въ дѣвичью.

Катерина Васильевна задрожала, съ умоляющимъ видомъ протянула руки къ мужу и такъ крѣпко стиснула зубами нижнюю губу, что на ней выступила капля крови.

Явственно долетали въ спальню звуки рола.

— Прикажете ей перестать! произнесла Катерина Васильевна рѣзкимъ голосомъ и зажавъ уши руками.

Александръ Матвѣевичъ всталъ и отворилъ дверь въ дѣвичью.

— Скажи дѣтямъ, чтобы они пошли одѣваться, сказалъ онъ горничной.

Катерина Васильевна скоро встала и хотѣла схватить колокольчикъ, но рука ея такъ дрожала, что она долго не могла схватить его.

Замѣтивъ сверкающій взглядъ молодой женщины, мужъ остановилъ руку ея.

— Что вы хотите дѣлать? спросилъ онъ.

— Я хочу приказать ей, ей самой, чтобы она перестала играть! вскричала Катерина Васильевна дрожавшимъ голосомъ.

— Это не нужно... слышите? она перестала.

— А я хочу... я хочу, говорила Катерина Васильевна, стараясь высвободить свою руку.

— Катенька, съ той минуты, когда адская, нестерпимая жизнь, которую мы ведемъ, перестанетъ быть тайной, съ той минуты мы разлучимся навсегда...

Молодая женщина опустила руки и дико, безсмысленно взглянула на мужа.

— А! произнесла она голосомъ, выражавшимъ сильную, внутреннюю борьбу: этими словами ты нанесъ мнѣ послѣдній, рѣшительный ударъ!...

Александръ Матвѣевичъ поклонился женѣ и молча пошелъ къ двери.

— Оставайтесь, Александръ Матвѣевичъ! повелительно вскричала молодая женщина, быстро вставъ и гордо откинувъ назадъ голову.

Мужъ ея не отвѣчая откинулъ уже одну половину драпировки у двери.

— Оставайтесь! повторила громкимъ голосомъ Катерина Васильевна, — или я сама буду требовать разлуки, которою вы грозите мнѣ!

Александръ Матвѣевичъ задрожалъ, судорожно и съ глубокимъ вздохомъ прижалъ руку ко лбу; потомъ вернулся къ женѣ и, скрестивъ руки на груди, остановился передъ нею.

— О, Александръ Матвѣевичъ, вскричала она съ глубокимъ негодованіемъ: вы забываете, что у меня есть сердце... что всѣ святѣйшія ощущенія моего сердца уязвлены, что я страдану смертельно!...

Катерина Васильевна задыхалась... Прижавъ руку къ груди и съ трудомъ переводя дыханіе, простояла она нѣсколько секундъ неподвижно.

— Что мнѣ въ богатствѣ, въ удовольствіяхъ? продолжала она: мнѣ нужна привязанность, довѣрчивость, мнѣ нужно присутствіе мужа и дѣтей! Въ нихъ сосредоточиваются всѣ ощущенія моего сердца... Я любила наряды, когда выезжала съ тобою, Александръ, любила спектакли, когда пе-

свѣчала ихъ съ тобою. Я любила роскошь, любила общество, любила жизнь, когда раздѣляла ее съ тобою! Теперь мнѣ все опротивило... Я предпочитаю вѣсѣмъ суетнымъ удовольствіямъ уединеніе; но и въ уединеніи безъ тебя и безъ дѣтей я страдаю невыразимо!...

Слезы текли по щекамъ молодой женщины.

Искреннее состраданіе выражалось на лицѣ мужа ея.

— Ты совѣтуешь мнѣ, продолжала Катерина Васильевна: избрать въ общество подругу, сблизиться съ нею и искать утѣшенія въ дружбѣ... Но имѣю ли я, отверженная мужемъ и дѣтьми, имѣю ли я право искать дружбы женщины, живущей въ кругу законныхъ и естественныхъ обязанностей?... Гордость женщины, не измѣнившей ни разу своему долгу, не позволяетъ мнѣ искать состраданія людей постороннихъ....

Наступило молчаніе.

Александръ Матвѣевичъ не говорилъ ни слова; онъ стоялъ неподвижно, потупивъ взоръ въ полъ.

— Александръ, произнесла жена его болѣе твердымъ голосомъ и отеревъ слезы: я не хочу болѣе страдать—страданія убьютъ меня, а въ мои лѣта умирать не хочется!... Давно желаю я объясниться съ тобою, но ты всячески избѣгаешь случая оставаться со мною наединѣ... Сегодня участь наша должна рѣшиться! Выбирай между мною и ею.

— Катенька, возразилъ Александръ Матвѣевичъ глухимъ голосомъ: — я бы не колебался ни минуты, если бы подозрѣнія твои были основательны....

— Они основательны уже потому, что я страдаю.

— Это ничего не доказываетъ; уступить несправедливому требованію ослѣпленной ревности, значитъ сознаться виновнымъ....

— Такъ уступи хоть мольбамъ страдалицы!

— Какъ отецъ, я не смѣю упускать изъ виду блага дѣтей....

— А я, какъ мать, хочу вырвать дѣтей изъ когтей женщины, которую я презираю, ненавижу! вскричала Катерина Васильевна, раздраженная отказомъ мужа: вы отецъ, но я мать, первая покровительница дѣтей послѣ Бога!

— Отчего же вы не умѣли снискать привязанности вашихъ дѣтей?

Эти слова были жестоки. Смертная блѣдность покрыла лицо несчастной матери; она вся задрожала...

— Оттого, произнесла она голосомъ, походившимъ на шипѣніе: что вы оторвали отъ меня дѣтей и передали ихъ наемницѣ! Оттого что эта наемница вкрадывается въ сердца дѣтей!... А вы, Александръ Матвѣевичъ, отчего вы не умѣли снискать привязанности сына, единственного сына отъ перваго вашего брака?....

Въ свою очередь Александръ Матвѣевичъ поблѣднѣлъ....

— Катерина Васильевна, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: оставьте этотъ тягостный разговоръ... Мы кончимъ его завтра... завтра вы будете спокойнѣе....

— Нѣтъ! Завтра, либо я, либо она оставитъ этотъ домъ!

Кровь съ силою бросилась въ голову Александра Матвѣевича.

— Катерина Васильевна! сказалъ онъ задыхающимся голосомъ: вы раскаетесь въ вашихъ словахъ!

— Никогда!

— Я заставляю васъ просить прощенія у той, которую вы такъ оскорбляете своими подозрѣніями!

— Прощенія! вскричала молодая женщина въ пароксизмѣ гнѣва: о! я скорѣе раздроблю ее, какъ этотъ стаканъ!

И схвативъ съ подноса стаканъ, она бросила его на полъ.

— А! вскричалъ Александръ Матвѣевичъ съ бѣшенствомъ: вы съ ума сходите!

И онъ бросился къ женѣ, чтобы остановить руку ея, поднявшую графинъ, но не успѣлъ... Графинъ разбился въ дребезги, ударившись о полъ.

Глаза Катерины Васильевны закрылись, и она безъ чувствъ опустилась на диванъ.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди мужа. Онъ позволилъ.

Вошла горничная.

— Кто поставилъ здѣсь графинъ? спросилъ строгимъ голосомъ Александръ Матвѣевичъ.

— Барыня приказали-съ... робко отвѣчала горничная.

— Барыня не приказала тебѣ ставить его на самый край... я нечаянно задѣлъ за столъ, и графинъ, и стаканъ слетѣли на полъ... Собери скорѣе осколки, глупая, да подай одеколонъ!

И съ нѣжною заботливостью сталъ Александръ Матвѣвичъ приводить жену въ чувство.

Нѣсколько минутъ спустя она открыла глаза.

— О, простите! произнесла она слабымъ голосомъ, увидѣвъ надъ собою лицо мужа.

Онъ быстро пожалъ ей руку... горничная собирала еще осколки.

— Прости мнѣ, Катенька, что я испугалъ тебя своею неосторожностью... Впередъ смотри куда ставишь! прибавилъ онъ строго, обратившись къ горничной, какъ бы для того, чтобы дать знать женѣ о присутствіи ея.

— Не брани ее... произнесла слабымъ голосомъ Катерина Васильевна.

Горничная ушла.

Молодая женщина съ жаромъ схватила обѣ руки мужа, съ любовію прижала ихъ къ своимъ губамъ и произнесла умоляющимъ голосомъ:

— Прости мнѣ, Александръ, прости!....

Три часа спустя въ Большомъ театрѣ, въ ложѣ перваго яруса, сидѣла молодая женщина, ослѣпительная красота которой служила центромъ, въ которомъ сосредоточивались лучи лорнетовъ, биноклей и жюмелей....

Рядомъ съ нею виднѣлись свѣжія, миленькія головки трехъ прелестныхъ дѣтей.

Въ глубинѣ ложи сидѣлъ мужчина въ черномъ фракѣ. Лицо мужчины располагало въ пользу его; честь и благородство выражались въ зеркаль души его....

Въ то же время въ тишинѣ, въ уединеніи своей спальни, другая молодая женщина, блѣдная, слабая, проливала слезы.

М. Фурманнъ.

(Часть вторая изъ слѣдующей книги.)

Иностранная Словесность.

ЗЕМЛЕМЪРЪ.

РОМАНЪ КУПЕРА.

(Продолженіе *).

XVIII.

Они поступили съ нимъ безчеловѣчно!
Цѣпты поблекли; но мы находимъ еще медь
на устахъ.

Куперъ.

Я находился одинъ, безоружный, посреди шести человѣкъ съ гигантскими силами. Всякая борьба съ ними была бы неумѣстна и безуспѣшна, а потому я рѣшился терпѣливо ожидать рѣшенія своей участи. Въ первыя минуты я не замѣтилъ ни въ комъ намѣренія употребить противъ меня насилие. Все семейство скоттера, молодые и старые, мужчины и женщины — обружили меня. Они смотрѣли на меня съ любопытствомъ, дур-

* См. V и VII кн. С. О. 1848 г.

гисъ презрѣнїемъ; на всѣхъ же лицахъ видно было безпокойство. Чтѣ касаетя до меня, то признаюсь откровенно, что состоянїе духа моего далеко было неспокойно. Я зналъ, что нахожусь въ рукахъ Филистимлянъ; въ глубинѣ лѣса, въ двадцати миляхъ отъ ближайшаго городка, не имѣя во всей окрестности никого знакомаго, кромѣ землемѣра; но и тотъ былъ отъ меня въ двухъ миляхъ, и конечно, не подозрѣвалъ, въ какомъ я могъ находиться положенїи. Впрочемъ, не смотря на всѣ эти неприятели, во мнѣ оставалась искра надежды.

Я не хотѣлъ, не смѣлъ думать, чтобы Онопонда, этотъ человѣкъ, душевно преданный и отцу моему и землемѣру, — былъ измѣнникъ, предатель. Эта мысль не приходила мнѣ даже въ голову. Если онъ и скрылся, то, вѣроятно, предвидя, что сквоттеры могли силой задержать его и этимъ самымъ лишить его возможности извѣстить друзей о критическомъ положенїи, въ которомъ я находился, и побудить ихъ спасти меня. Вѣроятно, эта же мысль пришла вдругъ и Мильякру, потому-что онъ, быстро окинувъ глазами вокругъ себя, вскричалъ:

— А гдѣ краснокожїй?... Скрылся! это такъ же вѣрно, какъ я честный человѣкъ! Наоанаилъ, Моисей, Данїилъ! берите карабины... бѣгите вслѣдъ за нимъ! Приведите его, если можно, живаго... въ противномъ случаѣ... да что же? однимъ Индїйцемъ больше или меньше, не велика бѣда... не велика потеря.

Вскорѣ я замѣтилъ, что правленїе Мильякра было твердо, могущественно. Достаточно было нѣсколькихъ словъ, чтобы прозвѣсти желаемое дѣйствїе. Едва произнесъ онъ свое повелѣнїе, какъ всѣ трое, Наоанаилъ, Моисей и Данїилъ, бросились бѣжать отъ хижины по тремъ различнымъ направленїямъ; у каждаго изъ нихъ было по длинному охотничьему карабину. Это оружіе, по силѣ своей, совершенно отличное отъ того, какое употребляется въ нашей арміи, было въ опасныхъ, страшныхъ рукахъ; каждый изъ этихъ молодыхъ людей владѣлъ имъ съ самаго дѣтства; порохъ, ромъ, немного свинцу, — вотъ единственныя почти издержки, которыя они позволяли себѣ. Я трепеталъ за Сукуузуса. Впрочемъ, онъ долженъ былъ ожидать погони за собой, и къ тому же, онъ такъ искусно, такъ ловко умѣлъ скрывать свои слѣды, что въ этомъ случаѣ совершенно оправдывалъ прозванїе Безслѣднаго. Однако, я не переставалъ внутренно молиться за моего друга.

— Введите этого человѣка въ домъ, сказать твердымъ голо-

сомъ старикъ Мильякръ окружавшимъ его, когда сыновья его скрылись изъ виду. Введите его въ большую комнату. А! такъ вы прокуроръ. Посмотримъ, нуженъ ли намъ здѣсь прокуроръ.

Говоря это, сквоттеръ пошелъ къ дому. Войдя въ комнату, онъ важно усѣлся. Женщины и ребятишки стали за нимъ полукругомъ. Я видѣлъ, что всякое сопротивленїе было бесполезно, а потому, по знаку, сдѣланному мнѣ Зефаномъ, я послѣдовалъ за нимъ. Трое мальчишекъ помѣстившись въ дверяхъ, какъ бы составляя стражу. Это было настоящее судейское собранїе, въ которомъ Мильякръ представлялъ лицо судьи, а я обвиненнаго.

— А! такъ вы прокуроръ! сказалъ новый судья, который, казалось, былъ болѣе взбѣшенъ не тѣмъ, чѣмъ я былъ дѣйствительно, но тѣмъ, что ему издумалось мнѣ приписывать. Не шумѣть! закричалъ онъ дѣтямъ. Тебѣ, сказалъ онъ, обратясь къ старшему своему сыну, двадцати-шестилѣтнему колоссу, — ты судейскїя дѣла лучше всѣхъ насъ знаешь, ведика дѣло. Помнишь ли въ то время, когда ты съ своимъ прїятеlemъ отъправился изъ Вермонта за баранами?... Они поймали васъ, какъ же они взялись за дѣло?

— Я былъ отведенъ къ судѣ, который приказалъ мнѣ рассказать все, какъ было, потомъ спросилъ, что я могу принести въ оправданїе, — и до рѣшенїя дѣла отослалъ меня въ тюрьму. Что было потомъ... не стоить говорить... мы помнимъ это.

Я отгадывалъ рѣшенїе суда. Оно было не совсѣмъ прїятно для Тебѣ, что и заставило его молчать. Въ то время было обыкновенїе, всѣхъ похитителей барановъ привязывать къ позорному столбу и бить хлыстами; каждый изъ воровъ получалъ не менѣе полсотни ударовъ. Къ сожалѣнїю, въ настоящее время, образовалось общество такъ называемыхъ филантроповъ, которые, желая преобразовать мошенниковъ, но увлекаясь ложными своими понятїями и невѣднїемъ, болѣе споспѣшествуютъ своимъ ученикамъ, чѣмъ ограждаютъ истинно честныхъ людей. Нѣкоторые изъ этихъ реформаторовъ успѣли уже уничтожить позорные столбы, предпочитая имъ тюремное заключенїе. Дѣти наши почувствуютъ слѣдствїя этой ложной филантропїи. Я увѣренъ, что одинъ позорный столбъ водворилъ бы гораздо болѣе порядка, чѣмъ сотни тюремъ, съ своими двадцати или тридцати-дневными заключенїями. Но возвратимся въ аудїенцъ-залу и послушаемъ судью.

— Да, да, ... не къ чему говорить, что было потомъ, сказалъ Мильакръ, мы знаемъ, что знаемъ... И такъ, ты былъ представленъ въ магистратъ, такъ ли?... Судья отослалъ тебя въ тюрьму; но прежде онъ спросилъ тебя, что ты могъ сказать въ свою пользу. Это очень справедливо, какъ нельзя болѣе законно. Я непременно поступлю теперь точно такъ же. И такъ, молодой прокуроръ, что вы скажете мнѣ, а?

Будучи одинъ, во власти этихъ невѣждъ, я рѣшился однако воспользоваться случаемъ и по возможности разсѣять ихъ позоръ относительно меня.

— Прежде всего позвольте мнѣ замѣтить, отвѣчалъ я, что вы очень ошибаетесь на счетъ меня. Я не сказалъ вамъ ни слова о прокурорѣ, но говорилъ о порученіи, которое имѣлъ я отъ моего отца. Повторю, я ни законникъ, ни прокуроръ.

Казалось, это объясненіе произвело довольно сильное вліяніе на все собраніе; негодованіе замѣтно ослабѣвало. Мнѣ кажется, если не ошибаюсь, что Лавинія сказала даже едва слышнымъ голосомъ, и съ выраженіемъ радости: «Я была увѣрена, что онъ не прокуроръ!» Что же касается до Тоби, то его дикій и грозный видъ принялъ болѣе спокойное выраженіе, по крайней-мѣрѣ въ ту минуту. Однимъ словомъ, положеніе мое замѣтно улучшилось.

— А! такъ вы не прокуроръ? вскричалъ Мильакръ;... но правда ли это?

— Я вамъ сказалъ уже, что я сынъ генерала Литтльпеджа, и что имѣю порученіе отъ него и отъ полковника Фоллока, который владѣетъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, обривизовать эти земли, продать или отдать ихъ въ арендное содержаніе; короче, я уполномоченъ дѣлать съ этими землями все, что найду лучшимъ, выгоднѣйшимъ.

Эта откровенность сгубила меня; я снова потерялъ то расположеніе слушателей, до котораго успѣлъ на минуту ихъ довести; но что бы ни случилось, я рѣшился говорить правду.

— Къ чему онъ сказалъ это! тихо проговорила Лавинія.

Строгий взглядъ Пруденціи заставилъ Лавинію замолчать.

— Ревизоръ или прокуроръ, одно и то же! сказалъ сквоттеръ. Вы говорите, что вы сынъ генерала Литтльпеджа, — и это также одно и то же. Если бы мой старшій сынъ Тоби попалъ въ руки нѣкоторыхъ людей, которыхъ я не назову, то навѣрное его помучили бы точно такъ же, какъ и меня. Вы

сказали, что эти земли принадлежатъ также и полковнику Фоллоку, — почему же этотъ генералъ выдаетъ себя за владѣльца?

Видя, что сквоттеръ хочетъ дѣлать одинъ лишь пустыя придирки, и увѣренный, что онъ очень хорошо понималъ все сказанное мною, — я не отвѣчалъ.

— Что же?... будете ли вы отвѣчать? вскричалъ Мильакръ, съ возрастающимъ гнѣвомъ.

— Я сказалъ, что этими землями владѣетъ не одинъ мой отецъ; что онѣ принадлежатъ также и полковнику Фоллоку, — а потому онѣ и нераздѣльны.

— Нераздѣльны!... Гмъ!... Каково онъ знаетъ все судейскія выраженія, Тоби!... а вздумалъ еще увѣрять, что онъ не прокуроръ!

— Онъ такъ и смотритъ прокуроромъ, отвѣчалъ старшій сынъ сквоттера, достойный наследникъ всѣхъ качествъ отца своего.

— Хорошо. Мы научимъ его говорить! Ну, теперь мы знаемъ все дѣло. Я спрашивалъ его, и онъ говорилъ, сколько ему угодно было. Дѣло приведено въ ясность, какъ говорятъ, не правда ли, Тоби? Остается отослать его въ тюрьму. А что, Тоби, для порядка дѣла, судья писалъ что-нибудь?

— Какъ же, батюшка; судья написалъ приказъ объ арестѣ, по которому меня посадили въ тюрьму.

— Такъ, такъ! Я самъ не разъ бывалъ въ магистратѣ... такъ напишемъ что-нибудь. Пруденція! открой ящикъ.

— Прежде нежели вы начнете писать, сказалъ я, прерывая сквоттера: я снова скажу вамъ, что вы заблуждаетесь, ужасно заблуждаетесь! Повторю: я не прокуроръ; я вовсе не служу по судебной части. Я военный, я служилъ офицеромъ въ полку генерала Литтльпеджа, куда поступилъ почти ребенкомъ. Я былъ при атакѣ Буургойна, я видѣлъ, какъ отрядъ его положилъ оружіе.

— Ахъ! кто бы могъ подумать? вскричала сострадательная Лавинія. Онъ такъ молодъ, что, кажется, не могъ бы устоять и противъ вѣтра!

Признаніе мое измѣнило нѣсколько расположеніе духа судей. Семейство сквоттера болѣе всего цѣнило и понимало тѣхъ, кто дрался. Въ осанкѣ и движеніяхъ старика Мильакра было что-то воинственное; а потому я не ошибался, полагая, что

онъ будетъ сочувствовать моимъ словамъ. Мильакръ пристально взглянулъ на меня.

— И я былъ въ это время въ службѣ съ Тоби, Моисеемъ, Наэанаиломъ и со всѣми, кто только могъ держать ружье. Это лучшіе дни въ моей жизни, хотя и пришли они въ то время, когда старость отяготила мои руки. А чѣмъ вы докажете мнѣ, что говорите правду?

— Здѣсь, въ настоящемъ моемъ положеніи, это исполнить довольно трудно.... по доставьте мнѣ случай, и тогда я докажу вамъ справедливость моихъ словъ... разсѣю всѣ ваши сомнѣнія.

— Посмотримъ. Какой полкъ былъ на правой рукѣ, — Газена или Брука, въ то время, когда пошли противъ Джерменса? отвѣчайте; я сейчасъ увижу, можно ли вамъ вѣрить.

— Утвердительно сказать не могу, потому-что я находился при своемъ батальонѣ, и за дымомъ мы ничего не могли различать.

— Онъ тамъ не былъ! заревѣлъ ужаснымъ голосомъ Тоби, оскаливъ зубы, какъ бѣшеная собака.

— Былъ, я увѣрена, что онъ былъ тамъ! вскричала твердымъ голосомъ Лавинія.

Пощечина, полученная отъ Пруденціи, заставила Лавинію замолчать. Мужчины такъ были заняты, что и не замѣтили этого.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ Мильакръ, моя обязанность, отослать его въ тюрьму. Но такъ какъ онъ, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ былъ въ этомъ сраженіи, то мы пока не будемъ поступать съ нимъ строго. Тоби, отведи своего арестанта въ тюрьму и запири его. Когда возвратятся твои братья, тогда мы рѣшимъ, какъ надо съ нимъ поступить.

Приказаніе Мильакра, было буквально выполнено. Я не противился, чтобы не подвергнуть себя новымъ непріятностямъ. Тоби сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ; два брата его пошли за мною. Дорогой въ головѣ моей мелькнула мысль о побѣгѣ; но я былъ увѣренъ, что меня поймутъ и подвергнуть болѣе жестокимъ пыткамъ. Я покорился необходимости, возложивъ всю свою надежду на Провидѣніе. Унизиться до просьбъ, мнѣ не позволяла моя гордость. Я не смѣлъ и думать о томъ, чтобы вымаливать снисхожденія у скоттера.

Тюрьмою, въ которую меня отвели, назывался амбаръ, сложенный изъ бревенъ; онъ былъ построенъ такъ прочно, что и ду-

мать нельзя было вырваться изъ него тому, кто не имѣлъ при себѣ никакихъ инструментовъ. Окно въ этомъ амбарѣ не было; въ одной только стѣнѣ находилась дверь, сдѣланная изъ толстыхъ досокъ, обитыхъ крѣпкими желѣзными полосами. Свѣтъ и воздухъ проходили сквозь довольно большія щели, оставленныя между вѣщцами. Этотъ амбаръ имѣлъ по-крайней-мѣрѣ, двадцать футовъ длины. Одинъ уголь его былъ заваленъ снопами. Передъ тѣмъ, чтобы войти въ амбаръ, съ меня сняли большой пожъ, какой носятъ всѣ живущіе въ лѣсахъ; осмотрѣли съ головы до ногъ, чтобы узнать, нѣтъ ли при мнѣ какихъ-нибудь инструментовъ, съ помощью которыхъ я могъ бы освободиться изъ заключенія.

Въ то время въ Америкѣ не было бумажныхъ денегъ, начинала отъ Гудзонова залива до мыса Горна. Знали одно только золото и серебро. Не смотря на то, что мои карманы были наполнены монетами, у меня не взяли ни одной. Этихъ скоттеровъ нельзя было назвать ворами, въ тѣсномъ смыслѣ слова, но это были люди, которые присвоивали себѣ чужую собственность, основываясь на правилахъ, которыя они сами для себя создали. Я увѣренъ, что каждый изъ членовъ семейства Мильакра былъ бы оскорбленъ въ высшей степени, если бы назвали его простымъ воромъ.

Когда провожавшіе меня въ амбаръ вышли изъ него и заперли двери, я принялся осматривать мою темницу и, благодаря большимъ щелямъ, находившимся во всѣхъ стѣнахъ, могъ видѣть даже и ея окрестности. Амбаръ былъ построенъ, вѣроятно, для лучшаго за нимъ надзора, въ центрѣ жилища скоттера. Это дало мнѣ возможность наблюдать за всѣмъ, что дѣлалось въ семействѣ Мильакра. Конечно, открытіе настоящаго моего имени, допросъ, сдѣланный мнѣ, мое заключеніе,—все это были такія обстоятельства, которыя, естественно, должны были встревожить семейство скоттера. Всѣ женщины сгруппировались около Пруденціи, близъ дверей хижины. Мужское же поколѣніе, за исключеніемъ одного мальчика лѣтъ девяти, собралось вблизи мельницы, гдѣ, казалось, Мильакръ держалъ совѣтъ съ своими сыновьями. Слушалъ Пруденцію, почти всѣ женщины поглядывали въ ту сторону, гдѣ находились ихъ настоящіе покровители, какъ бы желая отгадать, на что они рѣшались.

Девятилѣтній мальчикъ, о которомъ я упомянулъ, небрежно лежалъ на свалившемся деревѣ, но въ такомъ положеніи, которое позволяло ему видѣть объ стороны моея тюрьмы. Судя по глазамъ его, которыхъ онъ не спускалъ съ амбара, я догадался, что онъ исполнялъ обязанность часового.

Осмотрѣвшись, я принялся разсуждать о своемъ положеніи и о возможныхъ слѣдствіяхъ моего заключенія. За жизнь свою я мало опасался, даже менѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Американецъ, вообще, не любитъ проливать кровь; а житель Новой Англіи—и того менѣе.

Разсуждая объ этомъ, я пришелъ къ той мысли, что они постараются продержать меня въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока не продадутъ весь изготовленный лѣсъ, чтобъ вознаграждать себя за всѣ прошедшіе труды. Вся надежда моя была на Сускуэуса. Если его схватили, тогда Мильакръ и его семейство могли считать себя въ безопасности болѣе, чѣмъ когда-нибудь; но съ другой стороны, если онъ успѣлъ скрыться, то я въ тотъ же день могъ надѣяться получить извѣстіе отъ моихъ пріятелей. Обратясь къ Ньюкому, какъ судья, Сускуэузусъ могъ потребовать отъ него, чтобъ были собраны для моего освобожденія всѣ фермеры; но и тогда мнѣ оставалось страшиться слѣдствій борьбы, которая неминуемо завязалась бы между сквоттерами и моими избавителями. Сквоттеры были страшны, когда разгорячались, и защищали то, что считали неотъемлемою собственностью, добытою тяжкимъ трудомъ.

Разсуждая такимъ образомъ, я снова выглянулъ въ щель и удивился, увидѣвъ человека, подѣзжавшаго на лошади съ восточной стороны. Онъ, казалось, зналъ превосходно мѣстность, потому-что ѣхалъ спокойно, не оглядываясь по сторонамъ. По чемоданчику, прикрѣпленному къ сѣдлу, я принялъ его сначала за одного изъ тѣхъ странствующихъ эскулаповъ, которыхъ во множествѣ встрѣчаешь во всѣхъ новыхъ поселеніяхъ. Обыкновенно семейства, подобныя семейству Мильакра, пользуются себя сами; но бываютъ случаи, въ которыхъ необходима помощь патентованнаго медика. Къ величайшему же моему удивленію, когда незнакомецъ подѣзжалъ ближе ко мнѣ, я узналъ въ немъ моего агента, Ньюкома!

Такъ какъ между мельницею, которую Ньюкомъ нанялъ для себя, и тою, которая была устроена Мильакромъ въ Музериджѣ, было не менѣе двадцати пяти миль, поэтому можно бы-

ло заключить, что бывшій агентъ мой выѣхалъ рано утромъ. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ воспользоваться темнотою, чтобы никогдѣ не миновать жилища Ревиснеста, и такимъ образомъ совершить путешествіе, которое хотѣлъ скрыть отъ всѣхъ, имѣя на то вѣроятно важныя причины.

Всѣ разговоры между членами семейства Мильакра прекратились, какъ только они увидѣли Ньюкома, хотя пріѣздъ его не произвелъ ни удивленія, ни безпокойства; тогда какъ, по моему мнѣнію, прибытіе ближайшаго судьи должно было произвести на сквоттеровъ совершенно противное дѣйствіе. Если ни въ комъ не обнаружилось ни малѣйшаго замѣшательства, то это доказывало только то, что Ньюкомъ не былъ для нихъ чуждымъ постороннимъ.

Приблизясь къ селенію, если только можно такъ назвать нѣсколько разбросанныхъ хижинъ, Ньюкомъ подѣзжалъ прямо къ конюшнѣ; спрыгнувъ съ лошади и отдавъ ее подѣзжавшему къ нему мальчику, онъ пошелъ къ мельницѣ, гдѣ уже ожидалъ его Мильакръ съ старшими своими сыновьями. Взаимные дружескія привѣтствія, поспѣшность Пруденціи и другихъ женщинъ, съ какою онѣ шли къ Ньюкому, чтобъ поздороваться съ нимъ,— все это ясно доказывало, что они были старинные и добрые знакомые.

Минуть восемь или десять Ньюкомъ стоялъ посреди семейства; когда же привѣтствія и обыкновенные вопросы были высказаны, судья и сквоттеръ отошли въ сторону, какъ люди, желавшіе поговорить о какихъ-то важныхъ дѣлахъ.

XIX.

Не для того ли такъ устроено сердце человека, чтобъ этимъ самымъ поставить его выше всего въ природѣ?

Юнгъ.

Мильакръ и судья Ньюкомъ пошли къ амбару, и какъ дерево, на которомъ находился часовой, представляло довольно удобное мѣсто для ихъ разговоровъ, то, отославъ мальчика, оба дипломата сѣли на дерево, оборотясь ко мнѣ спиною. Было ли

мѣсто это выбрано въ слѣдствіе глубокихъ соображеній сквоттера, или вѣтъ—не знаю; но какъ бы то ни было, этотъ случай позволилъ мнѣ разслушать весь разговоръ, который они вели. Хотя подслушивать чужіе разговоры не совсѣмъ деликатно, но никто, вѣроятно, будучи на моемъ мѣстѣ, не заткнулъ бы себѣ ушей.

— Какъ я тебѣ говорилъ, такъ и случилось, Мильакръ, сказалъ Ньюкомъ, продолжалъ, вѣроятно, начатый уже прежде разговоръ. Въ эту минуту молодой человѣкъ долженъ быть очень близко отсюда. (Я былъ ближе, чѣмъ предполагалъ судья). Да, онъ обходитъ лѣса съ землеобрѣтомъ и со всѣмъ его причтомъ; если я не ошибаюсь, то онъ не далѣе отсюда, какъ на разстояніи двухъ миль.

— А сколько ихъ? спросилъ съ любопытствомъ сквоттеръ; если ихъ не больше, какъ бываетъ всегда,—то сожалѣю, если имъ вздумается отнимать у меня мое добро.

— Какъ знать, что они будутъ дѣлать? Вѣдь когда междуешь землю, то побываешь и тамъ и сямъ; самъ не знаешь, куда привелетъ тебя линія, которую проводишь. Вотъ почему я и старался удалить ихъ отъ моихъ владѣній; потому-что, между нами будь сказано, Мильакръ,—вѣдь съ другомъ можно быть откровеннымъ, — на всѣхъ высотахъ, которыя окружаютъ мою землю, растутъ превосходныя сосны; если иногда и полезно имѣть ясно проведенную межу за то въ другихъ случаяхъ это бываетъ очень невыгодно.

— Объ этомъ поговоримъ въ другой разъ... что вы начали говорить про молодого человѣка?

— Я тебѣ говорилъ, что медвѣженокъ вышелъ изъ своей берлоги, и что онъ также будетъ огрызаться, какъ и старшій медвѣдь, если замѣтитъ весь лѣсъ, спущенный на воду, не говоря о доскахъ....

— Пусть огрызается! сказалъ старикъ сквоттеръ, бросивъ презрительный взглядъ на мою тюрьму. Не перваго мнѣ унижать!...

— Не знаю, сосѣдь, какъ удастся! Майоръ Литтльпеджъ храбръ и рѣшителенъ. Онъ уволилъ меня отъ должности управляющаго, которую я такъ долго исполнялъ и отдалъ ее вѣтрогону, въ которомъ только и добраго, что онъ порлочный межевщикъ.

— Межевщикъ! такъ это одинъ изъ проклятыхъ помощниковъ землеобрѣта?

— Именно; это тотъ самый чудакъ, который вѣчно бродитъ по лѣсамъ съ землеобрѣтомъ.

— Пора бы старику подумать о себѣ! вотъ уже третій разъ, какъ онъ, въ продолженіе своей жизни, притѣсняетъ меня; а вѣдь, очень ужъ состарѣлся землеобрѣтъ. Боюсь, чтобы ему не пришлось скоро умереть!

Мнѣ показалось, что это замѣчаніе не понравилось Ньюкому. Готовый согласиться съ Мильакромъ во всемъ, что относилось бы наприобрѣтъ до рубки и продажи чужаго лѣса, онъ иначе начиналъ смотрѣть на людей, рѣшающихся посягнуть на чью-либо жизнь. Иное было дѣло, по мнѣнію Ньюкома, поощрять похищеніе чужой собственности, покупая за ничтожную цѣну краденый лѣсъ, смотрѣть сквозь пальцы и на другія противузаконныя выходки противъ владѣльца. Ньюкомъ пріѣхалъ къ Мильакру съ цѣлью услугать его извѣстіемъ о моемъ прибытіи, и этимъ заставить сквоттера продать ему лѣсъ на условіяхъ еще болѣе выгодныхъ, чѣмъ когда-нибудь. Къ несчастью, Ньюкомъ ошибся въ своемъ прекрасномъ проэктѣ, потому-что Мильакръ зналъ обо мнѣ гораздо болѣе, чѣмъ предполагалъ Ньюкомъ; почтенный судья и не подозревалъ, что я находился не далѣе, какъ въ десяти шагахъ отъ него, и могъ слышать все.

— Землеобрѣту около семидесяти лѣтъ, отвѣчалъ Ньюкомъ, подумавъ немного послѣ замѣчанія сквоттера: да, точно, ему семьдесятъ лѣтъ; я слышалъ объ этомъ. Правда, онъ старъ, но можетъ прожить еще долго. Я думаю и тебѣ, Мильакръ, около того же?

— Мнѣ ровно семьдесятъ три года, ни больше, ни меньше. Но я не землеобрѣтъ. Никто не упрекнетъ меня, чтобы я когда-нибудь ссорилъ сосѣдей, или отнималъ земли, на которыхъ они жили. Ходилъ ли я хоть разъ въ судъ жаловаться, доносить на кого-нибудь, заводить споры?—Никогда. Я и сыновья мои знали и знаемъ только себя, и никогда не вмѣшивались въ чужія дѣла; а потому я, доживъ спокойно до семидесяти-трехъ лѣтъ, сталъ отцомъ двѣнадцати живыхъ дѣтей. Я никогда не приходилъ на землю, которою владѣлъ другой, а почему?... потому-что я, болѣе чѣмъ кто-нибудь другой, уважаю чужую соб-

ственность. По моему мнѣнію, тотъ, кто нуждается въ землѣ, долженъ искать ее и селиться на первомъ свободномъ уголкѣ; если же вздумаетъ потомъ переменить мѣсто, пусть продаетъ свою хижину, если найдетъ покупателя, или оставитъ ее на прежнемъ мѣстѣ.

Конечно, Ньюкомъ не совсѣмъ соглашался съ Мильакромъ, во взглядѣ его на права сквоттеровъ и образъ ихъ владѣнія. Онъ постоянно былъ занятъ своимъ проектомъ, но боялся слишкомъ явно обнаруживать свое желаніе; нѣсколько разъ онъ начиналъ разговоръ о продажѣ лѣса, но не прямо, а шелъ къ этому предмету окольными путями. Смѣшно было видѣть, какихъ ему стоило трудовъ и усилий, чтобъ страхомъ заставить сквоттера продать ему лѣсъ, тогда какъ Мильакръ, имѣя меня въ своей власти, былъ совершенно спокоенъ.

Съ такими противоположными чувствами, нашимъ дипломатамъ трудно было согласиться въ условіяхъ продажи.

— Право, Мильакръ, сказалъ судья, отъ души желаю, чтобъ ты не раскаялся въ томъ, что не принялъ моего предложенія; признаюсь откровенно, что я очень опасаясь за тебя.

— Тѣмъ будетъ хуже для меня! отвѣчалъ сквоттеръ; я увѣренъ, что успѣю отправить и сбить всѣ мои транспорты, пока этотъ молодой Литтльпеджъ успѣетъ разорить меня.

— Подумай хорошенько! Если майоръ Литтльпеджъ откроетъ тебя здѣсь, онъ не оставитъ тебѣ ни одной досчечки.

— Посмотримъ, увидимъ. Впрочемъ я готовъ продать; я сказалъ уже мои условія, и не отступлю отъ нихъ ни на вершокъ.

— Ты упрямъ; съ тобой, видно, нечего говорить.

— Да что жъ еще говорить? все сказано. Вы, кажется, всегда съ какимъ-то опасеніемъ прѣзжаете сюда, въ мою хижину.

— Конечно, сказалъ Ньюкомъ. Надѣюсь, впрочемъ, что мнѣ опасаться здѣсь нечего теперь? Здѣсь никого нѣтъ изъ чужихъ?

— Какъ знать? Вотъ идутъ ребята изъ лѣсу; кажись, они ведутъ кого-то. Так! не ошибаюсь! Это Сускузусъ!... Теперь, какъ хотите; оставайтесь или нѣтъ. Говорятъ, онъ большой пріятель землемѣра.

При этихъ словахъ, Ньюкомъ, со всевозможною поспѣшностью, скрылся за сваленныя въ одно мѣсто бревна, а нѣсколько минутъ спустя, я уже увидѣлъ его у опушки лѣса, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился на прибытіи къ жилищу

сквоттера. Младшій сынъ Мильакра подвелъ ему лошадь; Ньюкомъ взлѣзъ на нее, и вскорѣ скрылся въ лѣсу. Это отступление было сдѣлано такъ ловко, что рѣшительно никто не могъ замѣтить судью. Не знаю, что происходило между Ньюкомомъ и Мильакромъ въ послѣднія минуты, они оставались одни.

Когда сквоттеръ возвратился снова, все вниманіе его, казалось, сосредоточилось на приближавшихся къ нему: это были три его сына, которые вели обезоруженнаго Сускузуса. Не смотря на то, что я довольно хорошо успѣлъ уже узнать характеръ сквоттера, наружность его выражала какое-то величіе, въ то время, когда онъ ожидалъ своихъ сыновей и ихъ лаѣнника. Трудно судить по наружности Индѣйца, что происходитъ въ его душѣ, а потому я не мало ни удивился, вида совершенно спокойное лицо Сускузуса, приближавшагося мѣрнымъ шагомъ. Онъ былъ такъ твердъ, такъ спокоенъ, какъ будто шелъ въ гости. Руки его были связаны, изъ опасенія, чтобъ онъ снова не убѣжалъ; но эти цѣпи, казалось, не причиняли ему ни физическихъ, ни душевныхъ страданій. Лицо Мильакра было сурово; зная хорошо характеръ Индѣйца и память его, не забывающую ни услугъ, ни оскорбленій,—онъ не рѣшался на жестокость, которая могла лишь болѣе вооружить противъ него Сускузуса.

— Безсмысленный, сказалъ онъ спокойно: ты старшій воинъ, а потому долженъ знать, что въ опасное время каждый думаетъ о собственномъ своемъ спасеніи. Я очень радъ, что мои ребята не были принуждены употребить крайнія мѣры; но согласись, что мы не могли тебѣ позволить извѣстить землемѣра и весь его причетъ о томъ, что случилось здѣсь сегодня утромъ. Долго ли ты останешься здѣсь съ нами—я не могу сказать, но обещаю, что ты будешь жить здѣсь въ довольствѣ и покойно. Я умѣю цѣнить честное слово краснокожаго, а потому, можеть-быть, позволю тебѣ прогуливаться на свободѣ; но общій мнѣ, что ты не уйдешь. Впрочемъ, объ этомъ мы поговоримъ завтра. Сегодня же побѣсѣдуй съ молодымъ человѣкомъ, которого ты имѣлъ неосторожность привести сюда.

Черезъ нѣсколько минутъ, дверь моей тюрьмы отворилась, и въ нее спокойно вошелъ Онондаго. Руки его были освобождены. Дверь снова заперлась, и я остался на-единѣ съ Сускузусомъ.

Въ этотъ разъ на часы, къ амбару, была назначена моло-

дая дѣвушка. Увѣрившись, что не могли насъ подслушать, я началъ говорить съ моимъ другомъ.

— Жаль, что такъ случилось, Сускуэзусъ! Я думалъ, что ты, зная хорошо лѣсъ, успѣешь скрыться отъ погони, и извѣстить о моемъ заключеніи нашихъ друзей. Это ужасно! Я навѣрное думалъ, что землемѣръ узнаетъ, гдѣ я нахожусь.

— А къ чему же думать, что онъ не знаетъ? Вы думаете, что если Индѣецъ попалъ въ плѣнъ, такъ ужъ онъ ни къ чему и не годенъ?

— Но, конечно, ты попалъ сюда, въ этотъ амбаръ, не по доброй волѣ?

— А почему же нѣтъ? Если бы мнѣ не захотѣлось возвратиться сюда, такъ я и не возвратился бы. Неужели вы думаете, что дѣти Мильакра успѣли бы поймать Сускуэзуса въ лѣсу, если бы онъ этого не захотѣлъ? Да! бываетъ и лѣто, бываетъ и зима.... Сдѣлать волосы.... Безслѣдный день ото дня становится старѣе; но все же мокасины его не оставляютъ еще слѣдовъ.

— Не понимаю, для чего, вырвавшись отсюда, тебѣ надо было снова возвратиться? Объяснися. Расскажи мнѣ все, что было. Сускуэзусъ; говори по-своему, я пойму тебя; не скрывай только ничего.

— Къ чему скрывать? Дурнаго нѣтъ; все хорошо... все очень хорошо... никогда Сускуэзусъ не былъ счастливѣе.

— Ты мучишь мое любопытство. Говори же мнѣ все, что случилось съ того времени, какъ ты скрылся, до той минуты, какъ тебя схватили.

Сускуэзусъ выразительно взглянулъ на меня, вынулъ изъ-за пояса трубку, наполнилъ ее табакомъ и началъ курить съ удивительнымъ спокойствіемъ. Спустя нѣсколько минутъ, онъ сказалъ:

— Послушайте меня, и вы все узнаете. Я скрылся потому, что не хотѣлъ сидѣть взаперти; вотъ для чего я скрылся.

— Такъ къ чему же ты поддался теперь?... или ты хотѣлъ этого, кажется?

— Конечно хотѣлъ. Индѣйца не поймаешь, если онъ не захочетъ поддаться. Убить его можно, объ этомъ ни слова; но въ лѣсу онъ никогда не отдастся плѣнникомъ, лишь бы не былъ лѣнивъ или пьянъ. Ромъ многихъ отдаетъ въ плѣнъ.

— Вѣрю. Но поговоримъ о дѣлѣ. Скажи мнѣ, для чего ты вздумалъ скрываться?

— А развѣ не надо было дать знать землемѣру, гдѣ вы на-

ходитесь?... а? Вы думаете, что Мильакръ отпуститъ васъ прежде, чѣмъ спуститъ на воду послѣднюю доску? Когда будетъ спущена послѣдняя доска, тогда и васъ отпустить. А этого ждите цѣлое лѣто. Такъ неужели вы рѣшились бы просидѣть здѣсь такъ долго?... а?..

— Разумѣется, нѣтъ. Такъ ты оставилъ меня собственно для того, чтобъ извѣстить моихъ друзей.... чтобъ призвать ихъ на мою помощь? Чтѣ же далѣе?

— Я убѣжалъ въ лѣсъ.... Бѣжалъ двѣ мили, оставляя по себѣ столько же слѣдовъ, сколько оставляетъ птица въ воздухѣ, и встрѣтилъ, какъ вы думаете, кого?... а?..

— Не знаю.

— Я встрѣтилъ Джапа; онъ отыскивалъ своего господина. Всѣ въ ужасномъ безпокойствѣ.... одни ищутъ здѣсь, другіе—тамъ; но Джапъ именно отыскивалъ васъ здѣсь.

— И ты рассказалъ Джапу все, какъ было?... приказалъ ему извѣстить землемѣра?

— Конечно. Сдѣлавъ это, Сускуэзусъ подумалъ о томъ, что ему остается исполнить. Онъ рѣшился идти къ блѣдномулицему своему другу, и потому отдался въ плѣнъ. Я зналъ, что мнѣ не будетъ худо въ тюрьмѣ. Сквоттеръ не жестокъ съ своими плѣнниками.

— Какъ же тебѣ это удалось исполнить?

— Очень просто. Когда я отослалъ съ порученіемъ Джапа, я пересталъ скрывать мои слѣды. Подошелъ къ ручью, сѣлъ и положилъ свой карабинъ. Наткнувшись на меня, сыновья сквоттера, не имѣли нужды стрѣлять, они просто схватили меня. Да, въ первый разъ въ жизни краснокожій попался въ плѣнъ блѣдномулицымъ! Да только будутъ ли они довольны этимъ!

Я узналъ все. Сускуэзусъ убѣжалъ, чтобъ извѣстить моихъ друзей о моемъ положеніи; онъ встрѣтилъ Джапа, который отыскивалъ меня; потомъ увѣрившись, что землемѣръ узнаетъ обо мнѣ, онъ рѣшился сдаться въ плѣнъ. Такимъ образомъ сквоттеръ могъ быть увѣренъ, что никто не знаетъ о происшедшемъ; между тѣмъ Сускуэзусъ поспѣшилъ ко мнѣ, чтобъ помочь мнѣ совѣтами, если бы того потребовали обстоятельства.

По всему этому видно, что Онондаго въ одну минуту обсудилъ дѣло со всѣхъ сторонъ.

Если меня и удивляла расторопность Сускуэзуса, то не менѣе

того я былъ тронуть его преданностью. Во время разговора, онъ повторилъ мнѣ не одинъ разъ, что мое отсутствіе, въ продолженіе цѣлой ночи, чрезвычайно встревожило всѣхъ, и что всѣ жители пустились отыскивать меня.

— Даже и молодая дѣвушка, прибавилъ Спондаго, взглянувъ выразительно на меня. Вѣрно, она имѣеть на это причину.

Это замѣчаніе рѣшило мое сомнѣніе. Я всегда подозревалъ, что Сускузусъ, хотя никѣмъ и не замѣченный, былъ однакожъ свидѣтелемъ моего свиданія съ Урсолой Мальбонъ. Все, что я перенесъ въ это короткое время, не могло однако изгладить изъ моей памяти Урсулы. Напротивъ, она постоянно была въ моемъ воображеніи, и слова Сускузуса, что она также отыскиваетъ меня въ лѣсу, еще болѣе встревожили меня.

Напрасно Сускузусъ подозревалъ въ этомъ что-либо особенное; Урсула повиновалась только врожденному ей человѣколюбію; не она ли мнѣ говорила, что рука ея уже принадлежитъ другому?

Вслушавъ всѣ подробности, которыя разсказалъ мнѣ Индѣецъ, я спросилъ у него, чѣмъ намъ оставалось дѣлать. По его мнѣнію, мы должны были ожидать нашихъ друзей, которые въ ту же ночь или, по-крайней-мѣрѣ, на слѣдующее утро, должны были извѣстить насъ. Я, вмѣстѣ съ Сускузусомъ, терялся въ догадкахъ; мы не знали, на что рѣшится, что предприметь землемѣръ; но мы были увѣрены, что онъ не останется въ бездѣйствіи, узнавъ о положеніи, въ которомъ находились его лучшіе друзья. Я всего болѣе опасался, чтобъ онъ не сталъ дѣйствовать открытой силой, потому-что Андрей, хотя человѣкъ очень справедливый, былъ горячъ. Съ другой стороны, если онъ рѣшится на законный путь и обратится къ Ньюкому съ требованіемъ, чтобъ арестовали сквоттера и его сыновей, какъ участниковъ въ преступленіи, то я долженъ былъ опасаться, что Ньюкомъ найдетъ возможность тайно уведомить своихъ друзей, о томъ, что замышляютъ противъ нихъ, и тогда, конечно, сквоттеры сировадять меня подальше.

Сквоттеры были очень внимательны къ своимъ плѣнникамъ. Они кормили насъ тѣми же самыми кушаньями, какія употребляли сами. Лаванія болѣе пяти разъ приносила намъ свѣжей воды. Эта дѣвушка была очень предупредительна во всѣхъ нашихъ желаніяхъ. Она принесла мнѣ книги, какія только могла найти въ своей библіотекѣ. Этыхъ книгъ было, впрочемъ, всего

три: Библія, какое-то путешествіе и альманахъ, изданный года за четыре.

XX.

Я замѣчалъ ускоренные шаги его; слѣдилъ за всѣми измѣненіями его лица; прислушивался къ невятнымъ звукамъ, которые онъ производилъ; но, увы! поздно уже замѣтилъ, какъ дымилась кровь на стали его оружія; поздно увидѣлъ руку, обогренную кровью; онъ палъ, испустивъ глубокій, тяжкій вздохъ, кусая землю въ послѣднихъ предсмертныхъ мукахъ.

Вартоузъ.

Такъ прошелъ долгій, мучительный день. Я ходилъ въ уголъ своей темницы; Индѣецъ же не оставлялъ того мѣста, которое занялъ въ минуту ареста. Сквоттеръ ни разу не приближался къ амбару. Въ продолженіе дня, два или три раза, я видѣлъ, что онъ держалъ совѣтъ съ старшими своими сыновьями. Во время этихъ совѣщаній, мнѣ удавалось замѣчать на ихъ лицахъ выраженіе злости и угрозы. Въ темницу нашу принесено было нѣсколько связокъ соломы; изъ нихъ мы устроили для себя мягкую и удобную постель. Солдату не привыкать спать на соломѣ; а Индѣецъ, хотя и любитъ удобство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вы не найдете никого, кто, подобно ему, въ случаѣ необходимости, умѣлъ бы переносить всѣ лишенія.

Мнѣ, однакожъ, трудно было заснуть. Презнаюсь, я не вполне довѣрялся сквоттеру и его сыновьямъ. Имъ легко могла прийти мысль, воспользовавшись темнотою ночи, отдѣлаться отъ своего плѣнника; тѣмъ болѣе, что это было вѣрнѣйшее средство отклонить всѣ дурныя слѣдствія, какихъ они могли ожидать, и безнаказанно оградить себя на будущее время отъ отжѣта за всѣ незаконные свои поступки. Мы были совершенно въ ихъ власти. Эти мысли меня не оставляли и даже мучили меня. Наконецъ усталость взяла верхъ; я погрузился въ глубокій сонъ, который продолжался до трехъ часовъ утра.

Не знаю, самъ ли я проснулся или былъ разбуженъ? Помню

только, что, когда я лежалъ еще съ полужакрытыми глазами, мнѣ показалось, будто я слышалъ голосъ Урсулы, который шепталъ мнѣ на ухо. Когда я, мало-по-малу, очнулся, тогда услышалъ дѣйствительно, что меня называли по имени. Я не ошамбася. Мое имя произносили явственно, и голосъ, повторявшій его, былъ женскій. Я быстро всталъ и спросилъ:

— Кто тамъ? Неужели это вы, Урсула?

— Меня зовутъ Лавиніей, отвѣчалъ мнѣ голосъ; я дочь Мильакра. Не говорите такъ громко, потому-что мальчики стоятъ на часахъ, по ту сторону амбара; они снятъ теперь.... будьте осторожныѣ, не разбудите ихъ.

— Это ты, моя добрая Лавинія? Ты бережешь насъ и днемъ и ночью.

Я замѣтилъ въ Лавиніи какую-то неловкость; она чувствовала, что нарушаетъ правила, присвоенныя ей полу. Замѣчаніе мое привело ее въ замѣшательство; нѣсколько минутъ она молча стояла подлѣ амбара.

— Что же я дѣлаю особеннаго для васъ? сказала она наконецъ; неужели это услуга, если я принесу вамъ и Иадѣйцу немного воды? жалѣю, что у меня нѣтъ ни пива, ни сидра; всѣ наши запасы истощились. Довольны ли вы были ужинкомъ, господинъ Литтльпеджъ? Можетъ быть, вы голодны, и потому я принесла вамъ кружку молока и пирога. Краснокожіи можетъ поѣсть послѣ васъ.

Я поблагодарилъ Лавинію и принялъ принесенное ею черезъ отверстіе, которое она указала въ доскахъ. Мнѣ очень хотѣлось узнать отъ нея, что говорятъ про меня; я хотѣлъ знать намѣренія ея родныхъ. Прямо спрашивать объ этомъ не хотѣлось; къ счастью Лавинія помогла мнѣ.

— Мнѣ бы хотѣлось, сказала она, чтобы отецъ мой пересталъ быть сквоттеромъ. Ужасно быть въ вѣчной враждѣ съ закономъ.

— Конечно, для него было бы лучше, если бы онъ владѣлъ фермою, такъ, какъ владѣютъ ими и другіе. Здѣсь такъ много наемной и продажной земли, что, право, не большаго труда стоитъ приобрести ее, особливо человѣку трезвому и старательному.

— Мой батюшка никогда не пьетъ, развѣ только четвертаго іюля. Братья мои, также почти не пьютъ. Матушка разъ сто говорила моему отцу, что пора переимѣнить образъ жизни; что

гораздо лучше нанять землю по контракту; но отецъ мой каждый разъ отвѣчаетъ, что ни онъ для письма, ни письмо для него не созданы. Я не знаю, что онъ будетъ дѣлать съ вами.

— А развѣ Ньюкомъ ничего не посоветовалъ ему на мой счетъ?

— Ньюкомъ? Да батюшка мой и не сказалъ ему, что вы здѣсь; онъ слишкомъ остороженъ, чтобы довѣриться судьѣ. Скажи онъ хоть слово, Ньюкомъ отобралъ бы у насъ весь лѣсъ. Какъ вы думаете, господинъ Литтльпеджъ, имѣемъ ли мы право на тотъ лѣсъ, который срубили и распилили на доски?

— А имѣла ли бы ты какое право на платье, сшитое изъ принадлежащей тебѣ матеріи, которое унесли бы изъ твоего шкафа?

— Конечно, я имѣла бы полное право на это платье. Но вѣдь доски дѣлаются изъ деревьевъ.

— А деревья эти принадлежатъ другому; потому какое имѣютъ право рубить и пилить ихъ?

— Да! сказала Лавинія, тяжело вздохнувъ, я этого и сама боялась.

— А что говорить объ этомъ Пруденція?

— Матушка ни слова не говоритъ объ этомъ. Она желаетъ одного: чтобы отецъ мой нанялъ или купилъ землю; но вы знаете, господинъ Литтльпеджъ, какія обязанности лежатъ на каждой женщинѣ: все, что дѣлаютъ ихъ мужья, онѣ, волей или неволей, должны находить прекраснымъ. Конечно, матушка не говоритъ, что отецъ мой поступаетъ противъ закона; но вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда повторяетъ, что ему непременно надо было бы имѣть бумагу. Она хотѣла, чтобы онъ попросилъ у васъ такую бумагу, пока вы находитесь здѣсь, въ его власти. Вы не откажете ему, господинъ Литтльпеджъ, если онъ пообщается улачивать вамъ хотя что-нибудь.

— Эта бумага не дала бы ему никакого права, потому-что я подписалъ бы ее по принужденію; а такія условія считаются не законными.

— Тѣмъ хуже, сказала, снова вздохнувъ, Лавинія. Не думайте, чтобы я была увѣрена въ томъ, что вы не хотите сдѣлать этого; я полагаю, что вы согласитесь, позвольте моему отцу владѣть этой землею; впрочемъ, если это невозможно, такъ лучше и не спрашивать объ этомъ. Мой отецъ говоритъ, что онъ продержитъ васъ до осени, пока не дождется прибыли во-

ды, чтобы отправить отсюда весь лѣсъ въ Альбаниа; тогда онъ быть-можетъ отпустить васъ.

— Продержать меня до осени!... просидѣть здѣсь еще три мѣсяца!

— Что же, господинъ Литльмеджъ, развѣ такъ трудно пронести три мѣсяца въ кругу друзей? Мы ни въ чемъ не будемъ отказывать вамъ, будьте увѣрены, вы будете получать все, что отъ насъ только зависить.

— Но повѣрь, что мнѣ совѣстно будетъ такъ беспокоить ваше семейство. Что касается до досокъ, онѣ принадлежать не мнѣ, а владѣтелю землѣ; располагать я ими не могу, мнѣ дано одно только право: продавать участки землѣ.

— Жаль, сказала Лавинія; я не знаю людей жесточе моего отца и моихъ братьевъ. Они говорятъ, что рѣшатся пролить послѣднюю кровь свою, прежде, чѣмъ отдадутъ эти несчастныя доски. Кровь стынеть въ моихъ жилахъ, когда я слушаю ихъ; а меня нельзя назвать боязливой. Прошлой зимой, я убила медвѣдя, который бросился на наше стадо свиней, и маленька сказала мнѣ тогда, что въ этомъ случаѣ я поступила не хуже ея; а замѣтите, она уходила уже четырехъ медвѣдей и до двадцати волковъ.

— Ты храбрая дѣвушка, Лавинія, но главное достоинство въ тебѣ—доброта. Чтобы со мною не случилось, я никогда не забуду того, что ты для меня сдѣлала; но увѣрю тебя, что всѣ твои родственники подвергаютъ себя величайшей отвѣтственности, потому-что мои друзья не замедлятъ отыскать меня; а если они откроютъ здѣсь ваше жилище, ты можешь представить себѣ, какія будутъ послѣдствія.

— Что же сдѣлаютъ тогда, мой отецъ, мои братья?... Я дрожу за нихъ.... они безчеловѣчно поступаютъ съ вами!

— Ничего, я надѣюсь на нихъ, какъ на Американцевъ. Мы народъ не кровожадный. Къ чему бояться, моя добрая Лавинія?

— О, дай Богъ, сказала тихимъ, дрожащимъ голосомъ Лавинія; но братъ мой Тоби иногда бываетъ ужасенъ. Онъ часто доводитъ батюшку до того, на что тотъ никогда не рѣшился бы... но мнѣ пора идти... заря занялась... мнѣ кажется, что проснулась въ домѣ брата Тоби. Я дорого бы заплатилась, если бы узнала, что я не спала, а проговорила почти всю ночь съ вами.

Съ этимъ словомъ, Лавинія скрылась. Тотчасъ по уходѣ ея

Сускуэзусъ всталъ съ своего мѣста, прошелся по амбару; но не сказалъ мнѣ ни слова о посѣщеніи Лавиніи. Онъ не показывалъ мнѣ, ни словомъ, ни дѣломъ, ни взглядомъ, ни улыбкой, что ему извѣстенъ былъ поступокъ Лавиніи.

Едва насталъ день, едва солнце успѣло озолотить вершины деревьевъ, какъ бѣлая уже часть скоттеровъ была на работѣ. Старикъ Мильакръ, съ двумя или тремя сыновьями, былъ дома. По задумчивому лицу и по мѣрнымъ шагамъ его, которыми, по временамъ, обходилъ онъ свое владѣніе, легко можно замѣтить, что онъ самъ находился въ тревожномъ состояніи и, вѣроятно, не зналъ, на чемъ остановиться. Не знаю, какой былъ бы окончательный результатъ его думъ, если бы совершенно неожиданный случай не прервалъ его размышленій. Здѣсь я долженъ рассказать нѣкоторыя подробности.

Солнце было уже высоко, и всѣ, кромѣ Мильакра и мальчика, наблюдавшаго за амбаромъ, были заняты. Сускуэзусъ ходилъ взадъ и впередъ, лицо его выражало грусть; отъ нечего дѣлать, кажется, онъ подбиралъ прутья и вязалъ изъ нихъ метлы; я срисовалъ въ мою памятную книжку видъ мельницы и пригорка, который находился за нею. Мильакръ въ первый разъ подошелъ къ амбару, чтобы поговорить со мною. Лицо его было сурово, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражало безпокойство. Позже я узналъ, что Тоби настаивалъ на томъ, чтобы я и Индѣецъ были убиты; въ этомъ они видѣли единственное свое спасеніе.

— Молодой человекъ, сказалъ мнѣ Мильакръ, вы пробрались ко мнѣ ночью, какъ воръ, а потому и ждите должнаго награжденія. Неужели вы думаете, что кто-нибудь рѣшится равнодушно отдать плоды трудовъ своихъ? Нѣтъ, на это согласиться трудно.

Я понялъ таинственность словъ Мильакра; но моя гордость не позволяла мнѣ согласиться на предлагаемыя условія; я рѣшился уже отвѣтить Мильакру, но случайно, взглянувъ въ отверстие, бывшее между досками, я увидѣлъ землемѣра, который былъ не болѣе какъ во ста шагахъ отъ насъ. Скоттеръ, вслѣдъ за мной, поглядѣлъ въ ту же сторону.... черезъ минуту Андрей стоялъ подлѣ него.

— А, такъ ты дома Мильакръ! вскричалъ землемѣръ. Много лѣтъ мы не видались. Жаль, что мы встрѣчаемся не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось!

— Да и я, землемѣръ, не желалъ бы такой встрѣчи.... Я тебя не просилъ сюда.

— Знаю, знаю. Ты не ждалъ ни цѣпи, ни землемѣра, ни мѣжевщика, ни компаса, ни фермы, ни законнаго владѣльца землею. Вѣдь, ты мнѣ знакомъ уже, хоть я видѣлся съ тобою, кажется, назадъ тому лѣтъ пятьдесятъ.

— Да, ровно пятьдесятъ лѣтъ. Что же дѣлать, если мы не сошлись съ тобой въ мысляхъ, лучше бы намъ и не встрѣчаться никогда.

— Я пріѣхалъ сюда не для того, чтобъ видѣться съ тобой, сквоттеръ; ты задержалъ здѣсь моего друга, моего лучшаго, благороднѣйшаго друга; а скажи мнѣ: по какому праву?... Отдай мнѣ Мордоунта Литтльпеджа, я избавлю тебя отъ своего посѣщенія.

— Что вы говорите мнѣ про Мордоунта Литтльпеджа; для чего пріѣзжаете ко мнѣ съ такою просьбою.... Я ничего не имѣю общаго съ Литтльпеджемъ.... поѣзжай своей дорогой, старый землемѣръ.... оставь въ покоѣ меня и моихъ. Свѣтъ великъ.... можешь вайти мѣсто.... къ чему ты пріѣхалъ нарушать мое семейное спокойствіе.

— Не хочу знать ни о тебѣ, ни о твоёмъ семействѣ, сказалъ взыскливо Андрей. Ты осмѣлился, не имѣя никакого права, остановить моего друга.... освободи его или берегись.

— Не выводи меня изъ терпѣнія, землемѣръ.... не выводи меня изъ терпѣнія! Здѣсь, у меня, есть руки, готовы на всякій ударъ.... которыя съужбуютъ защитить свое добро и отдѣлаться отъ цѣпей. Повторю, проходи своей дорогой; не мѣшай намъ собирать жатву, посѣянную нашими руками.

— Ты соберешь ее, Мильакръ, всё вы соберете ее; что посѣяли, то и пожнете.... Это не разъ мнѣ изъ Библии читала племянница Урсула.... Да, вы соберете жатву, какой и не ждете.

— Прочь съ глазъ моихъ! повторю тебѣ, землемѣръ; убирайся отсюда.... не смѣй оснаривать у насъ то, что мы приобрѣли цѣтомъ и кровью.

— Потомъ и кровью!... Нѣтъ, грабежемъ и мошенничествомъ, такъ ли? Вы рзоряете чужую землю, рубите лѣсъ и пилите его, продаете его барышникамъ, это все такъ,—а отдаете ли вы отчетъ кому-нибудь?... знаете ли вы владѣльца?... и послѣ этого, ты смѣешь говорить мнѣ, что поступаешь честно.

— Ты развѣ ни во что ставишь потерянное время и трудъ?

— Все такъ; но это тебя и губить, Мильакръ; ты живешь по своимъ правиламъ; а не хочешь знать тѣхъ, которые живутъ честнымъ образомъ. Пожалуй, руби, вали, пили, сколько тебѣ

угодно, хоть до конца міра; а все же ты будешь дѣйствовать незаконно. Вспомни мои слова, Мильакръ: тотъ, кто отправляется съ дурной цѣлью въ путь, никогда не достигнетъ своей цѣли, сколько бы ни употребилъ оныхъ трудовъ. Ты, Мильакръ, худо началъ, худо и кончишь.

Лицо Мильакра становилось мрачнѣе и мрачнѣе. Я предвидѣлъ грозу. Два необузданныхъ характера сошлись лицомъ къ лицу; однако ихъ раздѣляли добро и зло, прямодушіе и уклончивость, твердыя начала и плутовство. Не имѣя силъ отвѣчать землемѣру, сквоттеръ прибѣгнулъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Онъ схватилъ моего друга за горло и всѣми силами старался повалить его на землю. Не знаю, отнеси ли къ чести сквоттера,—но въ продолженіе ссоры, онъ не призвалъ никого на помощь; но въ ту минуту, когда началась борьба, вдругъ раздался голосъ Пруденціи, и, конечно, можно было ожидать, что всё сыновья сбѣгутся на ея зовъ. Чего не отдалъ бы я въ жизни, чтобы обрушить стѣны моей темницы, чтобъ посидѣть на помощь къ моему другу. Сускуззусъ видѣлъ все это, и безъ сомнѣнія принималъ участіе въ судьбѣ землемѣра, но оставался твердымъ и непоколебимымъ, какъ скала.

Андрей, не смотря на свои преклонныя лѣта (ему было тогда семьдесятъ лѣтъ), не позволилъ, однакожъ, безнаказанно схватить себя за горло. Борьба была ужасная. Сквоттеръ имѣлъ перевѣсъ, потому-что впадалъ первый и неожиданно на землемѣра; но землемѣръ былъ силенъ. Въ свое время, онъ не находилъ равныхъ себѣ по силѣ, даже и Мильакръ, въ настоящую минуту, почувствовалъ, что сошелся съ опаснымъ соперникомъ. Если бы землемѣръ не предупредилъ одной минутой Мильакра, то лежалъ бы на землѣ; но не смотря на всю силу сквоттера, онъ не покачнулся нисколько. Онъ былъ прямъ и твердъ, какъ дубовый лѣсъ, окружавшій его; а сквоттеръ лежалъ на землѣ; лицо Андрея было одушевлено; оно выражало такую отвагу, какой я не встрѣчалъ ни въ комъ, даже въ рѣшительную минуту сраженія.

Вмѣсто того, чтобы воспользоваться своимъ положеніемъ, землемѣръ стоялъ передъ своимъ врагомъ неподвижно. Андрей и не предполагалъ, что въ эту минуту онъ имѣлъ свидѣтеля своей победы... Я не утерпѣлъ и рѣшился сказать ему.

— Бѣги, мой другъ, бѣги, скорѣе въ лѣсъ! кричалъ я сквозь щели моей темницы. Пруденція скоро созоветъ всѣхъ

сыновей своих... они работают недалеко отсюда... имъ стоять поднимать только на берегъ.

— Благодарю тебя, Божь! сказалъ землемѣръ, набожно скрепивъ руки на груди своей. Мордоунтъ, мой милый другъ... ты живъ... я отопру двери твоей темницы... мы скроемся вмѣстѣ!

Всѣ совѣты, всѣ убѣжденія мои были напрасны. Андрей подбѣжалъ къ амбару и старался отпереть дверь. Но дверь была плотно заколочена. Землемѣръ все-таки не хотѣлъ слушать меня, и сталъ искать орудія, чтобы разшибить дверь. Мельница была вблизи; землемѣръ бросился къ ней и вскорѣ выбѣжалъ оттуда съ ломомъ на плечѣ. Онъ подбѣжалъ къ моей темницѣ; но едва успѣлъ ударить разъ, какъ, вдругъ, показался Тоби, и за нимъ его братья, какъ стая собакъ, спущенныхъ на зайца. Я снова закричалъ другу моему, чтобы онъ скрывался, чтобы не думалъ о моей свободѣ; но не смотря на приближавшихся силачей, готовыхъ броситься на него, Андрей продолжалъ разбивать дверь; сквоттеры схватили его и перевязали веревками.

Видя, что всякое сопротивленіе было бесполезно, землемѣръ рѣшился не противиться силѣ. Онъ былъ введенъ въ амбаръ. Спустя нѣсколько времени, онъ признался мнѣ, что съ того времени, какъ узналъ объ моемъ плѣнѣ, онъ рѣшился раздѣлять со мною судьбу, въ такомъ однако случаѣ, если бы ему не удалось освободить меня. Тоби первый наложилъ руку на землемѣра; съ нимъ былъ ключъ отъ темницы, и черезъ минуту, землемѣръ былъ заключенъ со мною вмѣстѣ.

Заключивъ землемѣра, всѣ сыновья Мильakra посѣщали къ своему отцу; они подняли его съ земли и осмотрѣли голову, которую онъ ударилъ объ уголъ стрости, они понесли его домой. Все семейство, большіе и малые, старые и молодые, мгновенно, сбѣжались со всѣхъ сторонъ; даже часовой, сынъ Тоби, оставилъ свой постъ. Лавинія, бродившая цѣлое утро около амбара, казалось, забыла о насъ. Я былъ слишкомъ занятъ моимъ другомъ, мнѣ обо многомъ надо было разспросить его, а потому я мало обращалъ вниманія на происшедшее внѣ моей темницы.

— О, какъ я радъ, что вы не совсѣмъ еще во власти этихъ изверговъ, мой добрый другъ. Они готовы на все.

— Мы также рады и за васъ, что вы не въ когтяхъ этихъ

звѣрей. Теперь, по-крайней-мѣрѣ, пора подумать о себѣ и о другихъ.

— Не бойтесь старика Мильakra, сказалъ землемѣръ. Онъ сердитъ, капризенъ, но по-крайней-мѣрѣ помнитъ себя. Какъ вы попали сюда? Для чего бродить по лѣсу съ Безсмыслнымъ, который, я знаю, могъ бы отсвѣтовать вамъ?

— Я былъ разгоряченъ, и не имѣя силъ заснуть, я рѣшился идти въ лѣсъ; тамъ я заблудился. Къ счастью, Сускузусъ слѣдилъ за мною; онъ спасъ меня. Усталый, я принужденъ былъ лечь подъ деревомъ. Я проснулся уже на слѣдующее утро. Онондаго привелъ меня сюда, чтобы накормить.

— Такъ поэтому Сускузусъ знаетъ, что сквоттеры расположились здѣсь? спросилъ Андрей съ удивленіемъ, и, какъ мнѣ показалось, даже съ негодованіемъ.

— Нѣтъ. Онъ услышалъ ночью визгъ пилы, и идя на этотъ звукъ, мы дошли сюда. Когда же Мильakra узналъ, кто я, онъ постарался запереть меня; что же касается до Сускузуса, то, вѣроятно, Жапъ пересказалъ вамъ все.

— Да, это я знаю; но я удивляюсь, для чего вы, разговаривая такъ долго съ Урсулой, вдругъ скрылись. Моя бѣдная племянница очень огорчена этимъ; это легко замѣтить даже; я хотѣлъ-было узнать отъ нея подробности; но вы знаете, что Урсула, какъ и всякая дѣвушка, скрытна.

— Урсула! вскричалъ я, развѣ она была съ вами?

— Тсъ! говорите тише. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы эти черти, сквоттеры, узнали, что Урсула такъ близко отъ нихъ; она здѣсь, или вѣрнѣе, она тамъ, при входѣ въ лѣсъ, неподалеку отъ хижины Мильakra. Боюсь, чтобы она не догадалась, что я въ плѣну.

— Какъ вы рѣшились, Андрей, вести свою племянницу въ такое опасное мѣсто?

— Успокойтесь, Мордоунтъ; ей нечего бояться; у насъ въ Америкѣ уважаютъ женщинъ. Ни одинъ изъ этихъ негодяевъ не позволитъ себѣ сказать ей лишняго слова. Она сама пожелала идти сюда; а мнѣ трудно противорѣчить ея желанію. Урсула прекрасная дѣвушка, но ее также трудно отвортить отъ любимаго предмета, какъ заставить рѣку течь въ противную сторону.

— Не смотря на все, что рассказалъ мнѣ землемѣръ, я желалъ еще большихъ потребностей, и вотъ что узналъ:

Джапъ съ точностію передалъ порученіе Сускуэзуса. Выслушавъ Джапа, Андрей тотчасъ же собралъ совѣтъ, который состоялъ изъ него самого, Франка и Урсулы; въ тотъ же день, ночью, Франкъ поскакалъ въ Ревиснестъ, чтобы взять бумагу, по которой могъ бы арестовать Мильakra и все его семейство а вмѣстѣ съ тѣмъ привести съ собою людей, которые могли бы схватить преступниковъ. Но такъ какъ бумагу долженъ былъ выдать Ньюкомъ, то, натурально, Франкъ долго не могъ получить ее.

Рано утромъ землемѣръ отправился въ путь, въ сопровожденіи Урсулы и Джапа. Зная, гдѣ живетъ Мильakra, они избрали кратчайшій путь. Приближаясь къ жилищу, землемѣръ пошелъ впередъ, приказавъ Урсулѣ слѣдовать за нимъ въ отдаленіи, а въ случаѣ, если бы его схватили сквоттеры, поспѣшить къ брату. Меня утѣшало одно, что съ Урсулой былъ Джапъ; зная его коротко, я былъ увѣренъ, что онъ не оставитъ ее. Съ той самой минуты, когда землемѣръ разсказалъ мнѣ всѣ подробности, моя тюрьма сдѣлалась вдвое несноснѣе для меня.

XXI.

Въ ней я нашелъ все, что желать найти. Она любила меня, со всѣмъ пыломъ юной души! Для меня оказалась отъ всего, что могло влѣять ее въ свѣтъ; для меня забыла она друзей своихъ! Вѣрная своей клятвѣ, тихая и прекрасная, какъ вечерняя звѣзда, съ какою удивительною твердостью, съ какою ангельскимъ терпѣніемъ она переносила всѣ ихъ жестокіе поступки.

Shaw.

И такъ, Урсула была почти со мною! Но, конечно, она рѣшилась явиться къ сквоттерамъ, болѣе по привязанности къ своему ядѣ, чѣмъ изъ расположенія ко мнѣ. Но все же я дивился ея рѣшимости, ея рѣдкому самоотверженію.

— Повторяю вамъ, Мордоунтъ, сказалъ мнѣ землемѣръ, она непременно хотѣла быть здѣсь; а еслибъ вы знали ее короче,

тогда увидѣли бы, что когда она любить, для нея нѣтъ никакихъ препятствій. Боже мой! какою прекрасною женою она могла бы быть! Кстати, вотъ письмо, которое написала мол дорогая племянница къ одному изъ сыновей Мильakra; къ тому самому, который часто прѣзжалъ къ намъ и даже работалъ по найму; его зовутъ Зефаномъ. Послушайте, но, смотрите, это тайна: мнѣ кажется, что этотъ Зефанъ влюбленъ въ Урсулу и хотѣлъ бы на ней жениться.

— Кто?... онъ?... Зефанъ Мильакръ смѣетъ думать объ Урсулѣ!... о женитьбѣ?

— О-го-го!... Да развѣ онъ не можетъ любить такъ же, какъ и другіе? Неужели въ немъ нѣтъ сердца, потому только, что онъ сквоттеръ?... Мнѣ кажется, что онъ также можетъ любить, и быть любимымъ.

— Вы говорите, что Урсула написала къ нему письмо? сказалъ я дрожащимъ голосомъ, едва переводя дыханіе.

— Да, да: вотъ оно.... мило написано.... да иначе Урсула и писать не умѣетъ. Но вотъ, кажется, идетъ Зефанъ: я подзову его и отдамъ ему письмо...

На голосъ старика землемѣра, Зефанъ приблизился къ амбару.

— Послушай, Зефанъ! Согласись, что когда ты бываешь у насъ, мы не запираемъ тебя, какъ дикаго звѣря. Изъ этого ты самъ можешь видѣть, какая между нами разница; но все равно; какое мнѣ до этого дѣло. Вотъ письмо къ тебѣ. Оно прислано отъ той, которая можетъ совѣтовать и желать тебѣ одного лишь хорошаго; исполни ея совѣты, ты не будешь раскаяваться. Я не знаю, что она пишетъ, но должно быть хорошо. Урсула пишетъ, какъ ангелъ.

Я едва имѣлъ силы, слушать все, что говорилъ землемѣръ. Все это правда! Урсула Мальбонъ писала къ одному изъ сыновей Мильakra; писала къ сквоттеру, который былъ почти ея женихомъ! Терзаемый ревностью, я съ завистію смотрѣлъ на счастливица! Хотя молодой сквоттеръ былъ красивый мужчина, но въ эту минуту онъ казался мнѣ олицетвореннымъ безобразіемъ. Конечно, онъ легко могъ бы понравиться каждой дѣвушкѣ, изъ одного сънимъ состоянія; но могъ ли я предполагать, чтобы Урсула, хотя и бѣдная, но прекрасно образованная, стоявшая по рожденію своему гораздо выше сквоттера,—могла полюбить его?

Я слышалъ, что женщины часто влюбляются въ одну нару-

жность; но наружность сквоттера, хотя и красивая, была, однако груба. Не довела ли до этого Урсула—жажда, потребность любви? Я зналъ Урсулу такъ недавно еще, а потому не могъ вполнѣ разгадать ея характера. Къ тому же Урсула начала жизнь свою въ лѣсахъ, а мы почти всегда, съ какою-то жадностью, возвращаемся къ первымъ наклонностямъ своимъ. Можетъ быть эта непонятная для меня дѣвушка создала, для своего будущаго, такія идеи о счастья и радости, которыя легче могли осуществиться въ лѣсахъ, чѣмъ посреди шумныхъ городовъ. Всѣ эти мысли быстро смѣнялись одинъ другимъ въ головѣ моей, въ страшную минуту ревности.

Зефанъ съ какою-то неловкостью принялъ письмо, и съѣлъ близъ стрелы, вѣроятно, съ намѣреніемъ, прочесть всаднѣ, безъ свидѣтелей, посланье Урсулы. Я стоялъ не подалеку отъ него.

Но взять письмо въ руки, распечатать его, не значить еще умѣть прочесть. Образованіе Зефана было ограничено; послѣ одной или двухъ попытокъ, онъ почувствовалъ безсиліе свое въ грамотѣ. Онъ осматривался вокругъ, чтобы найти кого-нибудь, кто бы могъ помочь ему; взоръ его упалъ на меча. Я слѣдилъ съ жадностью даже малѣйшія его движенія. Индѣецъ, казалось, не обращалъ ни на что вниманія; Андрей, помѣстясь въ противоположной сторонѣ амбара, съ любопытствомъ разсматривалъ хижину и мельницу. Зефанъ подошелъ ко мнѣ и тихо сказалъ:

— Не знаю, какъ вамъ объяснить, маіоръ Литтльпеджъ: а такая разница между ученьемъ іоркскимъ и вермонтскимъ, что право, я почти не могу разобрать въ этомъ письмѣ ни слова.

Я поспѣшно взялъ письмо, и сталъ, по желанію Зефана, тихо читать его.

Я передамъ здѣсь въ подробности посланіе Урсулы. Вотъ оно:

«Милостивый Государь.»

«Вы всегда оказывали мнѣ уваженіе и преданность: рѣшаюсь нынче испытать искренность вашихъ чувствъ. Дядюшка отправляется къ вашему отцу, чтобы просить объ освобожденіи маіора Литтльпеджа, который задержанъ безъ всякаго съ вашей стороны права. Опасаясь, что пріѣздъ дядюшки будетъ непріятенъ для Милькра, и что между ними можетъ возникнуть ссора, я обращаюсь къ вамъ съ просьбою, отклонить всѣ непріятности. Если же, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, будетъ за-

держанъ и дядюшка, въ такомъ случаѣ, умоляю васъ извѣстить меня объ этомъ; я буду въ лѣсу, недалеко отъ вашего дома. Вы легко найдете меня, идя по дорогѣ на востокъ; на встрѣчу вамъ я вышлю негра, который при мнѣ.

«Еще одна просьба: позаботьтесь о судьбѣ маіора Литтльпеджа. Подумайте о томъ, что если съ нимъ случится какое-нибудь несчастье, — оно погубитъ все ваше семейство. Законъ справедливъ и могучъ: онъ найдетъ васъ вездѣ, куда бы вы ни скрылись. Въ этомъ случаѣ, за жизнь человѣка вы будете отвѣчать не такъ, какъ отвѣчаютъ за нѣсколько акровъ земли. Генералъ Литтльпеджъ мало обращаетъ вниманія на поземленную у него землю; онъ добръ, но берегитесь оскорбить или причинить какое-нибудь несчастье единственному его сыну. Повторяю, не забудьте моей просьбы: отъ всего сердца умоляю васъ покровительствовать ему; къ этому васъ можетъ принудить, если не уваженіе и преданность ко мнѣ, то по-крайней-мѣрѣ ваша безопасность.

«Считаю необходимымъ прибавить, что отвѣтъ, который я сказала вамъ въ Ревиснестѣ, при поднятій храма, рѣшительный и послѣдній; но если вы, дѣйствительно, чувствуете ко мнѣ то, что стараясь выразить въ то время, въ такомъ случаѣ вы сдѣлаете все отъ васъ зависящее, чтобы покровительствовать маіору Литтльпеджу, старинному другу моего дядюшки: этимъ самымъ вы обяжете меня и успокоете.

«Преданная вамъ»

«Урсула Мальбонъ.»

Странная дѣвушка была Урсула! Мнѣ стыдно стало самого себя; мнѣ смѣшна показалась ревность, на минуту овладѣвшая всѣмъ моимъ сердцемъ. Въ какіе безразсудные поступки увлекаетъ насъ эта ужасная страсть! Я самъ былъ живымъ тому примѣромъ!... Я могъ думать, могъ повѣрить, что Урсула Мальбонъ любитъ Зефана Милькра!

— Какъ она хорошо пишетъ! вскричалъ молодой сквоттеръ. Я думаю, во всей іоркской колоніи не найдешь ей подобной. Я люблю ее до безумія!

Въ этомъ восклицаніи было, въ одно и то же время, и много юмизма и много трогательнаго.

— Если Урсула такъ привязана къ вамъ, сказалъ я, то конечно ты исполнишь ее просьбу?

— Да, чѣмъ же я могу служить вамъ, маіоръ? Клянусь, я готовъ отдать все на свѣтъ, чтобъ только исполнить желаніе Урсулы; но что же мнѣ дѣлать?

— Ты можешь отпереть дверь нашей темницы, выпустить насъ, а въ лѣсу мы съумѣемъ пзбѣгнуть погони. Исполни эту просьбу, и я обещаю, что дамъ тебѣ пятьдесятъ акровъ земли, на которой ты можешь поселиться и жить, какъ честный человекъ.

Предложеніе это, казалось, обольщало сквоттера; онъ молчалъ, думалъ, наконецъ, обратился къ лѣсу, гдѣ могла быть Урсула, онъ качнулъ головой и сказалъ:

— Нѣтъ!... если бѣ отецъ не могъ довѣрять своему сыну, такъ кому же онъ, послѣ этого, довѣрится.

— Никто не долженъ помогать въ незаконномъ дѣлѣ; твой отецъ не имѣетъ никакого права держать насъ здѣсь, и рано или поздно онъ строго отвѣтитъ за это передъ закономъ.

— Онъ и знать его не хочетъ. Всю жизнь мы были во-враждѣ съ закономъ.

— Скажи мнѣ, однакожъ, твой отецъ опасно раненъ?

— Нѣтъ, бездѣльца, сказалъ равнодушно Зефанъ, не спуская глазъ съ лѣса: небольшая царапина;... мой отецъ всегда скоро поправляется.

— Ну, а когда поправится,—что онъ думаетъ дѣлать съ нами?

— Не стоить говорить объ этомъ. Ужъ если мой старикъ на что рѣшился, такъ ему не отсвѣтуешь никто; онъ не послушаетъ никого.

— А ты думаешь, что онъ задумалъ что-нибудь важное?

— Не знаю. Онъ и теперь кончилъ бы съ вами, если бы могъ отравить весь лѣсъ; вода низка, да надо подождать ноябрю мѣсяца. Мнѣ кажется, что онъ хочетъ продержать васъ и землемѣра еще мѣсяца три или четыре.

Я хотѣлъ продолжать разговоръ, но къ намъ подошла Лавинія и сказала своему брату, что скоро соберется домашній советъ, потому-что Мильакръ чувствуетъ себя гораздо лучше. Зефанъ пошелъ домой, а Лавинія осталась у амбара.

— Хорошъ ли былъ широкъ? спросила она застѣчиво.

— Прекрасный! благодарю тебя. Чѣмъ ты занята теперь? Мнѣ нужно было бы попросить тебя объ одной услугѣ.

— Мнѣ дома дѣлать нечего.

— Тѣмъ лучше. Ты такъ добра, что я смѣю довѣрю тебѣ одну важную тайну. Могу ли я вѣрить тебѣ?

— Отчего же нѣтъ? говорите, сказала дѣвушка, пристально взглянувъ на меня. Говорите скорѣе; увѣрю, что я исполню вашу просьбу. Странно: никогда я не чувствовала такой готовности исполнить желанія другихъ.

— Но обѣщай мнѣ, никому не говорить объ этомъ.

— Обѣщаю, обѣщаю, сказала тихо Лавинія. Никто, никогда не услышитъ отъ меня слова; не выскажу вашей тайны даже и во снѣ.

— У землемѣра есть племянница, которую онъ очень любитъ; она для него дороже всего; ее зовутъ....

— Урсула Мальбонъ! сказала Лавинія, слегка улыбувшись. Зефанъ всегда говорить со мной про все; я съ Зефаномъ очень дружна. Онъ говорить мнѣ все, и я ничего не скрываю отъ него. Вѣдь, не правда ли, пріятно имѣть человека, которому можно довѣрять тайны? Что же вы хотѣли мнѣ сказать про Урсулу?

— Она здѣсь.

— Здѣсь? Гдѣ же? (Лавинія быстро осмотрѣлась кругомъ; на лицѣ ея выразилось безпокойство). Зефанъ говорить, что она чудо какъ хороша... правда ли это?

— Да, она хороша; но въ Америкѣ есть много хорошенькихъ. Урсула здѣсь, то-есть, не въ амбарѣ, а очень близко отсюда, въ лѣсу. Она провожала своего дядю. Посмотри сюда въ эту сторону: видишь ли это почерѣвшее дерево, которое стоитъ въ полѣ, за домомъ твоего отца?

— Вижу.

— А лѣвѣе отъ этого дерева, растетъ другое, каштановое; оно у самой опушки лѣса.

— Вижу, вижу. Я знаю это дерево; подлѣ него есть ручей.

— У этого дерева землемѣръ оставилъ свою племянницу. Можешь ли ты сходить туда и отнести письмо?

— Ничего нѣтъ легче. Мы всѣ, молодья дѣвушки, ходимъ въ это поле собирать ягоды; побѣгу сейчасъ за корзиной, а вы, между тѣмъ, пишите письмо. Никому и въ голову не придетъ, что я иду съ письмомъ. О, какъ мнѣ хочется видѣть Урсулу! какъ вы думаете, согласится ли она выйти за Зефана?

— Всѣ молодья дѣвушки такъ вѣтренны и непостоянны, что право не могу отвѣчать.

— А я могу увѣрить васъ, вскричала Лавинія, побѣжавъ за корзиной, что нѣтъ никого постояльце дѣвушекъ.

Я приготовился писать. Вынуть изъ портфеля все нужное, я подошелъ къ землемѣру, чтобъ сказать ему объ этомъ и спросить, не надо ли и ему извѣстить объ чемъ-нибудь племянницу.

— Нанишите, Мордоунтъ, что я посылаю ей свое благословеніе. Скажите, что старикъ землемѣръ молится объ ней.

Въ короткихъ словахъ я объяснилъ Урсулѣ положеніе, въ которомъ мы находились; потомъ умолялъ ее возвратиться къ Франку и не покидать его. Напомнивъ ей о моихъ чувствахъ, я увѣрялъ, что они не только не измѣнились, но развились во мнѣ еще больше со дня разлуки. Окончивъ письмо, я увидѣлъ Лавинію; она подходила къ амбару, неся кринку молока; взявъ отъ меня письмо, она посѣдила въ поле. Я слышалъ, какъ она кричала одной изъ своихъ сестеръ, что идетъ собирать ежевику для своихъ арестантовъ.

Я съ любопытствомъ слѣдилъ за всѣми движеніями молодой дѣвушки. Землемѣръ, изнуренный продолжительной бессонницей, крѣпко спалъ. Индѣецъ съ аппетитомъ уничтожалъ хлѣбъ и молоко.

Лавинія пошла прямо къ полю, и скорѣ скрылась. Глаза мои устремлены были на лѣсъ, въ который она вошла. Вдругъ, между деревьями, мелкнуло женское платье, — это была, вѣроятно, Урсула. Черезъ полчаса я увидѣлъ Лавинію, которая подходила къ каштановому дереву. Она остановилась, посмотрѣла вокругъ, какъ бы узнавая мѣсто, и потомъ посѣшно скрылась въ лѣсу. Прошло болѣе часа, какъ я не видѣлъ ее больше.

Въ это время Зефанъ подошелъ къ амбару, въ сопровожденіи двухъ братьевъ своихъ; онъ держалъ въ рукѣ ключъ. Сначала я подумалъ, что меня потребуютъ на судъ къ Мильакру, но ошибся; подоидя къ амбару, Зефанъ подозвалъ къ себѣ Индѣйца и сказалъ ему:

— Я думаю, скучно сидѣть краснокожему въ заперти? и вѣрно, не разсердишься, если тебѣ позволить выйти отсюда и гулять на свободѣ?

— Конечно, спокойно отвѣчалъ Сускуэзусъ. Индѣйцу дорога свобода.

— Я такъ и думалъ. Вотъ видишь ли что: мой старикъ говоритъ, что ты можешь выходить, но только съ условіемъ.

— Съ какимъ условіемъ? Что я долженъ сдѣлать?

— Бездѣлицу: дай честное слово, что ты не скроешься отсюда, и каждый вечеръ будешь возвращаться въ амбаръ; согласишься ли, Сускуэзусъ?

— Отчего же не сдѣлать этого: буду возвращаться.

— Такъ и дѣло кончено. Но смотри, ты не долженъ приносить сюда никакого оружія, никакихъ инструментовъ.

— Понимаю, понимаю.

— Ты не пойдешь противъ насъ, ни прямо, ни тайно, пока не возьмешь назадъ своего честнаго слова. Ты согласишься на все это?

— Согласенъ, согласенъ.

— Такъ вотъ и все, чего требуетъ отъ тебя старикъ; но мать моя проситъ тебя еще объ одномъ условіи: если бы дѣло дошло здѣсь до драки, то чтобы ты защитилъ женщинъ и дѣтей, а не обижалъ бы ихъ.

— Къ чему мнѣ обижать ихъ.

— Ну, смотри же, теперь мы согласились во всемъ. Ступай, куда хочешь; но помни, что вечеромъ, когда услышишь рожокъ, ты долженъ быть дома.

На такихъ-то странныхъ условіяхъ, Сускуэзусъ получилъ свободу. Для меня эти условія были подозрительны; но судя по спокойствію, съ какимъ разсуждали объ договаривающіяся стороны, я увидѣлъ, что во всемъ этомъ не могло быть ничего особеннаго. Я слышалъ, что слово, данное Индѣйцемъ, въ подобномъ случаѣ, считалось всегда священнымъ и ненарушимымъ. Желая убѣдиться въ этомъ, я сказалъ Зефану: отчего же вы не выпускаете насъ, когда рѣшились освободить Индѣйца?

— Потому-что Индѣецъ—Индѣецъ; у него своя натура, а у васъ своя. Говорили о томъ, чтобъ и васъ выпустить, майоръ, да старикъ не согласился; онъ говоритъ, что хорошо знаетъ людей и что если выпустить васъ, такъ вы скажете: «онъ держалъ меня въ заперти безъ всякаго права, противъ всякаго закона, теперь я на свободѣ, а потому могу не сдержатъ и своего обѣщанія. Освободи только благо, онъ до тѣхъ поръ станетъ рыться въ землѣ, пока не найдетъ лазейки, чтобъ скрыться навсегда. Пусть лучше сидитъ; теперь онъ въ нашей волѣ.» Вотъ что скавалъ мой отецъ.

Я не отвѣчалъ.

— Отецъ мой хотѣлъ выпустить и васъ, землемѣръ, прибавилъ Зефанъ; но тоже опасается. Кто проводитъ границы, тотъ можетъ и нарушить ихъ.

— Твой отецъ свободенъ дѣлать, что хочетъ, сказалъ равнодушно Андрей. Не хочу ни просить его, ни давать ему слова. Мы враги.... скажи ему, чтобъ онъ былъ осторожнѣе.... пусть подумаетъ о себѣ и о лѣсѣ,... совѣтую!

— Чтѣ? сказалъ запальчиво Зефанъ, не смотря на то, что говорилъ съ дядей Урсубы, во власти котораго было разстроить всѣ его сердечныя предположенія. Посмотримъ!... въ насъ довольно силъ!... не испугаете!

— Убирайся, сумасбродъ!... вонъ!... вотъ парочка съ отцомъ!... я не ждалъ и не жду милости отъ сквоттеровъ, которыхъ не хочу знать и презираю!

Зная спокойный и ровный характеръ землемѣра, я былъ удивленъ послѣдними его словами. Зефанъ удалился съ своими братьями; Сускузаусъ бродилъ около амбара, скучный и мрачный.

Вскорѣ послѣ Зефана, насъ посѣтили новыя лица: въ сопровожденіи братьевъ, явился Тоби. Они пришли за нами, чтобъ отвести насъ въ домъ Мильакра, въ которомъ были собраны всѣ мужьяны. Насъ готовились подвергнуть суду, отъ котораго могла зависть наша судьба; я совѣтовался съ землемѣромъ. Андрей желалъ одного: лично говорить съ сквоттерами и высказать имъ все, что было у него на душѣ. Выслушавъ землемѣра, я вышелъ съ нимъ изъ амбара; насъ окружили четыре сына Мильакра, и мы направили шаги свои къ дверямъ судилища.

XXII.

Мильакръ, хотя и врагъ законовъ, соблюлъ, однакожъ, всѣ формальности суда. Мы нашли полное собраніе; старикъ засѣдалъ въ серединѣ; не въ дальнемъ разстояніи отъ него, сидѣли Пруденція и двѣ или три дочери. Я удивился, увидѣвъ тутъ же и Лавинію. Когда успѣла она придти?

Тоби ввелъ насъ въ домъ и помѣстилъ у дверей, противъ своего отца; это было сдѣлано съ намѣреніемъ: чтобъ убѣждать, мы должны были бы прорваться сквозь всю толпу; а это сдѣлать было не легко. Впрочемъ, землемѣръ и не помышлялъ о побѣгѣ. Онъ вошелъ въ кругъ молодыхъ Геркулесовъ, съ совершеннымъ равнодушіемъ. Лицо его выражало спокойствіе и важность.

Мильакръ попросилъ насъ сѣсть. Вокругъ него помѣстились сыновья его. Въ комнатѣ царствовала глубокая тишина. Меня поразило выраженіе безпокойнаго любопытства, которое я замѣтилъ на лицахъ всѣхъ женщинъ.

Тишина и молчаніе продолжались еще нѣсколько минутъ; не знаю, для чего это дѣлалось: хотѣлъ ли Мильакръ придать болѣе торжественности всему засѣданію, или, дѣйствительно, обдумывалъ свои намѣренія. Одно обстоятельство удивило меня. Несмотря на сору, бывшую между землемѣромъ и сквоттеромъ, на лицѣ Мильакра, не было никакой злобы.

Я увидѣлъ, наконецъ, что въ настоящемъ случаѣ, я игралъ второстепенную роль; а главная принадлежала землемѣру. На него смотрѣли, какъ на сильнѣйшаго и опаснѣйшаго врага.

— Землемѣръ! сказалъ съ разстановкою и съ важностью суля: ты всегда идешь противъ меня и моихъ. Ты, по одному уже званію своему, нашъ врагъ.

— Я врагъ всѣхъ негодцевъ, Мильакръ; и не скрывалъ и не хочу скрывать этого, сказалъ съ твердостью Андрей. Ты говоришь, что я по своему званію, вашъ врагъ? Ошибаешься. Скорѣй ты мнѣ врагъ; потому-что ты и подобные тебѣ, лишаютъ насъ, землемѣровъ, всего; вы незаконно захватываете землю, селяетесь на ней, ни говоря ни слова владѣльцамъ.

— Къ чему сердиться, землемѣръ? Теперь, когда ты находишься въ моей власти, я хочу окончателно поговорить съ тобой. Мы старѣемся и приближаемся къ концу, не мѣшаетъ подумать иногда объ этомъ. Я прибылъ сюда, не изъ голландской колоніи, а изъ земли, гдѣ знаютъ, что есть еще жизнь и за гробомъ.

— Къ чему ты говоришь мнѣ объ этомъ, Мильакръ? сказалъ съ сердцемъ Андрей. Оставь религію; я уважаю её, но не хочу

слышать объ ней отъ сквоттера. Скажи мнѣ, для чего вы, Янки, приходите на землю Голландца? Я этого не могу понять. Вѣрно для Янковъ и Голландцевъ не одно и тоже написано въ Библии?

— Можетъ быть.... но оставимъ разговоръ объ религіи, землемѣръ.

— И прекрасно сдѣлаешь, сказалъ Андрей;... ты не много въ этомъ понимаешь.

— Послушаемъ, что можетъ сказать Мильакръ, въ свое оправданіе, сказалъ я, выѣшавшись въ разговоръ: вы ему отвѣтите послабѣ; по моему мнѣнію, одни вы въ состояніи защищать правое дѣло.

Андрей согласился на мое предложеніе. Сквоттеръ, которому не только хотѣлось оставить за собою землю, но и доказать, мѣстѣ съ тѣмъ, что онъ былъ совершенно правъ, сказалъ:

— Молодой человѣкъ, я самъ желаю одного только: обстоятельно поговорить съ вами объ этомъ, пора кончить нашъ поземельный споръ.

— Представь себѣ, сказалъ землемѣръ, приспособляя слова свои къ дикимъ понятіямъ сквоттера: представь себѣ двухъ человѣкъ, которые начинаютъ жить въ одно время. Имъ обонимъ нужны фермы; они идутъ въ лѣсъ и каждый изъ нихъ желаетъ занять одно и то же мѣсто. Что жъ они будутъ дѣлать? кто возьметъ?

— Кто первый пришелъ, тотъ и бери, въ этомъ по моему мнѣнію и право владѣнія.

— Хорошо, согласенъ съ тобой, Мильакръ; да гдѣ жъ граница этому владѣнію?

— Да я ужъ сказалъ тебѣ, что каждый беретъ, сколько ему надо для своихъ нуждъ.

— А когда придетъ другой и захочетъ поселиться подлѣ первого, гдѣ же проведутъ они границу?

— А тамъ, гдѣ найдутъ лучше, вскричалъ Тоби, терявшій

терпѣніе; какіе это были бы сосѣди, которые не согласились бы между собою въ такихъ пустякахъ.

— Однимъ словомъ; если бы два нашихъ сквоттера захотѣли имѣть одну и ту же землю, кто жъ между ними правъ?

— Да что съ тобой! тебѣ надо повторять сто разъ, что ли? я сказалъ уже: кто первый пришелъ, тотъ и бери.

— А! вотъ этого-то я и желалъ! Такъ ты развѣ первый пришелъ сюда? Развѣ задолго до тебя не владѣли этой землею генералъ Литтълпеджъ и полковникъ Фолюкъ? Развѣ не они еѣ вымѣряли и раздѣлили на участки? Они владѣютъ этой землею болѣе двадцати-пяти лѣтъ, хотятъ сберечь еѣ, и по твоимъ даже правламъ, кажется, имѣютъ на то право.... Я не удивляюсь, помолчавъ, сказалъ землемѣръ: что тебя назвали Мильакромъ! Ты скоро захватишь всю землю!

Сквоттеръ не въ состояніи былъ вынести послѣдняго упрека; онъ вдругъ прервалъ засѣданіе, отъ котораго ждалъ совершенно другихъ результатовъ.

— Отведите его! сказалъ онъ своимъ дѣтямъ, отойдя отъ двери. Я не ручаюсь за себя.

— Посмотрите на нихъ, послушайте этихъ дикихъ дѣтей! сказалъ Андрей, возвращаясь въ темницу. Только то и хорошо, что дѣлается для нихъ.

Землемѣра увели; а меня оставили. Пруденція также ушла со всѣми своими дѣтьми. Меня, казалось, забыли. Вдругъ, какой-то шорохъ обратилъ мое вниманіе; я оглянулся и увидѣлъ Лавинію, которая, приложивъ палець къ губамъ, дѣлала мнѣ знакъ, чтобъ я вошелъ въ корридоръ, изъ котораго лѣстница вела на чердакъ. Не думая о послѣдствіяхъ, я исполнилъ желаніе Лавиніи, войдя въ корридоръ, бросился къ окну, и хотѣлъ уже выпрыгнуть, какъ вдругъ Лавинія схватила меня за руку.

— О, сохрани васъ Богъ!... Не прыгайте въ окно,.... не то васъ увидятъ и непремѣнно убьютъ. Не уходите теперь. Сту-

пайте сюда... опуститесь въ этотъ подвалъ... Вотъ люкъ... я васъ увѣдомлю обо всемъ.

Нельзя было терять времени. Она открыла люкъ, и я въ одно мгновеніе очутился въ подвалѣ.

Все это сдѣлалось въ одну минуту. Спустя нѣсколько времени, я услышалъ надъ собой тяжелые шаги Мильака и крикъ нѣсколькихъ голосовъ. Очевидно было, что они замѣтили мое отсутствіе, и что меня вездѣ искали. Пруденція громко и пронзительно кричала:

— Лавинія! Лавинія! Гдѣ ты?

— Я здѣсь, матушка, отвѣчала Лавинія; вы приказали мнѣ принести новую Библию.

Лавинія говорила правду, и потому отклонила отъ себя всякое подозрѣніе. Новый топотъ послышался надъ моею головою.

— Его надо непременно поймать! кричалъ Мильакръ; иначе мы пропали;... мы ничего не успѣемъ спасти.

«Онъ на верху!» кричалъ одинъ голосъ. «Онъ въ подвалѣ!» повторялъ другой. Одни ползли по лѣстницѣ на верхъ, другіе вытаскивали изъ люка ящикъ, который нарочно поставила Лавинія.

Подвалъ былъ тѣсень. Въ немъ помѣщались двѣ кадки, наполненныя свининой. Скрыться было негдѣ. Я прижался въ самый темный уголокъ; но счелъ себя погибшимъ, когда увидѣлъ сначала двѣ ноги, спускавшіяся по лѣстницѣ внизъ, ко мнѣ, потомъ еще двѣ, и наконецъ пять человѣкъ, въ числѣ которыхъ было три женщины, очутились въ подвалѣ. Четвертая женщина въ которой я узналъ Лавинію, стояла у люка, вѣроятно, съ намѣреніемъ, чтобъ не пропускать туда свѣтъ. Первый спустившійся ко мнѣ человѣкъ началъ обшаривать всѣ углы; счастливая мысль мелькнула въ моеи головѣ: я рѣшился подражать ему. Темнота мѣшала видѣть меня. Вскорѣ Тоби подбѣжалъ къ лѣстницѣ и закричалъ: «Окно! окно!... Ступайте къ окну!» Не прошло и полуминуты, какъ подвалъ опустѣлъ.

Я едва вѣрилъ своему счастью; люкъ снова закрылся и глухая тишина водворилась вездѣ.

Положеніе мое было не совсѣмъ пріятно. Заключенный въ подвалѣ, не имѣя возможности вырваться оттуда, безъ того, чтобъ не попасть снова въ руки скоттеровъ, я начиналъ уже жалѣть, что послушался и увлекся совѣтами Лавиніи.

Разсуждая объ этомъ, я вдругъ замѣтилъ, что люкъ снова открылся, и Лавинія тихо произнесла мое имя. Я подошелъ къ лѣстницѣ и увидѣлъ, что она дѣлала мнѣ знакъ, чтобъ я вышелъ вонъ. Я слѣпо повиновался ей.

— Не правда ли смѣшно?.. сказала она мнѣ на ухо, когда я очутился подлѣ нея... васъ никто не узналъ? Тсъ!.. не говорите! сказала она, замѣтивъ, что я хочу отвѣчать; они всѣ очень близко... они ищутъ васъ... Я хочу увести васъ отсюда... успеете ли вы добраться до мельницы?... туда нельзя ожидать никого.

— Но какъ же? меня могутъ увидѣть, если они всѣ такъ близко отсюда?

— Какъ знать: пойдите сюда, къ дверямъ, и вы увидите, что есть возможность скрыться. Всѣ смотрятъ въ противоположную сторону; постарайтесь только добраться вонъ до тѣхъ бревенъ, и вы спасены. На мельницѣ, скройтесь на самомъ верху.

Во ста шагахъ отъ меня сложены были срубленные деревья; склады эти тянулись до самой мельницы. Вся трудность состояла въ томъ, чтобъ пройти разстояніе, которое отдѣляло меня отъ бревенъ. Выждавъ минуту, когда никто не обращалъ вниманія въ эту сторону, я легъ на землю и осторожно, поползъ; чрезъ нѣсколько секундъ я былъ у бревенъ. Никто не кричалъ; изъ этого я могъ заключить, что меня не замѣтили. Достигнуть мельницы было не такъ уже трудно. Къ счастью, домъ скрывалъ меня отъ враговъ. Я увидѣлъ Лавинію:

крѣпко стиснувъ руки на груди, она съ явнымъ безпокойствомъ слѣдила за мною. Наконецъ я очутился на мельницѣ, и тогда только въ сердцѣ моемъ блеснула надежда быть спасеннымъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

Науки и Художества.

СВЕКЛОСАХАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВЪ РОССИИ.

Свекловичный сахаръ сталъ положительнымъ русскимъ промысломъ не далѣе, какъ въ тридцатыхъ годахъ.

До 1840 года считалось въ средней и югозападной половѣ Россіи до 140 свеклосахарныхъ заводовъ; на нихъ добывалось сахарнаго песку до 150 т. пудовъ.

Въ 1844 году было заводовъ до 200 *, т. е. болѣе противъ 1840 года 60 заводами, — что составитъ въ четыре года среднимъ числомъ по 15 заводовъ на годъ; сахарныхъ же издѣлій, преимущественно въ пескѣ, получено отъ нихъ, въ послѣдній изъ показанныхъ годовъ, болѣе нежели въ три раза противъ 1840 года, а именно—до 480 т. пудовъ.

Въ 1845 году прибавилось заводовъ нѣсколько менѣе показанной пропорціи, но количество добытаго сахара противъ 1840 года возрасло болѣе, нежели въ 5 разъ, а именно до 800 т. пудовъ **.

* Здѣсь исключено нѣсколько малозначительныхъ заводовъ, не имѣвшихъ никакого вліянія на сахарное производство.

** Въ этомъ году сахарнаго песку было только 400 т. пуд., и кромѣ того выдѣлано на свеклосахарныхъ заводахъ рафинаду до 200 т. пуд., который, полагая 20 фунтовъ за пудъ сахарнаго песку, составитъ еще 400 т. пуд., всего 800 т. пудовъ.

Если положить, что въ такой же пропорціи было увеличеніе числа заводовъ и количества сахара въ послѣдніе два года, то надобно полагать, что къ началу 1848 года существовало въ Россіи не менѣе 240 заводовъ, и на нихъ выдѣлано, въ прошломъ году, 1,400,000 пудовъ сахара.

Для большей ясности, умноженіе заводовъ и возрастаніе на нихъ количества сахарныхъ издѣлій, мы представимъ за каждый годъ отдѣльно, въ круглыхъ числахъ.

Въ 1840 году было 140 заводовъ; на нихъ выдѣлано сахарнаго песку до 150 т. пудовъ; среднимъ числомъ по 1000 пудовъ на заводъ.

Въ 1844 году считалось 200 заводовъ; выдѣлано сахару 480 т. пуд.; среднимъ числомъ 3,700 пудовъ.

Такимъ образомъ съ 1840 по 1846 г. заводовъ прибавлялось круглымъ числомъ по 15-ти ежегодно, между тѣмъ какъ количество выдѣланнаго песку приходилось на каждый заводъ въ такой пропорціи: въ 1840 г. 1, въ 1844 г. 2, въ 1845 г. 3,7.

Количество свеклы, доставляемой на заводы отъ окрестныхъ владѣльцевъ, какъ подтвердилось при обзорѣи значительнаго числа заводовъ въ прошлую осень, равняется одной трети, а на нѣкоторыхъ заводахъ превосходитъ половину всей перерабатываемой пропорціи. — Весьма немногіе заводы, и то болѣею частью мелкіе, не имѣющіе оборотнаго капитала, ограничивались свеклою со своихъ только плантацій, и почти не было такихъ заводовъ, которые бы довольствовались одною покупкою свеклы.

Нѣрѣдко случалось, что тамъ, гдѣ промыселъ этотъ, при благоприятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, наиболѣе вкоренился, столько доставлялось свеклы на заводы посторонними землевладѣльцами, что заводчики не въ состояніи были ее переработать.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ изобиліи свеклы, соперничество возрастаетъ, цѣны на нее падаютъ, и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, теряютъ болѣе всѣхъ поселяне, потому-что они не имѣютъ возможности, ни заключить обезпечивающій ихъ продуктъ контрактъ съ заводчикомъ, ни условиться съ нимъ заблаговременно въ цѣнѣ.

Избытокъ въ продуктѣ, изъ котораго выдѣлывается сахаръ, казался, долженъ бы, не ограничиваясь однимъ только увеличеніемъ производства на существующихъ уже заводахъ, возбудить соревнованіе въ помѣщикахъ, не участвующихъ въ свеклосахарномъ

производствѣ, къ устройству новыхъ заводовъ; между тѣмъ приведенныя выше цифры показываютъ, что ежегодное умноженіе числа заводовъ вовсе не соответствуетъ быстро возрастающей пропорціи увеличивающагося на нихъ производства. — Поэтому нельзя не замѣтить, что при всемъ, по видимому, быстромъ развитіи у насъ свеклосахарнаго производства, къ устройству свеклосахарныхъ заводовъ встрѣчаются препятствія, которыя, до сихъ поръ, еще не устранены.

Въ 1844 году было:

До 90 завод., перерабатывающихъ сах. песку отъ 200 до 1000 пуд.

50	—	—	—	—	—	2000	—
22	—	—	—	—	—	3000	—
17	—	—	—	—	—	4000	—
5	—	—	—	—	—	5000	—
2	—	—	—	—	—	6000	—
6	—	—	—	—	—	7000	—
5	—	—	—	—	—	19.000	—
5	—	—	—	—	—	25.000	—

Поэтому, послѣднихъ пяти разрядовъ заводы (числомъ 23) выработывали сахарнаго песку столько, и даже нѣсколько болѣе, сколько въ совокупности всѣ остальные заводы (числомъ 177).

Вся значительная масса мелкихъ заводовъ образовалась преимущественно до 1840 года; съ того же времени развитіе мелкихъ заводовъ не подвинулось, а увеличилось только число заводовъ большаго размѣра.

Въ 1844 году сахарные заводы были въ 14-ти губерніяхъ.

Они представляютъ слѣдующую постепенность по губерніямъ:

	Число заводовъ.	Сколько придется на каждый заводъ выработан. песку.	И того.
Кіевской	43	3600 пудовъ	154.800 пудовъ.
Черниговской	26	2600 —	54.600 —
Харьковской	25	1600 —	40.000 —
Тульской	22	2300 —	50.600 —

* До-сихъ-поръ эта промышленность исключительно находится въ рукахъ владѣющихъ значительнымъ числомъ земли съ крестьянами.

Курской	22	900 —	19.800 —
Воронежской	18	4100 —	73.800 —
Подольской	18	2500 —	45.000 —
Полтавской	9	1900 —	17.100 —

В остальных за тѣмъ 6-ти губерніяхъ всѣхъ заводовъ было 23, и на каждый изъ нихъ среднимъ числомъ приходилось сахарнаго песку по 480 пудовъ.

Въ 1845 году отношеніе сахарнаго песку и заводовъ измѣнилось по губерніямъ:

	Число заводовъ.	Среднее количество сахарнаго песку на каждый заводъ.	Итого.
Кіевской	43	11.000 пудовъ	473.000 пудовъ
Черниговской	24	1600 —	38.400 —
Харьковской	14	1700 —	23.800 —
Тульской	23	3100 —	71.300 —
Курской	22	810 —	17.820 —
Воронежской	12	4100 —	49.200 —
Подольской	17	2100 —	35.700 —
Полтавской	13	1200 —	15.600 —

Кромѣ того, въ шести не поименованныхъ выше губерніяхъ, изъ 23 заводовъ осталось только 16; по вмѣсто 480 пудовъ среднее количество добываемаго сахара возрасло до 800, а на одномъ до 4800 пудовъ.

За тѣмъ, въ 1845 году вновь введено сахарное производство въ 6-ти губерніяхъ съ 31 заводомъ, въ которыхъ средняя пропорція песку была отъ 1000 до 1600 берковцевъ.

При сравненіи числа заводовъ и количества выработаннаго на нихъ сахара по губерніямъ оказывается, что въ 1845 году уменьшилось и число заводовъ, и количество выработаннаго сахара въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ производство было въ 1844 году; но вмѣсто того прибавилось вновь 6 губерній, отъ чего, въ общей сложности, количество сахара въ 1845 году было больше противъ 1844 г.

Въ одной только кіевской губерніи, при томъ же количествѣ заводовъ, выработано сахару въ 1845 году столько, сколько въ предшествовавшемъ году въ сложности получено во всѣхъ 14-ти губерніяхъ, гдѣ выдѣлка сахара производилась.

Изъ этого можемъ заключить, что если превосходные успѣхи сахарнаго дѣла по кіевской губерніи, и открытіе въ 1845 году свеклосахарнаго производства вновь въ шести губерніяхъ доказываютъ, что эта отрасль промышленности быстро развивается, то уменьшеніе числа заводовъ въ прочихъ губерніяхъ, гдѣ эта промышленность получила также осязательность, представляетъ не менѣе разительныя доказательства, что эта статья нашего хозяйства, по видимому, находится въ колебаніи, и далека еще отъ того, чтобы ее можно было считать утвердившеюся у насъ на прочныхъ основаніяхъ.

Разсмотримъ причины такого колебанія.

Мы говорили уже, что изъ 200 заводовъ 22 производятъ столько сахарнаго песку, сколько остальные 177 заводовъ меньшаго размѣра. Заводы, построенные въ огромныхъ размѣрахъ, снабжены аппаратами съ усовершенствованіями, сдѣланными по этой части за границею, и оттуда съ большими издержками выписываемы; между тѣмъ какъ малые заводы не въ состояніи обзавестись подобными аппаратами.

Чтобы убѣдиться, въ какой степени существуетъ превосходство въ устройствѣ большихъ заводовъ предъ малыми, стоитъ рассмотреть выходы сахарнаго песку и рафинада, и издержки на заводское производство.

При паровомъ производствѣ и гидравлическихъ прессахъ, средній выходъ песка часто превышаетъ 20, и возвышается до 24 фунтовъ пробѣлennaго песка, и рѣдко менѣе 18 фунтовъ.

Такіе выходы существуютъ на нѣкоторыхъ изъ заводовъ кіевской, саратовской, воронежской и черниговской губерній; между тѣмъ какъ при огненальномъ производствѣ, — сюда принадлежатъ исключительно всѣ мелкіе заводы, снабженные при томъ, большею частію, ручными прессами, или производящіе выварку первыхъ соковъ посредствомъ вымочки, — средняя пропорція такого же сорта песку рѣдко превышаетъ 12 фунтовъ съ берковца, а часто бываетъ не свыше 10 фунтовъ.

То же самое можно сказать и о рафинировкѣ. При аппаратахъ сложныхъ (не дѣйствующихъ на голомъ огнѣ), изъ пуда благаго песка получается рафинаду отъ 24 до 32 фунтовъ. При аппаратахъ же простыхъ (на голомъ огнѣ), отъ 13 до 18 и 20 фунтовъ.

Самыя же издержки по этимъ двумъ различнымъ производствамъ представляются наоборотъ, напримѣръ: для выварки одного и того же количества сырыхъ соковъ и сироповъ, и для

рафинировки на огневальных заводах, потребуется дровъ, по крайней мѣрѣ, вдвое противъ передѣлки того же количества свеклы на заводахъ, снабженныхъ паровыми приводами; то же самое можно сказать и о рабочихъ; число ихъ, при ручныхъ прессахъ, въ несколько разъ превышаетъ потребность для выжимки того же количества свеклы на гидравлическихъ прессахъ.

Если сосчитать эти излишки въ расходахъ, и принять во вниманіе неравномѣрное добываніе сахарнаго песку и рафинада, то окажется, что какъ тотъ, такъ и другой по крайней мѣрѣ въ половинну обойдется дешевле на заводахъ усовершенствованной конструкции, въ сравненіи съ заводами простой конструкции.

Не смотря, однакожъ, на эту несоразмѣрность въ издержкахъ на добываніе сахара, выгоды, представляющіяся отъ этого производства, при нашей охранной таможенной системѣ, такъ велики, что и заводы простой конструкции могли бы доставлять значительную пользу для ихъ владѣльцевъ, еслибы устройство такихъ заводовъ было производимо опытными механиками; но мы имѣемъ еще такъ мало свѣдущихъ по этой части людей, что за недостаткомъ ихъ владѣльцы недвижимыхъ имѣній, увлекаясь надеждами на значительныя выгоды, поручаютъ, весьма часто, постройку заводовъ людямъ вовсе несвѣдущимъ и, такъ сказать, только практикующимся на счетъ своихъ довѣрителей.

Нерѣдко случалось видѣть, что подобный строитель, не смотря на неудачу въ постройкѣ одного завода, получалъ вдругъ два, три заказа отъ сосѣднихъ владѣльцевъ; чему приписать такое ослѣпленіе, или, лучше сказать, такое непреоборимое, общее увлеченіе владѣльцевъ средней и югозападной полосы Россіи участвовать въ свеклосахаровареніи, не смотря на то, что многіе больше теряютъ, нежели выигрываютъ отъ этого производства? Это обстоятельство заслуживаетъ полного вниманія потому, что въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ ни одна отрасль сельскаго хозяйства не получала такого общаго стремленія, и не достигала такого быстрого развитія въ столь короткое время, если только періодъ этого развитія будемъ считать съ тридцатыхъ годовъ, когда свеклосахарное производство получило постоянную у насъ ослѣдность. Разгадать это не трудно.

До развитія свекловичныхъ плантацій, главные торговые продукты нашихъ внутреннихъ губерній заключались преимущественно: въ различныхъ родахъ хлѣба, пенькѣ, льнѣ, саяѣ, шерсти, табакѣ и другихъ. Цѣнность этихъ продуктовъ зависитъ

отъ большаго или меньшаго требованія ихъ за границу,—почему и цѣны на нихъ всегда непостоянны; это непостоянство цѣны увеличивается еще отъ того, что при отдаленности разстоянія отъ портовъ,—продажа этихъ продуктовъ иностраннымъ negociантамъ производится не изъ первыхъ рукъ, но переходитъ въ достояніе барышниковъ, которые не упускаютъ случая воспользоваться всеми возможными средствами, не только къ возвышенію цѣны въ портахъ, но даже и къ пониженію ихъ на мѣстѣ покупки. Не смотря на это, помѣщики часто не имѣютъ возможности сбыть этимъ барышникамъ свой товаръ большими партиями, на наличныя деньги, а особливо когда они, при недостаткѣ оборотныхъ капиталовъ, побуждаются необходимостью сбыть вдругъ свои товары.

Совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ находится наша торговля сахаромъ. Не мы его отпускаемъ за границу, а къ намъ его привозятъ. Потребность въ немъ годъ отъ году увеличивается и цѣны держатся почти равныя, и никогда, при существующемъ тарифѣ, не могутъ понизиться до того, чтобы вредить нашимъ заводчикамъ, пользующимся значительнымъ перевѣсомъ предъ колониальными, если не искусствомъ обработки, то дешевизною матеріаловъ для производства, и низкою задѣльной платою рабочимъ.

Въ наше время, сколько бы вы ни имѣли въ своихъ магазинахъ сахара въ пескѣ, или рафинадѣ, всегда можете считать его за чистыя деньги; хотите продать его,—покупщикъ всегда найдетъся. Какъ бы не была далека перевозка, незначительная плата за нее, а особливо во время зимняго пути, при цѣнности товара, не убыточно на немъ раскладывается. При нашемъ безденежьи въ губерніяхъ, отдаленныхъ отъ промышленнаго центра,—сахаръ составляетъ тѣ же деньги; его—вы можете безъ труда заложить и безъ убытка промѣнять на какой угодно товаръ. Часто случается, что торговцы, вмѣсто денегъ за проданный товаръ, привозятъ сахаръ изъ Риги и другихъ портовъ, и на этотъ сахаръ, какъ на наличныя деньги, снова закупаютъ нужный товаръ, для отправления въ Ригу.

Такъ было до сихъ поръ и такъ будетъ еще долго, благодаря годъ отъ году распространяющемуся у насъ потребленію этого продукта.—Немногія статьи нашей сельской промышленности, встрѣчая постоянно возрастающее соперничество на иностранныхъ рынкахъ, отъ распространенія этихъ статей въ Америкѣ, Южной-Индіи и Австраліи (тамъ гдѣ прежде онѣ едва были из-

вѣстны), не могутъ похвалиться такою счастливою будущностію, какую ожидаетъ наша сахарная торговля. Намъ предстоитъ еще, какъ мы увидимъ ниже, вытѣснить изъ своихъ портовъ не менѣе 1.700.000 пудовъ колониальнаго сахара, а это не скоро еще случится, потому что, по мѣрѣ того какъ развивается кругъ дѣйствій нашихъ свеклосахарныхъ заводовъ, распространяется на него потребность въ народѣ.

Гдѣ положить предѣлъ этой потребности въ государствѣ, въ которомъ болѣе 60 милліоновъ жителей, и изъ которыхъ едва ли двадцатая часть только ознакомилась, но не свыклась еще съ нею, дѣлающеюся при нашемъ сырости и холодномъ климатѣ не роскошно, во почти необходимою для того, кто хотя нѣсколько понялъ улучшение своего быта, кто вышелъ изъ предѣловъ грубаго невѣжества?

Мы не считаемъ мнѣнія своего слишкомъ смѣлымъ, если ставемъ утверждать, что предѣлы извѣстной степени образованія у насъ едва ли не безошибочнѣе, по многимъ, не касающимся нашей статьи, причинамъ, считать цифрами потребленія сахара и чая, нежели числомъ грамотныхъ и безграмотныхъ, какъ обыкновенно это дѣлается.

Можемъ положительно утверждать, что потребленіе сахара годъ отъ году должно распространяться у насъ почти съ такою же быстротою, какую представляютъ цифры. увеличившагося добыванія сахара въ 1844, 1845, 1846 и 1847 годахъ, потому что промыселъ этотъ тѣсно связанъ съ народнымъ образованіемъ, и подобно тому, какъ вѣчно переходящее время ничто и никакія препятствія не могутъ остановить,—такъ и развитіе потребленія сахара не подлежитъ условію никакихъ спекуляцій, никакихъ административныхъ ограниченій.

Понимая дѣло съ этой точки зрѣнія, при введеніи въ нашу свеклосахарную промышленность акциза, въ настоящее время,— послѣдствія его видѣть не трудно: заводы сложной, усовершенствованной конструкціи, которые, какъ мы видѣли, получаютъ выходы сахарнаго песку и рафинада вдвое болѣе, и притомъ при меньшихъ расходахъ, противъ заводовъ простѣйшаго устройства, но количеству добываемаго сахара, будутъ вносить половину менѣе акциза, въ сравненіи съ теми послѣдними заводами; и потому, не чувствуя никакой тягости отъ акциза, не будутъ имѣть надобности въ возвышеніи цѣнъ на ихъ произведенія; между тѣмъ какъ заводы, лишеныя этихъ выгодъ, должны необходимо возвы-

сить цѣну на сахаръ, чтобы сохранить свои незначительныя выгоды, которыя безъ акциза, какъ мы видѣли, теперь дѣлаютъ ихъ предпріятіе колеблющимся.

Послѣдствія разгадать не трудно. Такого рода заводы не могутъ надолго сохранить свою самобытность,—они должны, или примѣнить свое устройство къ выгоднѣйшему производству, или закрыть свои дѣйствія. По этому наша существенная выгода,—сдѣлать реформу въ нашихъ сахарныхъ заводахъ, въ началѣ развитія этого промысла, потому что если изъ 240 заводовъ $\frac{1}{2}$ должны быть поражены необходимою измѣнить свое устройство, или при недостаткѣ техническихъ пособій, вовсе закрыть свои дѣйствія,—то въ общихъ видахъ государственнаго хозяйства, ущербъ этотъ не такъ будетъ ощутителенъ, какъ въ то время, когда промыселъ этотъ достигнетъ болѣе обширнаго развитія, и когда, быть можетъ, въ нѣсколько разъ большее число заводовъ должно подвергнуться той же участи, если не отъ акциза, то отъ заводовъ усовершенствованной конструкціи бѣльшаго размѣра, которыхъ соперничество, какъ мы видѣли, годъ отъ году возрастаетъ. Въ этомъ случаѣ акцизъ предупредитъ только то, что сдѣлаетъ время и усовершенствованіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что при введеніи акциза устройство новыхъ, меньшихъ заводовъ въ началѣ, при недостаткѣ у насъ надежныхъ техническихъ пособій, не будетъ быстро распространяться; за то не будетъ и тѣхъ неблагоприятныхъ переменъ, какія, какъ мы замѣтили, произошли въ одинъ 1845 годъ въ сравненіи съ 1844 годомъ, на тѣхъ заводахъ, гдѣ наиболѣе не доставало хорошаго устройства благонадежныхъ производителей.

При томъ, рано или поздно, акцизъ долженъ быть, а нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ неизвѣстность; одно ожиданіе акциза, при неразлучныхъ съ нимъ преувеличеніяхъ, можетъ также замедлить и удержать многихъ нерѣшительныхъ владѣльцевъ отъ постройки новыхъ заводовъ.

Намъ скажутъ: какая польза государству, если припатыя начала для устройства заводовъ будутъ хотя благонадежны, но самое развитіе промысла замедлится, и какой вредъ можетъ произойти отъ того, что въ заводахъ, гдѣ нѣтъ ни правильности въ устройствѣ, ни совершенства въ производствѣ, происходятъ частныя неблагоприятныя измѣненія, если общая сложность заводовъ и выдѣлываемыхъ на нихъ издѣлій годъ отъ году постоянно увеличивается? — Вотъ какая польза и вотъ какой вредъ:

Если отъ недостатка техническихъ пособій, для лучшаго производства сахара, и произойдетъ мгновенная остановка въ распространѣніи заводовъ, но прежнимъ устарѣлымъ образцамъ, то въ то же время, неотъемлемыя выгоды, которыя общаюто заводы усовершенствованной конструкции, поставятъ заводчиковъ въ необходимость изыскать все нужныя пособия, для устройства однихъ надежныхъ и безубыточныхъ заводовъ; при этомъ побужденіи могутъ только образоваться у насъ свои собственные, надежные механики, которымъ можно безъ риска доверитъ свои капиталы, и отличные мастера, на искусство которыхъ смѣло можемъ положиться; наконецъ эта же самая необходимость заставитъ насъ изыскать у себя дома средства изготовлять усовершенствованные аппараты по дешевой цѣнѣ, не прибѣгая къ крайности выписывать ихъ изъ за границы, что становится очень дорого, и при ограниченныхъ средствахъ малыхъ заводчиковъ не всякому изъ нихъ доступно.

Мы уже сказали, что на заводахъ усовершенствованной конструкции, если не больше, то по крайней мѣрѣ вдвое требуется рабочихъ рукъ и горючихъ матеріаловъ; хотя, за всеъ тѣмъ, не извлекается и половины того количества песку и рафинада, какое можно получить на тѣхъ заводахъ, гдѣ нѣтъ подобныхъ недостатковъ. Довольно этого, чтобы удостовериться въ невыгодѣ подобнаго устарѣлаго производства; но мы еще болѣе убѣдимся въ вредномъ вліяніи, какое эти недостатки могутъ имѣть на прочія статьи нашего сельскаго хозяйства, и на самый свекловичный промыселъ, если допустимъ дальнѣйшее развитіе его на подобныхъ, сомнительныхъ началахъ, и примемъ во вниманіе, сколько рабочихъ рукъ напрасно употребляются при неусовершенствованныхъ аппаратахъ, а слѣдовательно сколько тратится излишнихъ издержекъ на ихъ содержаніе, и сколько истребляется бесполезно лѣса при огневальномъ производствѣ, — не говоря уже о томъ, что при нечѣрныхъ и рискованныхъ барышахъ на подобныхъ заводахъ больше всехъ теряютъ владѣльцы свекловичныхъ плантацій, которые должны довольствоваться ограничевною и часто нечѣрною платою, между тѣмъ какъ свеклосахарный промыселъ только тогда заслуживаетъ покровительства, когда онъ служитъ поощреніемъ земледѣлію и даетъ безобидную плату поселенину за его труды; во можетъ ли то и другое достаточно вознаграждаться, если самъ заводчикъ не извлекаетъ всей пользы изъ свеклы, и при ограниченныхъ выгодахъ долженъ содер-

жать лишнее число рабочихъ? — ему остается или уменьшить цѣну на свеклу и задѣльную плату, или прекратить дѣйствія завода.

При томъ, изыскивая средства къ выгодному сбыту нашихъ лѣсныхъ матеріаловъ, не должно ли, съ тѣмъ вмѣстѣ, заботиться, чтобы это невознагражденное послѣдіе нашихъ предковъ не было истративаемо бесполезно и для ихъ владѣльцевъ, не получающихъ значительнаго вознагражденія, при нечѣрныхъ барышахъ заводчиковъ, и напрасно для нихъ самихъ?

Не нужно имѣть дара предвидѣнія, чтобы убѣдиться, что при распространѣніи пароваго свеклосахарнаго производства огневальное долго держаться не можетъ, и если оно существуетъ и постепенно распространяется, то потому лишь, что первое теперь еще довольно рѣдко, и что дешевизна лѣсныхъ матеріаловъ и рабочихъ, при совершенно свободномъ отъ всякаго налога воздѣлываніи сахара, даетъ возможности огневальному производству держаться. Какъ скоро все эти отношенія измѣнятся, огневальные заводы должны неизбежно прекратить свои дѣйствія; но это случится не прежде, какъ когда все лѣса въ окрестностяхъ заводовъ, на значительное пространство, будутъ истреблены и истощатся средства на это усиленное, убыточное для заводчиковъ и тягостное для селѣдшихъ обывателей производство, тягостное для этихъ послѣднихъ потому, что и ихъ прибытокъ тѣсно связанъ съ благосостояніемъ заводовъ.

Примѣръ столь неуравнительнаго производства не новъ; все такъ называемыя, привилегированныя губерніи испытали эту неравную борьбу огневальнаго и пароваго производства на винокурныхъ заводахъ. Пока не было паровыхъ, огневальные заводы, не смотря на нещадное истребленіе лѣса и на плохія выгоды, долго существовали. — Появились паровыя винокурныя заводы, благосостояніе огневальныхъ рушилось, — но рушилось не вдругъ, а постепенно, пока совершенно не истощились средства и пока чрезъ нихъ не общались все окрестныя обыватели.

Насъ спросятъ: если главнѣйшія статьи сельскаго хозяйства, какъ то: пенька, ленъ и другія, а равно и выдѣлываемыя изъ нихъ мануфактурныя произведенія не обложены внутреннею пошлиною, то по какому особенному уваженію свеклосахарный промыселъ, одинъ изъ наиболѣе содѣйствующихъ земледѣлію, представляется необходимымъ обложить акцизомъ? На это отвѣчать не трудно: пенька, ленъ и другія сельскія произведенія отпускаются въ продажу за границу; тамъ ихъ главнѣйшій сбытъ.

Чѣмъ болѣе будетъ сбытъ этихъ сырыхъ продуктовъ, тѣмъ болѣе государство чрезъ то выиграетъ; потому что на большую часть изъ нихъ мы получаемъ въ обмѣнъ заграничные товары, и правительство, какъ бы въ замѣнъ акциза съ тѣхъ продуктовъ, получаетъ пошлину съ иностранныхъ товаровъ. Не въ такомъ отношеніи находится свеклосахарный промыселъ. Мы не отпускаемъ своего сахара въ продажу, слѣдовательно чрезъ эту статью правительство не имѣетъ никакого вознагражденія пошлиною, какую оно должно терять чрезъ неразвитіе этой статьи таможенного сбора, который конечно долженъ приостановиться чрезъ умноженіе сахарныхъ издѣлій внутри государства. Притомъ сахаръ во всѣхъ его видахъ не есть уже издѣліе сырое, а фабричное, и еслибъ мы могли обработать его столько, что оказался бы у насъ излишекъ и съ выгодою можно было бы вывозить его за границу, то конечно правительство не преминуло бы возратить взятый съ такого сахара акцизъ его владѣльцамъ, — какъ это дѣлается съ транзитнымъ товаромъ.

Возьмемъ пятилѣтній привозъ сахарнаго песку и количество полученнаго съ него таможенного сбора до 1842 года, когда съ привознаго сахара сырца вималось пошлины по 3 р. 21½ к. съ пуда.

Въ 1837 году	Привезено.	Пошлины.
1837	1.797,449 пуд.	5,846,220 р.
1838	1.634,718 —	5,292,370. —
1839	1.568,343 —	5,047,226. —
1840	1.799,712 —	5,778,421. —
1841	1.705,299 —	5,466,778. —

Пятилѣтняя сложность годичнаго привоза простиралась до 1,701,150 пудъ, а таможенный доходъ составлялъ 5,482,625 р. сер.

Съ 1842 года пошлина возрасла до 3 р. 80 к.

Въ 1842 году	Привезено.	Пошлины.
1842	1,922,562 пуд.	7,297,922 р.
1843	1,782,987 —	6,787,621 —
1844	2,133,588 —	8,067,123 —
1845	сырца и лумпа 1,674,190 —	6,352,812 —
1846	1,715,153 —	6,579,755 —

Пятилѣтняя сложность привоза составляетъ 1,705,856 пудовъ и таможенный сборъ равняется 6,997. 046 р. сер.

Сравнительно съ сахаромъ былъ привозъ:

	чаю.	кофе.
Въ 1837 году	193,970 пуд.	129,146 пуд.
1838 —	201,152 —	101,901 —
1839 —	210,268 —	126,444 —
1840 —	218,985 —	153,292 —
1841 —	247,665 —	147,732 —
Пятилѣтняя сложность привоза	214,208 —	131,703 —
Въ 1842 году	264,214 —	177,010 —
1843 —	231,464 —	131,111 —
1844 —	264,109 —	150,007 —
1845 —	330,053 —	160,095 —
1846 —	352,969 —	196,905 —
Пятилѣтняя сложность.	288,741 —	163,025 —

Изъ этого видно, что привозъ чаю въ сложности увеличился на 26%, а привозъ кофе слишкомъ на 20%.—Этотъ избытокъ долженъ былъ отразиться и на сахарѣ. По сему расчету въ послѣднее пятилѣтіе нужно бы ожидать увеличенія привоза песку и лумпа среднимъ числомъ не менѣе 400 т. пудовъ, между тѣмъ какъ въ оба пятилѣтія привозъ сахару оставался почти одинъ и тотъ же. Поэтому казна должна лишиться таможенныхъ доходовъ отъ сахара среднимъ числомъ почти 1,600,000 руб.

Здѣсь говорится о томъ, на сколько привозъ сахару долженъ бы увеличиться, если бы мы довольствовались однимъ колониальнымъ сахаромъ; въ существѣ же, какъ видѣли выше, по всей вѣроятности, мы потребляемъ его гораздо болѣе, и это происходитъ отъ того, что промыселъ этотъ, сдѣлавшись туземнымъ, безъ сомнѣнія распространилъ большее, противъ обыкновеннаго, потребленіе его въ народѣ, на мѣстѣ самаго производства, потому что сахаръ, за недостаткомъ въ обращеніи денегъ, сдѣлался отчасти какъ бы мѣновымъ товаромъ, посредствомъ котораго производится иногда расчетъ между заводчиками и окрестными сосѣдями за свеклу, дропа, и другія принадлежности, чего, конечно, не было бы, если бъ колониальный сахаръ былъ приобращаемъ за однѣ наличныя деньги.

Коснувшись одного изъ главнѣйшихъ вопросовъ въ нынѣшнемъ свеклосахарномъ производствѣ: почему долженъ существовать акцизъ на отечественный сахаръ въ тѣхъ видахъ, въ коихъ

вообще организована наша тарифная система?—мы не сдѣлаемъ отступленія, если прежде объясненія нашей акцизной системы укажемъ на главнѣйшія акцизныя системы, какія существуютъ нынѣ на Западѣ, гдѣ свеклосахарное производство наиболѣе распространилось. Въ этомъ отношеніи безспорно займутъ Франція и Пруссія вообще съ Германскимъ Таможеннымъ Союзомъ одно изъ первыхъ мѣстъ, съ тѣмъ только различіемъ, что этотъ промыселъ не пользуется особымъ покровительствомъ въ этихъ государствахъ: въ Пруссіи потому, что правительство признаетъ нужнымъ покровительствовать земледѣлю, безъ введенія въ него посявовъ свекловицы, а во Франціи, какъ отчасти по этой причинѣ, такъ и по необходимости уравнивать выгоды свекловичныхъ заводчиковъ съ колоніальными, и чтобы, съ тѣмъ вмѣстѣ, поддержать торговое мореплаваніе.

Акцизная система Франціи.

Основаніемъ закона 1843 года было уравниеніе акциза съ сахара внутренняго производства съ пошлиною колониальнаго. Для постепеннаго достиженія этого уравниенія назначенъ былъ пятилѣтній срокъ.

На этомъ основаніи было взимаемо со ста килограмовъ (6-ть пудовъ):

Въ 1845 голу	38 франковъ	50 сантимовъ.
1846 —	44 —	« —
1847 —	47 —	50 —

т. е. столько, сколько взималось пошлины съ сахара-сырца 1-й пробы, привозимаго съ острова Бурбона, и подлежащаго меньшей пошлинѣ, противъ прочихъ сортовъ колониальнаго сахара.

Акцизъ на сахаръ выше 1-го сорта увеличивался $\frac{1}{10}$.

Выше 2-го сорта и на сахаръ въ головкахъ ниже мелиса $\frac{2}{10}$.

На мелисъ и леденецъ $\frac{3}{10}$.

Послѣ разныхъ перемѣнъ и затрудненій въ способѣ взиманія сего акциза, — въ 1846 году принятъ законъ слѣдующаго содержания:

Каждый заводчикъ обязанъ былъ представить въ подлежащее мѣсто подробное описаніе завода, съ обозначеніемъ числа, емкости и силы всѣхъ спарядовъ.

Предъ начатіемъ работъ заводчики снабжались были ежегод-но свидѣтельствомъ, цѣною въ 50 франковъ.

Заводчики обязаны вести, по опредѣленной формѣ, реестры главнымъ операціямъ производства.

Заводы и все принадлежащая къ нимъ строенія, во всякое время подвергаются обыскамъ и повѣркамъ уполномоченныхъ для этого чиновниковъ.

Чиновники эти ведутъ по каждому заводу особый счетъ произведеніямъ фабрикаціи.

Налогъ исчисляется въ меньшей степени, по количеству и густотѣ соковъ, подвергаемыхъ сгущенію. Густота соковъ узнается посредствомъ особеннаго градуснаго прибора (денсиметра).

Чиновники во всякое время могутъ повѣрять правильность веденія счетовъ, и количество, оказавшееся свыше, конфискуется.

Достоинство сахара, по имѣющимся на заводѣ образцамъ, определяется полюбовно, а въ случаѣ несогласія образцы отправляются въ Парижъ, гдѣ въ подлежащемъ мѣстѣ окончательно разбирается достоинство ихъ.

Заводчикамъ представляется, до оплаты акцизомъ, хранить готовый сахаръ въ магазинахъ своихъ, откуда могутъ перевозить не иначе, какъ по ерлыкамъ и по уплатѣ акциза. При перевозкѣ сахаръ пломбируется.

Счеты поступающаго въ эти магазины сахара, равно и отпуски изъ нихъ, ведутся точно такъ же, какъ и на заводахъ.

Всякая утайка сахара подлежитъ конфискаціи; за невзятіе установленнаго ерлыка взыскиваются двойныя пошлины.

Узаконенія съ Пруссіи и Германскомъ таможенномъ союзѣ.

Акцизная система на свекловичный сахаръ въ Пруссіи получила начало въ 1840 г. Система эта была нѣсколько измѣнена по случаю конвенціи, заключенной прусскимъ правительствомъ съ германскими владѣтелями таможеннаго союза въ 1841 г. Окончательное развитіе и утвержденіе свеклосахарной акцизной системы послѣдовало въ 1846 г. Сущность этой системы заключается въ слѣдующемъ:

Акцизъ взимается съ вѣса употребляемой свеклы, принимая за норму 20 центнеровъ свеклы за одинъ центнеръ сахару (т. е. 5% или 20 фунтовъ песку съ берковца).

Свекловица допускается въ сыромъ и сухомъ видѣ (принимая одинъ центнеръ сухой за $5\frac{1}{2}$ центнеровъ сырой свеклы); та и другая, при поступленіи на заводъ, взвѣшивается въ присутствіи чиновника акцизнаго управленія, съ тѣмъ различіемъ, что за первую особеннаго присмотра не полагается; послѣдняя же хранится за замкомъ чиновника.

Чиновникъ этотъ долженъ быть всякій разъ приглашаемъ при новомъ поступленіи сухой свеклы въ магазинъ, или при взятіи изъ него для передѣлки.

Заводы, въ которыхъ перерабатывается не болѣе 10 т. центнеровъ свеклы, послѣ повѣрки объявленнаго запаса и обзрѣнія его помѣщеній, могутъ быть подвергаемы общему акцизу, опредѣленному круглою суммою, безъ спеціальнаго перевѣшиванія свеклы.

Въ началѣ производства, заводчикъ долженъ представить акцизному начальству подробное описаніе и чертежъ устройства завода, вычисленія емкости аппаратовъ и силы выжимательныхъ сварядовъ.

Описаніе это и чертежи въ двухъ экземплярахъ утверждаютъ подписью акцизнаго начальства. Одинъ экземпляръ остается для повѣрки и псчисленія на заводѣ, а другой въ акцизной управѣ; самыя же аппараты перенумеровываются по порядку ихъ размѣщенія.

Послѣ этого никакое пововеденіе въ производствѣ, никакая перемѣна аппаратовъ, ни даже перестановка ихъ съ одного мѣста на другое, не допускаются безъ разрѣшенія и личнаго удостовѣренія акцизнаго начальства.

Каждый заводчикъ обязанъ вести книги о всѣхъ подробностяхъ производства, чтобы можно было, при повѣркахъ заводовъ, усмотрѣть: какое количество свеклы переработано, и сколько получено сахарныхъ издѣлій.

По этимъ книгамъ, во всякое время, производится повѣрка дѣйствій завода.

Акцизъ устанавливается на каждые три года, и взимается въ настоящее время по $1\frac{1}{2}$ зильберъ-грошей съ центнера сырой свекловицы, или по 1 талеру съ центнера песку.

Владѣлецъ завода обязанъ вносить акцизъ помѣсячно, чрезъ три дня послѣ объявленія ему акцизнымъ начальствомъ о количествѣ причитающагося акциза.

По случаю порчи свекловицы, или изготовленныхъ изъ нея издѣлій, акцизъ не возвращается.

Въ случаѣ взиманія лишняго акциза ли недобора въ немъ, окончательный расчетъ производится въ годичный срокъ.

За корчемство взыскивается въ первый разъ вчетверо противъ акциза; во второй взыскъ удваивается и въ третій учетверяется; а виновный лишается права на производство завода отъ 1 до 5 лѣтъ.

Съ подобною же строгостію подвергается взысканію всякое отступленіе отъ установленныхъ закономъ правилъ.

Во Франціи акцизъ на свекловичный сахаръ простирается по сортамъ его отъ 1 рубля $81\frac{1}{2}$ копѣекъ до 2 рублей 41 копѣйки за пудъ, а въ германскомъ таможенномъ союзѣ по 31 копѣйки за пудъ.

Изъ этого краткаго обзрѣнія главнѣйшихъ основаній французской и прусско-германской акцизныхъ свеклосахарныхъ системъ видно, что какъ та, такъ и другая въ существѣ сходны, съ тѣмъ только различіемъ, что во французской—взиманіе акциза, а слѣдовательно и надзоръ, преимущественно обращены на сахарныя издѣлія; между тѣмъ какъ прусско-германская система въ этомъ отношеніи примѣнена къ свекловицѣ.

Объ эти системы во многомъ весьма неудобны; неотступный надзоръ за вывозкою сахарныхъ издѣлій, продажою ихъ и за всѣми дѣйствіями завода, постоянное вмѣшательство въ его производство, непрерывный контроль его счетовъ, дѣлаютъ эту систему многосложною и чрезвычайно затруднительною для французской свеклосахарной фабрикаціи; то же самое повторяется и на прусско-германскихъ заводахъ, съ тою только разницею, что здѣсь стѣснительныя мѣры надзора обращены преимущественно на свекловицу; но за то приведеніе ея въ извѣстность посредствомъ взвѣшиванія, при установленныхъ для сего надсмотрщикахъ, едвали еще не затруднительнѣе французскаго способа взиманія акциза.

Объ эти системы основаны на фискальныхъ мѣрахъ, которыя, не представляя особенныхъ выгодъ для правительства, крайне обременительны для заводчиковъ, и если подобный способъ надзора допущенъ тамъ, то едвали не потому, что этотъ промыслъ какъ мы уже сказали, ни во Франціи, ни въ Пруссіи и Германіи,

не принадлежить къ разряду промысловъ, пользующихся покровительствомъ сихъ державъ.

Многіе отзываются выгодно о примѣненіи бандерольной системы ко взиманію акциза съ свекловичнаго сахара; въ самомъ дѣлѣ при накладываніи бандеролей, заводчикъ былъ бы не стѣсненъ въ своемъ внутреннемъ производствѣ, отъ чего весьма много зависитъ его успѣшность, и каждый былъ бы обложенъ равномѣрнымъ акцизомъ.

Противъ бандерольной системы стануть возражать тѣмъ, что во 1-хъ, трудно изобрѣсть такіе бандероли, которые съ равнымъ удобствомъ можно накладывать на ящики, или бочки сахарнаго песка; во 2-хъ, при этой системѣ надобно бы стѣснить розничную продажу; въ 3-хъ, при повсемѣстной торговлѣ сахаромъ почти невозможно имѣть правильный за продажею его надзоръ.

Первое неудобство могло бы быть устранено потому, что если въ самомъ дѣлѣ допустить продажу песка въ бочкахъ, какъ большею частію и дѣлается, то нѣтъ ничего легче, какъ приложить бандероль такъ, чтобы онъ остался безъ поврежденія; нужно только наклеивать его на внутреннихъ краяхъ, которые остаются на верхекъ внѣ бочки, съ обѣихъ ея сторонъ; для прочности же бандероли готовить изъ тесмы. Также есть средство примѣнить бандероли къ головамъ, если только ввести одинаковую форму ихъ. Для розничной же продажи сахаръ можетъ быть разбиваемъ въ куски, отъ одного, двухъ и болѣе фунтовъ, какъ это и теперь дѣлается въ магазинахъ, и такіе куски вкладывать въ нарочно приготовленные для этого картоны, которые, по заклеивъ ихъ бандеролемъ, можно дозволить имѣть для продажи въ лавкахъ и магазинахъ.

Остается имѣть присмотръ за непродажею сахара безъ бандеролей; но для этого не предстоить столько затрудненій, и не понадобится бы тѣхъ многочисленныхъ надсмотрщиковъ, которыхъ, при другихъ способахъ взиманія акциза, пришлось бы содержать, въ ущербъ правительству и заводчикамъ, для постоянного надзора за ихъ производствомъ.

Правительство, получая при бандерольной системѣ акцизъ своего вырабатываемаго на заводахъ сахара, всегда должно выигрывать въ сравненіи съ тѣми системами сбора, которыя основаны на постоянной нормѣ средняго выхода.

Но во Франціи и Пруссіи законодательство, повидимому, все не заботилось объ упрощеніи способа взиманія акциза съ

свекловичнаго сахара, и кажется потому, что этотъ промыселъ, какъ мы видали выше, не пользуется особеннымъ покровительствомъ этихъ державъ.

Принятіе сложной акцизной системы во Франціи и Пруссіи, преимущественно предъ бандерольною, доказываетъ, что свеклосахарный промыселъ въ этихъ государствахъ не столько нуждается въ средствахъ къ его распространенію, сколько въ охраненіи правильного поступленія сбора.

Впрочемъ, въ началѣ введенія акциза, при умѣренномъ сборѣ, изъ котораго трудно отдѣлить значительную сумму для надзора, едвали не полезнѣе ограничить мѣру надзора однимъ общимъ надзоромъ за правильнымъ веденіемъ заводскихъ книгъ, по которымъ, на первое время, можно исчислять количество передѣланной свеклы и полученнаго изъ ней песка или рафинада. Если постановить, чтобы за утайку въ счетахъ заводчикъ лишился права на дальнѣйшее производство, то не было бы имъ рисковать всѣмъ, изъ-за малозначительнаго акциза; при томъ, приравненный для сего ревизоръ можетъ во всякое время удостовѣриться: въ такой ли пропорціи отмѣчается въ книгахъ производство, какъ онъ засталъ при экстренныхъ посѣщеніяхъ; а для устраненія всѣхъ отговорокъ заводчикъ, за три дня до измѣненія въ производствѣ, долженъ давать знать о семъ въ подлежащее мѣсто.

Если бы даже допустить, что не смотря на это могли быть утайки сахара на заводахъ, то онѣ, въ общей сложности, не превышали бы тѣхъ расходовъ, какіе потребовались бы на повсемѣстное содержаніе многочисленнаго комплекта надсмотрщиковъ.

Заводчики не могли бы не дорожить преимуществомъ свободнаго производства, ограждающаго ихъ отъ множества бесцѣльныхъ расходовъ, какіе неизбежны при всѣхъ фискальныхъ мѣрахъ, которыя, кромѣ помѣшательства въ производствѣ, вовлекаютъ въ разорительныя тяжбы.

Свеклосахарный акцизъ въ Россіи.

При указѣ Правительствующаго Сената, 6 марта 1848 г., опубликованъ Высочайше утвержденный, въ 25 день февраля сего года, уставъ объ акцизѣ съ свеклосахарнаго производства. Сущность этого устава заключается въ слѣдующемъ:

Для взятія свидѣтельствъ на производство свекловичнаго сахара, должно подавать объявленія не позже 1 августа каждаго года. Свидѣтельство выдается на установленной гербовой бумагѣ, смотря по количеству вырабатываемаго сахара, отъ 3 до 50 руб. сер.

Въ объявленіяхъ о выдачѣ свидѣтельствъ подробно прописываются: мѣсто завода, система добыванія сыраго сока, число употребляемыхъ для этого снарядовъ, сила, емкость и нумерація ихъ, и двухъ-недѣльный періодъ, въ теченіе котораго предполагается открыть производство.

Акцизъ взимается съ каждаго пуда пробѣленнаго песка. Размѣръ акциза установленъ на 6 лѣтъ; въ первые два года, считая съ 1 сентября 1848 г., по 30 к., во вторые по 45 к. и въ послѣдніе по 60 к. съ пуда.

Съ заводовъ, конхъ производство не превышаетъ 500 пуд., размѣръ акциза уменьшается 15-ю коп. въ каждые два года.

Вновь учреждаемые заводы, или существующіе менѣе двухъ лѣтъ до изданія устава, въ первые два года акциза не платятъ, а за остальные 4 года вносить наравнѣ съ заводами малыхъ размѣровъ.

Акцизъ исчисляется со дня снятія печатей съ терокъ, по день приложенія ихъ къ нимъ **: среднимъ выходомъ песка изъ свекловицы; суточной перетѣркою свекловицы, при различнаго рода снарядахъ, и по числу дней производства, полагая, изъ каждаго берковца свеклы, нормою 12 фунтовъ пробѣленнаго песка.

Суточная перетѣрка опредѣляется по снарядамъ:

а., При холодной вымочкѣ на каждый порядокъ, въ 6 или 8 часовъ, въ 1 аршинъ въ діаметрѣ и 1 арш. 5 вершк. въ ширину, —18 берковцевъ, что составитъ $5\frac{1}{2}$ пуд. въ сутки ***.

* За подачу объявленія позже этого срока взыскивается пеня 5 руб.

** Изъ сего исчисленія исключаются дни: Покрова и Благовѣщенія Пресв. Богородицы, Св. Николая, Рожд. Христ., съ 23 декабря по 2 января, Богоявленіе и Срѣтеніе Господне, Св. недѣля и мѣстные храмовые праздники, и въ случаѣ остановки, если она произойдетъ болѣе 4 дней, по случаю погчи.

*** При чавахъ другихъ размѣровъ количество песка, примѣнялся къ сем у, опредѣляется по емкости чановъ.

б., въ гидравлическихъ прессахъ полагается при цилиндрѣ:

		Свекловицы.		Сахара.	
Въ 9 дюймовомъ діаметрѣ	25 берковц.	$7\frac{1}{2}$	пуд.		
— 10 — — —	30 — — —	9	—		
— 12 — — —	40 — — —	12	—		

Гидравлическіе прессы меньшихъ размѣровъ и вводимые вновь аппараты, для добыванія сырыхъ соковъ, опредѣляются Министромъ Финансовъ, въ случаѣ просьбъ о томъ.

Ручные, пажимые, рычажные и другіе прессы, а равно горячая вымочка, опредѣляются по трехъ-суточной средней переработкѣ свекловицы, въ присутствіи отряжаемыхъ для этого чиновниковъ уѣздныхъ казначействъ, которые будутъ вообще завѣдывать акцизною операціею.

Тѣ же чиновники отряжаются, въ промежутокъ времени, со дня подачи объявленія по день выдачи свидѣтельствъ, для приложенія печатей къ теркамъ и къ тѣмъ снарядамъ для сырыхъ соковъ, которые заводчикъ не намѣренъ приводить въ дѣйствіе, — и для освидѣтельствованія прочихъ снарядовъ.

Заводчикъ извѣщаетъ казначейство за двѣ недѣли о днѣ начатія работъ, для присылки чиновника.

Въ случаѣ неявки его, можно пригласить Становаго Пристава, который снимаетъ печати, составивъ о семъ протоколъ за подписомъ своимъ, владѣльца завода и старшаго мастера; — если и здѣсь встрѣтится препятствіе, то предоставляется заводчику самому снять печати, допоя о семъ за три дня казначейству, которое, въ теченіи трехъ дней, командируетъ чиновника, для удостовѣренія въ семъ донесеніи, съ котораго должна оставаться при заводѣ копія за скрѣпою владѣльца.

Такимъ же образомъ за 10 дней извѣщаются казначества: о днѣ прекращенія рѣзки свеклы, для приложенія печатей къ рѣзкамъ.

Не воспрещается заводчику, во время всего производства, просить о *наложеніи* или *снятіи* печатей съ тѣхъ снарядовъ, которые нужно пустить въ дѣйствіе, или приостановить. Сообразно съ тѣмъ расчисляется акцизъ.

Въ нерабочую пору, между 15 марта и 15 августа, дозволяется заводчику самому снимать печати съ терокъ и снарядовъ, если они требуютъ чистки и исправленія.

Акциз вносится въ уѣздное казначейство не позже 1 апрѣля. Если кто внесетъ раѣе, то пользуется, въ видѣ преміи, уступкою полупроцента въ мѣсяцъ съ уплаченной суммы; раномѣрно и въ случаѣ просрочки платитъ штрафъ: за первые три мѣсяца по полупроценту, а послѣ того по два процента въ мѣсяцъ, до окончательной уплаты. До тѣхъ поръ не выдается свидѣтельство на новое производство.

Торговля сахаромъ, во всёхъ его видахъ, производится безъ всякаго ограниченія, на основаніи общихъ узаконеній.

Штрафъ взыскивается, по 300 руб., за тайную перетерку свекловицы, а за дѣйствія завода безъ свидѣтельства, съ платежомъ тройныхъ гербовыхъ пошлинъ. Заводы въ 500 пудовъ подвергаются только половинному взысканію.

За тайное употребленіе аппаратовъ для извлеченія сыраго сока, подвергаются взысканію: *въ первый разъ* отъ 25 до 60 р. за каждый; *во 2-й разъ* штрафъ удваивается; *въ 3-й* утраивается, а *въ 4-й* закрывается заводъ,—если будетъ доказано знаніе самого заводчика о допущеніи употребленія аппаратовъ.

Такому же взысканію подвергаются: за нахожденіе внутри завода такихъ аппаратовъ для сыраго сока, которые не показаны въ свидѣтельствѣ, и за обращеніе прессовъ, назначенныхъ для выжиманія грязи изъ сока, прямо на выжиманіе сока изъ свекловицы. За самовольное спятіе печатей штрафъ этотъ удваивается.

Надзоръ производится:

- 1, Казенными палатами, посредствомъ *ревизоровъ*.
- 2, Уѣздными казначействами, чрезъ *особыхъ чиновниковъ*,—и
- 3, Чрезъ *чиновниковъ особыхъ порученій*, наряжаемыхъ по усмотрѣнію Министра Финансовъ.

Чиновника немедленно допускаются къ осмотру заводовъ, по предъявленіи предписаній.

Акцизные чиновники подлежатъ ответственности, на основаніи ст. 390—413 Улож. о нак., за проволочку и всякое бесполезное и умыленное притѣшеніе заводчиковъ, или ихъ мастеровъ.

Акцизные чиновники, открывшіе нарушеніе правилъ, имѣютъ право на половину взысканія, если впоследствии оно не будетъ сложено правительствомъ; другая же половина обращается въ распоряженіе министерства финансовъ, которое вѣдаетъ дѣлами акциза по департаменту разныхъ податей и сборовъ.

Взысканія налагаются по обслѣдованіи полиціею, при участіи

чиновника казначейства или казенной палаты, — по опредѣленіямъ послѣдней. Производство изслѣдованій не должно останавливать дѣйствій завода.

Введеніе свеклосахарнаго акциза для насъ есть дѣло совершенно новое. Не испытавъ его, всякое сужденіе о немъ было бы преждевременнымъ,—такъ понимаетъ это и правительство, допустивъ дѣйствіе настоящаго закона, въ видѣ опыта, на шесть лѣтъ. Этотъ періодъ намъ покажетъ, и опредѣлитъ взаимныя выгоды введенія у насъ система акциза, и опредѣлитъ взаимныя выгоды правительства, заводчиковъ и вообще сельскихъ хозяевъ. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ не отдать полной справедливости нынѣшнему акцизному уставу, въ сравненіи съ существующими, по сему предмету, постановленіями во Франціи и Пруссіи, гдѣ это дѣло имѣетъ за собою десять лѣтъ опытности.

Разберемъ въ сущности нашу и ихъ акцизные системы.

Самый важный и самый трудный предметъ, при учрежденіи всѣхъ подобныхъ сборовъ, состоитъ въ томъ, чтобы не стѣснить производителя излишнимъ надзоромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не ослабить его до того, чтобы свобода производителей обратилась въ злоупотребленіе, отъ котораго неизбежно должна понестись ущербъ казна. Во Франціи и Пруссіи всѣми выгодами заводчика пожертвовано въ пользу надзора. Надзоръ этотъ не только касается до внутренняго производства, но и до поступленія на заводъ свеклы, при соблюденіи взвѣшиваній и другихъ формальностей; распространяется также на продажу сахара, котораго повѣрка, опредѣленіе сортовъ, отпускъ изъ магазиновъ,—съ соблюденіемъ различныхъ условій, до крайности сложны и стѣснительны для заводчиковъ. По нашему уставу напротивъ: стоитъ только опредѣлить, однажды навсегда, силу дѣйствій снарядовъ, для добыванія первыхъ соковъ,—и весь надзоръ будетъ тогда огравиваться только распечатываніемъ и опечатаніемъ терокъ,—въ началѣ и въ концѣ перетиранія свеклы. Заводчикъ даже не стѣсненъ веденіемъ шнуровыхъ книгъ, со всѣми придуманными для того формами. Ему остается полная свобода принимать на заводъ, во всякое время, свеклу и, главное, онъ пользуется полною свободою при продажѣ песку, рафинада и прочихъ сахарныхъ издѣлій. Можно даже сказать, что правительство, опредѣливъ норму средній 12 фунтовой выходъ сахарнаго песку изъ берковца,—въ пользу свободнаго производства—жертвуетъ своими выгодами, которыя,

на заводах усовершенствованных больших размѣровъ, составляютъ почти половинную часть всего акциза.

Намъ остается только желать, чтобы и меньшіе заводы, которыхъ число въ нѣсколько разъ значительнѣе, имѣли выходы добываемаго песка, если не одинаковые, то по крайней мѣрѣ приблизительные въ сравненіи съ выходами, получаемыми усовершенствованными заводами, чрезъ что въ состояніи будутъ воспользоваться тѣми выгодами, какими одни послѣдніе пользуются, и правительство поставлено будетъ въ возможность, возвысить цифру *средняго выхода* песку изъ берковца свекловицы, увеличить, по истеченіи шести лѣтъ, сумму взимаемаго вынѣ сбора, — безъ возвышенія акциза.

Образцовый свеклосахарный заводъ.

Если устарѣлой конструкціи заводы останутся съ тѣми же недостатками на дальнѣйшее время, то какая же будущность ожидаетъ ихъ, при большемъ развитіи акциза, — чего мы всегда должны ожидать потому, что правительство, лишаясь уже въ настоящее время, по нашему расчету, до 160.000 р. доходовъ съ пошлины на колониальный сахаръ, имѣетъ достаточное къ тому побужденіе.

Значительная часть владельцев малыхъ заводовъ, дѣйствуя поодиночкѣ, не въ силахъ достигнуть успешныхъ результатовъ, чтобы выдержать возрастающее соперничество большихъ заводовъ. У насъ еще слишкомъ мало техническихъ пособій; пользоваться же на малыхъ заводахъ заграничными аппаратами по дороговизнѣ ихъ нѣтъ возможности, да и тѣ, которые могутъ быть приготовлены у насъ, едва ли не обходятся въ настоящее время по той же цѣнѣ, по какой можно выписать изъ-за границы. Не менѣе того ощутительнѣе недостатокъ въ надежныхъ механикахъ и мастерахъ; тѣ и другіе у насъ такъ рѣдки, что если бъ и посчастливилось кому найдти, то малому заводчику нѣтъ возможности и думать воспользоваться недешевыми ихъ услугами. Какъ же быть, чѣтъ пособить такому существенному недостатку, который долго можетъ препятствовать успешному развитію нашей свеклосахарной промышленности, — недостатку тѣмъ болѣе ощутительному, что онъ отражается на мелкихъ заводахъ, которые, дѣлая этотъ промыселъ достоинствомъ земледѣлія, способствуютъ къ развитію его благосостоянія. — Дѣло, однакожъ, не такъ затруд-

нительно, какъ съ перваго взгляда кажется. Трудъ, усиліе и соединенныя средства, — эти три главнѣйшіе двигателя всякаго предпріятія, не остались бы бесплодными и въ свеклохарномъ дѣлѣ, еслибъ только рѣшились ими воспользоваться. И такъ, нуждающимся въ современномъ усовершенствованіи своихъ заводовъ, а такихъ навѣрно наберется $\frac{3}{4}$, если не больше, остается одно средство: дѣйствовать къ своему улучшенію совокупнымъ *обществомъ*.

Нельзя сказать, чтобы общество сахароваровъ не было у насъ, но они составлялись въ видѣ коммерческихъ предпріятій, и потому ихъ успѣхи, или неуспѣхи, ровно никакого не могли имѣть вліянія на общій ходъ свеклосахарнаго производства; предполагаемое же нами общество именно должно существовать въ сихъ видахъ.

Изъявившіе желаніе участвовать въ этомъ обществѣ владельцы свеклосахарныхъ заводовъ, на общій, раздѣленный на извѣстное число паевъ, капиталъ устраиваютъ заводъ, для котораго должны избрать мѣсто наиболѣе центральное, въ кругѣ свеклосахарной производительности, не лишнее своихъ мѣстныхъ удобствъ.

Заводъ этотъ долженъ служить образцомъ для малыхъ заводовъ, и потому онъ долженъ быть устроенъ въ маломъ размѣрѣ, со всѣми возможными для подобныхъ заводовъ усовершенствованіями, — которыя отличались бы какъ дешевизною, такъ и простотою примѣненія.

При этомъ заводѣ должно находиться достаточное количество земли, для разведенія образцовыхъ свекловичныхъ плантацій; кромѣ выварки сиропоу и полученія песку, при заводѣ должно быть *отдѣленіе для рафинировки* песку, а также при немъ должны быть: *школа*, для приготовленія учениковъ по всѣмъ частямъ устройства и сахарнаго производства и *мастерскія*, для приготовленія и починки заводскихъ аппаратовъ, для дѣланія сахарныхъ формъ, моделей, плуговъ, распашниковъ и т. под. Впослѣдствіи, при распространеніи дѣйствій завода, могутъ быть устроены при немъ аппараты, для приготовленія рому, водокъ, ликеръ и сахарныхъ издѣлій.

Управленіе завода должны составлять: *директоръ*, какъ главный распорядитель завода; *механикъ*, завѣдывающій строительнымъ и сахароварнымъ отдѣленіями школы, и *плантаторъ* завѣдывающій

отдѣленіемъ школы по воздѣлыванію свекловицы, и приготовленію плантацій и разныхъ по сей части земледѣльческихъ снарядовъ; ему вѣрить также присмотрѣть за содержимымъ при заводѣ, для обработки и удобренія плантацій, скотомъ.

Управленіе завода выписываетъ всѣ необходимые аппараты изъ-за границы, заказываетъ ихъ на русскихъ фабрикахъ, или приготовляетъ своими средствами.

Всѣ собственно заводскія работы производятся преимущественно заводскими учениками, подъ руководствомъ мастеровъ.

Въ ученики принимаются не моложе 15 лѣтъ, здороваго тѣлосложенія и обученные грамотѣ мальчики, отдаваемые учредителями, изъ свободныхъ сословій, или крестьянскихъ дѣтей постороннихъ владѣльцевъ, а также изъ дѣтей государственныхъ поселеній и питомцевъ воспитательныхъ домовъ. Плата за этихъ мальчиковъ должна быть самая незначительная; впрочемъ могутъ быть принимаемы мальчики вовсе безъ платы, за то они обязаны прослужить на заводѣ, за ихъ обученіе, не больше трехъ лѣтъ.

Отданные въ обученіе мальчики могутъ получать образованіе, или по одному какому-либо отдѣленію, или по вѣмъ; сообразно этому продолжается терминъ ихъ ученія—отъ 3 до 6 лѣтъ.

По окончаніи ученія, ученики выпускаются съ аттестатами, смотря по успѣхамъ, на званіе мастеровъ или подмастерьевъ.

Управленіе завода принимаетъ заказы на постройку аппаратовъ, которые готовятся въ своихъ мастерскихъ, или входитъ въ сношеніе по этому предмету съ такими фабриками и заводами, которыхъ издѣлія отличаются прочностію и дешевизною. Нѣтъ сомнѣнія, что при постоянныхъ заказахъ будетъ дѣлаема значительная уступка.

Въ рафинадномъ отдѣленіи, кромѣ заводскихъ производится также переработка песковъ, доставляемыхъ съ другихъ заводовъ; за эту переработку принимается уплата сахаромъ, полагая извѣстный процентъ съ пуда, обрабатываемаго въ рафинадъ, песка.

Учредители не платятъ ничего за коммисіонерство; постороннія же требованія удовлетворяются съ небольшимъ, въ пользу завода, вознагражденіемъ.

Образцовому заводу предоставляется имѣть своихъ коммисіонеровъ въ главнѣйшихъ пунктахъ сбыта сахарныхъ издѣлій; въ коммисіонерство учредители и сторонніе заводчики могутъ обращаться съ порученіями о продажѣ сахара.

Управленіе завода слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ свеклосахарной промышленности въ Россіи, и для того собираетъ всѣ свѣдѣнія о ходѣ этой промышленности за границу, и о тѣхъ собственно открытіяхъ, которые оказываются, по испытаніи на заводѣ, совершенно удовлетворительными; для какагоо испытанія могутъ обращаться на заводъ и тѣ, которые получаютъ на свои изобрѣтенія привилегіи.

Всѣ таковыя свѣдѣнія и годичный отчетъ о дѣйствіяхъ завода, управленіе сообщаетъ учредителямъ своевременно, посредствомъ объявленій, печатаемыхъ въ видѣ особаго прибавленія къ какому-либо изъ періодическихъ изданій.

Ревизія заводскихъ счетовъ производится ежегодно учредителями, или уполномоченными отъ нихъ, поочередно. Расходы на переѣздъ этихъ лицъ относятся на счетъ завода.

Изъ заводскихъ доходовъ: 1, покрываются всѣ расходы по содержанію и ремонту завода; 2, отдѣляется извѣстный процентъ въ запасный капиталъ и 3, остальная сумма раздѣляется для выдачи дивиденда учредителямъ.

Польза отъ учрежденія подобнаго образцоваго завода столь очевидна, что едвали можетъ быть и возраженіе противъ этого; между тѣмъ можно напередъ предвидѣть, что учрежденіе это, сколько благопріятно для тѣхъ, которые имѣютъ заводы съ плохою конструкціею и нуждаются въ хорошихъ мастерахъ и усовершенствованныхъ аппаратахъ, столько же, быть можетъ, встрѣтитъ равнодушія тѣхъ, которые имѣютъ заводы въ огромномъ размѣрѣ, снабженные всеми возможными улучшеніями. Въ такихъ обстоятельствахъ нужно разсчитывать на первыхъ, а они-то менѣе всего могутъ удѣлить изъ своихъ доходовъ нужную, для учрежденія образцоваго завода, сумму.

При такомъ положеніи дѣла одна только надежда, что въ случаѣ необходимости въ немъ приметъ участіе наше попечительное правительство, которое всегда и во всемъ, что только можетъ доставить общую пользу, принимаетъ жавѣйшее участіе,—а оно можетъ быть возбуждено не иначе, какъ при общемъ, со-

стороны всѣхъ нуждающихся въ подобномъ учрежденіи заводчиковъ, единодушій и показаніи готовности способствовать ему всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Предпріятіе это можно бы осуществить на слѣдующихъ основаніяхъ:

На первоначальное устройство образцоваго завода въ томъ ограниченномъ размѣрѣ, какой ему предполагается дать, по всей вѣроятности не потребуется болѣе 100 тыс. р. сер., полагая на эту сумму устроить и всѣ мастерскія, въ которыхъ будетъ надобность.

Сумма эта должна быть раздѣлена на пай, примѣрно въ 200 р. сер. каждый, всего 500 паевъ.

Каждый заводчикъ, желающій участвовать въ этомъ учрежденіи, по количеству производимаго имъ сахара, имѣетъ право воспользоваться паями въ такомъ порядкѣ:

На заводъ отъ 100 до 200 п., ежегодно добываемаго песку, получается	—	—	—	—	3	пая.
500	—	—	—	—	5	—
800	—	—	—	—	8	—
1000	—	—	—	—	10	—
2000	—	—	—	—	20	—

Если бы оказалось, что нѣкоторые изъ заводчиковъ взяли меньшее число паевъ, то остальные предоставить прочимъ заводчикамъ, по порядку поступившихъ отъ нихъ требованій. Если и за тѣмъ не всѣ пай будутъ разобраны, то предоставить ихъ лицамъ, преимущественно занимающимся воздѣлываніемъ свеклы.

Принявшимъ пай, предоставляется внести за нихъ наличныхъ денегъ только половину; остальная же половина можетъ быть позимствована изъ кредитныхъ установленій, на правилахъ займа подъ залогъ домовъ, съ обезпеченіемъ этого займа самымъ заводомъ, который при томъ долженъ быть застрахованъ.

Вся причитающаяся ежегодно сумма, въ уплату на занятый такимъ образомъ капиталъ, должна быть бездомочно выплачиваема изъ общихъ заводскихъ доходовъ.

Учредителямъ предоставляется: или приобрести нужную для завода землю отъ частныхъ владѣльцевъ, въ постоянное владѣніе, или исходатайствовать въ управленіи министерства государственныхъ имуществъ отводъ участка изъ казеннаго вѣ-

домства, на правилахъ аренднаго безпереброднаго содержанія.

Приобрѣтанный такимъ образомъ участокъ долженъ имѣть всѣ нужныя условія, для благоприятныхъ дѣйствій завода: по качеству земли; по соседству съ значительными селеніями, преимущественно казенными, для безпрепятственнаго найма рабочихъ; по нахожденію въ окрестностяхъ значительныхъ лѣсныхъ дачъ, и по недалекому разстоянію отъ судоходной или, по крайней мѣрѣ, сплавной рѣки.

Учрежденіе образцоваго свеклосахарнаго завода не только дастъ правильное направленіе этому дѣлу, но и принесетъ несомнѣнную пользу вообще нашему сельскому хозяйству, и въ особенности земледѣлю, для развитія котораго правительство съ своей стороны прилагаетъ всѣ возможныя пособія;—мы это видимъ въ учрежденіи образцовыхъ фермъ, Горыгорьцкой земледѣльческой школы и другихъ въ этомъ родѣ, открытыхъ по министерству государственныхъ имуществъ учреждений. Но какой ни общали бы успѣхъ эти учрежденія для сельскихъ хозяйствъ, въ правильномъ устройствѣ ихъ хозяйства, — намъ предстоитъ непомѣрный трудъ заохотить къ подобнымъ нововведеніямъ, не по причинѣ пристрастія, какъ многіе думаютъ, къ старинѣ, или неосознанія несовершенства нашей обработки земель, а отъ того, что не всегда бываетъ равномѣрно вознагражденъ трудъ земледѣльца, по причинамъ часто отъ него не зависящимъ. Быть можетъ намъ укажутъ на тѣ огромныя суммы, которыя принесло земледѣліе Россіи въ предшествовавшемъ году; но часто ли бываютъ такіе годы? ихъ нужно ожидать десятки лѣтъ, а по нашему мнѣнію тотъ только промыселъ заохочиваетъ къ труду, который всегда одинаково вознаграждаетъ безъ подобныхъ ожиданій, — да и всѣ ли наши хлѣбородныя губерніи представляютъ одинаковыя выгоды для заграничнаго сбыта? — конечно, нѣтъ; — а только тѣ, которыя могутъ удобно доставлять свой хлѣбъ къ портамъ. Что же остается прочимъ? — выжидать неурожаевъ. Правда, при плохомъ хозяйствѣ, они бываютъ часто, и при нашей беззаботливости, которая намъ мѣшаетъ подумать объ этомъ, и отложить хлѣбъ въ запасъ, неурожаи бываютъ весьма гибельны для нашихъ земледѣльцевъ; но это неумѣнье именно и происходитъ отъ того, что при недостаткѣ средствъ мы принуждены за безцѣнокъ сбывать весь хлѣбъ, а послѣ жить на авось, хотя за это авось намъ приходится дорого расплачиваться. Ука-

жите земледѣльцу статью, которая бы его одинаково вознаграждала; укажите ему на нее какъ на средство покрывать свои ежегодные расходы, и тогда, повѣрьте, онъ сѣмъ бытъ какъ нельзя лучше приберечь свой хлѣбъ, и не продастъ его изъ крайности за безцѣнокъ. Кажется свекловичный промыселъ окончательно указалъ намъ, что подобная статья въ нашемъ хозяйствѣ можетъ быть: давно ли у насъ возникъ сахарный промыселъ, вы посмотрите, съ какою поразительною дѣятельностью все бросилось на разработку свеклы!—можно ли было ожидать такого гигантскаго успѣха, какой этотъ промыселъ сдѣлалъ въ немногіе годы, и вотъ, послѣ этого, слушайте многорѣчивые возгласы нашихъ экономистовъ, будто у насъ нѣтъ энергій, нѣтъ дѣятельности, для развитія правильного и болѣе сообразнаго съ нашими потребностями сельскаго хозяйства. Нѣтъ лѣнность, небреженіе происходятъ часто не отъ характера, не отъ коренившихся привычекъ, а отъ застоя; подъ вліяніемъ его образуются эти невыгодныя склонности. Укажите нашему хозяину, какъ заработать вѣрныя деньги,—онъ не полѣнится подняться съ зари, и проработать до поздней ночи; но если онъ видитъ, что всѣ труды его тщетны, тогда по неволѣ дѣлается безпечнымъ.

Убѣдившись сами, мы говоримъ это и для убѣжденія другихъ, что настоящее предпріятіе, если только осуществится, не можетъ встрѣтить такого же равнодушія, какое постигло почти всѣ наши агрономическія предпріятія на површнѣ улучшеній. При общемъ развившемся у насъ стремленіи къ свеклосахарному производству, стоитъ только указать на правильное его, во всѣхъ отношеніяхъ, направленіе, и мы не сомнѣваемся что въ охотникахъ учиться этому дѣлу не будетъ недостатка, начиная отъ помѣщика сахаровара, имѣющаго свой заводъ и обширныя свекловичныя плантаціи, до поселянина, имѣющаго одну или двѣ десятины для посадки свеклы. Смѣло можемъ увѣрить, что въ ученикахъ не будетъ недостатка, а этого уже достаточно, чтобы предвидѣть, какую огромную пользу принесетъ учрежденіе образцоваго свеклосахарнаго завода всему земледѣльческому классу средней и южной полосы Россіи,—не говоря уже о видимой прибыли, какую извлекутъ учредители образцоваго завода изъ его доходовъ и тѣхъ улучшеній, которыя не только отвратятъ неизбежное паденіе мелкихъ заводовъ, но дурному вы-

нѣшнему устройству ихъ, но уловятъ, утратятъ получаемые съ нихъ доходы. Этимъ не ограничится польза подобнаго учрежденія.

Правильное устройство плантацій, для разведенія свекловицы, по свойству своему разрыхляющей, но нестойающей сильно землю, ведетъ къ измѣненію трехъ—полной на улучшенную систему хозяйства, многопольную, съ посѣвомъ кормовыхъ травъ; къ тому будетъ способствовать потребностіе усилить скотоводство, по необходимости удобрять и отъ желанія увеличить свекловичныя плантаціи. Къ увеличенію скотоводства не мало будутъ способствовать—выкидываемыя съ сахарныхъ заводовъ выжимки, которыя даютъ скоту отличный кормъ.

При такомъ направленіи земледѣлія, наше сельское хозяйство, во всѣхъ частяхъ, получитъ правильное развитіе, подъ вліяніемъ превосходныхъ, по этой части, учрежденій министерства государственныхъ имуществъ, о которыхъ упомянуто выше, и которыми, къ сожалѣнію въ настоящее время мало пользуются наши сельскіе хозяева, какъ единственными, быть можетъ, средствомъ образовать на нихъ отличныхъ, по этой части, людей.

Умноженіе свеклосахарныхъ заводовъ, а особливо мелкихъ, которые подъ могущественнымъ вліяніемъ, производимыхъ въ нихъ образцовымъ заводомъ, усовершенствованіи, не могутъ бояться соперничества огромныхъ заводовъ,—откроетъ новые промыслы, дающіе возможность поселянамъ зарабатывать деньги, не отлучаясь отъ домовъ своихъ, и тѣмъ важнѣе, что промыслы эти открываются въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

Всѣ эти выгоды, тѣсно связанныя съ учрежденіемъ практическаго, усовершенствованнаго свеклосахароваренія, открывающія для внутренней жизни государства новыя силы,—общающія еще несравненно большій результатъ въ будущемъ для такого государства, какъ Россія, имѣющаго главное богатство въ землѣ, но не пользующагося имъ вполне, по отдаленности морей и трудности сообщеній. Будемъ ожидать и надѣяться, что изложенная—въ этомъ краткомъ обзорѣ нынѣшняго состоянія свеклосахарнаго промысла въ Россіи—мысль: объ учрежденіи образцоваго завода, какъ проявленіе общей потребности, не останется незамѣченной, и встрѣтитъ въ нашихъ сахароварахъ готовность

ею воспользоваться; съ своей же стороны прибавимъ что къ полному развитію и осуществленію этой мысли на самомъ дѣлѣ, мы готовы способствовать тѣми совѣтами, какіе опытность нашихъ сахароваровъ и дѣйствительная ихъ потребность намъ укажутъ.

А. С.—КІЙ.

Критика и Библиографія.

Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи.—Соч. А. Бутовскаго.

(Отвѣтъ на нѣкоторые изъ критикъ).

Давно уже слышалъ я отвсюду о критикахъ, которыми приѣтствована трудъ мой въ С. Петербургѣ, но не имѣлъ возможности не только объясниться съ моими рецензентами, но даже и прочесть ихъ статьи. Русскіе журналы въ Европѣ—библиографическая рѣдкость: нашъ языкъ мало читается иностранцами, а соотечественники, живущіе въ родинѣ, кромѣ немногихъ газетъ, и то рѣдко, ничего не выписываютъ*. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, явился на моемъ письменномъ столѣ толстый пакетъ, изъ котораго вышли одинъ за другимъ три полновѣсные номера *Современника* (за октябрь, ноябрь и декабрь 1847) и два номера *Библиотеки для Чтенія* (за ноябрь и декабрь 1847). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ журналѣ нашелъ я въ отдѣлѣ критики пространныя статьи о моемъ сочиненіи: *Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи*.

Обращаюсь къ г. Редактору *Сина Отчества* съ покорнѣйшею просьбою о помѣщеніи въ его журналѣ моего отвѣта на

* Почтенный авторъ этой статьи находится за границею по обязанностямъ службы. Ред.

эти рецензии. Критика есть разговор о предметах достойныхъ вниманія публики; разговоръ оживляется возраженіями, преніемъ; предметъ лучше обсуживается, яснѣе представляется читателямъ.

Къ сожалѣнію, я не получилъ еще конца рецензіи *Библиотеки для Чтенія*, вѣроятно помѣщеннаго въ ливарской книжкѣ 1848 года; но въ первыхъ двухъ статьяхъ авторъ критики касается такихъ важныхъ предметовъ, что намъ будетъ о чемъ съ нимъ поговорить на этотъ разъ.

Приступая къ разсужденію, касающемуся собственно науки, я хотѣлъ бы отложить въ сторону все, что напоминаетъ личность. Однако не могу не изъяснить благодарности рецензенту за нѣкоторыя замѣчанія лестныя для автора: онъ признаетъ въ моемъ трудѣ «*примѣчательную ясность методы*»; находитъ, что мысли въ немъ изложены «*пріятнымъ и красивымъ слоюзомъ, а даже слишкомъ красивымъ*,» прибавляетъ онъ «*для политической экономіи.*» Отчего же слишкомъ красивымъ? въ этихъ выраженіяхъ не хочу видѣть проны: ее нельзя было бы согласить съ явною благосклонностью рецензента. Вѣроятно, онъ считаетъ блестящій слоюз излишнимъ, или не идущимъ къ важности предмета. Онъ былъ бы правъ, можетъ статья, если бъ эта книга предлагалась публикѣ въ качествѣ учебнаго руководства или даже академической диссертации, допускающей одни только аргументы, говорящіе разсудку, и пренебрегающей всѣмъ, что можетъ дѣйствовать на воображеніе. Но цѣль автора не была такъ исключительна: онъ обращается ко всей читающей публикѣ безъ различія, къ людямъ всѣхъ сословій, желающимъ познакомиться съ наукою, но не любящимъ изложенія слишкомъ сухаго, тягостнаго для внимательнаго чтенія. Авторъ испыталъ на самомъ себѣ, и самъ рецензентъ, говоря «*о высокопарности и невпроятныхъ терминахъ учениковъ нѣмецкой школы,*» весьма справедливо замѣчаетъ, какъ много вредитъ распространенію научныхъ понятій излишняя приверженность писателей къ слогу діалектическому, строгому до педантизма, слогу, которымъ ученость иногда облекается какъ покровомъ, скрывающимъ ея тайны отъ любознательности профановъ. Истинныя экономическія можно излагать, какъ и математическія, въ видѣ теоремъ, можно употребить даже алгебраическіе термины; но такимъ изложеніямъ суждено вѣчно покоиться въ бібліотекахъ немногихъ адептовъ. Чтобы сдѣлаться доступною общему ура-

зумѣнію, наука должна говорить сколько можно общимъ, простымъ, разговорнымъ языкомъ, не только понятнымъ для всѣхъ, но* даже и неумтомительнымъ. Вотъ почему, авторъ *Опыта*, стараясь всегда выражаться какъ можно яснѣе, давалъ иногда волю перу своему и по временамъ призывалъ на помощь воображеніе, чтобы существеннѣе дѣйствовать на разсудокъ. Конечно, онъ могъ впасть въ излишества: дѣло критики ихъ доказывать; но нельзя кажется отнять у писателя права на употребленіе художественнаго слога, потому только, что онъ пишетъ о предметѣ ученомъ: иначе надлежало бы вырвать, какъ излишнія, краспорѣчныя страницы изъ твореній: *Гумбольдта, Ландаса, Бюффона, Гердера* и другихъ знаменитыхъ ученыхъ, умѣвшихъ согласить заманчивость и величайшую игривость слога съ самыми глубокими научными трактатами.

Съ первыхъ словъ критики, нельзя не замѣтить, что почтенный рецензентъ *Библиотеки для Чтенія* не совсѣмъ согласенъ съ авторомъ *Опыта*, относительно свойствъ науки о народномъ богатствѣ или политической экономіи. Онъ разсматриваетъ ее какъ «*сводъ умозрній,*» признаетъ «*пользу и важность этихъ умозрній,*» но отказываетъ имъ въ свойствѣ «*положительной, опитной науки;*» находитъ, что «*все въ ней дѣлаетъ одинъ толь-ко теоріи, умозрній, гаданія, больше или меньше правдоподобія.*» Этому мнѣнію явно противорѣчатъ убѣжденія большей части европейскихъ академій и университетовъ, хотя оно и раздѣляется весьма многими, не принявшими на себѣ труда углубиться въ эту науку, или недовольными нѣкоторыми изъ ея практическихъ выводовъ. Но за что рецензентъ винитъ автора *Опыта* «*въ сознаніи этой слабой стороны его любимой науки?*» Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, онъ называетъ ее, правда, еще нестроеною, какъ *Эли де-Бомонъ* выразился, въ своихъ лекціяхъ, о другой современной наукѣ—о геологіи: изъ того однако отнюдь нельзя заключить, что онъ считаетъ ее чисто-умозрительною. Напротивъ, на каждомъ шагѣ онъ доказываетъ, что политическая экономія есть наука въ высшей степени аналитическая или наблюдательная; этою чертою она отличается отъ всѣхъ общественныхъ системъ или утопій, во множествѣ созданныхъ въ послѣднее время *a priori* идеалистами,—системъ, основанныхъ на идеяхъ, совершенно отвлеченныхъ, ничего не имѣющихъ общаго съ фактами. Въ противоположность этимъ системамъ, политическая экономія не обрабатываетъ чуждества по-своему,

не начинается съ фальшиваго взгляда на природу человѣка, не посягаетъ на созданное Богомъ: нѣтъ, она беретъ человѣка, какъ онъ есть, съ его слабостями и нуждами, съ его силами и способностями, и съ міромъ, его окружающимъ, такъ точно, какъ зоологъ или ботаникъ беретъ животное или растеніе, предстоящее его изслѣдованіямъ. Немедленно она открываетъ глубокую, взаимную зависимость съ одной стороны между нуждами человѣка и его силами, съ другой—главною изъ его способностей, разумнымъ произволомъ. Она замѣчаетъ, что первыя развиваются и расширяются по той мѣрѣ, какъ развивается и просвѣщается послѣдній, и, припаявъ этотъ несомнѣнный фактъ за основаніе, за первое начало, простираетъ свои дальнѣйшія наблюденія на условія внутреннія и внѣшнія, наиболѣе благопріятствующія этому двоякому, обоюдному развитію.

Тутъ съ первыхъ шаговъ ея изслѣдованія, она встрѣчаетъ фактъ за фактомъ положительности, самой очевидной, каковы слѣдующіе:

Нужды требуютъ удовлетворенія;

Ихъ удовлетвореніе предполагаетъ средства;

Средства состоятъ въ полезностяхъ, которыхъ добываніе болѣею частью сопряжено съ усиліями или трудомъ;

Эти усилія, или трудъ, находятъ болѣе или менѣе опоры въ природѣ, а частью и въ приобрѣтенныхъ уже полезностяхъ или произведеніяхъ, употребляемыхъ въ качествѣ капиталовъ;

Чтобъ человѣкъ могъ воспользоваться произведеніями, добытыми его трудомъ, ихъ собственность должна быть ему обезпечена;

Обезпеченіе собственности невозможно внѣ общественности; †

Общественность невозможна безъ законовъ или порядка общественнаго, т. е. безъ взаимнаго уваженія людямъ собственности и личности каждаго;

Въ состояніи общественности, люди усиливаютъ свою производительность раздѣленіемъ занятій;

Раздѣленіе занятій предполагаетъ обмѣны;

Обмѣны упрощаются и облегчаются введеніемъ монеты и сколомъ можно однообразныхъ мѣръ и вѣсовъ, и т. д.

Неужели эти факты, эта азбука экономической, существуютъ только въ воображеніи теоретиковъ? Неужели ихъ существованіе не подтверждается наблюденіями самаго простаго, здраваго смысла, вездѣ, гдѣ только живутъ люди? Соображеніе безчис-

ленныхъ проявленій этихъ фактовъ ведетъ науку къ общимъ заключеніямъ, въ которыхъ нельзя не видѣть естественныхъ законовъ развитія народной дѣятельности въ ея стремленіи къ благосостоянію. Таковъ, напримѣръ, законъ о мѣновой цѣнности, составляющій первое звѣно науки экономической.

Цѣнность, говорятъ экономисты, не есть качество, заключающееся въ самомъ произведеніи (объективное), но простирающееся изъ отношенія человѣка къ полезности, въ которой онъ нуждается (субъективное). Не всѣ полезности требуютъ усилія съ нашей стороны для ихъ приобрѣтенія, но мы цѣнимъ, въ собственномъ значеніи слова, только тѣ изъ нихъ, которыхъ приобрѣтеніе намъ стѣбитъ и пока оно стѣбитъ усилій. Въ одиночествѣ, человѣкъ, обладающій полнотою разумной способности, есть самъ единственный судья цѣнности: никто лучше его самого не можетъ опредѣлить, въ какой степени ему полезна вещь, ни чувствовать живѣе тягости ея недостатка, заботъ и усилій ея приобрѣтенія. Въ быту общественномъ, при раздѣленіи занятій и водвореніи мѣны, когда человѣкъ посвящаетъ себя добыванію одного какого-либо рода полезностей, онъ по необходимости не можетъ съ совершенною точностію судить о потребностяхъ, обществомъ въ нихъ ощущаемой, такъ точно, какъ онъ еще менѣе можетъ правильно судить о стоимости другихъ полезностей, въ которыхъ самъ нуждается и которыя намѣренъ приобрѣсть путемъ обмѣна. Отъ этого на рынкѣ общественномъ мѣновая цѣнность устанавливается не по личной оцѣнкѣ каждаго производителя, но въ силу взаимно-обратнаго тяготѣнія запроса и предложенія. Въ запросѣ проявляется потребность, ощущаемая обществомъ въ данномъ произведеніи; предложеніе зависитъ болѣе или менѣе отъ усилій, которыхъ требуетъ его добываніе; чѣмъ легче послѣднее, тѣмъ изобильнѣе снабжается рынокъ, и наоборотъ: мѣновая цѣнность всегда будетъ состоятъ въ прямомъ отношеніи съ запросомъ и въ обратномъ съ предложеніемъ; тѣмъ не менѣе однако она сообразуется болѣе или менѣе съ издержками производства или стоимостью; упавъ ниже этого предѣла, она отклоняетъ отъ производства и тѣмъ самымъ уменьшаетъ предложеніе, содѣйствуя собственному повышенію; подымаясь выше этого предѣла, она привлекаетъ новыхъ производителей и, усиливая предложеніе, сама клонится къ пониженію.

Вотъ законъ экономической: что въ немъ метафизическаго,

чисто-умозрительного, отвлеченного? Чтобы постигнуть его сущность, наука не требует головоломных умствований и исчислений: стоит только выйти на первый соседний рынок и вступить в разговор с первым торговцем, например огородником. Этот человек, вовсе не закупленный ни чтецом *Адама Смита*, ни лекцием *Рау*, объяснит по здравому смыслу закон, который в книгах экономистов иным кажется *умозрительным* и *гадательным*. Огородник скажет, что товар его дорог, потому что его или мало народилось, или мало привезено; что если напротив он дешевле, то потому, что много навезли; а поразговоритесь с ним побольше, то услышите от него, что если товар еще подешевеет, то ему придется бросить работу. Теперь не ограничьтесь одним разговором, а приглядитесь к самому ходу вещей, и вы убедитесь, что действительно так и происходит, как просто объясняет огородник. Наука экономическая подсмотрела закон этого движения так точно, как физика, например, подсмотрела закон падения тела, которого скорость увеличивается, как квадрат времени. Физик, если вы не поврите ему на слово, подведет вас к инструменту, измеряющему скорость падения; экономист, чтобы вас убедить, предложит вам зайти в первую лавку и спросить первого торговца.

Некоторые отвергают этот закон определения ценности взаимно-обратным тяготением запроса и предложения, потому что видят в нем только соперничество или борьбу личных интересов. Гонимая за бытами, говорят они, производитель непрерывно уменьшает цену своих продуктов и отнимают барыши друг у друга. Согласен; но что до того, если не смотря на эту потерю в барышах, всякий из них находит однако в цене достаточное вознаграждение для покрытия издержек производства? Но, скажут, что, заботясь каждый о своих личных выгодах, они иногда разоряют своих собратий. И это случается, да разве наука виновата, что есть люди, не принимающие в разсуждение ее выводы, и не соображающие своего производства с настоящею степенью общественной потребности? Къ тому же, как ни сожалѣи о таком порядкѣ, его нельзя измѣнить, потому только, что онъ не нравится чувствительному сердцу многих друзей человечества. Онъ существует; онъ въ природѣ вещей; чтобы цѣнность опредѣлялась иначе, надлежало бы измѣнить коренныя побужде-

ния человека, заглушить въ людяхъ чувство личнаго интереса и замѣнить его вѣчно-горящимъ чувствомъ взаимнаго братства. Тогда, конечно, мѣна происходила бы на другихъ основаніяхъ; рынки превратились бы въ арену самоотверженія и благотворительности; о дороговизнѣ, о дешевизнѣ не было бы и помину; торговства не осталось бы и слѣдовъ. Производители только справлялись бы одни у другихъ о потребностяхъ я, въ увѣренности на обоюдную услугу, просто дарили бы другъ друга своими произведеніями. Тебѣ нуженъ хлѣбъ: вотъ, бери, сколько хочешь, говорилъ бы одинъ; а ему въ отвѣтъ предлагали бы наперерывъ кто одежду, кто топливо, кто посуду. О! это было бы великое, трогательное зрѣлище! Чтобы сознаться въ томъ всякому, не нужно ни великолѣпныхъ фразъ, ни даже запутанной дилектики. Но вотъ бѣда: для постояннаго снабженія общества всѣмъ необходимымъ, при такомъ безкорыстномъ распредѣленіи богатствъ, надлежало бы людямъ питать настоящую страсть къ труду; работать, потѣть, изнемогать надъ плугомъ, станкомъ, или раскаленнымъ тиглемъ, такъ точно, какъ иногда теперь мы пляшемъ до упаду или мучимъ себя до-нельзя, гоняясь за зайцами—ради охоты.

Пока люди не достигнутъ такой несбыточной степени совершенства, эта мнимая теорія братства можетъ существовать только въ идилліяхъ утопистовъ, на дѣлѣ же малѣйшее ея примѣненіе должно имѣть пагубныя послѣдствія. Что ни говорите, трудъ всегда останется трудомъ, всегда будетъ тягостнымъ и несовсѣмъ приятнымъ для человека. Ужъ таковъ его жребій. Отнимите рычагъ личнаго интереса, ииѣ побуждающей каждаго изъ насъ преодолевать весьма понятное отвращеніе къ тяжкимъ работамъ; замѣните это побужденіе увѣренностію въ пособіи другихъ, и немедленно вы наполните общество несмысленнымъ множествомъ туеядцовъ и трутней. Оно раздѣлится на двѣ половины: на празднолюбцевъ и простодушныхъ, и первые будутъ жить на счетъ послѣднихъ, пока будетъ чѣмъ жить, т. е. пока вслѣдъ за чистымъ продуктомъ не истощатся самые капиталы. Послѣдовала бы общая нищета, и всеобщій голодъ.

Главное побужденіе, движущее людьми, есть чувство личнаго интереса, которое есть не что иное, какъ природное чувство самоохраненія, просвѣщенное разумомъ, и въ которомъ, повинувшись другимъ природнымъ инстинктамъ, они сливаютъ свою личность съ личностью твореній къ нимъ близкихъ, составляющихъ ихъ

семью. Оставьте же их руководиться этимъ побужденіемъ; старайтесь только его облагородить нравственнымъ и умственнымъ образованіемъ. Подъ вліяніемъ этого чувства, мѣловая цѣнность всегда будетъ опредѣляться отношеніемъ между запросомъ и предложеніемъ и соразмѣрится съ издержками производства. Что же касается до соперничества, неразлучнаго съ этимъ порядкомъ, то напрасно его разсматриваютъ иные какъ зло, какъ бѣдствіе. Въ немъ нельзя не открыть премудраго закона распределительной справедливости. Благодаря ему, человѣкъ, посвящая свой трудъ и свои средства на доставленіе обществу какихъ-либо полезностей, получаетъ отъ общества именно то, что ему слѣдуетъ, не въ видѣ подаянія, но въ видѣ заслуженнаго вознагражденія. Соперничество равно предохраняетъ отъ потери и его, и собратій его, желающахъ воспользоваться его трудомъ. Въ немъ-то проявляется въ высшей степени всеобщая обоюдная отвѣтственность, или *солidarность*. Соперничество, освобожденное отъ всякихъ стѣсненій, именно ведетъ къ настоящей солидарности или равномерному разложенію отвѣтственности между всѣми. При немъ всякій, заботясь повидимому единственно о собственныхъ выгодахъ, въ то же время, хотя и безотчетно, заботится о выгодахъ всѣхъ другихъ; наступаетъ ли дороговизна, въ слѣдствіе внезапнаго уменьшенія въ предложеніи или усиленія въ запросѣ, неизбежныя потери распределяются между всѣми, и обратно выгоды дешевизны. Указываютъ на неудачи, на раззоренія, иногда постигающія производителей: кто имъ не соболѣзуетъ! Къ тому же въ этомъ движеніи люди принимаютъ болѣе или менѣе участія по собственному уразумѣнію и произволу, и ни на минуту не должно слагать съ человѣка той нравственной отвѣтственности, которая на немъ собственно лежитъ и которую онъ отлучается изъ всѣхъ другихъ живыхъ тварей.

Прошу моего почтеннаго рецензента (Библиотека для Чтенія) не принять за излишній эпизодъ этого разсужденія о законѣ цѣнности: у меня лежалъ на сердцѣ его упрекъ въ отвлеченной умозрительности, и я хотѣлъ доказать ему и нашимъ общимъ читателямъ, какъ мало заслуживаетъ этотъ упрекъ наука, которой, здѣсь въ немногихъ словахъ, я старался развить одно изъ главнѣйшихъ положеній. Къ тому же какъ ни просты и ни легки на

блюденія, которыми всякій на дѣлѣ можетъ повѣрить сущность этого закона, знаніе его ведетъ къ результатамъ весьма полезнымъ и великимъ.

И, во-первыхъ, оно избавляетъ отъ гадательныхъ толкованій о томъ, что происходитъ передъ нами, предлагая ключъ къ настоящему объясненію. Дорожаетъ ли чрезъ мѣру какой-либо товаръ на рынкѣ общественномъ, мы знаемъ, опираясь на этотъ законъ, куда обратить наши наблюденія: не теряясь въ запутаныхъ лабиринтахъ эмпирическихъ сужденій объ изобиліи или недостаткѣ денегъ, о спекуляціяхъ и контра-спекуляціяхъ, мы прямо приступаемъ къ разсмотрѣнію состоянія предложенія и запроса, и если первое стѣснено какими-либо препятствіями, которые можно отратить, то возможное врачеваніе само собою представляется. Тѣмъ же процессомъ объясняется и чрезмѣрная дешевизна, убыточная для производителей: разсмотрѣвъ внимательно положеніе предложенія и запроса, узнаемъ, что причиной зла, неосмотрительность ли самихъ производителей, или стѣсненіе какого-либо сбыта. Всякій пойметъ великую пользу этой metody, не только для лицъ, облеченныхъ властію, но и для которыхъ лежатъ заботы о благѣ общественномъ, но и для негоціантовъ, торговцевъ, фабрикантовъ, помѣщиковъ, земледѣльцевъ, обзанныхъ соображать свои предпріятія.

Во-вторыхъ, знаніе этого закона убѣждаетъ въ томъ, что при свободномъ соперничествѣ, всего лучше и правильнѣе распределяются богатства между людьми, участвовавшими въ ихъ производствѣ.

Но тутъ я опять встрѣчаюсь съ моимъ рецензентомъ и прошу дозволенія съ нимъ объясниться, и въ особенности не принять въ обиду, если я замѣчу, что онъ вноситъ напраслину на политическую экономію, утверждая, что *она сама проповѣдывала съ торжачъ убѣжденіемъ запретительную или ограничительную систему*. Происхожденіе политической экономіи, какъ науки, должно искать въ сочиненіяхъ такъ называемой школы *физиократовъ*, *Кенеля*, *Дюпонъ-де-Немура*, *Тюрю*, и особенно въ твореніи *Адама Смита: Изысканія о свойствахъ и причинахъ народнаго богатства*, изданномъ въ первый разъ 1776 года: запретительная система тамъ краснорѣчиво опровергается на каждомъ шагу, и этимъ-то писателямъ принадлежитъ знаменитая формула: *laissez faire, laissez passer*, выражающая главный смыслъ ученія экономического. До физиократовъ и *Ада-*

ма Смита существовала, правда, такъ называемая *mercantильная система*, приписывавшая драгоцѣннымъ металламъ свойство главныхъ залоговъ народного богатства и породившая *систему торговаго баланса*, а вслѣдъ за нею и *систему запретительную*, но эта система никогда не возвышалась до степени науки; она никогда не выходила изъ простаго сбора эмпирическихкихъ выводовъ и заключеній; и между нею и политическою экономіею столь же мало общаго, какъ напримѣръ, между настоящею химіею и нѣкогда процвѣтавшею теоріею флогистической. Со времени же *Адама Смита*, я не знаю ни одного экономиста, заслуживающаго это названіе, который бы не представлялъ превратностей безусловной запретительной системы, за исключеніемъ, правда, германскаго профессора *Листа*; послѣдній какъ извѣстно, всего болѣе содѣйствовалъ учрежденію германскаго таможеннаго союза и въ особенности его оцѣпленію высокими привозными пошлинами. Я совершенно согласенъ съ почтеннымъ рецензентомъ, что эта послѣдняя мѣра только парализировала для Германіи благодѣтельныя послѣдствія таможеннаго союза (*Zollverein*).

Еще одно замѣчаніе: рецензентъ признаетъ автора «*Опыта free-trader*» первого разряда, что очень лестно, — потому что въ этомъ названіи, онъ сходится съ людьми, каковы *сэръ Робертъ Пилъ* и *Кобденъ*; но при этомъ напрасно беспокоить читателей: авторъ «*Опыта*» отнюдь не увѣренъ, что «*свобода торговли есть единственное средство возстановить на землѣ рай*». Отмена запретительныхъ постановленій, къ которой нынѣ видимо клонится торговая политика Европы, по его мнѣнію, конечно, должна имѣть многія благодѣтельныя послѣдствія и между прочимъ отвратить частое повтореніе гибельныхъ торговыхъ кризисовъ, причиняемыхъ съ одной стороны искусственнымъ раздраженіемъ производства, съ другой же безпрестанными перемѣнами въ тарифахъ; но отъ этихъ послѣдствій до совершеннаго блаженства еще далеко, и авторъ отнюдь не желаетъ попасть въ число чародѣевъ, общающихся людямъ осуществленіе золотого вѣка, лишь бы оны приняли ихъ идеи за руководство.

Впрочемъ, почтенный рецензентъ, нѣкоторымъ образомъ причисляетъ себя *какъ защитника теоріи вольной торговли, какъ величайшаго блага, что не мешаетъ ему видѣть въ то же время ея безусловность и тѣ неудобства и препятствія, которыми*

«*окружено ея приложеніе*» (стр. 37 декабрьской книжки). Но эти препятствія не скрываются также отъ вниманія автора *Опыта*, который неоднократно о нихъ упоминаетъ между прочимъ на страницахъ 374—384 тома I, и въ выдержкѣ, самимъ рецензентомъ приводимой, на страницѣ 22 ноябрьской книжки Библиотечки для Чтенія. Авторъ столь же мало трогаетъ упрекъ въ безусловности: касательно немедленнаго примѣненія на дѣлѣ теоріи вольной торговли, онъ не заслужилъ этого упрека; что же касается до истины самаго начала (*principium*), то онъ считаетъ его безусловнымъ. При этомъ авторъ искренно благодаритъ почтеннаго критика за весьма здравыя дополненія или разъясненія его мыслей о распространеніи невыгодъ отъ искусственной дороговизны, высокими привозными пошлинами в отвозными преміями причиняемой, на самихъ охраняемыхъ производителей (стр. 11 и 12); также о невозможности создать купеческое мореплаваніе, помощію льготныхъ тарифовъ (стр. 14—17). Онъ дозволяетъ себѣ только замѣтить, что не распространялся объ этомъ послѣднемъ вопросѣ, совѣмъ не «*потому, что не нашелъ ответа ни на него во французскихъ источникахъ*», а потому, что не считъ нужнымъ (можетъ-быть напрасно, въ чемъ и раскаявается) входить въ подробнѣйшее разсмотрѣніе вопроса о колониальномъ фактѣ, интересующемъ болѣе западныя мореплавательныя державы, нежели наше отечество, которому собственно посвящается его трудъ.

Касаясь колониальной системы, я замѣтилъ между прочимъ, (стр. 62 т. II), что однимъ изъ ея послѣдствій во Франціи было возбужденіе свеклосахарной промышленности, которая созрѣла подъ кровомъ значительныхъ пошлинъ, обременяющихъ тростниковый сахаръ колониальный и иностранный, и что это событіе причинило и еще причиняетъ много затрудненій французскому правительству. Дѣйствительно, по мѣрѣ распространенія, свеклосахарнаго производства, съ одной стороны все болѣе и болѣе уменьшалась сбыты колоній, лишенныхъ права торговать съ иностранцами, а съ другой все болѣе и болѣе уменьшалась доходъ казенный отъ сахарной пошлины. Туземные сахаровары видимо пожинали огромные барыши на счетъ податнаго сословія и въ ущербъ колоніямъ. Чтобы поправить дѣло, французское правительство обложило акцизомъ сахаръ изъ свекловицы, и не смотря на возраженія заводчиковъ, акцизъ этотъ мало-помалу возвышенъ до одинакости съ колониальною пошлиною.

Что же оказалось? Этою мѣрою совсѣмъ не «убита свекло сахарная промышленность во Франціи», какъ замѣчаетъ рецензентъ. Напротивъ, эта промышленность никогда можетъ быть не находилась въ такомъ дѣвствующемъ положеніи. По мѣрѣ, какъ акцизъ возвышался въ послѣднее время, во Франціи увеличивалось не только количество производимаго сахару, но и самое число фабрикъ. Такъ

въ 1844—45	произведено сахару	36.457,936	килогр. (акциз. взималось по 24 р. 50 к. съ метр. квинтала).
— 1845—46	— — —	— 40.546,839	— (—29 р. 50 к.
— 1846—47	— — —	— 53.795,055	— (—34 р. 50 к.
— 1847—48	— — — (приблиз.)	65.000,000	— (—49 р. 50 к.

Въ 1847 году считалось 298 заводовъ, въ 1848 — 308. Это явленіе объясняется: частью огромнымъ техническимъ преимуществомъ метрополіи надъ колоніями: наука и изобрѣтательность расточили во Франціи всѣ свои сокровища свеклосахарному дѣлу, тогда какъ колоніальные плантаторы не успѣли еще себя усвоить и важнѣйшихъ улучшеній, и кромѣ того продолжаютъ опираться на дорогій и мало производительный трудъ черныхъ невольниковъ; частью же и корчемству, которое съ большимъ удобствомъ производитъ на свеклосахарныхъ туземныхъ заводахъ. Казна много теряетъ на сахарномъ сборѣ; потребленіе этого продукта стѣснено его высокою цѣнностію, которой главная причина кроется въ высокой пошлинѣ, обременяющей иностранный привозный сахаръ. Уменьшенію этой пошлины равно противятся и плантаторы, и свеклосахарные заводчики; первые ссылаются на свою зависимость отъ метропольнаго сбыта; вторые — на невозможность состязаться съ дешевымъ гаванскимъ и бразильскимъ сахаромъ; и, конечно *Блицовъ*, выходятъ, что изъ мнимыхъ видовъ пользы общественной, французское правительство, поощряя то плантаторовъ въ своихъ колоніяхъ, то туземныхъ сахароваровъ, опустило изъ виду настоящую пользу государственную, водворило надолго у себя искусственную дороговизну сахара, тѣмъ самымъ стѣснило потребленіе и подорвало собственные доходы; купеческаго же флота не только не успѣло расширить, а напротивъ повредило его развитію, лишивъ суда фрахтовъ своими запретительными мѣрами. Конечно, какъ замѣчаетъ почтенный рецензентъ, и колонія и Франція «гораздо больше выиграли бы,

«приобрѣтала все себѣ нужное у другихъ народовъ на правахъ «свободной торговли». Тогда, правда, не возникла бы свеклосахарная промышленность, за то Французы въ избиліи употребляли бы сахаръ по дешевой цѣнѣ; казна взимала бы съ этого потребленія въ видѣ умѣренной пошлины огромный доходъ, а колоніи процвѣтали бы, какъ процвѣтаютъ бѣдшею частью всѣ порто-франко. Самое торговое мореплаваніе, безъ сомнѣнія, болѣе бы разширилось при такой системѣ. Примѣръ Англіи ничего не доказываетъ противнаго этому мнѣнію: своимъ огромнымъ купеческимъ флотомъ, она обязана не знаменитому act of navigation Кромвеля, ни даже паденію Голландіи, но множеству другихъ обстоятельствъ, которыхъ разсмотрѣніе завлекло бы насъ слишкомъ далеко, а въ особенности ея географическому положенію и успѣхамъ гражданственности, оказавшимся въ ней прежде, чѣмъ во всей остальной Европѣ.

Мнѣ такъ пріятно разсуждать съ моимъ рецензентомъ о пунктахъ, въ которыхъ, мы съ нимъ согласны, что я съ большою неохотою перехожу къ мнѣнію, собственно ему принадлежащему, о торговлѣ хлѣбомъ, — мнѣнію, рѣзко противорѣчащему другимъ его идеямъ о свободѣ торговли. Для всего она хороша эта система, говоритъ онъ, но для хлѣба никакъ не годится, «вопросъ *«же о хлѣбѣ касается невидимо основы основаній политической экономіи.... Самое важное и можетъ-быть единственное препятствіе къ достиженію тѣхъ благъ, которыя теорія предусматриваетъ въ вольной торговлѣ, есть именно хлѣбъ: не будь аки свѣтъ хлѣба, вольная торговля несомышленно доставила бы народамъ тѣ огромныя золотыя яблока, которыя нынѣшня ашкола видитъ сквозь розовый туманъ умозрнѣя въ ея волшебныхъ садахъ; но хлѣбъ — помѣха всему. Хлѣбъ — такая статья, «которая въ практикѣ должна непременно производить страшныя торговли потрясенія». По его мнѣнію никакихъ выгодъ не можетъ придать Россіи вольная торговля хлѣбомъ, и еще менѣе этихъ выгодъ предстопитъ, напимѣръ, Англичанамъ, которые, бѣдные, такъ долго трудились объ отмѣнѣ своихъ *corn-laws*. Доказательствомъ же всему этому служитъ торговый кризисъ, разразившійся въ Англіи, въ прошедшемъ году, и который, какъ полагаетъ рецензентъ, «долженъ безпрестанно повторяться періодически до окончанія вѣковъ». «Таковъ, прибавляетъ онъ, законъ природы, который сильнее всего — не въ обиду «будь сказано законамъ политической экономіи.»*

Наука не обижается возражениями; она благодарна напротивъ за всякій поводъ, ей представляемый, для поясненія или исправленія ея выводовъ. Критика утверждаетъ, напрямъръ, что въ повтореніи кризисовъ въ хлѣбной торговлѣ заключается законъ природы; наука въ правѣ отвѣтить, что кризисъ есть явленіе аномальное, возмущающее естественный порядокъ вещей, и что по этому онъ не есть законъ, а только результатъ уклоненія отъ закона въ слѣдствіе какихъ-либо причинъ. Такъ, дѣйствительно объясняется и кризисъ, постигшій Англію въ 1847 году. Отъ него безспорно, пострадала торговля хлѣбомъ, какъ и всё вообще вѣтви промышленности, но его причина не въ отмінѣ *corn-laws* и еще менше въ вольной торговлѣ хлѣбомъ. Въ немногихъ словахъ постараюсь здѣсь объяснить эту причину.

Капиталъ или производительный фондъ всякаго народа, составляющій его главное богатство, раздѣляется на двѣ части: на *постоянный* или *вкладочный*, и на *оборотный*. Первый состоитъ изъ земледѣльческихъ, горныхъ, фабричныхъ и заводскихъ устройствъ, домовъ, путей сообщенія, оборонительныхъ построекъ; въ составъ втораго входятъ фонды, предназначенные на содержаніе трудовыхъ сословій, на поддержаніе и сохраненіе въ дѣлности вкладочнаго капитала, первообразный матеріалъ, орудія. Ясно, что полезное дѣйствіе капитала вкладочнаго въ высшей степени зависитъ, отъ постоянной наличности достаточнаго количества капитала оборотнаго: соразмѣрность между тѣмъ и другимъ есть необходимое условіе правильнаго движенія промышленности. Въ націи трудолюбивой и добронпорядочной, производство постоянно превышаетъ потребленіе; избытокъ присоединяется къ производительному фонду; но въ этомъ приращеніи необходимо должна соблюдаться соразмѣрность между капиталами вкладочнымъ и оборотнымъ: излишнее усиліе перваго въ ущербъ послѣднему неминуемо должно повредить ходу промышленности, лишивъ ее достаточной степени живучаго элемента. Въ эту ошибку впали Англичане: слишкомъ завлеченные желаніемъ увеличить свой вкладочный фондъ, они нарушили этотъ естественный законъ равновѣсія и подверглись всѣмъ его невыгоднымъ послѣдствіямъ.

Англійскіе экономисты опредѣляютъ въ 125 и до 150 милліоновъ рублей серебромъ ежегодную капитализацію Великобританіи:

віи*: при нормальномъ теченіи дѣлъ, эта экономія распределяется между различными вѣтвями промышленности, содѣйствуя ихъ разширенію. Въ послѣднее время, она не только вся поглотилась одного рода предпріятіями—железными дорогами, но еще обращеніе капиталовъ на этотъ предметъ давало превзошло ея *maximum*. Г. Вильсонъ доказываетъ это до очевидности простымъ изложеніемъ фактовъ**. Въ концѣ 1844 года, въ Англіи считалось 2070 миль железныхъ дорогъ, совершенно оконченныхъ и стоившихъ 64 милліона фунтовъ стерлинговъ: разложивъ эту сумму на 11 лѣтъ съ 1834 по 1844 годъ, получимъ годовую издержку на железныя дороги въ 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (31.250,000 р. сер.), что не выходитъ изъ предѣловъ благоразумной умѣренности. Съ 1844 по 1846, парламентъ разрѣшилъ построеніе 3543 миль новыхъ железныхъ дорогъ, которыхъ издержки по сметѣ простирались до 74 милліоновъ ф. ст. (почти 500 милліоновъ руб. сер.) Линія, утвержденная въ 1846 году, потребовала новой издержки въ 110 милліоновъ ф. ст. (около 612,500,000 р. сер.), а утвержденная въ 1847—еще 40 милліоновъ ф. ст. (около 250 милліоновъ р. сер.) И такъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1844 по 47, Англія предприняла железныхъ дорогъ на 224 милліона ф. ст. или почти 1.400.000,000 р. сер. Иначе, она обратила на усиленіе своего вкладочнаго капитала, состоящаго въ путяхъ сообщенія,—если распределить эту сумму на пять лѣтъ, включивъ и текущій 1848 годъ,—болѣе 220 милліоновъ р. сер. ежегодно, т. е. на 70 милліоновъ р. сер. болѣе, чѣмъ въ состояніи была бы располагать на разширеніе всѣхъ вѣтвей своего капитала, какъ вкладочнаго такъ и оборотнаго.

Всѣ эти огромныя прозекты состоялись не на бумагѣ только. Съ 1844 года понынѣшніе компаніи требовали и неотступно тре-

* Критика опредѣляетъ въ 1.700,000,000 р. сер. текущій оборотный капиталъ Англіи: эта оцѣнка выражаетъ приблизительно чистый годовой доходъ Англіи, который полагается въ 240 милліоновъ ф. ст., оборотный же капиталъ этого государства несравненно значительнѣе: *Макъ-Куллохъ* оцѣниваетъ количество звонкой монеты, обращающейся въ Англіи, не болѣе какъ въ 30.000,000 ф. ст. (около 190 тыс. р. с.) Податей Англія платитъ не 1.250,000 р. сер., а свыше 52 милліоновъ ф. ст. или 325 мил. р. сер. Изъ этой суммы 149.750,000 р. сер. поглощаются однимъ платежомъ процентовъ государственнаго долга. См. Бюджетъ 1847 года.

** Capital currency and banking by J. Wilson.

буютъ отъ акціонеровъ внесенія слѣдующихъ съ нихъ паевъ по акціямъ. Такъ въ 1846 году платежи акціонеровъ въ Лондонѣ простирались до милліона фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю; въ октябрѣ же 1847 года, въ самый разгаръ кризиса, требованія компаній доходили до 3 миліоновъ ф. ст. въ недѣлю, а въ ноябрѣ того же года были не менѣе полтора милліона ф. ст. При этомъ мы не упоминаемъ еще о фондахъ, обращенныхъ въ то же самое время Англичанами на строеніе желѣзныхъ дорогъ на материкѣ Европы. Можно себѣ представить какія затрудненія причинила въ торговлѣ и въ промышленности вообще эта чрезмѣрная, явно преувеличенная растрата капиталовъ на желѣзныя дороги, когда къ ней присоединились сильный неурожай въ Великобританіи, а въ Ирландіи настоящій голодъ. Англія принуждена была издержать до 30.000,000 ф. ст. на покрытие недостатковъ въ продовольствіи какъ въ 1845 такъ и въ 1846 и 1847 по августъ мѣсяць. Несмотря на то цѣна хлѣбу удержалась въ теченіе этого періода времени весьма высокая: кварталъ шеницы не упалъ ниже 72 шиллинговъ, а въ маѣ 1847 года поднялся свыше 100 шиллинговъ: столь необыкновенная дороговизна сдѣлала внутреннее потребленіе. Нисшія и среднія сословія принуждены были посвятить собственно на прокормленіе тѣ средства, которыя могли бы въ противномъ случаѣ обратити на покупку одежды, колоніальныхъ товаровъ и другихъ продуктовъ. Застой, оказавшійся въ мануфактурахъ, еще усилился неурожаемъ, постигшимъ въ то же время большую часть другихъ европейскихъ государствъ, въ слѣдствіе котораго стѣснялись тамъ сбыты англійскихъ фабрикъ. Производство по необходимости остановилось, тогда какъ напротивъ необходимѣйшее потребленіе болѣе и болѣе нуждалось въ пожертвованіяхъ. Недостатокъ разомъ оказался и въ капиталѣ, и въ трудѣ, и въ наличныхъ средствахъ. Удивительно ли, что банкротства быстро послѣдовали одно за другимъ: негодянтъ нашлись въ невозможности платить по векселямъ, выданнымъ въ замѣнъ выписанныхъ ими зерна и муки; акціонеры — въ невозможности отвѣчать на требованія компаній; провинціальныя банки, и въ томъ числѣ одинъ изъ важнѣйшихъ, королевскій банкъ ливерпульскій, крайне затруднились, не получая уплаты съ своихъ должниковъ и въ то же время пзвмогая подъ бременемъ требованій звонкой монеты со стороны билетодержателей; многіе изъ нихъ лопнули; даже банкъ Англіи въ Лондонѣ поколе-

бался на своихъ основаніяхъ и принужденъ былъ рѣшиться на отмену благоразумнаго закона сэра Роберта Пила (1844 года), которымъ положены были предѣлы выпуску его билетовъ.

Какую же роль во всемъ этомъ играла вольная торговля хлѣбомъ? Быстро снабдивъ англійскіе, прусскіе и шотландскіе порты хлѣбомъ, преимущественно изъ Россіи и Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ навезеннымъ, она не отвратила, конечно, крайней дороговизны, но видимо спасла множество подданныхъ соединеннаго великобританскаго королевства отъ голодной смерти. Она понесла свою долю убытковъ и потерь; многіе изъ спекуляторовъ, ею занимавшихся, вовлечены въ неплатность, но главная причина этихъ потерь, этихъ разореній именно въ чрезмѣрной растратѣ фондовъ на желѣзныя дороги. Не будь этой растраты, Англія не подверглась бы врасплохъ бѣдствіямъ неурожая и легко нашла бы средства на покрытие 30 миліоновъ ф. ст. для пополненія недостатковъ въ ея продовольствіи въ 1845, 1846 и 1847 годахъ. Безъ сомнѣнія и тогда не избѣгнула бы она всѣхъ губительныхъ послѣдствій неурожая, но по крайней мѣрѣ эти послѣдствія не были бы такъ жестоки. Безспорно, спекуляторы потерпѣли также отъ внезапнаго пониженія цѣнъ на хлѣбъ съ половины 1847 года, при изобильномъ урожаѣ, тогда оказавшемся, по счастью для Англіи, въ ней самой и во всей Европѣ, но даже эти потери тѣсно связаны съ расстройствомъ, постигнувшимъ торговлю и промышленность въ слѣдствіе причинъ, о которыхъ хлѣбъ упоминается: съ одной стороны сложность кризиса могла скрыть отъ спекуляторовъ настоящее положеніе запроса, съ другой въ самомъ запросѣ оказалось совершенно непредвидимое для нихъ стѣсненіе вскорѣ за затрудненіемъ сбытовъ мануфактурной промышленности. Впрочемъ, нельзя не присовокупить, если бы негодянтъ, торгующіе хлѣбомъ въ этомъ случаѣ воспользовались болѣе совѣтами политической экономіи, то, вѣроятно, не подверглись бы и этой ошибкѣ и не завлеклись бы въ излишніе подвозы, столь много ихъ затруднившіе.

Винить же въ этомъ саму вольную торговлю хлѣбомъ, которую Англія такъ недавно привѣтствовала громкими рукоплесканіями, и за водвореніе которой принесла въ подарокъ *Кобдену* болѣе 60,000 руб. сер., собранныхъ по подпискѣ, не значить ли возставать противъ обстоятельства, наиболѣе содѣйствовавшаго облегченію кризиса. Подумайте о томъ, что про-

азшло бы въ этотъ государствѣ, если бы къ неурожаю и къ другимъ причинамъ разстройства, въ немъ присоединились еще высокія привозныя пошлины на хлѣбъ, мясо, и другіе предметы продовольствія. Сэръ Робертъ Пиль чувствовалъ опасность; онъ правильно предусматривалъ, что съ разрѣшеніемъ вопроса о *Corn-laws* глубоко связаны могущество и благосостояніе государства; для него этотъ вопросъ былъ не только экономической, но въ высшей степени политической. Съ рѣшимостію и твердостью, вопреки сильному, слѣпому сопротивленію своей собственной партіи, онъ присталъ къ Кобдену. Запретительные законы о хлѣбѣ пали и пали справедливо. *Corn-laws*, извѣстно, поддерживая постоянно на англійскихъ рынкахъ искусственную дороговизну хлѣба, обезпечивали непомѣрную откупную плату землевладельцамъ: подъ вліяніемъ новаго законодательства, Англичане будутъ платить за хлѣбъ именно то, чего онъ стоитъ: дешевле при изобильномъ урожаѣ въ Европѣ, или, пожалуй, во всемъ свѣтѣ; дороже при всеобщемъ неурожаѣ; но съ нихъ ни въ какомъ случаѣ не будутъ взимать несправедливой премии владельцы грунта. Что же касается до торгующихъ хлѣбомъ въ Англіи и съ Англіею, то отмена *Corn-laws* избавляетъ ихъ отъ гадательныхъ, невѣрныхъ и опасныхъ соображеній, при безрестаныхъ и непредвидимыхъ переменѣхъ въ привозныхъ пошлинахъ, взимаемыхъ англійскими таможенями; имъ остается только наблюдать состояніе урожаевъ и соразмѣрять съ ними важность своихъ привозовъ хлѣба изъ-за границы. Эти соображенія, бесспорно, требуютъ опытности, осторожности, искусства, но они много упрощаются конечнымъ удаленіемъ одной *неизвѣстной*, которой присутствіе всего болѣе запутывало коммерческія операціи—*неизвѣстной* подвижнаго тарифа (*Sliding-scale*).

Но оставимъ Англію и обратимся къ Россіи. 1846-й годъ отличается весьма значительнымъ противу прежнихъ годовъ вывозомъ хлѣба изъ нашего отечества; вотъ числа, почерпнутыя изъ Видовъ государственной вѣшной торговли:

въ 1841 году отпущено хлѣба всякаго на	10.382.509	р.	сер.
— 1842	—	—	—
— 1843	—	—	—
— 1844	—	—	—
— 1845	—	—	—
— 1846	—	—	—

Это успленіе сбыта безъ сомнѣнія должно приписать всеобщему неурожаю въ Европѣ, но какія бы ни были тому причины, его нельзя не разсматривать какъ весьма выгоднымъ для нашего земледѣлія. Въ 1847 году, вывозъ продолжалъ быть значительнымъ; отъ послѣдствій же англійскаго кризиса если и потеряло наше купечество, то весьма немного. Затрудненія, ограничились, вѣроятно, необходимостью протестовать кой-какіе векселя и отсрочить окончательный платежъ по другимъ. Нераспродажа хлѣба въ Лондонѣ не можетъ касаться нашихъ торговцевъ, не выставляющихъ товара на свой собственный счетъ, а просто его продающихъ на чистыя деньги или подъ вѣрныя векселя иностранныхъ торговыхъ домовъ или ихъ корреспондентамъ на биржахъ петербургской, рижской, архангельской, одесской. Впрочемъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ рецензентомъ, я отношусь не совѣтну никому, ни помѣщикамъ, ни торговцамъ «*прельстясь*», по его выраженію, «*благами случайнаго голода за моремъ, полагать, что голодъ тамъ будетъ вѣчный, что теперь-то и поидетъ на Нильсовъ семь египетскихъ голодныхъ годовъ средю.*» Боже избави насъ отъ такихъ невѣрныхъ и притомъ нехристіанскихъ разчетовъ. Какъ и г. критикъ, я считаю все это движеніе совершенно случайнымъ, скоропреходящимъ, и уже конечно утихнувшимъ, мало зависящимъ отъ отмены *Corn-laws* въ Англіи, и еще болѣе, я готовъ съ нимъ согласиться, что провозглашеніе вольной торговли хлѣбомъ въ послѣднемъ государствѣ можетъ-быть не принестетъ ни малѣйшей пользы Россіи.

Въ 1846 и 47 годахъ, Англичане бросились къ намъ за хлѣбомъ, именно потому, что подъ гнетомъ знаменитой ихъ подвижной таксы, *sliding-scale*, не имѣли правильнаго торга этимъ важнымъ продуктомъ; рынки никогда не снабжались запасами впередъ; торговцы для выписки хлѣба всегда ожидали законнаго пониженія таксъ. Поэтому неурожай захватилъ ихъ врасплохъ; голоднымъ людямъ нельзя выбирать, и разсчитливѣйшимъ изъ самыхъ разсчитливыхъ негодянтовъ пришлось покушать хлѣбъ на чистыя деньги и гдѣ поближе. Всѣхъ ближе оказалась Россія.

Но такъ ли будутъ происходить дѣла въ будущемъ? Не думаю. Англичане въ своихъ торговыхъ операціяхъ не любятъ ограничиваться одною спекуляціей; имъ непремѣнно нужна контра-спекуляція, и это слово, право, не такъ страшно, какъ оно ка-

жется рецензенту. Англійскій негодіантъ спекулируетъ на вышскѣ чужихъ товаровъ, но только тамъ, гдѣ можетъ контра-спекулировать на сбытъ своихъ собственныхъ. Такъ напр. у насъ онъ спекулируетъ на льнѣ и пенькѣ, контраспекулируетъ на бумажной пряжѣ или даже на бумажной хлопкѣ. Выгода этихъ двойныхъ спекуляцій очевидна: онѣ позволяютъ, во-первыхъ, заработать два фрахта, одинъ на привозѣ товаровъ въ Россію, другой на вывозѣ; во-вторыхъ, — два барыша, одинъ на вывезенныхъ въ Россію, другой на привезенныхъ изъ Россіи товарахъ. Если жъ такіа двойныя операція возможны для Англичанъ въ Россіи только до цѣлоторой степени, то легко можетъ быть, что Англичане и обратятся въ другое государство, гдѣ тарифы имъ представляютъ поле обширнѣе, напр. въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Такъ какъ Американцы такіе же контраспекулянты, какъ ихъ бывшіе братья — и притомъ же уже нѣсколько лѣтъ отлѣбляли у себя всѣ запретительныя пошлины, то Англичане могутъ разсчитывать у нихъ на вѣрный сбытъ своихъ товаровъ, и такимъ образомъ естественно возникнетъ между Америкою и Англією постоянный обмѣнъ, въ которомъ первая будетъ сбывать избытки своего хлѣба, а послѣдняя избытки своихъ фабрикъ. Сношенія Россіи съ Англією останутся на прежнемъ основаніи, какъ и съ отлѣбною *cogn-laws*. Когда водворятся такіа правильныя и постоянныя сношенія англійской хлѣбной торговли съ Америкою, и конечно еще съ другими странами, то Англичанамъ не будутъ такъ бѣдственно отзываться послѣдствія ихъ собственныхъ неурожаявъ; но врядъ ли впередъ такіе неурожая будутъ имѣть собственно для Россіи тѣ выгоды, которыя ее подарилъ кризисъ 1846—47 годовъ.

Почтенный рецензентъ напрасно приписываетъ автору *Опыта* мнѣніе, что производство хлѣба въ Россіи зависитъ исключительно отъ иностраннаго запроса. Въ нашей Имперіи считается болѣе 62 милліоновъ жителей: ихъ нужно прокормить; при этомъ у насъ выкуривается огромное количество хлѣбной волки: потребны также значительныя запасы на кормъ скота; слѣдовательно, внутренній сбытъ уже самъ по себѣ чрезвычайно обширенъ для хлѣба у насъ производимаго. Но кто не знаетъ, что за покрытіемъ внутренней потребности, не только хлѣбомъ, но и всѣми другими земледѣльческими продуктами, у насъ еще остается значительный избытокъ, который мы, съ большою вы-

годой для себя, можемъ обмѣнивать на иностранные продукты намъ полезныя? Часть этого избытка, дѣйствительно, служить главнымъ основаніемъ нашей вѣдней торговли. Такъ, напр. въ 1846 году, кромѣ хлѣба изъ Россіи отпущено:

пеньки	—	—	2.695.652	пуда
льна	—	—	2.504.550	—
сала	—	—	3.522.614	—
шерсти	—	—	498.763	—
щетины	—	—	80.851	—
семена льнянаго и				
конопленаго	—	—	928.826	четвертей
лѣсу на	—	—	3.745.356	руб. сереб.
кожъ невыдѣлан. на	1.119.552	—	—	*

Какъ ни значителенъ этотъ заграничный вывозъ, тѣмъ не менѣе однако наше земледѣліе почти постоянно страдаетъ отъ недостатка сбытовъ, отъ непродажи, отъ малоцѣнности. Авторъ *Опыта* объясняетъ, какимъ образомъ этому горю помогло бы разширеніе нашей торговли съ иностранцами. Привозъ къ намъ болѣе своихъ продуктовъ, иностранцы болѣе покупали бы нашихъ; запросъ на наши сырые продукты усилился бы, и цѣна бы имъ держалась постоянно вознаградительная. Безъ сомнѣнія, осуществленіе этого результата зависитъ, и очень много, еще отъ другихъ условій, и частію отъ снабженія государства хорошими путями сообщенія; о послѣднемъ дѣятельно заботится правительство, и можно надѣяться, что это условіе въ близкомъ времени не будетъ служить препятствіемъ.

Рецензентъ «не замѣчаетъ колебаній въ производствѣ хлѣба въ Россіи и считаетъ ихъ умозрительнымъ заключеніемъ теоріи.» Съ какою радостію авторъ *Опыта* согласился бы съ нимъ, если бы, къ несчастію, факты не убѣждали его въ противномъ. Что цѣны на хлѣбъ у насъ измѣняются съ удивительнымъ и неуловимымъ своепріемъ и во времени и въ пространствѣ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію: чтобы въ томъ удостовѣриться, стѣбитъ только справиться съ газетами *Земледѣльческою* или *Ко-*

* Эти числа заимствованы изъ Видовъ государственной вѣдней торговли за 1846 годъ.

мерческою за любой годъ. Вспомните также, что говорить объ этихъ измѣненіяхъ г. *Заблочкинъ* въ своей замѣчательной статьѣ: *О причинахъ колебанія цѣны на хлѣбъ въ Россіи*. Повторяемъ, что къ сожалѣнію эти выводы умозрѣнія слишкомъ подтверждаются на практикѣ. Впрочемъ, авторъ *Опыта* еще разъ говоритъ, что отнюдь не ожидается совершеннаго прекращенія этихъ колебаній отъ одного измѣненія въ тарифахъ: оно зависить отъ многихъ другихъ причинъ, которыхъ онъ не намѣренъ здѣсь касаться.

Въ заключеніе этого отзыва на рецензію *Библиотеки для Чтенія*, мнѣ остается упомянуть о средствѣ, которое въ ней считается необходимымъ для благовольной торговли. «Для этого», говоритъ рецензентъ, хлѣбъ долженъ быть устраненъ изъ круга свободной торговли: онъ долженъ быть статьей правительственной монополіи, какъ единственной власти, способной примѣнить его вѣрно и безошибочно къ народной нуждѣ безъ обиды голодному человечеству.» — Мы увѣрены, что онъ указываетъ на это средство во всей полнотѣ добросовѣстнаго убѣжденія, но разсмотрѣлъ ли онъ со всѣхъ сторонъ, что такое значить монополія хлѣбной торговли? значеніе этого слова весьма обширно.

Онъ можетъ-быть подразумѣваетъ единственно монополію продажи въ родѣ той, которая у насъ въ Россіи принадлежитъ казнѣ для хлѣбнаго вина: конечно, онъ предполагаетъ, что такая монополія отнюдь не будетъ разсматриваться казною, какъ косвенный налогъ, и что казна будетъ только скупать хлѣбъ у землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, и по обиходной же цѣнѣ безъ барыша распродавать потребителямъ изъ своихъ магазиновъ или депо. Но содержаніе такой монополіи потребовало бы огромныхъ расходовъ, превышающихъ издержки самаго сложнаго министерства; они бы неминуемо входили въ цѣну хлѣба и значительно ее возвышали. Къ тому же при такой системѣ, какъ отвратить злоупотребленія, недоумѣнія? Какое основаніе признавать для постановленія покупныхъ и продажныхъ цѣнъ? назначить ли вездѣ одинакія, или различныя смотря по мѣстности? по разцѣнкѣ экспертовъ или съ публичныхъ подрядовъ? допустить или запретить переиздажу? какому надзору подчинить

* Помѣщена въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1847 года.

производителей, для избѣжанія этого новаго рода корчемства? И какъ сообразить всѣ эти условія, чтобъ изъ нихъ не произошло никакой вопіющей несправедливости, никакихъ опасныхъ столкновеній? Какъ согласить, наконецъ, съ такою монополіей, существованіе поземельной собственности? Не могу придумать какъ можно было бы осуществить эту мѣру, не только во всей ея полнотѣ, но даже что-либо ей подобно, не поколебавъ глупою этого кореннаго основанія общественности.

Другой видъ монополіи состоялъ бы въ предоставленіи казнѣ исключительнаго права заграничной торговли хлѣбомъ, и вѣроятно, почтенный рецензентъ указываетъ на это средство, когда утверждаетъ, что правительство одно можетъ правильно судить о томъ, въ какой степени государство избыточествуетъ или нуждается въ хлѣбѣ. Поэтому для блага общественнаго, правительство, уже и безъ того обремененное множествомъ самыхъ тягостныхъ заботъ, должно сдѣлаться огромнымъ хлѣбнымъ негодіантомъ; оно одно по усмотрѣнію будетъ вывозить хлѣбъ за границу, или выписывать хлѣбъ иностранный. Но и въ этихъ предѣлахъ, хлѣбная монополія составила бы для казны неминуемо сложную и трудную вѣтвь управленія. Сдѣлавшись единственнымъ покупателемъ всего избытка въ хлѣбѣ, который можетъ оказаться въ государствѣ, она подверглась бы докучливымъ просьбамъ и требованіямъ со стороны земледѣльцевъ. Сосредоточивъ въ рукахъ своихъ всю наличность продажнаго хлѣба, она превратилась бы въ единственную мишень всѣхъ заграничныхъ спекуляторовъ и принуждена была бы покоряться ихъ условіямъ въ опредѣленіи цѣнъ. Конечно люди, облеченные властію, съ высоты, на которую они поставлены своимъ положеніемъ, лучше и правильнѣе могутъ судить о потребностяхъ государства, но отъ нихъ невольно иногда ускользаютъ такія потребности, за которыми лучше слѣдить частный интересъ; въ торговлѣ же хлѣбомъ, какъ и во всякой другой все дѣло въ подробностяхъ, и потому изъ всѣхъ товаровъ, хлѣбъ наименѣе способенъ къ монополіи.

Настоящій интересъ Европы состоитъ повидимому въ томъ, чтобъ торговля хлѣбомъ производилась безпрепятственно; чтобъ безрестаннія перемѣны въ тарифахъ не совращали и не путали спекуляторовъ, ею занимающихся. Хлѣбъ, какъ

правильно замѣчаетъ рецензентъ, есть товаръ, который «*находится повсюду*». Его изобиліе однако не вездѣ бываетъ равное, но рѣдко также всѣ торгующія между собою страны постигаются разомъ и въ одинакой степени неурожаемъ. Спекуляція, слѣдя безпрестанно со всѣмъ вниманіемъ личнаго интереса за недостатками однихъ мѣстъ, за избытками другихъ, лучше всякихъ экстраординарныхъ мѣръ облегчить послѣдніе, пополнить первые и уравнить продовольствіе. И если въ этихъ операціяхъ, иные банкиры или негоціанты и заработаютъ себѣ порядочные барыши, на нихъ не за что кричать, какъ на злодѣевъ рода человѣческаго. Эти барыши, будьте увѣрены, не остаются имъ даромъ: они стоѣтъ и многихъ хлопотъ, и большаго риска; и, право, оправдываются великою пользою, приносямою этими спекуляціями обществу человѣческому.

Что же касается собственно до нашего отечества, то отъ расширенія сбытовъ, въ настоящемъ его положеніи, всего болѣе можно ожидать и усиленія доходовъ помѣщичьихъ, и усиловъ въ благосостояніи крестьянскаго сословія.

Не знаю, убѣдится ли наконецъ почтенный рецензентъ, въ томъ, что вольная торговля хлѣбомъ не есть «*общественное бѣдствіе*», или, по-крайней-мѣрѣ, что не въ учрежденіи монополіи заключается верховное врачеваніе золь, съ нею сопряженныхъ. Онъ угрожаетъ еще однимъ аргументомъ: «*До этой монополіи, говоритъ онъ, доведетъ чрезмѣрное усиленіе европейскаго населенія, черезъ два, три столѣтія, а можетъ быть и раньше*». По полученіи его третьей статьи, гдѣ по всему вѣроятію имъ подробнѣе развита эта мысль, имѣю себѣ въ пріятную обязанность еще съ нимъ поспорить. Онъ не можетъ на это сердиться, потому-что самъ въ началѣ рецензіи выдаетъ себя за охотника до такихъ преній, или, лучше сказать, письменныхъ бесѣдъ.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о статьѣ г. *Милютина*, помѣщенной въ трехъ послѣднихъ книжкахъ *Современника* за 1847 годъ. Хотя г. *Милютинъ* и предлагаетъ эту статью читателямъ *Современника*, какъ критику моего сочиненія: *Опытъ о народномъ богатствѣ* и въ концѣ называетъ ее даже «*подробнымъ разборомъ*», однако въ ней нѣтъ ничего похожаго на разборъ, и, прочитавъ ее,

никто не можетъ имѣть ни малѣйшаго понятія объ этомъ трудѣ. Г. *Милютинъ* просто воспользовался случаемъ, чтобы составить довольно подробное историческое изложеніе постепеннаго развитія науки экономической. Ничто не мѣшало ему, конечно, сдѣлать и то, и другое: разборъ самъ по себѣ; изложеніе само по себѣ. Но у всякаго своя фантазія, и никакъ нельзя его винить въ томъ, что онъ сдѣлалъ пріятный сюрпризъ своимъ читателямъ, подъ предлогомъ разбора чужаго сочиненія, представивъ имъ свое собственное. Жаль только, что г. *Милютинъ*, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ дарованіяхъ вдается въ слогъ слишкомъ туманный. Дialeктика его растянута и запутана; и ея неясности способствуетъ чрезмѣрное множество словъ иностранныхъ, одѣтыхъ въ русскія грамматическія формы, тогда какъ въ нашемъ словарѣ нѣтъ недостатка въ равносильныхъ синонимахъ. Такъ, безпрестанно въ его статьяхъ встрѣчаются выраженія: *принципы, формулировать, рационализировать, абстракція, диспуты, прогрессъ, интрепренеры, аргументація, абсолютное, конкретное, гарантія, коллизія, антагонизмъ, конкуренція, тенденція, протесты, карьера, иллюзіи, реакція* и проч. и проч. Не думаю, чтобы научное изложеніе могло что-либо выиграть въ ясности отъ этихъ терминовъ, непріятныхъ и даже непонятныхъ для русскаго уха большинства нашихъ читателей. Безъ сомнѣнія, можно и даже должно употребить кое-гдѣ иностранный терминъ для поясненія, но ничто не извиняетъ излишества.

Г. *Милютинъ* предпринялъ писать свою статью съ твердою рѣшимостью испровергнуть все зданіе политической экономіи, по мнѣнію его, совершенно неправильно возведенное доселѣ писавшими экономистами. Хотя онъ и называетъ эту науку «*словою*», но призываетъ еще существованіе какой-то другой «*новѣйшей*» объ отличіи которой однако отъ устарѣвшей, изъ его словъ, если и можно догадываться, то рѣшительное мнѣніе составить себѣ нельзя. Замѣтно только, что г. *Милютинъ* расточаетъ всякаго рода упреки поборникамъ настоящаго ученія *Адама Смита*. Вообще основныя идеи г. *Милютина* неумовимы; за ними даже невозможно слѣдить, посреди безпрестанныхъ противорѣчій; мнѣстами читателя озадачиваютъ рѣзкіе и безусловные приговоры, къ принятію которыхъ предшествующія сужденія совсѣмъ не приготовили его вниманія; г. *Милютинъ* ведетъ настоящую войну партизанскую; завязываетъ дѣло съ экономистами на каж-

домъ шагу, но нигдѣ не доходить до рѣшительнаго боя; напротивъ скрывается при первой перепалкѣ, и тѣмъ не менѣе безпрестанно трубить побѣду, тогда какъ врагъ его еще стоитъ во всей силѣ на ногахъ и не знаетъ, кому и на что отвѣчать.

Но это не мѣшаетъ сознаться, что г. Миллютинъ довольно хорошо объясняетъ въ своей статьѣ, почему между древними не было и не могло быть здравыхъ идей экономическихъ. Изложенеіе меркантильной системы также заслуживаетъ одобреніе; г. Миллютинъ правильно замѣчаетъ, «*что эта школа имѣла скорее характеръ искусства, нежели науки, и что ее составляли не столько ученые, сколько администраторы*», а что собственно «*идея политико-экономической науки пробудилась не ранее половины XVIII столѣтія*», а именно въ ученіи физиократовъ. Доктрины Кенеза и его послѣдователей, равно какъ ихъ происхожденіе и вліяніе на науку, объяснены также удовлетворительно; замѣтимъ только, что говоря о физиократахъ, г. Миллютинъ не можетъ удержаться, чтобы не пустить язвительной стрѣлы въ враждебный ему лагерь позднѣйшихъ экономистовъ, которыхъ онъ упрекаетъ тутъ же, неизвѣстно почему, «*въ узкомъ и ограниченномъ понятіи о своей наукѣ*». Въ сужденіяхъ г. Миллютина объ Адамѣ Смитѣ, проглядываетъ въ немъ самая странная борьба: его здравый смыслъ, его совѣсть явно побуждаютъ его признать великія услуги, оказанныя человѣчеству шотландскимъ философомъ; онъ охотно о нихъ распространяется: «*эти заслуги*», говоритъ онъ, «*огромны и неоцѣнимы, и отвергать ихъ важность, опровергать ихъ значеніе, по нашему смѣлнью, могутъ только люди недобросовѣстные или вовсе неопытные дѣла* (стр. 79)... *Всѣ сознаются въ томъ, что ученіе Адама Смита имѣло самое огромное, самое рѣшительное вліяніе на науку и жизнь. Но очевидно, что оно не могло бы имѣть такого вліянія, если бы не удовлетворяло собой дѣйствительнымъ потребностямъ науки и жизни, если бы не имѣло въ себѣ внутренняго достоинства и значенія.* (idem.)..... Адамъ «*Смитъ первый высказалъ и положилъ въ основаніе науки ту очевидную и великую истину, что трудъ есть настоящій источникъ богатства, и что всѣ отрасли промышленности одинаково производительны, какъ скоро имъ удастся создать въ предметъ новую цѣнность*» (слѣдовало бы сказать не цѣнность, а полезность), «*прежде не существовавшую* (стр. 83).» Но подлѣ этихъ самыхъ строкъ, съ удивленіемъ читаемъ: «*что для рѣ-*

«*шенія многихъ важнѣйшихъ задачъ науки, знаменитый экономистъ не сдѣлалъ почти ничего или по-крайней-мѣрѣ сдѣлалъ весьма немного*» (стр. 79)... *что онъ не понялъ всей глубины и всею значеніемъ основнаго начала (труда), не сумѣлъ вывести изъ него всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя можно и должно было изъ него вывести*» (стр. 83).» Отчего же эти противорѣчія и на такомъ близкомъ разстояніи? просто оттого, что пристрастіе невольно увлекаетъ г. Миллютина къ тому позднѣйшему ученію, которое, сколько мы понимаемъ, рѣшительно отвергаетъ начала, открытыя и доказанныя Смитомъ.

Эта непобѣдимая склонность г. Миллютина обнаруживается во всей силѣ, когда онъ переходитъ къ разсматриванію того, что сдѣлалъ, по его выраженію, изъ науки Смита, его многочисленные послѣдователи, образующіе нынѣ собственно такъ называемую школу экономистовъ. Для этихъ-то несчастныхъ экономистовъ берегъ онъ свой арсеналъ самыхъ убійственныхъ критикъ, но по странному стеченію выраженій. Большая часть этихъ критикъ сами уничтожаются одна другою, и въ своихъ эволюціяхъ, г. Миллютинъ на каждомъ шагу стрѣляетъ въ свои собственные ряды. Такъ, напр. онъ не признаетъ между экономистами «*ни единодушія, ни общности убѣжденій и взглядовъ*» (стр. 21, Т. VI), различаетъ между ними какія-то небывалыя школы «*метафизическую, фаталистическую, описательную, эклектическую, хрестическую*», между тѣмъ на тѣхъ же страницахъ, можетъ-быть для удобства критики, замѣчаетъ, что всѣ эти школы сливаются въ одну общую школу Смита. А нѣсколько строкъ ниже замѣчаетъ «*что послѣдователи Смита придерживались однако однихъ и тѣхъ же взглядовъ на существованіе науки, ея цѣль, ея основное начало, ея практическія примѣненія... что каждый изъ нихъ въ этомъ случаѣ можетъ быть принятъ за представителя всѣхъ и что слѣды общаго стремленія цѣлой школы замѣтны въ трудахъ каждого изъ отдѣльныхъ членовъ*» (стр. 3)...» И поэтому онъ избираетъ себя жертвою *Наизъ-Батиста-Се.* — Далѣе г. Миллютинъ упрекаетъ экономистовъ въ томъ, что «*отвергиваясь отъ дѣйствительности и ея интересовъ, они вращались исключительно въ сферѣ безжизненныхъ абстракцій, и по большей части оставались чуждыми всѣмъ живымъ вопросамъ, шевелившимъ умы ихъ современниковъ и вытекавшимъ логически изъ экономической жизни европейскихъ обществъ*» (стр. 5).» Но какъ согласить это сужденіе съ слѣдующимъ, которое встрѣча-

емъ на стр. 11-й: «Сравнивъ политическую экономію съ науками естественными и признавъ способъ обработыванія послѣднихъ единственно-возможнымъ для первой, экономисты стали «неумолимо собирать отвсюду факты, изучать экономическія явленія во всей ихъ подробности, сравнивать и сличать ихъ «между собой, сортировать по категоріямъ и разрядамъ, разлагать на составные элементы, отвлекать общее отъ частнаго, асхожее отъ различнаго.» И такъ одна и та же школа и «вращалась исключительно въ сферѣ безжизненныхъ абстракцій,» и «неумолимо собирала отвсюду факты:» чему прикажете вѣрить? Впрочемъ, такія противорѣчія взибаютъ въ статьѣ г. Миллютина. Мы не намѣрены вступать съ нимъ въ единоборство, и не предпринимаемъ опроверженія, или, по крайней мѣрѣ, разъясненія его аргументаціи, растянутой на 70 или 80 страницъ мелкаго шрифта. Въ такомъ трудѣ намъ довелось бы преимущественно бороться съ словами, чѣмъ почти все равно, что сражаться съ вѣтряною мельницей. Ограничимся нѣсколькими словами о главныхъ уречкахъ, которыми экономисты подвергаются отъ г. Миллютина.

Они состоятъ въ томъ: 1-е, что экономисты въ своихъ книгахъ вездѣ поддерживаютъ начало свободнаго соперничества, которое г. Миллютинъ называетъ *беспорядочною конкуренціей* и считаетъ источникомъ бездны золь; 2-е, что экономисты признають единство, согласіе между интересами частными и общими, о которомъ г. Миллютинъ и слышать не хочетъ; и 3-е, что вездѣ у нихъ не предлагается особенной программы *твердой и разумной организаціи труда*, отчего, по мнѣнію г. Миллютина, не достается вѣкъ довольно богатства при распредѣленіи производства.—На первые два упрека, читатели найдутъ отвѣтъ пашь въ началѣ этой статьи, гдѣ объясняется законъ цѣнности; что же касается послѣдняго, то онъ долженъ пасть передъ самымъ простымъ анализомъ. Можно ль считать экономистовъ достойными всякаго порицанія, за то, что они находятъ согласнымъ съ природою человѣчества и выгодами общества производство, въ которомъ всѣ члены общества участвуютъ безъ всякаго посторонняго понужденія, каждый по внушенію собственнаго личнаго интереса; въ которомъ они стараются, всѣ наперерывъ одни передъ другими, сколь можно улучшать и удешевлять произведенія; и плоды котораго, въ слѣдствіе совершенной свободы сдѣлокъ, договоровъ и контрактовъ, распредѣляются между

всѣми соразмѣрно съ полезнымъ участіемъ каждаго въ ихъ созданіи. Можно ль предать ихъ хулѣ за то, что заботясь только объ удаленіи всякихъ препятствій къ такому естественному экономическому устройству обществъ, они отвергаютъ, какъ излишнюю и опасную, всякую искусственную организацію труда и считаютъ ненужнымъ и даже вреднымъ всякое иное вмѣшательство власти общественной въ частныя дѣла, кромѣ того назора, который ей принадлежитъ, за охрапеніемъ личности и собственности каждаго и за возможнымъ обезпеченіемъ общаго благосостоянія.

«Отрицая такое вмѣшательство, экономисты,» по словамъ г. Миллютина, «предполагаютъ недобросовѣстно существованіе «того, къ чему мы еще только стремимся—существованіе всеобщей солидарности и прочной ассоціаціи между производительными силами.» Такъ, господинъ Миллютинъ, тутъ-то вся разница между ученіемъ экономистовъ и тѣмъ новѣйшимъ ученіемъ, на которое вы весьма ясно намекаете. Экономисты дѣйствительно видятъ и солидарность и ассоціацію въ общественной жизни, основанной на свободномъ примѣненіи къ производству труда, земли и капиталовъ, ему принадлежащихъ, на уваженіи собственности и личности, и на безпрятственномъ размѣнѣ богатствъ и произведеній. Это, пожалуй, ихъ утопія, идеаль, къ которому, они полагаютъ, вопреки всѣмъ велерѣчивымъ выходкамъ противниковъ экономистовъ, стремятся сами собой общества не только европейскія, но и всѣ вообще. Противники же не видятъ или не хотятъ видѣть этихъ естественныхъ узъ, которыми само Провидѣніе связало общество; не понимаютъ, что личный интересъ есть коренное свойство нашей природы, не понимая также, какимъ путемъ этотъ интересъ, озаряемый разумомъ, ведетъ людей къ прочной ассоціаціи, они хотятъ осуществить эту ассоціацію помощью искусственныхъ и даже насильственныхъ мѣръ, которыя всѣ подходятъ подъ общее названіе *организаціи труда*.

Послѣ этого неудивительно, что рецензенту очень нравятся краснорѣчивыя, но совершенно не логическія выходки Симондъ-де-Сисмонди противъ ученія Смита и его послѣдователей. Сомнѣваюсь однако, чтобъ этотъ добродѣтельный, но слабосердый писатель, очень польстился ролию, которую впрочемъ ему въ правѣ приписывать г. Миллютинъ, ролию «звена между *стемой учениковъ Смита и торіями новѣйшихъ школъ.*»

Въ этихъ-то школахъ, или утопіяхъ, которыхъ, какъ всѣмъ извѣстно, есть безчисленное множество, г. Милютинъ полагаетъ то, что называетъ новѣйшею политическою экономіею. Это не мѣшаетъ ему однако на оборотѣ страницы замѣтить, что такія утопіи не есть явленіе новое, что ихъ много существовало и въ древности и въ средніе вѣка, и что «современные *анамъ утописты суть только послѣдователи, отчасти подражатели первыхъ.*» Этими утопистамъ или «новѣйшимъ экономистамъ,» рецензентъ отдаетъ, повидимому, преимущество предъ устарѣлыми послѣдователями Смита, именно потому, что первые отвергаютъ, какъ ложное, начало свободы промышленности, требуютъ каждый по своей программѣ организаціи труда, обузданія капиталовъ, скопанія личныхъ интересовъ и т. п. Но, по свойственному ему противорѣчію, не можетъ не замѣтить однако, что «эти новыя школы представили слишкомъ много боли воображенію и позабыли о необходимости умирить его разумъ трезвымъ взглядомъ на практическую жизнь и постояннымъ изученіемъ ея законовъ и силъ. Отъ этого и произошло, что утопіи новыя школы остались не болѣе какъ утопіями и остановились упорно на первомъ моментъ своего развитія, вѣстью того, чтобы пойти дальше и перейти мало-по-малу изъ сферы воображенія въ сферу науки. Отъ этого произошло также и то, что дѣятельность новѣйшихъ школъ сообщила политической экономіи направленіе болѣе широкое и благородное, но вѣсть съ тѣмъ гораздо менѣе научное и совершенно чуждое положительнаго характера (стр. 154.)....»

Не правъ ли я, когда замѣчаю, что г. Милютинъ иногда стрѣляетъ въ свои собственные ряды, и даже очень жестоко: приведенныя строки, изъ-подъ его же пера вышедшія, превосходно выставляютъ все ничтожество этихъ лжеученій, которымъ отдаютъ вѣнокъ торжества и превосходства надъ ученіемъ Смита и его послѣдователей. Напрасно только рецензентъ безпокоится за политическую экономію: между нею и этими школами нѣтъ ничего общаго. Послѣднія не могутъ придать первой ни болѣе обширности, ни болѣе благородства, да въ томъ и не нуждается наука, открывающая великіе законы Провидѣнія, въ силу которыхъ успѣхи и благосостояніе людей всего болѣе зависятъ отъ самихъ людей,—наука возвышающая насъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ. Появуются школы не усѣютъ

также совратить эту науку «съ пути научнаго и положительнаго» именно потому, что истинные экономисты отвергаютъ и будутъ всегда отвергать всѣ эти ложныя системы и строго заперать входъ ихъ мнимымъ началамъ въ свои сужденія. Для нихъ, повторю, эти системы останутся *всегда, жалкими и безплодными усиленіями ума челоѣческаго* совратить непреложные законы Провидѣнія, уничтожить неизгладимый индивидуализмъ въ челоѣкѣ, измѣнить самыя естественныя черты его природы, и на этихъ измѣненіяхъ, невозможныхъ, утопистическихъ, основать мнимыя организаціи общественныя. Эта игра въ идеалы, эти мечтанія смѣшны и жалки въ поэзіи и въ литературѣ вообще; но она становится опасною, когда обращается не къ одному воображенію, но еще къ пылкимъ страстямъ челоѣческимъ.

Вотъ почему, и по долгу, и по здравому смыслу, и по совѣсти, экономисты отказываютъ въ научной важности подобнымъ ученіямъ (такъ неправильно присвоивающимъ себѣ названіе новѣйшей политической экономіи), и почему авторъ *Опыта о народномъ богатствѣ* не считалъ нужнымъ много распространяться объ ихъ существѣ и наравленіи, а упоминалъ о нихъ только мимоходомъ*, сказавъ между прочимъ, что «эти системы начинаютъ съ того, что создаютъ себѣ мысленно какихъ-то небывалыхъ людей, и на этомъ рухломъ, воображаемомъ фундаментѣ строятъ, въ своей мечтѣ, новыя общества, какъ дѣти строятъ домики изъ картъ.» Противъ этого исключенія идей новѣйшихъ школъ, или, по выраженію г. рецензента «благородныхъ и возвышенныхъ стремленій новѣйшей науки», направляетъ главный упрекъ его критики. Но за такой упрекъ, авторъ *Опыта* отъ души благодаренъ критику. Если можно что-либо вмѣнить моему труду въ достоинство, такъ именно то, что въ немъ излагается собственно чистая политическая экономія, такъ какъ ее понимаютъ послѣдователи *Адама Смита* и въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи, и въ Италіи, и у насъ въ Россіи, и то, что онъ совершенно чуждъ превратныхъ вѣнушей противниковъ *Смитова* ученія.

Впрочемъ, въ своей критикѣ, г. Милютинъ весьма мало касается собственно моего труда; онъ нападаетъ на экономистовъ

* См. Томъ II стр. 18 и Томъ III стр. 396.

вообще, а въ концѣ приговариваетъ «*что все сказанное о нихъ а можетъ быть вполнѣ приложено и къ г. Бутовскому.*» Напрасно только онъ прибавляетъ, что я придерживаюсь исключительно мнѣній и взглядовъ *Жанъ-Батиста-Се* и нѣкоторыхъ другихъ писателей французскихъ, принадлежащихъ къ той же школѣ: этимъ онъ доказываетъ, что или не успѣлъ прочитать съ достаточнымъ вниманіемъ мою книгу, или, что не знакомъ вполнѣ съ современными англійскими и французскими экономистами. Что же касается до бранливаго заключенія о достоинствѣ *Опыта о народномъ богатствѣ*, то я позволю себѣ только замѣтить, что порицаніе вездѣ и особенно въ литературѣ есть орудіе о двухъ остріяхъ, менѣе опасное для того, противъ кого направлено, нежели для того, кто рѣшается его употребить.

Последнюю фразу могутъ принять себѣ въ отвѣтъ и *Отечественныя Записки*, помѣстившія, въ хроникѣ своей сентябрьской книжки 1847 года, отзывъ о моемъ трудѣ: подробнаго разбора, ими возвѣщеннаго въ этомъ отзывѣ, еще я не получалъ.

А. БУТОВСКИЙ.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ Помпей и проч. Соч. В. Класовскаго.

(Окончаніе).

Въ продолженіе двухъ главъ толковавши намъ объ архитектурѣ помпейскихъ домовъ и о распредѣленіи въ нихъ комнатъ; о лавкахъ и магазинахъ, о произведеніяхъ живописи, скульптуры и мозаики; о надписяхъ, вывѣскахъ и объявленіяхъ—авторъ, въ началѣ V главы, сдѣлалъ намъ премилый сюрпризъ—свѣжимъ путевымъ впечатлѣніемъ, какихъ не бываетъ въ систематическомъ описаніи чего бы то ни было, и какія находишь только въ *путевыхъ запискахъ* или *замѣткахъ*: это переѣздъ автора изъ Неаполя въ Помпею.

«Черезъ часть бѣды по желѣзной дорогѣ, ведущей вдоль очаровательнаго поморья изъ Неаполя въ Ночерру, поѣздъ, обогнувъ южную часть подошвы Везувія, останавливается въ четвертый разъ, и кондукторъ, отворяя дверцы въ вагонахъ, извѣщаетъ пассажировъ, что они пріѣхали въ Помпею. Разноязычная толпа

поспѣшно выходитъ изъ экипажей; вы дѣлаете то же; но, оглянувшись во всѣ стороны, ничего не видите передъ собою, кромѣ ставни—а поодаль отъ нея, только песчаные бугры и матовая зелень оливковыхъ деревьевъ, напудренныхъ пылью; непримѣтно никакихъ слѣдовъ не только сохранившагося древняго города, но даже и развалинъ его. Гдѣ же настоящая Помпея? Еще недоумѣніе это не разрѣшено,—какъ снова раздаются сигнальные свистки; паровозъ тронулся съ мѣста и съ дребезжаніемъ помычался далѣе на востокъ. Между тѣмъ, ваши неаполитанскіе спутники и спутницы двинулись впередъ; запаситесь терпѣніемъ и слѣдуйте за ними, или еще лучше, возьмите одного изъ мальчишекъ, предлагающихъ себя «вашему превосходительству» въ проводники. Когда вы пройдете съ нимъ маленькій садикъ, насаженный хлопчатникомъ, розами и клещевиною, потомъ пыльное шоссе, ведущее изъ Неаполя въ Салерно,—передъ вами наконецъ открывается что-то необыкновенное, не замѣченное въ минуту пріѣзда: это *насыпь*, въ видѣ вала, длиною версты въ полторы и сажени въ три вышиною, искусственная гора песку, мусора и лапша, вынутыхъ изъ открытой части Помпей. Сія-то могильная земля заслоняетъ собою отъ новопріѣзжаго святилище древности, куда мыслящій путешественникъ входитъ не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ любопытствомъ.»

Здѣсь кончается свѣжее путевое впечатлѣніе; авторъ входитъ опять въ свою систему и, вслѣдъ за другими систематиками, пускается въ разсужденія, съ какими никакъ не согласишься. Напримеръ:

«Надобно однако прежде всего сознаться, что впечатлѣніе, производимое Помпеею на посѣщающихъ ее въ первый разъ, далеко не соответствуетъ ихъ обыкновеннымъ ожиданіямъ; оно скорѣе сходно съ неудовлетвореннымъ любопытствомъ, чѣмъ съ *восторгомъ* (!!!), подъ который не рѣдко поддѣльваются путешественники, чтобы не показаться невѣждами въ глазахъ другихъ и передъ самимъ собою. Но въ избитыхъ похвалахъ видимому, уже примѣтно ихъ разочарованіе, слышна *внутренняя досада на преувеличенную знаменитость* (!) развалинъ, *противорѣчицъ* върваніямъ въ грандіозность и поэзію классической древности. Откуда происходитъ это разочарованіе?»

Какъ ни бываютъ различны впечатлѣнія, производимыя на людей однимъ и тѣмъ же предметомъ, но есть предметы, опредѣ-

ляющие общій характеръ производимаго ими на насъ впечатлѣнія; знаменатель этого впечатлѣнія долженъ быть одинаковъ у всѣхъ, и только числитель можетъ быть различенъ у каждаго; а разочарованіе, внутренняя досада у одного,—у другаго же восторгъ, очарованіе — это два весьма различные знаменателя! Лишь къ одной изъ этихъ противоположностей относится столь единосущный по своему характеру предметъ, какова Помпея. Кто же преувеличилъ знаменитость ея? Помпею находишь именно такою, какою себя представлялъ ее, по описаніямъ; видъ оригинала свидѣтельствуетъ о вѣрности копій! Потому на вопросъ: «Откуда происходитъ это разочарованіе?» одинъ отвѣтъ: отъ невѣдѣнія римской древности, отъ того, что знаютъ ее только по насыщкѣ, не по собственному изученію; отъ того, что знаютъ ее только какъ великую—ими не читанную—поэму, къ которой воображеніе не читавшаго примѣшиваетъ много не бывалаго! Единственное, что могло не соответствовать ожиданіямъ *первыхъ* открывателей Помпеи, это—тѣснота кабинетовъ и спаленъ въ древне-римскихъ домахъ! Не понимаемъ, какъ можетъ быть рѣчь о *неудовлетворенности* любопытствъ тамъ, гдѣ просто не достаетъ васъ и совокуности вашихъ умственныхъ силъ, чтобы развѣдывать все достопримѣчательное въ этомъ микрокосмѣ древности, въ которомъ для васъ ново и любопытно все, до послѣдней бездѣлицы. Еще менѣе понимаемъ тотъ *восторгъ*, подъ который не рѣдко будто бы поддѣлываются путешественники, чтобы не показаться невѣждами! Когда я посѣщалъ Помпею, было тамъ полсотни, или болѣе, путешественниковъ обоего пола; всѣ они гуляли молча, съ серьезнымъ лицомъ; весьма рѣдко вырывалось у нихъ слово; даже молодыя Француженки не въуреничали; всѣ, казалось, находились подъ очарованіемъ той поэтической меланхоліи, которую дышетъ гевій Помпеи. И можетъ ли быть иначе? Подходишь къ ней черезъ *кладбище*, по «улицѣ гробницъ»; это предмѣстіе города! Самый же городъ, въ которомъ не имѣется крыши ни на одномъ зданіи, да еще соскоблена штукатурка стѣнъ, для снятія фресковъ, какъ-то уподобляется мертвому, ободранному тѣлу. Какія же тутъ побужденія къ *восторгу*? Сначала кажется печальнымъ и то, что всѣ домъ обращены *задомъ* наружу—на улицу—а лицомъ вовнутрь; во послѣдствіи, именно это обстоятельство способствуетъ нашему духу одолѣть наконецъ свою страдальную скорбь и живительнымъ дѣйствіемъ мысли коснуться мертвой, ободран-

ной Помпеи—и ее воскресить и разубрать. Вотъ какимъ путемъ приходишь до такого живительнаго дѣйствія:

Мы, новѣйшіе, какъ-то не склонные къ общественной жизни, строимся однако лицомъ, душою, окнами *на улицу*, такъ, что съ улицы—не только въ переносномъ, но и въ прямомъ иногда смыслѣ—можно бы всмотрѣться въ нашу домашнюю жизнь. Древніе, напротивъ, вѣковали въ публикѣ, въ народѣ, но домашній бытъ свой обращали къ публикѣ тыломъ. *Гискейонъ* эллинскій какъ-то напоминаетъ еще *саремъ*, по-крайней-мѣрѣ какое-то восточное неизбежество съ прекраснымъ поломъ; но у Римлянина, жена была уже хозяйка въ домѣ, на полныхъ правахъ супружескаго и политическаго общежитія, и потому эта черта римскихъ нравовъ, эта совершенная отдѣльность хозяйства отъ волноворота общественнаго быта, отъ посторонняго соглядтанія свидѣтельствуетъ о какой-то теплотѣ и сердечности чувства, о чемъ-то цѣломудренномъ въ понятіяхъ о домашней жизни. Передъ нами мертвое тѣло Помпеи—пластическое изображеніе римской будничности; но немъ проведено тысяча свѣжихъ слѣдовъ мелкой ежедневности и суетливости людской; но, при всемъ томъ, *всемірная*—по-крайней-мѣрѣ *всенародная*—статуя римская, относительно сердечности своихъ чувствъ, обращена *тыломъ* къ этой мелкой будничности общежитія уличнаго, или форумскаго, — *лицомъ* же къ своему міру домашнему, какъ бы углубленная душою въ святилище своихъ Пенатовъ, въ чисто и вѣчночеловѣческое въ преходящемъ челоуѣкъ—и *къ* же, какъ *не нами*, новѣйшими, должно быть оцѣнено такое граціозное цѣломудріе чувства домашняго! При совокуните къ этому прекрасное впечатлѣніе, при самомъ входѣ въ домъ — я разумью перспективу, черезъ атріумъ и перистилу, во всю длину дома! Простота и прелесть этой архитектуры согласуются вполне съ идеею о домашней жизни; непременно наводятъ на такое понятіе, если оно вамъ не прежде сказалось уже тѣмъ многозначительнымъ отвращеніемъ жилища отъ уличнаго міра—и эта совокуность и полное согласіе чувствъ моральнаго и изящнаго отражаются въ насъ возникновеніемъ поэтической идеи, а подъ идеею истинно-поэтической воскресаетъ всякая жизнь, въ своемъ лучшемъ видѣ и освѣщеніи—въ идеальномъ свѣтѣ. Разумѣется, подъ влияніемъ такой идеи чувствуешь *восторгъ*—но не тотъ восторгъ, который изливается въ громкихъ

словахъ — и подавно не тотъ восторгъ, который боится, по своему *безмолвію*, прослыть *невъжжествомъ!*

Авторъ нашъ иначе смотрѣлъ на Помпею и, раздѣляя съ другими разочарованіе — можетъ статься и «внутреннюю досаду на преувеличенную знаменитость развалинъ, противорѣчащихъ въ рованіямъ въ грандіозность и поэзію классической древности,» и на свой вопросъ: «Откуда происходитъ это разочарованіе?» отвѣчаетъ такъ: «Мы изучаемъ древнихъ по книгамъ; смотримъ на отдаленные эпохи не прямо, а сквозь исторію, при чемъ лучи истины, прежде нежели дойдутъ до насъ, должны, такъ сказать, сперва переломиться въ средѣ науки, подвергаясь всѣмъ условіямъ преломленія, пораждая оптическіе и перспективные обманы.»

Прерываемъ продолжительный цитатъ, чтобъ отвѣчать вразумительнѣе на каждый пунктъ его. Авторъ нашъ, наводя здѣсь подозрѣніе на науку этимъ преломленіемъ лучей, забываетъ, что, и въ чувственномъ мірѣ, ни одинъ предметъ не дается намъ иначе, какъ посредствомъ *преломленія лучей*, т. е. посредствомъ *образа, какимъ, по законамъ диоптрики*, чувственный предметъ *отражается* въ нашемъ чувственномъ окѣ. Поэтому совершенно правы тѣ, кто говоритъ, что мы ничего не знаемъ о *сущности* предметовъ въ видимомъ мірѣ; они для насъ лишь *явленія* — (феномены); мы не знаемъ о нихъ ничего иного, кромѣ того, какъ они представляются намъ, какъ они *отражаются* въ нашихъ понятіяхъ и на нашихъ чувствахъ; соотвѣтствуетъ ли видъ, или отраженіе предмета — сущности его, этого никто доказать не можетъ. Съ *этой* точки зрѣнія, *все* подъ земнымъ горизонтомъ — *плююзія*; но люди условились называть чувственною и умственною правдами эти отраженія *внѣшнихъ предметовъ* въ нашихъ чувствахъ и въ нашемъ умѣ. По *тѣмъ* же законамъ диоптрики, какъ и чувственный глазъ, наше умственное око пріемлетъ впечатлѣнія и образы отъ окружающаго насъ міра, но эти впечатлѣнія и образы идеализируются въ нашемъ умѣ, т. е. возсоздаются въ немъ, открываясь ему съ своей духовной стороны, въ своей высшей правдѣ — и матерія подчиняется врожденному ей духу, нестройное получаетъ форму. Все, существующее въ чувственномъ мірѣ, не можетъ и не *стодитъ* быть воспроизводимо человеческимъ умомъ иначе, какъ посредствомъ такого преобразительнаго дѣйствія ума; тотъ умъ, который занимался бы воспроизвожденіемъ только чувственнаго въ

немъ отраженія *внѣшняго предмета*, — былъ бы будничный копійщикъ, а не художникъ, не творецъ, какъ слѣдуетъ быть уму человеческому. — Авторъ продолжаетъ: «Съ другой стороны, тутъ встрѣчается еще то *важное неудобство* (?!), что всѣ почти историкъ, по пристрастію къ рѣзкому и громкому, къ характеристикѣ скорѣе общаго, чѣмъ частнаго, занимаютъ насъ разгадываніемъ путей Провидѣнія и собственными воззрѣніями на судьбу человечества, а въ области фактовъ знакомятъ только съ военною и правительственною стороною государствъ, оставляя въ тѣни и неопредѣленности домашнюю жизнь народовъ, ихъ нравы, религію, искусства и т. д.»

Неужели авторъ нашъ видитъ «важное неудобство» въ томъ, что исторія стала на высотѣ прагматизма, т. е. что она, открывая внутреннюю и необходимую связь происшествій, относя все къ одному главному пункту, группируетъ вокругъ этого центра, т. е. приводитъ въ единство и порядокъ — массу событий, которая, безъ этой стройности, была бы и безъ жизни, безъ цѣны для насъ, безъ пользы? Прагматизмъ исключаетъ микрологію. Мы очень благодарны отцу Исторіи, старику Геродоту, за микрологію его, особенно съ тѣхъ поръ, какъ французская экспедиція въ Египетъ, изслѣдовавъ, на мѣстѣ, показанія его, нашла ихъ довольно вѣрными и отдала имъ преимущество передъ показаніями гораздо позднѣйшаго Страбона; но, послѣ Геродота, долженъ былъ скорѣе явиться — и явился — *Фукидидъ*, т. е. послѣ микрологіи — *прагматизмъ!* Какъ-то совѣстно распространяться объ этомъ предметѣ; отсюда всякій уже легко видитъ, до какой степени парадоксально это «важное неудобство,» подъ перомъ нашего автора. Здѣсь только ошибочная идея; но, далѣе, бросается въ глаза *невѣдѣніе фактовъ!* Сожалѣемъ, что для нашего автора остаются «въ тѣни и неопредѣленности» жизнь и нравы, религія и искусства Грековъ и Римлянъ; другимъ *известны* они до микрологіи. Изъ тысячи примѣровъ приведемъ хоть два. Мы знаемъ, что былъ только одинъ плащъ у Эпаминонда, и что онъ долженъ былъ сидѣть дома, когда плащъ этотъ былъ отданъ въ мытье, или въ чистку! Мы знаемъ, что Курій Дентатъ, побѣдитель страшнаго для Римлянъ царя Цирра эириотскаго, готовилъ себѣ ужинъ изъ рѣпъ въ глиняномъ горшкѣ, когда явились къ нему въ кухню послы самнитянскіе и предлагали ему въ подарокъ серебряные сосуды, которые онъ отвергъ, замѣтивъ, что ему пріятно изъ-за

глиняныхъ горшковъ повелѣвать тѣми, кто владѣетъ такимъ богатствомъ. Въ этомъ невѣдѣніи, авторъ продолжаетъ:

«Зная о Римлянахъ и Грекахъ только побѣды ихъ вождей; прослѣдивъ лишь за великими ихъ общественными движеніями, за героизмомъ добродѣтелей и колоссальностью пороковъ, мы естественно начинаемъ вѣрить, что, по закону послѣдовательности, и все, безъ исключенія, относящееся къ Римлянамъ и Грекамъ, стояло на высотѣ ихъ характера, переданнаго намъ эпопеями и исторіею; запечатлѣно державною громадною ихъ государственныхъ учреждений.»

Отвѣчаемъ: не только эпопеями и исторіею, но и другими чувственными памятниками наукъ и искусствъ переданы намъ изящество и величіе этихъ классическихъ народовъ. До насъ дошла хотя не болѣшая, но лучшая часть литературы эллинской и римской; найденное въ афинскомъ Паренонѣ, и въ другихъ мѣстахъ Греціи; въ римскихъ термахъ; удѣлѣвшее и полуудѣлѣвшее, какъ-то римскій Пантеонъ и Коллизей и прочее. Слѣды римскихъ завоеваній въ трехъ частяхъ свѣта и все тому подобное свидѣтельствуетъ о правдивости исторіи, относительно классицизма и умственной высоты Грековъ и Римлянъ. Что это за *диковинный* законъ послѣдовательности, по которому я долженъ «начинать вѣрить», что Гомеръ, Софокль, Эукидъ, Фабрицій, Курій Дентатъ, Юлій Цезарь, творцы афинскаго Паренона, римскихъ Пантеона и Коллизея, создатели Венеръ Капитолійской и Медицейской и проч. грандіознѣе сморкали свой носъ, грандіознѣе страдали своей обѣдой и ужиномъ, грандіознѣе отправляли другія ежедневныя потребности житейскія, нежели мы, новѣйшіе? А именно на это намѣкаетъ авторъ нашъ, продолжая такъ:

«Стоитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ Помпей, и вы тотчасъ убѣждаетесь, что это вѣрованіе (въ тотъ диковинный законъ послѣдовательности) — заблужденіе, какъ болѣшая часть предвзятыхъ идей теорій; вашимъ взорамъ представляется узкія, кровавыя улицы, обставленныя съ обѣихъ сторонъ лавками, — это передняя, лицевая часть домовъ, — а самые дома почти всѣ сходны между собою *мелкостью* зодческаго *стиля*» (напротивъ: грандіозно и изяществомъ стила въ небольшихъ размѣрахъ) «и странною тѣсною комнатою! Однимъ словомъ, въ Помпей, именно потому, что она есть древность живая, видимая и осязаемая, а не гальванизированная наукою, труднѣе,

чѣмъ гдѣ либо представить себѣ могучихъ Римлянъ и утонченныхъ Грековъ, похожихъ на наши объ нихъ идеалы.»

Удивительное для насъ понятіе! Если бы въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ не сохранились значительныя памятники римскаго зодчества, то именно *Помпей* своими театрами, амфитеатромъ, форумомъ, гробницами и тому подобнымъ могла бы свидѣтельствовать въ пользу нашихъ идеаловъ о грандіозности римскаго характера, относительно общественной жизни; объ изяществѣ архитектуры классической и о вкусѣ въ украшеніи жилищъ. Посмотрѣвъ только въ увеличительное стекло на амфитеатръ небольшого провинціального города, мы даже чувственнымъ глазомъ увидѣли бы *римскій Коллизей*; помпейскій форумъ могъ бы дать намъ ясное понятіе о *римскомъ форумѣ* и такъ далѣе. Неужели архитектура и внутреннее украшеніе комнатъ такихъ домовъ, каковы дома Фавна, Саллюстія и другихъ въ Помпей, не наводятъ насъ на самую богатую идею объ изяществѣ и роскоши палатъ Лукулла, Гортензія, Крисса, Помпея, Медината? *Одна* мозаика въ домѣ Фавна — Александровская битва — могла бы уже оправдать наши грандіознѣйшія понятія о классицизмѣ древнихъ — и эта же мозаика затмеваетъ мнимое изящество и всю роскошь нашихъ новѣйшихъ палатъ. Какая же «древность живая, видимая и осязаемая» уничтожила идеалы г-на Классовскаго о Грекахъ и Римлянахъ? вѣроятно, не иное что, какъ *мелкіе размѣры* покоевъ въ помпейскихъ домахъ — и, конечно, не кривизна улицъ небольшого провинціального города, не лавки и прочіе слѣды промышленности и суетливой жизни чернаго народа! И такъ одно лишь «*странная* тѣснота комнатъ» — какъ выражается нашъ авторъ, причинила его горькое, тутъ же и высказанное разочарованіе. Если бы Шекспиръ жилъ на *чердыкѣ*, въ самой бѣдной квартирѣ, — то ужли такое «видимое и осязаемое» обстоятельство помѣшало бы намъ представить себѣ могучесть и величіе Шекспира? *Жанъ-Жакъ-Руссо*, дѣйствительно, жилъ почти нищенски — по крайней мѣрѣ, довольно тѣсно и очень чисто, какъ самъ сознается, — но бывалъ посѣщаемъ важными людьми, понимавшими, что именно *genio*, такого рода свойственны простота домашняго быта, нерадѣніе о комфортѣ жизни; наоборотъ, умы обыкновенные думаютъ всего прежде объ этомъ комфортѣ, о расширеніи и утонченности физическихъ потребностей человѣка. Первая мысль, мелькнувшая въ моемъ умѣ, когда я впервые вошелъ въ одну изъ

этих тѣсныхъ спаленъ помпейскихъ, была та: не отъ того ли, что *Римлянинъ* спалъ такъ тѣсно,—*Римъ* такъ широко разлегался по всему міру? Какъ бы то ни было, человекъ, необыкновенный по своимъ дѣйствіямъ, подвигамъ умственныхъ или гражданственныхъ, всего любезнѣе въ тѣсной простотѣ своего домашняго быта, въ ограниченіи физическихъ потребностей только необходимѣйшимъ.... Невольно вспомнишь опять о Руссо, когда къ нему приходилъ маршалъ Луксбургскій, и о Куріи Дентатѣ, страдающемъ своей ужинать въ глиняной посудинѣ и отвергающемъ посуду серебряную.

«Согласимся же»—продолжаетъ авторъ нашъ—«что исторія, сведенная здѣсь (въ Помпѣи), такъ сказать, на очныя ставки къ памятникамъ, стоящими дѣйствительныхъ фактовъ, являетъ *сбивчивость* и *подозрительное* съ ними разнорѣчіе, которое не мало должно удивлять чаящихъ истины отъ непреложности ея приговоровъ и выводовъ!»

Мы уже опровергли этотъ гиперболическій парадоксъ, и потому нѣтъ надобности согласиться съ нимъ, церемониться съ лежачимъ; мы только улыбнемся *возможности* появленія его.

Послѣдуемъ за нашимъ авторомъ *на виллу Арріа Диоміда*, которую начинается «Улица Гробницъ», а древле начиналась «слобода военныхъ поселенцевъ»—*Augusta felix*. Не останавливаясь на описаніи этой виллы, входимъ въ подвалы ея—«сила лучше сказать, въ *тихую крытую галерею* весьма хорошо освѣщенную и прохладную, потому служившую мѣстомъ лѣтнихъ прогулокъ. Вотъ что пишетъ объ ней ученый Денонъ, видѣвшій ее въ 1777 году, то есть черезъ три года послѣ открытія:

«Мы вошли въ подземный корридоръ и видѣли скелеты 27 ми женщинъ, которыя во время общаго испуга и смятенія спрятались сюда, какъ въ мѣсто, показавшееся имъ безопаснѣе другихъ. Не довольствуясь сводомъ подвала, онѣ устроили надъ собою еще родъ навѣса изъ досокъ,—и подъ ними-то найдены теперь ихъ кости! Бѣдняжки стояли рядомъ одна возлѣ другой, прижавшись къ стѣнѣ; но пепель проникъ вмѣстѣ съ удумливыми испареніями въ предательское убѣжище, засыпалъ скрывавшихся тамъ, туго наполняя промежутки между ними и, мало-по-малу, отвербѣлъ въ плотную массу; она сохранила на себѣ разные отпечатки женскихъ формъ, такъ, что одинъ кусокъ ея съ оттискомъ прекрасныхъ грудей и плечъ спрятанъ въ музей, какъ любопытная рѣдкость. Тутъ же найдены кольца, за-

пястья, цѣпочки и серьги, все изъ чистаго золота,—доказательство, что тѣ, кому онѣ принадлежали, были не простаго званія. Изъ видѣнныхъ тутъ нами 27-ми головъ, одна съ уцѣлѣвшими на затылкѣ волосами, отправлена въ послѣдствіи въ музей, для храненія подъ стекломъ. Не знаю, продолжатъ ли показывать другимъ путешественникамъ, бывшимъ въ Помпѣи послѣ насъ, всего 26 череповъ, но утвердительно говорю, что настоящихъ древнихъ могло тамъ остаться только 25, потому, что я, не устоявъ противъ искушенія присвоить себѣ тихомолку голову древней Римлянки, *утащила* ее съ собою подъ моимъ широкимъ плащомъ. Теперь она во Франціи, и нѣкоторые дамы уже любовались формою и размѣрами моей *покражки*, собственными только богатойскіею красотою древнихъ».

Чтобы съ такою наивностью, съ такимъ геройскимъ безстыдствомъ признаться печатно въ своей *покражкѣ*, надобно быть Вивантомъ Денономъ, то-есть *тѣмъ*, кто, подъ побѣдоносными знаменами Наполеона, съ такою недостойною образованнаго человека неделикатностью грабилъ и германскіе музеи! Ужели французскій *повременный въ дѣлахъ*, при неаполитанскомъ дворѣ, не могъ бы достать позволительнымъ образомъ одинъ изъ этихъ остальныхъ 26 древнихъ дамскихъ череповъ? Когда только *одинъ* изъ нихъ, съ уцѣлѣвшими волосами, взяли въ неаполитанскій музей, то, навѣрное, не отказали бы ученому археологу въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ воровствомъ. Денонъ не избѣгнулъ Немецкыи: въ 1815 году, все, похищенное изъ музеевъ Италіи и Германіи, возвращалось восвояси,—и Денонъ, съ разбитымъ сердцемъ, сложилъ съ себя званіе директора парижскаго музея.

«Приступая къ частному обзору помпейскаго кладбища»—говоритъ авторъ (стр. 94) «постараемся, при помощи краткихъ извлеченій, составить себѣ точное понятіе о погребальныхъ обрядахъ у древнихъ Римлянъ». Далѣе: «я назначилъ для себя скромную цѣль—бесѣдовать о классической древности съ людьми, не почерпнувшими о ней систематическихъ свѣдѣній изъ первыхъ источниковъ науки». — Эти первые источники науки, означенные въ выноскѣ, суть: Cic. in Ver. V, 45; Suet. Aug. 99; Ovid: Amor. III 9 v. 49 и такъ далѣе. Изъ этихъ словъ должно было заключить, что авторъ нашъ, для *краткихъ извлеченій*, по сему предмету, пробѣжалъ всю римскую литературу. Мы покажѣмъ-было о г. Классовскомъ, принявшемся, по невѣдѣнію, за

огромный труд классической, давно уже совершенный учеными, но утѣшились съ первыхъ цитатовъ, убѣдившись въ томъ, что всѣ эти извлечения изъ Цицерона, Светонія, Овидія, Сенеки, Тибулла и проч. взяты просто у Шарля Дезобри, что единственно на его описаніи римскихъ похоронъ, въ книгѣ: Rome au siècle d'Auguste, основанъ весь рассказъ нашего автора о томъ предметѣ. Французскій языкъ и книга Дезобри такъ извѣстны въ Россіи, что авторъ нашъ не имѣлъ особенной надобности описывать римскія похороны, — «бесѣдовать о классической древности съ людьми, не почерпнувшими о ней систематическихъ свѣдѣній изъ *первыхъ источниковъ науки*», то есть изъ римскихъ классиковъ.

«Трудно выразить словами *грустное* и вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣнное чувство, испытываемое *странникомъ*, когда взоръ его въ первый разъ пробѣгаетъ ряды монументовъ въ улицѣ помпейскаго кладбища».

Такъ какъ авторъ свое индивидуальное ощущеніе выдаетъ здѣсь за *общее* всѣмъ странникамъ, то я, по мѣстному отъ того же предмета впечатлѣнію *того* рода, долженъ противорѣчить этой почти невыразимой *грусти*, повѣряя естественность *своего* впечатлѣнія. — Въ области *жизни*, всякое кладбище наводитъ грустныя чувства, серьезныя размышленія; но въ области *смерти* — самъ авторъ нашъ называетъ Помпею «величайшею въ свѣтѣ гробницею» — въ области смерти, говорю, *кладбище*, то-есть совокупность уцѣлѣвшихъ, изяществомъ своей формы привѣтливо сообщительныхъ монументовъ, должно имѣть и дѣйствительно имѣть совсѣмъ другое для насъ значеніе. Еще не входяши въ Геркуланскія ворота, вы уже знаете, изъ описаній Помпеи, что тамъ не уцѣлѣло ни одно жилище людское; что найдете только прахъ и развалины, ознаменованныя слѣдами буличной суетливости свѣта; потому «Улица Гробницъ» (ссылаемся на приложенную къ книгѣ нашего автора гравюру № 1, представляющую рядъ красивыхъ античныхъ монументовъ) дышетъ чѣмъ-то милымъ, непреходящимъ, вѣчно живымъ — въ самомъ святилищѣ смерти. На первомъ шагѣ по этому строю гробницъ, чичероне, при словахъ: La tomba del piccolo Grato! (гробница маленькаго Грата) указываетъ на памятникъ очень занимательный: въ полукруглой нишѣ, подъ мраморнымъ фронтономъ, вы видите мальчика съ вѣнкомъ на головѣ; подъ нимъ надпись: «Велазію Грату, жившему 12 лѣтъ». Этотъ

отрокъ *въ вѣнокъ*, на могильномъ памятникѣ; самое имя *родовое* этого отрока — Gratus (милый, миловидный); мысль, что родители его, пропавшіе для насъ безъ вѣсти, увѣковѣчили для потомства своего рано отшедшаго отрока... право, это священное умиленіе, внушаемое намъ живымъ навѣнымъ дитятемъ, въ которомъ нѣтъ еще ничего опредѣленнаго, но есть безконечная опредѣлительность — переходитъ и на изображеніе милого въ вѣнокъ мальчика на гробницѣ... и этотъ умилятельный глашатай безсмертія, этотъ дѣйствительный геній античный — геній гробовой Помпеи — это воплощенное дуновеніе *жизни* привѣтствуетъ насъ при самомъ входѣ въ область *смерти* — и ужели иначе, какъ съ поэтическимъ чувствомъ легкой, свѣтлой меланхоліи, пройдете всю «Улицу Гробницъ»? Мнѣ показалось, что именно въ *этой* улицѣ болѣе *жизни*, нежели во всей прочей Помпеи!

Предоставляя читателю двигаться медленно впередъ, по «Улицѣ Гробницъ», при умныхъ рѣчахъ автора-чичероне, поспѣшаемъ въ городъ и ждемъ ихъ у Приапова знаменія. Авторъ могъ бы обойтись безъ *ученой диссертации* по этому предмету — въ книгѣ, назначаемой не для ученыхъ исключительно, а *ученымъ* это давно извѣстно — и сказать по просту, для публики, что древніе, по своимъ понятіямъ, не стыдились ничего *натуральнаго* въ образовательныхъ искусствахъ, — какъ и мы новѣйшіе, не стыдимся Венеры Медицейской, или Геркулеса въ полномъ видѣ — что и великій Сестриестъ отнюдь не думалъ дурачиться, изображая, по свидѣтельству Діодора, впрочемъ несогласному съ Геродотомъ, такую же *ученую диссертацию*, но гораздо кратчайшую, содержащуюся только въ одномъ выразительномъ іероглифѣ, на монументахъ, въ память покоренія народовъ, *мужественно* съ нимъ дравшихся, и на памятникахъ покоренія народовъ, подавшихъ власти его *безъ битвы*, другаго рода іероглифъ, еще выразительнѣйшій и волюнъ соответствующій какъ трусости сихъ народовъ, такъ и предыдущему іероглифу — и этого *другаго* рода іероглифъ видѣлъ своими глазами Геродотъ (кн. II § CVI)

Перейдемъ къ мнимому жилищу Весталокъ. Авторъ нашъ говоритъ: «Какъ будто вопреки всему, что извѣстно объ оффиціальной непорочности жрицъ Весты, здѣсь именно найдена одна изъ самыхъ неблагопрістойныхъ картинъ: *Фавнъ, обнажающій пльную Вакханку*». (Стр. 125).

Ужели г. Классовскому неизвѣстно, что во всей римской

республикѣ, вполнѣдствіи имперіи, было сначала 4. а потомъ, до прекращенія языческаго жречества Граціаномъ, только 6 Весталокъ, имѣвшихъ свою резиденцію въ *самомъ Римѣ*, близъ форума, подъ холмомъ Палатинскимъ, и что поэтому, ни въ Помпеѣ, ни въ другомъ какомъ-либо городѣ римской республики, или имперіи, не могло быть *Весталокъ*? Стало быть, въ Помпеѣ могли обитать только *бывшія, оставшія* Весталки, пущенныя въ міръ и безпрепятственно допущенныя ко всему мірскому! Но *сороколѣтнія* Весталки (онѣ выбирались изъ дѣвочекъ отъ шести до десяти лѣтъ, и должны были служить въ безпорочномъ дѣствіи 30 лѣтъ) весьма рѣдко выходили изъ своего ордена, добровольно оставаясь Весталками во всю жизнь свою. *Это* замѣчаніе было бы неизлишнее, по поводу открытія вышеупомянутой картины.

Въ главѣ VII, авторъ повелъ рѣчь о *термахъ* или общественныхъ баняхъ. «Мы Русскіе» говоритъ онъ «одни между всѣми Европейцами знакомые съ наслажденіями и дѣлительными дѣйствіями бани, конечно, не станемъ удивляться, что древніе Римляне не только держались обычая: ежедневно мыться посреди горячихъ паровъ, но даже, какъ увѣряютъ Сенека и Светоній, долго не знали, кромѣ бани, другаго лекарства отъ недуговъ. Наши простолудины того же мнѣнія о ней, и ихъ богатырское здоровье служить яснымъ доказательствомъ, что она, какъ гигиеническое и дѣлбное средство, въ весьма многихъ случаяхъ, едвали не дѣйствительнѣе заморскихъ снадобьевъ ученой медицины.—Не великолѣпнѣе однако жъ и не богатая изысканность» (какъ, напримѣръ, въ *римскихъ* термахъ), «бросаются въ глаза, при обозрѣніи публичныхъ банъ въ Помпеѣ, а пріятная простота орнаментовъ и благородная сообразность съ ихъ прямымъ назначеніемъ. Онѣ раздѣлены на двѣ равныя половины, *можетъ быть* на мужскую и женскую. Первая комната отъ улицы, *родъ прихожей*, была мѣстопробываніемъ банщика-сторожа (balneator), которому, заплативъ при входѣ *кодранта* (!!!) то-есть не больше нашей копѣйки, посѣтителѣ переходили въ *перобанникъ* (spoliatorium), гдѣ раздѣлялись и проч.»

Мы вставили *три* восклицательные знака послѣ слова *кодранта*, убѣдившись, что это не опечатка: оно *потоплется* въ выноскѣ и не означено въ «замѣченныхъ погрѣшностяхъ», на концѣ книги. Ошибаться весьма не мудро; но есть *ошибки*

непонятныя. Въ авторѣ, имѣющемъ явную претензію на классическую ученость, принявшемся за «Систематическое описаніе Помпей» и часто ссылающемся на римскихъ классиковъ, мы должны предполагать знаніе *латинскаго* языка; стало быть ему извѣстенъ — или долженъ быть извѣстенъ — латинскій глаголъ *quadro*, причастіе котораго, въ настоящемъ времени, по *первому* сопряженію, есть *quadrans*. Употребляемое, какъ существительное, оно, — одна изъ мельчайшихъ разнѣнныхъ монетъ римскихъ, — означало *четвертую* часть асса, десятую сестерціи — и должно быть переведено по-русски: *четверть*, четверку, или *квадрантъ*! Есть же у насъ слово: *квадратъ*, *квадратная* сажень, *квадратура* круга! Какъ же могло родиться, подъ перомъ нашего автора, слово: *кодранта*? «Чудная вещь! непотная вещь!» восклицаемъ мы съ любопытнымъ поэтомъ нашимъ Федоромъ Николаевичемъ Глинкою. *Потоплется*: если бы, на концѣ разбираемой нами книги, не было страницы, посвященной «замѣченнымъ погрѣшностямъ», въ которой отмѣчены самыя ничтожныя, очевидныя опечатки, мы и не упомянули бы о *кодранта* г. Классовскаго. Мы знаемъ, по собственному опыту, *какія* случаются опечатки, *особенно* въ повременныхъ изданіяхъ, когда рукопись твоя не очень разборчива. Но очевидно, что слово: *кодранта*, у нашего автора, не опечатка! Неужели ему было неизвѣстно, что старшую сестру ославленнаго *Клодія*, врага Цицеронова, *Клодію*, супругу свѣтлѣйшаго консулара Квинта Метелла Целера, прозвали: *Квадрантарія*, отъ того, что она, — вопреки приличію, подобающему свѣтлости ея—ходила всегда въ публичныя бани, за входъ въ которыя платили только *квадрантъ*, и даже не платила *этого*, установленнаго закономъ *квадранта*. Цицеронъ, въ *Coel. 26*, утвердилъ за нею, увѣковѣчилъ это прозвище: *mulier quadrantaria*; а вслѣдъ за нимъ и Квинтиліанъ своею: *Clytaemnestra quadrantaria*.

Посѣтшивъ въ «Домѣ Фавна, или Большаго Мозаика.» Авторъ, распространившійся столько о предметахъ меньшей важности, какъ-то фаллъ, харченія, публичныя бани и прочая, конечно вознаграждаетъ насъ за все это занимательнымъ разсужденіемъ о чудной мозаической картинѣ. Упомянувъ мимоходомъ о множествѣ глиняныхъ амфоръ, прежде всего оказавшихся при открытіи этого дома,

о бронзовой статуѣ Фавна, давшей названіе этому дому, еще кое-о чемъ неважномъ, онъ продолжаетъ: «Теперь скажемъ о самомъ важномъ. На полу триклиніума, въ каменномъ помостѣ видѣлаи *была* знаменитый мозаикъ изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ камня, *или* лучшее украшеніе неаполитанскаго музея.» (Не ошибается ли авторъ нашъ, помѣтивъ эту картину въ неаполитанскомъ музеѣ? Она осталась въ Помпеѣ, на своемъ мѣстѣ, въ домѣ Фавна. Тамъ я видѣлъ ее, семь лѣтъ послѣ открытія ея; и позднѣйшіе меня путешественники видѣли ее тамъ же. *Куда* же перевезли ее въ Неаполь? Невѣроятно, чтобы рѣшились на такое варварство!) «По колориту и технической сторонѣ работы, мозаикъ неподражаемъ; по композиціи, выдержитъ сравненіе съ первоклассными произведеніями даже Рафаэля и Джуліо-Романо, каковы, напримѣръ, «Побѣда Льва IV-го надъ Сарацинами въ Остіи» и «Битва Константина Великаго съ Максентіемъ».

«Вотъ его сюжетъ (см. гравюру XII): на четвероугольной поверхности (длиною въ 16 ф. 11 л. $4\frac{1}{2}$ лин. и шириною въ 8 ф. 10 л. $\frac{3}{4}$ лин.) изображено пораженіе Дарія Александромъ Великимъ при *Иссѣ*. На разныхъ планахъ представлены пѣшие и конные воины. Македонскій герой, верхомъ на прекрасномъ конѣ, пронзаетъ оружіемъ непобѣдимой фаланги — длинною пиквою (*sarissa*) спѣшеннаго сатрапа, возлѣ котораго лежитъ на землѣ суковатая палка, *вооруженіе* (1) персидскихъ *рабдофоровъ* (жезлоносцевъ — стало быть не вооруженіе, а атрибутъ отличительный!). «Среди боя, равно ожесточеннаго съ обѣихъ сторонъ, физиономіи 26-ти воиновъ, столько же исполнены выразительности, различной по характеру каждаго, сколько съ другой стороны проникнуты *сходствомъ съ живою дѣйствительностью*. (2) Несмотря на сложность дѣйствія въ группѣ, интересъ битвы, рѣшающей участь двухъ народовъ, воплощенъ въ немногихъ лицахъ, первенствующихъ въ дѣлѣ. Но до того краснорѣчивы своєю истинною всею прочія частности, и такъ строго согласованы съ главною идеею цѣлаго, что видишь, кажется, страшное столкновеніе въ ту самую минуту, когда двѣ арміи возведены были мужествомъ до изступленія; одна увѣрена въ непобѣдимости своего несравненнаго вождя; другая — сильная отчаяніемъ, храбростью несчастныхъ, уже предвидитъ бѣдственную развязку.» Слѣдуетъ описаніе костюмовъ и вооруженія вою-

ющихъ сторонъ, въ доказательство, что это битва Грековъ съ Персами, а именно битва, при *Иссѣ*, какъ опредѣлялъ ученый археологъ Кваранта, пле *Караита*, какъ пишетъ г. Классовскій. Авторъ продолжаетъ: «Воинъ въ колесницѣ, вооруженный лукомъ, большимъ, чѣмъ употребляемые солдатами, облеченный въ хламиду и на головѣ имѣющій высокую тиару, по всему вѣроятію, есть Дарій, Герой битвы, блестящій вслнвкѣ, *чертами лица уэльковъченныи* на медаляхъ» (странный образъ выраженія!) — «не кто иной, какъ Александръ Великій; онъ *окруженъ* македонскими кошеносцами (дорифорами).» — Этого не видать на картинѣ, поврежденной на этомъ мѣстѣ!

«Но почему это битва при *Иссѣ*, а не какая-нибудь другая? — При *Граникѣ*, сраженіе произошло *лытомъ*; на мозаикѣ же не безъ цѣли представлено *дерево, обнаженное отъ листьевъ*, какъ бываетъ *зимомъ*.» (Это не дерево, обнаженное отъ листьевъ, а просто *скелетъ* отжившаго дерева!) «Тамъ было употреблено въ дѣлѣ много колесницъ съ желѣзными *косами*; здѣсь только одна колесница и та не вооруженная; наконецъ, тамъ Александръ не встрѣчался съ Даріемъ. При *Арбель*, онъ ранилъ изъ *лука* возницю Дарія, — на нашей картинѣ онъ дѣйствуетъ *копьемъ*, а не стрѣлами.»

Къ этому — вполнѣ приведенному отзыву нашего автора о *лучшемъ* художественномъ сокровищѣ помпейскомъ — присовокупимъ нѣсколько замѣчаній — неизлишнихъ, хотя приложенная гравюра и пополняетъ, для знатока искусства, не совсѣмъ удовлетворительный отзывъ автора. — Два ученые археолога, *Авеллино* и *Кваранти*, признали эту мозаику за битву Александра съ Даріемъ; но они разнятся въ томъ, что *первый* изъ нихъ видитъ въ ней битву при *Граникѣ*, ссылаясь на сбитый съ головы Александровой шлемъ и на собственноручное Александромъ убіеніе Перса Ройсаки, сбившаго въ схваткѣ царскій шлемъ; а *другой* — Кваранта — именуетъ битву при *Иссѣ*, ссылаясь на *отсутствіе* Дарія при *Граникѣ*, и на другія обстоятельства. Мнѣніе Кваранта, именно изъ-за этого отсутствія Дарія при *Граникѣ*, одержало верхъ; и все археологи и путешественники совершенно отстранявъ *Арбелу* послѣднюю рѣшительную побѣду надъ Даріемъ — видятъ въ мозаикѣ одну только битву при *Иссѣ*. Вопреки всему этимъ ученымъ авторитетамъ, осмѣливаюсь быть *иного* мнѣнія, которое я сей же часъ изложу, замѣтивъ сперва,

что одно из доказательств нашего автора в пользу Иссы, будто бы, при Арбелъ, Александръ дѣйствовалъ *стрѣлами*, основано на *неверномъ* изъ Диодора переводѣ Кваранта, и потому само собою падаетъ. Греческое *ασολίζω* (пишу это слово латинскими лигерами, потому что оно принято и латинскимъ языкомъ) значитъ: *метать копьѣ*, а не стрѣлы; стало быть, Александръ, въ обѣихъ битвахъ, въ которыхъ встрѣчался онъ съ Даріемъ, дѣйствовалъ однимъ и тѣмъ же оружіемъ, т. е. *копьемъ*, а не стрѣлами! Здѣсь не мѣшаетъ вспомнить, что герою македонскому, по *греческимъ* понятіямъ, было бы *неприлично* дѣйствовать *стрѣлами*! Въ *Илиадѣ* Парисъ, изъ-за угла, то-есть изъ-за могильнаго памятника *Ила*, метнулъ стрѣлу въ Диомеда, который, легко рашенный въ ногу, издѣвается надъ нимъ, называя его *лучникомъ*, блистательнымъ *рогоносцемъ*, — не по нашимъ понятіямъ, а потому, что лукъ былъ *роговой*! Даже до VI-го вѣка нашего лѣтосчисленія, названіе *лучника* считалось *прозвищемъ* у Грековъ, то-есть Византійцевъ, противъ чего возстаютъ историкъ *Проконій*, (въ I гл. своихъ Персидскихъ Записокъ), указывая на то, что, во время Троянской войны, лучники были пѣшіе, безъ копы и даже безъ щита, и потому изъ-за угла или изъ-за щита другого воина метали свои стрѣлы; но что въ его вѣкъ—въ вѣкъ Велизарія—лучники суть конники, панцирники, вооруженные мечомъ, иногда даже копьемъ и проч., и потому суть воины столь же почтенные, какъ и рукопашные бойцы — (*αυχ'μυχχοι*).

Очень вѣроятно—по крайней мѣрѣ *трудно* быть инаго мнѣнія—что эта мозаика помпейская—*копія* съ одного изъ превосходнѣйшихъ произведеній эллинской живописи, въ лучшую эпоху ея, въ вѣкъ Александра: только мастеръ первоклассный могъ приняться за подобный предметъ, и въ *Александровской битвѣ* такъ живо выразить и *Александровскую бурю* движеній! А смѣлость сокращеній (фигуръ въ перспективѣ), вѣрность рисовки, превосходство композиціи—во всемъ открывается эллинскій художникъ лучшихъ временъ! Одинъ германскій археологъ подалъ мыслъ, что эта мозаика—копія, можетъ быть, съ знаменитой картины Филоксена Эретрійскаго, упоминаемой Плиніемъ: «Филоксенова картина, ни одной (изъ превосходнѣйшихъ картинъ) не уступавшая въ достоинствѣ, писанная для царя Кассандра, ишла содержаніемъ *битву Александра съ Даріемъ*» (Philo-

xeni tabulâ nullis postferenda, Cassandro regi picta, 'continuit Alexandri proelium cum Dario). Вѣрна ли догадка германскаго археолога, дѣйствительно ли царь Кассандръ заказалъ такую картину?—Изъ общаго выраженія Плинія: «*Александровская битва съ Даріемъ*» явствуетъ, что художнику *не указали* ни на Гранникъ, ни на Иессу, ни на Арбелу, предоставляя это на его полную волю. А если помпейская мозаика есть копія не съ картины Филоксеновой, а съ *другой* картины, то *какъ* долженъ былъ дѣйствовать эллинскій—лучшаго періода живописи—художникъ, зававши себѣ подобный сюжетъ? Всѣ три битвы Александра съ Персами, разнствуя только въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, сходствовали между собою въ главномъ, то-есть въ томъ, что всѣ три были полныя, блистательныя побѣды. Которую изъ нихъ изберегъ истинный художникъ, возымѣвъ идею воспроизвести одну изъ нихъ? Ни которую! онъ всѣ три битвы представитъ въ *одной* картинѣ, помѣщая въ ней нѣкоторыя отличительныя особенности *каждой* и картина его будетъ не Гранникъ, не Исса, не Арбела, а вообще — «*Александровская битва съ Даріемъ*», по выраженію Плинія. *Такъ* долженъ былъ поступить — и дѣйствительно поступилъ—эллинскій художникъ: *сбитый шлемъ* съ головы Александра и собственноручное имъ убіеніе сатрапа явно указываютъ на *Гранникъ*! *Встрѣла* же Александра съ Даріемъ, возвышенное положеніе сего послѣдняго на колесницѣ, тѣсная схватка, дерево обнаженное, означающее мѣсяцъ мемиктеріонъ (октябрь или ноябрь) и проч. явно относятся къ *Иессѣ*, по описаніямъ Диодора и Курція. Теперь любопытенъ вопросъ, чѣмъ ознаменуетъ художникъ битву при *Арбелѣ*? Тамъ случилось нѣчто очень интересное, по описанію Плутарха: въ началѣ битвы, галальщикъ Аристандръ, въ бѣлой одеждѣ и въ золотомъ вѣнцѣ, вѣхалъ верхомъ подлѣ Александра, и указывалъ Македонянамъ, на *орла*, надъ нимъ парящаго и, по направленію своему, будто ведущаго ихъ на врага! Если бы художникъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, то картина его означала бы рѣшительно *только битву* при *Арбелѣ*! Стало быть, онъ не могъ воспользоваться этимъ орломъ! Чѣмъ же означивалъ онъ особенности *Арбелы* въ своей картинѣ? Однимъ *маловажнымъ* и однимъ *важнѣйшимъ* обстоятельствомъ! *Маловажное*—есть *надѣтое подлѣ кольчугу платье Александра съ рукавами*, которое, по Плутарху, носилъ онъ при Арбелѣ (особенность,

не повторяющаяся ни на одномъ изъ дошедшихъ до насъ антиковъ эллинскихъ); *важнѣйшее* же обстоятельство есть *выраженіе лица Дарія* и положеніе его въ этой картинѣ: очевидно, что онъ совершенно потерялся; что ему не избѣжать конечной бѣды (Александръ уже слишкомъ близокъ отъ него), что уже не бывать другой битвѣ съ Александромъ, что Дарій рѣшительно погибъ: онъ не успѣетъ спастись и бѣгствомъ! Вотъ на чемъ основываю свое мнѣніе, что помпейская мозаика представляетъ *безвѣстную* Александровскую битву, въ которой видимъ и Гранникъ и Иссу и Арбелу. Ужели эта простая идея, явно выражаемая мозаикой, не далась донынѣ ни одному ученому археологу?

Удивляемся, что авторъ нашъ, посвятившій цѣлую и столь ученую диссертацию такому будничному и уже самому по себѣ довольно вразумительному предмету, каково Приапово знаменіе, не промолвилъ ни слова о великой, въ художественно-историческомъ отношеніи, важности этой мозаичной картины, радикально переобразовавшей наши понятія о древней живописи. Новѣйшіе думали, что древняя живопись руководствовалась *друзими* основнымъ правиломъ, избѣгая, или не зная живописно и перспективно-стѣсненной композиціи живописцевъ XVI-го вѣка, и ограничивалась только композиціею *рельефной*. Такую систему объясняли уваженіемъ древнихъ къ красотѣ человѣческаго образа, вообще не любившихъ, посредствомъ сокращенія (въ перспективѣ) *скрывать*, или другимъ предметомъ *заслонить* важныя части образа человеческого. Мнѣніе это подтверждали обыкновенно ссылкой на отзывъ Плинія объ одной картинѣ Апеллеса: *Pinxit Alexandrum magnum fulmen tenentem, in templo Ephesiae Dianae etc... digiti eminere videntur et fulmen extra tabulam esse*, т. е. что на этой картинѣ, во храмѣ Діаны Эфесской, рука Александра, держащая молнію, *выдавалась*, а молнія казалась *внѣ* картины; да еще ссылались на того же Плинія, относительно *чернаго сокращеннаго* быка Павсіева—и этими примѣрами доказывали, что такой обыкновенный въ новѣйшей живописи приемъ художественный былъ какимъ-то чудомъ искусства въ древности. Мозаичная картина помпейская опровергла это понятіе; съ удивленіемъ новѣйшіе артисты увидѣли, что эллинская живопись держалась *того же* основнаго правила, какъ и живопись XVI-го вѣка, изображеніемъ котораго оно считалось. Однимъ словомъ, если бѣ

эта картина была открыта до Рафаэля, то называли бы *лivelyмъ* ей подражаніемъ «битву Константина съ Максентіемъ»: совершенно тѣ же приемы, даже въ манерѣ изображенія *костюмовъ*.

Еще, по нашему мнѣнію, систематической описатель Помпей, не стѣснявшій себя въ описаніяхъ предметовъ мелкихъ, не долженъ былъ быть пропустить безъ вниманія одну занимательную *особенность* и почти непонятную для насъ *много-трудность* этой же мозаичной картины. Она состоитъ не изъ стекляннхъ крашеныхъ пастъ (кусковъ, штифтиковъ, *Glasplatten*) какъ обыкновенно, но изъ *мрамора самоцвѣтнаго*, и *всѣхъ цвѣтовъ*, такъ что живой, свѣжій колоритъ этой дивной картины обошелся безъ *искусственной* краски. Авторъ нашъ говоритъ только о разноцвѣтныхъ *каминяхъ*. Теперь о тонкости и многотрудности технического исполненія. Директоръ королевскаго института художествъ въ Неаполѣ, Шикколини, сосчиталъ, *сколько* этихъ самоцвѣтныхъ разнаго цвѣта мраморныхъ штифтиковъ содержитъ въ себѣ *одна* квадратная палема, и вышло 6942 штифтিকা, а вся картина имѣетъ около 198 квадратныхъ палемъ. Каковъ трудъ!—Правда, столь же тонкой работы есть и другія античныя мозаики, но *ни одна* не имѣетъ такихъ *большихъ* фигуръ.

Авторъ нашъ видитъ въ этой картинѣ «страшное столкновеніе въ ту самую минуту, когда двѣ арміи возведены были мужествомъ до изступленія» и проч. (зри выше). Напротивъ! при первомъ взглядѣ на картину поймешь, что представляетъ *моментъ* передъ *разсыпнымъ* *быстротомъ* Персовъ. Всѣ около Дарія суетятся въ страхѣ. Дорифоры его позади колесницы, какъ видно по коньямъ, закинутымъ за плечо для защиты, уже дали *тылъ*; самъ Дарій представляетъ воплощенную безпомощность, *образецъ* паническаго страха при видѣ пронзеннаго сатрана, быть-можетъ брата царскаго, во всякомъ случаѣ: *зробрато* изъ *зробрыхъ* (*le brave des braves*), державшаго мѣряться съ Александромъ и побѣжденнаго имъ въ ту невыгодную для коннаго бойца минуту, когда онъ соскакиваетъ съ убитаго подъ нимъ коня. Мужеству ютъ еще только два Перса: *одинъ*, съ окровавленною головою (между Александромъ и сатраномъ) *хочетъ*, по-видимому, только *честной смерти* въ бою; *другой же* (подъ пронзеннымъ сатраномъ), поднявъ свой ятаганъ, грозитъ мѣстою македонскому герою, который, замѣтивъ его, готовится пронзить его тою же

длинною *сариссою* (пикою), уже выдергиваемою изъ живота са-трапа, но пьмъ еще удерживаемою правою рукою. Очевидно, что ивороченная уже къ бѣгству квадрига Даріева не можетъ тронуться съ мѣста, что возница безуспѣшно дѣйствуетъ своимъ кнутомъ: кони испугались, запутались... подводятъ Дарію коня, чтобы ему спастись хоть верхомъ; но онъ, какъ сказано, *потерялся*— не спасется и на этомъ конѣ! Представлена минута совершеннаго смятенія, самой беспорядочной суматохи Персовъ, предшествующая *конечному* ихъ поражению! И моментъ такой беспорядочной суматохи художникъ съумѣлъ дивнымъ образомъ привести въ художественный порядокъ, въ томъ-то и состоитъ высокое изящество этой картины, достойной, какъ *коллоциция*, — Рафаэля—и превосходящей Рафаэля эллинскимъ изяществомъ формъ, эллинскою естественностью и благородствомъ выраженія.

Замѣчательно, что авторъ нашъ не сказалъ ни слова о *трехъ* главныхъ лицахъ въ этой картинѣ: объ Александрѣ, о Даріи, и о прозенномъ сатрапѣ. Въ *Александрѣ* такъ живо олицетворена *веспокорющая сила*, вдохнувшая въ эту картину такое бурное движеніе. Въ *Даріи*, мы видимъ, какъ уже сказано, воплощенный *паническій страхъ*, предвѣстника *конечной* гибели — и *этимъ* именно, повторяемъ — означается *Арбала!* Но самая превосходная, по исполненію, фигура въ этой картинѣ есть *прозенный сатрапъ!* Здѣсь нельзя не похвалить врожденнаго Эллинамъ *чувства правоты*, которое, будтобы неволью, превозмогало въ нихъ даже патриотизмъ! Въ *Иліадѣ*, сочиненной *Грекомъ*, или, по-крайней-мѣрѣ *Греками*, достойнѣйшіи, въ чисто-человѣческомъ отношеніи—*герой* Троянецъ *Гекторъ*, *врагъ* Грековъ! Роль его, какъ храбрѣйшаго защитника своего несчастнаго отечества, была *наилучшая*, и потому представленъ онъ въ такомъ чистомъ блескѣ какъ витязь, какъ супругъ, какъ челоуѣкъ! Въ разсматриваемой нами картинѣ, занимательнѣйшее, выразительнѣйшее лицо—*врагъ же* Грековъ, персидскій сатрапъ! Какъ мы благодарны почтенному автору за гравюру № XII. По ней всѣ наши читатели (мы каждому изъ нихъ совѣтуемъ купить книгу г-на Классовскаго) могутъ повѣрить наши сужденія. Роль сатрапа также *наилучшая* въ этой картинѣ: храбрѣйшій изъ воиновъ жертвуетъ собою для спасенія своего несчастнаго царя, крѣпкою рукою

удерживая въ своемъ животѣ страшную пикку Александрову, чтобы дать время Дарію избѣжать ея—и вотъ почему онъ долженствовалъ быть превосходнѣйшею, по выраженію, фигурою картины! Наглядитесь на этого сатрапа! Какой рисунокъ, сколько движенія и геройской граціи въ этой позѣ умирающаго! Онъ не успѣлъ соскочить съ своего падшаго коня, только правою, протянутою ногою касаясь земли; лѣвая рука его страдальчески закинута по головѣ; онъ наклоненъ на правую сторону, для того, чтобы долѣе удерживать правою рукою къ себѣ пикку Александрову: она должна выйти изъ этой стороны. Лицо его выражаетъ болѣе душевной скорби о потерянной битвѣ, нежели физическаго страданія: потому это выраженіе такъ благородно, такъ трогательно! И тутъ же, подлѣ этой патетической фигуры, находимъ черту бѣдо-сатирическую. Всякіи, конечно съ изумленіемъ, замѣтитъ, какъ *странно* поставленъ подведенный къ колесницѣ конь и къ чему онъ готовится: это явно относится къ *паническому* страху Дарія въ особенности, а къ изнѣженности Персовъ вообще. Какъ могъ художникъ допустить эту шутовскую черту въ своемъ возвышенномъ твореніи? По греческимъ понятіямъ это допускалось; здѣсь же оно ознаменовываетъ національную ненависть Грека къ Персамъ—изъ чего справедливо заключаютъ, что картина написана или во времена Александра, или вскорѣ послѣ него, когда войны съ Персами еще были въ живой памяти греческаго народа. Во время римскаго надъ Греціею владычества, эллинскій художникъ не помѣстивъ бы, въ своей картинѣ, такой эниграммы на Персовъ.

Кромѣ упомянутаго *дерева безъ листьевъ*, картина не имѣетъ грунта ландшафтной перспективы, горизонта! Но, безъ сомнѣнія, не только грунтъ, но еще кое-что было въ *оригиналѣ*, чего не могло передать мозаичное искусство.

Оканчиваемъ свой разборъ на этой дивной картинѣ, молча сопровождая нашего автора черезъ остальные четыре главы о храмахъ, театрахъ, казармахъ и такъ далѣе до конца, съ искреннею благодарностью за приложенныя гравюры.

Баронъ Розенъ.

Письма о магометанствѣ. С. Петербургъ. 1848. 159 стр. Эти письма вышли изъ-подъ пера того же автора, которому принадлежатъ «Письма о богослуженіи восточной церкви», «Римскія письма» и нѣкоторыя другія сочиненія, хорошо извѣстныя публикѣ, которая всегда находила и находитъ въ нихъ и пользу и удовольствіе. Новое произведеніе этого автора, вышедшее небольшою книжкою въ 159 страницъ, заключаетъ въ себѣ семь писемъ, изъ которыхъ шесть адресованы были къ какому-то другу автора, христіанину, а седьмое (по мѣсту, занимаемому имъ въ книгѣ, шестое) хотя и было написано къ «другому давнему знакомцу автора, изъ числа образованныхъ и благонамѣренныхъ магометанъ», но внесено въ составъ этой книжки по сходству его содержанія съ содержаніемъ другихъ писемъ.

Изъ перваго письма узнаемъ причину появленія въ свѣтъ Писемъ о магометанствѣ. Оно начинается такъ: «Ты такъ убѣдительно просишь меня, любезный другъ, написать тебѣ, о превосходствѣ христіанской вѣры надъ магометанствомъ; ты такъ живо представилъ мнѣ затруднительное твое положеніе въ кругу магометанъ, когда между вами зайдетъ рѣчь о вѣрѣ, что я наконецъ рѣшился удовлетворить твоему желанію.» Мы позволяемъ себѣ думать, что авторъ, своими выраженіями, измѣнилъ нѣсколько смыслъ просьбы, съ которою обратился къ нему его другъ. Какъ-то не вѣрится, чтобы христіанинъ сталъ спрашивать о превосходствѣ христіанской религіи надъ магометанствомъ. Такой вопросъ можетъ родиться только или изъ невѣрія, отвергающаго божественное происхожденіе христіанской религіи, или изъ крайне невѣжественныхъ понятій объ истинной вѣрѣ. Другое дѣло, если бы авторъ писалъ къ магометанину; послѣднему очень свойственно сдѣлать подобный вопросъ, потому-что въ его глазахъ Магометъ такой же посланникъ Божій, какъ и Основатель христіанской религіи. Въ этомъ смыслѣ мы разберемъ, напримѣръ, превосходство одной философской школы передъ другою, потому-что всѣ эти школы имѣютъ одно общее начало: ученіе какого-нибудь философа. Но христіанство и исламизмъ, въ глазахъ каждаго христіанина, такъ же противоположны между собою, какъ свѣтъ и тьма, какъ небо и земля. Между тѣмъ, авторъ, кажется, считаетъ большою услугою своему другу даже то, что раскрылъ ему различіе между нашею вѣрою и магометанствомъ. Въ *седьмомъ письмѣ* онъ говоритъ такъ: «Не знаю, любезный другъ, останешься ли ты доволенъ

тѣмъ, что, въ краткихъ словахъ, старался я отвѣчать тебѣ на твои вопросы о магометанствѣ. *По-крайней-мѣрѣ ты здѣсь увидишь*, въ чемъ состоитъ различіе между истинною вѣрою во Христа и вѣрованіемъ въ пророка, который самъ себя называлъ именемъ, но ни чѣмъ не засвидѣтельствовалъ своего небеснаго посольства: ибо собственнаго увѣренія недостаточно.» Опять скажемъ, что какъ-то не вѣрится, чтобы нашелся русскій человѣкъ, любопытствующій узнать *по-крайней-мѣрѣ различіе* между такими религіями, которыя, для самаго простаго взгляда, представляются столько же различными, какъ истина и ложь. Впрочемъ, мы нисколько не думаемъ подозрѣвать въ этомъ случаѣ что-либо подобное привычнымъ приемамъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ фельетонистовъ; намъ не разъ случалось замѣчать, что въ фельетонѣ вдругъ, ни съ того ни съ сего, выступаетъ на сцену какой-то пріятель фельетониста, нисколько не дѣлающій ему чести своимъ знакомствомъ,—не по правственности, которая можетъ быть совершенно безукоризненна, но по тѣмъ сужденіямъ и изрѣченіямъ, которыя онъ позволяетъ себѣ высказывать въ дружескомъ обществѣ, и которыя фельетонистъ, вопреки законамъ дружбы, дѣлаетъ гласными, публично осмѣивая ихъ. Но этотъ приемъ объясняется очень просто. Фельетонисту пріидетъ въ голову мысль, сама по себѣ очень плохая и ни мало не остроумная; за неимѣніемъ другой мысли, онъ ухватывается за нее, приписываетъ ее своему пріятелю и подшучиваетъ надъ нимъ, отклоня такимъ образомъ отъ себя отвѣтственность въ подобной изобрѣтательности, и въ то же время изощряя свое остроуміе. Повторяемъ, что мы не думаемъ находить ничего подобнаго въ «Письмахъ о Магометанствѣ.» Вся вина здѣсь въ неудачномъ выраженіи. При чтеніи писемъ, мы увидѣли прямую цѣль автора: онъ являлъ въ виду не друга своего, который, какъ христіанинъ, безъ сомнѣнія, глубоко сознаетъ въ своей душѣ,—на какой бы степени образованія онъ не находился,—безконечную высоту нашей божественной религіи надъ всеми религіями, основанными людьми; но «тѣхъ изъ Магометанъ, которые по своему образованію сдѣлались совершенно Русскими, кромѣ христіанства.» И въ этомъ случаѣ онъ правъ. Смотри на христіанство съ точки зрѣнія магометанъ, можно говорить и о преимуществахъ одной религіи передъ другою и объ ихъ различіи, потому-что послѣдователи Магомета подводятъ подъ одинъ уровень ученіе Христа и своего

пророка. Другъ автора былъ только посредникомъ, отъ котораго авторъ слышалъ вопросы, дѣлаемые магометанами касательно религіозныхъ предметовъ. «Съ дѣтскими смрвемъ, говорить онъ, и безъ малѣйшаго превозношенія, ничего не приписывая своему мелкому разуму, выскажемъ другъ другу, что у насъ на сердцѣ, и я помня слышанные отъ тебя вопросы, буду стараться, по крайнему моему разумію, удовлетворять имъ, оповѣывая на истинахъ вѣры. Трудную однако возложилъ ты на меня обязанность, любезный другъ, трудную не столько по существу предмета, потому что не отъ себя и не свое буду излагать тебѣ въ своихъ письмахъ...» Отъ кого же и чье? Это что-то загадочно, и притомъ противорѣчить сейчасъ высказанному обѣщанію отвѣчать на вопросы, по крайнему своему разумію.

Во второмъ письмѣ, объясняется исторически: кто былъ Магометъ? Рассказывая исторію жизни арабійскаго лже-пророка, авторъ противопоставляетъ личному характеру и нравственнымъ правиламъ Магомета дѣйствія и ученіе Божественнаго основателя христіанской религіи. Можно было бы пожелать только большей простоты въ изложеніи; не свойственные русскому языку обороты и слова и какая-то неумѣстная торжественность слога вредятъ ясности историческаго разсказа. «Смутились Кореншиты, услышавъ о вооруженномъ шествіи отверженнаго ими пророка (стр. 37).» «Прогнѣвался могущественный властитель Персіи надмѣннымъ титуломъ невѣдомаго ему Араба (стр. 41).» «Отчаянное ихъ (Арабовъ) мужество одолевало надъ многочисленностью Грековъ. Плачь, о множествѣ своихъ погибшихъ, умалилъ радость побѣды, и погребальнымъ представилось первое торжество Магомета надъ христіанами (стр. 44).» Къ чему эта эпическая важность тамъ, гдѣ требуется простота и ясность? Къ чему также употреблять славянскія выраженія, которыя ни мало не способствуютъ къ уразумѣнію дѣла, а напротивъ, какъ слова не для всякаго читателя понятныя, затемняютъ мысль? «Онъ (Магометъ), послалъ своихъ присныхъ съ вооруженною проповѣдію, по всѣмъ предѣламъ Аравіи (стр. 46).» «Войско его (Магомета) разсѣялось внезапнымъ страхомъ; самъ онъ остался только съ малою горсткою присныхъ... Уже онъ хотѣлъ броситься съ отчаяніемъ въ толпу враговъ, чтобы тамъ пасть себѣ славную смерть, но одинъ изъ его присныхъ впр. (стр. 47).» «Самъ онъ и всѣ его присные сдѣлали большія пожертвованія денегъ (стр.

49).» «Магометъ уже не могъ двгаться съ болѣзненнаго одра своего, но еще не переставалъ увѣрять присныхъ въ непрестанныхъ видѣніяхъ Ангеловъ.» Что за честь слову: присный? Уже ли въ русскомъ языкѣ не отыскалось равнозначащаго слова?

Въ остальныхъ письмахъ авторъ коротко раскрываетъ ученіе Корана, сравнивая его съ евангельскимъ; въ особенности онъ указываетъ тѣ произвольныя отступленія отъ подлинныхъ словъ Ветхаго и Новаго Завѣта, которыя позволялъ себѣ Магометъ, повѣдая однакожъ вѣрить книгамъ Моисеевымъ и Евангелію. Говоря о нравственномъ ученіи Корана, авторъ касается, между прочимъ, вопроса о многоженствѣ, разрѣшеніемъ исповѣдникамъ ислама. Это разрѣшеніе было слѣдствіемъ того послабленія, которое предоставилъ себѣ Магометъ, оправдывая себя дозволеніемъ, полученнымъ свыше. Онъ имѣлъ до пятнадцати женъ и не опускалъ случаевъ, въ походахъ и даже на богомольи, вступать въ новыя супружества. Оправданія Магомета, послѣ вступленія въ недозволенный бракъ съ родственницами и даже съ женою усыновленнаго имъ пріемыша, Саида, внесены въ Коранъ, и служатъ основаніемъ мусульманскихъ законовъ касательно браковъ. Когда по случаю вступленія его въ бракъ съ женою Саида, произошло ропотъ въ Мединѣ, то онъ передалъ недовольнымъ слѣдующіе стихи, внушенные ему будто бы небомъ: «Когда ты говорилъ тому, кто былъ облагодѣтельствованъ дарами Божиими и твоими (т. е. Саиду): сохрани свою супругу и бойся Бога, ты самъ таилъ въ сердцѣ своемъ любовь, готовую обнаружиться во волѣ небесной. Ты остерегался сужденій человѣческихъ, но должно бояться только Бога. Саидъ развелся съ своею женою и мы тебя соединили съ нею для того, чтобы вѣрные имѣли свободу вступать въ бракъ съ женами усыновленныхъ ими, послѣ ихъ развода; божественная заповѣдь должна исполниться.» Впоследствии, когда ему вздумалось еще умножить своихъ женъ, онъ объявилъ, что услышалъ опять небесный голосъ: «О Магометъ, тебѣ позволено брать себѣ въ супруги женщинъ, которымъ ты далъ приданое, рабынь, которыхъ предалъ Богъ въ твои руки, дочерей твоихъ дядей и тетокъ, которыя бѣжали съ тобою, и всякую вѣрную женщину, которая сама собою предала душу свою пророку, если пророкъ хочетъ на ней жениться. Это есть преимущественно, которое мы тебѣ даруемъ предъ прочими вѣрными. Мы знаемъ уставы брака, учрежденнаго нами; не бойся сдѣлаться виновнымъ, пользуясь своими правами: Богъ снисхо-

дителейъ и милостивъ. Ты можешь подавать надежду всякой, которую только пожелаешь, и принять на ложе свое ту, которую пожелаешь, послѣ того, какъ ее уже разъ оставилъ. Ты не будешь въ этомъ виновенъ; такимъ образомъ лучше будетъ утѣшать ихъ. Ни одна изъ нихъ не должна быть огорчена, и всѣ должны быть довольны тѣмъ, что ты имъ даруешь. Богъ знаетъ то, что въ сердцахъ нашихъ; Онъ всевидущъ и человеколюбивъ.» Такой законодатель не могъ быть не снисходителенъ къ своимъ послѣдователямъ. «Когда Магометъ, говоритъ авторъ *Писемъ*, позволялъ себѣ столь много и общалъ столько грубыхъ наслажденій въ будущей жизни (разумѣется, обѣщаніе небесныхъ Гурій), конечно, и въ этой жизни онъ озаботился удовлетворить своихъ послѣдователей, въ ихъ плотскихъ похотяхъ, чтобы крѣпче привязать ихъ къ себѣ сими нечистыми узамъ. «Женщины ваше поле, говоритъ онъ, ходите на ваше поле, когда хотите.»

Разсматривая вліяніе многоженства на семейный бытъ мусульманъ, авторъ справедливо замѣчаетъ, что многоженство служитъ источникомъ многихъ безпорядковъ въ домашней жизни послѣдователей Магомета, а въ слѣдствіе этого и въ жизни общественной. И такъ въ постановленіяхъ Корана скрывается разрушительное начало, вредящее и семейному счастью и общественному благоустройству въ земляхъ магометанскихъ. Съ этимъ нельзя не согласиться. Доказывая что Коранъ противодействуетъ образованію народа, авторъ приводитъ въ примѣръ поступокъ халифа Омара, который отвѣчалъ на вопросъ военачальника своего Амру: какъ поступить ему съ великолѣпною бібліотекою александрійскою?—«Если она заключаетъ въ себѣ то же, что есть и въ Коранѣ, то она бесполезна, и слѣдственно ее надобно сжечь; если же заключаетъ противное, то *тѣмъ намъ* подлежитъ сожженію.» И такимъ образомъ, прибавляетъ авторъ *Писемъ*, погубило въ пламени драгоцѣннѣйшее хранилище познаній человѣческихъ, собранное многими вѣками, въ которомъ совокуплено было все ученіе древнихъ. Приговоръ сей надъ образованіемъ и ученостію цѣлаго міра послужилъ основнымъ камнемъ и для преемниковъ халифа, а потому, обыкновеннымъ послѣдствіемъ распространія Корана было всегда угашеніе свѣта наукъ, исключая только не многихъ отраслей, и совершенное истребленіе искусствъ, не смотря на всю вышнюю славу быстро распространившагося халифата.» Сначала замѣтимъ, что разсказъ о печальной участи

александрійской бібліотеки, уничтоженной будто бы Омаромъ, давно уже признанъ вымысломъ. Если Омаръ и приказалъ сжечь какія-нибудь книги, найденныя въ александрійской бібліотекѣ, то все-таки не ему принадлежитъ несчастная слава истребленія драгоцѣнныхъ памятниковъ древняго образованія которые были уничтожены гораздо ранѣе. Далѣе, на чемъ основывается мысль, что другіе халифы дѣйствовали въ духѣ Омара противъ просвѣщенія? Исторія халифата не подтверждаетъ этого. Въ государствѣ халифовъ были съ блистательнымъ успѣхомъ обработываемы точныя науки: алгебра, геометрія и астрономія были чрезвычайно усовершенствованы Арабами, медицинскія науки много обязаны имъ своимъ развитіемъ; у нихъ превосходно развивалась поэзія и образовалась собственная архитектура. Съ изученіемъ естественныхъ наукъ, у нихъ было соединено изученіе философіи, преимущественно Аристотелевой. Дамасскій дворъ былъ наполненъ поэтами; въ числѣ самихъ халифовъ были знаменитые стихотворцы. При багдадскомъ дворѣ, съ Магомедомъ I Магади, науки и искусства нашли покровительство, которое способствовало къ ихъ процвѣтанію. Въ Багдадѣ были заведены академіи и публичныя школы; другіе города подражали столицѣ. Магометанскіе князья даже соревновали другъ другу въ поощреніи наукъ; отличный поэтъ, знаменитый естествоиспытатель и остроумный диалектикъ почитались украшеніемъ каждаго двора. Халифы Альмамунъ и Мотассемъ прилагали все стараніе, чтобы важнѣйшія литературныя творенія были переведены на арабскій языкъ. Можно вспомнить здѣсь, что въ X вѣкѣ, въ испанскихъ владѣніяхъ, принадлежавшихъ халифамъ, было семьдесятъ публичныхъ бібліотекъ и двѣнадцать высшихъ учебныхъ заведеній или академій. Въ то время, просвѣщеніе на Востокѣ было гораздо на высшей степени, чѣмъ на Западѣ. Въ Каирѣ, въ 1004 году, была учреждена академія, въ которой преподавались логика, математика, правовѣдѣніе, медицина и еще тайное ученіе, приготовлявшее слушателей постепенно къ депзму, и въ которой халифы присутствовали при диспутахъ ученыхъ. Вообще, въ цвѣтущее время халифата, поклонники Магомета были вовсе не похожи на нынѣшнихъ магометанъ. Они отличались любовью къ искусствамъ, любили поэзію и имѣли богатую литературу. Только съ упадкомъ могущества Арабовъ, начало угасать это просвѣщеніе, когда грубые

Турки Сельджуки приобрѣли силу и сдѣлались главными властелинами въ мусульманскомъ мірѣ.

Публика привыкла находить въ произведеніяхъ автора чистый и правильный языкъ, ясность изложенія и основательность въ сужденіяхъ; но эти качества не преобладаютъ въ *Письмахъ о Магометанствѣ*. Во всякомъ случаѣ, этотъ трудъ заслуживаетъ одобренія по благой цѣли, достиженія которой искренно ему желаемъ.

О свиданіи загробномъ. *Составлено работъ Божіимъ Иоанномъ, сочинителемъ Духовно-врачебнаго ученія. С.-Петербургъ. 1848. 134 стр.*

Въ дни какихъ-нибудь тяжелыхъ испытаній, въ дни глубокой горести сердца, пораженного, напримѣръ, жестокимъ ударомъ судьбы, какъ утрата любимыхъ нами людей, съ которыми мы жили душою, въ которыхъ сосредоточивались все отрадныя мечты о нашемъ счастьи, — въ эти угрюмые дни, нашъ духъ, не находя утѣшенія ни въ видимомъ мірѣ, ни въ обществѣ людей, свободнѣе и съ болѣею готовностію погружается въ созерцаніе міра невидимаго, духовнаго, — міра, озаряемаго для насъ свѣтомъ христіанства, за темнымъ рубежомъ могилы, и вмѣсто погасшихъ земныхъ надеждъ и радостей, тогда лучъ иныхъ надеждъ и ожиданій ниспадаетъ въ унылое, разтерзанное сердце, и разливаетъ въ немъ отраду и успокоеніе. Если человекъ, проникнутый живительною теплою этихъ возвышенныхъ чувствованій, сумѣетъ передать тѣ идеи и ощущенія, которыя наполняютъ его нравственное бытіе; то его слово найдетъ сочувствіе въ каждомъ, кому не чужды свѣтлыя минуты размышленія о вопросахъ жизни. Языкъ истиннаго чувства имѣетъ не только плѣнительность, но и силу убѣжденія. Но если эти идеи и чувства, по какимъ-нибудь причинамъ, напримѣръ по привязности къ языку выскопарному, темному, выливаются въ тяжелой формѣ; то если несовѣтъ теряютъ свою природную, проникающую душу, силу, по-крайней-мѣрѣ утрачиваютъ значительную ея часть.

Авторъ книги, *О свиданіи загробномъ*, на заглавномъ листѣ наименовавши себя работъ Божіимъ, а въ посвященіи и предисловіи, подписавшійся: Иванъ Аргольдтъ, испыталъ одну изъ жестокихъ утратъ, какъ объясняется въ предисловіи, и на-

писалъ эту книгу, которую посвящаетъ: «Христіанамъ, любящимъ и любимымъ, люкующимъ и скорбящимъ, въ назиданіе и утѣшеніе.» Цѣль его была прекрасная. «Сочиненіе это имѣетъ цѣлю, говорится въ предисловіи: утвердить (?) вѣру въ безсмертіе души, и на этой неизблемой опорѣ основать и утвердить надежду на свиданіе въ странѣ загробной, давъ такое понятіе объ участи нашей въ будущей жизни, какое только доступно для разума, покоряющагося въ послушаніе вѣры. Увѣренность въ этихъ важнѣйшихъ предметахъ православныхъ Христіанъ, должна пролить отраду на скорбящее сердце, разогнать сомнѣніе въ душѣ и, погасивъ уныніе, воспламенить въ груди болящаго радостное ожиданіе блаженной будущности и поощрить людей къ жизни благочестивой, праведной, святой... Предметъ сей поучителенъ, отраденъ и утѣшителенъ для Христіанъ вообще, въ особенности для душъ скорбящихъ; а потому я и передаю его соотечественникамъ моимъ съ душевнымъ желаніемъ, чтобы и они нашли въ немъ то отрадное успокоеніе въ скорбяхъ, то утвержденіе въ вѣрѣ, любви и упованіи, то убѣжденіе ума и увѣренность въ истинѣ, то поощреніе къ жизни благочестивой, святой и сообразной съ цѣлюю человека, — какія я почерпнулъ изъ этого предмета, при изученіи его.» Повторяемъ, что авторъ имѣлъ прекрасную идею. Но каково исполненіе этой идеи? Изъ того же предисловія видимъ, что какіе-то «Современники», въ прежнемъ сочиненіи автора, *Духовно-врачебное ученіе*, нашли слогъ *страннымъ*. Этотъ отзывъ о слогѣ намъ кажется темнымъ, неопредѣленнымъ; но авторъ, видно, понималъ значеніе его, и отвѣчаетъ на него такъ: «Смѣю предугадать, что, по моему убѣжденію, этотъ языкъ вполне соответствуетъ высокому достоинству предмета, который излагается въ настоящемъ сочиненіи, и для простаго чувства, кажется, бесполезно витійство «Современниковъ». — «Притомъ же, продолжаетъ авторъ я небольшой литераторъ, но усердный; если же знаменитые литераторы не прославляютъ истины и славы Божіей, то кто же виною въ томъ? Ужели по тому самому и все должны молчать? Я ищу не славы литератора, но мудрости небесной, ибо я старъ и готовлюсь въ путь, въ отечество небесное, чтобы дать отчетъ въ жизни этой и свидѣться съ избранными Божіими и возлюбленными сердца моего. Но въ томъ я увѣренъ, что православные Христіане, которые алчутъ ищеницы евангельской, найдутъ ее здѣсь и насытятся. И для этой-то

цѣля издалъ я настоящее сочиненіе. Въ особенности же я завѣщавая эту отраду моего сердца любезнымъ моимъ внукамъ.» Сдѣлаемъ одну выписку изъ этой книги: «Память о прошедшемъ въ странѣ загробной принадлежитъ къ сущности нашей самоличности, и мы съ радостною болѣзненностію будемъ вспоминать объ оставшихся на землѣ, о тѣхъ, которыхъ смерть разлучила съ нами на время. Она представляется въ нашемъ воспоминаніи. И такъ мы соединяемъ объ стороны нашего бытія въ памяти нашей. Если это воспоминаніе соединено съ прискорбіемъ и печалью, то должно памятовать, что жизнь ограниченныхъ существъ не бываетъ безъ огорченія. Это самое служитъ доказательствомъ, что съ истлѣніемъ тѣла нашего, въ слѣдствіе земной зависимости, ни какъ не можетъ быть согласено уничтоженіе воспоминанія, ибо тогда бы изъ той же самой зависимости и уничтоженіе всего въ человѣкѣ и самое понятіе о безсмертіи было бы невозможнымъ.» (Стр. 116—117).

сумскій, или нечто въ родъ былъ. *Сочиненіе Александра Плогова. Москва. Въ типографіи Готье и Мошкетти. 1848 года. Стр. 84 въ 8 д. л.*

Недавно прочитали мы въ газетахъ объявленіе, что поступила въ продажу книга: *Сумскій, соч. Александра Плогова*. Получивъ эту книгу, для разбора, мы принялись читать ее съ нѣкоторымъ невыгоднымъ предубѣжденіемъ, полагая, что объявленный въ газетахъ господинъ *Плоговъ* принадлежитъ къ извѣстному литературному созвѣздію, которое нѣкогда блистало и угасло въ Москвѣ подъ именемъ Орлова, Сигова, Кузмячева и компанія. Беремъ книгу, читаемъ ее заглавіе и видимъ, что газеты ввели насъ въ заблужденіе; что не Александръ Плоговъ сочинитель *Сумскаго*, а Александра Плогово, слѣдовательно дама или дѣвица. Предубѣжденіе наше, сами не знаемъ отчего, вмгъ исчезло; критическое наше перо, взятое на перевѣсъ, чтобы по-крайней-мѣрѣ уколоть господина Плогова, вдругъ само-собою поднялось на плечо и отдало честь сочинительницѣ, еще прежде прочитанія ея книги. Вотъ оно, безпристрастнѣе-то, въ которомъ многіе критики, въ особенности молодые и натуральные, такъ чувствительно и краснорѣчиво увѣряютъ без-

престанно своихъ читателей. Каемся въ грѣхъ и откровенно сознаемся, что слогъ *дры* вмѣсто *дра* совершенно измѣнилъ намѣреніе ума и сердца.

Впрочемъ, это была минутная слабость съ нашей стороны, въ которой мы торжественно и публично покаались, и тѣмъ, какъ надѣмся, загладили ее.

Безъ всякаго выгоднаго или невыгоднаго предубѣжденія, начали мы читать *Сумскаго*, прочитали и призадумались. Чтѣ сказать объ этомъ произведеніи госпожи Плогово? Книга ея произвела на насъ странное дѣйствіе. Мы прочитали ее съ удовольствіемъ, она пріятно заняла насъ, потому-что у сочинительницы, по нашему мнѣнію, есть вкусъ, есть воображеніе, есть талантъ; но жаль, что сочинительница вовсе не владѣетъ *слогомъ*, безъ котораго никому нельзя обойтись, кто желаетъ писать. Разстановка словъ у нея часто самая неправильная; знаки препинанія поставлены или для красоты, или по слѣпому случаю; очевидно, что сочинительница, вѣроятно, молодая, отдавая въ печать свой первый опытъ, не познакомилась еще съ устройствомъ *періодовъ* и *предложеній* различныхъ свойствъ и видовъ. Совѣтуемъ ей, если она намѣрена еще писать, заняться основательнымъ изученіемъ *слова* въ высшемъ и обширномъ его значенія.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ. Соч. И. Срезневскаго. Санктпетербургъ, въ тип. К. Жернакова, 1848 года. Въ 8 д. л. 96 стр.

Предметъ настоящаго сочиненія такъ еще мало былъ у насъ разсмотрѣнъ основательнымъ и ученымъ образомъ, что нельзя не благодарить почтеннаго автора за его любопытныя и для всякаго образованнаго человѣка занимательныя изслѣдованія. Каждое его предположеніе, каждая догадка, почти каждая мысль подкрѣплены цитатами изъ древнихъ авторовъ или ссылками на ихъ сочиненіе. Трудъ огромный, который могутъ оцѣнить въ полной мѣрѣ только тѣ, которые сами занимались историческими и этнографическими изслѣдованіями. Совѣтуемъ всѣмъ

Служанка отворила дверь... но какая служанка! Не какая-нибудь Риххенъ, Минхенъ или Юльхенъ, а коренная страпуха, у которой было написано на лицѣ, что ее звали Федосьей, Акулиной или Устиньей!

— *Вась воленъ-зи?* спросила она довольно угрюмо.

Сердце мое ёкнуло.

Слышалъ я въ теченіе двухъ недѣль много нѣмецкихъ [діалектовъ, но такого не слышалъ еще, который можно смѣло написать русскими буквами.

— *Вась зи воленъ?* поправила кухарка, заключая, вѣроятно, изъ моего молчанія, что первый вопросъ былъ не совсѣмъ правленъ.

Я обрадовался пуще прежняго. Теперь вопросъ кухарки, кроме русскаго произношенія, заключалъ и русскій оборотъ.

— *Геръ нихъ цу хаусъ!* сердито прибавила кухарка, въ слѣдствіе моего упорнаго молчанія: — Прямой *нѣмецъ!* проворчала она порусски, запирая дверь, — и говорить-то не умѣеть!

— А скоро ли будетъ Дмитрій Петровичъ домой? спросилъ я наконецъ.

— Ахти, батюшка! вскричала кухарка, поднимая руки; порусски, родимой, говорить! Зайдите, батюшка, пожалуйста; я барынь доложу!....

Но въ это время появилась сама хозяйшка, полная, здоровая, красивая... чисто русская хозяйшка. Родные звуки вызвали ее въ прихожую.

Пока я разговаривалъ съ нею, кухарка не спускала съ меня глазъ. Она пожимала плечами, покачивала головой и твердила про себя:

— Голубчикъ ты мой!... Изъ Питера пріѣхалъ... И его занесло сюда... Ахъ, родимый! такъ и рѣжетъ порусски....

Желая пользоваться каждой минутой и имѣя еще дѣло въ городѣ, я простился съ хозяйшкой, обѣщавъ ей вернуться къ вечеру, когда мужъ ея будетъ дома.

— Смотрите же, батюшка, не обманите, сказала кухарка, провожая меня: приходите! То-то будетъ радость Дмитрію Петровичу....

Вы не повѣрите, какое пріятное, утѣшительное впечатлѣніе произвела на меня эта минута. Погрузившись въ воспоминанія, вышелъ я на улицу. Мнѣ нужно было идти къ банкиру, адресъ котораго мнѣ подробно объяснилъ кельнеръ, но — я забылъ его; помнилъ только имя банкира — *Юлиуса Элькана*.

Я пошелъ къ прохожему и, находясь еще подъ вліяніемъ предшествовавшаго разговора, спросилъ разсѣянно:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ живетъ....

— Was? перебилъ меня нѣмецъ, съ изумленіемъ поднимая голову.

Улыбался я извинился и потомъ выслушавъ со вниманіемъ подробныя свѣдѣнія: *направо, прямо, опять направо, потомъ направо, обойдите уголъ, поворотите направо, первое крыльцо направо, во второе этажъ, дверь направо....*

Если вы будете въ Веймарѣ и если вамъ понадобится разминять вексель, то спешите этотъ адресъ; вы непременно увидите въ концѣ его свѣтлый ликъ германскихъ таперовъ.

Что за чудная вещь *деньги!* Деньги — альфа и омега человѣческихъ дѣйствій.

Избытокъ денегъ — вишній паростъ, образующійся на чело-вѣкѣ и всасывающій всѣ внутреннія качества его.

Недостатокъ денегъ — внутренняя пустота, въ которой витаютъ на просторѣ и растутъ нравственныя свойства чело-вѣка, проявленіе которыхъ есть *добро* или *зло*; но такъ какъ рѣшительныя крайности соприкасаются, то и добро и зло въ этомъ случаѣ проявляются въ полномъ развитіи.

О поэты, поэты! Что всѣ ваши возгласы противъ *золота*? Не для того ли вы браните его, чтобы хоть концомъ пера коснуться до него? И за что такая милость *серебру*?... Не за то ли, что оно *удободостигаемъ*?....

Мнѣ кажется, что на томъ же основаніи вы браните и *славу*, покоясь иногда на лаврахъ, — виноватъ, на лавровыхъ листь-яхъ *маленькой репутаціи*....

Золото — презрѣнный металлъ, химера.

Слава — дымъ, химера тожь.

Виноградъ — зелень.

Если есть на свѣтѣ одна тяжесть, которую пріятно несть, такъ это, безспорно, тяжесть *собственныхъ* денегъ.

Такая тяжесть придаетъ чело-вѣку *вѣсъ*.

Какъ чело-вѣкъ съ вѣсомъ, вышелъ я отъ банкира Элькана. Прямо противъ его дома находится велико-герцогскій замокъ, прекрасное зданіе, напоминающее, если не громадиостью, то колоритомъ и нѣкоторыми подробностями нашъ Зимній Дворецъ.

Чтобы приткнуться къ описанію дворца, я долженъ бросить краткій взглядъ на исторію Веймара.

Веймаръ, основаніе котораго относятъ къ десятому столѣтію, становится достовѣрно извѣстнымъ съ тринадцатаго столѣтія какъ *важно извѣстный городъ* — oppidum, vetus civitas; — во второй половинѣ четырнадцатаго, графы орламюндскіе и вей-

марскіе, въ началѣ пятнадцатаго столѣтія ландграфы тюрингенскіе, а впослѣдствіи и герцоги саксонскіе даровали городу таможенныя права и свой ограниченный судъ. Въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія Веймаръ становится постоянною резиденціею саксонскихъ герцоговъ эрнестинской линіи, съ 1741 года герцоговъ саксенъ-веймаръ-эйзенахскихъ, а съ 1815 резиденціею великихъ герцоговъ.

Послѣ смерти курфюрста Фридриха Кроткаго или Добродушнаго, въ 1464, вступили на престолъ сыновья его Эрнестъ и Альбертъ или, вѣрнѣе, Альбрехтъ.

Послѣ смерти дяди ихъ, въ 1482 году, братья рѣшились приступить къ раздѣлу, въ слѣдствіе котораго Эрнестъ получилъ большую часть Тюрингіи и значительную сумму денегъ, Альбертъ же большую часть Мейсена или Мисніи.

Эрнесту наслѣдовалъ, въ 1486 году, старшій сынъ его, Фридрихъ Мудрый. Фридрихъ увеличилъ свою страну приобрѣтеніемъ Кверфурта. Два замѣчательные факта въ исторіи его: отреченіе отъ имперской короны послѣ смерти Максимилиана и предоставленіе ея Карлу V испанскому, и покровительство реформациіи.

Крестьянскую, буйную, варварскую войну смирилъ братъ и наслѣдникъ его, Іоаннъ Постоянный. Онъ же положилъ основаніе Шмалькальдскому союзу.

Сынъ его, Іоаннъ-Фридрихъ Великодушный, лишился владѣній и званія Курфюрста.

Однакожъ дѣти Іоанна-Фридриха получили въ наслѣдство часть тюрингенскихъ земель, къ которымъ въ 1554 году, въ слѣдствіе Наумбургскаго договора присоединились: Альтенбургъ, Саксенбургъ и другіе города.

Эти земли составляютъ владѣніе саксенъ-эрнестинскаго дома.

Въ 1572 году образовались еще двѣ линіи: кобургская и эйзенахская, но въ 1638 году, послѣ смерти герцога Іоанна-Эрнеста, онѣ присоединились къ Веймару и Альтенбургу.

Веймаръ получилъ двѣ трети и между прочимъ Эйзенахъ; Альтенбургъ одну треть.

Герцогъ Бернгардъ принимаетъ дѣятельное участіе въ тридцатилѣтней войнѣ.

Въ 1640 дѣти Іоанна: Вильгельмъ, Альбрехтъ и Эрнестъ дѣлятся между собою и образуютъ три линіи: Веймаръ, Эйзенахъ и Гота. Въ 1641 умираетъ Альбрехтъ безъ наслѣдниковъ, и братья его дѣлятся между собою Эйзенахъ.

Герцогъ Вильгельмъ оставилъ четырехъ сыновей, основав-

шихъ четыре линіи: Веймаръ, Эйзенахъ, Маркфуль и Йена. Но вторая и четвертая угасаютъ и опять остаются только двѣ.

Герцогъ первой линіи оставляетъ нѣсколькихъ сыновей, которые однакожъ владычествуютъ въ Веймарѣ безраздѣльно.

Вильгельмъ-Эрнестъ ознаменовалъ свое правленіе учрежденіемъ многихъ учебныхъ и общепользныхъ заведеній.

Эрнестъ-Августъ увеличилъ свои владѣнія въ 1741 году наслѣственнымъ приобрѣтеніемъ Йены и Маркфуля.

Супруга его, правительница во время малолѣтства своего сына Карла-Августа, прославилла свое правленіе и первая положила основаніе литературной славы Веймара.

Карлъ-Августъ создалъ въ Веймарѣ и Йену отличнѣйшихъ ученыхъ и славнѣйшихъ поэтовъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ Пруссіи противъ Франціи; послѣ несчастной битвы при Йенѣ онъ нашелся вынужденнымъ присоединиться къ Рейнскому союзу, въ 1806 году. Послѣ Лейпцигской битвы онъ присоединился къ союзникамъ и принялъ начальство надъ Нидерландскимъ корпусомъ. Вѣнскій конгрессъ увеличилъ владѣнія его 77,000 подданныхъ и доставилъ ему велико-герцогское званіе. Онъ приобрѣлъ любовь современниковъ и уваженіе потомства улучшеніями законодѣнія, и возведеніемъ словесности на блистательную степень.

Съ 1828 года царствуетъ въ духѣ отца и предшественника своего, Великій Герцогъ Карлъ-Фридрихъ, въ супружествѣ съ Ея Величествомъ Великою Княгинею Маріею Павловною...

Видъ замка или дворца величественъ. Архитектура его благородна и граціозна. Замокъ перестроенъ послѣ ужаснаго пожара, разрушившаго въ 1744 году значительную часть его; но и теперь еще надъ входомъ сохранился четырехугольный камень, на которомъ высѣченъ ландграфскій гербъ и слѣдующая надпись:

A nativitate div. MCCCCXXXIX sunt hec arma Thuringica et structura valse completa.

«Въ 1439 году этотъ Тюрингскій гербъ и постройка воротъ кончены.»

Внутренность замка — но, я не стану описывать вамъ ни парадной лѣстницы, со статуями, ни большой залы съ барельефнымъ фризомъ, работы *Тика*, ни Бернгардовой залы... а между тѣмъ, еслибъ вы видѣли послѣднюю, съ готическими окнами, рѣзными кипарисными стѣнами, нишами краснаго дерева, съ гербами, во фризѣ, 48 городовъ, завоеванныхъ герцогомъ Бернгардомъ!... Не могу однакожъ умолчать о томъ, что въ одной нишѣ на кругломъ пьедесталѣ стоитъ латы гер-

цога Бернгарда, и при нихъ камень съ поля Люценской битвы и, наконецъ, въ футлярѣ, отрубленный палецъ Бернгарда.

Тутъ же лежитъ шляпа другаго Бернгарда, сына герцога Карла-Августа, прострѣленная на немъ при Ваграмѣ.

Покои Великой Герцогини убраны съ рѣзкимъ вкусомъ и изяществомъ. Ея же Высочеству принадлежитъ мысль расположенія *Комната-Поэтовъ*, — *Dichtergzimmer*; — мысль высокая, благородная. Великая Герцогиня достойнымъ образомъ почтила память четырехъ гениальныхъ людей, прославившихъ Веймаръ.

Возлѣ библиотеки Ея Высочества находится *комната Шиллера*.

Посреди главной стѣны падъ каменною въ круглой нишѣ стоитъ мраморный бюстъ Шиллера. Ниша обвита золоченымъ лавровымъ вѣнкомъ, а подъ бюстомъ написано золотыми литерами известное стихотвореніе Шиллера:

Mich hält kein Band, и т. д.

Этимъ безсмертнымъ стихотвореніемъ встрѣтилъ Шиллеръ Великую Княгиню, и этимъ же стихотвореніемъ Великая Герцогиня почтила память поэта.

Вся комната украшена живописью, картиннами, сюжеты которыхъ взяты изъ сочиненій поэта. Тутъ войны произносятъ клятву; далѣе *Донъ-Карлосъ* прощается съ королевой; оплакивается смерть графа Поза; тамъ веселый лагерь *Валленштейна*; *Мессинская невеста*; *Марія Стюартъ*; *Орлеанская дѣва*; *Вильгельмъ Телль*....

Во фризахъ надъ окнами и дверьми изображены баллады: *рыцарь Тогенбургъ*, *графъ Габсбургскій*, *битва съ дракономъ* и другія.

Въ арабескахъ аллегоріи *колокола*.

Далѣе находится *галерея Гёте*.

Главную стѣну ея, раздѣленную пополамъ дверью, украшаютъ двѣ сцены изъ первой и второй части *Фауста*. Надъ ними во фризахъ сцены изъ балладъ.

На боковыхъ стѣнахъ *Генъ фонъ-Берлихингенъ* и *графъ Элоинтъ*.

Между окнами *Тассо*, *Антонио* и *Германъ и Доротея*; во фризахъ надъ ними *Вертеръ* и *Вильгельмъ Мейстеръ*.

Во фризѣ средней двери прекрасный медальонъ Гёте, а по сторонамъ его фигуры Поэзии и Истины, поддерживающія *Покровъ Поэзии*.

Архитектурныя украшенія этой галереи исполнены по рисункамъ Шинкеля.

За этой галереей слѣдуетъ небольшая, но очаровательная *комната Виланда*.

Въ нишѣ на колоннѣ стоитъ мраморный бюстъ Виланда. Главныя картины этой комнаты заимствованы изъ *Оберона*.

Наконецъ изъ галереи же Гёте ходъ въ *комнату Гердера*.

Стѣны покрыты желтоватымъ мраморомъ, двери красного дерева украшены красивою рѣзбою, плафонъ расписанъ орнаментами, въ центрѣ которыхъ девизъ Гердера: змѣя, свернутая кольцомъ, символъ вѣчности, и вокругъ три слова:

Свѣтъ, Любовь, Жизнь.

Licht, Liebe, Leben.

На крошечной мраморной бюстъ Гердера.

Фризы расписаны фресками....

За дворцомъ протекаетъ рѣка *Ильмъ*, на берегахъ которой часто мечталъ Гёте. По ту сторону рѣки простирается обширный паркъ; темныя, фиолетовыя массы липъ бросали голубыя, прозрачныя тѣни на равнины, покрытыя свѣгомъ.

Веймаръ южнѣе Берлина, климатъ его гораздо умѣреннѣе; не смотря на то здѣсь земля была покрыта глубокимъ свѣгомъ.

Близъ велико-герцогскаго замка находятся еще три, меньшіе замка: *зеленый, красный и желтый*.

Въ первомъ помѣщается *библиотека*.

Я узналъ случайно, что однимъ изъ первыхъ библиотекарей былъ *Христианъ-Августъ Вульпиусъ*. Неужели это имя не напоминаетъ вамъ ничего?... Читали ли вы «Романтическія повѣсти былыхъ временъ»? Нѣтъ. Читали ли вы «Романтическую Библиотеку»? Тоже нѣтъ? Но вы, вѣрно, читали «Рѣдко-сти» господина Вульпиуса? Опять нѣтъ.

А—готовьтесь отвѣчать громогласное *да*, — а «Ринальдо Ринальдини?»

У кого, въ отдаленномъ уголкѣ памяти не сохранилось смутное воспоминаніе о *гомерическихъ* подвигахъ славнаго Ринальдо, по батюшкѣ Ринальдини? Чудное произведеніе! Зачѣмъ неблагоприятное потомство загнало тебя въ тѣ мрачныя уголки библиотекъ, гдѣ только крысы занимаютъ чтеніемъ и гдѣ пыль, накопляясь густыми слоями, образуетъ мягкую, пушистую ткань, которой не достаетъ только капли воды, чтобы превратиться въ осенній коверъ петербургскихъ мостовыхъ?

Сколько вышло переводовъ этого романа? Сколько изданій?

Несмотря на множество ихъ, пускай теперь смысленный издатель украситъ похождения знаменитаго Ринальдо красивыми полтипажами или *деревяшками*, какъ ихъ очень забавно называлъ Несторъ Васильевичъ до изданія Иллюстраціи, и, будьте увѣрены, Ринальдо *пойдетъ!* Безъ малѣйшей обиды, безъ малѣйшаго сокращенія выйдетъ онъ изъ-подъ печатныхъ станковъ....

Вникните хорошенько въ это сочиненіе Вульпіуса, которое въ свое время пользовалось такою же и даже большею славою, нежели новѣйшія сочиненія Дюма, Сю и Занда, — вникните, повторяю, въ это сочиненіе, и вы удостовѣритесь, что изъ него, какъ изъ представителя цѣлой школы, возникъ *новый* родъ литературы. Произведенія Гёте и Шиллера въ отношеніи къ Ринальдо Ринальдини то же, что изищная статуя къ драгоценному, но необтѣсанному куску мрамора.

Несмотря на преувеличенныя, маперныя формы романа Вульпіуса, въ немъ есть идея—и эта-то идея и ускользаетъ отъ читателей.

Стараніями великой герцогини Амалии, великаго герцога Карла-Августа и Ея Высочества Маріи Павловны, веймарская библиотека значительно умножилась и теперь заключаетъ въ себѣ до 150,000 томовъ.

Въ залѣ, овальная середина которой опоясана граціозными колоннами, замѣчательнъ плафонъ, изображающій *Генія Славы*. Это копія съ Аннибала Караччи. На одной изъ стѣнъ виситъ портретъ, во весь ростъ, Карла-Августа. Тутъ же находятся бюсты Ихъ Высочествъ Анны-Амалии, Маріи Павловны, Карла-Августа и Карла-Фридриха. Далѣе колоссальная мраморная голова Гёте, съ надписью художника:

A Goethe P. J. David d'Angers.

Литографированный портретъ знаменитаго скульптора виситъ тутъ же; на пьедесталѣ стихи Шиллера:

Selig, welchen die Götter, die gnädigen, vor der Geburt schon
Liebten, welchen als Kind Venus im Arme gewiegt,
Welchen Phöbus die Augen, die Lippen Hermes gelöst,
Und das Siegel der Macht Zeus auf die Stirne gedrückt!

Это начало стихотворенія: *Счастіе*.

«Блаженъ, кого боги, милостивые, уже передъ рожденіемъ любили, кого ребенкомъ Венера на рукахъ качала, кому Фебъ глаза, уста Гермесъ развязалъ, и печать могущества Зевсъ на чело напечатлѣлъ!»

Направо находится колоссальный же бюстъ Шиллера, работы Даннекера; на пьедесталѣ слова изъ стихотворенія Гёте на смерть Шиллера:

«Denk er war unser! Mag das stolze Wort den lauten Schmerz gewaltig übertönen, и т. д.

«Онъ былъ нашъ! Пусть гордое слово могущественно прокредетъ громкое горе» и т. д.

Послѣ многихъ бюстовъ опять бюстъ Гёте, работы Рауха; далѣе—Шиллеръ и Гёте. Подъ первымъ оттискъ съ его черепа; письмо Шиллера къ режиссеру послѣ перваго представленія *Мессинской пьесы*, и переписка его съ Гёте.

Подъ бюстомъ Гёте: письма родителей его; собственныя письма его; нѣсколько брошюръ и медаль по случаю юбилея въ честь Гёте, 7 ноября, 1825 года; роскошное изданіе его *Ифигеніи*; послѣдняя подпись Гёте, за двое сутокъ до его кончины; брошюры и стихотворенія по случаю его кончины и собраніе иностранныхъ сочиненій, журнальныхъ статей о Гёте и нѣсколько другихъ рукописей и брошюръ.

Мраморные бюсты Виланда и Гердера.

Подъ обоими рукописи.

Въ проходной галереѣ замѣчательны пастельные портреты Маріи-Терезіи, Юсіфа II, Маріи-Антоанеты, Вильгельмины Гессенъ-Дармштатской. Надъ ними портреты, написанные масляными красками: Петра Великаго и, рядомъ, Петра III и Екатерины Великой.

Въ большой галереѣ между портретами многихъ ученыхъ мужей, замѣчательны портреты: Канта, Тика, Винкельмана, Рабенера, Геллерта, Лессинга, Кисбеля. Между бюстами: госпожи Сталь, проводшей часть зимы 1803 года въ Веймарѣ. Великая Герцогиня припяла знаменитую писательницу достойнымъ образомъ; необыкновенная дѣятельность Герцога и лучезарная группа, его окружавшихъ геніевъ, произвели глубокое впечатлѣніе на госпожу Сталь. Она хотѣла все видѣть, со всеми познакомиться.

Добрый Виландъ, ворчавшій дома на то, что для удовлетворенія любопытства проѣзжей писательницы, долженъ былъ раз-

ставаться со своими туфлями, быть, однакожь, увлеченъ граціозною любезностію госпожи Сталь.

Шиллеръ съ первой встрѣчи оцѣнилъ свѣтлый, ясный умъ ея, и самъ заслужилъ теплую дружбу писательницы.

Гёте остался недоволенъ ея, какъ онъ говоритъ, привязчивостію, приписывая се неуваженію къ его славі и незнанію приличій; не смотря на то, онъ, быть-можетъ, невольно выказался передъ нею, ибо сама герцогиня Амалія говоритъ, что госпожа Сталь имѣла свѣтлое понятіе о Гёте.

Далье находится бюстъ Гердера, въ одеждѣ пастора.

Гердеръ родился въ Пруссіи, образовался въ Кёнигсбергѣ и переселился въ Ригу, гдѣ получилъ мѣсто пастора и ректора при высшемъ училищѣ. Но оставивъ Ригу, онъ путешествовалъ нѣсколько лѣтъ; въ 1770 году былъ призванъ въ Бюкебургъ и назначенъ совѣтникомъ консисторіи; въ 1775 году сдѣлался профессоромъ богословія въ Гёттингенѣ; но въ слѣдствіе встрѣченныхъ непріятностей и затрудненій принялъ мѣсто старшаго придворнаго пастора и генераль-суперинтендента въ Веймарѣ, гдѣ и скончался въ 1803 году въ званіи президента оберъ-консисторіи и дворяниномъ баварскаго курфиршества.

Гердеръ проповѣдывалъ, по словамъ Виланда, лучше всѣхъ современныхъ проповѣдниковъ.

Одна изъ принцессъ желала вѣчно слышать Гердера; великая герцогиня Амалія передъ своею смертію по цѣлымъ почамъ слушала чтеніе проповѣдей Гердера и, наконецъ, за нѣсколько часовъ до своей кончины сказала:

— Теперь довольно. Теперь я скоро соединюсь съ моими братьями и Гердеромъ....

Во второй галереѣ портреты: Карла-Августа, Валленштейна, герцога Бернгарда, Лаудона и *Суварова*, котораго Нѣмцы со свойственнымъ имъ упорствомъ (вошедшимъ, впрочемъ, въ половицу) называютъ Суваровымъ.

Въ трехъ покояхъ, слѣдующихъ за первой галереей находится *купецкабинетъ*. Въ немъ виситъ на одной стѣнѣ пергаментный щитъ *Плодороднаго общества*. На щитѣ изображена равнина, пересѣкаемая рѣкою, а на первомъ планѣ символъ общества: *Кокосовое дерево*, у подножія котораго представлено все, доставляемое этимъ деревомъ и вырабатываемое изъ него. Внизу подпись: *Плодородное общество*; вверху: *Все въ пользу*; на оборотѣ стихотвореніе, въ которомъ многосторонняя польза кокосоваго дерева примѣнена къ цѣли общества.

На стволѣ дерева изображенъ грудной портретъ Людвигъ Ан-

гальтскаго, перваго главы и основателя общества, въ 1617 году.

Въ бытность свою при веймарскомъ дворѣ, по случаю погребенія сестры своей, вдовствующей герцогини, Людвигъ вступилъ въ разговоръ съ нѣкоторыми придворными объ испорченности нѣмецкаго языка. Въ то же время Людвигъ рѣшился учредить, по примѣру итальянскихъ академій, общество, главною цѣлію котораго было сохраненіе чистоты нѣмецкаго языка....

Что бы сказалъ князь Ангальтскій теперь, когда грубая прихоть или, лучше сказать, *безвкусіе* нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ парадилъ философію въ таинственныя формулы египетскихъ мудрецовъ? Мы смѣемся надъ высокопарнымъ слогомъ прошедшаго вѣка, а между тѣмъ, что дѣлается у насъ передъ глазами? Воля ваша, а по моему даже высокопарный, велегрѣшнѣйшій слогъ лучше тяжелаго, безкуснаго, дикаго слога новейшей философіи! Какое успіе ума пужно иногда, чтобы добраться до идеи! И, къ сожалѣнію, идеи, часто свѣтлой, высокой.... Но это неизбежное послѣдствіе учености, лишенной граціи; ума, часто глубокаго, но лишеннаго изящности формъ. Съ завистію смотритъ эта ученость на произведенія, въ которыхъ сердце дружно дѣлится съ умомъ, и не будучи въ состояніи подражать изяществу ихъ, не умѣя *правиться*, она хочетъ *удивлять*....

И удивляетъ такъ, какъ паяцъ, глотающій зажженную пеньку.

Толпа, разинувъ ротъ, удивляется, потому-что не понимаетъ.

— Ай, Ванька! лихо! говорятъ *товарищи*.

А бѣдный паяцъ, вздыхая, думаетъ про себя, что онъ гораздо охотнѣе сдѣлалъ бы простую сайку, да—нѣтъ ее!

Нельзя не порадоваться, что у насъ подражаніе *вышнимъ формамъ* германской философіи не имѣло успѣха. Русскій чело-вѣкъ практикъ, по своей природѣ, а потому требуетъ положительнаго и, преимущественно, яснаго. Единодушно принялъ онъ нѣкоторыя нововведенія въ словесности, согласовавшіяся со здравымъ смысломъ и съ потребностію вѣка; но такъ же единодушно отрекся онъ отъ нововведеній людей, увлеченныхъ успѣхомъ побѣдителя *силъ* и *опытъ* и вздумавшихъ основать общія правила на исключеніяхъ.

Для нововведеній нужны не только вѣрный взглядъ и *храбрость*, но п—авторитетъ; а въ дѣлѣ *преобразованій* нашего языка, авторитетъ, безспорно, на сторонѣ *стража и блюстителя чистоты русскаго слова*.

Общество Людвигъ Ангальтскаго приняло названіе *плодоо-*

снаго и избрало общимъ символомъ *Кокосовое дерево*; каждый же членъ долженъ былъ избрать себѣ символомъ какое-либо растеніе, съ приличнымъ девизомъ.

Это первое нѣмецкое словесное общество имѣло въ 1680 году болѣе восьмидесяти членовъ, въ числѣ которыхъ были многія царствующія особы, князья, министры и полководцы. Впоследствии оно распространилось во всѣ концы Германіи и приобрѣло членовъ даже во Франціи, Италіи и Скандинавіи.

Противъ этого щита виситъ акварельный портретъ Виланда, работы Гёте, запинавшася въ молодости живописью.

Въ шкапахъ находятся древности, реликвіи, амфоры, вазы, медали, раковины, часы и, между прочимъ, табакерка Виланда съ миниатюрнымъ портретомъ графини Брюль; алебастровый снимокъ съ руки Ифланда; алебастровая маска Шиллера; сапоги и нагрудникъ Густава-Адольфа, доставленные сюда герцогомъ Бернгардомъ послѣ Люденской битвы; придворный парадный парядъ Гёте и т. п.

Въ нижней части башни Зеленаго зѣмка хранится драгоценное собраніе саксонскихъ монетъ, весьма цѣнное нумизматиками; тамъ же находится *Военная библіотека*, содержащая болѣе 6000 томовъ и многія чрезвычайно замѣчательныя рукописи. Коллекція *ландкартъ* простирается до 8000; особенно замѣчательны между ними морская карта Европы, Африки и Азіи, на которой выставлено 1484 годъ и уже обозначены Антильскіе острова; карта Японіи, подаренная Крузенштерномъ, и полная коллекція лучшихъ русскихъ картъ. Собраніе рисунковъ и чертежей многочисленно.

Любопытно собраніе *альбомовъ*; ихъ числомъ до 400. Въ одномъ изъ нихъ находятся автографы Лютера и Меланхтона.

Рукописей множество: китайскихъ, японскихъ, персидскихъ, еврейскихъ, арабскихъ, турецкихъ; римскихъ и греческихъ классиковъ, и средневѣковыхъ: магическихъ, астрологическихъ и алхимическихъ.

Изъ первыхъ произведеній книгопечатанія заслуживаютъ вниманія *Biblia pauperum*, нѣмецкая *Vulgata*, напечатанная Фустомъ (Фаустомъ) и Шефферомъ, Библия 1471 года и многія другія.

Въ Библіотекѣ находится Полное Собраніе *Русскихъ Законовъ*, отъ 1649 года до нашихъ временъ, весь парижскій *Moniteur* и собраніе всѣхъ нѣмецкихъ *трагедій, комедій, оперъ* и *водевилей*, съ 1450 по 1750 годъ....

Красный зѣмокъ построенъ въ 1576 году. Послѣ пожара, разрушившаго главный зѣмокъ, онъ служилъ мѣстопребываніемъ двора.

Желтый зѣмокъ построенъ въ 1704 году. Теперь въ немъ, какъ и въ Красномъ, находятся присутственныя мѣста. Оба построены вдовствующими герцогинями, такъ же какъ и третій *Вдовой зѣмокъ*, называемый попросту *дворцомъ*.

Это было любимое мѣстопребываніе герцогини Амалии. Здѣсь жила она въ кругу друзей, заботясь о благѣ своихъ подданныхъ и занимаясь науками и искусствами. Здѣсь, съ 1791 года, завела она ученые вечера, на которые въ первую пятницу каждаго мѣсяца собирались литераторы, ученые и профессора іенскаго университета. Здѣсь читали свои философическія сочиненія Гердеръ, Кнебель и Боде; здѣсь Гёте впервые развѣвалъ свои наблюденія о цвѣтахъ, краскахъ; Гумеландъ разсуждалъ о долговѣчности человека....

Умъ, искренняя дружба и граціозная простота оживляли эти собранія. Здѣсь, безъ всякаго предписанія, чины оставались внѣ дверей, равномѣрно какъ и шляпы, а напаче шпаги; здѣсь всѣ были воодушевлены искреннею веселостію. Въ этомъ прелестномъ убѣжищѣ герцогиня Амалия была велика въ полномъ смыслѣ этого слова, потому-что умомъ и сердцемъ владычествовала надъ гениями, влияние которыхъ сохранился изъ рода въ родъ.

Грозная эпоха войны разрушила это мирное счастье.

Тамъ, гдѣ до-сихъ-поръ господствовали гении наукъ и искусствъ, явился гений войны: Наполеонъ прожилъ нѣсколько времени въ герцогскомъ дворцѣ.

Возвратившись въ свой дворецъ, послѣ тяжкихъ ударовъ, нанесенныхъ дому ея, герцогиня Амалия прожила недолго. Весною 1807 года она скончалась на 68 году отъ рожденія....

Спальня, въ которой она скончалась, находится по сію пору въ томъ же видѣ, въ какомъ находилась до кончины ея.

Къ дворцовымъ зданіямъ должно причислить еще такъ называемый *Гляжескій-домъ*,—*Fürstenhaus*,—въ которомъ жила герцогская фамилія, до возобновленія зѣмка, 28 лѣтъ. Сюда часто приходилъ любимецъ Карла-Августа, Гёте, къ столу или на балъ, на концерты или спектакли; здѣсь онъ часто почевалъ послѣ охоты и утромъ отправлялся въ присутствіе, въ верхній этажъ....

Теперь въ этомъ домѣ *Музей для чтенія* и *Художественная галерея*.

Первый, снабженный многими газетами и журналами, содержится частью на счетъ герцога, частью на счетъ членовъ. Музей открытъ съ 10 часовъ утра до 10 вечера. Между этимъ временемъ члены могутъ брать газеты на домъ. Иностранецъ, введенный членомъ, можетъ посѣщать музей четыре недѣли бесплатно.

Художественная галерея богата прекрасными картинами, коллекцией гравюр и снимками съ керченскихъ древностей, находящихся въ Петербургѣ.

Продолжая бродить по городу, я вышелъ на рыночную площадь, довольно обширную, окруженную замками, о которыхъ я уже упоминалъ, и прекраснымъ зданіемъ ратуши и древнимъ Городскимъ домомъ, Stadt-Haus,—служащимъ, если я не ошибаюсь, ремесленной управой.

Это тотъ самый домъ, въ которомъ въ 1802 году готовилось празднество, неудачу котораго Гёте рассказалъ очень забавно.

Вотъ въ чемъ заключалось дѣло:

Коцебу пріѣхалъ въ Веймаръ. Гёте не любилъ его и принялъ довольно холодно. Шиллеръ же встрѣтилъ плодовитаго драматическаго писателя радушно.

Желая отомстить Гёте, Коцебу уговорилъ многихъ частныхъ особъ, любителей театра, дать представленіе въ честь Шиллера. Мѣстомъ представленія они избрали Городской домъ. Долго шли приготовления; наконецъ, роли были выучены, репетиціи удались прекрасно; неоставало только для эпизода бюста Шиллера. Во всемъ Веймарѣ былъ въ то время одинъ только бюстъ геніальнаго писателя; но и тотъ находился въ Библиотекѣ.

Любители обратились къ Гёте, съ просьбой одолжить имъ этотъ бюстъ на одно представленіе. Гёте отвѣчалъ довольно колко, что бюста дать нельзя, потому-что онъ можетъ быть поврежденъ во время *пиршества*.

Любители рѣшились обойтись безъ бюста, но Гёте готовилъ имъ новый ударъ.

Въ то самое время, когда они намѣревались приступить къ постановкѣ декораций, имъ объявили, что зала Городскаго дома вновь выкрашена, во избѣжаніе поврежденій, починку которыхъ, вѣроятно, никто не возьметъ на себя, въ немъ не можетъ быть дано представленіе...

Замѣчательно, что возлѣ прямой, широкой дороги благороднѣйшихъ качествъ человѣка есть узкія, кривыя, извилистыя тропинки, по которымъ онъ иногда блуждаетъ въ полной увѣренности, что никто не замѣтитъ этого, потому-что все взоры должны быть обращены на большую дорогу. Напротивъ, на эти тропинки и обращены все взоры. Въ болѣе или менѣе частомъ уклоненіи на эти тропинки проявляется *человѣкъ*.

Начинаю смеркаться, когда я направилъ опять шаги къ квартирѣ Д. П. К.

Радушно встрѣтилъ меня красивый, здоровый мужчина, въ

двѣтъ лѣтъ, и я забывалъ на-время, что между нами и Петербургомъ огромное разстояніе.

Долго бесѣдовали мы. Время летѣло. Много интереснаго рассказывалъ мнѣ Д. П. Съ сердечною теплотою произносилъ онъ имя Великой Герцогини, и всякій разъ это имя заглашало въ груди его невольный вздохъ по родицѣ....

Доброе, русское сердце! Никогда сухая, западная цивилизація не остудитъ твоей теплоты; никакая личная тоска не подавитъ тебѣ дивнаго самоотверженія! Ясна твоя философія: она вся основана на любви....

Не знаю, сколько пробило на часахъ, но что-то очень много, когда я, заслушавшійся родныхъ звуковъ, вспомнилъ, что пора и честь знать; но—какой истинно русскій человѣкъ отпуститъ гостя безъ ужина?

Съ удовольствіемъ замѣтилъ я, что и хозяйка на этотъ разъ не вѣрили часовой стрѣлкѣ, которая никогда не забываетъ часовъ и все идетъ впередъ, впередъ.....

День, начатый довольно неприятнымъ пробужденіемъ въ Лейпцигѣ, я кончилъ въ Веймарѣ тихо, мирно, въ ушной русской бесѣдѣ, и *русской закуской*... Простите мнѣ, но если бы я былъ въ Петербургѣ, то быть можетъ, вычеркнулъ бы два послѣднія слова; но, право, ни медъ со сливочнымъ масломъ, ни *шенкованная бруква* съ изюмомъ и коринками, ни сидръ, не могутъ заглушить невольнаго вздоха по паисной икрѣ, по бѣлымъ грибамъ въ уксусѣ, по квасу...

А ржаной хлѣбъ?...

О, *vade retro, vade retro, vade retro!*...

Проходя, на другой день, мимо красиваго зданія театра, я взглянулъ на афишу. Она извѣщала о представленіи комедіи:

Stadt und Land,

оригинальной нѣмецкой комедіи; имя автора было выставлено крупными буквами.

Я сталъ въ-тупикъ.

Комедія «Stadt und Land» идетъ на французской сценѣ подъ названіемъ «L'oncle Baptiste», на русской «Дядя Пахомъ.»

Мало того; эту же трижды *оригинальную* комедію написалъ еще одинъ нѣмецкій драматическій писатель, подъ заглавіемъ «Dnkel Sebastian»!

Спрашивается: кто сочинилъ эту комедію? Два ли Нѣмца, писавшіе отдѣльно, два ли Француза, писавшіе вмѣстѣ, или я одинъ?

Не я. *Дядя Пахомъ*, комедія чрезвычайно умная и интересная, имѣвшая на сценѣ Александринскаго театра успѣхъ, не смотря на то, что почти ни одинъ изъ артистовъ не былъ въ своей роли, *передѣланы* мною съ французскаго. Говорю: передѣлана, а не переложена на русскіе нравы.

Я жилъ на дачѣ до самаго дня представленія, и съ дачи прѣѣхалъ прямо въ театръ. Не мало удивился я, прочитавъ на афишѣ, что *Дядя Пахомъ* мое сочиненіе. Во время же представленія я прибѣгнувъ къ услужливости тогдашняго редактора *Репертуара и Пантеона*, прося его напечатать отъ моего имени объясненіе по этому случаю.

Газеты предупредили это объясненіе, обвинивъ меня въ присвоеніи французскаго продукта.

Какая суровая литературная нравственность!... То ли дѣло въ Германіи! Тамъ двое написали одну и ту же комедію, и ни одинъ не упомянулъ о томъ, что она передѣлана съ французскаго. То ли дѣло во Франціи! Тамъ двое написали одну комедію и не упомянули, что сюжетъ ея заимствованъ изъ старой нѣмецкой комедіи...

Ничто не ново подъ луною.

Гёте, Шиллеръ и Иффландъ прославили веймарскій театръ. Первый болѣе какъ редакторъ, второй своими гениальными, безсмертными произведеніями, третій игрою.

Не знаю, въ какомъ состояніи теперь здѣшняя труппа. Говорятъ, что хороша; но я самъ не имѣлъ времени удостовѣриться въ томъ.

Познакомившись уже нѣсколько съ городомъ во время вчерашнихъ прогулокъ, я легко отыскалъ строеніе, въ которомъ помѣщается греко-россійская церковь и живетъ духовникъ Е. В. Великой Герцогини, Степанъ Степановичъ Сабининъ.

Съ признательностію вспоминаю о милomъ, радушномъ приѣмѣ Степана Степановича Сабинина, объ умной бесѣдѣ и о милomъ семействѣ его.

Степанъ Степановичъ Сабининъ извѣстенъ въ ученomъ мѣрѣ изслѣдованіями скандинавскихъ древностей. Поводомъ къ этому труду послужило многолѣтнее пребываніе его въ Даніи. Съ умомъ здравымъ и прямымъ, съ ученостію необыкновенною, Степанъ Степановичъ соединяетъ рѣдкое добродушіе. Религія и семейство предписываютъ человѣку обязанности, первое условіе которыхъ самоотверженіе.

Человѣка религіознаго и добраго отца семейства никакая ученость не сдѣлаетъ педантомъ, потому-что педантизмъ есть частное проявленіе эгоизма.

Степанъ Степановичъ собирался въ церковь, по случаю поминованія Ея Высочества Великой Княгини Маріи Михайловны, преждевременною смертію унесенной въ лучшій мѣръ...

Я охотно послѣдовалъ за нимъ.

Церковь не велика. Иконостасъ написанъ прекрасно. Передъ окнами простирается обширный паркъ, съ прекрасными лугами, пышными дубравами, а надъ ними сводъ небесъ, вѣчно дивный, вѣчно величественный...

Невольно перенесся я къ лѣтамъ моего дѣтства, когда и я, на клиросѣ нашей академической церкви, смѣшивалъ свой дискантъ съ голосами товарищей... Какъ сильно, радостно сочувствовало сердце хвалебнымъ гимнамъ Единородному Сыну Творца вселенной! Какъ болѣзненно сжималось сердце и какъ горьки были слезы во время грустнаго, прощальнаго пѣнія надъ гробомъ товарища, костлявою, неумолимою рукою смерти вычеркнутаго изъ нашихъ списковъ...

Пока Степанъ Степановичъ одѣвался, пока старый сѣдой сто-рожъ раздувалъ въ кадилѣ уголья, собирались пѣвчіе.

Ихъ было пятеро; остались четверо. Пятый уже не вернется въ Россію. Всѣ они прѣѣхали въ Веймаръ въ одно время, если не ошибаюсь, съ Великою Герцогинею. Они были молоды, голоса ихъ были свѣжи, звучны. Теперь они состарѣлись, и слѣдовъ прежнихъ голосовъ не осталось.

Но Великая Герцогиня такъ привыкла къ нимъ, что ни за что не хочетъ разстаться съ ними.

— Пѣніе ихъ, говоритъ она, такъ запечатлѣлось въ сердцѣ моемъ, что я не нахожу въ немъ никакой перемѣны.

Тихо завали всѣ свои мѣста, и наступила глубокая тишина.

Вдругъ на каменной мостовой передъ церковью послышался шагъ. Придворные лакеи несли паланкинъ. Изъ него вышла Ея Высочество Великая Герцогиня Марія Павловна, въ глубокомъ траурѣ.

Вслѣдъ за нею подѣхала карета съ придворными дамами.

Великой Герцогинѣ шестьдесятъ одинъ годъ; въ 1804 году вступила въ супружество съ Великимъ Герцогомъ Веймарскимъ Карломъ-Фридрихомъ. Лицо ея еще прекрасно, величественно, не смотря на нѣжное выраженіе душевной кротости и неизмѣрпмой доброты.

Началось богослуженіе.

Прекрасная идея поминованія мертвыхъ составляетъ божественнѣйшую черту христіанской религіи. Можетъ ли быть что-либо возвышеннѣе, трогательнѣе молитвы, съ помощію которой

мы вступаемъ въ духовное сношеніе съ міромъ вѣчнаго блаженства или искупленія, мы, оставшіеся въ земномъ мірѣ, гдѣ, быть-можетъ, ждутъ насъ еще тяжкія испытанія!...

По окончаніи служенія, Великая Герцогиня сказала нѣсколько ласковыхъ словъ почтенному священнику и удалилась.

Невольному, и какъ бы повинувъ тайному влеченію сердца, расположенному къ грустнымъ ощущеніямъ, отправился я совершить другія поминки,—поминки по славі Веймара.

Я пошелъ на кладбище, на *дворъ мира*, какъ говорятъ Нѣмцы.

У входа находится небольшой домикъ, выстроенный стараніями *Гуфеланда*, и въ сладствіе диссертанціи его объ опасности быть погребеннымъ за-живо. Въ этомъ домикѣ находится зала, гдѣ выставляютъ покойниковъ до погребенія и тутъ же живетъ могильщикъ.

И такъ при первомъ входѣ на кладбище встрѣчается уже знаменитое имя—имя *Гуфеланда*, грознаго противника смерти, часто вырывавшаго у нея добычу, которую она сжимала уже въ своихъ костлявыхъ объятіяхъ....

Далѣе, на возвышеніи, стоитъ *Княжескій склепъ*, квадратное зданіе съ дорическими портикомъ, куполомъ и полукруглыми окнами. Круглая каменная лѣстница ведетъ въ склепъ, низкій сводъ котораго покоится на четырехъ широкихъ столбахъ.

Направо стоятъ въ порядкѣ двадцать шесть гробовъ герцоговъ.

Близъ нихъ два гроба, *Шиллера* и *Гёте*.

Останки Шиллера помѣщены здѣсь по волѣ знаменитаго покровителя его, великаго герцога Карла—Августа, въ 1827 году. У средней стѣны стоитъ бронзовый саркофагъ самого герцога, а передъ нимъ гробъ супруга его, великой герцогини Луизы, пережившей супруга двумя годами....

Карль—Августъ отошелъ въ вѣчность на семьдесятъ первомъ году отъ рожденія, совершивъ много великаго, много прекраснаго въ теченіе своего пятидесятигредлѣтняго царствованія. На девятнадцатомъ году отъ рожденія, въ 1775 году вступилъ онъ на престолъ. Полгода спустя онъ сочетался бракомъ съ принцессой гессенъ-дармштадтской Луизой, съ которою познакомился во время поѣздки своей въ Парижъ.

Во время этой поѣздки, онъ сблизился и съ Гёте, который, по приглашенію герцога, въ томъ же году переселился въ Веймаръ.

Въ слѣдующемъ году туда же прибылъ Герднеръ, и съ тѣхъ поръ Веймаръ сдѣлался центромъ, къ которому безпрерывно сте-

кались величайшіе умы не только Германіи, но и другихъ государствъ.

Сношенія великаго герцога съ знаменитѣйшими людьми въ области наукъ и искусствъ, умныя придворныя увеселенія, частыя охоты, путешествія по Германіи и Швейцаріи, имѣли источникомъ не тщеславіе, не стремленіе къ развлеченію, но простекала изъ души могущественной, благородной, нуждавшейся въ высокой дѣятельности. Впрочемъ самое проявленіе этой дѣятельности служить яснѣйшимъ доказательствомъ нравственной силы молодого монарха.

Онъ хотѣлъ лично изучитъ свѣтъ и людей; обладалъ необъятною любовью къ ближнему, съ благороднымъ любопытствомъ слѣдилъ въ всѣмъ самобытными талантами, увлекался всѣмъ великимъ, мощнымъ, угадалъ онъ направленіе умовъ въ Германіи, направленіе, изъ котораго возникли Шиллеръ и Гёте.

Не впадая въ односторонность, недостатокъ, проявляющійся часто въ умахъ высокихъ, но слишкомъ исключительныхъ, Карль-Августъ исправилъ и дополнилъ законы своего герцогства, расширилъ первоначальное образованіе, улучшилъ земледѣліе, дѣятельно занимался лѣсоводствомъ и луговодствомъ.

Понятно, что, обладая такимъ энергическимъ характеромъ, герцогъ желалъ познакомиться на практикѣ и съ военнымъ искусствомъ. На тридцатомъ году вступилъ онъ волонтеромъ подъ прусскія знамена, участвовалъ въ походѣ въ Голландію, потомъ, въ 1792 году, былъ во Франціи и содѣйствовалъ освобожденію Рейна и возвращенію Майнца. Военныя занятія и трудности не ослабляли, однакожъ, духа его: онъ постоянно оставался бодрымъ и свѣтлымъ.

Гёте безпрерывно находился при герцогѣ и часто, въ палаткѣ, они бесѣдовали о средствахъ распространенія просвѣщенія въ Германіи; изъ палатки писалъ Карль-Августъ Герднеру письма о человѣчности, Шиллеру о военныхъ дѣйствіяхъ....

Я употребилъ слово *человѣчность*, *humanité*, *humanité* потому-что, по моему мнѣнію, понятіе, въ немъ заключающееся, гораздо обширнѣе понятія, выражаемаго словомъ *человѣколюбіе*. Въ послѣднемъ чувствѣ, протекающемъ непосредственно изъ сердца, проявляется первѣко нѣкоторая слабость; въ понятіи первого, сердце и умъ вступаютъ въ могущественный союзъ и ясно, энергически оцѣниваютъ высочайшіе интересы человѣчества.

Въ 1793 году Карль-Августъ вернулся въ свое герцогство и ревностно занялся благоустройствомъ его. Онъ придалъ новую жизнь земледѣлію и промышленности, завелъ многія богоугодныя заведенія, улучшилъ школы, руководствуясь совѣтами Герде-

ра, и вмѣстѣ съ Гёте возвелъ университетъ въ Іенѣ на степенъ перваго университета въ мірѣ.

Знаменитѣйшіе мужи стеклись въ Іену: *Леницъ* читалъ минералогію, *Гуфеландъ*—медицину, *Фейербахъ*—юриспруденцію, *Шиллеръ*—исторію.

Что касается до философіи, то въ Іенѣ она пустила глубокие корни. Первый прославившійся тамъ философъ былъ *Рейнгольдъ*, потомъ *Фихте*. Недоразумѣніе заставило послѣдняго удалиться изъ Іены, къ сожалѣнію герцога; но мѣсто Фихте заступилъ *Шеллингъ*, къ которому въ 1800 году присоединился *Гегель*.

Кенигсбергскій философъ, знаменитый *Кантъ*, далъ уже новое направленіе философіи, основалъ новую школу. Не входя въ разсужденія объ идеяхъ Канта, скажу только, что онъ увлекся своими безчисленными категоріями и воздвигъ непреодолимую преграду между *субъектомъ* и *объектомъ*, то есть между *Я* и *Не-я*, между міромъ идей и міромъ представлений, *мыслостей*, какъ онъ говоритъ. Тщетно требовали отъ него, чтобы онъ соорудилъ мостъ черезъ пропасть, проведенную имъ между міромъ внутреннимъ и вѣшнымъ, Кантъ отказался отъ этого труда и предоставилъ другимъ рѣшить задачу.

Вотъ первая и главная причина той запутанности и туманности, которая съ тѣхъ поръ является въ нѣмецкой философіи.

Два ученика Канта взялись разрѣшить задачу между *субъектомъ* и *объектомъ*; ученики эти были люди высокаго ума: *Фихте* и *Шеллингъ*. Оба гораздо яснѣе и краснорѣчивѣе своего учителя; но, къ сожалѣнію, у обоихъ замѣтна страсть къ увеличенію и слишкомъ рѣзкій тонъ.

Чтобы основать сообщеніе между міромъ внутреннимъ и вѣшнымъ, каждый занялъ мѣсто на противоположномъ берегу и, вмѣсто того, чтобы соединенными силами пополнить существовавшую между ними пустоту, и тотъ, и другой, сваливали этотъ трудъ другъ на друга, и пропасть только расширилась.

Фихте такъ забился въ свое *Я*, что не зналъ, какъ выйти изъ него. Вѣшній міръ для него не существовалъ.

Шеллингъ ждался надъ бѣднымъ обиженнымъ вѣшнымъ міромъ и весь переселился въ него, то есть въ *Не-я*. Что восплѣдовало? *Я* исчезло во мнѣніи Шеллинга, оно погрузилось въ массу существъ.

Гегель пошелъ по стопамъ Шеллинга и, очертя голову, окунулся въ пантеизмъ, то есть, болѣе прежняго запуталъ дѣло.

Гегель взялся переделывать *логику*, не формы изложенія, а основныя начала ея...

И въ то самое время, когда Фихте и Шеллингъ развивали свои теоріи, когда братья *Гумбольдтъ*, Александръ и Вильгельмъ, расширили кругъ практической естественной исторіи, между ними выше и выше поднимались, подъ вліяніемъ теоріи и практики, два гения—Шиллеръ и Гёте.

Къ нимъ присоединились братья *Шлегель*, *Тикъ*, *Бодендеръ*, *Виландъ*, *Кнебель*, *Жанъ-Поль-Рихтеръ*, *Галль*, *Кёрнеръ*, *Вольфъ*.

Знаменитая госпожа де-Сталь прѣехала въ Веймаръ, который, подобно солнцу, разливалъ лучи свѣта по всей Германіи, по всей Европѣ. Присутствіе умной писательницы, придадо новую жизнь германскимъ Аэнамъ.

Госпожа де-Сталь поддержала свою славу. Она бесѣдовала со всѣми и обо всемъ. Любезная Парижанка становилась то вдохновеннымъ поэтомъ, то глубокомысленнымъ философомъ, то ораторомъ, увлекавшимъ слушателей. Она умѣла завлекать каждаго въ свою сферу, потому-что обладала рѣдкимъ талантомъ: *умѣемъ слушать*.

Слушать иногда труднѣе нежели говорить.

Природа отказала госпожѣ Сталь въ красотѣ; но она даровала ей очаровательный голосъ, прелестные глаза. Несмотря на всю силу своего ума, она была подвержена слабостямъ женщины и любила видѣть у ногъ своихъ мужчинъ, побѣждая ихъ умомъ и граціей. Но болѣе всего старалась она распространять свое вліяніе на людей государственныхъ, политическихъ.

Вотъ главная причина ссоры ея съ Наполеономъ.

Сначала она пристрастилась всею душою къ герою Италіи, но впоследствии страсть эта остыла: она хотѣла создать изъ Наполеона новаго Вашингтона, между тѣмъ какъ сама природа создала его Цесаремъ.

Раздраженная *непокорностью* перваго консула, которому покорялась уже вся Франція, госпожа де-Сталь уѣхала изъ Парижа.

Присутствіе ея въ Веймарѣ имѣло необыкновенное вліяніе на тамошній прекрасный полъ. Явилось множество писательницъ: *Собія Меро*, *Вильгельмина фонъ-Зебахъ*, *Каролина фонъ-Вольцогенъ*, *Амалия фонъ-Имофъ*, *и-жа фонъ-Берлешицъ*, и другія.

Въ полномъ блескѣ стояло солнце надъ Веймаромъ... вдругъ набѣжали тучи.

Герцерь умеръ. Шиллеръ умеръ.

Тучи сгустились и разразились страшной грозой.

Наступила война.

Послѣ достопамятной Иенской битвы, Французы ворвались въ Веймаръ. Много потерялъ этотъ городъ.

Наконецъ бурный потокъ хлынулъ къ Берлину. Французы завладѣли всѣми прусскими крѣпостями.

Но ударилъ и часть Наполеона. Разстроенныя толпы побѣдоносной арміи бѣжали въ безпорядкѣ черезъ Веймаръ и когда послѣдніе стоны ихъ замокли въ отдаленіи, солнце счастья и порядка опять возсіяло надъ Веймаромъ....

Посѣщеніе союзныхъ государей придало ему новый блескъ, новую славу.

Послѣ взятія Парижа, Карлъ-Августъ прибылъ туда, чтобы быть близкимъ свидѣтелемъ политики, послѣдовавшей за побѣдой. Изъ Парижа онъ поѣхалъ въ Англію, а оттуда въ Вѣну, гдѣ присутствовалъ на конгрессѣ, какъ членъ Германскаго союза и съ титуломъ Великаго Герцога вернулся онъ въ свое, увеличенное государство.

Въ 1816 году постигъ Карла-Августа новый горестный ударъ. Онъ лишился дочери, Каролины, супруги наследника великаго-герцога мекленбургъ-шверинскаго, и матери двухлѣтней, въ то время, принцессы *Елены*, нынѣ вдовствующей герцогини *Орлеанской*.

Снова занялся Карлъ-Августъ государственными дѣлами и увеличеніемъ благосостоянія своихъ подданныхъ. Опять Веймаръ сдѣлался средоточіемъ, къ которому стекались замѣчательнѣйшіе люди Германіи: Гюфеландъ, Рудольфи, Хладни, Блауменбахъ, Гумбольдтъ, Фаригагенъ, Вольфъ, Квалтъ, Арнимъ, Шинкель, Тикъ, Раухъ и многіе другіе.

Празднества слѣдовали за празднествами. Ихъ Величества Императрица Марія Теодоровна и Императрица Елисавета Алексѣевна посѣтили Веймаръ.

Такимъ образомъ наступилъ юбилей *пятидесятилѣтія* царствованія Карла-Августа. Искрення была радость подданныхъ его. Слезы умиленія проливалъ старый солдатъ, стоявшій на часахъ во дворцѣ въ тотъ самый день и часъ, когда Карлъ-Августъ вступилъ на престолъ. Въ томъ же году праздновалъ онъ тихо, въ семейномъ кругу, свою *золотую свадьбу*....

Во второй половинѣ 1828 года глубокая тишина царствовала въ Веймарѣ. На лицахъ всѣхъ жителей была написана искренняя, душевная печаль.

День былъ душный. Свинцовыя тучи закрывали небо; глухо, но грозно грохоталъ громъ, сопровождаемый яркою молніею...

Въ этотъ день, 9 іюля 1828 года, жители Веймара провожали останки любимаго герцога въ вѣчную обитель.

Не прошло двухъ лѣтъ, и супруга послѣдовала за нимъ.

Направо отъ княжескаго склепа погребена графиня *Генкель фонъ-Доннерсмаркъ*, вдова кенигсбергскаго губернатора и бабушка Оттиліи Гёте.

Далѣе, близъ ограды, могила кроткаго юмориста *Стефана Шютце*, скончавшагося въ 1839 году.

Еще далѣе, возлѣ ограды же, находится памятникъ, украшенный рельефнымъ изображеніемъ знаменитаго *Гуммеля*.

Гуммель родился въ 1778 году въ Пресбургѣ, учился сначала у своего отца, потомъ, когда послѣдній сдѣлался директоромъ капеллы въ Вѣнѣ, поступилъ къ Моцарту. Обѣздивъ всю Европу, Гуммель поселился въ Веймарѣ, гдѣ дѣлая 18 лѣтъ съ честью занималъ должность капельмейстера.

Гуммель не мало содѣйствовалъ распространенію *музыкальныхъ обществъ*,—*Musikvereine*—которыя существуютъ теперь въ каждомъ, нѣсколько значительномъ, нѣмецкомъ городѣ. Они имѣютъ двоякую цѣль: во-первыхъ сохраненіе чистоты музыкальнаго стиля, представителями котораго Гайднъ, Моцартъ и Бетховенъ; во-вторыхъ распространеніе вкуса къ музыкѣ. Со второю цѣлью музыкальныя общества дѣлятся на два разряда: *пѣчие столы* (*Liedertafeln*) и *пѣчие кружи* (*Liederkränze*). Первые существуютъ, преимущественно, на сѣверѣ Германіи и занимаются церковнымъ пѣніемъ. Вторые стараются о развитіи и улучшеніи народной, національной музыки. Они собираются, большею частію, на югѣ.

Самое замѣчательное изъ германскихъ *празднествъ пѣнія* происходитъ на берегахъ Неккара. Всѣ сосѣдніе жители и депутаціи всѣхъ другихъ обществъ принимаютъ въ немъ участіе. Трудно представить, себѣ какое глубокое впечатлѣніе произведетъ пѣніе, исполненное шестьюстами и болѣе, мужественныхъ, звучныхъ голосовъ.

Эти многочисленныя и часто повторяемыя собранія, вмѣстѣ съ музыкальнымъ образованіемъ, входящимъ въ составъ всѣхъ степеней германскаго воспитанія, отъ сельскихъ школъ до университетовъ и даже воскресныхъ школъ для молодыхъ ремесленниковъ, эта универсальность, въ слѣдствіе которой музыка доступна и бѣдному, и богатому, знакома, сближая его со всѣми ощущеніями души, имѣютъ важныя выгоды и кромѣ того поддерживаютъ музыкальную славу Германіи.

Во Франціи также существуютъ подобныя общества, но только частныя и въ высшемъ кругу. Впрочемъ у Французовъ нѣтъ того, что, вѣроятно, послужило первымъ поводомъ къ образо-

ванію этихъ обществъ, а именно *хорнаго пѣнія*, которое составляетъ, вмѣстѣ съ проповѣдью, главнѣйшіе обряды протестантскаго богослуженія. Сердечной, такъ сказать, музыки, тихой, мелодической, вдохновляющей или вызывающей слезы на тысячи глазъ, у Французовъ не ищите.

Предшественникъ Гуммеля въ Веймарѣ былъ капельмейстеръ *Георгъ Бенда*, о развѣянности и странностяхъ котораго сохранились весьма забавные рассказы.

Бенда сочинялъ музыку къ оперѣ *Ромео и Юлія*, либретто которой было написано Готтеромъ. Однажды онъ просидѣлъ до третьяго часа ночи за одною арією; но, наконецъ, она удалась. Приведенный въ восторгъ успѣхомъ, Бенда взялъ подъ мышку свое маленькое, дорожное фортепіано, схватилъ фонарь и вовсе забывъ о времени побѣжалъ къ Готтеру.

Служанка, не зная, что случилось, крестясь впустила восторженнаго музыканта въ спальню своего господина.

— Кто тамъ?... Что тамъ?... вскричалъ Готтеръ, со страхомъ соскочивъ съ постели.

— Конечно! съ торжествующимъ видомъ отвѣчалъ Бенда.

— Что кончено?....

— Слушайте, слушайте!

Бенда положилъ фортепіано на столъ, съигралъ арію, обнявъ своего пріятеля, изумленіе или, лучше сказать, столбнякъ котораго онъ принялъ за восторгъ и преспокойно отправился домой.

Однажды онъ поѣхалъ съ женою въ Готу, навѣстить нѣкоторыхъ пріятелей. Въ Эрфуртѣ онъ имѣлъ дѣла, а потому пробылъ въ этомъ городѣ нѣсколько часовъ. Жена его воспользовалась этимъ временемъ, чтобы повидаться со знакомыми.

Бенда вернулся ранѣе жены въ гостиницу, велѣлъ заложить лошадей и преспокойно отправился далѣе.

Счастливо прибывъ въ Готу, онъ остановился у своего пріятеля.

— Отчего ваша жена не пріѣхала? съ сожалѣніемъ спросилъ послѣдній.

— Она пріѣхала со мною, спокойно возразилъ Бенда.

— Гдѣ же она?

— Кто?

— Ваша жена.

— Моя жена?.... Ахъ, чортъ возьми! вскричалъ Бенда, ударивъ себя по лбу, — я забылъ ее въ Эрфуртѣ.

Онъ тотчасъ же поѣхалъ за нею.

Обѣдая однажды у пріятеля, Бенда спросилъ его:

— Гдѣ вы покупаете ваше вино?

— Я выписываю его изъ Штеттина, съ французскаго корабля. Послѣ обѣда они пошли гулять.

Дорогой пріятель, недавно возвратившійся изъ путешествія, сталъ рассказывать, гдѣ онъ былъ и что видѣлъ.

Бенда слушалъ, по-видимому, очень внимательно, опустивъ обѣ руки въ карманы.

— На морѣ поднялась страшная буря, рассказывалъ пріятель, всѣ пассажиры были больны, я самъ думалъ, что не переживу мученій, которыя претерпѣвалъ; женщины плакали, визжали, мужчины валялись на палубѣ, въ каютахъ или ходили по вѣся головы.... ужасъ, да и только!... Но Господь сжаллся надъ нами, и на пятый день мы счастливо доплыли до Штеттина....

— Ага! вскричалъ Бенда, какъ бы проснувшись: изъ Штеттина! славное вино, славное вино!

Онъ не слышалъ ни одного слова изъ всего рассказа пріятеля....

Много еще достойныхъ, хотя и мѣше извѣстныхъ именъ украшаютъ памятники веймарскаго кладбища. Скончались люди, но дѣла ихъ живы, безсмертны..... Можно ли сомнѣваться въ безсмертіи души, когда даже земныя дѣйствія, земное проявленіе ея переживаетъ плоть и переходитъ изъ рода въ родъ?

Прекраснѣйшее развитіе общества и человѣческой души основано на вѣрованіи въ безсмертіе души. Видѣть Бога, быть еще орудіемъ Его милосердія, посредникомъ между Нимъ и людьми, вотъ награда, ожидающая праведныхъ: одна мысль о ней наполняетъ душу блаженствомъ и любовію.... Быть удаленнымъ отъ лица Всевышняго, вотъ страшное наказаніе злыхъ, наполняющее сердце ужасными мученіями: раскаяніемъ и отчаяніемъ....

Медленно возвращаясь съ кладбища, я повторялъ про себя стихотвореніе *Гуцкова*:

Ausgeweht hat milder West,
Herbst bringt trübe Wetter,
Schüttle, Baum, den welken Rest
Deiner letzten Blätter!

Offen ist einmal das Grab,
Alles geht zur Reige,
Streif auch du dies Blättchen ab
Vom erforb'nen Zweige!

Gehe hin, was sterben soll!
Aus des Winters Decken
Wird's der Frühling blüthenvoll
Um so früher wecken!

«Выдулъ теплый восточный вѣтеръ, осень несетъ пасмурную погоду; страхни, дерево, вялый остатокъ твоихъ послѣднихъ листьевъ!»

«Разверзлась могила, все клонится къ ней; сбрось и ты этотъ листокъ съ мертваго сучка!»

«Прости, чему умереть суждено! Изъ-подъ зимнаго покрыва тебя весна, въ полномъ цвѣтѣ, тѣмъ скорѣй пробудить!»

Отъ вѣчной обители я направилъ шагъ къ временнымъ жилищамъ людей, память которыхъ сохранилась въ исторіи Веймара.

Къ городскому дому, о которомъ я уже упоминалъ, примыкаетъ старинный домъ, построенный въ 1549 году, канцлеромъ *Христианомъ Брюкомъ*, зятемъ знаменитаго живописца *Луки Кранаха*, виттенбергскаго бургомистра, который провелъ послѣдніе годы своей жизни въ этомъ домѣ.

Лука Кранахъ, котораго настоящая фамилія *Зундеръ*, принялъ ту, подъ которой онъ извѣстенъ, отъ мѣстечка Кранахъ, близъ Бамберга, гдѣ онъ родился въ 1478 году. Въ 1504 году поступилъ онъ на службу саксонскаго курфюрста Фридриха Мудраго, старшаго сына Эрнеста, родоначальника эрнестинской линіи. Фридрихъ Мудрый основалъ виттенбергскій университетъ, пригласилъ туда Лютера и былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ его.

Картины Кранаха, особенно его портреты Лютера, весьма замѣчательны по тщательной отдѣлкѣ. Въ свое время Кранахъ пользовался славою достойнаго наслѣдника Альберта Дюрера. Одинъ изъ современниковъ, приведенный въ восторгъ портретомъ Лютера, наввино восклицаетъ:

«..... Лютеръ какъ живой! По портрету его можно видѣть, что въ покоѣ, въ которомъ онъ находился, были окна съ круглыми стеклами, ибо они отражаются въ зрачкахъ Лютера.»

Чтобы достойнымъ образомъ почтить своего придворнаго живописца, Фридрихъ Мудрый пожаловалъ ему въ 1508 году гербъ, часто встрѣчающійся вмѣсто подписи подъ картинами Кранаха. Въ дипломѣ гербъ этотъ описанъ слѣдующимъ образомъ:

«..... Желтый щитъ, въ немъ черная змѣя, имѣющая посреди черныя крылья летучей мыши, на главѣ черную корону, а во

рту золотой перстенецъ, и въ ономъ рубинчикъ. и на щитѣ шлемъ съ чернымъ и желтымъ забраломъ, и на шлемѣ желтый букетъ изъ тернія сплетенный, но на немъ змѣя, такожде въ щитѣ;— дабы онъ и законные его наслѣдники и оныхъ наслѣдниковъ на вѣчныя времена симъ украшеніемъ и гербомъ владѣли, и во всѣхъ честныхъ случаяхъ, въ шутку и въ правду, въ ссорѣ, бояхъ, сраженіяхъ и войнахъ, на палаткахъ, утвари, печатяхъ и перстняхъ, на крещеніяхъ, свадьбахъ и погребеніяхъ, имъ пользовались» и такъ далѣе.

Курфюрстъ подарилъ кромѣ того своему любимцу нѣсколько домовъ и даровалъ ему привилегію на церковь, заведенную въ Веймарѣ, аптеку.

Во время похоронъ Фридриха Мудраго, Кранаху была поручена раздача денегъ бѣднымъ. Живописецъ пережилъ еще одно-го курфюрста, Іоганна Постойнаго, и всю душою привязался къ наслѣднику его, Іоганну-Фридриху.

Послѣдній курфюрстъ былъ несчастливъ. Императоръ Карлъ Пятый, преслѣдовавшій протестантовъ, вступилъ съ многочисленною арміею въ Саксонію. Іоганнъ-Фридрихъ сопротивлялся мужественно, но подавленный множествомъ, утомленный и равенный, былъ взятъ въ плѣнъ.

Пораженіе смирило гордость курфюрста; явившись передъ императоромъ, онъ поцѣловалъ руку его и сказалъ:

— Могушественный и всемогущѣйшій государь, теперь я вашъ плѣнникъ и, надѣюсь...

— Ага! теперь ты называешь меня всемогущѣйшимъ государемъ твоимъ! гнѣвно перебилъ его императоръ: давно ли ты не признавалъ моей власти?

Супруга Іоганна-Фридриха скрылась въ Виттенбергѣ и мужественно отстояла этотъ городъ. Карлъ Пятый отступилъ; но, раздраженный неуспѣхомъ, созвалъ военный совѣтъ, подлѣ предсѣдательствомъ жестокаго герцога Альбы, и приказалъ судить плѣнника.

Между тѣмъ Карлъ Пятый, любившій искусства и уважавшій личныя достоинства Кранаха, призвалъ его къ себѣ.

Художникъ явился, но милостивый пріемъ побѣдителя не могъ разсѣять печали его. Желая показать, что и онъ умѣлъ цѣнить талантъ, императоръ предложилъ Кранаху свое покровительство.

— Одной милости прошу у васъ, государь! съ чувствомъ произнесъ семидесятилѣтній старецъ: возвратите свободу курфюрсту, моему благодѣтелю!...

— Старикъ! съ неудовольствіемъ возразилъ Карлъ-Пятый: кур-

фирстѣ въ рукахъ правосудія... проси за себя, а не за другихъ!

Кранахъ съ грустію опустилъ голову.

Императоръ наполнилъ серебряную тарелку червонцами и приказалъ отдать ее художнику. Старикъ взялъ одну только монету.

— Государь! сказалъ онъ: мнѣ не прилично принимать награду изъ рукъ, карающихъ моего благодѣтеля. Позвольте мнѣ сбросить одну эту монету на память вашей милости...

Карлъ Пятый пожалъ плечами. Послѣ минутнаго молчанія, онъ опять обратился къ Кранаху.

— Я беру тебя къ своему двору, сказалъ онъ, не только какъ искуснаго живописца, но и какъ друга, какъ признательнаго и вѣрнаго слугу.

— Государь, возразилъ Кранахъ, если вы хотите, чтобы я сохранилъ имя признательнаго и вѣрнаго слуги, то позвольте мнѣ послѣдовать за моимъ курфирстомъ въ заточеніе.

Карлъ-Пятый отвернулся съ досадою.

Съ того часа Кранахъ сдѣлался добровольнымъ плѣнникомъ.

Два дня спустя, въ то самое время, когда живописецъ и курфирстѣ играли въ шахматы, въ темницу послѣдняго вошелъ герцогъ Альба.

— Курфирстѣ, произнесъ онъ холоднымъ голосомъ, остановившись въ дверяхъ: готовься!

— Къ чему? спросилъ Іоганнъ-Фридрихъ.

— Къ смерти!

Кранахъ поблѣднѣлъ.

— Военный совѣтъ призналъ тебя виновнымъ, продолжалъ герцогъ.

— Когда казнь? спросилъ курфирстѣ спокойно.

— Завтра.

— Такъ пришлите мнѣ сегодня вечеромъ пастора, да поблагодарите отъ меня Карла за скорое рѣшеніе.

Герцогъ, изумленный мужественнымъ спокойствіемъ плѣнника, удалился.

Кранахъ рыдая бросился къ ногамъ своего благодѣтеля.

— Полно, другъ мой! Слезы приличны женщинамъ, сказалъ послѣдній: вставай!

Живописецъ всталъ; но, удрученный горестью, въ изнеможеніи опустился на стулъ.

— Тебѣ ходить, сказалъ курфирстѣ, спокойно принимаясь за шахматы.

Въ тотъ же день Карлъ Пятый приказалъ сказать Іоганну-Фридриху, что помиуетъ его, если онъ уступитъ ему Виттен-

бергъ. Долго отказывался курфирстѣ, но наконецъ, уступилъ просьбамъ и слезамъ родныхъ и приближенныхъ.

Карлъ V съ торжествомъ вступилъ въ Виттенбергъ и поступилъ великодушнѣе, нежели прежде. Онъ удивился, что во всѣхъ церквахъ было прекращено лютеранское богослуженіе, и посѣтилъ могилу Лютера. Испанскіе полководцы совѣтовали ему вырвать останки реформатора и сжечь ихъ.

— Я воюю не съ мертвыми, возразилъ Карлъ: пусть прахъ его покоеся съ миромъ, душа его предъ престоломъ Всевышняго Судія...

Іоганнъ-Фридрихъ, лишенный курфиршескаго званія, сдѣлалъ всюду за побѣдителемъ, какъ живой трофей. Кранахъ не отставалъ отъ него, отказавшись отъ жалованья и всѣхъ преимуществъ придворнаго живописца. Все имѣніе свое раздѣлилъ онъ между дѣтьми.

Наконецъ въ 1552 году курфирстѣ вернулся въ Веймаръ послѣ тягостнаго, унижительнаго плѣна. Кранахъ поселился въ домѣ Брюка и годъ спустя, въ октябрѣ 1553 года скончался, за четыре мѣсяца до кончины курфирста...

Чему болѣе удивляться: привязанности ли живописца или великодушію курфирста, заслужившаго эту привязанность?

Кранахъ находился въ тѣсной дружбѣ съ Лютеромъ, былъ свидѣтелемъ на свадьбѣ послѣдняго, крестнымъ отцомъ перваго сына его. Замѣчательно, что Лютеръ, при переводѣ Апокалипсиса затруднялся въ названіи драгоценныхъ камней. Кранахъ помогалъ ему въ этомъ случаѣ, освѣдомляясь въ сокровищницѣ курфирста. Украшая переводы Библии рисунками, Лука Кранахъ не мало содѣйствовалъ распространенію реформациі.

Сынъ Кранаха, также живописецъ и бургомистръ въ Виттенбергѣ, шель по стопамъ отца, но менѣе извѣстенъ, быть можетъ, потому, что произведенія его часто приписываютъ отцу его...

На Городскомъ домѣ, находящемся возлѣ дома, въ которомъ жилъ Кранахъ, и на нѣкоторыхъ другихъ зданіяхъ и памятникахъ я замѣтилъ латвскія литеры:

V. D. M. I. Æ.

Это девизъ саксонскихъ курфирстовъ и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ владѣтелей, послѣ реформациі:

Verbum Domini Manet In Æternum.

Слово Господне пребываетъ во вѣкъ.

Буквы эти были вышиты на правомъ рукавѣ одежды курфирстовъ и всѣхъ придворныхъ.

Левизъ этотъ находился и подъ гербомъ герцога Ульриха Виртембергскаго.

За громадною церковью, доживающею пятое столѣтіе, находится домъ, въ которомъ жилъ Гердеръ.

Въ темную осеннюю ночь, въ 1776 году, у этого дома остановился дорожный экипажъ, изъ котораго вышелъ мужчина въ цѣвѣхъ лѣтъ, съ двухлѣтнимъ мальчикомъ на рукахъ; за нимъ слѣдовала молодая жена съ груднымъ ребенкомъ.

Это былъ Гердеръ со своимъ семействомъ, пріѣхавшій по приглашенію герцогини занять покой, съ которыми познакомили его уже юморстическія письма Гёте.

Только унылая пѣснь ночнаго стража привѣтствовала въ эту минуту пріѣзжаго... Но за то утромъ въ квартиру его явились люди, съ которыми ему суждено было прославить Веймаръ, прославить свой вѣкъ...

II. Фурманнъ.

ДѢТСТВО ШЕКСПИРА.

(РАЗСКАЗЪ ТИКА.)

I. Домъ въ Стратфордѣ.

Въ началѣ іюля, замѣтно было всеобщее движеніе въ окрестностяхъ Кенильворта. Блестящіе праздники, которые лордъ Лейчестеръ приготовлялъ въ честь королевы Елисаветы, возбуждали любопытство каждаго. Старики, дѣти, молодые люди, женщины, всѣ свѣшались въ дорогу, кто вѣшкомъ, кто верхомъ, кто въ экипажѣ. Въ одномъ только маленькомъ домѣ въ Стратфордѣ на Авопѣ, все было по-прежнему тихо, спокойно. Мрачный характеръ хозяина, говорившаго всегда отрывисто, наводилъ страхъ на всѣхъ домашнихъ; поэтому и разговоръ ихъ былъ всегда однообразный, разсчитанный.

Физиономія этого угрюмаго человѣка, которому было не болѣе тридцати шести лѣтъ, становилась мрачнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ, сводя счеты должниковъ своихъ, находилъ, что итогъ не покрываетъ его собственнаго долга. Жена его, сидѣвшая у окна, которое она открыла, чтобъ освѣжить воздухъ небольшою и низкой комнаты, отводила по временамъ глаза отъ работы, и раскланивалась съ прохожими, свѣшавшимися на праздникъ въ Кенильвортъ.

— Эта торговля шерстью, вскричалъ хозяинъ, требуетъ тѣмъ болѣе хлопотъ, чѣмъ менѣе отъ нея выгоды. У меня довольно собственныхъ моихъ дѣлъ; мнѣ некогда заниматься городскими. У другихъ больше свободнаго времени!

— Кто это тамъ кричитъ? прибавилъ онъ.

— Это кумъ нашъ, Томасъ Натавай, отвѣчала съ кротостію жена: весельчакъ, умѣетъ пользоваться жизнію!

— Гаупецъ, возразилъ мужъ. Найдеть слово для каждаго. Но попроси у него совѣта, онъ будетъ чѣмъ какъ рыба.

Вильямъ, старшій сынъ, двѣнадцати лѣтъ, вошелъ робко въ комнату и сталъ въ уголокъ съ книгой въ рукахъ.

— Чтò тебѣ надобно? спросилъ его отецъ.

— Маленькія сестры, отвѣчалъ мальчикъ; такъ шумятъ, что я не могу заниматься.

— Заниматься! повторилъ отецъ, дѣлая удареніе на этомъ словѣ: да, совѣтую тебѣ заниматься лучше, ты до-сихъ-поръ немного заботился о своей пользѣ.

Глубокое молчаніе послѣдовало за этими словами. Отецъ сводилъ счеты, Вильямъ занимался чтеніемъ, а мать смотрѣла долго, съ трогательною вѣжностію на сына, не смѣя произнести ни слова. Время отъ времени Вильямъ бросалъ умоляющій взоръ на мать, но она качала ему отрицательно головой, чтобъ показать, что еще не время.

— Войдите! вскричалъ грубо отецъ. Чтò за шумъ такой?

— Это я, любезный Шекспиръ, отвѣчала молодой человѣкъ, входя въ комнату.

Это былъ тотъ же самый Томасъ Натавай, который, не задолго передъ тѣмъ, прошелъ мимо окна и пѣлъ во все горло.

— Не помѣшалъ ли я вамъ?

— Нѣтъ, возразилъ Шекспиръ съ досадою, оставивъ свои счета. Я думалъ, что вы уже въ дорогѣ.

— Сестра еще не докончила своего туалета; вѣдь это не такъ-то скоро дѣлается. А вы? Впрочемъ, я знаю, что вы не любите этихъ дурачествъ, какъ вы ихъ называете.

— И конечно; я не пошелъ бы и въ томъ случаѣ, если бы былъ свободенъ; но я долженъ ѣхать, и раньше четырехъ дней не возвращусь домой.

— Вотъ и прекрасно. Такъ вы позволите намъ увезти вашего Вильяма, о которомъ мы будемъ заботиться, какъ о нашемъ родномъ сынѣ.

— А! вскричалъ отецъ, да я замѣчаю, что это уже нѣсколько дней бродитъ у всѣхъ васъ въ головѣ, не исключая и матери. Этотъ мальчикъ не только худо учится, да еще на-

поплетъ свою голову романами и разными другими бреднями. Онъ даже не приготовилъ своихъ уроковъ.

— Но вѣдь на этой недѣлѣ нѣтъ классовъ.

— Все равно; онъ не пойдетъ!

Мать встала, тяжело вздохнувъ; однако Томасъ, взявъ руку Шекспира, сказалъ:

— Любезный другъ, быть-можетъ пройдутъ столѣтія прежде, чѣмъ повторится подобный праздникъ. Приготовленія, сдѣланныя знаменитымъ лордомъ, превышаютъ всякое описаніе.

Въ это время молодая и хорошенькая восемнадцатилѣтняя дѣвушка просунула свою голову въ полу-растворенную дверь, и спросила съ привѣтливою улыбкою:

— Можно войти?

— Войди, Анна, сказалъ ей Томасъ: и помоги мнѣ уговорить нашего угрюмаго друга, чтобъ онъ отпустилъ съ нами своего сына.

Стройная дѣвушка вошла въ комнату припрыгивая и, положивъ свою бѣлую, полную ручку на плечо хозяина, лицо котораго немного прояснилось, сказала:

— Когда же наконецъ я увижу васъ въ веселомъ расположеніи духа?

— Смѣшныя вы люди! вскричалъ Шекспиръ, вы хотите тронуть меня вашими ласками; но жестоко ошибаетесь. Мальчикъ, котораго вы видите, и безъ того обращаетъ мало вниманія на серьезное и полезное. Я часто застаю его на чердакѣ, гдѣ онъ учитъ стихи и декламируетъ ихъ вслухъ. Оставьте меня въ покоѣ! Мысль, что одинъ изъ сыновей моихъ будетъ обучаться этому постыдному ремеслу, меня пугаетъ. И безъ того слишкомъ много молодыхъ людей, которые расположены къ распутству; но для меня непостижимо, что есть родители — христіане, которые добровольно на это соглашаются.

При этихъ словахъ Вильямъ покраснѣлъ и, отбросивъ назадъ свои бѣлокурые локоны, задумчиво смотрѣлъ на отца.

— Нѣтъ, мой сынъ, продолжалъ отецъ; я увѣренъ, что ты не дойдешь до этого сумасбродства. Я тебя слишкомъ хорошо воспиталъ.

— Поэтому, любезный батюшка, возразилъ Вильямъ кроткимъ голосомъ: позвольте же мнѣ присутствовать на праздникѣ, который будетъ данъ при дворѣ. Я обещаю вамъ заниматься прилежнѣе.

— Нашъ дялюшка Стрэнджъ съ женою и съ сестрою будутъ смотрѣть за всѣми нами, сказалъ Томасъ.

— О дѣти! о сумасброды! отвѣчалъ Шекспиръ, сопровождалъ эти слова принужденнымъ смѣхомъ. У Вильяма такія слабыя ноги, что онъ будетъ не въ состояніи слѣдовать за вами.

— Они пойдутъ тихимъ шагомъ, возразила мать, которая также присоединилась къ этой умоляющей группѣ. Къ тому же онъ крѣпче, нежели кажется на видъ. Онъ мастерски бѣгаетъ и прыгаетъ на улицѣ. Но случай къ тому такъ рѣдко представляется.

Анна между тѣмъ поцѣловала хорошенькаго мальчика.

— Папа Шекспиръ! сказала она улыбаясь, вы знаете, что Вильямъ мой маленькій мужъ, мое сокровище! Онъ мнѣ принадлежитъ столько же, сколько и вамъ. Мы уже давно обручились, и такъ какъ я иду въ Кенпльвортъ, то и онъ долженъ идти, чтобъ наблюдать за мною.

Смущенный Вильямъ старался вырваться изъ рукъ Анны.

— Оставьте же меня, сказалъ онъ обиженнымъ тономъ: вы знаете, что я не люблю этихъ шутокъ. Я слишкомъ малъ для васъ, а когда я доживу до того времени, что мнѣ можно будетъ жениться, то у васъ будутъ такія же большія дѣти, какъ я.

— Злой мальчикъ, отвѣчала она, дѣлая видъ, будто сердится, и ударивъ его по плечу. Чтѣ ты толкуешь о дѣтяхъ? Я подожду, чтобъ ты возмужалъ, и сдѣлаюся умнѣе. Я никогда не буду женою другаго!

Говоря это, она еще поцѣловала его, не смотря на сопротивленіе.

— Да, мой милый, продолжала она кроткимъ, но торжественнымъ тономъ: увидишь, что ты будешь мовимъ мужемъ; но я постараюсь не слишкомъ состарѣться къ тому времени. Почтенный и достойный отецъ твой будетъ тогда моимъ тестемъ и будетъ давать намъ полезные совѣты. Кстати, знаете ли вы замѣчательный сонъ, который приснился Вильяму нынѣшнюю весну? Онъ только разсказалъ его своей матери и мнѣ.

— Сонъ? возразилъ отецъ вопросительнымъ тономъ. Посмотримъ, чтѣ это такое?

— Вильямъ купилъ во снѣ, отвѣчала Анна, тотъ прекрасный домъ, который называется Большимъ и находится на Большой улицѣ противъ часовни. Меблировка въ немъ была самая изящная и роскошная. Вы переселились жить въ этотъ домъ, и Вильямъ велѣлъ повѣсить надъ дверями вашъ гербъ, мечъ съ серебрянымъ оконечникомъ на красномъ полѣ. Этотъ домъ такъ увеличился и такъ прославился, что сама королева хотѣла прѣхать къ вамъ въ гости, провести въ Стратфордъ

нѣсколько дней, и за неизвѣстнѣмъ лучшаго помѣщенія должна была остаться у васъ *.

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ отецъ улыбаясь. Вотъ какія вещи ему видятся по снѣ. Ну такъ и быть! я согласенъ; пусть онъ идетъ съ вами, потому-что онъ былъ умнѣ вчера и сегодня.

Всѣ присутствовавшіе обнаружили непринужденную радость. Одинъ только Вильямъ отвернулся со слезами на глазахъ, и пошелъ въ уголокъ комнаты, чтобъ скрыть свое смущеніе.

— Вы слишкомъ добры и снисходительны ко мнѣ, любезный батюшка!

— Нѣтъ! сынъ мой, ты это заслужилъ. Потомъ, обратившись къ другимъ, онъ прибавилъ: вотъ книга, которою Вильямъ постоянно занимался со вчерашняго дня.

Тутъ послѣдовало молчаніе, во время котораго отецъ перелистывалъ книгу; вдругъ, задрожавъ отъ гнѣва, онъ бросилъ ее на полъ и началъ топтать ногами.

— Нѣтъ, сказала онъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ: нѣтъ, онъ негодяй! учителя жалуются на него! Тогда какъ товарища его идутъ въ школу, онъ стоитъ на мосту, смотритъ въ воду, заставляетъ себѣ рассказывать сказки и бредить Гіемъ и Бѣвомъ. Я думалъ, что это грамматика или кака-нибудь латинская книга, но вижу, что это поэмы сумасброда, сумасшедшаго солдата, Гасгойна! Этотъ праздношатающійся шутъ изъ числа тѣхъ людей, которые проводятъ жизнь, обманывая другихъ и сочиняя пустые стихи. Прежде онъ сочинялъ глупости, потомъ занимался грабительствомъ въ Голландіи, а теперь возвратился снова поэтомъ, извѣстнымъ поэтомъ, то есть извѣстнымъ глупцомъ и бродягой. Я разъ отнял у Вильяма эту проклятую книгу, а онъ снова взялъ ее. Положи, я справлюсь съ тобой! Отправляйся сейчасъ же на верхъ, въ комнату, и не смѣй выходить оттуда до моего возвращенія изъ Бристоля. Обѣдать ты будешь также на верху одинъ и не долженъ видѣть ни братьевъ, ни сестеръ, ни мнѣмыхъ твоихъ друзей. Чтобъ всѣ латинскіе уроки были приготовлены до моего возвращенія.

Всѣ просьбы въ пользу Вильяма были тщетны. Отецъ взялъ за руку сына и заперъ его въ небольшой комнатѣ.

* Этотъ сонъ, приписанный въ дѣтствѣ Шекспиру, есть дѣйствительная жизнь его. Известно также, что Анна Галлей была его суроугою.

II. Побѣда.

Шекспиръ въ тотъ же вечеръ выѣхалъ изъ города съ однимъ изъ своихъ друзей, а сосѣди его еще не отправлялись въ дорогу. Анна, убѣдивъ старика Стрэнджа подождать немного, пошла съ Томасомъ еще разъ посоветоваться съ мистриссъ Шекспиръ, которую неприятное происшествіе, случившееся съ сыномъ, крайне обезпокоило. Неожиданная радость и внезапный испугъ могли легко разстроить здоровье этого нѣжнаго и чувствительнаго ребенка, который, въ своей однообразной и уединенной жизни, не испытывалъ никогда такихъ огорченій. Съ отчаянія мальчикъ катался по полу, плакалъ, рыдалъ и произносилъ то угрозы, то жалобы. Томасъ былъ того мнѣнія, что на этотъ разъ можно было не исполнить во всей строгости приказанія раздраженнаго отца, тѣмъ болѣе, что онъ сначала позволилъ мальчику сопровождать ихъ и что отчаяніе могло довести его до крайности. Анна сперва испугалась этой мысли, но потомъ обрадовалась ей. Она совѣтовала только не говорить отцу, что сынъ выходилъ изъ комнаты. Мистриссъ Шекспиръ, благодаря ихъ за расположеніе къ сыну, принуждена была однако жалѣть, что стратфордскіе жители могли увидѣть мальчика и открыть ихъ тайну отцу.

— Не безпокойтесь объ этомъ, отвѣчалъ Томасъ, но постарайтесь только скрыть это въ первый вечеръ, чтобъ онъ не излилъ на васъ всего своего негодованія. На другой день мы его сведемъ къ господину Люси, котораго онъ такъ уважаетъ, и который имѣетъ на него такое вліяніе. Все кончится полюбовно, и вашъ бѣдный сынъ, по-крайней-мѣрѣ, воспользуется удовольствіемъ и будетъ имѣть хоть одно пріятное воспоминаніе въ своей скудной и однообразной жизни и съ большею твердостью перенесетъ гнѣвъ отца.

Они пошли въ комнату Вильяма. Онъ сидѣлъ блѣдный съ заплаканными глазами и читалъ книгу.

— Какъ ты себя чувствуешь, сынъ мой? спросила его мать.

— Я былъ виноватъ, отвѣчалъ мальчикъ, но отецъ мой такъ же не правъ, заставляетъ меня только дѣлать пчисленія, учить грамматику, заниматься законами, чтобъ впоследствии быть писаремъ какого-нибудь странчаго или купца. Мнѣ запрещено стоять на мосту, любоваться видами и смотрѣть на воду; я не смѣю, какъ товарищи мои, бѣгать по деревнѣ. Мнѣ не даютъ

на малѣйшей свободы, заниматься тѣмъ, къ чему есть охота.
— Успокойся, мой милый, возразила Анна: ты пойдешь съ нами сегодня же вечеромъ! Мать твоя согласна, а Томась и я беремъ на себя всю отвѣтственность.

Изумленный мальчикъ смотрѣлъ на нихъ, то блѣднѣя, то краснѣя. Радостныя слезы полились изъ глазъ его; онъ поспѣшно отеръ ихъ и бросился въ объятія Анны.

— Вы никогда не были такъ прекрасны, какъ въ эту минуту, вскричалъ онъ: и потому позволяю вамъ называть меня вашимъ маленькимъ мужемъ во время нашего путешествія и обещаю не сердиться за то. Поцѣлуйте меня, моя милая супруга, а болѣе не сопротивляюсь вамъ.

Онъ произнесъ съ важною эти послѣднія слова. Анна, держа одной рукой голову Вильяма, другою перебирая его блондурые, шелковистые волосы, цѣловала его, смѣясь и прыгая.

Мистриссъ Шекспиръ сдѣлала имъ еще нѣсколько замѣчаній. Потомъ, взявъ съ собою все нужное, наши путешественники пустились въ дорогу. Они должны были зайти въ ближнюю деревню за старикомъ Стрэнджемъ и его семействомъ, которые ожидали ихъ съ нетерпѣнiемъ.

III. Путешествiе.

Вотъ наше веселое общество въ дорогѣ. Къ вечеру они были въ небольшое селенiе, находящееся между Стратфордъ и Варвикомъ. Тамъ они осмотрѣли церковь и варвикскiй замокъ. Вильямъ былъ внѣ себя отъ восторга.

— Не усталъ ли ты? спросила его Анна.

— О нѣтъ, нисколько. Какъ приятно путешествовать, видѣть новые города, замки! Я не имѣлъ понятiя объ этомъ! Видѣли ли вы въ окошкѣ замка рѣчку Авоунъ и уединенно стоящую мельницу? Слышали ли вы пѣнiе птицъ, невнятный ропотъ деревьевъ и журчанiе воды? Здѣсь жилъ знаменитый и могущественный Варвикъ, котораго постигла такая ужасная смерть! А великанъ Ги, предокъ славныхъ князей, вотъ здѣсь онъ жилъ долго анахоретомъ. О, какъ великъ этотъ Ги, неустрашимый рыцарь-великанъ! Онъ побѣдилъ чудовище, и изъ простаго и бѣднаго оруженосца сдѣлался зятемъ богатаго и знаменитаго князя. Но когда онъ достигъ величiя, совѣсть въ немъ

заговорила, и онъ рѣшился отправиться въ Иерусалимъ и нѣсколько лѣтъ сражался тамъ съ врагами христіанства. Наконецъ, послѣ продолжительнаго отсутствiя, онъ возвращается на родину, видитъ уже свой замокъ, но скалы и волшебныя пещеры поражаютъ его воображенiе. Сердце его наполняется вѣрою; онъ поселится здѣсь жить анахоретомъ и всякій день приходитъ просить милостину у своей прекрасной и добродѣтельной супруги. Эта послѣдняя наконецъ узнаетъ его и выслушиваетъ рассказъ о его подвигахъ. Много лѣтъ прошло послѣ того; наконецъ, предчувствуя приближенiе своей смерти, онъ посылаетъ за своей супругой и велитъ доставить ей обручальное кольцо. Она приходитъ и видитъ его—мертвaго.

— Это ужасно, но трогательно!

Наши путешественники отдыхали, сидя подъ тѣнью густаго дерева.

Анна, смотрѣвшая пристально на Вильяма, вдругъ расхохоталась.

— Ребенкомъ, сказала она, и ты вѣришь всѣмъ этимъ сказкамъ.

— Мнѣ все равно, отвѣчалъ Вильямъ: если это и чистый вымыселъ, лишь бы мнѣ вѣрилось. Во всякомъ случаѣ онъ основанъ на чемъ-нибудь. Развѣ вѣра, которая служила утѣшенiемъ нашихъ предковъ, можетъ быть вымысломъ? Это была первая исторiя, которую я слышалъ отъ матушки, когда еще былъ ребенкомъ трехъ лѣтъ. Я помню рассказъ ея о томъ, какъ она посѣщала эту страну. И Генрихъ V, герой азинкурскiй, также ходилъ на поклоненiе въ эту пещеру, какъ набожный странникъ. Видно, что и онъ вѣрилъ, иначе зачѣмъ было и ходить ему; но мы считаемъ себя умнѣе и разумнѣе величайшаго изъ англійскихъ героевъ.

По мѣрѣ того, какъ они приближались къ Кенильвурту, толпа все увеличивалась. Дворяне, мѣщане и простой народъ встрѣчались, сталкивались и расходились въ разныя стороны, одни побуждаемые выгодною, другіе просто изъ любопытства; многіе проводили ночь подъ открытымъ небомъ, не имѣя пріюта; другіе укрывались въ лѣсу, потому-что всѣ комнаты, даже чердаки и погреба, были заняты. Наши странники остались бы также безъ пріюта, если бы старикъ Стрэнджъ не нанялъ, еще два мѣсяца тому назадъ, маленькую квартиру у одного лѣсничаго.

Семейство лѣсничаго и посѣтители ихъ не могли нахвалиться чудесами, которыхъ они были свидѣтелями: торжественнымъ шествiемъ королевы и ея свиты, роскошью дамскихъ

нарядовъ и великолѣпнѣмъ мужскихъ. Давали разныя аллегорическія представленія, составленныя изъ всего, что только можетъ придумать воображеніе, соединенное съ искусствомъ. Богини приносили дары королевѣ. Всякій сочинялъ и пѣлъ стихи, и королева принимала всѣхъ и все съ особенною благосклонностію и говорила каждому ласковое слово.

На другой день (это было въ понедѣльникъ) все общество рано утромъ отправилось въ путь. Ночью было чрезвычайно жарко, и хотя небо было покрыто тучами, но днемъ жаръ не уменьшился.

Королева объявила, что она намѣрена провести этотъ день въ комнатахъ дворца, чтобъ избѣжать жара, и потому благородный лордъ приказалъ отложить всѣ праздничныя церемоніи; только къ вечеру назначена была охота на оленей. Охота же на медвѣдей и всѣ другія увеселенія были отложены на слѣдующіе дни.

Наше общество съ трудомъ пробиралось сквозь толпу, особенно по близости большихъ дорогъ. Путешественники встрѣчались на каждомъ шагѣ, кто пѣшкомъ, кто верхомъ; прислуга лордовъ, свита дворянъ—все это толпилось, толкалось, ругалось, кричало, смѣялось.

Вдругъ, на одномъ перекресткѣ, Вильямъ исчезъ. Его искали, гдѣ только можно было, кричали во все горло, но все напрасно! Томасъ былъ огорченъ, а Анза была въ отчаяніи. Но ни она, ни Томасъ не могли придумать средства, какъ бы нагнать Вильяма и увидѣли себя принужденными оставить его на произволъ судьбы. Однако Стрэнджъ вскричалъ:

— Этотъ мальчишка мнѣ давно надоѣлъ, онъ ужъ разъ пропадалъ; зачѣмъ онъ зѣваетъ? Пойдемте дальше и не будемъ думать объ немъ. Сегодня вечеромъ мы всѣ сойдемся у лѣснаго чаго.

IV. Эхо.

Вильямъ отсталъ отъ своего общества не безъ умысла. Строгій за нимъ надзоръ казался ему непріятнымъ уже во время самаго путешествія. Это былъ первый его выходъ; лѣса, горы, замки съ ихъ памятниками, потомъ великолѣпные праздники, яркіе лучи солнца, придававшіе еще болѣе блеска красотѣ придворныхъ кавалеровъ и дамъ въ роскошныхъ нарядахъ и, въ противоположность имъ, грубыя и часто смѣшныя лица поселянъ, — все это

воспламенило его молодое воображеніе. Онъ находилъ удовольствіе проходить мимо этихъ группъ на свободѣ и не давать никому отчета въ своихъ поступкахъ; ему наскучило слушать пустословіе своихъ спутниковъ. Думая притомъ найти домъ лѣснаго чаго безъ всякаго проводника, онъ извинялъ свое поведеніе.

Сверхъ того онъ замѣтилъ въ лѣсу дикаго, полу-нагаго чело-вѣка, увѣчаннаго цвѣтами, плетемъ, мхомъ и дубовыми листьями, который былъ одѣтъ Фавномъ и держалъ въ одной рукѣ большую булавку. Лицо этого чело-вѣка казалось ему знакомымъ. Воспользовавшись вновь нахлынушею толпою, онъ отступилъ назадъ и, пока спутники его разсматривали странные наряды комедіантовъ, онъ пустился бѣжать изъ всѣхъ силъ въ противоположную сторону, оглядываясь по временамъ, чтобъ удостовѣриться, не преслѣдуютъ ли его. Пробѣжавъ довольно большое пространство, онъ пошелъ въ уединенную рощу. Тамъ не было толпы; народъ весь бросился къ замку и къ городу. Не смотря на то, что мысль о дикомъ заставляла его невольно вздрагивать, любопытство влекло его все впередъ, въ чашу лѣса. Наконецъ, до него уже не доходилъ шумъ толпы и стукъ экипажей. Онъ сталъ прислушиваться и услышалъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ звонкимъ и чистымъ голосомъ. Онъ слѣ-залъ нѣсколько шаговъ и вконецъ очутился возлѣ дикаря, который сидѣлъ у хижины, составленной изъ древесныхъ вѣтвей, досокъ и ковра. Возлѣ него стоялъ мальчикъ, который казался больнымъ и недовольнымъ. Вильямъ и дикій смотрѣли во всѣ глаза другъ на друга; послѣдній, который былъ чело-вѣкъ крѣпкаго, здороваго сложенія и высокаго роста, всталъ. Вънокъ, надѣтый на его головѣ, густыя и сросшіяся брови, исполненные жизни глаза, черныя и густыя локоны, покрытые мхомъ, плоть, обвивавшій его плечи, саидали и ноги плотно обтянутыя матеріей тѣльнаго цвѣта—все это придавало ему странный и поразительный видъ.

— Кто ты такой? И чего ты хочешь отъ меня? закричалъ онъ удивленному мальчику.

— А кто ты самъ, дикарь? спросилъ его въ свою очередь Вильямъ безъ страха.

При этихъ словахъ раздался громкій хохотъ.

— Ты меня и въ самомъ дѣлѣ принимаешь за настоящаго дикаря? Но, мой милый, это только маскарадное платье, въ которомъ я долженъ явиться къ нашей королевѣ. Я думаю, если бы ты зналъ, что я знаменитый Гасгойнгъ, ты обошелся бы со мною поучтивѣе. Всѣ тѣ, которые меня знаютъ какъ поэта, а за границей какъ воина, зовутъ меня этимъ именемъ.

— Как! вскричалъ Вильямъ, нѣсколько оправившись: неужели ты повѣстный и прекрасный сочинитель: *Tam Marte quam Mercurio?*

— Ну да, конечно, дитя мое, возразилъ Фавнъ, польщенный этимъ вопросомъ. Да развѣ ты обо мнѣ слышала? Мои поэмы тебѣ знакомы?

— И очень, возразилъ мальчикъ. Мнѣ много доставалось за нихъ отъ моего отца, который полагаетъ, что я теряю время, читая ваши превосходные стихи.

— Твой голосъ чистъ и звученъ, но слабъ. Произнеси что-нибудь такъ громко, какъ только можешь, но чтобъ было внятно.

Вильямъ повиновался. Дикарь, выслушавъ его, началъ прыгать и пѣть отъ радости, махая своею булавою.

— Нашелъ! вскричалъ онъ, нашелъ; судьба сжалась надъ бѣднымъ поэтомъ и послала мнѣ тебя, мой ангелъ; ты избавилъ меня отъ отчаянія и стыда. Позволь мнѣ поцѣловать тебя, моя радость; но смотри, поосторожься, не сотри моихъ румянь и не испорти моей прически, слышишь ли? Онъ прижалъ Вильяма къ своей груди и сказалъ большому мальчику:

— Ты, хилый, войди въ хижину, поѣшь, попей, закутайся хорошенько, постарайся согрѣться; вечеромъ ты можешь вернуться къ твоимъ роднымъ.

Мальчикъ повиновался.

— Видишь ли, любезный другъ, продолжалъ Гасгойнъ, вчера поздно вечеромъ нашъ Робертъ Дудлей, графъ лейчестерскій прислалъ мнѣ сказать, что онъ проситъ меня сочинить нѣсколько строфъ въ похвалу нашей королевы и желаетъ, чтобъ стихи были сказаны Сильваномъ; онъ отмѣнилъ всѣ увеселенія и назначилъ охоту въ лѣсу. Я въ торопяхъ сочинилъ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ эхо играетъ въ послѣднюю роль. Въ этомъ сочиненіи я говорю о великобланныхъ праздникахъ и обо многомъ такомъ, что, я думаю, понравится королевы. Я пошелъ за мальчикомъ, который уже нѣсколько разъ помогалъ мнѣ въ подобныхъ случаяхъ, но къ несчастію—онъ объялся вишнями, захворалъ и такъ охрипъ, что не въ состояніи выговорить ни одного слова. Я былъ въ большомъ затрудненіи, но Юпитеръ или Панъ сжалился надо мною и послалъ тебя для моего спасенія.

— Но, любезный Гасгойнъ, отвѣчалъ Вильямъ: я никогда не игралъ никакой роли, не имѣю никакого объ этомъ понятія; теперь же остается слишкомъ мало времени, чтобъ выучить стихи.

— Полно, отговорки твои очень не кстати. У тебя звонкій голосъ, ты умеешь, потому-что былъ битъ за чтеніе моихъ сти-

ховъ; твой отецъ этими самыми ударами сдѣлалъ тебя рыцаремъ; и такъ, будь же моимъ оруженосцемъ. Къ тому же ты не будешь играть; королева тебя и не увидитъ, я самъ буду читать стихи, а ты долженъ повторять одно слово двадцать пять разъ, послѣ каждаго двухъ стиховъ, ясно и съ выраженіемъ, какъ бы представляя эхо. Но скажи, мой другъ, можешь ли ты остаться со мной? Твои родные не будутъ искать тебя?

— Я въ восхищеніи, господинъ Гасгойнъ, отвѣчалъ мальчикъ, что встрѣтилъ васъ такъ неожиданно и готовъ для васъ пожертвовать своею жизнью. Друзья, съ которыми я пришелъ, обоидутся сегодняшній вечеръ и безъ меня. Не высочайшее ли для меня счастье быть въ обществѣ такого знаменитаго поэта!

— И такъ, начнемъ нашъ урокъ, но береги, пожалуйста, листокъ, который я тебѣ поручаю. У меня всего одинъ только экземпляръ; я не имѣлъ времени переписать его. Если ты его потеряешь, тогда мнѣ нельзя будетъ его напечатать; береги же его, какъ собственный глазъ.

— О, будьте спокойны, отвѣчалъ Вильямъ: вѣдь я не ребенокъ.

Приступилъ къ репетиціи. Сильванъ читалъ стихи, а Вильямъ, послѣ нѣкотораго молчанія, повторялъ послѣднее слово ясно, съ увѣренностію и какъ бы заставляя звукъ теряться въ отдаленіи. Поэтъ—воинъ былъ въ восторгѣ и увѣрялъ, что отъ роду не слышалъ болѣе естественнаго эха. Проведя время до полудни, въ повтореніи и въ ученіи, они вошли въ хижину, чтобъ закусить чего-нибудь.

— Но будь умѣренъ, мой маленькій поэтъ, сказалъ Гасгойнъ, бери съ меня примѣръ; наши голоса должны сохранить звучность, и мы покажемъ себя болѣе достойными благоволенія музъ, чѣмъ этотъ большой мальчишка, который лежитъ тутъ какъ угорь, пойманный въ тростникѣ.

Около четырехъ часовъ пріѣхало нѣсколько человекъ, которые должны были переодѣться въ этомъ уединенномъ убѣжищѣ, одни въ платье дикарей, другіе въ одежду поселянъ, и съ факелами въ рукахъ, освѣщать лѣсъ при наступленіи сумерекъ. Тогда оба поэта отправились къ большой дорогѣ, гдѣ, въ обширной долинѣ, королева и свита ея должны были остановиться послѣ охоты. Вильямъ повторилъ еще разъ свое эхо, и эффектъ былъ еще поразительнѣе. Солдаты и разная прислуга были разставлены по сторонамъ, чтобъ не допускать толпу къ мѣсту, назначенному для королевы. Вечеръ былъ свѣжій; легкій вѣтерокъ свободно пробѣгалъ по долинѣ, чтобъ укрыться въ зелени роуи. Вскорѣ послышался звукъ охотничьяго рога. Толпа

нахлынула со всѣхъ сторонъ и съ шумомъ разсыпалась по долину. Королева и охотники преслѣдовали оленя; лорды, придворные кавалеры и дамы, на богато убранныхъ лошадяхъ, слѣдовали за нею. Когда оленя убили, восклицанія охотниковъ раздались со всѣхъ сторонъ. Отдаленный лай гончихъ собакъ, громкія восклицанія, сопровождаемыя рѣзкимъ звукомъ трубъ и роговъ, произвели разнообразный и чудный отголосокъ. Наконецъ стало смеркаться. Вильямъ такъ былъ пораженъ, что заплакалъ.

— Что съ тобой, спросилъ его Гасгойнъ; пожалуйста, не дѣлай такой жалкой мины.

— Ахъ! отвѣчалъ Вильямъ, слышали ли вы? Наше эхо, въ сравненіи съ этимъ шумомъ, будетъ почти поворожденный ребенокъ.

— Замолчи, маленькій поэтъ. Это безумное эхо, тогда какъ наше будетъ поэтическое и разумное. Посмотримъ, которое изъ двухъ, — эхо собакъ или поэтъ понравится болѣе королевы. Молчи! вотъ и она! Будь готовъ, мой милый.

У. Королева Елисавета.

Въ скоромъ времени появилась и королева. На ней было длинное, зеленое бархатное платье, обшитое жемчугомъ, съ кружевными, штыми золотомъ, рукавами. Бѣзья и красныя перья величественно развѣвались на зеленой, съ выгнутыми полями, шляпѣ, а брилліантовая луна, украшавшая ея чело, подускрывалась въ бѣлокурыхъ ея волосахъ. Лошадь покрыта была также зеленымъ бархатомъ и, казалось, гордилась своею всадницей. Возлѣ королевы стоялъ Дудлей, въ полномъ блескѣ мужественной красоты, одѣтый въ охотничье платье. Въ это самое время факельщики въ маскахъ заняли мѣсто у опушки лѣса. Брилліанты и драгоценныя камни, украшавшіе королеву и сопровождавшихъ ея дамъ, заискрились, отражая въ себѣ свѣтъ факеловъ. Торжественное молчаніе смѣнило оглушающій шумъ охоты. Вдругъ, по данному знаку, явился Сильванъ, махая своей булавой. Онъ сталъ призывать боговъ и вопрошалъ ихъ о причинѣ этихъ празнниковъ, но не получалъ отвѣта. Потомъ обратился къ эху, и оно отвѣчало, что все это дѣлается въ честь божественной королевы. Этотъ поэтический разговоръ продолжался нѣсколько времени; казалось, и королева и графъ Дудлей были довольны тонкой лестью поэта. Только въ концѣ, непредвидѣн-

ный случай возбудилъ общій смѣхъ зрителей. Шумъ отъ топота лошадей и стука оружія помѣшалъ Вильяму разслушать слова Сильвана, и онъ произнесъ слово: королева, прежде, чѣмъ оно было сказано. Дудлей громко смѣялся этому преждевременному эху, и королева также не могла удержаться отъ смѣха. Когда Гасгойнъ кончилъ, то преклонилъ колѣна передъ королевой и, отъ избытка радости, сломалъ свою булаву, которая затрещала въ его рукахъ. Въ восторгѣ онъ хотѣлъ бросить обломки назадъ, но одинъ кусокъ, вырвавшись изъ его рукъ, ударилъ по головѣ лошадь королевы. Лошадь поднялась на дыбы, и послѣднія слова замерли на устахъ дрожащаго дикаря. Графъ лейчестерскій хотѣлъ броситься на него, но королева удержала его и сказала съ кротостію:

— Ничего, оставьте.

Часть булавы была поднята молодымъ человѣкомъ, который хотѣлъ сохранить ее въ память этого дня. Гасгойнъ все еще стоялъ на колѣняхъ передъ королевой, которая говорила съ нимъ очень милостиво, какъ вдругъ новое зрѣлище поразило вниманіе публики. Вильямъ, исполнивъ свою обязанность, не могъ насмотрѣться на блескъ придворныхъ, а особенно на королеву; но вотъ рѣзвый зефиръ воспользовался его разсѣянностію и унесъ листокъ, на которомъ написаны были стихи. Онъ замѣтилъ это только тогда, когда листокъ послѣдъ уже надъ его головой, какъ птица въ воздухѣ; онъ пустился бѣжать за нимъ, скача и дѣлая прыжки до самаго выхода изъ лѣса. Изъ присутствовавшихъ больше всѣхъ были поражены, безъ сомнѣнія, обладатель булавы и Томасъ, который узналъ въ этомъ отчаянномъ плясунѣ своего милаго Вильяма.

Анна, стоявшая возлѣ Томаса, вскрикнула отъ радости, но Вильямъ, не обращая вниманія, ни на крики, ни на ропотъ толпы, преслѣдовалъ свой листокъ, который въ ту минуту упалъ на факель. Опасность была неминуема. Однимъ прыжкомъ онъ бросился на памя, схватилъ листокъ и нечаянно прижалъ его къ лицу одного прислужника, у котораго накладные волосы, левъ и мохъ вспыхнули въ одно мгновеніе. Этотъ послѣдній началъ кричать во все герло и побѣжалъ къ лѣсу. Графъ лейчестерскій, избѣженный хотѣлъ броситься на Вильяма; но королева остановила его, говоря:

— Прошу васъ, не будьте такъ вспыльчивы, любезный Дудлей, вы видите, это ребенокъ; что касается до того человѣка, ему подадутъ помощь.

Вильямъ между тѣмъ оправился и понесъ листокъ поэту, ко-

торый ожидалъ его съ стѣсненнымъ сердцемъ; но, по знаку, поданному королевою, подошелъ къ ней.

— Кто ты такой, дитя мое? спросила его королева.

Гасгойнъ, видя, что эхо его не смѣетъ отвѣчать, сказалъ за него:

— Прошу извиненія у вашего величества, это мое эхо, которое по счастливому случаю, я встрѣтилъ въ лѣсу, и которое, исключая одной ошибки, прекрасно выполнило свою роль.

Вильямъ, по примѣру своего наставника, также всталъ на колѣни, когда королева, наклонившись къ нему, спросила какъ его зовутъ.

— Меня зовутъ Вильямомъ, отвѣчалъ онъ твердо, я старшій изъ сыновей Джона Шекспира. Мой отецъ, одинъ изъ преданнѣйшихъ слугъ вашего величества, альдерманъ въ Стратфордѣ.

Елисавета сдѣлала знакъ одному придворному, который подалъ мальчику медаль, украшенную ея портретомъ.

— Возьми это, любезное эхо, сказала она, въ память сегоднешняго торжества. Не имѣешь ли ты еще какой-нибудь просьбы ко мнѣ?

— Ваше величество, смѣю ли я просить у васъ позволенія присутствовать, съ супругой моей, на праздникахъ, которые будутъ завтра?

— Съ твоей супругой! вскричала Елисавета; ты женатъ уже?

— Прошу извинить меня, великая королева, это шутка, съ которою я свѣлся. Анна Галльвэй называется моею женою.

Стройная молодая дѣвушка, покрасивъ въ, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ. Дудлей, котораго эта сцена забавляла, отдалъ приказаніе впускать этого мальчика съ семействомъ на всѣ праздники. Поэтъ поцѣловалъ еще разъ свое эхо, и Анна и Томасъ не смѣли бранить его за побѣгъ и упрекать за хлопоты, которые онъ имъ надѣлалъ. Они смотрѣли на него съ какимъ-то почтеніемъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ говорилъ съ королевою, и получилъ отъ нея золотую медаль.

VI. Возвращеніе.

Старикъ Шекспиръ, наперекоръ всѣмъ расчетамъ, возвратился домой на другой день послѣ своего отъѣзда; онъ не нашелъ купца, съ которымъ долженъ былъ увидѣться.

Подозревавшись съ женой, поцѣловавъ маленькихъ дѣтей и приведя въ порядокъ нѣкоторыя бумаги, онъ сказалъ вздох-

нуши: О времена! о нравы! Самый степенный и основательный чловѣкъ Англїи, и тотъ не могъ устоять противъ этого общаго увлеченія, оставилъ домъ, дѣла, чтобъ пойдти смотрѣть кенильвортскія дурачества. Да! если старики, которые, кромѣ обыкновенныхъ своихъ занятій, должны бы были думать о приближеніи своей смерти, если они увлекаются подобными глупостями, то дѣтей нечего и винить въ этомъ. Поди, жена, приведи ко мнѣ моего маленькаго негодая, я хочу съ нимъ поговорить.

Мистриссъ Шекспиръ дрожала будто въ лихорадкѣ; она не смѣла и взглянуть на мужа.

Шекспиръ, видя блѣдность и нерѣшительность своей жены и воображая, что сынъ его боленъ или умеръ, тоже поблѣднѣлъ.

— Несчего дѣлать, отвѣчала наконецъ его жена, надобно во всемъ признаться. Томасъ и сестра его совершенно сбили меня съ толку, и я позволила имъ увести Вильяма. Мы не думали, что ты такъ скоро воротись. Къ тому же это первый разъ, что я поступила противъ твоей воли.

— Въ самомъ дѣлѣ! возразилъ Шекспиръ въ бѣшенствѣ; теперь я удостовѣрился въ твоемъ повинновеніи и въ твоей ко мнѣ привязанности. Ты смѣла ослушаться моихъ приказаній!

И не бросивъ даже взгляда на свою жену, онъ вышелъ и вечеромъ не возвратился домой. Но наши странники также вышли изъ Кенильворта днемъ раньше.

Вскорѣ, послѣ ихъ прибытія, Шекспиръ возвратился тоже домой. Мать чувствовала радость и боязнь, ожидала съ безпокойствомъ, чѣмъ кончится это происшествіе. Но къ ея удивленію, отецъ протянулъ сыну свою руку и сказалъ съ веселымъ видомъ:

— На этотъ разъ я тебя прощаю, потому-что старшій Бенсонъ Бристольскій сдѣлалъ то же, что и ты.

Обрадованная мать цѣловала своего сына и даже не замѣтила, что Странджъ прощается съ нею. Томасъ и Анна оставались еще для того, чтобъ извиниться передъ старикомъ и рассказать все, что они видѣли. Они рѣшились не говорить Шекспиру, что Вильямъ участвовалъ въ представленіи, зная, какую ненависть старикъ имѣлъ ко всѣмъ подобнымъ забавамъ. Когда Анна рассказала, какъ Вильямъ былъ замѣченъ королевою, какъ она милостиво съ нимъ говорила, и подарила ему медаль, въ воспоминаніе того дня, мать плакала отъ радости и умиленія, а глаза старика оживились. Вильямъ, подойдя къ отцу, сказалъ ему:

— Любезный батюшка, я знаю, какъ вы любите нашу королеву; примите эту медаль, которую я получалъ отъ нея. Она мнѣ

не нужна, потому-что я имѣлъ счастье говорить съ королевою лично и сохранио на всегда ея божественный взоръ въ душѣ моей.

Отецъ принялъ медаль съ трепетомъ, долго разсматривалъ ее и крѣпко прижалъ къ устамъ своимъ, потомъ, поцѣловавъ сына, сказалъ ему:

— Богъ да благословить тебя, за то, что ты мнѣ принесъ такую неоцѣненную драгоценность. Я буду беречь ее, пока ты не вырастешь, и никогда не забуду, что Елисавета удостоила тебя чести говорить съ нею.

Сказавъ это, онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, чтобъ скрыть свои чувства. Мать была внѣ себя отъ радости, видя, что мужъ не только помирился съ нею, но еще сталъ гораздо ласковѣе обыкновеннаго съ сыномъ. Она благодарила отъ души своихъ друзей и навела разговоръ опять на тотъ же разговоръ, который ей повториши съ тѣми же самыми пропусками.

Вдругъ послышался громкій и продолжительный смѣхъ, удивившій всѣхъ, тѣмъ болѣе, что смѣющійся былъ самъ Джонъ Шекспиръ. Это была большая рѣкость, потому-что онъ почти никогда не хохоталъ. Въ смѣлъ за тѣмъ онъ вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣли гости, держа въ рукѣ булаву, которую Томасъ принесъ изъ Кенильворта.

— О безумцы! вскричалъ Джонъ, переставъ смѣяться; надобно же, чтобъ глупое было пераздѣльно съ трогательнымъ и благороднымъ. Въ одно время съ медалью мнѣ принесли и булаву, которою махалъ шутъ Гасгойнтъ и ударилъ по головѣ моего Томаса, чтобъ возбудить въ мозгу его нѣсколько поэтическихъ мыслей и заставить его поминуть свое путешествіе въ Аркадію— въ Кенильвортъ. Господинъ Люси мнѣ все рассказалъ. Онъ самъ былъ очевидцемъ. А ты, мой любезный Вильямъ, ты сдѣлался великимъ актеромъ, артистомъ, эхомъ, речетиторомъ какихъ-то словъ этого стараго глупца-поэта. Мой сынъ былъ эхо! Но знаешь ли, что это дурное предзнаменованіе! Когда придетъ тебѣ охота испытать твои силы на скользкомъ поприщѣ поэзіи, ты будешь подражателемъ, эхомъ прежнихъ глупцовъ поэтовъ. Будь же прилеженъ и дѣятеленъ... Мой сынъ представлялъ эхо! да, мое дитя, ты надѣлаешь шуму въ свѣтѣ, нѣтъ сомнѣнія; тотъ, кто такъ начинаетъ поприще, пойдетъ далеко.

Онъ произнесъ эти послѣднія слова съ пронию, но Томасъ, вида, что это огорчило Вильяма, сказалъ:

— Если уже вы знаете все, то надобно еще вамъ сказать, что эта самая шутка и была причиною, что королева его замѣтила. Какъ часто бездѣлницы ведутъ къ великому! А поэзія не есть ли эхо, отголосокъ существенности?

Шекспиръ пожалъ руку Томасу и, подойдя къ конторкѣ, вынулъ книгу въ переплетѣ.

— Любезный Вильямъ, сказалъ онъ ему: я долженъ дать тебѣ что-нибудь въ замѣнъ медали. Эту книгу, сочиненія Чаусера, я хотѣлъ подарить тебѣ въ день твоего рожденія; возьми ее теперь, хотя ты ее еще не понимаешь. Такъ-то мы, благоразумные люди, часто сами потакаемъ глупостямъ, нисколько того не подозревая.

НАПОЛЕОНЪ ВЪ БУЛОНСКОМЪ МАТЕРѢ. Изъ воспоминаній Германца. Подъ командою маршала Нея, выступили мы изъ Мон-тревеля и расположились лагеремъ при Этаплѣ, напротивъ Диепа, вдоль берега Булонскаго залива. Меня во время похода произвели въ сержанты. Въ первый разъ вступилъ я въ караулъ на береговую батарею, гдѣ мои товарищи, артиллеристы, издумали познать меня съ пріятностями морской жизни. Одинъ изъ нихъ, окунувъ палецъ свой въ морскую воду, выразилъ слѣдующую мысль: «Какъ ты, товарищъ, думаешь, вѣдь едвали что можно найти солонѣ морской воды?»—Когда же я началъ смѣяться надъ такимъ его простосердечіемъ, по-видимому онъ усомнился въ моемъ вѣрованіи и въ ту жъ минуту мазнулъ меня мокрымъ пальцемъ по губамъ. Выполнивъ такую горечь, я утвердительно сказалъ: «Да, правда, товарищъ, очень, очень солон!» Сперва мнѣ не вѣрилось, что на землѣ есть такіе огромные запасы соленой воды, въ которой можно сварить кашу для самой огромнѣйшей арміи, ни сколько не прибавляя соли. Мнѣ даже повсѣтъ никогда не спилась соленая вода, когда жилъ я на моей родинѣ въ Оверни, пилъ всегда только свѣжую воду и ѣлъ форелей. «Ну, полно объ этомъ! Намъ, кажется испремѣнно надобно завоевать Англію!» «А какъ ты думаешь, возможно ли это?»—спросилъ я. «Чортъ побери, конечно нѣтъ ничего невозможнаго»—отвѣчалъ онъ, а потомъ вынулъ изъ кармана прокламацію адмирала Брюи и какъ казалося съ немалымъ трудомъ прочиталъ слѣдующее: «Храбрые солдаты и матросы! По избранію Бонапарте, мнѣ вѣвѣрена главная команда надъ вами... Вы уже слышали призывъ къ мнѣнію; всѣ Французы должны соединиться и наказать правительство непріязненное слазѣ и благоденствію нашего отечества. Возлагая исполненіе попеченій своихъ на васъ первыхъ, оно вызываетъ къ вамъ и объ отщепеніи за права свои... Взгляните на корабли англійскіе, съ такою дерзостію крейсирующіе у береговъ нашихъ.» Онъ снова свернулъ прокламацію, указавъ намъ на нѣсколько точекъ, видѣвшихся вдали и сердито проиавъ: «Смотри-ка, видишь ли вдали-то собакъ, Англичанъ? Угос-

тимъ же ихъ порядкомъ! вотъ, мѣловыя-то скалы, что бѣлѣются вдали, это британскій берегъ; кажется туда легко и кошка перепрыгнетъ! Въ мракѣ ночномъ явится къ намъ Бонапарте, да какъ скажетъ: «здорово ребята, вперед!» Теперь совершенный штиль и англійскіе крейсера лежатъ, какъ будто-бы свиновые чурбаны. Мы распустимъ паруса, мигомъ пролетимъ по каналу, очутимся у другаго берега и прежде чѣмъ еще успѣютъ опомниться Англичане, мы явимся въ Лондонъ:

«En Angleterre nous irons
«Boire de bon vin en flacons.

Замѣчаніе мое, если бы сдѣлали мы счастливую высадку на непріятельскій берегъ, то могли бы уничтожить силы Великобританіи, остановило его пѣніе: «Мы ихъ кошек!»—сказалъ онъ,—вынимая изъ кармана «Аргуса» (парижскую газету), гдѣ заключались разныя насмѣшки надъ предположеніемъ Англичанъ—собрать милицію, и рассказы о разныхъ несчастіяхъ, будто-бы случившихся во время англійскихъ экзерцицій—«эта англійская сволочь»—продолжалъ онъ—«совсѣмъ не умѣетъ обращаться съ ружьями. Одинъ изъ нихъ оставилъ шомполъ въ дулѣ, приложился—бац! а тамъ и зарядить не чѣмъ; другой забилъ три, четыре патрона—пуфъ! и ружье въ дребезги. Мы же, мы построимся во фронтъ. Пальба взводами, батальонами, полкомъ! пуфъ, пафъ, пифъ! Примыкай штыкъ! Барабаны загремятъ наступленіе, и мы опрокинемъ Англичанъ, какъ вѣтеръ мякину.

Только что начала прибывать вода, мы возвратились на батарею; повѣялъ свѣжій вѣтеръ, я взглянулъ на волнующееся море и замѣтилъ подъ бѣлыми парусами корпусъ непріятельскаго корабля: «Посмотрите-ка на собакъ-то Англичанъ!»—сказалъ я съ насмѣшкою моему товарищу—«имъ вѣрно хочется воспользоваться приливомъ. Вода идетъ на прибыль!»—«Нуте-ка дѣти!»—сказалъ сперва съ равнодушіемъ товарищ мой канонерамъ, постепенно возвышая голосъ—«зададимъ же имъ каменными; пригответе-ка рѣшетки!»—Два фрегата, на всѣхъ парусахъ, неслись одинъ за другимъ и въ такомъ же разстояніи слѣдовали за ними трехъ-дечный корабль, величественно поднимаясь изъ волнъ морскихъ. Эскадръ предшествовало множество рыбацкихъ лодокъ и сторожевыхъ шлюповъ, плывшихъ по вѣтру подобно стаду лебедей. Тишина и безмолвіе царствовали на батареѣ; нельзя было разговаривать иначе, какъ только знаками. Какъ скоро фрегаты начали выбирать вѣтеръ, чтобы обратиться къ берегу батареи свои, артиллеристы ожидали команды и старшій, разглядивъ усы

свои, проворчалъ сквозь зубы: «Не спѣшить!» Съ этимъ словомъ батареи непріятельскихъ судовъ покрылись густымъ дымомъ и на берегу запрыгало нѣсколько ядеръ. Береговая батарея молчала. Чѣмъ ближе подилывалъ непріятель къ берегу, тѣмъ сильнѣе производилъ канонаду полными лагами, и ядра его досягали до насъ. Наши канониры кривляли свои лица,—казалось уже и терпѣніе ихъ лопало. Одинъ нашъ старшій сержантъ улыбался лукаво: орудія были наведены и горячіе фитили тлѣли въ рукахъ канонировъ, но не было еще команды открыть огонь. Вдругъ громъ орудій дальней батареи, устроенной на выдавшейся въ море косѣ, огласилъ окрестность. «О! О! Чего еще имъ хочется?»—кричали канонеры. Къ общему однакожь ихъ удивленію, большая часть ядеръ упала въ воду и немногія могли долетѣть до непріятельскихъ судовъ. Вслѣдъ за этой батареѣй и мы вмѣстѣ съ третьєю открыли канонаду. Поднялся всеобщій крикъ радости, когда рухнула за бортъ фокъ-мачта одного изъ непріятельскихъ фрегатомъ; прочіе непріятельскіе корабли стали удаляться отъ берега и огонь постепенно замолкъ.

Если и не очень точно изображено мною описываемое нападеніе, то по-крайней-мѣрѣ могу поручиться за вѣрность очерковъ характеристики тогдашнихъ французскихъ солдатъ.

Сперва такое дѣйствіе казалось мнѣ совершенной новизной, но впоследствии подобныя событія можно было видѣть почти каждый день; эти нападенія скорѣе можно было принять за комедію, чѣмъ за дѣйствительное сраженіе. Пользуясь приливомъ, непріятельскіе корабли приближались къ нашимъ батареямъ и открывали огонь, при чемъ съ обѣихъ сторонъ разстрѣливалось множество пороху, а въ сущности вредъ былъ самый незначительный. Казалось, будто бы для обѣихъ сторонъ такая скучная и однообразная жизнь была необходима и должна была прерываться неважными эволюціями, перевѣсъ которыхъ всегда оставался на сторонѣ Англичанъ.

Флотъ канала составляли плоскодонныя суда; на верхней палубѣ самыхъ меньшихъ изъ нихъ находились 24-хъ фунтовыхъ орудій; канонерскія лодки имѣли на кормовой и носовой частяхъ, по одному 24-хъ фунтовому орудію, а борты вооружены были 12-ти фунтовыми пушками; самыми величайшими судами въ этомъ флотѣ считались суда отъ 12 до 16 пушекъ. Экипажъ ихъ состоялъ отъ 5 до 12 матросовъ и отъ 20 до 50 солдатъ, долженствовавшихъ много терпѣть отъ чрезвычайной тѣсноты помѣщенія. При предположенной высадкѣ въ Англію, на каждое судно должны были помѣститься полевые орудія съ лафетами и отъ 100 до 200 че-

ловѣкъ солдатъ; произведенные тогда опыты показали, что на палубахъ нельзя было помѣститься иначе, какъ бокъ возлѣ бокъ. Если бы во время переправы поднялся вѣтеръ, снособствующій маневрировать англійскимъ кораблямъ, въ такомъ случаѣ они, не дѣлая ни одного выстрѣла, однимъ только натискомъ корпуса, могли бы утопить весь нашъ утлый флотъ. Французскіе солдаты были увѣрены въ бесомыслии возможности и счастливомъ успѣхѣ высадки.

Судамъ, расположеннымъ въ булонской гавани, угрожала и другая опасность—сожженіе, потому что самая гавань значительно мѣлѣетъ во время отлива, а потому большая часть судовъ должна становиться бортъ возлѣ бортъ, такъ что въ случаѣ пожара неминуемо могъ бы сгорѣть цѣлый флотъ. Въ предупрежденіе могущей быть въ подобныхъ обстоятельствахъ измѣны, половинное число экипажей, въ продолженіе всего почного времени, обязывалось содержать на палубахъ караулы, окружая въ то же время гавань брантвахтами, чтобы отвратить приближеніе непріятельскихъ брандеровъ. Страшно гремѣло при темнотѣ ночной монотонное восклицаніе грубыхъ голосовъ: «*Vo quart!*» На возвышеніяхъ, находящихся по обѣ стороны гавани, пылали бивачные огни и голоса караульныхъ, разставленныхъ вдоль берега, звучали: «Часовые, будьте осторожны!»

Въ хорошую погоду часть флотилии выходила на рейдъ и оставалась даже на якорѣ, а во время бурной погоды, когда удалялись отъ береговъ Франціи англійскіе крейсера, флотъ втягивался въ булонскую гавань. Значительное скопленіе множества судовъ, которыя, не сообразя тѣсноты фарватера, спѣшили входить въ портъ, сопряжено было съ немалыми опасностями. Во время одной изъ такихъ свалокъ и мѣлъ случилось испытать опасность, угрожавшую крушеніемъ. Буря, сопровождавшаяся сильнымъ морскимъ волненіемъ, пестерѣливістью одного командира судна и неловкость маневра произвели между множествомъ судовъ, составлявшихъ флотъ, при входѣ въ гавань, страшный беспорядокъ. Тысячи народа, считавшія опасность не очень важною, покрывали набережныя и ворота. При самомъ входѣ въ гавань, мы столкнулись съ одною канонерскою лодкою. По командѣ: «закрой порты!» заглушаемой волненіемъ и вѣтромъ, не глядя на то, что теченіе наперло насъ къ правой, весьма опасной стѣнѣ городскихъ воротъ, когда мы сбились съ фарватера, намъ хотя и удалось избѣгнуть удара, но одна минута и наше судно сокрушилось бы обѣ стѣну. Такой случай привелъ насъ въ оцѣпененіе. Тысячи голосовъ съ берега выражали свое удивленіе. Въ то мгновеніе успѣлъ я замѣтить матроса, бросающагося съ

смертною блѣдностію къ заднему деку, который такъ удачно бросилъ якорь, что послѣдній, упавъ, захватилъ дно,—иначе мы погибли бы неизбежно. У самой стѣны мы должны были вытерпѣть ужасную качку,—но если бы и тогда еще, якорь сдѣлалъ, или оборвался, насъ поглотили бы разъяренные волны. Спустили боть, чтобъ завести на берегъ вервь, но волненіе бросало его до самаго марса и спускало до кила; перебрасываемый съ волны на волну, подобно скорлупкѣ, боть лишился всякой возможности отчалить отъ корабля. Для подавія намъ помощи, изъ гавани выслали множество ботовъ, снабженныхъ канатами, но и ихъ страшное волненіе не допускало на значительное разстояніе и угрожало опасностію, сокрушить въ щепки о корабельный корпусъ. На носовой части одного изъ посланныхъ къ намъ ботовъ, стоялъ матросъ, съ верпомъ, заматаннымъ вокругъ руки, для того, чтобы закинуть его къ намъ на палубу. Несчастный промахнулся и упалъ въ воду, на кораблѣ поднялся сильный крикъ, слившійся съ крикомъ нѣсколькихъ тысячъ, находившихся на набережной. Отъ безнадежности на лучшей жребій, мы пришли въ отчаяніе; съ форта начали спускать пробочную лодку, какъ послѣднее спасительное средство для погибающихъ отъ кораблекрушенія. Лодка, имѣя трехцвѣтныи флагъ, неслась по волнамъ и перепрыгивала съ волны на волну. Снявъ съ себя верхнее платье, съ обнаженными ногами, безъ шапокъ, стояли мы на верхней палубѣ, въ однихъ рубашкахъ, готовые прыгнуть за бортъ, ежели бы чуть только сдѣлалъ якорь.

Тишина воцарилась на берегу; все находилось въ трепетномъ ожиданіи, прерываемомъ глухими и жалобными воплями, которые достигали до нашего слуха, подобно надгробному пѣнію. Спасительное мгновеніе! Изъ гавани показался большой боть, на которомъ находилось 12 сильныхъ гребцовъ, сидѣвшихъ на банкахъ и искусно управлявшихъ ботомъ, не глядя на сильное противоборство волнъ и вѣтра. И на этомъ ботѣ, также, какъ и на прежнихъ, стоялъ ловкій матросъ, съ наматаннымъ на правую руку верпомъ, упершійся всѣмъ корпусомъ на лѣвую ногу, правая же рука его была отставлена назадъ. Едва только приблизились они къ кораблю, какъ боть ихъ подняло на поверхность вала, гребцы сильнѣе грянули веслами,—и въ ту же секунду матросъ, стоявшій на носовой части, подался впередъ всѣмъ тѣломъ и жилстою рукою своею съ такою силой успѣлъ бросить вервь, что одинъ конецъ его попалъ на самую средину палубы. Громкій крикъ стоявшихъ на берегу былъ наградою смѣльчаку; мы закрѣпили брошенный конецъ верви и съ торжественными криками были втянуты въ гавань.

Наполеонъ помѣщался на одномъ изъ возвышеній, откуда виденъ былъ англійскій берегъ залива. Жилище его построено было изъ досокъ и по произволению постройки и уничтоженіе могли быть произведены въ нѣсколько часовъ. Въ немъ находились: мастерская, столовая, спальня, а въ особенной пристройкѣ, гдѣ располагалась кухня, помѣщалась прислуга. Было очень тѣсно — и когда, въ ясную погоду, императоръ приглашалъ многихъ гостей, то оба метрдотели Решо и Форно готовили кушанье на открытомъ воздухѣ, какъ рядовые солдаты въ лагерѣ.

Отъ императорской ставки шаговъ на сто, находилось помѣщеніе адмирала Брюа (Briix), съ устроеннымъ при немъ морскимъ телеграфомъ, по знакамъ котораго суда, находившіяся на рейдѣ, производили маневры. Невдалекѣ находились квартиры маршала Сульта и морскаго министра Декре (Decres). Императоръ изъ спальни своей чрезъ телескопъ могъ ясно наблюдать морскіе маневры, британскій берегъ и блокадные корабли англійской эскадры. Гренадеры гвардейской пѣхоты, конной и морской гвардіи, очередовались службою въ главной квартирѣ.

Неподалеку отъ флагштокаморскаго телеграфа, построена была грозная баттарей, посвящая названіе: «*Tour d'Ordre*», вооруженная 6 мортирами, такимъ жежеломъ гаубицъ и 12-ю 24-хъ-фунтовыми орудіями. Мортиры огромнѣйшаго калибра заряжались 45-ю фунтами пороху и ядрами, имѣвшими вѣсу 600 фунтовъ, которые выбрасывались въ море на разстояніе часа. Эти страшныя орудія выстрѣливали канонеры, называвшіяся «чудовищами», которыя для поджиганія затравки употребляли шесты, длиною въ 12 футъ, ложившиеся на землю, затыкали руками уши, и не прежде вставали съ земли, какъ спустя нѣсколько времени, послѣ грома выстрѣла. Первый выстрѣлъ сдѣлалъ самъ Наполеонъ. Громъ былъ столь жестокъ, что кровь подалась изъ ушей императора, — и въ продолженіе цѣлыхъ двухъ сутокъ онъ чувствовалъ глухоту.

У входа въ гавань лежало на якорѣ нѣсколько сотъ судовъ, борть о борть замыкавшихся на ночь огромною цѣпью. Онѣ защищались пятью грозными верками, кромѣ огромныхъ баттарей, расположенныхъ по всему берегу. Въ задней части гавани находилась небольшой деревянный мостъ, называвшійся «дежурнымъ», а за нимъ огромные магазины съ порохомъ и зарядами. Мостъ охраняли двое часовыхъ не пропускавшихъ никого за черту, кто не зналъ лозунга втораго караула, потому-что пертвый караульный безпрятственно пропускалъ всякаго походяго, кромѣ возвращавшихся съ противоположной стороны. Не

знавшіе, или забывшіе лозунгъ, цѣлую ночь должны были оставаться на мосту. Подобная предосторожность, по причинѣ смѣжности пороховыхъ магазиновъ, была совершенно необходима, потому-что одной искрой можно было взорвать флотъ, городъ и оба лагеря, куда Англичане рѣдкую ночь не посылали своихъ шпионовъ и поджигателей.

Однажды, среди темной и дождливой ночи, часовъ около осьми вечера, загорѣлась кухня одной рестораціи. Дымъ и пламя начавшагося пожара, показавшіяся изъ-за мачтъ флота, внезапною своею перепугали командира поста. Въ испугъ онъ далъ сигналъ, что горитъ флотъ. Ударилъ тревогу, распространившую всеобщій страхъ и суматоху; набатъ гудѣлъ, гремѣли сигнальные выстрѣлы и войска встали въ ружье. Городъ представлялъ ужасное зрѣлище: женщины, нося на рукахъ грудныхъ младенцевъ, какъ одичавшія, бѣгали изъ улицы въ улицу и наполняли воздухъ воплями; мужчины таскали на себѣ лучшее имущество; на всѣхъ улицахъ сдѣлалась страшная тѣснота, раздавались крики: «Мы погибли! Намъ скоро взорветъ!» — повторяемые тысячею голосовъ. Спустя уже довольно времени, увѣрили въ напрасной тревогѣ и всѣ возвратились въ свои дома. Слѣдствіемъ такого случая было усиленіе дѣятельности полиціи, на будущее время, взятіе подъ стражу тронхъ англійскихъ шпионовъ, которые тотчасъ же были разстрѣляны.

Наполеонъ прибылъ въ Булонь въ іюль 1804 года. Нельсонъ, имѣя въ командѣ блокадную эскадру, замѣтилъ съ своего адмиральскаго корабля императора, объѣзжавшаго съ генеральнымъ штабомъ лагерь, расположенный на берегу залива. Въ три часа дня загремѣла страшная канонада. Британскій адмиралъ рѣшился на корабль своемъ, при помощи четырехъ фрегативъ, множества канонерскихъ лодокъ и брандеровъ, напасть на флотилію, стоявшую на рейдѣ. Французскіе корабли и береговыя баттарей живо отвѣтствовали на огонь непріятельскій, такъ что страшная канонада сдѣлалась вскорѣ общою. Пятьсотъ огневныхъ жерлъ французской эскадры, береговыхъ баттарей и кораблей англійскихъ, гремѣли непрерывно, съ такой жестокою стію, что нельзя было ни говорить, ни слышать. Дымъ, гонимый на берегъ вѣтромъ, закрывалъ предметы. Земля дрожала; самое небо покрылось какимъ-то густымъ красноватаго цвѣта туманомъ. Бой продолжался до глухой полночи и представлялъ зрѣлище страшное и примѣрное. Полетъ бомбъ и начиненныхъ снарядовъ, при темнотѣ ночи, описывалъ надъ гаванью и городомъ, въ разныхъ направленіяхъ, страшныя огненные радуги. Непрерывный громъ многочисленной артилеріи и эхо, вторившееся на водахъ залива

производили столь оглушительный трескъ, что никакое перо не въ состояніи изобразить это. Усилія Нельсона проваться сквозь французскую флотилію остались безплодными, и непріятельскій адмиралъ къ 11 часамъ ночи долженъ былъ отступить.

При первой тревогѣ, Наполеонъ, сопровождаемый адмираломъ Брюи, бросился въ шляпку и, осыпавъ градомъ ядеръ, пустился объѣзжать линію кораблей французскихъ. Императоръ намѣревался обогнуть укрѣпленіе «Сгоі», но адмиралъ осмѣлился представить ему, сколь неблагоприятно и даже опасно подобное предпріятіе. Наполеонъ отвергнулъ адмиральское представленіе и, обратясь къ гребцамъ, выбраннымъ изъ своей гвардіи матросамъ, сказалъ: «Впередъ! Впередъ! Я вамъ приказываю.»—Ваше величество,—прервалъ его адмиралъ—нѣтъ никакой пользы объѣзжать укрѣпленіе! Намъ можетъ нанести на своемъ намѣреніи ядра. Императоръ оставался непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи; адмиралу хотѣлось запретить матросамъ исполненіе подобнаго повелѣнія—и онъ даже сказалъ Наполеону: «Теперь я на моей стихіи, государь, а потому каждый морякъ, будучи въ моемъ подчиненіи, обязывается быть послушнымъ моимъ повелѣніямъ. Даже и самые матросы морской гвардіи должны повиноваться своему адмиралу.» Дѣйствительно послѣдніе пришли въ замѣшательство.—«Я приказываю положить весла!»—присвокупилъ адмиралъ—«и если кто ослушается, тотчасъ же прикажу разстрѣлять!» произнесъ адмиралъ громовымъ голосомъ. Ботъ летѣлъ, какъ стрѣла, и едва лишь успѣлъ удалиться на десять, или на двадцать сажень, какъ корабль, огибавшій баттарею «Сгоі», былъ потопленъ непріятельскими ядрами; нѣсколько времени надъ поверхностію воды развѣвался флагъ корабельный, вскорѣ погрязшій въ глубинѣ. «Вотъ каково, государь!»—сказалъ Брюи, смотря на императора. Наполеонъ то молчалъ, то насвистывалъ маршъ. Съ этого самаго дня онъ сталъ питать тайную вражду къ адмиралу.

Когда они пристаи къ берегу, Наполеонъ отправился на одну изъ устроенныхъ тамъ, баттареи; онъ успѣлъ замѣтить одного изъ гвардейскихъ артиллеристовъ, причудливаго провинціала, ревностно занимавшагося своимъ орудіемъ; съ нимъ онъ не рѣдко шутилъ прежде и теперь потрепавъ по плечу, сказалъ: «Ты братъ, Помероль, мастеръ своего дѣла!» И артиллеристъ увидавъ императора, съ довѣренностію возразилъ на провинціальному нарѣчій: «Боже мой, Боже мой! Это вы, государь,—ну каково жъ вы поживаете?»—«Очень хорошо! Однакожъ я вижу, ты очень занятъ, другъ мой!»—«Такъ точно! Вотъ печь, гдѣ накаливаютъ

ся ядра».—Тотчасъ же артиллеристъ нашъ повелъ орудіе, выстрѣлъ грянулъ, и пушечное ядро срѣзало флагъ съ непріятельскаго брига. «Раппъ!»—произнесъ Наполеонъ—«дай двадцати-франковикъ доброму моему пріятелю.» Генералъ выдалъ ему двойной луддоръ, потому-что не было съ нимъ назначенной императоромъ монеты. Другимъ выстрѣломъ изъ того же орудія, сбило съ фрегата гротъ-мачту. «Браво!»—воскликнулъ Наполеонъ—«Раппъ, отсчитайте же этому молодцу сто франковъ.»—«При мнѣ нѣтъ денегъ!»—отвѣчалъ генералъ.—«При васъ нѣтъ денегъ! Для чего жъ вы не требовали ихъ сегодня утромъ?»—съ нетерпѣніемъ произнесъ императоръ, ощупывая карманы свои.

— «Съ нами Богъ! прервалъ добродушный канонеръ. Не сердитесь Государь; вѣдь этотъ храбрецъ готовъ отдать за васъ жизнь свою.» Императоръ ничего не имѣлъ въ карманахъ своихъ, кромѣ золотой табакерки, которую и принудилъ канонера взять, хотя послѣдній и отговаривался принять ее. Подобные анекдоты быстро дѣлались извѣстными въ лагеряхъ и успивали привязанность къ Наполеону.

Въ приводимомъ здѣсь описаніи морскаго сраженія отличились солдаты трехъ пѣхотныхъ полковъ, находившіеся на флотѣ. Изъ числа стяжавшихъ отличіе, унтеръ-офицеры, въ тотъ же вечеръ, отправились пировать въ одну изъ гостинницъ, гдѣ обыкновенно собирався одни только старые grenадеры. Принятые пріятельски старыми усачами, за круговой чашей, рассказывали они о своихъ походахъ. Все шло чинно до тѣхъ поръ, пока нѣсколько молодыхъ Булонцевъ 2-го полка не начали пѣть нарочно сочиненнаго на этотъ праздникъ канта, который не могъ нравиться grenадерамъ. Изъ среды послѣднихъ, нѣкто Морландъ, мужчина неполнаго роста, покрутивъ усы свои и, чокнувшись стаканомъ, сказалъ: «Оставьте же это шпіе! Оно не можетъ быть терпимо въ нашемъ обществѣ! Или иначе вонъ отсюда всѣ тѣ конекрипы, которые ничего не пьютъ!» Сеора вскорѣ сдѣлалась общеною наговорено было пропастъ взаимныхъ грубостей и брава копчилась назначеніемъ явиться на слѣдующее утро въ деревню, находящуюся отъ Булони на разстояніи часа.

До двухъ сотъ grenадеровъ старой гвардіи отправилась на назначенное мѣсто, гдѣ ихъ ожидало такое же число ливейныхъ солдатъ. Съ обѣихъ сторонъ выбрали искусѣнншихъ фехтмейстеровъ. Всякому предоставлялось избрать себѣ противника; ратоборцы наши съ обоюдною яростію вступили въ бой, продолжавшійся нѣсколько часовъ, и неизвѣстность усугубляла ужасъ схватки. Морландъ, при богатырской своей силѣ и искусствѣ въ фехтованіи, одинъ уложилъ на пескѣ семерыхъ солдатъ, а

съ ними вмѣстѣ и того Булонца, который нанесъ ему личное оскорбленіе. Нельзя ручаться, что бы могло выйти изъ этой страшной рѣзни, ежели бы вскорѣ не узнали о ней и не прислалъ отряда кавалеріи, для взятія Булонца, который къ счастью окончилъ все благополучно. Подобныя схватки толпами были весьма обыкновенны во французской арміи.

Въ августѣ 1804 года, Наполеонъ роздалъ своимъ войскамъ кресты учрежденнаго имъ ордена, «Почетнаго-Легиона». На возвышеніи, находившемся на морскомъ берегу, устроенномъ изъ дерна, сооруженъ былъ тронъ, который окружали 80,000 воиновъ, стоявшихъ съ ружьемъ. Наполеонъ возсѣдалъ на тронѣ, окруженномъ знаменитыми сановниками имперіи: министрами, сенаторами и генералитетомъ. Отличившіеся пѣхотницы и кавалеристы принимали кресты изъ собственныхъ рукъ императора. Ко дню этого торжества прибыло изъ Гавра въ гавань булонскую сорокъ судовъ, составлявшихъ флотъ французскій.

Во время роздыха, въ лагерѣ солдаты увеселялись разными играми и плясками. Собравшіе толпами передъ ставкой Наполеона на обширномъ лугу, молодые солдаты, по немѣнѣю танцующіи, принимали на себя роли первыхъ, засучивали до локтей рукава мундировъ, снимали галстухи, откидывали до самыхъ плечъ воротники своихъ рубашекъ, брали жеманно большимъ и указательнымъ пальцами фалды мундировъ своихъ, и въ такомъ положеніи, потупивъ глаза въ землю, дѣлали маленькія па. Императоръ всегда любовался игрой и пляскою солдатъ и даже съ удовольствіемъ смотрѣлъ изъ-за рѣшетки. Когда начинали бить зарю, онъ показывался въ окош, и былъ приветствуемъ громкими восклицаніями: «Да здравствуетъ императоръ!»

Высшее лагерное общество имѣло развлеченія другаго рода: оно препровождало время въ балахъ, концертахъ и каруселяхъ, заступившихъ мѣсто театра. При подобныхъ случаяхъ, свита, окружавшая императора, блистала серебромъ и золотомъ. Довольно забавно было видѣть старыхъ республиканскихъ генераловъ въ мундирахъ, облитыхъ золотомъ.

Не задолго до отъѣзда своего изъ Булоня, Наполеонъ вознамѣрился осмотрѣть флотъ и чрезъ адъютанта приказалъ адмиралу Брюю вывести суда на рейдъ и построить въ линіи. Адмиралъ отвѣчалъ, «что въ назначенный день нельзя произвести маневръ».

Несмотря ни на какія убѣжденія, Наполеонъ настоялъ, чтобы флотъ, снявшись съ якоря, построился на рейдѣ линіями. Едва успѣли поднять паруса, какъ началась буря. Молнія освѣтила горизонтъ, громъ грохоталъ безпрерывно и сильное волне-

віе разбросало суда. Жалобные крики погибавшихъ досягали берега. Наполеонъ взялъ шляпу и отправился на мѣсто происшествія, гдѣ нашелъ многочисленныя толпы праздныхъ зрителей. Многія суда были выброшены на берегъ—и крики терпявшихъ крушеніе наполнили воздухъ. Казалось, въ эту минуту императоръ вынуждался отчаяніемъ произнести: «О, Брюи! что я надѣлалъ!» Но онъ остался спокоенъ и воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Богъ! Живѣй, проворѣй, богъ!» Глубокая тишина... нѣтъ никакого движенія... Приказаніе повторилось, и уже тогда только послышалось нѣсколько голосовъ: «Нельзя пускаться въ море!» Наполеонъ отвѣтствовалъ имъ съ сильнымъ негодованіемъ: «Э, господа моряки, вы боятесь моря!» и въ ту же минуту приказалъ нѣсколькимъ изъ своихъ гвардейцевъ, которые съ нимъ находились, сѣсть въ огромный ботъ, подведенный двѣнадцатью сильными гребцами. «Отваливай!» произнесъ императоръ.—Люди грянули сильно, но разъяренная стихія боролась съ человѣческими усиліями. Волны, стремившіяся къ берегу, препятствовали боту отчаливаться, такъ что Наполеонъ долженъ былъ возвратиться въ лагерь. На слѣдующее утро залитъ покрылся обломками кораблей и человѣческими трупами. Находясь на островѣ Св. Елены, Наполеонъ вспомнилъ объ этомъ событіи и съ сожалѣнованіемъ сказалъ: «Бѣдный Брюи, ты имѣлъ справедливыя причины меня удерживать. Ежели бы окружавшіе меня были также, какъ и ты, искренни, можетъ—быть и я бы не былъ здѣсь; самые небеса отомстили мнѣ за Брюи!» Брюи умеръ, спустя годъ послѣ своего увольненія, не оставивъ ничего въ наслѣдство дѣтямъ своимъ, кромѣ одной только памяти о благородномъ характерѣ и славной службѣ своей.

МАНИЛЬЯ И ЕЯ ЖИТЕЛИ. Послѣ острововъ Зондекаго архипелага, не найдется, можетъ—быть, на всемъ необозримомъ Южномъ океанѣ, острова прелестнѣе Лусона, величайшаго и значительнѣйшаго изъ группы Филиппинскихъ острововъ.

Уже самый видъ этого острова съ открытаго моря необыкновенно величественъ; высокія горы, покрытыя роскошнѣйшею зеленью, ясно доказываютъ, какъ щедро природа надѣлила своими дарами эту страну. И дѣйствительно, если бы она не подвергалась частымъ землетрясеніямъ и душливымъ весеннимъ вѣтрамъ въ то время, когда сѣверный вѣтеръ затихаетъ, а южный, называемый муссономъ, еще не начинается дуть, и если бы въ ней не господствовали, въ продолженіе дождливаго времени, нѣкоторыя болѣзани, то можно бы было назвать эту страну благословеннѣйшею въ мірѣ. Впрочемъ, пріѣхавшіи сюда Европейцы,

обращаетъ на все это весьма мало вниманія, потому—что легко переносить всё эти неудобства тому, кто принужденъ былъ во время пути, испытывать бури на мысѣ Доброй Надежды, и сильные порывы вѣтра въ Мозамбикскомъ каналѣ, или подвергаться подъ экваторомъ, при совершенномъ безвѣтріи, сильнымъ проливнымъ дождямъ.

Горы острова Люсона, покрытыя лѣсомъ, представляютъ рядъ еще дымящихся вулкановъ. Вдоль живописныхъ береговъ этого острова находится множество заливовъ и гаваней, въ которыхъ могутъ найти себѣ убѣжище корабли всѣхъ націй, и въ этомъ отношеніи берега одной только Греціи могутъ сравниться съ Филиппинскими островами. Въ гавани города Манилы останавливаются всё иностранные корабли, потому что, съ давнихъ уже временъ, это есть единственное мѣсто, открытое испанскимъ правительствомъ для свободной торговли.

Необыкновенное богатство и разнообразіе произведеній этого острова могли бы доставить ему не мало важности и значенія въ торговомъ отношеніи, если бы только имъ владѣла не Испанія, а другая болѣе промышленная нація. Рисомъ, получаемымъ здѣсь ежегодно отъ двухъ жатвъ, снабжается почти вся китайская имперія, а табакъ, растущій на островѣ Люсонѣ и составляющій главный предметъ вывоза, пользуется всемірною извѣстностію, такъ-что сумма на которую его ежегодно отсюда вывозятъ, равняется суммѣ вывоза всѣхъ другихъ произведеній, взятыхъ вмѣстѣ. Кромѣ того разведеніе сахарнаго тростника и кофе сопряжено здѣсь съ меньшими издержками, чѣмъ въ другихъ странахъ. Мы находимъ еще, между произведеніями этого острова, корицу, индиго, хлопчатую бумагу, пеньку и множество другихъ, годныхъ для тканья и почти нигдѣ не встрѣчаемыхъ растеній, сверхъ того, кокосовое масло, кожи, поташъ, разный лѣсъ, красильныя вещества, бамбукъ, ротангъ, черное и красное дерево, всё пахучія эссенціи, бальзамы и всё растительныя вещества, находящіяся только здѣсь и на восточныхъ берегахъ Бенгальскаго и Малабарскаго заливовъ.

Можно себѣ составить приблизительное понятіе о богатствѣ этой страны, если скажемъ, что въ одной изъ девятнадцати провинцій, на которыя дѣлится островъ, встрѣчается сто шестнадцать родовъ деревьевъ. Многія изъ нихъ отличаются не только прекраснымъ цвѣтомъ своимъ, но и необыкновенною прочностью и твердостью; не менѣе замѣчательны также объемъ этихъ деревьевъ, достигаютъ иногда до огромнѣйшихъ размѣровъ, а потому здѣсь не рѣдкость видѣть сдѣланныя изъ одного куска

дерева двери, даже столы, за которыми могутъ удобно помѣститься до 20 человекъ.

Къ этимъ многообразнымъ произведеніямъ земли, составляющимъ главный предметъ вывоза, присоединяются еще и другіе предметы, которые имѣютъ большую цѣнность, какъ то: перецъ, гвоздика, мускатный орѣхъ, и всё другія, извѣстныя пряныя коренья, черепаховая кость, перламутръ, и золотой песокъ, находящійся во всѣхъ филиппинскихъ рѣкахъ, и доказывающій существованіе на этомъ островѣ значительныхъ рудниковъ. При исчисленіи всѣхъ предметовъ вывоза, надобно упомянуть также и о тѣхъ тонкихъ драгоцѣнныхъ тканяхъ, которыя выдѣлываются туземцами и извѣстны подъ именемъ: абака, ниплесъ, пагадодесъ, таписъ и проч. Одинъ родъ этихъ тканей, выдѣлываемыхъ изъ ананасовыхъ питей, и потому называемыхъ pina (это слово испанское и означаетъ ананасъ), можно почитать тончайшимъ и изящнѣйшимъ издѣліемъ рукъ человеческихъ, и по своей матовой бѣлизнѣ, красотѣ и наружности, превосходить даже наши тончайшіе батисты.

Жители Манилы ведутъ довольно безпечную жизнь. Утомленные душливою, жаркою ночью, они утромъ отправляются къ морю, чтобъ освѣжиться купаньемъ. Съ первыми лучами восходящаго солнца, весь морской берегъ, прилегающій къ городу, начинаетъ наполняться мужчинами и женщинами, которые потомъкупаются всё вмѣстѣ. Вольные испанскіе правы не находять въ этомъ ничего предосудительнаго, и женщина нисколько не стѣняется, если и видитъ, что съ неюкупаются одни незнакомые ей мужчины. Всѣ жители Манилы очень искусны въ плаваніи, и женщины въ этомъ отношеніи нисколько не уступаютъ мужчинамъ. Здѣсь купанье составляетъ для всѣхъ самое любимое препровожденіе времени, такъ что нѣкоторые въ водѣ даже завтракаютъ.

Гастрономія никогда не находилась въ цвѣтущемъ состояніи въ Испаніи, а тѣмъ менѣе въ ея колоніяхъ; обѣды въ городѣ Манилы готовятся весьма просто и отличаются только особеннымъ разнообразіемъ кушаньевъ, къ чему, вѣроятно, способствуетъ безчисленное множество имѣющихся тамъ овощей, плодовъ, и разной рыбы. Послѣ обѣда, пріѣзжіи Европеецъ, подремавъ немного, садятся въ свою карету (собственный экипажъ составляетъ первую потребность въ Манилѣ; а потому и находится у каждаго жителя), и ѣдетъ въ Salcada, мѣсто прогулки, находящееся на берегу моря; здѣсь все общество города наслаждается свѣжимъ воздухомъ и расходится почти передъ самымъ наступленіемъ ночи. Большая часть здѣшнихъ

экипажей, похожих на одномѣстные кареты, въ которыхъ съ трудомъ могутъ помѣститься двое, — запрягаются обыкновенно двумя лошадьми. Наши кабриолеты и другіе новѣйшіе европейскіе и въ особенности крытые экипажи здѣсь совершенно не въ употребленіи; потому-что въ нихъ можно было бы легко задохнуться. На отдышку, и вообще на паружность экипажей здѣсь не обращаютъ никакого вниманія. Отъ немощныхъ грязныхъ улицъ, кузовы и колеса покрываются всегда толстымъ слоемъ грязи, которую, однако же, весьма рѣдко смываютъ; ливреи кучеровъ и лакеевъ не отличаются ни изяществомъ, ни новизною; одними словомъ, по всему видно, что находившіеся въ испанской землѣ. Здѣсь, конечно, на прогулкахъ вы уже не встрѣтите тѣхъ блестящихъ, запряженныхъ чудеснѣйшими лошадьми экипажей, въ которыхъ обыкновенно разъѣзжаютъ въ Калькуттѣ на балы владѣтельные князья, банкиры, военные и гражданскіе чиновники; но за то въ Манильѣ, пріѣзжающее на прогулку общество весело, непринужденно, радужно, свободно, между тѣмъ какъ въ Калькуттѣ высшій кругъ скучается, разъѣзжая церемонно передъ дворцомъ генералъ-губернатора. Въ Манильѣ всѣ жители, въ особенности же Европейцы, знакомы между собою, и никто изъ нихъ не опасается унизиться въ глазахъ другихъ, если раскланывается на прогулкахъ съ знакомыми ему людьми изъ низшаго состоянія. Самое оживленное зрѣлище представляетъ *Salcada* вечеромъ, въ то время, когда все движется и веселится; случается иногда, что вдругъ, посреди этого веселья, все какъ будто каменѣетъ, говоръ умолкаетъ, а ѣздки и кареты останавливаются. Причиною этому бываетъ то, что съ башни города раздается первый звонъ колокола, призывающій къ вечерней молитвѣ, *Angelus*; въ это время работникъ также прерываетъ свою работу, пѣшеходъ останавливается на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ засталъ его звукъ колокола. Каждый житель города, бѣдный и богатый, старый и малый, господинъ и невольникъ, однимъ словомъ, можно сказать, что все народоваселеніе какъ будто соединяется одною мыслію и возноситъ молитвы свои къ Подателю всѣхъ благъ земныхъ; вся эта сцена имѣетъ нѣчто особенно торжественное и производитъ на всякаго путешественника глубокое впечатлѣніе. Какъ только колоколъ замолкаетъ, то по-прежнему приходитъ все въ движеніе и начинается шумный, оживленный разговоръ; послѣ того, однакоже, въ скоромъ времени толпа прогуливающихся разѣбавается, потому-что подлѣ экваторомъ ночь наступаетъ мгновенно, безъ всякаго перехода, и не совсѣмъ безопасно, находясь безъ движенія въ

открытомъ экипажѣ, подвергаться дѣйствию сильной росы, падающей съ наступленіемъ ночи.

Но вотъ наступаетъ часть, въ которой всѣ ѣдутъ въ *Tertulia*, или вечернее собраніе; чужестраенецъ также получаетъ пріятливое приглашеніе, лѣвиться туда, но получаетъ его такъ поздно, что, сдѣлавъ англійскому строгому этикету, оно могло бы показаться скорѣе за оскорбленіе; но въ Манильѣ всѣ вообще обычаи не церемонны, а потому и приглашеніе, сдѣланное отъ добраго сердца, столь же охотно принимается, какъ и было сдѣлано. Къ тому же эти вечернія собранія совершенно отличаются отъ европейскихъ. Мѣстомъ собранія служатъ большія, оштукатуренныя и выбѣленные залы, мебель которыхъ состоитъ изъ плетеныхъ стульевъ и дивановъ; обои не годятся для здѣшняго климата, потому-что произвели бы удручливый жаръ и служилъ бы убѣжищемъ множеству насѣкомыхъ. Пара восковыхъ свѣчей, покрытыхъ колпакомъ, и нѣсколько простыхъ лампъ, составляютъ все освѣщеніе залы. Если время года дозволяетъ, то окна и двери открываются съ той стороны, съ которой дуетъ вѣтеръ, для того чтобы какъ можно болѣе освѣжить комнату; стулья ставятся обыкновенно въ два ряда, и такимъ образомъ, чтобы находились подлѣ вліяніемъ сквознаго вѣтра; одинъ рядъ стульевъ занимаютъ мужчины, а другой женщины. Большая часть жителей принимаетъ гостей на большомъ балконѣ, который находится при каждомъ домѣ; входъ со двора и, подобно монастырскимъ галереямъ, эти балконы идутъ вокругъ всего дома; въ британскихъ и голландскихъ тропическихъ колоніяхъ, балконы эти обращены бываютъ на улицу, а въ испанскихъ во внутреннюю сторону дома. Всякой этикетъ и церемонія изгнаны изъ общества города Манильи, особенно же въ отношеніи костюма, гости никогда и ничѣмъ не стѣснены. Единственная роскошь, которую мужчины себѣ позволяютъ, состоитъ въ тонкомъ и всегда свѣжемъ бѣльѣ; верхняя одежда ихъ состоитъ обыкновенно изъ куртки, или сортука изъ бѣлой бумажной матеріи: очень рѣдко надѣваютъ здѣсь фракъ, еще рѣже мундиръ. Существующее здѣсь обыкновеніе, чтобы женщины сидѣли противъ мужчинъ и не составляли бы своего отдѣльнаго круга, какъ это обыкновенно у насъ дѣлается, принуждаетъ ихъ, нѣкоторымъ образомъ, принимать участіе въ общемъ разговорѣ, и тѣмъ рѣдко надѣваютъ здѣсь собранія скучные и серьезные разговоры. Здѣсь не спорятъ ни о религіи, ни о политикѣ, но смѣются, шутятъ, разсказываютъ анекдоты и исторіи и занимаются музыкою. Проведя такимъ образомъ нѣсколько часовъ, всѣ садятся за ужинъ, состоящій

обыкновенно изъ разныхъ сладкихъ пирожковъ, освѣжительныхъ шаптковъ и вареній, и потомъ всѣ вмѣстѣ выходятъ изъ собранія, чтобъ отправиться домой, и нерѣдко, приглашенный на эти собранія иностранецъ, оставляя его, удивляется, какъ могъ онъ при столь ограниченныхъ средствахъ къ развлеченію, столь приятно провести вечеръ.

Во время масляницы, представляется еще другое средство, для препровожденія времени и составленія знакомствъ, но на которое только что пріѣхавшій Европейецъ не всегда рѣшается, хотя испанскіе обычаи ему это дозволяютъ. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ узнать, въ какомъ домѣ приглашены гости; тогда стѣбитъ только надѣть маску и отправиться туда, какъ бы получивъ приглашеніе по формѣ. Какъ только хозяинъ дома замѣтитъ ваше присутствіе, тотчасъ же подходитъ къ вамъ, привѣтствуетъ васъ со всею церемонною вѣжливостію испанскихъ нравовъ и благодаритъ васъ за честь, оказанную вами его дому; за тѣмъ проситъ прекратить ваше никогнито и принять участіе въ увеселеніяхъ вечера. Хотите оказать вѣжливость, то снимаете маску, если же имѣете причину оставаться незнакомымъ, то остаетесь замаскированнымъ, и это никому не покажется страннымъ; хотя бы вы и пробывли довольно долго, танцовали со всѣми дамами и всѣхъ ихъ интриговали и потомъ зашли въ другіе дома, въ которыхъ находятся также Tertulia,—свобода испанскихъ обычаевъ не нашла бы въ этомъ ничего предосудительнаго. Кромѣ масляницы, обычаи дозволяютъ чужестранцу принимать участіе и въ семейныхъ празднествахъ, какъ-то: свадьбахъ, сговорахъ, крестинахъ и т. д. только подъ условіемъ, чтобы онъ велъ себя, какъ прилично истинному джентльмену. Этотъ обычай, принятый въ испанскомъ обществѣ и освященный уже временемъ, поражаетъ всякаго чужестранца, но было бы неосторожно со стороны его высказывать объ этомъ громко свое мнѣніе, или не соблюсти обычая. Богатый англійскій купецъ О... испыталъ всѣ невыгоды послѣдствія несоблюденія этого обычая. Въ 1844 году посѣтилъ Филиппинскіе острова англійскій адмиралъ сэръ Томасъ Кохрэнъ и былъ принятъ самымъ учтивымъ образомъ Англичанами, находившимися въ Манильѣ. Въ честь адмирала и штаба его, О... вздумалъ дать блистательный балъ, для котораго надобились огромныя приготовленія, такъ что за недѣлю уже до бала всѣ говорили объ немъ въ городѣ. Такъ какъ Англичане извѣстны своимъ высокоуміемъ и негостепримствомъ, то, кромѣ приглашенныхъ, никто изъ жителей Манильы не вздумалъ воспользоваться существующимъ обычаемъ, за исключеніемъ португа

господина О..., котораго подстрекнуло любопытство увидѣть блестящіе мундиры и наряды дамъ. Едва только господинъ О... узналъ въ неприглашенномъ гостѣ своего португа, то пришелъ въ такое негодованіе и забился до того, что послѣ грубаго выговора вытолкалъ его изъ залы и такъ сильно столкнулъ съ лѣстницы, что тотъ упалъ и получилъ значительные ушибы. Это неуваженіе къ обычаямъ страны такъ оскорбило испанскихъ гостей, находившихся на балѣ, что они тотчасъ же удалились. На другой день всѣ знакомые господина О... Испанцы отказались отъ всякихъ съ нимъ сношеній, португой же подалъ на него жалобу въ судъ, въ слѣдствіе которой начался настоящій испанскій процессъ, кловнвшійся къ тому, чтобы выманить какъ можно болѣе денегъ отъ подсудимаго. Благодаря посредничеству британскаго консула, господинъ О... послѣ двухмѣсячнаго тюремнаго заключенія, былъ наконецъ освобожденъ съ условіемъ заплатить обиженному португому, до окончанія процесса, въ видѣ вознагражденія, 1500 долларовъ. Кромѣ того, ему пришлось заплатить еще всѣ издержки за леченіе португа; каждое посѣщеніе доктора стоило ежедневно одной унціи золота; къ тому же господинъ О... принужденъ былъ давать еще португому пенсію, потому-что у этого послѣдняго, въ теченіе 20 мѣсяцевъ, голова была обвязана, и онъ отъ этого не могъ заниматься своимъ мастерствомъ. Черезъ полтора года кончился процессъ мировою сдѣлкою между тяжущимися; этотъ процессъ стоилъ господину О... около 2.000 ф. ст.; онъ долженъ былъ продать свое недвижимое имущество, привести всѣ свои дѣла въ порядокъ и выѣхать изъ Манильы, потому-что сдѣлаясь до того ненавистнымъ всѣмъ жителямъ города, что въ него чуть не бросали камнями, въ то время, когда онъ проходилъ по улицамъ.

Въ городѣ Манильѣ, какъ и во всѣхъ тропическихъ странахъ, ночь посвящается удовольствіямъ, отъ того, что дневной жаръ бываетъ всегда чрезвычайно душливъ, вечерняя же прохлада освѣжительна. Пріѣхавшій въ Манилью Европейецъ никогда не имѣетъ недостатка въ увеселеніяхъ и въ средствахъ къ препровожденію времени. Если нѣтъ приглашенія въ частный домъ, то можетъ отправиться въ большой театръ, въ которомъ составленная изъ Индѣйцевъ труппа актеровъ разыгрываетъ въ искаженномъ испанскомъ переводѣ, французскія мелодрамы; кто любитъ народныя оригинальныя зрѣлища, тотъ отправляется въ одинъ изъ театровъ предмѣстія, на которыхъ обыкновенно индѣйскія пьесы разыгрываются на туземномъ языкѣ. Здѣсь, къ сожалѣнію, ничего нельзя понять, за то можно узнать нѣкоторыя занимательныя черты характера низшихъ классовъ на-

родопоселенія. Кромѣ того, прѣхавшій сюда иностранецъ находить еще развлеченіе на мосту, соединяющемъ торговую часть города съ военною, на которомъ три раза въ недѣлю играетъ музыка здѣшняго гарнизона. Въ это время стекается сюда высшее общество Манилы. Музыка здѣсь не отличная, но прѣзжіе и не ищутъ концерта, а желаютъ только видѣть мѣстные нравы и обычаи. Вокругъ этого мѣста прогулки, располагаются на каменныхъ скамьяхъ, или подъ деревьями, Индѣйцы и негры съ трубками во рту, между тѣмъ какъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ садятся молодыя женщины, не совсѣмъ скромной наружности и одѣтыя въ разноцвѣтныя яркія платья. Вообще здѣсь женщины не слишкомъ строгой нравственности, тѣмъ болѣе, что роскошная жизнь Европейцевъ и легкое пріобрѣтеніе отъ нихъ денегъ не мало прельщаютъ этихъ женщинъ. Въ тропическихъ странахъ мало обращается на все это вниманія и многое извиняется жаромъ южной крови и выжностью страстей.

НЕОБЫКНОВЕННО-ЛЕГКАЯ, НО ВМѢСТѢ СЪ ТѢМЪ САМАЯ НЕВЫНОСИМАЯ РАБОТА. Одинъ изъ извѣстныхъ богачей вѣка Екатерины II, господинъ Д....., жившій нѣсколько лѣтъ въ Англіи, посмотрѣлся тамъ на причуды богатыхъ Англичанъ, возвратился въ Россію и началъ себя тѣшить, по-англійски, различными испытаніями надъ родомъ человѣческимъ посредствомъ силы денегъ. Эта сила, — какъ давно уже удостовѣрились въ нашемъ девятнадцатомъ вѣкѣ, — важнѣе электрической и гальванической, превосходить электро-магнитную, и не уступаетъ даже силѣ паровъ.

Изъ многихъ опытовъ господина Д..... расскажем теперь одинъ. Впоследствии сообщимъ и другіе его замѣчательные опыты.

Господинъ Д..... услышалъ разъ отъ своего управителя, что крестьяне одной изъ деревень его, бывшіе на зашакѣ, просятъ облегчить урочную ихъ работу, которая, по совѣти сказать, была очень легка и справедлива. Крестьяне справлялись съ нею шутя, богатѣли и жили припѣваючи. Черезъ нѣсколько дней тотъ же управитель доложилъ господину Д....., что дворовые люди его, узнавшіе о просьбѣ крестьянъ, считаютъ себя крайне обремененными работою, и просятъ увеличить штатъ ихъ, который и безъ того былъ чрезвычайъ огроменъ.

— Вотъ что! сказалъ господинъ Д....., потирая лобъ. Что же ты думаешь, любезный Савельичъ? (Такъ онъ называлъ своего управителя).

Савельичъ, пожавъ плечами и поклонясь, отвѣчалъ:

— Дѣло мудреное, ваше превосходительство! Не нашему брату рѣшить его. Какъ изволите приказать сами, такъ тому и быть.

— Вотъ что! повторилъ господинъ Д..... А послушай-ка, Савельичъ, мнѣ крайне нуженъ работникъ. Пришли ты мнѣ его завтра.

— Какого прикажете?

— Лежебока.

— Какъ вы изволили сказать?

— Лежебока.

— Признательно объясните, не слыхивалъ никогда такого мастерства и искусства. По какой онъ части ремесло свое производитъ?

— Лежебокъ обязанъ цѣлый день ничего не дѣлать и лежать то на одномъ боку, то на другомъ, и, пожалуй, на спинѣ, но ни въ почъ, ни въ день не вставать съ постели ни подъ какимъ видомъ. Сыщи ты мнѣ такого художника для моего дома. Я дамъ ему сто рублей въ мѣсяцъ жалованья, готовый столъ, готовое платье, все, что онъ только пожелаетъ; но съ тѣмъ, чтобы онъ точно и старательно исполнялъ свою должность.

— Шутить изволите, ваше превосходительство?

— Какое, братецъ, шутить! Безъ всякихъ шутокъ говорю.

— Да я вамъ за десять рублей въ мѣсяцъ и даже дешевле приведу такого работника.

— Хвастаешь, Савельичъ! Ремесло трудное!

— Помилуйте! Какой тутъ трудъ!

— Не говори, братецъ! Ты этого дѣла не разумѣешь.

— Можеть-быть, ваше превосходительство, но если ужъ нуженъ такой работникъ, то завтра же представлю и не за такую цѣну, какую вы назначить изволили.

— Очень тебѣ буду благодаренъ! Однако жъ не торгуйся. Иди до ста рублей въ мѣсяцъ, какъ я сказалъ. Я денегъ не пожалѣю! Главное, чтобы завтра же былъ у меня такой работникъ. Онъ мнѣ необходимъ.

— Слушаю-съ!

Эко, подумаешь! размышлялъ управитель Савельичъ, покачивая лысою головою, когда вышелъ изъ кабинета господинъ Д.... Приходить же въ голову барамъ такіа штуки! Лежать и ничего не дѣлать, на всемъ готовомъ содержаніи, да сверхъ того сто рублѣвъ въ мѣсяцъ жалованья! Да я готовъ и самъ предложить себя въ такую должность. Мало ли у меня хлопотъ-то, а я и самъ не болѣе получаю. Впрочемъ, баринъ, можетъ-быть, шутить, такъ оно, тово, чтобы не обраться. Нѣтъ, лучше кого-нибудь рекомендую и посмотрю, что будетъ.

У Савельича былъ двоюродный братъ Антонъ Антиповъ, мужчина сильный и здоровый, вершковъ десяти съ двумя аршинами роста. Онъ ремесломъ былъ носильщикъ, таскалъ каждый день на спинѣ мѣшки девятипудоваго вѣса, носилъ на головѣ тяжелую мебель и разныя разности, съ ранняго утра до поздняго вечера, приобретаая въ день не болѣе рубля.

«Ну, какъ не порадовать родному человѣчку!»

Такъ сказалъ Грибоѣдовъ; въ слѣдствіе этого Савельичъ призвалъ своего двоюроднаго брата къ себѣ. Объяснились, и на завтра Антиповъ былъ представленъ господину Д....

— Вотъ, ваше превосходительство, нашелъ! сказалъ, поклонясь, Савельичъ.

— Спасибо! Но способенъ ли онъ исполнять, какъ слѣдуетъ, свою должность?

— А позвольте спросить всевышайше, въ чемъ оная будетъ въ точности состоятъ? спросилъ робкимъ голосомъ Антиповъ.

— Вотъ видишь, братецъ! Миѣ нуженъ хорошій лежебокъ. Я былъ за границей и видѣлъ тамъ много такихъ художниковъ. Вздумалось миѣ завести своего. Должность лежебока состоитъ въ томъ, чтобы цѣлый день и цѣлую ночь лежать на тюфякѣ, или, если хочешь, на перниѣ, не вставать никогда съ постели, ѣсть и пить, что хочешь и сколько хочешь. За это я даю сто рублѣвъ въ мѣсяцъ жалованья. Если же увижу твоё усердіе, то прибавлю жалованья въслѣдствіи, и буду еще давать особенныя награды.

— Такъ-съ! отвѣчалъ Антиповъ, поглаживъ бороду. Но позвольте спросить только на счетъ *теплаго*, то есть чай, или ко-

фій, если пожелаю, будутъ подаваться на вашъ, или на мой счетъ?

— Конечно, на мой! Спроси хоть шеколаду, шербету или ананаснаго варенья, такъ тебѣ все подадутъ.

— Такъ-съ! А если понадобится къ чаю малая толка ромцу?

— И ромцу подадутъ.

— Такъ-съ! А какъ цѣна? Вашъ управитель, Савельичъ, говорилъ, что вы изволите давать сорокъ рублѣвъ въ мѣсяцъ.

— Вретъ онъ! Я даю сто рублѣвъ въ мѣсяцъ! А мало, — такъ прибавлю. Согласенъ ли?

— Да ужъ положите, ваше превосходительство, по четыре рублика въ день.

— То-есть, сто двадцать рублѣвъ въ мѣсяцъ? Изволь! По рукамъ! Но только, чуръ, исполнять свою должность со *всѣмъ* усердіемъ и стараніемъ.

— Останетесь нами довольны, ваше превосходительство! То есть, всѣхъ заграничныхъ Нѣмцевъ и прочихъ разныхъ — другихъ иностранцевъ за поясъ заткнемъ!

— Ну, ладно! Савельичъ! отведи его въ назначенную мною комнату, уложи, и приставь къ нему двухъ дежурныхъ, одного на день, другаго на ночь, да окажи имъ, чтобы строго наблюдали за Антиповымъ, помогали въ случаѣ нужды другъ-другу, и доносили бы миѣ, черезъ тебя, каждое утро: исполняетъ ли онъ въ точности свою должность.

— Слушаю-съ.

Савельичъ и его двоюродный братъ вышли изъ кабинета, поглядывая другъ на друга изъ-подлобья и улыбаясь въ молчаніи.

Наконецъ дюжіи и рослыи Антиповъ громко и раскатисто захохоталъ.

— Что ты?

— Эку баринъ работу выдумалъ! Лежи себѣ на боку, оленьи не дѣлай, ѣшь и пей, что хочешь, катайся, какъ сыръ въ маслѣ,

и за все это сто двадцать рублёвъ жалованья въ мѣсяцъ, да еще и награды! Эко счастье привалило! Да не шутить ли онъ?

— Ни, ни! Я его спрашивалъ! отвѣчалъ глубокомысленно Савельичъ, замотавъ головою.

— Чудное дѣло! И не поймешь всѣхъ барскихъ затѣй.

Антиповъ улегся на приготовленную для него, мягкую постель, въ назначенной ему комнатѣ. Определенные при немъ дежурные явились, для деннаго и почнаго надзора за нимъ.

Прошло пять дней.

— Ну что, Савельичъ? спросилъ господинъ Д.... своего управителя утромъ, на шестой день послѣ заключенія условія съ Антиповымъ. Что нашъ лежебокъ?

— Лежить, ваше превосходительство!

— Право? И ни разу не вставалъ съ постели?

— Нѣтъ-съ, ни разу! Дежурные за нимъ строго наблюдаютъ, по вашему приказу.

— Хорошо, братецъ! Скажи имъ, что я ихъ награжу за ихъ усердное стараніе и наблюденіе.

— Слушаю-съ!

Прошли еще три дня. Управитель явился утромъ въ кабинетъ господина Д.... съ весьма озабоченнымъ и разстроеннымъ лицомъ.

— Что съ тобой, Савельичъ? спросилъ Д....

— Бунтуетъ, ваше превосходительство!

— Кто?

— Антоновъ Антиповъ!

— Что съ нимъ?

— Вскочилъ, приблизилъ дежурныхъ и не хочетъ ни за что лежать!

— Какъ такъ? Кормили ли его и поили ли его, какъ слѣдуетъ?

— Подавали все, что ни спросить, кромѣ пичьяго молока, ваше превосходительство! Дурь какая-то на него нашла. Хо-

четь непременно вамъ лично представиться, да я сказалъ, что онъ дуракъ, и велѣлъ дежурнымъ уложить его въ постель силою. Они кликнули, на подмогу себѣ, кучера да дворника, и вчетверомъ кое-какъ справились: уложили.

— Напрасно. Вели его позвать ко мнѣ. Надобно узнать: чего онъ хочетъ?

Вскорѣ явился Антоновъ Антиповъ, котораго растрепанные волосы и борода, и вообще вся наружность, показывали, что онъ выдержалъ съ дежурными и ихъ помощниками жаркое и отчаянное сраженіе.

— Что ты, Антиповъ? спросилъ Д....

— Нѣтъ, ваше превосходительство! Увольте, сдѣлайте такую отеческую милость! Чуть съ ума не сошелъ, лежа! Что мнѣ ваши сто двадцать рублёвъ въ мѣсяцъ! Богъ съ ними! Не хочу! Отпустите, увольте меня!

— Послушай, братецъ! Я знаю, что должность лежебока очень трудная. Я тебѣ вдвое дамъ, только служи усердно.

— Ни за что, ваше превосходительство! Вчетверо, впятеро, вдесятеро давайте, такъ не соглашусь! Да это хуже каторги!

— Ну, братецъ, какъ хочешь! сказалъ господинъ Д.... и потомъ прибавилъ, обратясь къ управителю Савельичу:—Заплати ему, что слѣдуетъ по расчету, дай десять рублей награды, и отпусти, а потомъ расскажи объ этомъ лежебокѣ моимъ дворовымъ людямъ и крестьянамъ той деревни, которые жаловались мнѣ на обременительность ихъ трудовъ, да рассказывай и всѣмъ, кому только заблагоразудитъ. Это для всѣхъ пригодится.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО БОГАТСТВА РУССКАГО ЯЗЫКА. Мы знали одного магистра, очень любезнаго, добраго и ученаго человѣка. Онъ былъ большой знатокъ русскаго языка, и вѣроятно сдѣлалъ бы для нашей словесности много пользы, если бы смерть не похитила его почти въ началѣ его поприща. Однажды этотъ магистръ сидѣлъ вечеромъ въ дружескомъ обществѣ литераторовъ, записныхъ грамматиковъ и любителей отечественнаго слова. Въ томъ же обществѣ участвовало нѣсколько молодыхъ людей. Зашла рѣчь о богатствѣ русскаго языка. Одинъ изъ молодыхъ людей началъ доказывать, что

русскій языкъ нисколько не богаче французскаго, и что не только можно выразить на французскомъ языкѣ все, что говорится и пишется на русскомъ, но что, напротивъ, многія французскія фразы и выраженія нельзя перевести на русскій языкъ; слѣдовательно, говорил молодой человекъ, русскій языкъ бѣднѣе французскаго. Поднялись жаркіе споры, которые ничѣмъ бы не кончились, какъ и всѣ споры; но одинъ изъ мнимыхъ знатоковъ русскаго языка началъ поддерживать мнѣніе молодаго человека и тѣмъ подалъ средство къ рѣшенію спора. Этотъ знатокъ, не смотря на свои среднія лѣта, былъ уже порядочно плѣшивъ. Въ собраніи находилось, кромѣ него, много плѣшивыхъ въ разныхъ степеняхъ и видахъ. Всѣ были безъ париковъ, вопервыхъ, по случаю жаркаго іюльскаго дня, вовторыхъ потому, что компанія была дружеская, безъ прекраснаго пола. Магистръ, у котораго на макушѣ волосы были уже довольно рѣдки, посмотрѣлъ на спорящихъ собесѣдниковъ, улыбнулся и сказалъ:

— Мнѣ кажется, что очень легко доказать богатство и превосходство русскаго языка передъ французскимъ.

— Какъ? Что? Докажите! закричало ему нѣсколько голосовъ.

— Да вотъ, господа! Про меня можно сказать, что я *заплѣшиваю*. Этотъ глаголъ выражаетъ начало, основаніе къ дальнѣйшему слѣдствію. Про Ивана Ивановича (онъ указалъ на своего пріятеля) должно сказать, что онъ *поплѣшиваеъ*. Этотъ глаголъ, какъ вы сами понимаете, выражаетъ, что Иванъ Ивановичъ не совсѣмъ еще плѣшивъ, но порядочно подвинулся къ своей цѣли. Петръ Петровичъ (это былъ мнимый знатокъ русскаго языка и главный спорщикъ) конечно не обидится и не станетъ спорить, если я скажу про него, что онъ *оплѣшиваеъ*, такъ какъ этотъ глаголъ означаетъ почти конченное уже событіе. Про Сергѣя Ильича я имѣю полное право сказать, что онъ *преплѣшиваеъ*, то-есть вдалека въ излишество по части потери волосъ, а если бы здѣсь былъ Трофимъ Петровичъ, котораго вы всѣ знаете, то онъ навѣрное согласился бы со мною, безъ всякаго возраженія, что онъ уже *отплѣшиваеъ*, то-есть исполнилъ все по этой части и болѣе ничего уже сдѣлать не можетъ. Извольте перевести всѣ эти глаголы на французскій языкъ, и тогда я соглашусь, что онъ богаче русскаго.

Всѣ расхохотались и согласились съ мнѣніемъ магистра.

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА. Одинъ молодой левъ, только что вступившій въ большой свѣтъ, захотѣлъ воспользоваться выгодною покупкою лошади, которая продавалась за чрезвычайно дешую

цѣну. Онъ купилъ ее, по одному красивому виду, не изслѣдовавъ другихъ ея качествъ. Въ полномъ удовольствіи отъ своего пріобрѣтенія, левъ напередъ уже мечталъ, что щегольнетъ передъ своими знакомыми статнымъ конемъ, запряженнымъ въ фазонъ. На другой день онъ велѣлъ заложить своего коня, сѣлъ въ фазонъ, граціозно подобралъ возжи и хлопнулъ бичемъ, чтобы выбѣжать съ двора на улицу. Лошадь начала описывать самые правильные круги по обширному двору. Левъ никакъ не могъ принудить, чтобы она перемѣнила кругъ на прямую линію, выбился изъ силъ и отказался отъ прогулки, замѣтивъ, что изъ дома торчатъ головы мужскія и женскія, съ любопытствомъ на него смотреть и смѣются. Въ сильной досадѣ молодой человекъ отправился къ барышнику, у котораго купилъ лошадь.

— Что за лошадь ты продалъ мнѣ! Ты, просто, меня надулъ.

— Какъ такъ-съ?

— Да, именно надулъ! Она только кружится по двору, и никакъ не хочетъ выбѣжать на улицу.

— Вотъ что! Странно-съ. Впрочемъ, можетъ быть это происходитъ оттого-съ, что она долгое время употреблена была въ циркѣ, гдѣ, какъ изволите сами знать, лошади всегда скачутъ кругомъ-съ.

— Да что жъ ты мнѣ этого прежде не сказала?

— Да вы не изволили меня ни о чемъ спрашивать. Лошадь вамъ понравилась, и въ самомъ дѣлѣ конь-то знатный! Кабы онъ не кружился, такъ не такихъ бы денегъ стоилъ. Я думалъ, что она нужна вамъ для цирковой ѣзды-съ.

— Дуракъ ты, братецъ!

— Да за что же вы изволите браниться? Купили такъ дешево, и еще на меня же гнѣваетесь!

Это было, по еслибы это была басня то, древній Езопъ привилъ бы къ ней слѣдующее правоученіе: не прельщайся дешевой и не покупай лошади, не узнавъ всѣхъ ея достоинствъ и недостатковъ.

Нѣсколько словъ о штаобріанцѣ. Недавно умеръ въ Парижѣ знаменитый французскій писатель виконтъ де-Штаобріанъ. Похороны его происходили 8 іюля н. ст. въ церкви иностранцевъ Миссіи, при многочисленном собраніи народа. Штаобріанъ былъ деканомъ во французской академіи и занималъ кресла подъ номеромъ шестымъ. Онъ былъ выбранъ въ академики въ 1811 году. Съ тѣхъ перъ, въ теченіе тридцати-семи лѣтъ, онъ

постоянно занималъ шестыя кресла въ этомъ знаменитомъ обществѣ.

Шатобрианъ родился въ 1769 году, въ Шербургѣ, въ округѣ Сень-Малю. Онъ прожилъ семьдесятъ девять лѣтъ.

Семнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Наварскій полкъ подпоручникомъ.

Въ 1790 году, Шатобрианъ отправился въ Америку и жилъ между дикими Индѣйцами. Тамъ онъ написалъ Натше (Natchez).

Возвратясь во Францію въ 1792 году, онъ участвовалъ при осадѣ Тянвилля, гдѣ былъ раненъ. Потомъ онъ переправился въ Англію, гдѣ издалъ: *Историческій опытъ, политическій и моральный, о древнихъ и новыхъ переворотахъ, разсматриваемыхъ въ отношеніи къ французской революціи.*

Первое изданіе *Генія Христіанства* вышло въ Лондонѣ, въ 1802 году.

Послѣ 18-го брюмера, Шатобрианъ возвратился во Францію и скоро былъ опредѣленъ секретаремъ посольства въ Римъ, при кардиналѣ Фешѣ.

Въ 1804 году онъ былъ избранъ уполномоченнымъ въ Валъ. Но смерть герцога Англенскаго въ венсенской темницѣ принудила его оставить эту должность.

Въ іюль 1806 года онъ отправился въ Іерусалимъ, и возвратился оттуда въ 1807 году. Въ этомъ году появилось его сочиненіе: *Мученики.*

«Путевыя записки изъ Парижа въ Іерусалимъ» вышли не прежде 1812 года.

Въ 1814 году онъ издалъ очень смѣлую брошюру подъ названіемъ: *Бонапарте и Бурбоны.*

Людовикъ XVIII назначилъ его посланникомъ въ Швецію; но возвращеніе Наполеона воспрепятствовало ему отправиться къ своему назначенію.

Въ продолженіе *Ста-Дней*, онъ удалился въ городъ Ганъ, гдѣ вмѣстѣ съ Гизо образовалъ знаменитый журналъ: *Moniteur.*

Въ 1815 году, онъ сдѣлался перомъ Франціи и министромъ внутреннихъ дѣлъ; но 5 сентября 1817 года, по королевскому декрету онъ былъ уволенъ отъ званія министра.

Возвратившись изъ путешествія въ Іерусалимъ, онъ привезъ воду изъ Іордана, которая служила при крещеніи герцога Бордоскаго.

Нѣсколько времени Шатобрианъ былъ посланникомъ въ Пруссію; потомъ, въ 1821 году, посланникомъ въ Лондонъ.

22 декабря 1822 года, онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и впоследствии участвовалъ въ Веронскомъ конгрессѣ.

Наконецъ, послѣ іюльскаго переворота 1830 года, Шатобрианъ отказался отъ званія пера Франціи, не захотѣвъ отказаться отъ присяги, данной имъ старшей и законной линіи Бурбоновъ, и велъ до самой смерти домашнюю жизнь, уважаемый и чтимый всеми образованными людьми.

По его завѣщанію, онъ будетъ похороненъ на своей родинѣ, въ городѣ Сень-Малю, на берегу океана, въ гробницѣ, еще при жизни имъ самимъ приготовленной.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Настаетъ пора лѣтнихъ баловъ. Для платьевъ, конечно, бѣлый цвѣтъ предпочитается другимъ, особливо для баловъ на водахъ.—Вотъ изящные костюмы, которые стоить вниманія: бѣлое платье изъ легкой матеріи съ шестью воланами, которые обшиты узкою разовой бахромкой. Талія открытая съ широкой бертой, которая также обшита бахромкой въ четыре ряда. Рукава короткіе, украшенные опять-таки бахромкой и бантами изъ розовыхъ лентъ съ длинными концами. Розовый широкій кушакъ-шарпъ, завязанный напередѣ, съ длинными концами. На головѣ вѣнокъ изъ настоящихъ розъ.—Другой костюмъ: бѣлое платье съ тремя воланами, вырѣзанными зубцами, которые вышиты по краямъ разноцвѣтной шерстью. На таліи и рукавахъ то же украшеніе. Кушакъ разноцвѣтный изъ яркихъ цвѣтовъ. На головѣ вѣнокъ изъ васильковъ, колосевъ и другихъ нестрыхъ цвѣтовъ.

Этотъ нарядъ былъ поразительно хорошъ. Вышивка разноцвѣтной шерстью, на зубчатыхъ воланахъ, казалась узенькими гирляндами изъ цвѣтовъ. Еще сообщимъ хотя уже не новую новость, что на балахъ башмаки опять взяли верхъ надъ сапожками.

Что касается до мантилій, то кажется фасонъ à la Charlotte Corday предпочитается другимъ. Вездѣ видишь мантили съ округленною косынкою назадъ и съ концами напередѣ. Черные кружевные шарфы и косынки, по видимому, никогда не выйдутъ изъ моды.—Для прогулокъ нестрыя и клѣтчатыя барежевыя платья въ большой модѣ. Ихъ отдѣлываютъ косыми воланами и очень мало собранными, такъ что они имѣютъ видъ бізъ. Такихъ бізъ дѣлаютъ по крайней мѣрѣ шесть. Нижнее дѣлается довольно

широкимъ, а остальные уже и уже. Въ жаркіе дни много видно бѣлыхъ легкихъ платьевъ съ воланами, обшитыми узенькими кружевами. Талія обыкновенно высокая, сборчатая, безъ шипа, и обхваченная бѣлымъ кушакомъ, застегнутымъ небольшою пряжкой. Легкія мантили изъ одинаковой съ платьемъ матеріи. Но вотъ еще новый фасонъ платья, который, признаемся, сразилъ насъ своею странностью, когда мы въ первый разъ увидѣли его привезеннымъ изъ-за границы. Постараемся передать этотъ чудный покррой. Это платье изъ темнаго дра-де-дама. Талія гладкая, застегнутая на передѣ большими бронзовыми пуговицами. Спинка изъ трехъ кусковъ. Рукава гладкіе. Спереди отъ пуговиць талія идетъ ниже въ двѣ разныя стороны и образуетъ два шипа, отъ которыхъ продолжается каракъ кругомъ всей таліи и которое назадъ составляетъ еще мысокъ. Сзади на перехватѣ таліи двѣ большія пуговицы. Надобно замѣтить, что все это выкроено изъ одного куска, то есть, каракъ не пришитое; эта курточка совершенно гладко обтягиваетъ талію и бока. Юбка для такой таліи дѣлается на обшивкѣ. Самый маленькій отогнутый воротничекъ довершаетъ этотъ фасонъ. Насъ увѣряютъ, что эта новость очень понравилась, и что уже многія петербургскія дамы заказали себѣ подобные костюмы.

Вотъ еще новость по части шляпокъ. Говорятъ, что въ фасонѣ шляпокъ произойдетъ значительная перемена. Въмѣсто круглыхъ полей, ихъ будутъ дѣлать наверху согнутыми à la Marie Stuart, подъ названіемъ: mouvementé. Будетъ ли это хорошо, увидимъ. Теперь же сообщимъ, что нынѣшнія изящныя шляпки очень много украшаются цвѣтами, которые даже вытиснили изъ-подъ полей шляпокъ бульонъ, такъ долго ничему не уступавшее своего мѣста.

У него же В. П. Полякова продаются:

НАЧАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНИЮ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА, соч. Зейденштюкера, раздѣленное на три курса; составлено въ пользу русскаго юношества, обучающагося французскому языку, Яковомъ Лангеномъ. 2 ч. Ц. 1 руб. сер. отдѣльно выпускъ 1-й 50 коп. сер. 2-й 75 коп. сер.

УЧЕБНАЯ КНИГА НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА, раздѣленная на три курса по руководству Зейденштюкера, въ пользу русскаго юношества составл. Яковомъ Лангеномъ. 2 ч. Ц. 60 коп. сер. отдѣльно каждая часть по 30 коп. сер.

ДѢТСКІЕ РАЗГОВОРЫ на французскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ пользу русскаго юношества составл. Яковомъ Лангеномъ Ц. 60 коп. сер.

ОБОЗРѢНІЕ ЗЕМНАГО ГЛОБУСА, соч. Ободовскаго.

АРИОМЕТИКА составл. П. Гурьевымъ въ 2. част. Ц. 2 руб. сер. съ перес. 2 руб. 50 коп. сер.

АРИОМЕТИКА составл. Цегловымъ. Ц. 1 руб. сер. съ перес. 1 руб. 25 коп. сер.

АРИОМЕТИКА для военно-учебныхъ заведеній, составл. А. Кивдеревымъ, изд. 2. Ц. 75 коп. сер. съ перес. 1 руб. сер.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ АЛГЕБРЫ для военно-учебныхъ заведеній, составл. А. Я. Кушакевичемъ и А. С. Кивдеревымъ Ц. 2 руб. сер. съ перес. 2 руб. 50 коп. сер.

ОБЩЕНАРОДНАЯ ГЕОМЕТРІЯ, соч. Литрова съ 8 листами чертежей Ц. 75 коп. сер.

ГЕОГРАФІЯ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ, составл. Павловскимъ. 2. час. Ц. 2 руб. сер.

ГЕОГРАФІЯ ВСЕОБЩАЯ, составл. Соколовскимъ. 4 час. Ц. 3 руб. сер. съ перес. 3 руб. 50 коп. сер.

ГРАММАТИКА НѢМЕЦКАЯ съ русскимъ, составл. Шмидтомъ Ц. 1 руб. сер.

ГРАММАТИКА ЛАТИНСКАЯ Кошанскаго съ словаремъ. Ц. 1 руб. сер.

У НИИГОПРОДАВЦА ВАСИЛЬЯ ПОЛЯНОВА,

въ гостиномъ дворѣ по Суконой линіи подъ № 17-мъ,

продаются слѣдующія книги:

ИСТОРІЯ ЦЕРКВИ

ОТЪ СОТВОРЕНІЯ МІРА

ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ,

въ двухъ частяхъ, съ хронологическою таблицею достопамятныхъ лицъ и событій Ветхаго Заветъа С.п.б. 1848. Ц. 1 руб. 50 коп. сер. съ пересыл.

Здѣсь изложены исторія судей, царей и пророковъ, и указаны писанія послѣднихъ. Земная жизнь Господа Нашего Иисуса Христа изложена авторомъ подробно. Жизнь и дѣянія св. Апостоловъ соединены съ ихъ ученіемъ, и изложены и объяснены ихъ боговдохновенныя писанія: четыре Евангелія, дѣянія Апостольскія, посланія Апостоловъ Петра, Иоанна, Іакова, Туды и всѣ посланія Ап. Павла и откровеніе Іоанна Богослова. Далѣе подробно объяснены соборы и ихъ правила, раздѣленіе церквей на восточную и западную, духъ пастырей ихъ, бѣдствія церквей и перенесеніе свѣтильника христіанства въ наше отечество; отсель идетъ непрерывный рядъ святителей нашей церкви; излагаются ихъ подвиги и писанія, и доводится исторія русской церкви до настоящаго времени; не опускается изъ виду и римско-католическая церковь; описывается происхожденіе реформациі, излагается исторія Іезуитовъ и пр.

- ГРАММАТИКА РУССКАЯ Воробьева. Ц. 75 коп. сер.
- ГРАММАТИКА КРАТКАЯ И. Греча. Ц. 72 коп. сер. съ перес.
1 руб. сер.
- ГРАММАТИКА РУССКАЯ Иланова. Ц. 72 коп. сер. съ перес.
1 руб. сер.
- ДРУГЪ ДѢТЕЙ, соч. Максимовича. Ц. 85 коп. сер. съ перес.
1 руб. 15 коп. сер.
- КРАТКАЯ СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ Полянскаго. Ц. 30 коп.
сер. съ перес. 50 коп. сер.
- МЕТОДА РОБЕРТСОНА, практическіе уроки англійскаго языка съ грамматическимъ ихъ обзоромъ въ пользу Русскихъ, состав. Яковъ Лангенъ. Ц. 75 коп. сер.
- УЧЕБНАЯ КНИГА АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА, составл. Г. Кочманъ. Ц. 75 коп. сер.
- УЧЕБНАЯ КНИГА ИТАЛІЙСКАГО ЯЗЫКА для Русскихъ, въ 3 час. Ц. 1 руб. сер.
- УРОКИ АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА, составл. Э. Ро. Ц. 75 коп. сер.

Также можно получать все книги, изданныя департаментомъ народнаго просвѣщенія, по цѣнамъ назначеннымъ отъ департамента.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться за всеми вообще книгами, публикуемыми и отъ другихъ книгопродавцевъ, на имя Василья Петровича Полякова.

Требованія исполняются съ первоотходлящею почтою.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ коммиссіонера во
енно-учебныхъ заведеніяхъ и библиотекъ гвардейскаго корпуса,

Я. А. ИСАКОВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, подъ № 22.

Цѣны на серебро безъ пересылки.

- Histoire du clergé de France depuis l'introduction du christianisme dans les Gaules jusqu' à nos jours.* par Bousquet, tome 1 in 8. Paris. 1847. 2 r. 20 c.
- Histoire des Souverains pontifes romains,* par le Chev. Artaud, tomes 1 à 4. in 8. Paris. 1847. 7 r.
- Traité de l'Instruction écrite et du reglement de la competence en matière criminelle,* par Mangin, ouvrage revu, mis en ordre et annoté par Faustin Helie. 2. vol. 8. Paris. 1847. 4 r. 35 c.
- Chemins de fer.* Code annoté, contenant la législation applicable aux chemins de fer en général, etc, par N. Basqua. Un vol. in 8. Paris. 1847. 2 r. 20 c.
- Armorial universel,* précédé d'un traité complet de la Science du blason, par Jouffroy d'Eschavannes, tome 2-e gr. in 8. Paris. 1848. 4 r. 30 c.
- Le même ouvrage en toile, tranche doré. 7 r. 15 c.
- Lettres à une dame sur la charité,* par Dufaut. Un vol. 12. Paris. 1847. 1 r.
- Etudes sur le commerce au moyen age,*—histoire du commerce de la mer noir et des colonies Genoises de la Krimée. par Primaudaie. Un vol. 8. Paris. 1848. 2 r. 20 c.
- Memoires de la société géologique de France,* 2-e Serie t. 1 et 2. in 4. avec pl. Paris. 17 r. 50 c.
- Paleontologie des Coquilles et des mollusques étrangers à la France,* par D'Orbigny. Liv. 1 in 8. avec pl. color. Paris. 1847. prix de la livrais à. 2 r. 30 c.

- Des Eaux relativement à l'agriculture*, par Polonceau. Un vol. 12. Paris. 90 c.
- Récherches sur la végétation appliquée à l'agriculture*, par Bouchardat, un vol 18. Paris. 1847. 65 c.
- Des fumiers considérées comme engrais*, par Girardin. 5-e édition. Paris. 1847. 50
- Traité théorique de la Syphilis*, par Barbe. Un vol. 8. Paris. 1 r. 75 c.
- Traité des maladies des pays chauds*, 1-e partie.—De la Dysenterie et des maladies du foie qui la compliquent, par Combay. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 30 c.
- Annuaire de thérapeutique pour 1848*, publié par Bouchardat. Un vol. in 18. 40 c.
- Annuaire de médecine et de chirurgie pour 1848* public par Wahu. in 18. 40 c.
- Memorial thérapeutique et pharmaceutique des officiers de Santé de l'armée de terre*, par Wahu. Un vol. 18. Paris. 1 r.
- Abregé pratique des maladies de la peau*, par Cazenave. Un fort vol in 8. Paris. 1847. 3 r. 20 c.
- De l'analyse qualitative*, instruction pratique à l'usage des laboratoires de chimie, par Will, trad. de l'allemand. Paris. 1847. 90 c.
- Expériences chimiques et agronomiques*, par Kuhlmann, un vol. 8. Paris 1847. 1 r.
- Leçons d'arithmétique*, par Cirrode, 7-e édition. Un vol. 8. Paris 1847. 1 r. 20 c.
- Leçons de géométrie analytique*, précédées des élémens de la trigonométrie rectiligne et sphérique, par Cirrode, 2-e edet. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 20 c.
- Annuaire du bureaux des longitudes*, pour l'année de 1848. Un vol. 18. 35 c.
- Architecture Toscane, ou Palais, maisons, et autres édifices de la Toscane*, par Gronjean de Montigny. nouv. édition 136 plans in folio. Paris. 18 r.
- Гг. иигородные благоволят относиться съ требованіями своими по вышеозначенному адресу, подписывая на конвертахъ имя книгопродавца.
- =
- Печатать позволяется, 28 іюля 1848 г. Старшій цензоръ *Речфордъ*.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСЬМОЙ КНИГИ.

<p>I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ. Полковникъ Палій и его участіе въ Полтавскомъ сраженіи. Соч. <i>А. Савельева-Ростиславича</i>.</p> <p>Подвигъ фрегата Венера, у береговъ Сициліи, въ 1807 году. Соч. <i>В. Войта</i>.</p> <p>II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА. Внутреннія извѣстія. Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. — Высочайшій рескриптъ, данный на имя главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генералъ-адъютанта князя Воронцова. — О вступленіи Россійскихъ войскъ въ Молдавію и Валахію. — Циркуляръ Россійскимъ Миссіямъ въ Германіи, Государственнаго Канцлера, графа Нессельрода. — Высочайшій манифестъ. — Указы Правительствующему Сенату. — Указъ Господину Военному Министру. — Иностранная извѣстія. Обзоръ современныхъ замѣчательныхъ событій за границею. — (Англія. — Ирландія. — Франція. — Германія. — Венгрія. — Богемія. — Данія. — Італія. — Испанія. — Португалія. — Греція. — Египетъ.)</p> <p>III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Люблю тебя! Соч. <i>Ө. М.</i></p> <p>Добро и зло. Романъ. Соч. <i>П. Фурманна</i>. Часть первая.</p> <p>IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Землемѣръ. Романъ <i>Купера</i>. (Продолженіе)</p> <p>V. НАУНИ И ХУДОЖЕСТВА. Свеклосахарное производство въ Россіи. <i>А. С-каго</i>.</p> <p>VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. Опытъ о народномъ богатствѣ, или о началахъ политической экономіи Соч. Бутовскаго. (Отвѣтъ на нѣкоторыя изъ критикъ). — Систематическое описаніе Помпи. Соч. В. Классовскаго. (Окопчаніе). <i>Барона Розена</i>. — Письма о Магометанствѣ. — О свиданіи за гробомъ. Соч. Иоанна, сочинителя Духовно-врачебнаго ученія. — Сумскій, или нѣчто въ родъ были. Соч. Александры Плохово — Исслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ. Соч. Н. Срезневскаго</p> <p>VII. СМѢСЬ. Письма путешественника къ друзьямъ. Соч. <i>П. Фурманна</i>. — Дѣтство Шекспира. (Разсказъ Тика). — Наполеонъ въ булонскомъ лагерѣ. (Изъ воспоминаній Германца). — Маньяки и ея жители — Необыкновенно-легкая, но вмѣстѣ съ тѣмъ самая невыносимая работа. — Необыкновенное доказательство богатства русскаго языка. — Дешевая покупка. — Нѣсколько словъ о Шатобрианѣ. — Петербургскія моды. — Новыя русскія книги. — Новыя французскія книги.</p>	<p>1—20</p> <p>21—56</p> <p>1—75</p> <p>1—2</p> <p>3—72</p> <p>1—40</p> <p>1—32</p> <p>1—64</p> <p>1—80</p>
---	---

Къ этой книгѣ Сына Отечества приложена парижская картинка модъ.